

Абузар Айдамиров

ДОЛГИЕ
НОЧИ

A-1317e2.

D-43

СЫНУ МАГАМЕДУ,
С ГОРЯЧЕЙ ЛЮБОВЬЮ,
ОГРОМНЫМИ НАДЕЖДАМИ.

Автор

Абузар Айдамиров

А-В

ДОЛГИЕ НОЧИ

Перевод с чеченского

Книга читального зала
районной библиотеки
Итум-Калинского
муниципального района

3669
ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ОТДЕЛА КУЛЬТУРЫ
ИТУМ-КАЛИНСКОГО РАЙОНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО "АГРАФ"
МОСКВА 1996

Д 43(03)

$\frac{И}{Ч}$ (чеченск.)

Текст печатается по изданию:

Чечено-Ингушское издательско-полиграфическое объединение
"Книга", 1990

Вступительная статья

Хожги Гериханова

Долгие ночи: Роман чеченского писателя А.Айдамирова посвящен событиям Кавказской войны 1834-1859 годов: Пер. с чеч.: 592 стр.: 17 ил. Для широкого круга читателей.

ISBN 5-89294-001-2

© Иллюстрации Магомеда Воцаева

© Издательство "Аграф"
по заказу ТОО "Салмус"

© Подготовка к печати
Х.Гериханова, 1996

КОРНИ НАРОДА В ЕГО ИСТОРИИ

Старая кавказская пословица гласит: "Стоя у подножья, гору не разглядишь". Смысл ее конкретизировал Сергей Есенин в своей знаменитой строке: "Большое видится на расстоянии". Обе фразы в равной степени имеют право стать эпиграфом к трилогии чеченского писателя Абузара Айдамирова, в которой он повествует о нелегкой судьбе своего народа.

Роман "Долгие ночи" является первой книгой трилогии. Широкое и многоплановое произведение написано на основе подлинных исторических событий, документов и фактов. Судьбы реальных героев, введенных автором в роман, таких как Маккал, Берс, Арзу, Чора, Мачиг, Айза, Эсет и ряда других персонажей, тесно переплетаются с судьбами знакомых всем исторических лиц — Шамиля, Бойсангура, Лорис-Меликова, Кундухова, Игнатъева, Шамузаева, отчего действия и поступки героев обретают еще большую достоверность и поднимаются до правды жизни целого народа. А для исследования всей этой правды жизни А.Айдамиров делает срезы самых острых, самых переломных, самых критических моментов и поворотов, которыми была и до сих пор остается насыщенной нелегкая, порой трагическая судьба независимого и вольнолюбивого чеченского народа.

Замысел создания исторической трилогии родился у А.Айдамирова несколько десятилетий назад. И продиктованы ее осмысление и творческое воплощение в страницы романов были не столько мотивами, лежащими на поверхности, сколь мотивами внутренними, в чем-то даже спонтанными.

А.Айдамиров окончил исторический факультет Чечено-Ингушского государственного университета. Глубокое проникновение в суть исторических событий и исторических процессов, которыми сопровождалось многовековое развитие и становле-

ние его народа, знакомство с некогда закрытыми архивными материалами, доступ к которым стал возможен лишь после разоблачения культа личности Сталина, понятие истинных мотивов самой сути существовавшей политики в национальных вопросах позволили автору накопить богатый фактический материал для работы над задуманной трилогией. Материал, пропущенный сквозь призму личных впечатлений, лишений и испытаний, выпавших в свое время на долю самого автора.

Дело в том, что в феврале 1944 года, будучи еще подростком, Абузар Айдамиров пережил первую в своей жизни и очередную в истории своего народа трагедию. В результате сфальсифицированных обвинений в "измене родине" и "массовом сотрудничестве с фашистами" чеченцы, ингуши и некоторые другие народности Северного Кавказа были депортированы в Среднюю Азию. Абузар вместе с престарелым отцом оказался в Казахстане, а остальные члены семьи, как стало известно позже, отбывали высылку в Ошской области Кыргызстана. Вновь соединиться семье Айдамировых довелось лишь четыре года спустя.

"Мы все так тосковали по родной земле, — вспоминал впоследствии автор "Долгих ночей", — что порой казалось: нет больше сил терпеть все эти мытарства. И только достоинство и спокойствие старших, их годами проверенное мужество не давали выплеснуть из наших молодых душ неповиновение, стремление расквитаться с теми, кто был виновен в наших бедах".

Лично увиденное им и пережитое, а также рассказы и воспоминания отца и умудренных жизнью старцев навсегда сохранились в сердце будущего писателя. Вот они-то, пожалуй, и стали побудительным мотивом для написания исторической трилогии.

Первая книга — роман "Долгие ночи" — увидела свет в 1972 году, а в 1990 году вышло ее второе издание. Следующий роман — "Молния в горах" — пришел к читателям в 1989 году. Оба произведения были изданы на чеченском языке, с русским же переводом "Долгих ночей" читатели познакомятся впервые.

В романе описываются события, связанные с Кавказской войной 1817 — 1864 годов, особенно с тем ее периодом, когда освободительную войну горцев в 1834 — 1859 годах возглавлял Шамиль, создавший мусульманско-теократическое государство — имамат. Автор раскрывает перед читателями незаурядный, полный внутренних противоречий, а потому и трагический образ Шамиля, дает скупые зарисовки лиц, входивших в ближайшее

окружение имама, и показывает тот политический и жизненный тупик, который ожидает любой народ, когда избранные им предводители совершают посягну на народные интересы личными честолюбивыми замыслами. Очень подробно, раскрывая все тайно действовавшие пружины, Айдамиров рассказывает о так называемом "добровольном" переселении чеченцев в Турцию. Да, действительно, палкой и принуждением туда никого не загоняли. Но весь ужас, вся трагедия заключались в том, что "добровольное", предусмотренное подоплекой дипломатической и политической сделки между правительством царской России и турецкими наместникам султана Османской империи, являясь единственным, хитро замаскированным ходом, оставленным для чеченского народа и приводившим его либо к гибели, либо к превращению в слепое и безмолвное орудие для борьбы со своими же русскими соплеменниками в составе войск турецких приграничных янычар. Как сугубо личной, так и всеобщей трагедией стала для чеченского народа тщательно задуманная и хитро расставленная западня с переселением. Жизни десятков тысяч мужчин и женщины, детей и стариков превратились в жертвенные пешки в предательски разыгранной партии, где выигрыш был заранее определен как для царского правительства, так и для личного обогащения и воплощения в жизнь тщеславных замыслов отщепенцев, предавших свой народ, бросивших его на закланье во имя личных целей и амбиций.

Не будем искать сильные и слабые места в романе. Их анализ лежит уже в компетенции литературоведов и критиков. Здесь же хочется отметить только ту особенность, что, читая страницы романа, ощущаешь некое слияние различных временных пластов. Вот точные и конкретные картины навсегда ушедшего века, а вот картины, которые можно приложить к дню сегодняшнему, к реальным событиям действительности, происходящим на том же Северном Кавказе не сто с лишним лет назад, а нынче, на наших с вами глазах. Почему же так происходит? А потому, что автор убедительно показывает и доказывает нам, что национально-освободительная борьба горцев под предводительством Шамиля против русского царизма не была ни "религиозной", ни "антирусской", ни "инспирированной враждебными России иностранными державами". Это была борьба горских народов за свою свободу, за уважение к себе и к своим обычаям, за право на самоопределение и, наконец, за право свободно и спокойно жить на земле своих предков. Ни о каком национальном

антагонизме, ни о какой "ненависти к русским и ко всему русскому" не могло идти и речи.

Об этом же говорят показанные в романе отношения горцев с русскими и украинскими переселенцами, жившими в долинных частях Северного Кавказа. Об этом же говорит и история одного из героев романа — бывшего русского солдата царской армии Василия Лопухова, который, спасаясь от жестокости жизни и режима царской России, перешел на сторону горцев, принял веру и обычаи чеченцев, имя Васал, женился на чеченке и стал побратимом всему аулу. И вместе с чеченцами Васал, русский по рождению, испытывает все ужасы царской колонизации Кавказа.

Пришедшие к власти большевики при создании концепции своей национальной политики дали достаточно спорную оценку колонизации Кавказа: "Несмотря на колониальный режим, установленный царизмом, присоединение Кавказа к России способствовало социально-экономическому, политическому и культурному развитию его народов".

Плоды подобной концептуальной основы национальной политики мы видим и сегодня — это развал бывшего СССР, и кровавые межнациональные столкновения, следовавшие вслед за ним из-за принятия не до конца продуманных законодательных актов, регулирующих самоопределение народов и их взаимоотношения.

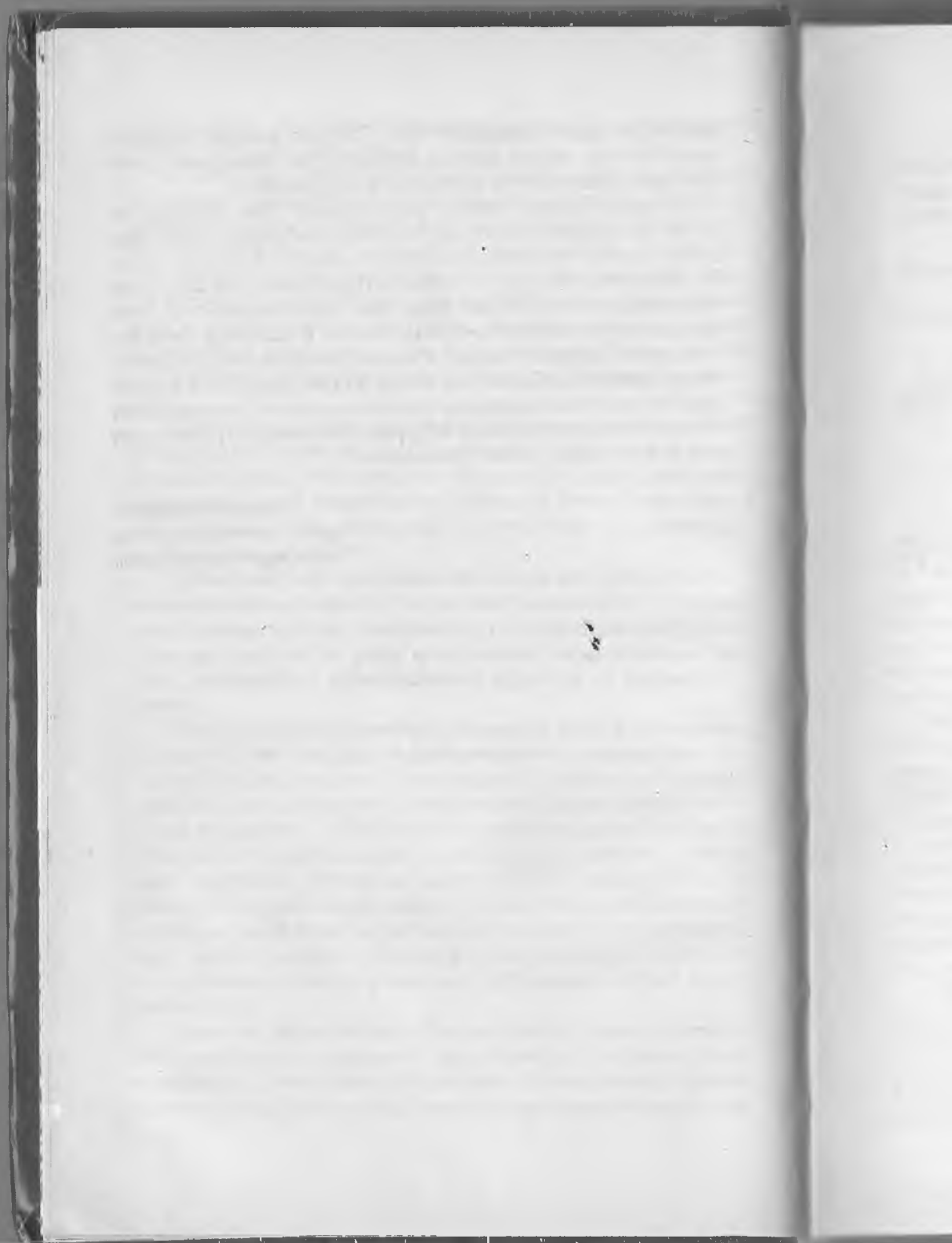
Вот и депортацию чеченцев, ингушей и ряда других горских народов в 1944 году следует рассматривать не только как проявление культа личности и волюнтаризма Сталина, но в равной степени и как проявление провозглашенной национальной политики государства. Вследствие чего тот же закон Российской Федерации "О реабилитации репрессированных народов", принятый тогдашним Верховным Советом РФ 27 апреля 1991 года явился лишь голой декларацией, ни в коей мере не подкрепленной четко разработанным механизмом ее практического претворения в жизнь, начиная с самого больного вопроса — с четкого разграничения их территориальных образований, их прав и обязанностей.

И сегодня древняя чеченская земля вновь истекает кровью, к ней приковано внимание не только россиян, но и всего мирового сообщества. Только спустя больше года боевых действий официальные власти России вынуждены были все-таки признать, что

здесь идет самая настоящая война. Так что, история повторяется? Но если верить мудрому изречению, то повторение истории уже оборачивается фарсом, если не трагедией.

И вновь извечный вопрос: кто виноват? Кто ответит за гибель безвинных жертв этой бессмысленной войны? Бесполезно сейчас искать виновников еще одной трагедии чеченского народа. Время рассудит все. С глубоким убеждением могу лишь констатировать только тот факт, что корни сегодняшних межнациональных конфликтов, столкновений и взаимных притязаний нужно искать не только в национальной политике пришедших к власти большевиков, а потом и демократов, но и в скрытой ее преемственности от политики царского колониализма. Того колониализма, с одним из проявлений которого и знакомит нас роман А.Айдамирова "Долгие ночи".

Хожжа ГЕРИХАНОВ,
член Московского отделения
Союза журналистов России.

**ЧАСТЬ
ПЕРВАЯ**

***ВЫЖЖЕННАЯ
ЗЕМЛЯ***

ЛЮБОВЬ К ОТЕЧЕСТВУ ДОЛЖНА
БЫТЬ ВМЕСТЕ С ТЕМ И ЛЮБОВЬЮ
К ЧЕЛОВЕЧЕСТВУ.

В.Г.Белинский

ГЛАВА I

ВО ВЛАДИКАВКАЗЕ

(вместо пролога)

Наше управление на Кавказе не было совершенно сообразно с местными потребностями и отношениями... И для того, чтобы после Шамиля не явился на сцену новый деятель или он не имел никакого успеха, нужно одно: чтобы вследствие гуманного и справедливого управления горные племена не нуждались более в подобных деятелях.

Н.А.Добролюбов

Беспокойство охватило генерал-лейтенанта Лорис-Меликова уже с утра. Смуглое, со смоляными усами лицо его хмурится. Он то садится за массивный стол и торопливым скрипом пера нарушает тишину кабинета, то подходит к раскрытому окну и подолгу глядит на бесконечные цепи гор, окутанные прозрачной синей дымкой, то вновь мерит шагами кабинет, неслышно ступая по мягкому персидскому коврау.

Чем больше думает он о “кавказском вопросе”, тем сильнее одолевают его тревожные мысли. Ведь если следовать мнению большинства русских политиков, то война на Кавказе закончилась и нет причин для новых тревог и волнений. Однако на деле все складывалось совсем не так, как виделось в далеком Петербурге. Мир и спокойствие края — еще только желаемый, а не свершившийся факт. На сей счет он, Лорис-Меликов, не заблуждался, нет... И поэтому его бесят верхоглядство и беспринципность людей, находящихся на государственной службе, упорно не желающих замечать действительного положения вещей, их тупость, доходящая до идиотизма.

— Нет, действительно, это самый настоящий идиотизм, — цедит сквозь зубы Михаил Таризелович, все сильнее раздражаясь. И не разобрать, на кого он больше злится: на горцев, что никак не хотят покориться, или на тех, кто навязывает ему свою волю. Скорее всего на свою беспомощность, бессилие что-либо изменить и предотвратить надвигающуюся гро-

зу. Опасения его не беспочвенны — тишина в крае обманчива.

И года нет, как он управляет Терской областью. После покорения Чечни он здесь уже третий. Всего лишь за четыре года. А что сделали его предшественники? Ничего! Да и не могли. Теперь надежда на него, Лорис-Меликова. Государь надеется на его опыт, дальновидность, верит, что он наведет порядок в Чечне. и вот уже почти год ломает он голову, но тоже никаких сдвигов. Что, если и ему придется уйти ни с чем, как и его предшественникам: графу Евдокимову и князю Святополк-Мирскому?

Михаил Таризлович мерно шагает по кабинету. Руки за спиной, пальцы крепко сцеплены. Он словно слышит голос Великого князя, его напутственные слова:

— В самое пекло направляем мы вас, Михаил Таризлович, — тоном душевной беседы говорил Михаил Николаевич. Но в этом ровном мягком голосе чувствовался характер человека, привыкшего повелевать. — Да, в пекло. Каковым и является Чечня. Племя это долее прочих сохранило возможность к сильному сопротивлению. И всегда оказывало его самым упорным образом. Первые экспедиции и наши столкновения с этим народом, в которых мы потратили столько средств, времени и доблести русского солдата, в сущности, мало возымели влияния на вопрос окончательного покорения его нашей власти. Мы на деле испытали всю бесплодность борьбы с чеченцами, которые пользовались закрытой местностью Сунженской долины и предгорий, чтобы наносить нам потери, избегая в то же время решительного боя. Поэтому мы по необходимости прибегли к уже испытанной веками системе заселения окраин государства казаками.

— Ваше высочество, позвольте добавить, — вежливо перебил наместника начальник Главного штаба Карцов. — Земли, отнятые нами у чеченцев, не имеют важности ни в политическом, ни в военном отношении. Чеченцы сохранили за собой то положение, в котором они еще не скоро подчинятся нашей власти.

— Согласен с вами, Александр Петрович. — Оставляя чеченцев в такой ситуации, не следует верить в скорое спокойствие на Кавказе. Четыре года назад мы стали считать край побежденным. И до сей поры пребываем в этом заблуждении. А за это время чеченцы дважды восставали, и восстания не

успели распространиться на равнину только потому, что тогда в области были сосредоточены сорок шесть батальонов пехоты, три донских полка и один драгунский. Но мы не можем удалить оттуда хотя бы треть воинских частей, поскольку Чечня все эти годы таит в себе грозную опасность. Словом, сегодня следует смотреть на чеченцев и правительство, как на две стороны, стоящие друг против друга, из коих победившая не пользуется плодами своей победы, а побежденная, сохранив оружие и силы, выжидает удобного случая для возобновления борьбы. Повторяю, дорогой Михаил Тариэлович, Его Величество поручает вам самый трудный, самый ответственный и болезненный участок империи. От ваших мудрых действий зависят мир и спокойствие на Кавказе. Пока у нас мирные отношения с западными державами. Но Бог знает, сколько времени они продлятся. В случае внешней войны, нам придется перебрасывать половину войск на другой театр действий. И нет уверенности, что Чечня не взбунтуется. Поэтому прошу Вас, Михаил Тариэлович, в ближайшее время навести там порядок: Александр Петрович вручит вам копию инструкций по чеченскому вопросу, недавно представленную Его Величеству. По прибытии на место ознакомьтесь с ними и действуйте по своему усмотрению. Да поможет вам Бог.

“Бог здесь не поможет, — думает Михаил Тариэлович. — Как говорится, на Бога надейся, а сам не плошай. Нужны сила и хитрость. Кнут и пряник”.

Да, правительство до сих пор не может вести себя в Чечне как победитель. Это больше чем кому-либо ясно Михаилу Тариэловичу. Дело в том, что чеченцы прекратили сопротивление и якобы покорились на определенных условиях. От имени правительства фельдмаршал Барятинский заключил с ними своеобразный мир. Наместник принял обязательство оставить им оружие, не брать в солдаты, сохранить за ними все земли, обычаи, традиции народа, не притеснять веру.

После пленения Шамиля правительство решило, что покорение Кавказа завершилось, и приступило к созданию военно-колониального режима в Чечне. При этом оно совершенно забыло об обязательствах, принятых Барятинским. Горцам не только не вернули земли, ранее отнятые у них и отведенные под казацкие станицы и военные укрепления, но и вытеснили с оставшихся земель, загнав их в леса и бесплодные горы. Отнятыми же у горцев землями наградили князей

соседних племен, чеченских офицеров, духовенство и торговцев, помогавших усмирению края. Разоренный долголетней истребительной войной, а теперь и оставшийся без земли народ дошел до нищеты. Он не имел возможности ни вернуться к своей довоенной хозяйственной жизни, ни перестроить ее сообразно новым порядкам.

Доведенные до отчаяния люди восстали. Восстание началось в мае 1860 года в Ичкерии и быстро распространилось по всей нагорной части Чечни. Возглавили его шамилевские наибы* Бойсангур, Атаби и Умма. Им удалось нанести чувствительные удары по карательным отрядам. Отчаянное сопротивление восставших длилось девятнадцать месяцев. Однако многочисленные войска, направленные российскими властями, подавили его со всей жестокостью. В феврале 1861 года был схвачен раненый Бойсангур, после чего к Святополк-Мирскому добровольно явились Атаби и Умма. Бойсангура казнили в Хасав-Юрте, его семью и ближайших соратников сослали в Сибирь. К двум другим руководителям восстания отнеслись несколько снисходительнее, отправив на вольную ссылку: Атаби — в Порхов Псковской губернии, а Умму — в Смоленск.

И наступила тишина. Но тишина предгрозовая и недолгая.

Многолетняя война и деспотическая власть Шамиля и его наибов довели горцев до нищеты, почти до физического истребления. Народ устал. А Шамиль, его наибы и духовенство постоянно призывали к газавату**, обещая людям счастье в ином мире. Народ же мечтал о мире и спокойствии.

Именно в этот момент снова появился проповедник Кунта-Хаджи, изгнанный в свое время Шамилем. И вновь начал он распространять в Чечне ученье кадыри.

Кунта-Хаджи выступал против всякой войны и насилия, против кровной мести, призывал к нравственному совершенству, единству, братству, к полной покорности властям и терпению, запрещал курение и употребление хмельных напитков. Он утверждал, что мир и равенство на земле нельзя установить путем войн и кровопролитий, их может дать лишь всемогущий Аллах, а потому и следует положиться во всем на Всевышнего.

* Наиб — военачальник (чеч.).

** Газават — священная война (чеч.).

— Не слушайте самозванных шейхов* и имамов, призывающих вас к войне, — говорил он, — не проливайте людской крови. Не поднимайте оружие против русского царя: он действует по воле Аллаха. Если вам велят носить крест — носите его. Ведь это лишь металл. Если вам прикажут посещать церковь — идите. Это же просто дом. Лишь бы в сердцах вы сохранили веру в Аллаха и пророка, а все остальное вам простится. За оружие беритесь только в крайнем случае, когда гяуры** затребуют для развлечений ваших женщин.

Учение Кунта-Хаджи шло вразрез идеологии “священной войны”, которой придерживались сторонники Шамиля. Они проповедовали войну с иноверцами, а Кунта-Хаджи — классовый, национальный и религиозный мир, покорность властям. Окружение Шамиля стремилось к богатству и роскоши, а Кунта-Хаджи, выходец из народных низов, сам бедняк, призывал жить скромно, честным трудом. И измученные, изуроченные войной, доведенные до грани физического истребления, потерявшие надежду на возврат прежней жизни люди охотно примыкали к народному шейху, что могло стать серьезной угрозой идеологической основе имамата Шамиля. Имам стал всячески притеснять Кунту-Хаджи и, наконец, в 1859 году тот вынужден был отправиться в Мекку.

Первое время администрация края не мешала деятельности Кунта-Хаджи, поскольку он проповедовал мир, покорность царю и властям. Однако вскоре часть последователей Кунта-Хаджи объединилась в крупную религиозную секту. Они использовали учение устаза*** в своих корыстных целях. Среди них были и прославленные воины и военачальники Шамиля, в свое время выступившие против жестокости колониальной политики царизма; без ведома Кунта-Хаджи они стали создавать из секты слаженную военную организацию, тщательно готовя ее к будущему восстанию. Разделив Чечню на восемь районов и поставив во главе каждого по наибу, они практически установили свое, не зависимое от царской администрации, управление в аулах. Изготавливались оружие и порох, под видом спортивных игр проводилось обучение молодежи во-

* Шейх — Ученый, наставник (чеч.).

** Гяур — человек немусульманского вероисповедания (чеч.).

*** Устаз — религиозный, духовный наставник (чеч.).

енному делу. Волнения среди мюридов* кунта-хаджийцев сделали обстановку еще более напряженной. Верные царю мullahы доносили о готовящемся восстании. Из Тифлиса Лорис-Меликову несколько раз напоминали о том, что начальство сочло бы за лучшее убрать Кунту-Хаджи с Кавказа. Но Лорис-Меликов не соглашался. Арест устаза, по его мнению, кроме неприятностей ничего не давал: во-первых, сам Кунта-Хаджи и его проповеди, в сущности, безвредны; во-вторых, уберешь его — и освободившееся место может занять другой, более деятельный и мятежный человек, что куда опаснее.

Верил ли Лорис-Меликов внешнему спокойствию, царившему в крае последние два года? Нет, не верил. Ведь из донесений лазутчиков ему было известно о брожении умов в Чечне. Им получив сообщение о том, что во время своей последней поездки в Мекку Кунта-Хаджи якобы встретился с чеченскими, черкесскими, кабардинскими и осетинскими эмигрантами и вступил с ними в тайный союз, он отдал приказ арестовать Кунту-Хаджи. Возмущенные мюриды немедленно отправились к Шалинскому редуту и потребовали освобождения устаза.

Опасаясь, что эта мирная манифестация может вылиться в восстание, в Шали спешно отправили генерал-майора князя Туманова с шестью батальонами пехоты при четырех орудиях и с четырьмя сотнями казаков. Орудийные залпы рассеяли толпу, оставив на земле сто шестьдесят четыре убитых, среди которых оказались и шесть женщин.

Этими мерами Михаил Тариелович не ограничился. Спустя неделю в крепость Грозную собрали наибои и наиболее уважаемых людей Чечни. От них потребовали немедленно выдать зачинщиков шалинского дела и всех тех, кто ранее был намерен для отправления в ссылку, а также запретить зикр**. За проступок одного человека отвечал целый аул. На исполнение требования отводился недельный срок. В противном случае Лорис-Меликов грозился уничтожить все аулы. По его приказу войсковые подразделения были приведены в полную боевую готовность.

* Мюрид — послушник, последователь шейха (чеч.).

** Зикр — радение мусульманских сектантов (чеч.).

По личному указанию Лорис-Меликова наиболее авторитетные муллы и кадии* подготовили проповеди, содержание которых было согласовано заранее, и в сопровождении особых приказов разослали их по аулам и мечетям. Для поддержания порядка пришлось перебросить в Чечню новые воинские части с Кубани.

Чечня созрела для взрыва. Горцы прекрасно знали о взаимоотношениях России с западными державами и о событиях в Польше. Сотни чеченских офицеров и переводчиков, ежедневно общаясь со ссыльными поляками, служившими в области, жадно ловили рассказы последних и несли их в народ. Чтобы обуздать и удалить непокорных из края, Михаил Тариэлович предложил Тифлису набрать из чеченцев полк и отправить его на подавление польского восстания. Но из этой затеи ничего не вышло.

* * *

«Переселить бы их всех в Турцию, — подумал Михаил Тариэлович. — Счастливчик же граф Евдокимов. Сумел вырваться из этого осинового гнезда и осесть в Кубанской области. Да еще отделаться от всех этих шапсугов, бжедухов, убыхов и прочих дикарей, выпроводив их в Турцию. Хитрая бестия, что и говорить!»

Переселение горцев в Турцию поощрялось еще при Ермолове. Таким образом царское правительство стремилось сократить численность горского населения, одновременно заселяя освободившиеся земли казаками.

На переселение ушло года два. Михаил Тариэлович вспомнил совещание в Тифлисе, на котором присутствовал Великий князь Михаил Николаевич, князь Барятинский, князь Орбелиани и граф Евдокимов. Вопрос тогда стоял так: либо горцы переселятся на бесплодную и болотистую равнину, либо в Турцию.

— От этого зависит дело окончательного покорения восточного побережья Черного моря. Я думаю, горцы отдадут предпочтение Турции, — высказал свое мнение Михаил Николаевич.

— Надо переселить их туда, — добавил фельдмаршал Барятинский. — Не теряя времени и сколько возможно. Очистив край от них, мы утвердим свое положение навсегда.

* Кади — духовный судья у мусульман (чеч.).

— Я поддерживаю мнение Его Сиятельства, — сказал граф Евдокимов. — Переселение горцев в Турцию, несомненно, важная государственная мера, способная закончить войну в кратчайший срок и без большого напряжения с нашей стороны. Эта мера даст нам возможность свободно развивать колонизацию в предгорьях.

— А согласится ли турецкое правительство принять их в пределы своей империи? — засмеялся Великий князь.

— Я думаю, их примут с большой радостью.

Все было ясно и просто. Так просто, словно горцев отправляли на свадьбу. В Константинополь, на переговоры с турецким правительством о приеме переселенцев в Османскую империю, решили послать его, Михаила Тариевича.

В 1860 году вместе с русским поверенным в Константинополе А.Б.Лобановым-Ростовским ему удалось добиться согласия турецкого правительства принять триста тысяч татарских и ногайских переселенцев из Крыма и три тысячи кавказских горцев.

Для начала это был большой успех. Крым сразу покинули двести тысяч жителей. Вслед за ними потянулись ногайцы. Но с горцами возникли осложнения — их пришлось принуждать к переселению. Турки хотели расселить их вдоль русско-турецкой границы, как настойчиво советовали им хитрые англичане, но русское кавказское начальство было категорически против. Особенно Евдокимов.

— Если турецкое правительство расселит их вдоль нашей южной границы, то там появится тот же неприятель, с которым мы никак не можем окончить войну на Северном Кавказе! — возмущался он.

10 мая 1862 года состоялось высочайшее утверждение постановления Кавказского комитета о переселении горцев.

И началась величайшая трагедия в истории кавказских горцев.

После умирения Чечни и Дагестана, видя бесполезность сопротивления, заявили о своей покорности и закубанские горцы. Но правительству этого было мало. Горцы оказались перед выбором: или переселиться к Кубани, безусловно подчинявшись колониальному управлению, или переехать в Турцию. Но оставить свои плодородные земли ради бесплодных равнин Причерноморья и болотистых низменностей Большой Лабы было для горцев равносильно смерти. Племена, отка-

завшиеся принять ультиматум, вытеснялись войсками шаг за шагом с равнины — в предгорья, из предгорий — в горы, с гор — на берег моря. И полмиллиона западных горцев, перенесших все ужасы истребительной войны, страшные лишения, голод, поваральные болезни, очутившись на берегу, вынуждены были искать спасения в Турции.

Горцы уходили с обжитых мест, покидали свои жилища, оставляли скот и запасы хлеба, а иногда и неубранные нивы. Не многим удавалось продать за бесценок свое имущество. Почему за бесценок? А как же может быть иначе, если несколько сотен тысяч людей продают его одновременно! Цены упали. Особенно на оружие и скот, которые турецкое правительство запретило горцам брать с собой в чужие земли.

Очевидцы рассказали Михаилу Таризовичу об ужасном положении переселенцев, месяцами ожидавших на берегу судов для перевозки в Турцию. Наступление холодов, почти полное отсутствие средств к существованию и вспыхнувшие эпидемии тифа и оспы сделали положение горцев невыносимым. Прямо на берегу моря лежали растерзанные одичавшими собаками трупы детей, женщин и стариков. Измученные голодом и болезнями переселенцы, едва передвигавшие ноги, живо становились легкой добычей таких же голодных псов. Турецкие шкиперы обращались с горцами, нанимавшими их посудины, чтобы добраться до берегов Малой Азии, как с грузом: при малейшем признаке болезни людей без всякой жалости бросали за борт. Волны выносили трупы несчастных к берегам Анатолии.

Царская казна выделила горцам около трехсот тысяч рублей. Большая часть денег была истрачена на оплату проезда переселенцев, а часть осела в карманах вороватых чиновников, и только крохи достались самим репатриантам.

Ходили слухи, что у многих барок, перевозивших горцев, были заранее пробуравлены днища. Выходя в море, барки топили, а оставшиеся беспризорными деньги также попадали в карманы чиновничества.

Многие переселенцы погибали в волнах Понта Эвксинского, рассказывали очевидцы Михаилу Таризовичу. Грустная участь... Но она все-таки менее достойна сожаления, чем участь достигших турецкого берега. Гордые орлы кавказских гор от голода и неустроенности тысячами гибнут на улицах турецких городов.

Но самым трагическим и безнравственным было то, что кое-кто старался извлечь иезуитскую выгоду из горя людей. Царское правительство из военно-стратегических соображений стремилось очистить край от свободолюбивых, воинственных, непокорных горцев для его более широкой колонизации. Порта же хотела привлечь горцев в Турцию, чтобы впоследствии использовать их при подавлении национально-освободительного движения внутри самой Османской империи, а также в случае военных действий против России. В этом турок поддерживали европейские державы, ибо горцы в глазах Европы были лишь средством для противодействия России, и при использовании этого средства ни Европа, ни Турция не проявляли даже намека на жалость.

Содействовали переселению горцев даже местные феодалы и духовенство. Напуганные крестьянской реформой в России, они заспешили в Турцию, увлекая за собой подданных им крестьян, видя в деспотическом строе Турции идеал того политического и религиозного устройства, при котором и они могли сохранить собственные феодальные права и привилегии.

Действительно, в то время как переселенцы массами гибли по пути в Турцию и в самой Турции, феодалы и духовенство сумели устроиться неплохо. Многие из них впоследствии получили высокие государственные, военные и религиозные должности и стали жить даже лучше, чем на покинутой родине.

Да, уж кто-кто, а Михаил Тариевич хорошо осведомлен о судьбе горских переселенцев. И он искренне, чисто по-человечески жалел их. Однако интересы империи были для него превыше всего, даже человеческих чувств. И ради империи он готов был отправить на чужбину вслед за чеченцами и остальных горцев.

Но сомнения не покидали его. Сколько, например, труда вложил он в переселение закубанских горцев, а награды достались другим. Это было тем более неприятно, что счастливым оказался Евдокимов. Выскочка. Тупой солдафон...

А здесь левый фланг, где никогда не было мира. И не будет. До тех пор, пока всю Чечню не поставят на колени. Так пророчески предсказал еще А.П.Ермолов почти полвека тому назад.

«Эти чеченцы — сильнейший и опаснейший народ, — писал он. — Сверх того, ему вспомоществуют и соседние народы. И не потому, что они любят чеченцев и ненавидят нас, а из боязни, что чеченцы, попав под власть русских, повлекут и их за собой под тяжелую русскую ладонь. Что там Кабарда? Конечно, кабардинцы своими несносными шалостями вызывают на бой, но их должен пока терпеть, ибо занят гораздо опаснейшими злодеями — чеченцами. При укусе змеи жало комаров не так уж и чувствительно. Спокойствие и безопасность в крае могут быть тогда, когда будут заняты земли по правому берегу нижнего течения Терека. Это они, чеченцы, возмущают весь Кавказ. Проклятое племя! Общество у них не так многочисленно, но чрезвычайно умножилось в последние несколько лет, ибо принимает к себе дружественных злодеев всех прочих народов, оставляющих землю свою после совершения каких-либо преступлений. И не только. Даже наши солдаты бегут именно в Чечню. Их привлекают туда совершенное равноправие и равенство чеченцев, не признающих в своей среде никакой власти. Эти разбойники принимают наших солдат с распростертыми объятьями! Так что Чечню можно назвать гнездом всех разбойников и притоном наших беглых солдат. Я этим мошенникам предъявлял ультиматум: выдать беглых солдат, или мицение будет ужасным. Нет, не выдали ни одного солдата! Приходилось истреблять их аулы. Сего народа, конечно, нет под солнцем ни гнуснее, ни коварнее. У них даже и чумы не бывает! Я не успокоюсь до тех пор, пока своими глазами не увижу скелет последнего чеченца».

Так же рассуждал и преемник Ермолова фельдмаршал Паскевич, направленный на Кавказ Николаем I с предписанием «усмирить навсегда горские народы или истребить непокорных».

«Нет сомнения, что мелкие владельцы скорее могут быть покорены обещанными им выгодами, — жаловался он императору. — Но покорение вольных племен, ни от какой власти не зависящих, представляется большой трудностью. Одна лишь мысль — лишиться дикой вольности и быть под властью русского коменданта — приводит их в иступленное бешенство».

Да, у проконсула Кавказа Алексея Петровича Ермолова была поистине мудрая голова. Жаль только, что государь отомстил его, сделав вдобавок ему выговор за чрезмерную жесто-

кость, а то бы он своей беспощадной рукой давным-давно смирил бы проклятую Чечню.

Евдокимову в Кубанской области повезло. Прижал он горцев к морю. Михаилу Таризеловичу вспоминались лицемерные строки из донесения Евдокимова на имя наместника: *«Задача кавказской армии идет к концу. Горцы, согнанные нами на узкую полосу вдоль моря, при дальнейшем наступлении наших войск окажутся в безвыходном положении. Немногие из них захотят оставить величественную природу родного края, переселиться в прикубанскую степь. Поэтому наше человеколюбие и желание облегчить задачу нашей армии заставляют нас открыть им другой путь: переселение в Турцию».*

Прочитав эти строки, кавказское начальство прониклось жалостью к горцам.

— Всякое противодействие намерению горцев удалиться из отечества, — сказал тогда исполнявший обязанности наместника князь Орбелиани, — при том крайнем положении, в которое они поставлены действиями наших войск, было бы по отношению к ним только излишней жестокостью. Надо графу Евдокимову позволить горцам переселиться в Турцию. Не знаю только, как эта многотысячная масса переправится за море?

Выход нашел начальник Главного штаба Карцов:

— Поскольку переселение проходит согласно нашим видам и может ускорить окончательное покорение и колонизацию всего Кавказа, мы должны всеми средствами облегчить им выселение. Думаю, не стоит препятствовать турецким судам приставать к любому пункту берега, населенного горцами, а также не останавливать их, если на обратном пути они будут забирать переселенцев.

— Но не кажется ли вам, Александр Петрович, что одних турецких судов будет недостаточно?

— Подключим суда нашего торгового и военного флота. А может, и западные державы помогут.

— Вполне возможно, — согласился Григорий Дмитриевич. — Ведь они не меньше нашего заинтересованы в этом.

К счастью Евдокимова, все складывалось как нельзя лучше. Не только турки, но и англичане, французы, итальянцы и греки предоставили свои суда. Живыми ли, мертвыми ли, но

Евдокимов удалил полмиллиона горцев! А он, Михаил Тариевич, не может отправить за кордон даже и двадцати тысяч чеченцев.

Нет, везет Николаю Ивановичу! Поистине, он родился под счастливой звездой. Сын фейерверкера, рядовой солдат, затем Койсубулинский пристав, человек малограмотный, но хорошо знающий обычаи, быт горцев, он быстро сделал карьеру, дослужился до генеральского чина и графского титула.

Конечно, царь потому и отмечал Евдокимова. Когда войска не смогли силой оружия сломить сопротивление горцев, Николай Иванович с еще большей жестокостью возобновил всеми забытую ермоловскую военную тактику. Алексей Петрович работал в Чечне топором, а Евдокимов — огнем. Сначала делая набег, а потом шаг за шагом продвигаясь все дальше в глубь Чечни, он сжигал все, что попадалось ему на пути, — аулы, сады, леса... Если что-то мешало угнать скот, то его просто истреблял.

Девиз Евдокимова «выкурить горцев» стал такой же программой, как некогда девиз Ермолова — «вырубить леса».

— Не вступайте с чеченцами в бой, — наставлял Евдокимов своих офицеров, — наоборот, избегайте этого. Уничтожьте аулы, леса, зерно, урожай, пастбища, скот и отступите. Голод и холод рано или поздно заставят их сдаться. Огонь, огонь и еще раз огонь!

В последние годы войны Евдокимов все больше внимания уделял лазутчикам. Он разработал систему оплаты предательства: столько-то за информацию, столько-то за побег от имама, за выступление против имама, за нейтралитет, за сданную пушку... Одним словом, граф Евдокимов создал для горцев своеобразную школу морального разложения. Что ж, графу удалось сделать в этом направлении определенные успехи. По словам Барятинского, граф был неплохим учителем, хотя и не без греха: нечистым на руку, да к тому же взяточником.

В конце концов Михаилу Тариевичу стало стыдно за себя: до чего дошел — завидовать карьере какого-то беспринципного, жестокого и вороватого солдафона!

Нет, Михаил Тариевич, потомственный дворянин, не опустится до такого. Евдокимов работал грязными руками, но не головой. А Михаил Тариевич себя еще покажет...

...Михаил Таризлович стоит у окна, наблюдая, как пенятся белоснежные облака на вершинах гор. В густой листве тополя воркуют голуби. С гор веет прохладой. Он поднимает плечи и встряхивает головой, как бы отгоняя от себя мрачные мысли. «Хорошо бы в тень, под дерево...» Но в ту минуту открывается дверь и входит начальник штаба полковник Свистунов. Лорис-Меликов невольно залюбовался его стройной фигурой.

— Пакет из Главного штаба, ваше превосходительство.

— Положите на стол, — кивнул Лорис-Меликов. — Что сообщают из Чечни?

— Имеются донесения начальников Ичкеринского и Аргунского округов.

— Ну и что нового?

— Все то же. Непокойно в Нагорной Чечне. Если судить по сообщениям, в народе зреет восстание. К счастью, возмутителей поддерживает только молодежь. Старшее поколение не уверено в успехе.

— Было бы логичнее, если идея исходила от старшего поколения. Значит, молодежь верит в успех, любезный Александр Павлович? Это опаснее.

Оба с минуту молчат.

— Будут ли какие указания?

— Нет, благодарю вас.

Когда за полковником закрывается дверь, Михаил Таризлович подходит к столу, покрытому блестящим черным лаком, и грузно опускается в глубокое мягкое кресло с высокой спинкой. Медленным движением он срывает сургучные печати, перочинным ножом разрезает конверт и листает сложенные вчетверо листки бумаги. Протерев чистым батистовым платком стекла очков в золотой оправе и водрузив их на длинный, мясистый нос, он бегло просматривает вступление, а затем внимательно читает:

«...Начево отметить, что не все части Восточного Кавказа одинаково нам враждебны и одинаково для нас опасны; следовательно, не все они требуют одинаково строгих мер предосторожностей. В западном отделе Терской области разноплеменная населенная, давняя привычка к русскому управлению, а частью и разность религий населенная делают власть нашу почти упроченной; тут возможны только частные, мелкие беспо-

рядки. В округе Кумыкской — и свойство местности, повсюду ровной, и быт народа, достигшего под нашим управлением весьма значительной степени благосостояния, также устраняют опасность восстания.

Дагестан же находится в ином положении, искони воинственное и фанатичное население его ненавидит нас, может быть, более, чем кто-нибудь другой. Скучная, суровая природа страны подает мало надежд на развитие материального быта населения и на смягчение нравов его. Но эта же природа и сложившийся быт народа облегчают нам управление данным краем и позволяют удерживать его в повиновении. Природа приучила дагестанцев к труду. Здесь, на скалистых горах, каждый клочок земли, способный к обработке, добытый потом и кровью поколений, передаются из рода в род и составляет единственное средство обеспеченного существования семьи. По всем этим причинам, никак не рассчитывая на преданность нам дагестанского населения, мы можем, по крайней мере, надеяться, что восстание в Дагестане не произойдет.

К сожалению, ни одного из тех факторов, которые упрочивают нашу власть в Дагестане и в двух крайних отделах Терской области, не существует в среднем отделе последней, населенном чеченским племенем. Тут, наоборот, все против нас: и характер народа, и быт его, и местность. Продолжительная война, которую чеченцы вели, не возвысила и не улучшила их характера; поставленные между ударами наших войск и деспотической властью Шамиля, не имея сил ни защищаться от нас, ни свергнуть шамилевское правление, чеченцы в течение 20 лет старались только увертываться от грозивших опасностей, употребляя свое оружие и разные ухищрения то против одной, то против другой стороны, и всегда друг против друга. В этой странной двойной войне и непрекращающейся междоусобице они утратили почти всякое понятие о долге, об уважении к собственности, о святости данного слова. Привычка к опасностям и хищничеству развилась в них до такой степени, что сделалась почти потребностью. В течение 20 лет ни один из чеченских аулов не был уверен в том, что он останется на месте до следующего дня: то наши войска уничтожали их, то Шамиль переносил на другие места по мере наших движений. Благодаря необычайному плодородию почвы народ не погиб от голода, но утратил всякое понятие об элементарных удобствах жизни. Демократизм у них

всегда был доведен до крайних пределов: они не имели не только понятия о сословиях и наследственной власти, но и понятия о какой бы ни было власти вообще. В языке чеченцев нет слова «приказать»...

— Написал бы короче: сумасшедший народ, — глубоко вздыхает Лорис-Меликов. — И только могила его исправит...

«...При таком характере и полном отсутствии общественных связей чеченцы занимают и местность, наиболее благоприятную ко всякого рода беспорядкам и мятежам. В течение продолжительной войны мы отняли у них много земли, но такой, которая теперь не имеет важности ни в политическом, ни в военном отношении. Они владеют всеми лесистыми ущельями Черных гор, имеющими значение крепостей, горными труппами Аргунского и Ичкеринского округов и через них выходят на непосредственную связь с Дагестаном. Здесь находят безопасное убежище все их абреки.

Сознавая опасность такого положения Чечни, граф Евдокимов вслед за покорением Восточного Кавказа предложил отделить ее от гор линией станиц и укрепленных штаб-квартир, расположенных у выходов из ущелий Черных гор».

— Ну и ну! — качает головой Михаил Тариэлович. — Все самые хорошие замыслы Карцов приписывает себе и графу Евдокимову...

«...Чеченцы поняли, к чему склонились эти меры, и решили им противодействовать силой — произошло восстание в Ичкерии и Аргунском округе: во всех лесах появились значительные шайки абреков. Но восстания эти были подавлены, наиболее виновные в них общества Аккинское и Беноевское поселены на равнину; карабулакам приказано было переселиться в Малую Кабарду. Нет сомнения, что энергичное продолжение принятой системы действия привело бы к цели, хотя и не без затруднений, может быть, немаловажных. Но, к сожалению, граф Евдокимов, по причине назначения его командующим войсками Кубанской области, не мог лично заняться исполнением предложенных им мер. Назначенный вместо него командующий войсками Терской области генерал-лейтенант князь Святополк-Мирский не раз-

делал его убеждений: он полагал, что уже настала пора действовать в Чечне мерами кротости и что для того, чтобы прекратить навсегда их замыслы, достаточно внушить горцам доверие к нам. Он, отклонив малокабардинцев от переселения в Турцию, объявил чеченцам, что дальнейшее заселение станиц отменяется, что земли, которые для станиц предназначались, останутся их собственностью: аккинцам и карабулакцам позволил возвратиться на прежние места. Эти меры князя Мирского поставили и чеченцев, и казаков 2-го Владикавказского полка в такое положение, в котором ни те, ни другие долго существовать не могут. Начав приводить свой план в исполнение, граф Евдокимов, как выше сказано, выселял чеченцев из гор на равнину...»

— Опять вранье! Выселение их на равнину происходило не при графе Евдокимове!

«...Земли же, оставшиеся свободными, занял казачьими станицами в намерении выдворить чеченцев в Кабарду. Но так как кабардинцы остались, то теперь все население Чеченского округа стеснилось на пространстве 70 квадратных миль. При такой местности не только развитие хозяйства, но даже существование народа не может считаться обеспеченным. Теперь не проходит весны, чтобы аулы во время начала полевых работ не начинали споров между собой из-за двух-трех десятин, споров, кончавшихся всегда схватками и убийствами. Многие из нуждающихся в земле тайком уходят в горы и устраиваются в трупцобах, откуда были выселены, и приходится вновь изгонять их оттуда силой оружия».

— Выходит, что и здесь все успехи мы добыли благодаря Евдокимову, — усмехнулся Лорис-Меликов. — А меня отодвигает в тень. Если Евдокимов, действительно, имел те замыслы, которые приписывает ему Карцов, то почему же он назначил Кундухова начальником Чеченского округа? Правдоподобнее допустить, что восстание Аргунского и Ичкеринского округов встревожило его и назначением Кундухова граф пожелал угодить чеченцам.

«...Чтобы выйти из этого неопределенного, но тяжелого для нас положения, представляются два способа действий: первый

— решительный, ведущий прямо к окончательному уничтожению возможности восстания в будущем, заключается в переселении всех чеченцев на левый берег Сунжи и Терека, а также в Малую Кабарду, а станиц 1-го и 2-го Сунженских полков на места чеченцев, чтобы занять всю линию предгорий от Верхней Сунжи до Качкалыкского хребта, и таким образом отделить Чечню от горных округов Терской области и Дагестана. Исполнив это, мы окончательно и навсегда успокоили бы себя не только в Терской, но и в Дагестанской области. Отрезанный от продовольственной базы Чечни Дагестан не посмел бы никогда восстать против нас. Но, чтобы исполнить этот план, нужно быть готовым встретить и преодолеть отчаянное сопротивление.

Второй путь — это по мере возможности постепенное переселение чеченцев в Турцию.

Исполнение всех этих предложений потребует не менее пяти или шести лет при непременно условии, чтобы в течение этого времени мы имели в Терской области достаточное число войск, во всякую минуту готовых к действию, и чтобы в течение этого времени не было внешней войны. Но и при таких условиях нельзя ручаться, что не произойдет вспышки от каких-либо случайных непредвиденных обстоятельств. В таком случае уже достоинство нашей власти и поддержание ее в глазах других кавказских народов требуют решительных мер, и на подобный случай необходимо предоставить главнокомандующему право привести в исполнение первое предложение, то есть переселение всех чеченцев на Сунжу, чтобы раз и навсегда положить предел возможности восстания...»

— Теперь все это мне известно лучше, чем вам всем вместе взятым, — подумал Михаил Тариелович. — Заселили казаков, понастроили военных укреплений где попало, не заботясь о последствиях. Надо было тогда думать, милостивые государи. Заселение казачьих станиц сделано для достижения частных военных целей. Главная же цель оказалась упущенной. Вот и вышло, что русское население беспорядочно смешалось с туземным и не может оказывать того решительного влияния, какого от него следовало бы ожидать. Теперь придется все менять. А этого нельзя сделать без кровопролития. И все беды и заботы свалились на мою голову...

Михаил Таризлович складывает вчетверо послание и
первно сует его в казенный конверт.

— Ладно, утро вечера мудренее, — бормочет он, пряча кон-
верт в стол.

НЕЖДАНАЯ ПОМОЩЬ

Доказано безумие тех, кто воображает, что при помощи власти, которой они облечены, можно помешать потомству узнать об их поступках...

Корнелий Тацит

Топот копыт по мостовой прервал мысли Михаила Тариэловича. Он выглянул в окно: шестеро всадников въезжали в открытые ворота. Приглядевшись, узнал их. Впереди — стройный генерал-майор Кундухов, чуть поодаль — его старший брат Афако, высокий, неуклюжий, постоянно сопровождающий Кундухова во всех поездках. Сзади — свита.

Вошел адъютант Золотарев и доложил, что прибывший Кундухов просит принять его.

— Пусть войдет, — бросил Лорис-Меликов и нахмурился.

Оба они, и Кундухов, и Лорис-Меликов, были не только кавказцами, но и людьми одного круга. Однако Лорис-Меликов недолюбливал этого преуспевающего красавца и в душе тешил себя надеждой, что в скором времени им придется расстаться: либо всех этих горцев, а с ними заодно и Кундухова переселят в единоверную Турцию, либо его, Лорис-Меликова, переведут служить в Петербург. Пока же приходилось терпеть и лицемерить...

— Муса Алхазович, дорогой, каким ветром? — лицо Михаила Тариэловича расплылось в широкой улыбке; раскинув руки, он поспешил навстречу гостю, подвел его к мягкому креслу, сам уселся напротив. — Рассказывайте, милый, что нового? Не скучаете в своем Скут-Кохе?

— Какие новости могут быть в горах? Они к нам приходят отсюда, из Владикавказа. Лучше вы расскажите, Михаил Тариэлович, как обстоят дела?

— Да о чем говорить-то! Неполный год — слишком короткий срок для больших дел. Планы, это да. А говорить о чем-то реальном рано.

— Государь доверил вам самую трудную на Кавказе область. Это надо ценить, Михаил Таризелович.

Беспокойные мысли, тревожившие все утро Михаила Таризеловича, вновь овладели им, теперь уже с еще большей силой: «С чего так поет этот скользкий и хитрый Кундухов?»

— Не скрою, мне приятно доверие государя. Однако трудно приходится, чертовски трудно! Чеченцы — упорный народ, чрезвычайно упорный. Считают, что война окончена. Но вы-то хорошо знаете, что это не так. Непокорность чеченцев фанатична. Все соседние племена покорились нашей власти, приняли наше подданство, платят нам налоги и несут повинность. А в Чечне ничего подобного не произошло. — Лорис-Меликов поднялся. — Вы простите, Муса Алхазович, не могу спокойно говорить об этом.

— То, что Чечня — крепкий орешек, ваше превосходительство, пора бы давно всем понять, — сказал Кундухов, поглаживая пышные черные усы. — Покорение закавказских и дагестанских племен шло проще. Там мы заменяли прежние власти новыми, а вопрос о территории не имел значения. Завоеванием русскими нескольких поселений не нарушался баланс прежнего хозяйственного строя народа. В Кубанской области, где казацкие поселения явились тактической необходимостью, дело обстояло несколько иначе, хотя тоже без осложнений. Местные племена, уставшие от борьбы с нами, но имевшие под боком море, предпочли просто покинуть этот край, освободив для колонизации огромную территорию. Незначительные же остатки тамошних племен, лишенные жизненных корней, со временем исчезнут бесследно, растворятся среди преобладающего русского населения, тем самым избавив от новых забот русское правительство. — Кундухов помолчал, а затем продолжил: — Совершенно с другими обстоятельствами и с иными условиями приходится сталкиваться при наведении порядка и спокойствия в Чечне. С одной стороны, стесненность территории после переселения в область ста тысяч казаков поставила большую часть чеченцев перед полным крахом их хозяйственного уклада и быта. С другой, замкнутость края, лежащего между безводной степью и снежным хребтом, не дает возможности удалить за пределы

области беспокойные и неспособные к принятию гражданского устройства чеченские племена. И вся беда в том, что, уступив нам почти половину земель, притом земель лучших, они сумели сохранить за собой хоть и небольшую, но важную в стратегическом отношении территорию.

— Да, Муса Алхазович, — ответил Лорис-Меликов, — оставляя чеченцев в настоящей ситуации, не следует верить в будущее спокойствие. Хотя безвыходных положений не бывает. Мы навели порядок по всему Кавказу. Наведем его и в Чечне.

— Только план начальства, Михаил Таризелович, переселить чеченцев в Малую Кабарду, неосуществим, — заметил Кундухов. — Разделить Чечню на две части — это все равно, что снова завоевать ее.

— Добровольно они, конечно, свои земли не оставят, — согласился Лорис-Меликов. — А что делать? Ваше мнение?

Кундухов уклонился от прямого ответа командующего.

— Бог поможет, — двусмысленно улыбнулся генерал-майор. — Вряд ли нам удастся покорить их одной лишь силой оружия. Здесь нужен другой прием.

— Подкуп?

— Не совсем. На деньги клюнет лишь ничтожная часть чеченцев. К тому же у них нет ханов и князей, значит, нет и властных, честолюбивых структур для подкупа. Да, своеобразное племя. Что конь необъезженный — узды не любит.

— Оно, может, и к лучшему, что у них не было и нет этих самых ханов и князей, — задумчиво покачал головой Лорис-Меликов. — Вспомните, в каких изуверов превратились те же дагестанские ханы. Тарковский Шамхал бил своих крестьян палками, выкалывал им глаза, бросал на погибель в сырые зинданы*. Кюринский Аслан-хан провинившихся крестьян пытал каленым железом, отрезал уши, прокалывал языки шилом, бритые их головы обливал кипящим маслом. Крестьянских девушек меняли у чеченцев на лошадей. Я считаю, что российская культура навсегда и с корнями вырвала и уничтожила у них столь дикие нравы.

Кундухов криво усмехнулся.

— Но не забывайте, что в самой-то России крестьян и сегодня держат в не менее рабских условиях. Вы извините меня,

* Зиндан — глубокая яма, подземная тюрьма.

ваше превосходительство, но я с вами как кавказец с кавказцем буду откровенен до конца. Когда Ермолов освобождал дагестанцев, русский мужик находился во сто крат худшем положении. Разве помещики не обменивали своих крестьян на гончих и борзых, разве газеты не пестрели объявлениями о том, что у каких-то помещиков имеется в продаже столько-то крепостных душ? Это в просвещенной-то России! Что же можно спрашивать с темных дагестанских феодалов? Смешно, парадоксально, но дикарями-то оказываемся мы с вами.

Ошеломленный Лорис-Меликов внимательно слушал излияния, столь не свойственные Кундухову, который, казалось, потерял всякий контроль над собой.

«Однако не все выкладываешь, не до конца. Мне-то видно, какие ты мысли оставляешь при себе. — Командующий прикрыл глаза. — Верна поговорка, сколько волка не корми — он все в лес смотрит».

— Значит, вы не одобряете нашу политику по отношению к местным племенам? Иначе говоря, вы против высочайшей воли Его Величества? — спросил он, вперив острый взгляд в собеседника.

— Я всегда был и остаюсь верен государю императору и принятой присяге. Но хочу, чтобы и на нас смотрели, как на людей. Ведь как бы преданно мы не служили, какие бы подвиги не совершали, даже в глазах русского унтера я и подобные мне выглядят лишь прирученными дикими зверями, проливающими кровь своих братьев за чины и деньги.

Лорис-Меликов неторопливо подошел к Кундухову и слегка потрепал его по плечу.

— Милый мой, вы слишком горячитесь. Договоримся: вы ничего не говорили, я ничего не слышал. Но поостерегитесь то же сказать кому-то другому. И будет гораздо лучше, если вы вообще выкинете из головы свои мысли. Что касается меня, то я с вами в корне не согласен. Нельзя судить о России по делам отдельных личностей. Россия — страна просвещенная. Согласны вы или нет, но горские племена в своем развитии страшно отстали от других народов. Они ведут полудикую жизнь. И я горжусь тем, что именно России выпал жребий вывести их из темноты к свету цивилизации. Но сие свершится не скоро. Потребуется, ой как много времени и труда на это. И жертв... тоже... Будьте дальновидным. И терпеливым тоже...

— Прошу прощения за несдержанность, — перебил его Кундухов. — Во мне течет кровь горца и сердце тянется к своим. Я не могу оставаться равнодушным к судьбе чеченцев, хотя они и из другого племени. Уверен — они не покорятся. И у меня нет никаких сомнений в провале вашего плана. Он неприемлем. Более того, чреват непредсказуемыми последствиями. Если мы начнем переселять чеченцев силой, то они немедленно возьмутся за оружие. А это уже новое кровопролитие. Вернемся к сороковому году. Думаю, если бы тогда мы постарались найти общий язык с чеченцами, то войны с ними, возможно, удалось бы избежать. Неужели мы снова повторим ту же ошибку? Не берите пример с генерала Пулло, ваше превосходительство!

Сегодня Кундухов удивлял Лорис-Меликова. Командующий то и дело поглядывал на него, словно сомневался, а тот ли самый человек сидит сейчас перед ним? Небывалое дело! Начал заступаться за горцев, чеченцев жалеет. Но разве не он, не Кундухов, пролил столько чеченской крови? Разве не он отличался при этом особой жестокостью в Ичкерии?

— Хитрость, осторожность выжидания — вот наши надежные союзники в этом деле, — добавил Кундухов. — В противном случае не миновать беды. В Чечне появится новый Шамиль.

— Второго Шамиля не будет, — отрезал Лорис-Меликов.

— Да, справедливо. Великие люди рождаются раз в сто лет.

— Вы меня неправильно поняли, Муса Алхазович, — покачал головой Михаил Таризелович. — Я говорю не о личности Шамиля. Признаю, что он, бесспорно, был мудрым и смелым человеком, талантливым организатором, в духе горцев. Но военные победы были результатом действия его лучших друзей. И еще вы забыли, дорогой мой, что великим Шамилем сделали чеченцы. Ведь в 1839 году не без помощи самих же дагестанцев мы его почти похоронили в Ахульго, после того он с осмерыми товарищами, скрываясь в горах Дагестана, всеми преследуемый, добрался до Чечни, где нашел приют и убежище. На его счастье и к несчастью нашему — в этот период постигла Чечня. Так что стечение обстоятельств, игра судьбы вознесли Шамиля на вершину тех событий. Как в свое время французская революция — Наполеона. Двадцать лет Шамиль опирался на Чечню, которая поставляла ему воен-

ную силу и была его продовольственной базой. Собственно, почти вся война-то и проходила там. Кстати, чеченские военачальники составляли большую и наиболее талантливую часть его командования. Короче, в анналы истории Шамиль навечно вписал свое имя острием чеченских сабель. Но теперь нет и прежней Чечни. Она потеряла всех своих талантливых вождей и храбрых воинов, а оставшихся Шамиль разложил морально.

— Мы тоже не сидели сложа руки.

— Еще раз повторяю: теперь нет той прежней Чечни и никакому новоявленному Шамилю не выстоять против нас. Хотят они или нет, но все малые и отсталые народы должны подчиняться более сильным, более развитым. В своих собственных интересах. Тому учит многовековой опыт истории.

— Что верно, то верно, — согласился Кундухов. — Время рыцарей ушло. И Чечне не стать прежней. Как вы справедливо соизволили выразиться, ее разложили морально. В течение последних двадцати лет она металась между двух огней: с одной стороны — деспотия Шамиля, с другой — мы.

Разговор прервался. Вошел капитан Золотарев и положил перед командующим папку с официальными бумагами. Лорис-Меликов бегло просмотрел их, подписал и вернул. Капитан вышел.

— Да, хитрым и коварным оказался Шамиль, — сказал Лорис-Меликов. — Если бы не его политика «разделяй и властвуй», с Чечней пришлось бы еще долго возиться. Чтобы убить у чеченцев патриотизм, дух вольности, уничтожить родовые связи, народные традиции и обычаи, превратить их в преданных рабов, отменив адат*, Шамиль силой насаждал в Чечне шариат. Дошел до того, что, не доверяя чеченским муллам, обучавшим детей в медресе, заменял их дагестанскими, оплел население Чечни сетью соглядатаев и шпионов. Я думаю, не пояись Шамиль со своими проповедями газавата, горцы давно помирились бы с русскими.

— До Шамиля были шейх Мансур, Бейбулат, Кази-Мулла.

— Благодаря дикому фанатизму горцев.

— К вашему сведению, Михаил Тариэлович, наши горцы, тем более чеченцы, абсолютно ничего не имели против рус-

* Адат — обычай, традиция (чеч.).

ских. Когда над кавказскими народами нависла угроза оказаться под властью одной из трех могущественных держав — Турции, Персии или России, — все народы отдали предпочтение России. И не потому, что правление в России было более демократичным, чем в двух других, а потому, что здешние народы симпатизировали русскому народу, по природе своей простому, доброму, мужественному, хотя тоже беспорядочному и угнетенному. Более того, наше российское правительство золотом, чинами и подарками купило горских феодалов, переманив их на свою сторону. И скажу вам, Михаил Тариевич, первым из народов Кавказа, пожелавшим установить дружеские связи с Россией, был буйный, неугомонный народ Чечни. Не из страха. Чеченцы занимают безопасную территорию Северного Кавказа, а потому их не касались и не пугали разорительные набеги турков и персов. — Кундухов перевел дыхание. — Некогда сильный и многочисленный народ, живший в горах, обескровленный вековой борьбой с татаро-монгольскими завоевателями и полчищами Тимура, но так и не покорившийся им, стал впоследствии подвергаться систематическим набегам полчищ кабардинских, черкесских, калмыцких, ногайских и дагестанских феодалов. А что же правительство России? Да, наше правительство не только поощряло набеги, но и постоянно оказывало их участникам военную помощь. Порой чеченцам удавалось изгонять со своих земель феодалов-захватчиков. Но наши же русские войска совершали карательные экспедиции в Чечню, и, подавляя сопротивление чеченцев, теперь уже властью правительства вновь сажали им на шею столь ненавистных соседних феодалов. Видя происходящее, чеченцы, тем не менее, не вступали в конфликт с Россией, продолжали верить ей и уважать русский народ. По моему личному мнению, в этом немалая заслуга терских казаков, которые лет двести жили бок о бок с чеченцами. Чеченцы и казаки были добрыми соседями, и по своим соседям чеченцы судили о русском народе в целом. Общественный строй, характер тех и других были сходны. Они перенимали друг у друга лучшие обычаи и традиции. Жили мирно и дружно, даже роднились между собой. И не думали ни о каких ссорах. Но мы-то с вами знаем политику нашего правительства. Вот тогда в Чечне появился знаменитый чеченский пастух Ушурма, прозванный шейхом Мансуром, после него

— широко известный чеченский вождь Бейбулат Таймиев, затем — Кази-Мулла и, наконец, Шамиль. Политика России, бездумная жестокость наших генералов, чиновников и породили существующую сегодня вражду между горцами и русским народом. В том немало и нашей с вами вины, милостивый государь.

Все сказанное Кундуховым не было открытием для Михаила Таризеловича. Рассказ генерала напомнил ему историю и его предков, которые в XVI веке владели городом Лори в Грузии. Из-за набегов персидских войск город часто подвергался разорению. То он оказывался во власти персов, то вновь завоевывался грузинскими царями. В 1602 году Лорис-Меликовы вынуждены были принять ислам, а когда город вновь вошел в состав грузинского царства, вернулись в лоно христианской церкви. Так что в прошлом Лорис-Меликовым, чтобы спасти свое состояние и свою жизнь, приходилось менять не только подданство, но и веру. Но они преданно служили и тем, и другим. Так же преданно стали затем служить и русскому царю, за что тридцать лет назад император пожаловал Лорис-Меликовым русское дворянство.

— Скажу вам еще, Михаил Таризелович, — продолжал между тем Кундухов, — и может быть, это мое личное мнение, но мне кажется, что во враждебном настроении горцев против России, в данном случае — чеченцев, далеко не последнюю роль сыграли офицеры иностранного происхождения, которые служили в русской армии. Мне кажется, многим из них судьба России была и остается совершенно безразличной, как и судьба ее народов. Им что нужно — только чины да награды. Первыми русскими отрядами, которые столкнулись с чеченцами, командовали всякие там Кохи, Фрауендендорфы, де Медемы, Кеки, Рики, Пьеры и другие иноземные легионеры-наймиты. Именно они расправились с чеченцами, когда те восстали против владычества кабардинских и кумыкских князей. А свою жестокость прикрыли именем русского правительства, которое, кстати, закрывало глаза на их деяния. Они-то и довели чеченцев до всеобщего восстания во главе с шейхом Мансуром.

Но и правительству уже невозможно было отступать. На карту были поставлены честь русского государства и слава русского оружия! Думали покончить с чеченцами одним ударом, но те и не помышляли о покорении силе. Одна жесто-

кость порождала другую. Вот так из года в год между горцами и Россией углублялась пропасть, которую рыли наши генералы и чиновники. Вместо того, чтобы провозгласить мир между горцами и русскими, они натравливали их друг на друга. Потом уже более умные и дальновидные спохватились, но было поздно. Уверен: если бы в свое время наше правительство прислушалось к трезвым советам дипломата Грибоедова, генерала Раевского и, наконец, нынешнего военного министра Милютин и добивалось успокоения края не штыком, а путем добрососедства, развития торговли, ненавязчивого распространения русской культуры, то не было бы ни Мансура, ни Бейбулата, ни Шамиля.

Лорис-Меликов терпеливо выслушал собеседника, а когда тот закончил, снисходительно улыбнулся.

— Так-то оно так, мой милый Муса Алхазович, но прошлое уже не вернешь. Возможно, и поэт Грибоедов, и генералы Раевский и Милютин по-своему правы. Но путь, предложенный ими, был долгим и на том этапе ненадежным. Ведь на Кавказ зарились не только Турция и Иран, но и западные державы, в первую очередь, — Англия и Франция. Мы же не могли, просто не имели права допустить, чтобы столь богатый и стратегически важный край попал в руки врагов России. Они и сегодня продолжают ту же политику захвата края любыми средствами. Но мы не уступили и не уступим его никому. И тот факт, что делается это в интересах не только России, но и самих же горцев, подтвердит будущее. Все идет по своим естественным законам. Ничего не поделаешь, дорогой мой друг!

Кундухов глубоко вздохнул и покачал головой.

— Вы меня не переубедили, Михаил Тариелович. Будущее горцев можно было устроить совершенно иным, мирным путем. Учитывая их традиции, быт, характер, общественный строй, следовало постепенно, осторожно, десятилетиями вводить у них российское правление. Правительство же решило сделать это одним махом. В результате такого необдуманного шага — долголетняя, взаимоистребительная война, вражда и недоверие, посеянные на многие годы между русским и горскими народами. Чеченцев лишили самого дорогого — доброй половины плодороднейших земель. Насколько мне известно, в одном только Сунженском отделе у них отобрали около четырехсот тысяч десятин, передав их казакам. Всего

же на их землях основали более двадцати станиц и возвели столько же военных укреплений. Почти все западные горцы уходят в Турцию...

— Ничего, Муса Алхазович, — равнодушно махнул рукой Лорис-Меликов. — Зато оставшиеся будут покорны, как овцы. Между прочим, генерал, а почему все вы, когда поднимают земельный вопрос, ссылаетесь лишь на казаков? Да, правда, львиная доля земель передана им. Но ведь не только казаки стали владеть землями горцев. Вот вы-то сами, лично вы, милый Муса Алхазович, сколько землицы к своим рукам прибрали?

Кундухов смутился.

— Ну, чуть более двух тысяч десятин... Только не чеченской земли...

— Какая разница? Речь идет о горцах вообще. Хорошо, будем говорить лишь о чеченских землях. Скажите, князя Таймазов, Бекович-Черкасский по сколько себе отхватили?

— Кажется, по шесть с половиной тысяч каждый.

— Ага! Вот где собака зарыта! Князя Алхазовы имеют две тысячи восемьсот, Турлов — две тысячи, княгиня Эльдарова — тысячу четыреста. А чеченские офицеры Чермоев, Шамурзаев, Курумов и десятки других прибрали от двухсот до семисот десятин каждый. Не хочу говорить уже о таких мелких сошках, как торговцы, муллы и прочие, которые владеют всего двумя сотнями десятин. Следовательно, в бедах горцев виноваты не только казаки. Они-то оправдание имеют, поскольку их насильно пригнали на чеченские земли. А вот вы-то сами, Муса Алхазович и вся эта компания? Вы-то как смогли без всяких угрызений совести прибрать к рукам земли своих собратьев? Думаете, чеченцы только на казаков смотрят, как на врагов? Ошибаетесь, любезный. Если бы чеченцам удалось одержать верх, они в первую очередь дали бы пинка и вам, и всей вашей милой компании! И потеряли бы вы не только свои обширные поместья, но и свои дурацкие головы, простите меня за грубость. Только умная голова подобные речи, направленные против основ государства российского, не произносит вслух.

Лорис-Меликов тоже умел играть и скрывать свои чувства. На его месте другой бы сейчас кричал, стучал кулаком по столу, грозил виселицей. А Михаил Тариелович говорил спокойно, насмешливо, и могло показаться даже, что он просто шутит.

— Значит, чеченцев вам жаль? — продолжал он с улыбкой. — А сами-то, батенька, вы их сколько уничтожили? А-а, счет не вели... Ну что ж, раз вы сочувствуете безземельным чеченцам, раз лично вы так гуманны, то и уговорите и самого себя, и всех вышеназванных князей да новоиспеченных помещиков вернуть чеченцам украденные земли. Таким образом вы вполне можете обеспечить землей пятьдесят тысяч чеченских семейств.

Кундухов хотел ответить, но генерал-лейтенант повелительным жестом остановил его. Сложив руки за спиной, Лорис-Меликов мелкими мягкими шажками несколько раз прошелся по комнате, потом остановился около Кундухова и тихим, доверительно-ласковым голосом произнес:

— Вы, Муса Алхазович, отличный генерал, но никудышний политик. — Помолчал — и продолжил резко, словно на стрессовом плацу. — Безусловно, наше правительство совершило целый ряд крупных ошибок в процессе покорения края. Но в целом политика нашего правительства верна и покоится на надежной и прочной основе. Проводится она в державных интересах, в целях сохранения, укрепления и расширения Российской империи. Правительство просто не могло допустить автономного правления ни в Чечне, ни в других вновь приобретенных областях. Иначе такой же автономии захотели бы и малороссы, и поляки, и белорусы, и грузины, и финны, и другие народы. Но в первую очередь, захотели бы сами русские мужики, к чему их и без того толкают разные там революционеры-демократы. И ваш Грибоедов в том числе. А что потом? Потом русские потребовали бы свержения монархии и провозглашения республики. А это уже мы проходили во Франции. По тем же причинам не можем мы допустить и объединения народов, населяющих империю. Все, что делается правительством, и том числе и заселение окраин русскими колонистами, делается для того, чтобы раз и навсегда укрепить империю. Не можем мы поступиться национальными и государственными интересами ради каких-то там чеченцев или абхазов. А тем более — ради отдельных личностей. Пусть даже и великих, и гениальных...

* * *

Конечно, генерал Кундухов знал, о чем говорил, и во многом был прав.

Летом 1839 года тридцатитысячный отряд генерала Граббе, с тридцатью орудиями и с почти пяти тысячной дагестанской милицией начал осаду укрепления Шамиля — аула Ахульго. После двухмесячной героической обороны Ахульго пал. При штурме были убиты сестра Шамиля, его жена и малолетний сын. Самому имаму вместе с семерыми товарищами чудом удалось спастись и пробраться в Чечню.

Чечня с 1785 года вела непрерывную борьбу против царских войск. Сперва ее возглавлял шейх Мансур, затем известный Бейбулат, позднее восточная часть Чечни признала Казимуллу.

В первые пять лет имамства Шамиля царские генералы не тревожили Чечню, решив не трогать этого самого опасного противника в горах Кавказа, пока не покончат с Дагестаном, но после падения аула Ахульго русское командование решило, что пришла пора браться и за Чечню.

В начале сороковых годов в ней начали устанавливать военно-колониальный режим. Население обложили податью: от каждого десяти дворов — по ружью, от каждого десяти человек — по одному заложнику. Возводились военные укрепления, аулы переселялись под жерла крепостных орудий.

В Чечне началось всеобщее восстание. Но восставшему народу требовался вождь. И хотя в самой Чечне было немало людей, достойных стать предводителем, выбирать кого-либо из них народ не хотел. Чеченцы видели бесправную тяжелую жизнь соседних народов под властью местных феодалов, поэтому они страшно боялись возвышения соплеменников, дабы потом не лишиться своей относительной свободы. Вот тогда-то и вспомнили о Шамиле, который скитался по аулам Нагорной Чечни. Ему и решили предложить руководство восстанием, рассуждая примерно так: покончим с царскими войсками — прогоним и Шамиля, ведь он не свой.

Шамиль принял предложение с радостью. Он уже давно вынашивал мечту возглавить столь воинственный народ. Теперь у него появилась возможность отомстить и царским генералам, которые разбили его наголову, и некоторым своим землякам, бросившим его в трудный час и перешедшим на сторону врагов.

Царские войска терпели в Чечне крупные поражения. Здесь с каждым годом все ярче и ярче сияла звезда Шамиля. Пришла пора покорять свои собственные дагестанские общины.

Преследуя тонкий расчет, Шамиль всячески поощрял чеченцев, подчеркивал их численное превосходство, воинственность, героическое прошлое, и тем самым возбуждал и разжигал в них честолюбие и этнический национализм.

Когда Шамиль стал повелителем и Чечни, и Дагестана, он тут же почувствовал опасность со стороны чеченцев. Поэтому он прилагал все усилия, чтобы разрушить их родо-племенные связи и взамен адатов упорно насаждал среди них шариат, что позволяло ему укрепить здесь свою абсолютную власть. Скоро от руки кровников и в боях погибли наиболее авторитетные и просвещенные чеченские предводители: Джават-хан, Умха, Шоип-Мулла, Соиб, Саид-Мулла, Эльдар, Ших-Абдулла, Оздамир. К закубанским горцам отправились Магомед-Гирей, Магомед-Хаджи, Сулейман-Мулла, Магомед-Эмин. Только в 1847 году, после гибели одних и изоляции других, Шамиль осмелился объявить свое право на передачу власти по наследству. Но этому воспротивились Хаджи-Мурат и чеченские наибы.

Хотя Чечня была продовольственной базой и главным источником военной силы армии Шамиля, а чеченские наибы составляли наиболее преданную часть его генералитета, политический и идеологический аппарат имамата состоял из дагестанских наибов и дагестанского духовенства.

С конца сороковых годов в верхах имамата сложились своеобразные «политические партии», которые были настроены не только друг против друга, но и против самого Шамиля. Эти партии объединили представителей султанских и бекских фамилий, а лидерами их стали Даниэл-бек Елисуйский, Кибит-Магома Каратинский и Хаджи-Мурат Хунзахский. К партии Даниэл-бека примыкал его зять, сын Шамиля, Гази-Магома. Правда, он чаще всего был занят тем, что мирил отца и тестя.

Каждый из лидеров преследовал свои цели и вел тайные переговоры с царскими генералами, пытаясь даже путем посредничества вернуть себе привилегированное положение. Даниэл-бек, например, надеялся вернуть Елисуйский султанат и чин генерал-майора. Хаджи-Мурат стремился выкупить у царя Аварское ханство, Кибит-Магома жаждал имамства.

Чеченские же наибы в придворных интригах и антишамилевских заговорах не участвовали. Если Даниэл-бек, Хаджи-

Мурат и другие надеялись выторговать у царского правительства прежние привилегии, то у чеченских наибов подобных надежд не возникало. Ведь все чеченские наибы возвышались не по сословному положению и богатству, а благодаря личной отваге. Так что примирение с царским правительством для них означало потерю всего, без приобретения чего-либо. Тем не менее, именно их-то Шамиль и боялся больше всего. Точнее, он вообще боялся чеченцев; ему внушали опасения их численность, их независимость от других народов, потенциальные возможности их края, их политические и экономические силы. Понимал Шамиль и то, что чеченцы будут до последнего бороться с царскими колонизаторами за свою самостоятельность, и если уж им придется решать вопрос о выборе наименьшего зла при примирении, то, наверняка, этим меньшим злом он, Шамиль, никак не станет.

Истребительная война, навязанная русским правительством, и его антинародная национальная политика привели к тому, что в последние годы имамата между издревле братскими народами Чечни и Дагестана, которые веками поддерживали друг друга в борьбе против чужеземцев, родилось недоверие.

Враг торжествовал!

* * *

В распахнутое окно, пробиваясь сквозь густую листву, вползали багряные отблески заходящего солнца. К вечеру город словно пробудился от дневной дремы, зашумел, загудел, заволовновался. В комнате было слышно, как спутники Кундухова о чем-то спорили между собой на своем отрывистом гортанном языке, переговаривались с солдатами, временами их голоса прерывались громким смехом.

Оба генерала не прислушивались к жизни улицы: каждый думал о своем.

— Итак, — чуть подавшись вперед, нарушил затянувшееся молчание Лорис-Меликов, — будем считать, что экскурс в историческое прошлое завершен. Но, дорогой Муса Алхазович, ведь не ради прошлого вы нанесли мне визит. Ну-те-с, что у вас на душе и в сердце, выкладывайте.

— Даже не знаю с чего начать.

— Лучший способ — начать от печки, — улыбнулся Лорис-Меликов.

— Мне думается, ваше превосходительство, мы уже пришли к единому мнению.

— В чем именно?

— В том, что чеченцы побеждены, но не покорены. Раз не покорены, то они не смирились. Пламя пожара сбито, но под теплом и золой остались раскаленные угли. Их жар мы с вами ощущаем постоянно.

— В этом я с вами полностью согласен.

— Позиция наша, прямо скажем, крайне неопределенная и неустойчивая. Чтобы положить конец такой зыбкости, вы хотите переселить часть жителей предгорий на левый берег Сунжи и Терека, часть — в Малую Кабарду, а освободившиеся земли заселить казаками.

— Совершенно верно.

— И вы рассчитываете, что чеченцы, повинаясь приказу, покорно снимутся с насиженных мест?

— Не захотят миром — заставим силой.

— Но ведь это повторение сорокового года.

— Сороковой больше не повторится. Я же сказал, что той, прежней Чечни уже не существует.

— Но силы-то сохранились. Они будут драться.

— Тогда мы окончательно разобьем их. Сегодня другие времена, а значит, и другие обстоятельства. На правом берегу Сунжи и Терека — казачьи станицы, в Нагорной Чечне — десятки военных укреплений. Как видите, большая сила. И в каком бы уголке Чечни ни вспыхнул очаг войны, он будет ликвидирован максимум в течение двух-трех недель.

— В том случае, если чеченцы построятся в боевые линии и примут сражение по всем правилам классической военной науки. Тогда, разумеется, и двух-трех недель много. Но они не примут открытый бой. Нет. Они скроются с семьями в горах и будут вести обычную для себя малую войну, скрытую, партизанскую, в которой они уже не раз и не два проявили себя непревзойденными мастерами. При таком раскладе едва ли будет возможно сладить с ними и за три года.

— У нас иного выхода нет.

— У них и подавно. Чечня потеряла не только лучшие земли, но и половину своего мужского населения. Чеченцы не могут вернуться к своему довоенному общественному строю,

примитивному хозяйственному быту, но они не смогут и жить под одной крышей с победителями. Они не в силах выдворить нас. Как видите, ваше превосходительство, это тупик, из которого и чеченцы сегодня ищут выхода. У них два пути: либо погибнуть в неравной борьбе, либо по примеру закубанских горцев отправиться в Турцию.

— Какой же, по-вашему, путь они выберут?

— Если правительство попытается осуществить намеченный план, они выберут первый. А это — новая война.

— Что же вы предлагаете?

— Попытаться переселить их в Турцию. Добровольно.

— Вы серьезно? — усмехнулся Михаил Таризелович. — Мне кажется, что вы и сами не верите в реальность своих слов, генерал.

— Отчего же, верю.

Михаил Таризелович выжидающе посмотрел на Кундухова: «Любопытно. Как же ты собираешься осуществить такое?»

— Используем старый, веками испытанный способ, — подкуп, — проговорил Кундухов. — Соблазним деньгами наиболее влиятельных лиц. Поручим им распространить среди населения прокламации от имени турецкого султана. Подобных образцов у нас хватит. Пусть в Тифлисе их переделают на чеченский лад. Уверен, многие «клонут».

— Сомнительно. Весьма сомнительно, — разочарованно протянул Лорис-Меликов. — Не уверен, что наши любезные чеченцы согласятся на переселение в Турцию.

— Думаете, выберут Малую Кабарду?

— Туда переселить их будет значительно легче. Кабарда-то недалеко от их родных краев. Близость родины — серьезный психологический фактор.

— Вы забыли, что Турция — мусульманская страна, а это тоже многое значит. Ведь добровольное присоединение закавказских народов к России произошло главным образом благодаря религии. И те же балканские славяне добровольно относятся к России, опять-таки из-за единоверия. Когда мы в Закавказье создали Эриванскую область, то в нее из Турции и Персии переселились десятки тысяч армян. В период же нашей войны с Турцией в Россию хлынула масса болгар и сербов. Если говорить о западных горцах, то они переселились в Турцию именно потому, что имеют одну веру с турками. В любом деле важна не только сила, но и хитрость. Я

уверен, убежден, что мы сможем переселить чеченцев в Турцию, скрыв участие в этом нашего правительства.

— Если вы уверены в успехе, то кто же возьмется за организацию сего дела? Ведь здесь нужен будет такой человек, который был бы верен правительству, с одной стороны, но которому и доверяли бы чеченцы — с другой.

— Такой человек сидит перед вами. Я генерал русской армии и присягал на верность царю, но чеченцы, тем не менее, верят мне.

— Да, знаю. У чеченцев вы пользуетесь большим авторитетом... Так что же вам потребуется?

— В первую очередь, тысяч десять рублей для начала переговоров с влиятельными лицами. Затем письма, в которых султан приглашал бы чеченцев в свою страну, и тексты ряда других его обещаний; поручительство нашего правительства по оказанию помощи желающим переселиться. И, наконец, полное сохранение в глубокой тайне участия в разработке и организации этого предприятия как самого правительства, так и меня лично, в первую очередь.

Командующий задумчиво разглаживал усы.

— А примет ли чеченцев турецкое правительство? Ведь наши закубанские горцы уже буквально наводнили Турцию. Турки и по сей день никак не могут разобраться с ними, устроить их жизнь и быт. Борясь за выживание, горцы гибнут, занимаются грабежами, вступают в стычки с местным населением. Чеченцы не могут не знать об этом и не опасаться аналогичной собственной участи.

— Я лично поеду в Константинополь и улажу все эти дела. При дворе султана у меня хорошие связи. Надеюсь, что разрешу все вопросы.

“Уж что-то больно подозрительна забота о чеченцах, которую он проявляет, — мелькнула мысль. — Интересно, какие же личные цели он преследует?”

— Скажите, вам-то, собственно, какая от всего этого польза? — не выдержал в конце концов Лорис-Меликов.

— Никакой, клянусь вам! — воскликнул Кундухов, не опуская глаз под пристальным взглядом начальника области. Ему нечего скрывать и стыдиться, он ведет честную игру. Так, во всяком случае, казалось ему тогда. — Если мне удастся выполнить задуманное, то предотвращу готовящееся восстание. На пользу и чеченцам, и правительству. Чеченцев я спасу от

гибели, правительство — от новой войны. И не свершится еще одно кровопролитие.

“Врешь, лиса. Ой, врешь! На твоей совести столько чеченской крови, что не тебе жалеть ее”.

— И все-таки, дорогой Муса Алхазович, лично для себя вы ничего не требуете?

— Лично себе — ничего. Если же говорить об интересах дела... Допустим, я сам повезу в Турцию людей, недовольных нашими порядками, и тем самым окажу немалую услугу правительству. Но чтобы увезти их туда, я должен стать во главе переселенцев. Более того, сам вместе с семьей отправиться в Турцию... Исходя из этого, просил бы правительство разрешить мне переселение и заодно решить вопрос с моим имением...

“Что-то явно задумал этот хитрец. Какая же темная душа. Ну да черт с тобой! Если тебе удастся убрать с моей шеи хотя бы тысячу чеченских семей, а вместе с ними убраться и самому, то ничего страшного не произойдет. Только спасибо скажу и вздохну свободнее”.

— Много у вас земли? — спросил Лорис-Меликов, хотя сам был отлично осведомлен об имении Кундухова.

— Две тысячи восемьсот десятин. Дом и постройки каменные.

— Сколько же вы хотели бы получить за свое имение?

— Ну, если оно стоит примерно тысяч сорок пять... А это, как минимум...

“Тоже, нашел дурака. За твое имение в базарный день дадут не более пятнадцати тысяч”.

— И еще прошу, ваше превосходительство, разрешить отправиться в Турцию вместе со мной осетинам, тем кто изъявит желание.

— А много таковых найдется?

— Тысяч пять семейств наберется.

“Поистине, Бог милостив. Если его затея выгорит, моя область очистится от многих отъявленных разбойников!”

— Ну что же, Муса Алхазович, о вашем предложении я напишу наместнику. И приложу свое положительное мнение.

Оба генерала встали и, высказав друг другу самые дружеские чувства, вежливо расстались.

Настроение Михаила Тариеловича было приподнятым.

“Ради такого дня не грех и рюмочку-другую пропустить”,
подумал он, направляясь к дому по тенистой аллее.

Спустя десять дней после описанной выше встречи Лорис-Меликов получил телеграмму следующего содержания:

“Телеграфу Владикавказа. Из Поти. Телеграмма № 198.

17 мая 1864 года.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННАЯ

*Владикавказ. Командующему войсками. Великий князь согласен
на предложение К. Желая успеха. Чем дальше, тем лучше.*

Карцов”.

ГЛАВА III

МИРНАЯ ВЕСНА

Наша цель — свобода, ради нее мы готовы на все.

Сенека

Весна...

Радуетесь земля, облачаясь в весенние яркие наряды, тянется земля, чтобы грудью своей припасть к теплему солнцу, впитать в себя его живительные лучи. Тысячи звонкоголосых ручейков, слившись в мощный хор, без устали поют ей свою здравицу, свой благодарственный гимн. И птицы славят весну. Едва заметное в прозрачной синеве неба, в зеленой дымке распускающихся деревьев, кустов и трав разноголосое пенье их доносится отовсюду.

Весна...

Прислушайся, как гудит земля, как шуршат в ее глубине корни деревьев. Посмотри, как старая яблоня в саду пытается выпрямиться, вдыхая теплый, напоенный весенним ароматом воздух крохотными почками, как несутся с гор потоки бурных рек. В них полнота жизни, размах и удаль после зимнего сна, полудремы. Но одновременно есть и что-то зловещее, угрожающее и непредсказуемое в их стремительном порыве, в их необузданной ярости, хотя люди, привыкшие ежегодно в эту пору видеть их такими, верят и знают, что, как только растают в горах снега, реки утихнут, утолив талой водой земную жажду. Вот и Аксай пока мчится, вздыбив над собой белопенные крылья, несет в своих мутных водах вывороченные с корнями деревья, ворочает огромные камни и злобно рычит, недовольный тем, что с обеих сторон высокие и крутые берега.

Да, природа разыгралась и одновременно засветилась всеми своими красками. И так происходит весной из века в век,

из года в год. Что природе до человека, до его забот, радостей, горестей, бед и несчастий! У природы и у весны, в частности, свои законы, а если люди разучились радоваться их проявлению, то они сами в том повинны, заслонив их от себя спорами, враждой, пролитой кровью, словно не хватает места под бескрайним небом, под по-матерински ласковыми лучами солнца. Люди сами для себя развязали войну, которая длится уже тысячелетия, то затихая на время, то вспыхивая с новой силой. Впрочем... Вот уже вторую весну не грохочут пушки и не трещат ружья. Но стала ли жизнь от того иной, более спокойной и радостной? Нет, не стала.

Война... Сколько принесла она несчастия. Нет сегодня в пале крыши, под которой не ночевало бы горе. На месте сгоревших домов еще не успели отстроить новые; обугленные стволы деревьев никогда не обрастут зеленью, а молодые саженцы только-только успели пустить корни. Аул сегодня напоминает лес, над которым пронесся страшный огненный смерч. Смерч войны.

Али смутно помнит те времена, когда Гати-Юрт утопал в зелени, когда в каждом окне горел свет и веселые звуки дечиг-пондара* звучали на улицах до глубокой ночи. А сейчас только от грустных песен о войне щемит души людей ее переживших.

Пять лет прошло с тех пор, как пленили великого Шамили, три года — как казнили храброго беноевского Бойсангура. Царские слуги взяли Атаби Атаева и Умму Диева. Сегодня неизвестно, где они и живы ли. Ведь расстрелял же прошлой зимой генерал Туманов в Шалях вообще ни в чем не повинных людей. И тем не менее в Чечню пришла вторая весна относительного покоя и мира. Но и эта весна не принесла краю счастья.

“Что поделаешь, значит, Аллаху так угодно. Время унесло с собою отцов, братьев и сестер. А что оставило нам взамен? Ничего. Только горем заполненные сердца”. Такие вот думы одолевают Али. И не чувствует он, как теплые лучи солнца ласкают его тело, не слышит птичьего гомона и охрипшего голоса жены, погоняющей быков, и не замечает, что валится она уже от усталости. Идет он за деревянной сохой и смотрит неподвижными глазами, как железный сошник со скрежетом презается в твердую землю.

* Дечиг-пондар — чеченский струнный инструмент.

Айза то и дело поглядывает на мужа. Она-то ладно, а вот быки от длительного напряжения уже еле-еле передвигают ноги. Но не осмеливается она сказать о том мужу, прервать ход его мыслей.

— Да проклянут тебя потомки, русский царь! Стране твоей, говорят, края нет, а богатства и сосчитать невозможно. Так для чего тебе понадобились бедные горы и мы сами? Что мы сделали тебе плохого? — думал Али, не замечая, что произносит это вслух.

— О чем ты? — удивленно спросила жена.

Али не ответил.

— Харшчу, харшчу!* — крикнул он. — Осторожнее, жена! Не очень-то погоняй Чориного быка, видишь, как бока у него ввалились.

— Может, отдохнем немного? — с надеждой в голосе спросила жена.

— Еще круг сделаем и передохнем.

Айза бросила быстрый взгляд туда, где под тенью ветвей дикой груши спали дети, и прикрикнула на быков. Когда крик не подействовал, взмахнула хворостиной и ударила по спинам одного и другого.

Несмотря на раннюю весну, солнце палило нещадно. Али торопился. Еще несколько таких жарких дней, и земля совсем высохнет. Пока не ушла влага, нужно успеть засеять все поле.

Поднимаясь на вершину, Али каждый раз посматривал вниз, и лицо его при этом хмурилось, а на лоб набегали морщины — многие участки земли оставались нетронутыми: некому было пахать.

Словно отвечая его мыслям, раздался протяжный напев Чоры, чей участок находился по соседству, по другую сторону невысокого холма:

Тонкий стан, стянутый ремнем,
Повязать кушаком велит царское войско!
Тело, одетое в черкеску синего сукна,
Нарядить в длинное платье велит царское войско!
Голову, покрытую круглой папахой,
Накрыть картузом велит царское войско!
Богатырское оружие, завешанное нашими дедами,
Без боя на тоненький прутик сменить велит
Царское войско!

* Харшчу — в борозду (чеч.).

О ты под ногами, черная земля!
Сделавшись пушечным порохом,
Взорви царское войско!
Ты над головою, синее небо!
Превратившись в пушечный снаряд.
Разнеси царское войско...

Любимая песня Чоры. И люди, занимаясь своими делами, принимали грустной мелодии. Дойдя до вершины, Али остановился. Пахари распрягали быков. Готовились к обеду. Одни уже совершали полуденный намаз, другие только готовились.

— Айза, — обратился Али к жене, — я распрягу быков, а ты бы нарвала черемши. Хорошо бы, конечно, крапивы, но соли у нас, кажется, маловато?

— Подорожала, как золото. За герку* соли Хорта просит гирду** кукурузы.

— Чтобы она ему кремнем поперек горла встала, — зло проговорил Али. — Люди голодают, а он последнее зернышко отбирает у них. Торгаш паршивый. Сходи все же нарви крапивы, я детей посмотрю.

Освободив быков, Али не спеша направился к детям, которые спали крепким сном: Усман — в люльке, а Умар — в качели под деревом. Али согнал муху с лица старшего сына, бережно укрыл его черкеской, склонился на младшим, Усманом. Ребенок во сне улыбался. Лицо его сияло, щеки порозовели, наверное, что-то хорошее виделось ему во сне. "Что тебя ждет? Будешь ли ты счастлив? Аллах, помоги ему..." Захватив глиняный кувшин, Али направился к роднику. Сполоснул холодной водой ноги, лицо, руки, помолился и вернулся с полным кувшином родниковой воды. Айза уже хлопотала над обедом. Она выбрала удобное место, расстелила платок для еды.

— Усман, наверное, видит во сне тебя, видишь, как улыбается, — сказала Айза.

Али бросил кошму на землю и прилег.

— Мне даже во сне не пришлось увидеть отца. В тот день, когда я родился, его привезли мертвого.

— Не нужно, не вспоминай, — тихо попросила Айза, не глядя на мужа. — Садись и поешь. — Пододвинула к нему миску с натертой сочной крапивой.

* Герка — мера веса, равная 400 г (чеч.).

** Гирда — мера веса, равная 12 кг (чеч.).

Али заметил, что почти всю еду она поставила ближе к нему, оставив себе совсем немного.

— Недосолила я, пожадничала, соли-то на вечер приберегла.

— Ты сама больше ешь, тебе ведь кормить ребенка.

Али к еде не притрагивался.

— Надо позвать Чору, — сказал он.

— Знаю, только что мы им сейчас подадим? Вот вечером сварю галнаш*, тогда и позовем.

— Неудобно без них.

Чора и его жена Ковсар продолжали работу. Чора неторопливо шагал по пахоте, чуть позади держалась жена. Чора втыкал кол в мягкую землю — и лунка готова. Ковсар бросала в нее кукурузное зерно и заравнивала землю ногой. Вот так и ходили они один за другим с утра до позднего вечера. Работа сама по себе, может, и не очень трудная, но кропотливая.

Обед у Али был без разносолов. Но ему казалось, что нет ничего вкуснее твердого чурека и сочной крапивы, особенно, если запиваешь их ледяной родниковой водой. Впрочем, таким обедом мог похвастаться каждый, кто был сегодня в поле. Иного обеда никто не мог себе позволить. За исключением разве что Шахби и Хорты, да еще нового старосты Исы. Шахби и Хорта — купцы. Они сами не пахут, нанимают для этого работников, а вот их-то тоже держат полуголодными.

Поев, Али прилег отдохнуть, Айза помолилась и тоже собралась было присесть, но тут проснулись дети и она подошла к ним.

“Несчастливая доля женщины, — думал Али, наблюдая, как жена возится с детьми, — ни днем, ни ночью нет ей покоя”.

Умару Айза дала кусок чурека, маленького Усмана стала кормить грудью. Оба успокоились. Усман, обхватив крохотными ручонками белую как снег, с синими, чуть заметными прожилками полную грудь, давился, торопливо глотая материнское молоко. Айза молча глядела на сына и не чувствовала, как капельки пота бегут по ее обветренному лицу. Толстая черная коса, достающая почти до пят, струилась у ее ног, большие темные глаза счастливо улыбались. Впрочем, они улыбались даже и тогда, когда Айза грустила.

* Галнаш — галушки (чеч.).

“Хорошая жена у меня, — думал Али, — стройная, красивая, работающая. Рядом с ней забываешь о горестях и бедность не так ощущаешь. Сыновья растут. Бык, хотя и один, но в хозяйстве имеется. Здоровье Аллах дал. Чего еще нужно? Хватит. Благодарю тебя, Аллах. Но Арзу... Арзу до сих пор одинок”.

— По дороге сюда я встретила Эсет, — донесся до него голос жены.

— Что за Эсет? — спросил Али, удивленный, что она почти угадала его мысли.

— Будто не знаешь. В Гати-Юрте одна Эсет. Другой нет.

— Ты говоришь о жене Гати?

— Шли, говорили о том, о сем, и между прочим вспомнили брата.

— Ей-то какое дело до Арзу?

— Они до сих пор любят друг друга.

— Эсет замужем. Арзу не имеет права ее любить. Каждый человек обязан уважать себя.

— Не надо так...

— Стыд-то какой!

— Легко тебе рассуждать. Ты женился на той, которую любил. Они пожениться не смогли. Разве тебе не жаль их?

— Значит, не суждено было. Да и чем им теперь поможешь?

Усман незаметно уснул. Айза накрыла колыбель своей старой шалью и присела около мужа.

— Она готова на все, и если он...

Да, Али знал, что его старшему брату давно пора обзавестись семьей. Когда б не война... И не потому дожил он до тридцати пяти лет холостяком, что девушки не любили его или он не мог найти себе достойную. Нет. Арзу и Эсет любили друг друга. Люди советовали ему жениться, но Арзу стоял на своем: только после войны. Война ему мешала. Боялся оставить Эсет вдовой. Тем более, что в последние дни войны погиб отец Эсет — Билал...

— Думаю, что Арзу так никогда и не женится.

— Почему? Разве ему не нужна жена?

— Чора мне рассказывал как-то, что Арзу доволен тем, что у меня есть сыновья, которые продолжают наш род. Ему же семья станет лишь помехой. Он дал клятву...

— Клятву? — Айза подняла на мужа испуганные глаза.

— Да. Всю жизнь бороться за свободу народа.

— Аллах, опять война! — воскликнула она со слезами в голосе. — Хотя бы о детях подумали!

— Мы и думаем о них. — Он вдруг разозлился. — И не твое это дело! Лучше приляг, отдохни.

Али отвернулся и вскоре задремал.

* * *

Али решил вернуться домой пораньше.

— Завтра к обеду закончим, — сказал он жене. — Собирайся.

В голосе мужа Айза почувствовала нотки беспокойства и, зная его натуру, внутренним чутьем уловила, что оно вызвано заботой о ней. Айза не умела притворяться, а тем более скрывать свою радость.

— Я не очень устала.

— Нет, пойдем. Возможно, Арзу уже приехал.

Али редко отпускал старшего брата одного, старался всегда быть с ним. Но сегодня Арзу уехал в Шали с Маккалом, и Али беспокоился: власти недолюбливают Арзу, а в некоторых аулах на него косятся богачи. Нет, он обязан быть рядом с братом, кто знает, где может подстеречь его беда.

Как и предчувствовал Али, Арзу дома не оказалось. Тревога все сильнее овладевала им. Он несколько раз обошел двор, осмотрел огород, заглянул в сарай, снова вернулся в дом. Айза, занятая приготовлением ужина, не обращала на него внимания, и он, не найдя, к чему бы приложить руки, решил навестить Чору.

— Пожалуй, схожу к Чоре, приглашу его на ужин, — сказал Али, обернувшись с порога.

— Возвращайся скорее, — предупредила Айза. — Ужин скоро будет готов.

Выйдя на улицу, Али немного успокоился. Солнце давно зашло, и его последние лучи тускло догорали на западе. С гор повесело прохладой. Вечерний воздух наполняли привычные звуки аула. Слышался людской говор, блеянье овец, мычание коров, кто-то кого-то звал, лаяли собаки, носилась шумная ватага мальчишек.

— Продай мне свой участок, зачем он тебе? — услышал вдруг Али чей-то голос во дворе своего соседа Васала и оста-

новился. “Да ведь это юрта*... Зачем он здесь?” — удивился Али.

— Не могу, — ответил Васал. — Земля мне и самому нужна.

— Что ты с ней будешь делать?

— То, что все люди делают.

— Люди заботятся о ней, пашут, сеют, а твой участок весь бурьяном зарос.

— Я засею.

— Чем? — не отставал Иса. — Надеешься, Аллах поможет?

— Как-нибудь... обреченно выговорил Васал.

— Да у тебя не то что быка, даже кошки нет, а говоришь “как-нибудь...”

— Люди помогут.

— Можно подумать, людям других забот мало.

— Нет. Не могу продать.

— Подумай, я дам за него полный мешок кукурузы.

— Пойми, дети мои должны жить. Им нельзя без своей земли. А люди не помогут, что ж... Если в прошлом году не пахал, то и в этом году тоже ничего страшного не случится.

— Тогда верни долг!

— Долг? — голос Васала прозвучал растерянно.

— Да, за тобой мешок кукурузы.

— Мы же договорились, я осенью верну...

— Я не намерен ждать. Или верни долг сейчас, или делай, как хочу я. Одно из двух.

— Ради Бога, Иса! Потерпи до осени! Чем я буду кормить детей? Они умрут с голоду!

— Может быть, ты мне прикажешь заботиться о них? Не можешь сам прокормить семью, не плоди детей, как поросят. Встревоженный Али решил зайти во двор к соседу.

Заметив его, Иса поспешил удалиться.

— Ассалам алейкум! Добрый вечер, Васал!

— Ва алейкум салам! Вечер добрый и тебе, Али, — ответил Васал, протягивая искалеченную руку.

— Как чувствует себя Мархет, лучше ей?

— Все так же, — Васал тяжело вздохнул. Чувствовалось, разговор со старшиной выбил его из колеи. — Ты рано вернулся сегодня. Закончил пахать?

* Юрта — аульский старшина (чеч.).

— Завтра к обеду, думаю, управлюсь.

— Почему так долго? Твой участок и за день можно вспахать.

— На такой паре не разгонишься.

— Чей второй бык?

— Чоры.

Васал помолчал немного.

— Не знаю, Али, как мне быть. Замучил меня Иса. Все уговаривает, чтобы продал я ему свой участок. Упрекает, что уже который год не пашу землю. Правду говорит, а ни к Хорте, ни к Шахби не могу обратиться. Они словно сговорились с Исой сжить меня с земли.

— Не горюй, Васал, — Али похлопал соседа по плечу, — успокойся. С твоим участком что-нибудь придумаем. Бог поможет, да и люди не оставят в беде.

— Мархет о тебе спрашивала, — беспомощно проговорил Васал. Ему стало стыдно за минутную слабость. Но что делать, бедность угнетала, приводила в отчаяние. — Зайди к ней, а я постою на воздухе, — сказал он, видя, что Али нерешительно топчется у дверей.

В передней было темно. Али толкнул другую дверь и неслышно переступил порог.

В доме было сумрачно; единственное окно, от времени перекосившееся на бок, еле пропускало отблески вечера. Али не однажды бывал у соседа, но только сейчас по-настоящему ощутил всю бедность, всю убогость этого дома. Здесь не было ничего, что могло бы порадовать глаз.

“Аллах, чем они провинились перед тобой? — невольно подумал он. — Помоги им”.

— Кто там? — послышался слабый голос.

— Это я, — ответил Али, осторожно продвигаясь ближе к окну, у которого на глиняных нарах лежала Мархет.

— Али...

— Как себя чувствуешь? Тебе не лучше? — Али опустился на скамейку у изголовья больной.

На мертвенно-бледном лице Мархет мелькнуло что-то похожее на улыбку.

— Нет, Али, не жить мне больше на этом свете. Только вот смерть моя задержалась где-то в пути. Зову ее, а она не приходит. Я же знаю, как тягостно со мной, всем уже стала обузой.

— Не говори так, Мархет! Ты еще поправишься. Бог всемогущ, он поможет.

— Бог поможет, если скорее призовет к себе... Расскажи, как у тебя-то дела?

— Думал, сегодня закончу пахать, да не успел. Несчастные мы люди. Бьешься-бьешься на своем клочке, ухаживаешь за ним, как мать за младенцем, а из нищеты никак выбраться не можешь.

— Прости меня, Али. Я спросила потому, что ты долго не заходил. Как Айза, дети?

— Слава Богу, пока все хорошо.

— Да поможет вам Бог! А мы, видать, и в этом году не сумеем засеять свой участок. Я не о себе беспокоюсь. Мне уже ничего не надо... Мне... детей жаль...

— Минувший год был трудным для всех, — успокоил Али. — Как освобожусь, вспашу и ваш участок.

В противоположном углу, где спали дети, начался плач. Все громче и громче... Тринадцатилетняя старшая Хоза изо всех сил старалась успокоить младших братишек. Но на голодных детей слова не действовали. Наконец, она что-то сунула им в руки. Маленькие затихли, потом прыгнули с нар и, шлепая босыми ногами по глиняному полу, выбежали на улицу.

— Мархет, чего бы ты хотела поесть? — спросил Али.

— Я грушу сегодня ела...

— Нет, ты не стесняйся, ты скажи, чего бы хотела, мы достанем...

— Спасибо, Али. Мне ничего не нужно. Хоза, — чуть громче обратилась она к дочери. — Пойди-ка, присмотри за детьми...

Когда за дочерью захлопнулась дверь, Мархет тяжело вздохнула, закрыла глаза, и бескровные губы ее задрожали.

Али молчал. Ждал, что скажет Мархет.

Каждое слово ей давалось с трудом.

— Али, мы живем по соседству не один год и не один год знаем друг друга. Ты знаешь, я сирота. В час моей смерти мать не сядет у моего изголовья, не заплачет родная сестра, не устроят тезет* братья. А конец близок. Мне недолго осталось жить. Тебя и Арзу я всегда считала своими родными и в последние дни страшилась умереть, не повидав вас.

* Тезет — место, куда приходят родственники и знакомые умершего для выражения соболезнования (чеч.).

— Не наговаривай. Не все больные умирают. И ты еще поживешь.

Мархет качнула головой.

— Не надо пустых слов. Что со мной будет, я знаю. И у меня просьба к тебе и Арзу. О бедности нашей говорить не буду, но я сохранила кое-что от отца и матери. Это золотые серьги и кольцо. Думала оставить их дочери, но не судьба. Так вот, пусть они пойдут мне на похороны. И если Маккал не побрезгует нашим домом, то пусть семь ночей подряд читает по мне Коран. А вы с Арзу сразу не уходите, подождите, пока не кончится тезет. И еще просьба... Как и раньше... будьте добры к Васалу. Он такой беспомощный. И одинокий. Ведь из-за нас он разлучился со всем, что ему дорого. И с родиной тоже. Вот и все, Али. Это я и хотела тебе сказать.

Стараясь не выдать своего волнения, Али ответил:

— Да пошлет Бог тебе здоровья, Мархет. Ради твоих детей. Их у тебя шестеро... Но коли судьба... Все сделаем... И за Васала не беспокойся. Он наш брат. Мы его не оставим.

— Спасибо, Али. Теперь иди. Я и так тебя задержала.

* * *

Когда Али вернулся, ужин был готов, но Айза не притрагивалась к еде, ждала его. Пряный запах чеснока щекотал ноздри. Умар бросился навстречу отцу, потом опять забежал вокруг котла, держа в руках маленькую деревянную вилку, которую отец вырезал специально для него.

— Отложи несколько голушек детям, а остальное отнеси семье Васала.

Айза удивленно взглянула на мужа.

— Иди. Дети у него голодные.

Айза подняла котел и, не говоря ни слова, вышла. Но вскоре вернулась с красными от слез глазами.

ГЛАВА IV

НОВЫЕ ХОЗЯЕВА АУЛА

Да, наконец, кто такие здесь участковые приставы? Это те же становые, только с более широкой властью и с большей фанаберией, с большим нахальством и с большим невежеством. Умственное развитие их крайне ничтожно, нравственных понятий не имеют никаких. Неудивительно, что они назначают старшинами просто отребье горских обществ.

Я. Абрамов

В аулах редко кто засиживается допоздна. Чуть стемнеет, и гаснут одно за другим крохотные окна глинобитных лагучуг. Люди укладываются на ночь, и кто-то засыпает сразу, с тайной надеждой на будущее, — другие беспокойно и долго мучаются бессонницей на жесткой постели. Но и тех и других во сне одолевают одинаковые тяжелые думы: как выжить, как не умереть голодной смертью. Ибо каждое новое утро не сулит им ничего хорошего, кроме новых тревог.

А вот из окон дома сельского старшины Исы льется яркий свет. Всего несколько человек в ауле имеют такие вот дома, крытые черепицей и с застекленными окнами. Ими владеют Шахби, Хорта, Товсолт и старшина Иса.

Сегодня у старшины гостят упитанный коротышка Шахби и сухой, длинный, как жердь, кади Товсолт. Все трое чинно восседают на глиняных нарах, застланных пестрым войлоком. Посередине стоит деревянный поднос с остывшими кусками баранины. Гости, кажется, уже и наелись досыта, а все бросают жадные взгляды на горку чепалгаш* в масле.

Где бы ни появлялся мулла Шахби, он всегда имел привычку рассказывать легенды из жайнов**, касающихся жизни святых. В глазах верующих мулла Шахби и сам стал чуть ли не святым, ведь он самый набожный и, пожалуй, самый ученый

* Чепалгаш — пироги, начиненные творогом (чеч.).

** Жайн — богословская книга (чеч.).

человек не только в Гати-Юрте, но и во всей долине Аксая. Но среди своих единомышленников, в их узком кругу, например как сегодня, о Боге он вспоминает лишь дважды: до и после трапезы. И сейчас, глотая ароматный калмыцкий чай, запавленный маслом и молоком, он рассказывает сотрапезникам не о святых, а о своих юношеских приключениях с девушками.

— Наш мулла имел двух жен, — Шахби провел тыльной стороной ладони по жирным губам. — О первой не стоит говорить, а вот вторая... Вторая была — огонь! Ясно, конечно, какие радости можно ждать от старого козла, потому молодуха и позволила себе разные вольности с мужчинами. В бойкости и в остроте языка мне нельзя было отказать, да и лицом и фигурой выделялся среди своих товарищей и часто посещал дом муллы. Вел себя с молодой не принужденно, разные там шуточки-прибаутки, но рукою до нее не дотрагивался. Боялся, а вдруг прознают — позора не оберешься, а еще того хуже — убьют. Но вот однажды пришел я в дом муллы, когда хозяин отсутствовал, о чем меня заранее известила его молодуха. Прихватил с собой жайны, на случай, если мулла вдруг вернется.

— Хитрец, чисто волк, и все тут, — засмеялся Товсолт. — Ведь и правда, мулла ничего не заподозрит: пришел человек со святыней под мышкой, ну и что? Ладно, рассказывай дальше!

— Так вот, молодуха дома одна. “Что у тебя под мышкой?” — спрашивает. “Это то, — отвечаю, — чем старые муллы обманывают народ, а молодые обманывают женщин”.

В тот день она вела себя особенно вольно. Все хохотала, строила глазки. Потом уселась на край кровати, хлопнула себя по бедрам и говорит мне: “Иди сюда, милый, садись ко мне на колени”.

— Так и сказала? — разинул рот Товсолт. — В ты что сделал?

— А что мне оставалось? До сих пор вспоминаю мягкую нежность ее крутых бедер. Только когда садился, руки я засунул в карманы бешмета...

Дверь приоткрылась, вошла хозяйка дома Рабихат. Шахби, увидев ее, вытаращил глаза, будто подавился костью.

— Еще принести еды? — спросила она.

Товсолт замахал руками.

— Не нужно ничего. Иди, не мешай!

Женщина по веселым лицам догадалась, что разговор идет не о небесных, а о земных радостях, молча покачала головой и прикрыла за собой дверь.

— Ну, продолжай, продолжай, Шахби, — попросил Иса, сгорая от нетерпения. — Что дальше-то было?

— Разве трудно догадаться? Так она крепко обняла меня, что дух захватило. И долго она ласкала меня да целовала, как ребенка. А я не мешал ей и не противился.

Товсолт хихикал, дергая себя за жидкие усы.

— Однако только не понял, Шахби, почему ты, сев к ней на колени, засунул руки в карманы?

Шахби, не торопясь, словно он делал что-то очень важное и ответственное, вытер полый бешмета мокрые от пота лоб и шею, сделал несколько глотков чая и только после этого промолвил:

— Все очень просто, Товсолт. Если кто из вас попадет в аналогичную ситуацию, не забудьте своего друга Шахби. Он плохие уроки не дает. Ведь ничего предосудительного в моем поведении не было. Собери, хоть тогда, хоть и сейчас, в одну кучу даже девять Коранов, я все равно могу поклясться на них, что руками-то до нее я не дотрагивался. Руками... Они же были в карманах... Ну, а чем другим... Об этом не спрашивали.

— Остопиралла!* — одновременно вырвалось у обоих слушателей. — Какую же голову надо иметь, чтоб такое придумать!

— Ох и плуты же вы все, — заливался смехом Иса. — А с тобой что-нибудь подобное приключилось, Товсолт?

— Куда мне до Шахби!

— Верно, такая жердь, как ты, женщинам не нужна. Им нужен такой бугай, как я!

— Ваха-ха-ха! Жердь! Метко сказано! — держась за живот продолжал закатываться Иса.

Слова Шахби задели Товсолта за живое.

— Говорят, что плохая порода берет свое начало от жирного жеребца и худой кобылы. Ведь узнай кто о твоих делишках, ты, может, и выхода не нашел бы. А когда со мной приключилось нечто, я вышел чистеньким...

* Остопиралла — Покаяние перед Аллахом. Дословно: "Прости, Аллах" (арб.).

— Ладно, ладно. Тебя-то мы тоже хорошо знаем!

— Ради всего святого, Расскажи нам, Товсолт, о своем приключении.

— Рассказывать особо нечего. Просто пришили мне грех с одной женщиной...

— Ты что, сказки собираешься рассказывать? — засомневался Иса.

— На это он мастер, — подмигнул Исе Шахби.

— Ваше дело, верить или нет. Но я говорю правду. Так вот, свою вину в грехе я отрицал, и вечером меня куда-то должны были повести на клятву. Перед этим, выпроводив жену и детей из комнаты, я втиснулся в детскую люльку. Когда выбрался из люльки, то позвал свою старушку и лег с ней на нары. И уже после этого со спокойной душой пошел на очищение. Мне протянули Коран: на, мол, поклянись, что ты до на ней женщины не дотрагивался.

— И ты поклялся?

— А что ж тут такого — конечно, поклялся. Я во весь голос заявил, что с той поры, как покинул колыбель, ни к какой женщине, кроме своей жены, не прикасался.

— Вах-вах-вах!

— Кхи-кхи-кхихк! Вот это да! Чтоб вам пусто было на том свете, шайтаны! Не бывать вам в раю! Один я из всех нас достоин быть там. А ведь тот, кто вас не знает, думает, что вы святые...

Товсолт перетрухнул не на шутку.

— Ты, дурак, смотри, не вздумай болтать.

— Да брось ты, все это когда-то было, сколько воды после этого утекло, — успокоил Товсолта Шахби. — А теперь пошутили и посмеялись.

Лицо Исы приняло обычное выражение. Пригладив обеими ладонями обожженные табаком пышные усы и повернувшись к Товсолту, он сказал:

— Ладно, шутки-шутками, кенти*, но прежде, чем разойтись, мы должны обсудить одно дело.

Оба гостя приосанились и, откинув головы, уставились на Ису, ловя каждое его слово. В недобрых глазах Исы загорелась ничем не прикрытая алчность.

— Как вам известно, я расширил свои земли и прикупил кое-какие участки. Так что почти все урочище Арчхи теперь мое. Но вот что меня беспокоит. У Васала имеются в нем два

* Кенти — от слова "кант" — мальчик, удалец (чеч.).

надела. В прошлом году он их не вспахал, не пашет и в этом. Но продать наделы отказывается. Подскажите, как лучше забрать у него эти земли?

Гости задумались.

— Нужен какой-то повод, — тихо промолвил Шахби.

— За поводом дело не станет. Васал еще с прошлой зимы остался должен мне один гали* кукурузы.

— Какой же еще повод нужен? — Товсолт вяло махнул рукой. — Если долг он тебе не вернет, возьми да и вспаши его земли.

— А если дело дойдет до шариатского суда, сумеете выиграть дело?

— О том и речи не может быть, — коротко бросил Шахби.

— Васал стал мусульманином недавно, а надел ему достался от тестя... Дело это плевое.

Товсолт согласно кивнул. Иса счел свой главный вопрос решенным.

— Теперь, второе, — произнес он немного погодя. — Вы знаете, куда поехали Арзу и Маккал?

— Я не знаю, — покачал головой Товсолт.

— Мне говорили, что подались они в сторону Мичика, а вот в какой именно аул, сказать точно не могу, — пожал плечами Шахби.

— Прошлой зимой поговаривали, что после праздника уразы они начнут войну с русскими. Месяц уразы прошел, но все спокойно и ничего не слышно. Начальник округа беспокоится, не зная точно, что держат они на уме.

— Всех основных главарей шайки арестовали, многие сами откололись и замирились, — сказал Шахби. — Так что эти двое погоды не сделают, они и подготовиться-то как следует ни к чему не успели.

— Да нет. Сдается мне, они все же что-то затевают. А вот что именно? Это-то мы и обязаны разузнать.

Шахби глубоко вздохнул.

— Чего так тяжело вздыхаешь? — спросил старшина.

— Уволь меня от этого дела.

— Почему?

— Ты же знаешь, они на Коране поклялись не щадить предателей и доносчиков. А мне, хоть я уже и стар, но жить еще не надоело.

* Гали — куль, мешок (чеч.).

Товсолт тоже согласился с Шахби.

Иса вспыхнул было, но сдержался.

— Пусть волк и медведь дерутся, а кувшин с маслом достанется нам, — процедил он сквозь зубы. — Нет, так не бывает.

Шахби держался со старшиной более уверенно. Он не боялся его, как Товсолт.

— Есть золотые слова: “не видел”, “не знаю”. Следуй такому принципу. До сей поры он был твоим ангелом-хранителем. Будет и теперь, коли ты совсем не потерял голову. Народ доволен и церемониться с тобой не станет.

— Хорошо. Так я и передам начальнику округа. Он вас назначал, перед ним вам и ответ держать. Но когда мулла и старики отказываются помогать устанавливать порядок в ауле, то их, как правило, заменяют другими.

Гости приуныли. Каждый из них был третьим лишним. И этот третий-то и мешал договориться.

Возражать хозяину стало опасно, гости умолкли. Такое время, что родному брату не доверишься, а уж Исе и подавно. Ему все равно кто — отец, брат или кровное дитя. Любого пошлет на виселицу. Но те еще страшнее Исы и его покровителей. Лучше, конечно, когда можно и нашим, и вашим. Угождать тем и другим, легче собственную шкуру сохранить... Только надо же при свидетеле задавать такие вопросы...

Гости растерялись и молчали. Выручил их громкий лай собаки, неожиданно раздавшийся во дворе. Иса поднялся и вскоре вернулся с Хортой, который, еще не переступив порог комнаты, с досадой сказал:

— Никак твоя собака не хочет привыкнуть ко мне. Не выйди ты вовремя, она, наверняка, растерзала бы меня. Ого, да у тебя гости? Ассалам алейкум!

— Ва алейкум салам!

Шахби и Товсолт слегка приподнялись. На Хорте были атласные шаровары и бешмет. Он уселся рядом, скрестив ноги, сплел папаху, обнажил лысую голову.

— Как у вас, все благополучно? — обратился он к Шахби и Товсолту.

— Алхамдулилла, Аллах милостив. Ты когда вернулся?

— Только что. И прямо к Исе.

— Правильно сделал. Мы не помешаем?

— Нет-нет, хорошо, что я вас всех вместе застал.

— Расскажи, что произошло в Брагунах?

Иса налил в чашку чая, одобрил его молоком и маслом и протянул Хорте. Тот, выпятив толстые губы, подул на чай и шумно, со свистом, сделал большой глоток.

— Ничего похожего на то, что мы слышали. Обыкновенное происшествие. Муталимы* из медресе муллы Мидальша возвращались из окрестных аулов, куда они ходили собирать подаяние. На мосту между Гудермесом и Брагунами им повстречались двое казаков, идущих с рыбалки. Среди муталимов был всего один взрослый, остальные — дети. Казаки остановились и подняли муталимов, одетых в нищенскую одежду, на смех. Потом один из казаков взял да и подставил ногу муталиму. Тот растянулся на мосту. Старший муталим подбежал к обидчику, схватил его за ворот. Казак, недолго думая, заехал ему кулаком в ухо. Муталим ответил тем же. Второй казак вытащил кол из ближайшего плетня и сзади ударил муталима по голове. Бедняга упал на колени, из раны полилась кровь. Разъяренный муталим выхватил кинжал и ранил одного казака в руку, другого в ногу. Те стали звать на помощь. В станице поднялась суматоха. Послышались крики: “Наших режут!” Прибежали к мосту кто с чем: с вилами, с топорами, с ружьями. Муталимы в испуге разбежались. Казаки бросились за ними, поймали и нещадно избили. А потом привезли избитых в станичное правление. Старший муталим умер. У многих его товарищей переломаны ребра. С теми двумя казаками ничего страшного не случилось. Их раны были не опасными, оба поправляются.

Подобные стычки часто происходили в Грозном, куда на местный рынок съезжаются со своим товаром горцы из окрестных аулов, что не по душе казакам из соседних станиц и местным торговцам. Их недовольство усугубляется еще и давней враждой между русскими и чеченцами. Ни один базар не проходит без столкновений. Недавно Шахби сам был свидетелем такой стычки, которая завершилась громадным побоищем. Как обычно, началось с пустяка. Один чеченец обменял свои дрова на арбузы, часть которых лежала на телеге, другая — возле нее. Чеченец стал грузить все арбузы, полагая, что они все его. Хозяин арбузов ударил его кулаком в лицо. Стоявший рядом другой чеченец — товарищ или знакомый оби-

* Муталим — ученик школы-медресе (чеч.).

«инного горца — в свою очередь ударил горожанина. К месту драки бросились и чеченцы, и русские. Началась общая свалка. И только энергичное вмешательство полиции и чеченца, полковника Чермоева, уредило дерущихся, предотвратив кровавые жертвы.

— Да накажет Аллах этих безбожников!

— Ваши сыновья тоже были с муталимами?

— Да.

— Они не пострадали?

— Так, слегка.

— Это тебя, Хорта, Всевышний наказывает. Я бы с большим удовольствием пожертвовал своим богатством, если бы тебе перепало столько ударов, сколько тому бедному муталиму.

Хорта скрипнул зубами и потемневшими от злости глазами уставился на Шахби. Тот спокойно полулежал, облокотившись на подушку, закинув ногу на ногу и скручивая седые кончики усов, словно собираясь продеть их в ушко иголки. На толстых губах его играла презрительная улыбка, в прищуренных глазах мерцали недобрые огоньки.

— Ты на меня не пялся, — сказал он пренебрежительно, — своих мальчиков ты не отдал ко мне в медресе, а почему-то погреб их в Брагуны. Или Мидальш-Мулла умнее меня? Сколько бы ты ни крутился, я знал, что рано или поздно ты все равно придешь к порогу моего дома!

От раздражения Хорта забыл, что чай горячий, сделал глоток и тут же скривился от ожога. Через минуту он пришел в себя, разгладил крашенные хной усы и процедил:

— Если мне не изменяет память, ты все тот же Шахби?

— У тебя хорошая память, Хорта. Я не изменился и этим горжусь.

— Рано радуешься. Все равно, что раздеться, не дойдя до реки. В одном я могу тебя заверить наверняка: пороть задницы моих мальчиков тебе не придется. — Хорта с победным видом оглядел толстую фигуру муллы. — Мои дети более не переступят порога медресе. Не те сейчас времена, уважаемый. Не хочу вашими жейнами и Кораном забивать головы своим сыновьям. В народе говорят, нужно подпевать тому хозяину, на чьей арбе ты едешь. А поскольку я сажу на русской арбе, я и буду петь русскую песню.

Никто еще не догадывался, куда клонит Хорта, и потому все внимательно его слушали. А он уже ровным голосом продолжал:

— Будучи по торговым делам в Солжа-Кале*, я встретил приятелей, которые рассказали, что там для наших детей открыли русское медресе. Русские называют это школой. В ней учат разным наукам. На старшего, Асхаба, надежды мало. Хотя в Мекку, хоть в Петербург пошли — ученый из него не получится. Его место рядом со мной, в лавке. А вот своих младших я и отдам в школу. Что ты на это скажешь, Иса?

— Были бы у меня малолетние дети, я ни минуты не держал бы их дома. Ты правильно решил, Хорта. Пусть мальчики учатся в русской школе.

Шахби все это время шептал молитву, привычно перебирая четки короткими пальцами. При последних словах он резко выпрямился, забрал в кулак зерна четок и исподлобья, как бык, ступивший на деревянный мост, уперся горячим взглядом в переносицу Хорты. Подрагивание окладистой бороды, пышно лежащей на груди, тоже выдавало его волнение.

— Сам ты давно уже стал безбожником! — закричал он на Хорту. — Теперь ты хочешь, чтобы ими стали и твои сыновья? Какой настоящий мусульманин отдаст своего ребенка в руки гяуров?

— Шахби, едко бросил Хорта, — я у тебя совета не просил. Сиди и помалкивай.

— Если не просил, то только по собственной глупости. Я отвечаю перед Аллахом за чистоту веры и шариата в нашем ауле. Кто тебя обмоет и похоронит, как не я?

— Глупец! Ты и меня решил пережить? — засмеялся Хорта. — Да ты за два аршина сукна и головку сахара обмоешь и похоронишь свинью!

Видя, что разговор принимает столь серьезный оборот, вмешался Товсолт:

— Шутка шуткой, Хорта, — сказал он примирительно, — но Шахби с одной стороны прав. Недаром говорят: паршивая овца все стадо портит. Шахби опасается, как бы твоего сына не испортили на стороне. И тогда он, действительно, может стать гяуром, забыть веру, забыть наши обычаи. Ты на Шахби не обижайся, он не хочет тебе зла.

* Солжа-Кала — ныне г. Грозный (чеч.).

— Вот именно. А потому и говорю: русские — наши враги. Никогда не было мира между мусульманином и христианином. И не будет. Как можно доверять воспитание детей нашим злейшим врагам? Убийцам наших отцов, сестер, братьев, душителям ислама!

Наконец хозяин дома счел необходимым сказать свое слово:

— Ты не прав, Шахби, — он слегка дотронулся рукой до его плеча. — Вникни в слова Хорты, и тогда ты многое поймешь. В свое время я перешел на сторону русских и помог им смирить свой народ. Почему я так поступил? Из любви к русским? Нет. Я их и тогда ненавидел, а сейчас еще более. Но их — тьма, и они — сила. Нам их никогда не одолеть, а значит, с нашего горба они никогда не слезут. Как только они двинулись в горы, я смекнул, что сила-то на их стороне, и стал им служить. Хочешь жить — пляши под нужную дудку. Тот же, кто этого не понял, тот круглый дурак. Так вот, если говорить откровенно, Шахби, то душа у тебя нечистая, гнилая. Дай Бог, чтобы когда-нибудь это не вышло тебе боком. И не говори потом, что я тебя не предупреждал. Вы все для меня не только односельчане, но и родственниками мне доводиться. Представьте, что будет с вами, если завтра русские уйдут из этих мест. Наши единовверные братья съедят вас живьем, немедленно. — Иса перевел дух. — Поэтому не болтайте зря и не ссорьтесь. Ведите себя умнее; коли послушаетесь меня, то мы будем править аулом и люди будут послушны нам, как стадо. В противном случае, они запрягут нас.

— Клянусь Аллахом, не пойму, что от меня хочет Шахби? — обиделся Хорта. — Ребенок мой, и я волен поступать с ним, как хочу. Искалечу, убью — никому до того дела нет. Я один в ответе за него и перед Богом, и перед совестью, но не перед людьми. Чья власть — русская или еврейская — мне все равно. Лишь бы от нее была польза. Допустим, отдам я мальчика в медресе. Пятнадцать лет он будет зубрить Коран, изучать жайны. И все это лишь для того, чтобы сделаться муллой в ауле! Чтобы мой сын, как нищий, ходил по дворам, собирал милостыню, обмывал покойников? Нет, этого я не допущу! Учась же в русской школе, он может стать офицером. Тогда всем нам будет опорой. Следует смотреть вперед.

— Тише, тише, Хорта! — замахал руками Иса. — А ты, Шахби, если ты такой уж прыткий, то почему ни разу не выстрелил из ружья по врагу?

— Стреляют воины. Мое дело проповедовать шариат.

— Нет, Шахби, ты просто двуличный человек. На словах печешься о народе, а на самом деле ты его предаешь при каждом удобном случае. Говоришь, что люди умрут с голоду, но в амбарах у тебя полно хлеба, а в загонах овцам нет счета. Да тебе ли говорить о земле, о бедности? Нет, уважаемый, не будет так, чтобы все люди купались в крови, а ты один — в молоке. Ты проповедуешь шариат, вот и проповедуй его. И говори людям то, что советует тебе власть. Иначе твой длинный язык загонит тебя в Сибирь, а оттуда тебя не вернут ни Аллах, ни шариат.

Шахби не стал возражать. Он счел за лучшее смолчать. Правда, внутри у него все кипело. Но и высказать все, что лежало на душе, не хватало мужества. Да, он как щенок виляет хвостом перед русскими властями, но он ненавидит этих безбожников и никогда не примирится с ними. Неверные указывают ему путь, а он не смеет сопротивляться. Да, они платят хорошо, и покорность — путь к богатству. Но вот если бы они не лезли в дела религии! Довольно и того, что произошло у Шали. Многим те события открыли глаза, многих образумили. Нет, какая бы хорошая власть ни была, но она — власть неверных. А христиане — самые непримиримые враги ислама.

Арестовали его шейха Кунту-Хаджи, убили или заточили в тюрьмах лучших векилей* устаза. Нет, не будет он другом неверных и тех, кто с ними заодно. Огонь ненависти жжет ему грудь. Это все, что ему осталось, на что-то большее он просто не способен.

Так был испорчен весело начавшийся вечер. Они посидели еще немного, пытаясь наладить разговор, но ничего не вышло, да и на дворе стояла уже глубокая ночь. Пора было прощаться с хозяином, что гости и не замедлили сделать.

* Векил — доверенное лицо, сподвижник руководителя секты (чеч.).

ГЛАВА V

ИСА — СЫН МИЦИ

А ведь сорокатысячным войском и встарь
Приходил ты к нам сардар-полуцарь.
Но чеченцы разбили войска твои в прах,
Ты все пушки оставил в чеченских лесах.

Магомед-бек Аварский

Имя Исы, сына Мици, осыпают проклятиями не только в родном ауле, но и по всей Ичкерии. Сколько крови и черных дел на его совести, сколько горя принес он людям! Не понимают гатияуртовцы, почему Аллах терпит такого человека. Он, как Даджал, что явится перед страшным судом, сеет вокруг себя только зло. Черное сердце и злобный характер Исы люди узнали давно...

В те времена и Кази-Мулла еще не был имамом, и в Чечне не было ни одного шейха. Но вот однажды вверх по Аксаю поднялся таинственный человек в сопровождении трех чеченцев. Роста человек был высокого, розовощекий и, несмотря на свои пятьдесят лет, довольно энергичный и бодрый. Никто не знал, кто он и откуда родом. Говорил он на кумыкском и, как утверждали его проводники, хорошо владел турецким. И еще они говорили, что человек этот святой, послан Аллахом, чтобы утвердить правоверный ислам в Чечне.

Гатияуртовцы поверили незнакомцу, приютили его. Они молча внимали его проповедям и в тайне гордились тем, что такой святой человек впервые появился именно в их ауле. Да и как было не признавать его, если каждая сура*, которую он матким, бархатным голосом читал наизусть, говорила о святости его, что ослушников ждет кара на том и на этом свете. Он говорил, что русский царь десятки лет пытается захватить

* Сура — глава из Корана (арб.).

наши земли, чтобы отнять у нас свободу, силой обратить нас в христианство. Тот же, кто хочет сохранить свободу, правоверный ислам, пусть станет под его знамена против войск неверного царя.

— Люди, — призывал в свою очередь, Иса. — Кого вы слушаете? Бродягу в широких шароварах? Нищего без роду и племени? Он обманывает вас. Гоните его прочь!

Но люди думали иначе. Десятки лет войска падишаха топтали их родную землю. В Амер-Аджи-Юрте, Таш-Кичу и совсем близко, в Герзеле, стояли солдаты с грозными пушками. Суровый генерал Ермолов сжег почти все равнинные аулы. Дым пожаров и сейчас стелется по Сунже. Откуда ждать помощи? Темные гатияуртовцы не находили ответа. Они уповали на Аллаха, ждали, что он пошлет им спасителя. И верили, что таким спасителем и станет таинственный пришелец в широких шароварах.

Ташав-Хаджи не забыл наглой выходки вероотступника Исы, не простил его. Ночью со своими сторонниками он пробрался в урочище Ахмат-Тале и подпалил пшеничную скирду Исы. Тогда рассвирепевший Иса уехал в Малую Чечню и сколотил там небольшой отряд из верных ему людей. Но к тому времени, когда он вернулся с твердым намерением покончить с Ташав-Хаджи, того уже в Гати-Юрте не было. Ташав-Хаджи заблаговременно уклонился от встречи с мстительным Исой, покинув село вместе со своими сторонниками, и обосновался на возвышенности Саясан-Корт. Угрозы сыпались то с одной, то с другой стороны, однако до решительных действий дело не доходило. Обе противостоящие друг другу партии выжидали, не решаясь первыми начать активные действия. Время работало на Ташав-Хаджи. Не прошло и двух лет, как он стал предводителем нескольких тысяч воинов, а Иса к тому времени, по существу, остался совершенно один.

В Гимрах, в бою с царскими войсками, героической смертью погиб славный сын аварского народа Кази-Мулла. Тускло промерцав на небе Дагестана, исчезла во мраке ночи и звезда имама Гамзата. Но Ташав-Хаджи ни на минуту не прекращал борьбу за свободу. Он оказывал решительное сопротивление войскам падишаха, наступавшим на Чечню.

У войны свои законы. И удар острого кинжала в грудь ненавистнику во имя правого дела не порождает кривотолков и ненужных пересудов, обычно присущих мирному времени.

Этому способствуют сами обстоятельства: жестокость, и смерти не воспринимаются так остро и легко забываются под свист пуль при виде еще большей крови. Не удивительно, что именно в это смутное время Ташав-Хаджи и вспомнил о своем давнем враге. Но не таков был Иса, чтобы беспомощной овцой лечь под нож противника. Звериным нюхом учуял он, что оставаться в Гати-Юрте небезопасно, и вместе со своей семьей перебрался в крепость Таш-Кичу под защиту русских штыков.

Обладающему природным даром быстро сходитьсь с людьми Исе не стоило особых трудов войти в доверие к гарнизонному начальству. Сблизиться же с ним было просто необходимо, поскольку Иса нуждался в поддержке, а сила была на стороне русских. Иса чувствовал, что близится тот долгожданный день, когда он, наконец, сможет отомстить Ташав-Хаджи. Дагестанские общества одно за другим отходили от Шамиля, и его поддерживали лишь несколько чеченских предводителей — Ташав-Хаджи, Удди-Мулла, Домбай, Оздемир, Магомед-Гирей.

Иса прослышал, что его заклятый враг Ташав-Хаджи строит крепость в урочище Ахмат-Тале, где некогда этот бездомный бродяга сжег его пшеничную скирду. Это было открытым вызовом, которого Иса, как чеченец, стерпеть не мог. Он сам напросился в поход в горные аулы и с личного дозволения генерала Граббе был зачислен в отряд проводником.

9 мая 1839 года отряд выступил в поход. Иса хорошо знал родные места и вывел солдат точно в назначенное место. Разбив укрепившегося в Ахмат-Тале Ташав-Хаджи, отряд двинулся к Мескетам. Вскоре аул окутался дымом пожарищ. Был сожжен и родной аул Исы — Гати-Юрт. На этом бы и успокоиться, но зверь, впервые познавший вкус крови, уже жаждал большего.

С падением Ахульго, казалось бы, пришел конец Кавказской войне. Однако в 1840 году Чечня поднялась вновь, и в нее опять были направлены еще более кровавые экспедиции. Тем не менее, повстанцы одержали несколько крупных побед: особенно неудачным был поход генерала Граббе в Восточную Чечню в начале июня 1842 года, во время которого он потерял 66 офицеров и 1719 солдат.

Во всех походах царских войск в Восточную Чечню их проводником неизменно оставался Иса, сын Мици.

У Исы было много родни. Два его брата проживали в Гати-Юрте, пятеро сыновей находились вместе с Исой в Таш-Кичу.

Предательство Исы стало большим позором для братьев. Но они ничего так не жаждали, как его смерти. Ни у одного из них не дрогнуло бы в руке ружье, но как его достать за стенами русской крепости? Да и в боях ни разу не представился случай свести счеты с отступником. Не видя иного выхода, братья предложили племянникам — сыновьям Исы — убить своего отца. В противном случае им будет отрезан путь в родной аул. В доме Исы поселилась вражда. На одной стороне отец, на другой — его сыновья. Уговоры на отца не действовали. На убийство родного отца ни у одного из сыновей не поднималась рука. Все пятеро вернулись в Гати-Юрт ни с чем.

При очередном набеге царских войск Иса вновь сжег Гати-Юрт. Когда отряд ушел, скрывавшиеся в лесах жители вернулись в аул. Вернее к тому, что от него осталось. Догорали остатки последних лачуг. Удушливый дым стлался по земле, воздух был наполнен криками, плачем, стонами раненых и ревом обезумевшей скотины. То здесь, то там натыкались люди на трупы павших в неравном бою, женщины рвали на себе волосы, оплакивая близких.

Но аул сгорел не весь. Остались нетронутыми дома двух братьев и четырех сыновей Исы (младший, Дакаш, не был женат и не имел еще над головой собственной крыши).

Люди молча стояли, опустив головы. Им было больно и стыдно.

— Мажи, — крикнул Дакаш, обращаясь к старшему брату, — долго ли мы будем терпеть отца-предателя?

Голос его сорвался. Он застонал, словно его только что ранили.

Люди, не сказав ни единого упрека, ушли, оставив сыновей и братьев Исы одних. Но вскоре запылали и их дома. К ним поднес факел Миди, брат Исы.

— Нет, Иса, не быть по-твоему. Чтобы твои братья и сыновья смеялись, а все остальные сельчане плакали? О Аллах, помоги мне только добраться до него!

* * *

Крайне неудачная военная операция графа Воронцова в горах Чечни в 1845 году вошла в историю Кавказской войны под названиями «Сухарная экспедиция» или «даргинский по-

ход». Но никто не знает, что его отряд, попавший в окружение, спас от полного разгрома и позорного плена Иса, сын Мици.

В поход Воронцов тогда снарядил пять отрядов, среди которых были: Чеченский, под командованием генерала Лидерса, Дагестанский — князя Бебутова, Самурский — генерала Аргутинского-Долгорукова, Назрановский — под началом генерала Нестерова. В походе участвовали знаменитые генералы Пассек, Викторов, Клюге фон Клюгенау, Граббе, Барятинский, Фок, Белявский, Меликов, Бенкендорф, Гурко, Дондуков-Корсаков, Миллер-Закомельский, Гейдель.

Словом, горцы, даже не побывав в Петербурге, могли лицезреть чуть ли не весь цвет воинства императорского двора.

План наступления, разработанный до мельчайших деталей, был примерно таков: два отряда — Чеченский и Дагестанский, пройдя через Дагестан вверх до Анды, с юга поворачивают на Чечню, и, заняв резиденцию Шамиля, аул Дарго, и тем самым полностью довершив разгром Восточной Чечни, выступают по направлению к Шали. Одновременно с запада двигался отряд Нестерова. Кроме основных сил, отправлявшихся в горы, в крепости Грозной оставался резервный отряд генерала Фрейтага. Все отряды, завершив операцию, должны были встретиться у селения Шали.

31 мая Воронцов прибыл в Чеченский отряд, находившийся у крепости Внезапной, и вместе с ним выступил на Хуббару, где соединившись с Дагестанским отрядом, двинулся в горы.

В состав отрядов входили двадцать один батальон пехоты и девять рот, четыре саперных и три стрелковых роты, десять сотен казаков и две сотни грузин, тридцать восемь орудий и четыре мортиры. Кроме того, в одном из отрядов находилась тысяча грузинских милиционеров.

Учитывая, что противник свои основные силы нацелил на Чечню, Шамиль оставил здесь ядро своего войска — чеченцев. Чеченские наибы во главе с Талгигом Шалинским должны были защищать Малую и Большую Чечню, а наибам Эльдару и Уллуби поручалась защита Ичкерии. Не доверяя андийцам, Шамиль захватил с собой шесть тысяч воинов и вышел в Дагестан навстречу Воронцову.

Сведения, поступившие из Дагестана, были тревожными. Наиб Хаджи-Мурат после первой же неудачи ушел в горы и

скрылся. Шамиль, опередив Воронцова, прибыл в горы. Тут и подоспел Воронцов. Бой на горе Анчемир был коротким и закончился поражением Шамиля. Имам спешно отступил в Анды, а андийцы тем временем готовились встретить Воронцова хлебом-солью. Шамиль вызвал андийских наивов и заставил их поклясться, что они не изменят ему. Однако в тот момент, когда на поле боя показался отряд Воронцова, андийцы связали своего наива и отказались впустить имама. Рассвирепевший Шамиль приказал отрубить трем андийцам головы и насадить их на колья. Андийцы возмутились, попросили помощи у Воронцова. Войско имама стала разбегаться. Дело довершила налетевшая конница генерала Пассека. Горцы бросились наутек. Они бежали по бездорожью, не обращая внимания на бурные реки и крутые берега. Отступая, Шамиль сжигал все андийские аулы, что лежали на его пути. С оставшимися малочисленными войсками он отступил в Дарго.

Вслед за ним к Дарго двинулся Воронцов, имевший восемь тысяч штыков, тысячу двести сабель и двадцать две пушки. Шамиль встретил Воронцова в укреплении на подступах к Дарго. Первой бросилась на штурм столичная молодежь во главе с братом императрицы, немецким принцем Гессенским. Окончательно довершили дело пехотинцы генерала Белявского, вынудившие Шамиля отступить в Дарго. Имам сжег резиденцию и скрылся в лесах.

Захватив Дарго, Воронцов успокоился. Одержать такую победу и притом с малыми потерями! Он легко сделал то, что не смогли сделать его предшественники. Но как бы граф ни тешил себя иллюзиями об окончательной победе, до нее было еще очень далеко. Об этом хорошо знал генерал Граббе, который чудом спасся два года назад, когда Шоип Цонтороевский разбил его наголову. Почтительно склонившись к Воронцову, генерал Граббе заметил:

— Торжество наше преждевременно, ваше сиятельство. Чечня — это большое осиное гнездо. Мы только растревожили его. Вся опасность еще впереди.

Генерал оказался прав. Хотя Воронцов и стоял в Дарго, но это уже не утешало. Шамиль без сожаления сжег свою резиденцию и, видимо, готовился к решающему сражению. А отряд Воронцова тем временем нес потери. Был смертельно ранен генерал Фок. Всего же более графа волновало отсутствие

где жили самые отчаянные воины Ичкерии. А вконец обессиленные люди уже не могли двигаться дальше. Оставалась одна надежда — Фрейтаг. Но от него по-прежнему не было никаких вестей...

Жаркий июльский день уходил в горы. Солдаты с тоской глядели на догорающий закат: удастся ли увидеть хоть еще один восход солнца? Израненные, измученные, они надеялись только на чудо. Призрачная надежда не утешала, а лишь вызывала еще большую тревогу и беспокойство.

Место, где расположился лагерь отряд, было хорошей мишенью для артиллерии противника: на отлогом берегу Аксая площадью менее квадратной версты скопилась большая масса людей. Палатка командующего стояла на самом краю берега, по-соседству с нею разместились штабные палатки.

Бездеятельность отряда играла на руку горцам. Талгик, хорошо понимая это, занял позицию на противоположном берегу и из трех пушек в течение двух дней непрерывно обстреливал лагерь. Отвечать ему было нечем: кончились снаряды. Солдаты опасались собираться большими группами. Офицеры просили графа перенести палатку в более безопасное место. Граф не поднимался с походной кровати, не обращал внимания на свист неприятельских гранат и ядер, пролетавших над ним, и преспокойно читал английские газеты. У входа в палатку стоял его фамильный значок.

Наконец наступил долгожданный день, 18 июня. В полдень над Мескетами появилась ракета, послышались частые выстрелы и пушечный грохот. Бой в Мескетах и Гати-Юрте продолжался до позднего вечера. Только на второй день к девяти часам утра Фрейтаг занял Шовхал-Берды и соединился с Воронцовым.

Так закончилась «Сухарная экспедиция» генерал-адъютанта графа Воронцова. В чеченских лесах пало четыре тысячи солдат, сто восемьдесят шесть офицеров и четыре генерала, не считая взятых в плен и пропавших без вести.

Горцы захватили всю артиллерию и обоз.

Так вот, от полного истребления отряд спас не кто иной, как Иса, сын Мици, из Гати-Юрта. Из пяти горцев, посланных графом Воронцовым, лишь он один уцелел и смог добраться до Герзеля. Уроженец этих мест, он знал каждый кусок, умел прятаться, а где это невозможно было сделать, прибе-

гал к хитрости. Большую часть пути до Герзеля он проплыл под водой реки Аксая с камышинкой в зубах.

Хотя «Даргинский поход» и завершился позорным поражением, император Николай I наградил графа Воронцова титулом сиятельного князя и сделал его шефом Куринского полка, а Иса за свою верную службу получил медаль.

* * *

Набеги царских войск на чеченские аулы не прекращались. Непосредственное участие в них принимал и Иса, сын Мици. Он с похвальным усердием нес службу, и, видимо, не зря в народе говорили, что по его просьбе и настоянию царские генералы предпринимали набеги на аулы горцев. Молва есть молва, она могла быть и неправдой. Но одно было точно известно, что когда набеги совершались на аулы, лежащие по берегам Аксая и Яман-Су, Иса неизменно оказывался в первых рядах нападавших. Уверовал он в то, что он никогда не вернется к своему народу, или по другой, неизвестной никому причине, но он безжалостно мстил чеченским аулам. В каждом бою Иса видел своих братьев и сыновей. Одного из сыновей он любил особенно преданно и слепо, как зверь своего детеныша, — младшего Дакаша. Он любовался им издали, и каждый раз, наблюдая, как его любимец безрассудно рвется в бой, высоко подняв саблю над головой и припав к гриве коня, он хотел крикнуть: «Остановись, ведь убьют же тебя! Но крик, так и не вырвавшись, комом застревал в гортани, и он тихо молился за всадника на белом коне. Стройный, широкоплечий, с голубыми ясными глазами, всегда веселый, никогда не унывающий Дакаш, был гордостью отца. Об остальных Иса не думал. Убьют ли их, нет ли — его несколько не тревожило. Судьба их была для него судьбой чужих людей; ни любви, ни жалости в душе он не ощущал...

В Гати-Юрте играли свадьбу. Иса об этом знал. Знал и то, что женился его любимый сын Дакаш. Заранее наметив этот день для набега, Иса с отрядом выступил из крепости Внезапной и прошел вверх по Ауховской балке, что между Аксаем и Яман-Су. Миновав Мини-Тугай, отряд поднялся на хребет. Отсюда, как на ладони, виднелся Гати-Юрт. Свадьба была в разгаре. Играла зурна, кто-то искусной рукой отбивал такт на дубине, хлопали в ладоши, раздавались характерные воз-

гласы, подбадривающие танцоров, палили в воздух из ружей. Иса молча наблюдал за свадьбой. Не пройдет и часа, как она прекратится, а люди сядут на коней и переедут Аксай. Но Иса был спокоен. Среди них не будет Дакаша, ведь он еще не имеет права показываться на глаза старикам. Таков был вековой обычай, и никто его до сих пор не нарушал. А знает, и Дакаш не примет участия в сегодняшнем бою.

Но что это? Иса не поверил своим глазам. Отряд всадников спускался к Аксаю, а впереди — белый скакун. «Нет, это не может быть. Он не нарушит обычая, даже если другие нарушают».

Но это был Дакаш. В то время, когда отряд царских войск приближался к Ауховской балке, свадьба была в разгаре. Правда, праздновали скромно: ни яств, ни вин. Ведь свадьбы, крепкие напитки, табак и веселье Шамиль людям запретил. Все обязаны были носить траур. Но люди в любом горе верные своему веселому нраву, забывали о запретах. Вот и сегодня, отбросив все мрачное, они веселились на свадьбе молодого воина. Аул гулял, хотя все вооружены, а кони стоят на привязи. Они привыкли, что опасность может возникнуть в любую минуту. И всегда готовы к этому. Придерживая руками оружие, лихо отплясывала молодежь. Девушки, окидывая молодых джигитов жгучими взглядами, плавно ходили по кругу. В круг влетел высокий белокурый молодой человек. Широко раскинув руки и устремив голубые глаза на девушку, он двигался легко и свободно. Одет был танцор в старый мундир Куринского полка, на ногах — сапоги с высокими голенищами. Это молодой русский солдат, недавно перешедший к чеченцам, друг Дакаша, Василий Лопухов. Молодежь подбадривала его криком, но он никак не мог совладать с незнакомым танцем. Тогда, пристегнув шнур кивера, он пустился в лихой русский пляс. Девушка, танцевавшая с ним, не зная, что делать, вышла из круга. Все стоящие вокруг били в ладоши.

- Хоросо!
- Кант ву, Васал!
- Хорош!
- Очшан хорош!

Старики, войдя в азарт, выхватили из-за пояса кремневые пистолеты и стреляли в воздух. С крыши, спрятавшись за ку-

пухлыми снопами, счастливыми глазами глядел на них Дакаш.

О многом думал Дакаш, наблюдая за своей свадьбой. Свадьба закончится ночью, потом мулла обвенчает его с Маликой и они, наконец, станут мужем и женой. Вдвоем с Маликой построят дом, купят пару быков, корову, будут, наверное, и дети...

Но не знал Дакаш, что его отец уже поднимался по Ауховской балке, ведя сюда отряд. Неведомо было это и девушкам, что несли на свадьбе. Через час многие из них станут сиротами и будут плакать над трупами близких.

Дотор на Ауховской балке зажег сигнальные огни. Значит, приближалась опасность.

— Кенти, все на площадь! — донесся голос с минарета мечети. — Женщины, бегите в лес!

В одно мгновение тревога охватила аул. Но все делалось быстро, без суеты и паники. Женщины знали свои обязанности, мужчины — свои. Даже детей закалила война. Они отвозили коней и подводили к воинам. Девушки улыбались, подбадривая идущих в бой, но сердца их разрывались от горя.

Опустел двор Дакаша. Раньше всех свадьбу покинули братья Маки, Самби, Ловда и Лулу. Вслед за ними отправились дяди Миши и Муса. Все ушли. Один Дакаш да женщины остались.

Дакаш уже не прятался, а в полный рост стоял на крыше. Нет, он не сомневался, он знал, кто виновник сегодняшнего несчастья. «Хороший подарок приготовил ты своему сыну, отец, — с болью в сердце думал он. — Ах, как полюбилося тебе проливать родную кровь. Что ж, отец, ты проедешь в горы, но только через мой труп».

Дакаш легко спрыгнул с крыши, вывел из конюшни уже обрешенного белого скакуна. С минуту он постоял в нерешительности, затем как человек, принявший окончательное решение, твердым шагом направился в дом, где находилась невеста в окружении четырех снох. Завидев его, они молча удалились.

Дакаш сжал горячие руки невесты в своих ладонях.

— Малика, — сказал он тихо, прямо и открыто глядя в ее лицо, — где ты хочешь видеть своего мужа в этот страшный день? Здесь, дома, около тебя, или там, где гибнут от рук врага наши люди?

А что она могла ответить, если в горле застрял готовый вырваться крик, если грудь ее сдавили боль и тревога?

— Почему ты не отвечаешь, Малика? Неужели я ошибся, выбирая себе жену? Что скажут люди? Что Дакаш был молодцом, пока не женился? Это тебе будет приятно? Или ты по-прежнему хочешь видеть меня мужчиной?

— Не говори так, мой храбрый Дакаш, — тихо зазвучал срывающийся голос Малики. — Поезжай. Разве у тех, кто сейчас там, не остались дома любимые? Я хочу, чтобы ты всегда был таким. Другого Дакаша мне не нужно.

— Ты настоящая жена воина! — воскликнул Дакаш, сжимая в объятиях невесту. — А теперь подай мне оружие!

Малика сняла со стены наборный ремень, сама стянула его на талии жениха, поправила саблю. Дакаш первый раз в жизни коснулся поцелуем своей невесты и выбежал во двор. Через секунду он был уже на коне, а у Малики, услышавшей удаляющийся топот копыт, глаза наполнились слезами...

Дакаш прискакал на площадь, где собрались все старики аула. Те, кому он не должен был показываться, почитая их старость. Один из них, Аба, самый прославленный воин, увидев подъехавшего Дакаша, одобрительно кивнул головой.

Спешившись, Дакаш подошел к аксакалам.

— Пусть Аллах почитает ваши седины и бережет от позора. Простите меня за то, что нарушаю обычай, но сидеть дома с женщинами и детьми я не могу...

— Ты поступаешь как настоящий мужчина, Дакаш, — промолвил старый Аба. — Да и не такие нынче времена, чтобы затевать традиционные игры в скромность. — Голос старика окреп. — Кенти, трогайте. Пусть нам поможет Аллах! — и Аба плетью послал своего коня в галоп.

Белый скакун Дакаша неся, как ветер, вниз по склону Акса. Дакаш проскакал не через брод, а по узкому мостику, перекинутому через реку. Василий тоже нахлестывал своего гнедого, стараясь догнать Дакаша. Менее чем за полчаса отряд достиг Ауховской балки. Вот здесь-то отец и сын и посмотрели друг другу в лицо.

— Не сбывься твоим подлым мыслям, отец! — крикнул Дакаш, выхватывая саблю, и ринулся в гущу врагов.

...Поздним вечером тело Дакаша, укрытое черной буркой, лежало в комнате молодоженов. Юная Малика, не успев стать женой, женщиной, сменила наряд невесты на вдовьи одежды...

* * *

Прошли годы. В Гунибе был пленен Шамиль. Вместе с Дакашем война унесла и обоих братьев Исы. Еще не успел остыть пепел на пожарищах, как в ауле установилась новая власть. Вот тогда Иса и вернулся в родной Гати-Юрт, став с этого момента старшиной аула.

Однако с пленением Шамиля война не окончилась, как это казалось и царским генералам, и Исе. Беноевский Бойсангур, прорвав плотно кольцо царских войск в Гунибе, вернулся в Ичкерия. Неукротимый наиб имама поднял новое восстание. И вновь лилась кровь, горели аулы, плакали женщины. Но на сей раз Иса не взял в руки оружие, а занялся умиротворением новой власти в ауле.

Нел себя тихо, затаенно, словно зверь, насытившийся на время обильно пролитой кровью. Кто знает, что происходило в его душе и в его жестоком сердце: переживал ли он смерть любимого сына и двух братьев или стал испытывать страх перед подвигающейся старостью. Во всяком случае, в последние два три года он уже не был похож на прежнего Ису. Но все равно примирения между ним и аульчанами не состоялось. Это оторонились. Более того, произнося его имя, люди непременно добавляли: «подлая собака». Ненавидели отца и его собственные сыновья. Давно бы рассчитались они с Исой, да страшила их даже сама мысль о том, чтобы стать отцеубийцами. Лишь горячий и несдержанный Самби то и дело напоминал отцу, по чьей вине погиб Дакаш, тем самым заставляя Ису просыпаться среди ночи в холодном поту и в ледящем душу страхе. Отец читал в глазах Самби не только ненависть к себе, но и открытую угрозу кровника. Иса не сомневался, что при любом удобном случае Самби, и только Самби отомстит ему за кровь своего брата. Вот почему Иса, когда после подавления восстания Бойсангура отряд царских войск ворвался в Гати-Юрт, сделал донос и на собственного сына, на Самби.

Самби этапом отправили в Сибирь, и с той поры в ауле о нем больше не слышали.

ГЛАВА VI

СУДЬБА СОЛДАТА

...Мирные аулы чеченцев сделались разбойничьими гнездами и притонами для наших беглых солдат.

А.П.Ермолов

Хорошо в лесу. Тихо. Ветка ли треснет, мышь ли зашуршит в прошлогодней листве, белка ли встрепетается в дупле над головой, — все слышно. Вот и дятел приостановил свою звонкую работу и замер, словно тоже внимал голосу леса. Васал встретился с его настороженным взглядом, усмехнулся и прошел мимо. Общение с лесом дарило душе радость и утешение.

Но вот смешанные деревья и кустарники остались позади, и Васал ступил под сень чинарового* леса. Белые, гладкие стволы стройных чинар напомнили ему березовые рощи далекой родины. Сразу исчезла радость, и почему-то вокруг словно потемнело. В памяти всплыло детство. Вернее, один день того неповторимого и далекого прошлого. Был точно такой же яркий воскресный день. Только не чинары шумели тогда над ним, а березы. И рядом была мать, и его ласкали нежные и мягкие материнские руки. Виделось поле ржи с тополями на окраине, куда он убежал на то время, пока отец и мать работали в поле. Потом, набегавшись вдоволь, он возвратился и позвал мать. Она подошла к нему, взяла на руки и заглянула в глаза.

— Устал?

Он не ответил. Только сильнее прижался к теплomu плотному телу матери и засмеялся.

— Ну, ты чего? — спросила мать и сама залилась таким же неудержимым смехом. — Родненький ты мой... Золотце ты мое... Иди, покличь тятю. Полдень уже.

* Чинара — дерево из рода платановых.

Мать ушла на речку. Искупалась, простирала платье и вскорее переоделась. Отец лег отдохнуть. А он примостился около матери и, обнимая ее, спросил:

— Ты у меня самая-самая хорошая?

— Наверное, сыночек.

— И тятя тоже?

— И тятя.

— А я хороший?

— Ты у нас самый лучший, — ответила она, расчесывая свои мокрые золотистые волосы.

Васал стиснул зубы. Он даже замедлил шаг, чувствуя, как горячая волна ярости охватывает его. Потом прислонился к дереву, пытаясь отогнать навязчивое видение, но сделать это ему не удалось. Слишком глубоко врезалось в память все случившееся потом.

Васал и сейчас слышал грубые окрики человека, пинавшего поском охотничьего сапога в бок отца, который со сна ничего не мог еще сообразить.

— Ванька! Вставай, скотина! Вставай!

Мать испуганно поднялась, прижав дрожащие руки к груди. Она с ужасом глядела на барина, лицо ее побелело.

Отец стоял, понутив голову.

— Быстро в деревню! За вороным!

Отец не тронулся с места.

— Кому говорят!

— Смилуйтесь, барин, — заговорил отец. — Я же день за три потеряю. Нешто можно так, коли рожь осыпается. Ведь пропадет совсем...

— Ты мне перечить будешь? — барин побагровел и теперь уже не заорал, а зашипел: — А ну, бегом, пока не спустил на тебя свору. Да передай Захару, чтобы всыпал тебе хорошенько. — крикнул он вслед уходившему отцу.

В это время мать не проронила ни слова. Она все так же стояла, дрожа всем телом, и ее испуг передался ему, Васяте.

Барин шагнул к матери и молча поманил в сторону леса.

— Не надо, барин...

— А ну, не теряй времени...

Он сделал к ней шаг. Она отступила.

— Пощадите, ради всего святого... Вы меня взяли в первую ночь. Разве недостаточно?.. И сын уже вон какой. Он ведь все понимает. Хоть его-то постыдитесь...

Лицо барина расплылось в похотливой усмешке.

— То было давно... Посмотрим, какая ты теперь... Такая, же сладкая? Ну, ну, будь паинькой... Ты же меня знаешь, — цепкими руками он схватил ее за плечи и притянул к себе.

— Нет, не бывать больше этому! — закричала мать, вырываясь из рук барина. Окончательно взбешенный помещик схватил мать за волосы и бросил на землю.

— Вас-я-я! — истошно закричала она. — Не смотри, сыночек, уйди!

И тогда Васятка бросился ей на помощь. Он подскочил к барину и укусил его за руку, но тут же жестокий удар сапогом в живот отбросил его прочь, сознание его померкло...

Когда он очнулся, то увидел склонившееся над ним исцарапанное, заплаканное лицо матери. Рядом сидел и беззвучно плакал отец. На его оголенной согнутой спине змеились кроваво-красные полосы — следы плети...

* * *

Васал выбрался из леса и направился домой. Тропа вела мимо кладбища. За плетеной оградой бедели памятники, расписанные арабской вязью. Васал прочел молитву и прошел за ограду. Калитка за ним закрылась с протяжным и жалобным, похожим на стон, звуком. Он подошел к одной из могил, погладил заросший холм. Сколько здесь таких? И под каждым лежат его боевые товарищи, его друзья. Он всех их знал в лицо, всех, с кем сражался бок о бок. Они погибли в один день, в тот день, когда генерал Николаи взял Арчи. Сегодня лишь развалины да обуглившиеся деревья указывают место уничтоженного, стертого с лица земли аула.

Не была счастливой и судьба Васала. Много горя выпало на его долю. От зари до зари гнула спины на полях помещика семья Лопухова, шесть дней отдавались барщине, и лишь один день недели имели право использовать на собственные нужды. То засуха уничтожала посевы, то земля не давала всходов. А коли и случался урожай, то нередко и он пропадал либо под осенними дождями, либо в огне.

Только гораздо труднее было переносить издевательства барина. В детстве они еще не так ощущались, хотя случай с матерью, свидетелем которому он стал, запомнился на всю жизнь. И ему пришлось испытать унижение со стороны

помещика. Была у Васала любимая девушка. Веселая, звонкоголосая Маринка. Мечтали они пожениться. Но и на старости лет не избавился барин от своей похоти. Обесчестил Маринку, а затем обменял ее у соседского помещика на двух охотничьих собак. И чтобы обезопасить себя от затаившего ненависть парня, отдал здоровенного Василия в рекруты.

У солдата жизнь не легче, чем у крепостного. К тому же в любую минуту мог угодить он под пулю чеченца. А разве можно без конца выносить солдатскую муштру, походную жизнь, лишения? Солдата наказывали беспощадно за малейшую провинность.

Но случайно пели по вечерам в казармах горькую песню:

Лучше в свет не родиться,
Чем в солдатах находиться.
Этой жизни хуже нет,
Изойти весь белый свет.
Я отечеству защита,
А спина всегда избита,
Я отечеству ограда,
В тычках, в пинках моя награда...

Через год солдатчины получил Васал известие о смерти матери. Вслед за ней скончался и отец. Жизнь потеряла для него всякий смысл. Не было на свете ни одного уголка, где бы его ждали, где могли бы его приютить и обогреть. Не было ни единой души, ради которой хотелось бы ему жить. Он часто слушал солдат, рассказывавших о Чечне, о ее народе, который живет свободно и независимо. В душе он жаждал воли, а солдаты утверждали, что у чеченцев нет помещиков, что там каждый сам себе хозяин, что там в почете не богатство, а мужество и храбрость. Не одну ночь думал Василий. Как быть? Неизбежно это дело — расстаться с родиной. Допустим, волю он получит, но обретет ли покой? Найдет ли вторую родину? Так и мучился, взвешивая все «за» и «против», пока на пороге не пришел случай.

Однажды Василий возвращался с поста в крепость. У ворот, словно поджидая его, стоял поручик Косолапов.

— Следуй за мной, — приказал поручик.

Они отошли от крепости и углубились в рощу. Там, убедившись, что их никто не подслушивает, поручик шепотом заговорил:

— Знаю, Василий, ты человек верный и умеешь держать язык за зубами. Служба солдатская тебе опостылела, это я тоже успел заметить. Но задумывался ли ты, как можно избавиться от нее? В первую минуту Василий был так ошарашен, что и вымолвить ничего не мог. Ведь поручик высказал вслух его самые потаенные мысли.

Косолапова перевели сюда из Петербурга. Среди солдат ходили слухи, что молодой поручик участвовал там в каких-то тайных обществах, направленных против царя и помещиков. В крепости он избегал общества офицеров, больше общался с солдатами, как-то старался облегчить их горькую службу. Солдаты уважали Косолапова, считали даже своим человеком. Но вечное недоверие к офицерам-дворянам как всегда взяло верх, и в голове Василия мелькнуло: «А уж не на пушку ли меня хочет взять господин поручик?»

— Подумай, Василий, — продолжал между тем Косолапов. — Отслужишь свое. Четверть века — срок немалый. Вернешься, если чеченская пуля минует. Но куда, спрашивается? Назад, к тому же барину, тянуть все ту же лямку? Бежать там некуда будет. А здесь, у чеченцев, артиллеристы в большом почете...

Теперь Василий не сомневался в искренности поручика. Но молчал, осторожничал. Торопливость в таком деле могла повредить.

— Понимаю, ты не веришь мне, — с грустью в голосе заключил поручик. — Дело твое. Что же до меня, то я решился. Завтра вечером уйду. Если ты согласен — уходим вместе.

Следующей ночью они вместе бежали из Куринской крепости. На Качкалинском хребте беглецы наткнулись на чеченский разъезд, и начальник отряда, сотник Арзу, под конвоем двух горцев отправил их к наибу Соаду.

Один из конвоиров, молодой чеченец по имени Дакаш, пришелся по душе Василию. Между ними завязалась дружба. Понравился ему и Арзу. Василий попросил оставить его в отряде. Но Арзу решительно покачал головой — никак, мол, нельзя. Василий — артиллерист, а артиллеристами распоряжается сам Шамиль. И Шамиль строго-настрого предупре-

мил, чтобы всех беглых и пленных русских артиллеристов направляли к старшему наibu Талгику. Арзу же может только принести разрешения у наиба, чтобы оставить Василия при себе. Но для этого необходимо либо лично явиться к наibu, либо написать ему. Чернилами и бумагой, к счастью, выручил Косолапов. По прибытии в Шали Дакаш явился к Талгику, который удовлетворил просьбу Арзу. Василия отправили обратно в отряд, а Косолапова Талгик оставил при себе.

Дорожки беглецов разошлись. Косолапов стал ближайшим другом Талгика, а затем и начальником его артиллерии. И однажды с Косолаповым произошел следующий случай...

Чтобы остановить продвижение противника в глубь Чечни, Шамиль приказал Талгику укрепить и защитить окоп на Шалинской поляне. В день штурма подоспела и помощь: чеченская конница под предводительством наibов Гойтемира, Татуюко, Сайдуллы, Эски, а также аварская конница и пехота Хаджи-Мурата и Лабазана.

Васил, состоявшийся в прославленном конном отряде Арзу, оставленном на время в резерве, хорошо видел оба войска, расположившиеся друг против друга. Худошавый всадник в черной бурке на ослепительно белом коне скакал по фронту чеченских отрядов, отдавая последние приказы и распоряжения. Это был знаменитый Талгик. Глядя на развевающиеся полы его бурки, можно было подумать, что всадник не скачет, а летит по воздуху, словно огромная черная птица. За ним неотступно следовал статный горец, сжимавший в вытянутой руке черный значок, прозванный русскими «артиллерийским». Васил узнал в горце Косолапова, которому чеченцы, после его перехода на их сторону, дали новое имя — Жабраил. Рядом с Косолаповым-Жабраилом скакали двое сыновей Талгика. Грозный наib осадил коня перед батареей, стоявшей на валу, проверил готовность орудий и, оставив на батарее Косолапова, поднялся на холм, чтобы оттуда руководить сражением.

Однако генеральному сражению, к которому Талгик так тщательно и долго готовился, не суждено было состояться. Случай, один из тысячи, перечеркнул его труды. Первая же граната, пущенная противником, попала в пороховой склад. Последовал оглушительный взрыв. Из завала поднялись в воздух огромные глыбы земли камни, бревна. Вместе с ними взлетели кони, люди. Все это кружилось, а потом падало на землю.

Зрительная память Васала сохранила фигуру человека на коне, выброшенного взрывной волной и летевшего по воздуху с черным значком в руках. Так, словно он возносился на небо с победной хоругвией. Васалу не пришлось напрягать зрение, чтобы различить, кого же это вознесло в небеса...

После взрыва русские пошли на штурм. Но случившееся расстроило все планы Талгика. Он отступил. И русские без боя овладели окопом.

Васал мысленно навсегда простился с другом. Каково же было его удивление, когда спустя год, во время сражения на Мичике, рядом с Талгиком он увидел чеченца — двойника Косолапова. Васала охватил суеверный страх: разве может мертвый воскреснуть? Ведь в том, что Косолапов погиб, Васал нисколько не сомневался. Да и как тут не умереть, если человек сначала взлетел, а потом грохнулся с такой высоты. От него, скорее всего, и костей-то не осталось. А похожий на Косолапова чеченец вдруг оглянулся, заметил Васала, уставившегося на него остекленевшими глазами, и, раскинув руки, бросился к нему. Да, это был Косолапов, он же Жабраил! Живой и невредимый!

После боя Косолапов поведал приключившуюся с ним историю.

Нет, Васал не ошибся: тем человеком, что вознесся к небу, был именно он, Косолапов. Но по счастливой случайности он остался жив. Русские выбрали его с тяжелыми ранениями. Пришел он в себя в лазарете.

— Русские приняли меня за чеченца, — рассказывал Косолапов. — Они знали, что я — ближайший помощник Талгика. Но на их вопросы я не отвечал. Стоило мне заговорить, и они сразу раскусили бы, что перед ними беглый россиянин. Поэтому и молчал. Однажды в палатку вошел офицер и спросил, правда ли, что я русский. Оказывается, лазутчики донесли, дескать я — беглый офицер. Но я упорно молчал.

Хитрее оказался один солдат. Пришел, посмотрел на меня и говорит: «Если обрезанный — значит, басурман, если нет — значит, православный русский». Офицер приказывает мне спустить шаровары. Я молчу. Кинулись на меня солдаты и... все раскрылось. Повел я себя тихо, как человек, покорившийся своей участи. А вскоре, — было это уже зимой, — в одном больничном халате, через окно отхожего места, я сбегал вторично...

Потом Васал и Косолапов встретились еще раз. Уже в аварских горах. Ту встречу Васал запомнил на всю жизнь, особо...

* * *

В июне 1859 года, когда царским войскам покорился последний аул Восточной Чечни, Шамиль направился в Гуниб, к своему последнему убежищу в Дагестане.

С поспешно отступающим имамом из числа чеченских наибов оставались только двое: Бойсангур Беноевский и Осман Мичикский. И лишь немногие чеченские воины не захотели бросить имама в трудные для него дни. В основном это были бойцы небольшого отряда Арзу, в котором состоял и Васал.

В Чечне не осталось ни одного беглого русского солдата. Все они отступили с Шамилем в Гуниб, дабы сражаться там до последнего, ибо иного пути у них не было. Знали, что их ждало, доведись любому из них попасть в руки царских генералов. Потому и решили дорого продать свою свободу, которую приобрели ценой потери родины. И все они пали героической смертью в горах Дагестана.

Василию вспомнилось последнее совещание у Шамиля, состоявшееся в летний знойный день, когда отступающие в Гуниб устроили короткий привал в одном аварском ауле. Василий стоял на часах у дверей дома, где остановился имам. В приоткрытую дверь он видел Шамиля. За последние два месяца Шамиль постарел, поседел и сгорбился. На его бледном, как никогда, лице четко выделялись веснушки, похожие на густо разбросанные просыпанные зернышки. Сидел он на пестром войлоке-истанге, по-восточному скрестив ноги, с беспомощно опущенными плечами. Имам напоминал Василию узника, брошенного в подземную тюрьму.

Долго сидел так Шамиль. И кто знает, о чем думал старый имам? Может быть, он с первой до последней страницы перелистывал книгу своей жизни, до краев полную и радостями, и горестями, победами и проигрышами сражений. В ней много героических страниц, но столько же и трагических. Да, вся жизнь его — это драматический парадокс сильной и противоречивой личности.

Шамиль, сын бедного аварца Донага-Магомы, стал имамом Дагестана. Потом, после целого ряда ощутимых пораже-

ний, соотечественники прогнали его, и он вынужден был искать кров и защиту в Чечне. И вот на исходе последние двадцать лет его бурной жизни и деятельности...

Как переменчива судьба! Сегодня ты радуешься и смеешься, а завтра — плачешь. Сегодня у тебя почет и слава, люди превозносят тебя, как пророка, а завтра, когда ты становишься жертвой бедности и несправедливости, те же самые люди готовы поносить тебя и плевать в лицо... Вот точно так же и земляки носили его на руках в первые годы. А потом... потом начали преследовать, словно дикого зверя, пока не вынудили его оставить родные горы.

Чеченцы избрали его имамом Чечни, а через год с их же помощью он стал и имамом Дагестана. Он сделался известным человеком не только в Чечне и Дагестане, не только в горах Кавказа, но и в весьма далеких странах. Люди почитали его как пророка. Одни — потому, что нуждались в нем, другие — потому, что верили ему, а многие просто из боязни его крутого нрава. Чеченцы объявили его даже святым шейхом и клялись его именем. В Дагестане его называли не иначе как «великий эмир Шамиль», а сына его, Гази-Магому — «сыном великого имама». Двадцать лет Шамиль держал в узде Чечню и Дагестан. И слава его была не меньше, если даже не больше, чем слава других могущественных падишахов мира. Да и богатство он накопил достаточное. В крайнем случае хватило бы даже правнукам. Накопил честным путем. Из причитающейся по шариату пятой части военной добычи — хумс. Но он никогда не думал использовать его в личных целях. Откладывал на черный день для имамата, чтобы использовать накопленное в его интересах. Много денег из своей личной казны он раздавал бедным, инвалидам войны, сиротам, вдовам, престарелым. И никогда не позволял своей семье роскошью выделяться среди рядовых горцев.

О, если бы Аллах дал ему силу победить гяуров! Неужели столько трудов и жизней затрачено зря? Неужели рухнет с таким большим трудом созданное им свободное, независимое государство горцев! Он просил Бога лишь об одном: даровать ему еще одну победу над гяурами, пусть последнюю, но чтобы она хоть на несколько лет продлила его власть. Для того, чтобы смог он передать ее сыну, сделав свое имамство наследственным. Говорят, сладка власть, позволяющая свысока смотреть на людей, словно на муравьев. Видеть, как такие же

люди, созданные тем же Аллахом, кланяются тебе, ползают перед тобой на коленях, лебезят... Когда правитель может одним словом, одним взглядом уничтожить, бросить в бездну, втоптать в грязь благородного, мужественного и честного. Равно, как может возвеличить и приблизить к себе труса, злодея или хама. Но Шамиль никогда не испытывал подобные чувства. Годы его правления горскими народами были для него самыми тяжкими и горестными. Ведь на самом деле он не был таким правителем, как прочие падишахи. Шамиль был вождем и руководителем освободительной борьбы горцев, но в то же время и ее рядовым воином. В этой борьбе он потерял жену, двух сыновей и дочь. Если рядовой воин отвечал только за свою жизнь, то Шамиль отвечал за всех подвластных ему людей. Потому он преждевременно поседел и сгорбился. И что ждет его впереди? Только Аллах это ведает...

Еще десять лет назад он хотел передать имамство своему сыну Гази-Магоме. Тогда исполнилось ровно пятнадцать лет с того момента, как Шамиль возглавил борьбу горцев против все сильного русского царя за свою свободу и независимость. За эти пятнадцать лет Шамиль не знал ни сна, ни отдыха. Он постарел и устал. А Гази-Магома был молод, умен и отважен. И, что самое главное, чеченцы уважали и почитали его, пожалуй, даже больше самого Шамиля. И тем не менее эти же самые чванливые чеченцы вместе с Хаджи-Муратом воспротивились наследственной передаче имамства от отца к сыну. Сегодня Шамиль, а завтра уже Гази-Магома захочет передать власть уже своему сыну. Тот — своему. Нет, такому не бывать! В Чечне никогда не было наследных князей, и создавать их никто не намерен. Если по воле Аллаха жизнь Шамиля окончится на этой брэнной земле, то новым имамом станет тот, у кого более острая сабля. По наследству же пусть переходят конь, оружие, деньги...

Теперь всему конец. Пала Чечня, а вместе с нею разбилось и его сердце. Не успел он еще ступить на землю Дагестана, как соотечественники ограбили его до нитки. И кто же начал? Его самый верный сподвижник и соратник Даниэл-бек со своими килитлинцами...

Это они разграбили его имущество и в Гумале, и в Урату. Это они не только не оказывают сопротивление гяурам, а наоборот, встречают их музыкой, словно не враги идут к ним, а предки, воскресшие из мертвых...

Шамиль позвал со двора Маккала и приказал вызвать своего секретаря Мухамед-Тахира аль Карахи. Скоро на совещание собрались все визири, улемы* и наибы имама.

Гази-Магома привел с собою Бойсангура. Тот прошел на середину круга и замер, опершись на саблю. Единственный черный глаз на его обезображенном шрамами худом лице пренебрежительно уставился на имама. На тонких губах появилась шовешая улыбка. Гази-Магома понял, что Бойсангур собирается сказать имаму что-то резкое и неприятное.

Бойсангур вдруг рассмеялся. Сначала тихо, почти беззвучно, а потом все громче и громче. Брови сурового имама удивленно сдвинулись, образовав на лбу узел морщин.

— Чему ты так радуешься, мой смелый Бойсангур? — спросил он, не повышая голоса. — Постоянно прощая тебе дерзости, за которые жестоко карал других, я испортил тебя. Но шай, моему терпению тоже есть предел!

Вдоволь насмеявшись, Бойсангур наконец перестал.

— Кто я такой, чтобы задумываться над тем, убивать или не убивать меня, — сказал он, усаживаясь на полу. — Однорукий, одноногий и одноглазый пень. Вот, кто я такой. Ты же кормил и ласкал тех, кого надо было обезглавить немедленно. Ты спрашиваешь, чему я смеюсь? Отвечу. Когда тебя прогнали из Дагестана, мы тебя приняли, сделали имамом и двадцать лет носили на своем горбу! Двадцать лет мы служили тебе верой и правдой. Двадцать лет чтили тебя наши наибы. Но в течение этих двадцати лет ты не посадил на свой диван** ни одного нашего наиба или улема. Самые бедные из них — я и Осман — впервые удостоены такой чести. Так разве это не удивительно? Разве это не смешно?

— Хватит шуток, Бойсангур! — прикрикнул имам.

Но Бойсангур опять рассмеялся. И смех его вызвал дрожь. Все подняли головы и с каким-то суеверным страхом смотрели на него. Они знали, что имам почитает этого наиба. Знали, что это единственный человек в горах, перед которым преклоняется сын имама Гази-Магома. Но знали они и крутой нрав имама. В минуты гнева он мог убить даже самого близкого человека. Для таких случаев рядом с ним неотлучно находился палач с огромным кинжалом.

* Улем — образованный, ученый человек (чеч.).

** Диван — суд при имамате Шамиля.

— О Аллах, неисповедимы твои пути! — не унимался Бойсангур. — Известные своим умом и ученостью Юсуф-Хаджи, Сулейман, Атаби! Известные своей смелостью Шоип, Талгик, Эски, Гойтемир, Батуко, Сайдулла, Дуба! Видели бы вы сейчас эту картину, и у вас глаза полезли бы на лоб. Ведь вам никогда не приходилось видеть таинства этого святилища!

Но и Шамиль знал крутой, неукротимый нрав и характер Бойсангура. Не было в мире силы, что сломила бы его. И нечем было запугать его. Чем больше будешь противоречить ему, тем больше он будет распаляться. А поэтому Шамиль дал возможность выговориться.

— Где же твои верные советники, которых ты выслушивал на совещаниях дивана, а нас не допускал даже к дверям? — продолжал он присыпать солью сердечные раны имама. — Где твой слепец Кер-Моххумад? Твой тесть Джамал-Эддин? Амирхан? Дибир-Хаджи? Метлик Муртаз-Али? Яхья-Хаджи? Или твои наибы Кибит-Магома, Даниэл-бек, Албаз-Дибир?

— Уж не спешишь ли и ты в объятия гяуров вслед за вашими чеченскими наибами! — не выдержал имам.

— Не трогай наших! — вскочил Бойсангур. — Одно дело — вероломно перейти на сторону врага, другое дело — сложить оружие перед врагом, когда иссякли силы. Это не одно и то же, не путай, имам. Наши наибы сдались с дымящимися ружьями и саблями, на которых еще не высохла кровь гяуров. Из них только двое, Дуба да Сайдулла, направили свое оружие против тебя. А как поступили твои дагестанские наибы, которых ты лелеял, отталкивая наших? Они бросили тебя, вероломно изменили тебе, более того, они помогают твоему врагу! На второй же день, как только ты оставил Чечню и ступил на землю Дагестана, тебя общипали, как мокрую курицу. И кто? В первую очередь — твой любимый Кибит-Магома. Наши аулы сдавались лишь тогда, когда их превращали в сплошной пепел. В Чечне не осталось и вершка земли, не удобренной этим пеплом и не политой кровью нашей и кровью гяуров. А что происходит здесь? Все аулы без единого выстрела, наоборот, с музыкой встречают врага. И склоняются перед ним, высунав языки и виляя хвостами!

...Лицо имама нахмурилось. Он опять вспомнил несколько трагических дней своей жизни: бегство в Чечню после падения Ахульго. С ним тогда было семь самых верных мюридов:

Юнус, Салих, Мохмад, Химатил, Нур-Али, Муса и Муртади... Они с боем прорывались из Ахульго, через тройное кольцо окружения. Ранили Шамиля. Солдатский штык, предназначенный Салиху, вонзился в ногу подростка Гази-Магому, которого нес на себе Салих... Они бежали по горам, куда глаза глядят. За ними гнались отряды Хаджи-Мурата и Ахмет-хана. Надо было перейти через узкое, глубокое ущелье, на дне которого, в безмерной глубине, пенилась бурная Койсу. Моста не было, но перейти на другую сторону нужно было обязательно. Иначе всех ждала смерть. Перекинули через ущелье толстое бревно. Шамиль побоялся пройти по нему с раненым сыном. Боялся не за себя, за сына. И обратился к мюридам с просьбой перенести Гази-Магому. В ответ его верные мюриды отвернулись. Раненому Шамилю пришлось самому переносить сына...

Они бежали на запад, опасаясь приближаться к аулам, страдая от голода и жажды. А по пятам гнались нукеры Хаджи-Мурата и Ахмет-хана.

Шли, разделившись на три группы. В первой группе Салих нес на себе Гази-Магому. К счастью, Шамилю удалось по дорогой цене выторговать у пастухов полный кувшин воды. Кувшин передавали из группы в группу. Когда передняя группа остановилась на привал, Шамиль нагнал ее. Гази-Магома сидел в стороне, на камне. Лицо искажено гримасой страдания. Шамиль спросил: «Что, нога болит?» Сын заплакал. Оказывается, мюриды всю воду выпили сами, не дав ему ни глотка, а пустой кувшин бросили в пропасть...

Шамиль никогда не забывал вероломства некоторых своих соотечественников. И когда чеченцы провозгласили его своим имамом, он приказал в первую очередь убивать любого дагестанца, который покажется в Чечне. Но со временем голос крови победил. Как бы они не поступали с ним, все же они были его соплеменниками...

...Шамиль тяжелым взглядом окинул своих земляков. Каждый, на ком останавливались глаза имама, опускал голову. Только изгнанники, пришедшие сюда из других краев, Ибрагим ал Черкесы, Хаджи-Насрулла ал Кабири и Осман ал Мишки смело выдержали его взгляд.

Шамиль закрыл глаза и тихим голосом печально запел на арабском языке импровизированную песню:

У меня были братья, которых я считал панцирями.
Но они стали моими врагами.
Я считал их меткими стрелками.
Но они были таковыми -
только в моем сердце...

— Что ж, ты прав, смелый Бир-кез*, — сказал Гази-Магома примирительно, обращаясь к Бойсангуру. — Но от того, что мы будем осуждать друг друга, дела не поправятся. Имам, мы готовы выслушать твой приказ.

Неистовый Бойсангур буквально деморализовал и без того удрученного имама. Все, что он собирался ранее сказать улемам и наибам, теперь казалось ему мелким и незначительным.

Невыдержанный и горячий Бойсангур был единственным человеком, который имел доступ к имаму без предварительного разрешения и мог высказывать ему прямо в лицо все, что думает. Бойсангур не знал, что такое страх. За его мужество и преданность ему прощалось всё. Но сейчас он оказал имаму не лучшую услугу.

— Вы знаете не хуже меня, каковы наши дела, — начал имам. — Чечня пала. Теперь все свои силы русские сосредоточили против Дагестана. Наступая нам на пятки, идет Уч-кез**. Из Салатави в Темир-хан-Шуру навстречу ему движется генерал Врангель. И из Грузии, вниз по течению Койсу наступают большие силы. Войска идут на нас с трех сторон, их кольцо сжимается. Но сейчас меня не столько беспокоят гяуры, сколько тревожит тот факт, что местные аулы не только не оказывают им сопротивления, а откровенно переходят на сторону русских. Не успел я выехать из Дарго, как андийцы, ашильтинцы, согратлинцы, гимринцы, унцуклинцы, гоцатлинцы, хунзахцы, дародахойцы послали к гяурам своих представителей с заверениями о покорности. Кибит-Магома восстановил против меня тилитлинские и карахские аулы. Даниэл-бек — своих легзинцев. Одним словом, во всем Дагестане сейчас редко встретишь аул, который был бы мне верен. Не успел я ступить на их землю, тотчас разграбили нашу казну и мое личное имущество...

* Бир-кез — одноглазый (кум.).

** Уч-кез — трехглазый (кум.) — так горцы прозвали генерала Евдокимова.

— Не торопись, имам, как только ты пойдешь дальше, с тебя уже снимут штаны, а в конце концов отрубят тебе голову и продадут ее гяурам за горсть кукурузной муки!

Имам гневно посмотрел на Бойсангура, который сидел, оперев голову единственной рукой, но, стиснув зубы, сдержался, а потом как-то сник: ему нечего было возразить Бойсангуру.

— Нам остается один путь — в Гуниб, — устало произнес имам.

— Хорошо, уедем в Гуниб, а что дальше? — спросил Бойсангур.

— Что будет дальше, ведомо только Аллаху, Бир-кез, — повесело ответил имам и тяжело вздохнул. — Если срок, отпущенный нам свыше, закончится там, значит, там и умрем. Если же нет, то...

— То в Гунибе сразимся до последнего вздоха, — громко крикнул Дибир ал Хунзахи.

Посыпались реплики:

— Разве в течение двадцати дней мы бежим в поисках места сражения?

— Гуниб — хорошая крепость против врага.

— А Согратли? А Ахульго? А Гергебил? Чем они были хуже Гуниба? Но, может быть, мы идем туда, чтобы и его сдать врагу без боя, как и те? — сверкнул глазом Бойсангур.

— Бойсангур, если ты не хочешь идти с нами, то можешь уже сейчас отделиться от нас вместе со своими чеченцами, — крикнул Дибир ал Хунзахи.

— Я не жду твоего позволения!

— Тогда чего же ты хочешь?

— Я хочу, чтобы никто и никогда не сказал, что Бойсангур покинул своего имама в черный для того день.

— Просто у Бойсангура нет другого пути, потому он и следует за нами, — усмехнулся стоявший в дверях Дибир ал Хунзахи. — В свое время не сбежал, а теперь поздно — назад путь обрезан.

— Ничуть не поздно, — возразил Бойсангур. — Разве не видишь улемы и наибы ежедневно перебегают к гяурам? Однако в Гуниб с вами я пойду. Хоть погляжу, как вы будете умирать и плакать. Или я ошибаюсь: может, сдадитесь гяурам? А потом, Дибир, я вернусь в свои леса. Пока жив, я не сдамся. Буду биться до конца. Да и не привык я бегать. А вот вам всем это не впервой.

Взаимные обвинения, приводившие нередко к открытым ссорам, стали в последние годы обычным явлением в отношениях между чеченцами и дагестанцами. Первые обвиняли последних в неумении или нежелании воевать в чеченских лесах и в бездарности их наивов, которых Шамиль назначал в Чечне. Но и дагестанцы не оставались в долгу, заявляя чеченцам об их открытой измене, особенно в последние месяцы, когда чеченские аулы один за другим стали покоряться царским властям.

Обвиняя друг друга, чеченцы и дагестанцы не понимали, что ни те, ни другие не уступали друг другу в мужестве, смелости и благородстве. Они не понимали, что вражда между братскими народами Чечни и Дагестана, которые издревле вместе защищали горы от гуннов, хазаров, татаро-монголов и полчищ Тимура, от персидских шахов, которые вместе делили горе и радость, выростала вследствие бесчеловечной политики могущественных держав, многолетней истребительной войны, которую царизм вел на Кавказе...

— Хватит, Бойсангур! — повысил голос имам. — Довольно твоих излияний. Пора трогаться в путь...

* * *

Десятитысячная регулярная царская армия плотным кольцом обложила последнее убежище Шамиля — крепость Гуниб. Имам остался один. Его прославленные чеченские наивы не разделили с ним последний час: кто погиб, кто перешел в стан русских. Только храбрый Бойсангур Беноевский да Осман Мичикский отправились вместе с ним в аварские горы. В небольшом его отряде находилось несколько воинов Арзу да беглые русские солдаты, которые покинули Чечню с твердым намерением сражаться до последнего. У них теперь было одно желание — как можно дороже отдать свои жизни, что они и сделали в последнем сражении.

Перед Васалом вновь во всех подробностях встали события того рокового дня.

...Шамиль вышел из сакли. Он решил сдаться. Крови пролито много, так зачем проливать ее вновь, когда борьба уже бессмысленна? Да и что сможет сделать горстка храбрецов, даже во главе с таким отчаянным предводителем, как Бойсангур? Ничего! Только погибнуть, теперь уже напрасно. У рус-

ских огромные силы. Князь Барятинский стоит внизу. Он пообещал своим солдатам десять тысяч рублей за голову имама. Офицеров, отличившихся в последней схватке, ждали повышения в звании и награды. И солдаты упорно карабкались в гору в надежде получить обещанную награду. Главнокомандующий лично вручал по десять рублей каждому раненому солдату.

Последние воины Шамиля гибли в неравном бою. Один отряд возглавила жена наиба Юнуса, еврейка Зайнап. Она первая бросилась в бой, увлекая за собою остальных. Всего четыреста мюридов осталось в живых. С четырьмя орудиями. А вверх по отвесной скале по длинным лестницам, с помощью веревок и железных крюков уже лезут солдаты Апшеронского полка. И защитники крепости обречены — им неоткуда ждать помощи: все аулы Дагестана смирились без боя, а наибы перебежали в лагерь противника. Мюриды же требовали мира.

Шамиль призвал к себе Юнуса Черкеевского и Хаджи-Али Чохинского и передал им короткую записку, приказав вручить ее лично самому Барятинскому.

«Сардару князю Барятинскому, — писал имам. — Да будет мир человеку, следующему по истинному пути. Если вы с дороги-ми мне людьми разрешите отправиться в Мекку, между нами состоится мир, в противном случае — нет».

Барятинский принял условия мира. Князь послал к Шамилю двух полковников — Лазарева и Касума Курумова.

Трагичным был для имама этот день. Васал будто воочию увидел высокую, чуть сгорбленную, но не потерявшую еще своей былой мощи и силы статную фигуру Шамиля. В белой черкеске, перехваченной в тонкой талии наборным ремнем, с кинжалом на боку, в белоснежной чалме он медленно переступил порог сакли, сделал несколько шагов и остановился. В ту же минуту к нему подскочил Бойсангур.

— Что ты делаешь, имам?! — воскликнул наиб. — Одумайся! Ты позоришь не только нас, живых, но и мертвых!

Шамиль многое прощал этому храбрейшему из своих наибов, но сейчас он потупился.

— Так нужно, Бойсангур. Люди просят мира. — Ему стыдно было признаться перед своим наибом, что и сам он пришел к такому же решению.

— Просят не люди, — трусы! А с каких это пор ты стал прислушиваться к голосам трусов?

— Мужчина не тот, который громче всех кричит. Не горячись, Бойсангур. Спротивляться бесполезно. Ты же сам видишь, сейчас люди гибнут зря.

— Ах, вот оно что! — вскричал Бойсангур, сжимая единственной рукой рукоять кинжала. — Значит, и раньше люди гибли зря? Десятки, сотни тысяч людей! Посмотри на Чечню. Не ты ли клялся ей в верности? Не ты ли говорил, что не оставишь ее, пока жив? Забыл свои слова? И в тяжелый момент хочешь поднять руки, спасая свою жизнь? Ты считаешь, что это достойно мужчины? Мы шли за тобой и верили тебе, как Богу. Вся Чечня покрыта могильными холмами. А разве лежащие под ними не хотели жить? Но они не пощадили себя и погибли за святое дело!

— Твои слова — правда, Бойсангур. Все эти годы я держался благодаря твоему народу. Ваши наибы были верные и смелые. Но и они покорились русским, когда поняли, что силы Чечни на исходе. И только ты, мой храбрый Бойсангур, остался со мной до конца. Дагестанские же наибы почти все продались гяурам и теперь воюют против меня.

— Умоляю тебя, имам! Не делай этого. Ведь ты говорил, что лучше погибнуть, нежели отдать родные горы гяурам! Значит, и ты, и твои улемы обманывали нас? Они первыми разбежались, словно куры, завидевшие ястреба, а теперь и ты хочешь бежать следом за ними? До сих пор ты был героем, имам. Если ты сдашься, горы проклянут тебя!

— К чему эти бесплодные разговоры, Бойсангур? Я потерял Чечню и остался без рук и без ног... Ты же видел, мой верный Бойсангур, как сегодня я целый день призывал воинов драться до последнего. Что я первым брошусь на штыки врагов гяурам. Ведь молчали же все. Нет, не молчали. Все требовали мира с гяурами. Даже мой любимый сын Гази-Магома. Народы устали... обескровились... Зачем ненужные жертвы? В жертву я приношу себя и свою семью... Может быть, тогда генерал пощадит народ... Прости меня, Бойсангур! Прости.

И старый, усталый, но по-прежнему великий Шамиль, сгорбившись шагнул вниз. Шамиль больше не поворачивался к Бойсангуру, ибо знал, что в спину Бойсангур не выстрелит...

А Бойсангур, одноглазый, однорукий, одноногий Бойсангур, в последний раз смотрел на своего любимого имама, на одного из самых великих людей, которые родились в этих горных горах. Смотрел до тех пор, пока тот не скрылся за скалой.

И тогда старый Бойсангур, которого ничто не могло сломить на земле, отбросил ружье, издал крик отчаяния и рухнул на камни...

К Шамилю подвели любимого белого скакуна. Двое солдат придержали стремяна, третий помог имаму сесть в седло. Подбежавший полковник Лазарев потянул коня за узду, и конь, как и его седок, покорился чужой воле и покорно пошел за незнакомым ему человеком.

Аул остался позади. С высоты склона Шамиль видел ряды русских войск и среди них отряды дагестанцев. Близ князя Барятинского стояли его вчерашние наибы — Донаго-Магома, Даниэл-Султан Елисуйский, его бывший ученик, друг и советник — Амирхан. Шамиль нахмурился и остановил коня.

— Уберите дагестанцев! — попросил он. — Иначе к сардару я не пойду.

Касум Курумов побежал вниз. Все наибы, а также отряды дагестанских добровольцев и ханских нукеров были немедленно удалены.

Бойсангур сидел на земле, все еще ошеломленный поступком имама. Потом он попросил посадить себя на коня и крепко привязать к седлу.

— Братья! — обратился он к воинам. — Я отступал вместе с имамом не для того, чтобы спасти свою жизнь. Мы не смогли достичь свободу и независимость, нам не хватило для этого сил. Но никто из нас не посрамил честь наших предков. До последней минуты все мы были верны долгу, защищали родную землю и свою веру. Я не желаю сдаваться на милость врагам. Я твердо решил — либо умереть, либо прорваться и тогда в родных лесах вновь продолжить борьбу. Кто смел, пусть идет со мной. У кого заячья душа — пусть шагает за имамом. Но поможет нам всем всемогущий Аллах!

— Лучше смерть, чем позорный плен! — крикнул стоявший рядом с Васалом Косолапов и выхватил шашку.

В ту минуту поручика невозможно было узнать. Лицо его побелело, глаза метали молнии, он иступленно кричал что-то, размахивая шашкой. Это был подарок имама, и надпись на клинке гласила, что владелец шашки — «герой, искусный в войне и бросающийся на неприятеля, как лев».

Воздух задрожал от гортанных криков уцелевших воинов — Умрем, но не сдадимся!

Один лишь Арзу оставался спокоен и не высказывал своих чувств. На широкой груди его блеснули два ордена — «Имам Шамиль награждает этого храброго воина высшим орденом» и «Храбр и мужественен». Орлиный взор Арзу был устремлен вниз, на неприятельские позиции. Он выбирал наиболее уязвимое место для прорыва. За его спиной стоял Али.

— Кенти! Погибнем храбрецами или вырвемся на свободу! — загредел громоподобный голос Бойсангура, который с поднятой в единственной руке шашкой ринулся вниз. За ним бросились оставшиеся воины. Казалось, лавина покатилась с горы и никакие преграды не смогут остановить ее, настолько неожиданным, неудержимым и стремительным был этот отчаянный бросок горстки храбрецов. Но лишь немногим посчастливилось прорваться сквозь плотное кольцо врагов. Среди проскочивших был и смертельно раненый Косолапов.

Перейдя вброд бурную речушку и убедившись, что неприятель их больше не преследует, воины остановились на короткий отдых. Косолапов умирал.

— Не падай духом, Жабраил, — сказал Бойсангур. — Всем нам рано или поздно предстоит испить эту чашу.

— Я горжусь своей смертью, храбрый Бойсангур, — с трудом выговорил Косолапов.

— Может, у тебя есть какая просьба? Скажи.

— Если сможете, не оставьте без внимания семью. А сыну расскажите, как жил и как умер его отец...

— Будь спокоен, Жабраил. Пока хоть один из нас будет жив, семья твоя не будет нуждаться ни в чем. И сын узнает о тебе все.

Взгляд умирающего остановился на Васале.

— Ты хочешь поговорить с Васалом? — спросил Маккал. Он нежно погладил холодеющий лоб боевого товарища. — Я

знаю, как трудно человеку умирать вдали от родины, от родной речи. Но все люди созданы единым Богом, и хотя понимают ему по-разному, все они перед ним одинаковы. Не стыдись и не жалея, что переменял ты веру. Давай, поговорим с Васалом, раскрой ему душу. Может, мы мешаем? Если так, то отойдем...

— Оставайтесь, Маккал. Мне нечего скрывать от вас. Я чист перед людьми, перед Богом, перед своей совестью. Косолапов мужественно переносил боль, но говорил торжественно, боясь, что смерть оборвет его. — Ты прав, Маккал, нелегко умирать вдали от родины. Там мои братья и сестры. Там — родина. И этим все сказано. Может быть, в глазах своих соотечественников я и изменник. Но я... Нет, я не был им никогда. Я любил свой народ... свою землю... свой дом. Так же полюбил я и ваши горы. А проливая кровь своих соотечественников, искал не личной выгоды... Человек рожден, чтобы жить вольным... Нас же пригнали на вашу землю, чтобы мы отобрали ее... Когда я это понял, то и решился... Васал... Василий... Вася... Знаю, что и в твоём сердце, как и в сердце каждого беглого... солдата, не гаснет тоска по родине... Я не раскаиваюсь, что позвал тебя с собой в ту ночь. Мы пошли не против нашего народа, Василий, а против тех, кто обесчестил твою мать, твою невесту, кто менял людей на собак...

Косолапов умолк и задышал тяжело, с натугой. Потом застонал, сиюсь ещё что-то сказать, но глаза его потускнели, и он затих.

Василий припал к его груди и разрыдался...

* * *

...Дакаш привез Василия в Гати-Юрт. Его приняли в аулскую общину и выделили участок земли. В доме Дакаша состоялся мовлад* по случаю принятия Василием мусульманства. Затем Дакаш во всеуслышание объявил, что с этого дня Васал, сын Лапи, и на этом, и на том свете является его кровным братом, братом его сестер и братом его братьев. И тот, кто нанесет обиду Васалу, будет иметь дело с родом Дакаша.

* Мовлад — религиозный обряд, посвященный рождению пророка Мухаммеда (чеч.).

К сожалению, смерть вскоре унесла Дакаша, и Васал тяжело переживал новую потерю. Братья Дакаша не оставили его в одиночестве, помогли поставить дом, женили. Но, видно, родился Васал не под счастливой звездой. Сколько он ни трудился, как ни бился, а прочно встать на ноги ему не удавалось...

ГЛАВА VII

СМЕРТЬ ИСЫ

...Не то жалко, что человек родился или умер, что он лишился своих денег, дома, имени, все это не принадлежит человеку. А то жалко, когда он теряет свою истинную собственность — свое человеческое достоинство.

Эпиктет

Васал вышел из ограды кладбища, но не пошел домой, а свернул на свое поле. Небольшим был этот участок, но в нем заключалась вся его жизнь. Вот только бы вовремя засеять. А то уже один вид этого несчастного клочка приводит к унынию: земля потрескалась и заросла бурьяном. Ничего не поделаешь, нужно просить помощи, самому не справиться.

Со всех сторон доносились крики пахарей. Люди работали от зари до зари, торопились засеять свои участки, пока стоят погожие дни.

А вот как ему выйти из трудного положения? Проклята нищета! Из России она шла за ним по пятам и здесь, наконец, отыскала. Кроважандый двуглавый орел, от которого Васал хотел скрыться, долетел и сюда. Меч и крест держит он в своих когтях. На каждом шагу — могилы, развалины, сожженные сады, вырубленные леса, осиротевшие дети... Повсюду звучит грубая брань — царские чиновники не обходятся без крепкого слова. Хотел спастись Васал от всего этого на Кавказе, да видно, не судьба. И сюда пришли беззаконие и жестокость, которые вынудили его покинуть родину. Родина... Не выкинешь ее из памяти. Потому-то во сне и разговариваешь на родном языке. И хочется иногда, чтобы такие сны тянулись бесконечно!

Васал заглянул на участок Мачига. Мачиг, чтобы обработать свое поле, впряг в плуг корову и четырехлетнего бычка. Пятнадцатилетний сын Кюри изо всех сил тянул за налитан, старшая дочь сорвала голос, погоняя животных, но противно

естественная упряжка слушалась плохо. Мачиг навалился всем телом на соху, ибо почва затвердела настолько, что ее почти невозможно было пахать.

— Ассалам алейкум, Мачиг, — приветствовал его Васал. — Да пошлет тебе Аллах обильный урожай!

— Ва алейкум салам! Да не оставит Аллах и тебя, Васал. Кюри, остановись. Пусть скотина передохнет. Ты какими судьбами здесь, Васал?

Мачиг вытащил соху из земли, подошел к Васалу и протянул ему руку.

— Бродил по лесу. Дикий мед искал.

— Нашел?

— Нет, не повезло.

— А что нового дома, дети здоровы? Как чувствует себя Мархет? Честное слово, Васал, за последние дни я никак не мог выбрать время, чтобы навестить ее, столько дел! Ты уж прости меня.

— Понятно, время-то весеннее. Дети, слава Богу, живы-здоровы. Младший, правда, как-то заболел малярией, но теперь поправляется. А Мархет по-прежнему мучается. — Васал наклонился, набрал горсть земли. — Я смотрю, дела у тебя идут неплохо.

Мачиг махнул рукой.

— Разве это пахота? По бурьяну соху катаю. Похоже, что поле куры расцарапали. Толку от такой земли мало. На ней урожай так, наверное, никогда и не будет. Еще ни разу не собрал и двух мешков кукурузы с этого поля. А детей полон двор. Будь проклят Хорта, которому я должен. Вон Иса хочет прибрать к рукам твой участок. Так однажды и Хорта заберет у меня этот клочок. Но пока я жив, не бывать тому!

— Иса скорее свой затылок увидит, чем мое поле!

Мачиг удивленно взглянул на Васала.

— Ты что, разве не знаешь, что он уже своих пахарей послал туда?

— На мое поле?

— Да, на твое поле...

Допоздна не мог заснуть Али, лежал в потемках и все прикидывал, как лучше помочь Васалу. Конечно, многим приходилось в этом году туго. Но у других-то хоть родственники есть. А Васалу на кого опереться? Ни родных у него, ни близких. Одинок, совсем одинок. Семья большая, а как прокормить ее мужчине-калеке?

В прошлом году поле Васала осталось неспаханным. Впрочем, разве только у него? Не более десятка дворов отыщется в ауле, где в хозяйстве имеется пара волов или буйволов. Хотя теперь вроде бы и полегче. Уж по одному-то буйволу или волу имеет почти каждый. Горцам теперь можно свободно ездить в русские станицы. Мир с ними принес пользу. Кто раньше в ауле знал, что такое железный плуг или борона? А теперь они в ауле есть. Правда, лишь у Исы и Хорты. Однако новинки послужили примером. По их подобию стали мастерить самоделки, например соорудили бороны на свой лад: в деревянные балки вбили острые железные зубья, и ничего, работают.

Ахмед, сын Акбулата, живет в нижней части аула. Он один из тех, кто имеет пару быков, и к нему Али может обратиться с просьбой. Нет, не родственник он ему и даже не друг. Но Али уважает его за редкое мужество, за щедрость. Лет десять назад в одном из сражений Ахмед спас Али от гибели, хотя сам чуть было не подвергся смертельной опасности. Тогда ему покалечило правую руку, но Ахмед справился и с этой бедой и научился владеть левой рукой так же свободно, как и правой.

Наутро Али отправился к Ахмеду, но дома его не застал. Жена сказала, что муж еще на заре выехал в поле.

На обратном пути Али повстречалась арба, груженная домашним скарбом, поверх которого восседала детвора. Али узнал пару волов, принадлежащую Жантемиру. За арбой, привязанная веревкой, упираясь, тащилась рябая корова. Жантемир и два его взрослых сына уже на ходу в последний раз махали руками соседям, что вышли проводить их.

— Ты далеко собрался, Жантемир? — спросил Али после взаимных приветствий.

— Уезжаем из аула, Али, — грустно ответил Жантемир.

— И куда же?

— За Терек.

— Как же так, вроде вы никогда и не говорили об этом? — удивился Али.

— Говорить-то говорили. И говорили давно. А вот к единому мнению пришли только на днях.

Грустно стало Али. Людей в ауле мало. Мертвые уже не воскреснут, так хоть бы живые оставались на насиженном месте.

— А вы подумали, куда едете? — с упреком сказал Али. — Где же ваша гордость? Свои земли уступили казакам да офицерам, а теперь к ним же нанимаемся батраками? Или свою землю берем в аренду?

Жантемир слушал спокойно. Упрекни его кто-нибудь другой, Жантемир, конечно, возмутился бы. Но Али он знал как человека честного, бескорыстного, и слова его всегда шли от чистого сердца.

— Что же делать, Али? — глубоко вздохнул Жантемир. — Не пошло Аллаху, всем известно, что не от хорошей жизни мы уходим туда. Покидаем родной аул, уезжаем от добрых людей. Почему же это легко? Но ведь есть на то причина. Посуди, как здесь прокормить их всех? — Жантемир указал на детвору. — У обоих сыновей дети. А наш надел ты видел? Его же буркой только прикрыть. В прошлом году я с сыновьями ездил за Терек, хоть кое-что, но заработал. Вот и теперь решили мы побыть там до зимы, купить хлеб и вернуться обратно.

— Вам виднее. Человек сам решает, что ему делать. Пусть мирным будем ваш путь, а труд принесет счастье. — Они обнялись. — Да исполнит Аллах ваши желания и вернет живыми и невредимыми.

— Спасибо на добром слове, Али. Прощай. Будет на то воля Аллаха — увидимся.

Жантемир не был родом из Гати-Юрта. Приехал он сюда не то из-за Терека, не то из-за Сунжи, где царские войска сожгли его аул, а на свежем пепелище основали казачью станицу. Лет двадцать назад он перебрался в Ичкерия и прижился в Гати-Юрте. Таких семей в Ичкерии было немало. Местные горцы испытывали двойственные чувства. Земли и скоту им не хватало, а тут еще пришлые. Их потеснили.

Пришельцы же надеялись, что война окончится победой и они вернутся на свои земли. А раз так, то зачем строиться и обустраиваться хозяйством? Они и держались-то особняком, даже не пытались сойтись поближе с коренными жителями аула. В годы войны к ним относились с сочувствием и даже помогали, чем могли. Считали их временными гостями. А гость, как известно, — дар божий. Потому гостей надо принять и уважать. Вот кончится война — и они уедут. Но война окончилась победой русских, и казаки навсегда обосновались в пригородных и сунженских аулах. Пришельцам же суждено было навсегда осесть в Ичкерии.

Жизни их нельзя было позавидовать: во время передела общинной земли им не выделяли наделов, на аульском сходе они не имели права голоса. Размышляя обо всем этом, Али пришел к выводу, что грех осуждать таких, как Жантемир, за то, что они вынуждены батраками возвращаться на свои земли. Как им жить здесь? Тем более теперь, когда вся земля перешла либо в казну, либо в частную собственность отдельных семей. Из-за межей каждую весну вспыхивают ссоры, нередко заканчивающиеся кровными драками. Раньше-то как было? Надумал сын отделиться от родителей — ему выделяли надел или, вырубив лес, очищали участок. Теперь же и лес рубить запрещено, потому что стал он казенным...

Жену Али оставил дома: в поле сегодня он и сам управится. Основная работа сделана, сев закончен. Осталось лишь разбить крупные ссохшиеся комья, да разровнять землю. И теперь они до самой прополки будут свободны. Али решил сначала закончить дела в поле, пользуясь утренней прохладой, а уже потом пойти к Ахмеду.

У родника Арчи Али совершил утренний намаз. От чистой прохладной воды почувствовал себя свежим и бодрым, легкую усталость сняло как рукой. Али шел вдоль лесной опушки широким легким шагом, нигде не останавливаясь, на ходу перекидываясь с работавшими на полях аульчанами короткими приветствиями и шутками.

Покончив с делами на своем поле, Али направился к участку Ахмеда. Ахмеда он застал лежащим в тени под грушей. На краю поля виднелась брошенная борона. Распряженные быки паслись возле леса.

— Ассалам алейкум! Да пошлет тебе Аллах обильный урожай!

— Ва алейкум салам! Да благословит и тебя Аллах! — Ахмед встал и пожал руку Али.

Они сели рядом — сначала Али, затем Ахмед. Али расспросил его о здоровье, поинтересовался, как поживает семья, родственники, и только потом приступил к делу, которое привело его к Ахмеду.

— Пришел, Ахмед, попросить у тебя быков на один день.

— Но ведь ты уже засеял свое поле? Для чего же тебе быки?

— Ты прав, Ахмед. Но я прошу их не для себя.

— Для кого же?

— Нужно помочь Васалу. Ты знаешь, у него шестеро де-

тей. И жена вот уже сколько времени прикована к постели. Не уверен, доживет ли она до завтра. Сам Васал — калека. В доме у него ни зернышка. В прошлом году не смог он вспашать свой участок, а если не вспашет его и в этот год, то семью его ждет верная смерть. Я долго думал, к кому лучше обратиться, кто сможет помочь. Конечно, и кроме тебя есть в ауле люди, имеющие по паре быков, но к ним на поклон я не пойду, они мне чужие. Ты же — единственный из тех, кто чужое горе воспринимает как свое...

Ахмед сидел молча. Али тоже молчал. Он был уверен, что Ахмед не откажет его просьбе, но тем не менее ждал его ответного слова.

— Я знаю положение семьи Васала, — проговорил наконец Ахмед. — И я тоже думал о ней. Но их поле залежалось, обрабатывали бурьяном и кустарником. Паре быков не под силу вспахать его.

— А мы впряжем еще одну пару быков — моего и Чорина.

— Тогда другое дело. Когда начнем?

— Как только твои быки освободятся.

— До вечера я закончу.

— Значит, завтра?

— С божьей помощью.

Ахмед снял с ветки перекидные сумы, вынул оттуда сыр^{*} и сыр.

— Сейчас мы с тобой и пообедаем вместе. Одному не хотелось, ждал, не появится ли кто, с кем приятно разделить хлеб-соль.

— Ты ешь, я уже пообедал.

— Ничего с тобой не случится, Али, если ты и со мной еще раз пообедаешь. Давай, подвигайся поближе. Бери сыр, не стесняйся.

Хотя Али и не был голоден, но при виде сыра у него невольно разыгрался аппетит.

— Вот мы отселились, Али, а я теперь опасаясь, как бы засуха не уничтожила наши посевы, — задумчиво сказал Ахмед, глядя в знойное небо. — Который уж день ни единой тучки.

— Аллах не допустит. Все в его воле. Но даже своего хлеба всем все равно не хватит, придется закупать. У кого есть скот,

* Сырал — печеный хлеб из кукурузной муки (чеч.).

тому, конечно, волноваться нечего. А как быть тем, у кого его нет? Вот, что меня беспокоит.

— По-моему, Иса и Хорта оказались дальновиднее. Они посеяли озимую пшеницу. Хорошие на их полях всходы. Может быть, и нам следовало перейти на озимь?

— Они могут рисковать, мы — нет. У кого земли много, тому не страшно. А что будет со мной, если я на своем клочке посею пшеницу и она не даст урожая? Пшеничный хлеб — это не кукурузная лепешка. Притом, пшеница дает во много раз меньше урожая, чем кукуруза.

— Посмотрим, что получится у Исы и Хорты.

— Да, я знаю, я уверен, что у них все будет хорошо, посею они даже камни. Щедр и милостив Аллах к этой троице — Исе, Хорте да Шахби.

— Только рая им не видать, как своего затылка.

— Как сказать, — усмехнулся Али. — Устазы сажают их рядом с собой, власти их тоже уважают. А вот нам, беднякам, в этом мире не везет, да вряд ли повезет и на том свете. Ты знаешь, что недавно Иса приходил к Васалу и требовал, чтобы он продал ему свой надел.

— Да ты что! — возмутился Ахмед. — В своем ли он уме? Грабить такого бедняка! И что же, Васал согласился?

— Нет.

— Ах, какая собака! — Ахмед положил кусок сискаля на салфетку. — Думает, все продается и покупается. По себе равняет. Давно бы его следовало прикончить, да никто не хочет марать свои руки.

— Самое страшное, что Васалу некуда деваться. Зимой он занял у Исы мешок кукурузы до осени. А Иса теперь требует или немедленно вернуть долг, или отдать ему взамен долга землю.

— Остопиралла! И Бога не боится, и людей не стесняется. Ни стыда у него, ни совести.

Али взял глиняный кувшин, вытащил из горлышка затычку из листьев лопуха, протянул Ахмеду.

— Будешь?

— Спасибо, Али. Пей сам на здоровье. — Ахмед слегка приподнялся в знак благодарности.

По пути к Ахмеду у Али возникла еще одна мысль, и теперь он мучительно обдумывал, как бы ее изложить поделikatнее.

Исая в тупике: он не в состоянии вернуть долг, но и с Исаею расстаться не может. Однако если дело дойдет до Исаеи или шариатского суда, выиграет Иса. Уж это точно!

— Что ты предлагаешь, Али? — спросил Ахмед.

— Семье Васала, кроме нас, помочь некому. Без нас она просто погибнет. Я сам видел, как его голодные дети лизали кукурузную муку с ладошек. Ты, наверное, не забыл, что Исай безродный. Правда, он побратим с сыновьями Исы, которые всенародно объявили, что он член их семьи и тот, кто его обидит, будет иметь дело с ними. Только из сыновей Исы и живых сегодня осталось всего лишь трое. Мы с Чо-даном уже думали, как вернуть Исе долг, а значит помочь Васалу достойно выйти из этой кабалы. Но мы с ним даже гирду муш не наберем. Вот если бы каждый дал хоть понемногу... ты, будь сейчас дома Арзу с Маккалом, они бы нашли выход. Но пернугея они еще не скоро, а назначенный Исою срок истекает вчера.

Ахмед встал.

— Али! Пойди и успокой Васала. Вечером я поговорю с Исаею. Помогут они — хорошо, нет — так свой хлеб отдадут, весь, до последнего зернышка. Но на сей раз я не позволю Исе торжествовать после очередной подлости.

Али простился, а Ахмед постоял некоторое время в раздумьи и тоже решил было идти домой, но вовремя вспомнил, что обещал назавтра дать быков для вспашки Васалова поля.

«О, Аллах, какими же жадными ты создал некоторых людей! Неужели мы столько лет боролись и гибли для того, чтоб на наши шеи сели такие вот кровопийцы? Столько крови пролить — и остаться рабами! Теперь, о Аллах, такие кровопийцы засели в каждом ауле. Одни с четками в руках, другие — с пистолетами на плечах. Неужели такова твоя воля, Аллах?!»

Ахмед торопливо запряг быков и погнал их по полю. Нужно было как можно скорее закончить работу здесь и перейти на участок Васала. Это Ахмед считал теперь своим долгом.

* * *

Подкинув Ахмеда, Али не пошел сразу же домой, а решил посмотреть участок Васала: твердая ли там земля, много ли бурьяна. Хотелось знать, какую землю завтра придется пахать.

Почти все аульчане работали на своих участках. Али останавливался, приветствовал каждого, спрашивал о здоровье и домашних делах, просто перекидывался несколькими фразами, выполняя долг вежливости. Все без исключения пахари орудовали деревянными сохами. О глубокой пахоте не могло быть и речи. А раз так, то достаточно было малейшей засухи, чтобы пропал весь их труд. А вот участки Хорты выделялись среди других. Вспаханные железным плугом, хорошо отборонанные — ими можно было любоваться. Один участок — под кукурузой, другой — под пшеницей. А где-то у Хорты и участок с ячменем. В достатке живет Хорта. Не в нужде. Вот недавно целый гурт принадлежащего ему скота наемные пастухи отогнали на летние пастбища. Только принесет ли счастье добро, нажитое обманом! Ведь когда люди воевали и гибли, он торговал, менял, заключал сделки, пользуясь общим горем. Но власти ему препятствий не чинили, и он всегда находил с ними общий язык. Хорту хорошо знали и в крепости Грозной, и в Кизляре, откуда он постоянно привозил дешевые товары, перепродавая их здесь во много раз дороже.

Еще издали Али приметил быков на поле Васала. Кто-то пахал уже его участок. «Нашлись же хорошие люди, что раньше меня пришли ему на помощь, — подумал Али. — Да вот наградит их Аллах!» Но когда на другом конце надела он разглядел Ису верхом на коне, до него дошла, наконец, истина.

Он подошел к пахарям и остановил быков.

— Это поле принадлежит Васалу, а не Исе, — пояснил он. — Вам никто не давал права пахать чужое поле без разрешения хозяина.

— Мы не знаем, конах*, чье это поле. Нас сюда привели и приказали пахать его. Вот мы и пашем...

— Хозяин этого поля еще больший бедняк, чем вы. Заберите плуг и уходите отсюда сами, пока дело не дошло до большой беды.

Пахари растерялись.

— Мы-то здесь причем? Это ты вон ему скажи, — кивнули они в сторону Исы. — Он нас нанял, с него и спрос.

Почувствовав неладное, Иса погнал коня рысью.

— Почему остановились?! — закричал он на пахарей.

* Конах — молодец, благородный человек (чеч.).

— Потому, что это поле не твое, Иса, а Васала, — твердо произнес Али.

— Погоняйте быков! — Иса даже не взглянул на Али. — Это поле я купил у Васала за мешок кукурузы. Все поняли?

Али встал перед быками и положил руку на ярмо.

— Васал по доброй воле продал тебе землю, или ты вынудил его?

— А ты-то кто такой, чтобы я перед тобой отчитывался? Или, что, брат тебе? Кем он приходится твоему роду? Какое твоё дело до его земли? И почему ты всюду суешь свой нос?

— Если понадобится, и я стану ему братом!

Услышав громкие голоса спорящих, люди с соседних участков оставили свои дела и столпились на поле Васала. Многие с любопытством поглядывали на Ису, но пока молчали, словно прикидывали, как и чем может обернуться все это дело. Лишь два довольно состоятельных аульчанина попытались решить все миром.

— Оставь ты его, Али. Ведь не твое же это поле, в самом деле. Иса и Васал сами уж как-нибудь разберутся. — Касум Хаджи потянул Али за рукав черкески.

Неожиданно в круг аульчан с обнаженной шашкой и пистолетом за поясом влетел на неоседланном коне Ловда. Он спрыгнул с коня и подбежал к Али.

— Что здесь происходит?

— Спроси у своего отца! — резко ответил Али и ткнул пальцем в сторону Исы.

Ловда изменился в лице.

— От тебя я ждал более вежливого ответа, — сказал он, исторженный грубым тоном Али.

— Ты спрашиваешь, что здесь происходит? А то, что твой отец совсем обеднел. Своей-то земли у него нет, вот он и решил отобрать ее у «богача» Васала.

Ловда резко обернулся к отцу. Иса же, криво улыбаясь, стараясь смотреть в сторону, словно все происходящее не имело к нему никакого отношения.

— Почему ты пашешь чужую землю? — тихим срывающимся голосом спросил Ловда. — Разве своей земли тебе не хватает?

Иса не счел нужным ответить сыну. Он просто не замечал его.

— И тебя спрашиваю, отец, почему ты пашешь поле Васала? — громко, чтобы слышали все, переспросил Ловда и сделал несколько шагов к сидящему на коне Исе.

— О чем ты, парень? — сделал удивленное лицо Иса. Что-то я тебя не пойму.

— Я еще раз тебя спрашиваю: почему ты пашешь чужое поле?

— А потому, дорогой мой сын, что это поле теперь мое. Я купил его. За мешок кукурузы. Теперь тебе понятно? — издевательски протянул Иса. Но тут же сбросил маску и заорал: Убирайся прочь, сосунок!

Ловда не двинулся с места.

— Не ври, Иса! Хотя раз в жизни скажи правду, — заговорил Али. — Ну, хорошо, раз сам не можешь, тогда я объясню все твоему сыну. Видишь ли, Ловда, в прошлую зиму Васал попросил у твоего отца до осени мешок кукурузы. Теперь же не дожидаясь осени, Иса требует вернуть долг. Но где же найдется Васал сейчас мешок кукурузы? Ты не хуже меня знаешь. Ловда, как бедствует его семья. Только твоему отцу нужна кукуруза, — ее у него вдоволь. Просто он решил прибрать к рукам поле Васала. Уж больно случай-то удобный. Он даже просил Васала уступить ему участок и готов был добавить за него еще один мешок кукурузы. Но каково бедняку остаться без клочка земли? Это все понимают. И Васал, конечно, не согласился. Вот тогда Иса и потребовал от него: либо — долг, либо — поле. И дал ему всего три дня срока. Вчера вечером срок истек, и уже сегодня утром Иса привел пахарей обрабатывать захваченное поле. Так ведь, Иса? Я не ошибся?

Иса зло рассмеялся:

— Коль ты такой праведный, Али, так и помоги Васалу возвратить мне долг.

— Иса, бойся хоть Аллаха! Твоя же семья не умирает от голоду. Ну подожди до осени.

— Допустим, потерплю я до осени, а что потом? Где он возьмет кукурузу, коль уже второй год даже не пытается пахать землю?

— Я верну тебе его долг! Только убери с поля плуг и не позорь нас! — выкрикнул Ловда, узнав всю неприглядную правду о поступке своего отца.

— Тебя еще я не спросил! Прочь с моих глаз! — вновь заорал Иса. — Эй, Бача, погоняй!

Сам подъехал к быкам и плетью яростно ожег среднюю пару. Но стоявший рядом Али удержал рванувшихся быков.

Ловда схватил за поводья коня отца.

— Уезжай, отец, не позорь... и не выводи меня из терпения... — Последние слова его прозвучали чуть слышно. Словно сам испугавшись сказанного, Ловда просящим взглядом посмотрел на отца снизу вверх.

— Отпусти поводья, шенок!

Иса поднял плетъ, но люди оттеснили Ловду и отвели в сторону.

— Вам нечего держать меня, — спокойно и насмешливо проговорил вдруг Ловда. — Мой отец ударит меня, не чужой!

Его отпустили, и он снова подошел к Исе.

— Прошу тебя, уезжай. Ты уже и так опозорил всех нас. Из-за тебя мы теперь не можем смотреть людям в глаза. Из-за тебя вся наша семья преждевременно состарилась. Оставь нас в покое. От себя нас ты давно отлучил, сделал чужими, не отлучай же нас от людей. По твоей вине погиб Дакаш. Самби ты отправил в Сибирь. Думаешь, мы, три оставшихся брата, все забыли? Нет, не забыли! И не простили! Но тебе и этого мало, и теперь ты толкаешь нас на преступление. Хватит! До сегодняшнего дня мы просто молчали, сносили твои выходки. А теперь я требую, чтобы ты ушел отсюда. Васал — наш побратим, не забывай!

Иса уже не владел собой. Слова сына привели его в бешенство. Он выхватил пистолет, проверил кремь и порох, грозно глянул на сына и на Али.

— Прочь от плуга! Кто остановит его, того уложу на месте!

Стоявшие вокруг аульчане оцепенели. Грозный и решительный вид Исы на какое-то время словно парализовал их волю. Никто не ожидал, что дело примет такой оборот, хотя и знали, что Иса не из тех, кто легко откажется от задуманного.

Али посмотрел на дорогу, ведущую в аул, в надежде, не появятся ли на ней двое других сыновей Исы. Но вместо них увидел Васала, бежавшего через поле с топором в руке. Сейчас появление его здесь не предвещало ничего хорошего. Али бросился ему навстречу.

— Не надо, Васал. Успокойся, не горячись!

Но Васал, по-видимому, и не искал ссоры. Он вытер потное лицо ладонью, отдышался и только тогда подошел к Исе.

— Подумай, Иса, что же ты хочешь сделать? Ты хочешь в один миг детей лишить куска хлеба. Они же умрут с голоду! С тобой и о жене я не говорю.

— Если ты настолько беспомощен, то не спи с женой и не прикасайся к ней. А я не обязан заботиться о твоих поросенках.

После этих слов Васал уже не мог сдержать себя.

— Даже звери не убивают собственных детей! — бросил он в лицо Исе. Намек был достаточно ясен и понят собравшимся.

— Заткни глотку, оборванец! — бешено зарычал Иса. — Или я заткну ее тебе сам!

— Паршивый ты пес! Тварь, без стыда и без совести! Убери немедленно плуг!

Васал выхватил из чьих-то рук кол и бросился к быкам. Пахари разбежались в стороны. Иса рванул коня и вскинул руку над головой Васала. Свистнула тяжелая плеть.

— Остановись, отец! — закричал Ловда. — Остановись, или будет поздно!

Удар пришелся Васалу прямо по лицу и оставил кровавый след. Люди попытались встать между Исой и Васалом.

Глаза Исы горели безумием. Он поднял коня на дыбы и направил на Васала пистолет. Но прежде чем он успел спустить курок, прогремел выстрел. Иса вдруг откинулся назад, потом медленно стал заваливаться на правый бок и, наконец, упал на растрескавшуюся землю. Пуля пробила голову Исы насквозь.

Конь захрапел и бросился было прочь, но потом медленно подошел к мертвому хозяину.

Ловда отбросил в сторону еще дымившийся пистолет и, даже не глянув на труп отца, медленно и тяжело побрел к лесу...

ГЛАВА VIII

ДРУЗЬЯ

Слава синим горным кручам,
Подо льдами скрытым!
Слава витязям могучим,
Богом не забытым!
Вы боритесь — поборете!
С вами правда, с вами слава
И воля святая.

Т.Г.Шевченко

Теплым весенним днем Арзу и Маккал выехали из Шали. В небе ярко сияло солнце. По обеим сторонам дороги тянулись поля, где шалинцы обрабатывали свои клочки, готовя их к севу. Прозрачный воздух был полон звуков, словно над землей разнеслась ликующая мелодия единственной и неповторимой песни весны. Арзу невольно и незаметно оказался во власти радостного чувства, которое вызывает вид всеобщего обновления, извечного, как сама жизнь, и неизбежного. Лопатая его шла неторопливым шагом, и ему казалось, что сейчас он слышит дыхание земли, купающейся в горячих лучах солнца.

Но пот до его чуткого уха донеслись и другие звуки, звуки проточные и тоскливые: кто-то из пахарей высоким голосом запел песню, полную грусти и боли. Арзу вздрогнул, очнувшись от приятного дремотного состояния и бросил взгляд на Маккала. Тот тоже ехал молча, но по выражению его лица было трудно было понять, какие тяжелые думы завладели им. А ведь, действительно, хорошего было мало. Восстание, которое они усиленно готовили на протяжении этих двух лет, оказалось обезглавленным. Верные люди, готовые в любую минуту вместе со своими отрядами явиться в назначенное место, были либо арестованы, либо убиты. Поводом к тому послужило шалинское событие, которое нанесло чувствительный и непоправимый ущерб военной организации. Арестовали Кунгур Хаджи, вслед за ним взяли его векилов, а ведь некоторым из них предстояло возглавить восстание в отдельных районах

Чечни. Но суть дела-то даже не в потерях, а в том, что арест Кунта-Хаджи и его сподвижников посеял семена разочарования и сомнения в душах людей. Вот это-то и могло обернуться непоправимой бедой. И кроме того, царь именно сейчас, именно в эти дни нагнал в Чечню новые войска... И видится в этом не просто случайное совпадение. Сложившаяся обстановка не предвещала ничего хорошего так удачно начатому делу.

Вот с такими думами и ехали друзья вверх по течению Басы, на Эгишты. И кони, казалось, разделяли их горе, шли тяжело, опустив головы. Рядом с ними, шлепая босыми ногами по дорожной пыли, бежал Болат, сын Данчи.

Всадники въехали в долину Убитого быка, и их взору открылся Шалинский редут, где прошлой зимой пролилась кровь их товарищей.

— Вот там салти* стреляли! — закричал Болат, показывая рукой на то место, где стояли тогда солдаты. — Я сам видел. А вы были здесь?

— Было бы лучше, если бы вообще никто не приходил сюда, — грустно ответил Арзу.

— А я был! — с гордостью заключил мальчишка. — И Соипа был. Ты знаешь Соипа? — спросил он, обращаясь уже к одному Арзу. — Сына Далхи?

— Вот познакомлюсь, тогда и узнаю, — ответил Арзу, чтобы молчанием не обидеть чересчур разговорчивого мальчишку.

— Как же ты не знаешь Соипа? Он мой большой друг. Да ведь ты должен был его видеть, он же сегодня забегал к нам. Мы с ним ходили сюда с самого первого дня. Народу собралось сколько! И даже женщины пришли, они целых два дня инарла** упрашивали, чтобы он вернул им Киши-Хаджи***. И все два дня инарла давал им такие обещания, а на третий день сказал, что без разрешения царя не может вернуть устатза, что его увезли далеко, в Сибирь. А люди не верили инарла, говорили, что Киши-Хаджи в Солжа-Кале сидит, в набахте****. А что это такое набахти? — спросил Болат Маккала, хватаясь за стремя его коня.

* Салти — солдаты (чеч.).

** Инарл — генерал (чеч.).

*** Настоящее имя основателя новой религиозной секты в Чечне — Кунта-Хаджи. Члены секты или мюриды не называют своего духовного вождя по имени, дают ему другое имя. Кунта-Хаджи и Киши-Хаджи — одно и то же лицо.

**** Набахти — тюрьма (чеч.).

— Плохое место, Болат. Темница такая, куда бросают людей.

— А зачем?

— Чтобы они не мешали властям.

— Разве Киши-Хаджи мешал?

— Раз арестовали, значит, мешал.

— Что же он им сделал?

— Потерпи немного, Болат. Вот подрастешь и сам во всем разберешься. Пока же тебе трудно еще кое-что понять.

Мальчик обиженно замолчал. Но не надолго. И вновь принялся за свой рассказ:

— Наступил уже третий день. Все верили и ждали, что вот-вот выдадут Киши-Хаджу. Но он не появлялся. Тогда люди пошли вон к той крепости. Мороз был в тот день. Старики говорили, что даже они не помнят такой холодной зимы. Одни держали в руках саваны, другие — Коран. Завели зикр и пошли к крепости. Мы с Соипом от толпы не отставали. Кто же знал, чем все это кончится! Правда, увидев у стен крепости салти, Соип струхнул. А когда они, держа штыки наперевес, пошли на нас, то стал дергать меня за рукав и просить, чтобы мы вернулись назад. В это время кто-то крикнул: «Не бойтесь гиуров! Их порох превратился в землю. Аллах сам карает их. Заслужите газават, кенти!» Но тем временем конники инарла поскакали в обход, окружая нас. «О устаз! Киши-Хаджи!» — кричали люди. А салти подошли уже совсем близко, и тогда все выхватили кинжалы и бросились на них. Мы с Соипом испугались и побежали назад. Страшно было. Потом затрещали ружья, загремели пушки. Люди заметались, а сколько мертвых осталось там! Много, так много, что земли не видать. И раненные лежали рядом с мертвыми.

Раны на сердце заживают долго, и время от времени напоминают о себе нестерпимой болью. Много воскресил в памяти Арзу и Маккала сбивчивый рассказ мальчишки. Вспомнился спор на совете в Автурах вскоре после ареста Кунта-Хаджи, когда Солта-Мурад Беноевский, Залма Зумсоевский и Вара Атагинский предлагали немедленно, не откладывая ни на день, начать восстание. По их мнению, арест устаза — самый подходящий повод для этого. Только вот руководили ими не столько решимость и вера в успех восстания, сколько чувство мести, желание во что бы то ни стало отомстить за кровь. Это песьма опасное чувство могло погубить все дело. И это

хорошо понимали молодые вожди готовящегося восстания — Берс, Маккал, Арзу. Ведь цель восстания — не только освобождение Кунта-Хаджи, а то неизмеримо большее, за что сложили свои головы на поле брани их отцы и деды, за что боролись они сами, не жалея собственной жизни, — свобода! Вот цель, к которой обязан был стремиться каждый, кто взял в руки оружие!

Но молодые вожди понимали и то, что люди пойдут сейчас за Солта-Мурадом, Залмой и Варой, пойдут на штыки, на пушки и примут газават. В отчаянии человек способен на все. Но что это им даст в результате? Да ничего, кроме горя и несчастья. Просто увеличится и без того немалое число напрасных жертв. Народ возбужден, это верно, однако векилы Кунта-Хаджи настроены мирно, они, как и устаз, против насилия. Они предлагают молитву вместо шашки. Они предлагают пойти к русскому генералу с просьбой отпустить устаза. И народ к ним прислушивается.

Вот почему восстание при таких условиях становилось равносильно самоубийству. Разве у истерзанной маленькой Чечни хватит сил для того, чтобы вступить в единоборство с могущественным царем? Конечно, не хватит. А потому следует набраться терпения и ждать момента, когда он начнет войну с другой державой, считал Берс. Или же, дополнял его Маккал, восстания русских крестьян. Все трое были твердо убеждены, что просьбами вымолить свободу у царя невозможно, а мирное шествие к стенам крепости не только погубит дело, но и непременно завершится кровопролитием.

— Имеем ли мы право из-за одного Кунта-Хаджи посылать столько людей на верную гибель? — спрашивал тогда Маккал, и сам же отвечал: — Нет, не имеем! Кунта-Хаджи действовал по воле Аллаха, значит, и арест его свершился по воле Всевышнего. Потому и не следует нам выступать против деяний Аллаха. Мы не ставим перед собой задачу утвердить ислам. Народу нужны земля и свобода. Поэтому не следует святое дело борьбы за интересы народа связывать ни с арестом Кунта-Хаджи, ни с газаватом. Арест Кунта-Хаджи ни в коем случае не должен явиться поводом к восстанию. Мы не готовы к этому. Что же касается мирного обращения к властям, то я скажу так: не попрошайничеством, а только оружием можно добыть себе землю и свободу!

Солта-Мурад и даже Залма согласились с их доводами. И большинство, в том числе и набожный Вара, приняли сторону Кахарма-Хаджи. Разногласие и привело к тому, что зимой здесь, у Шалинского редута, вновь пролилась кровь невинных людей. Кроме того, были заключены в тюрьмы значительная часть предводителей будущего восстания и многие духовные лица, на чью поддержку они рассчитывали. После этого оставшиеся на свободе решили отойти в сторону, так как были слишком напуганы шалинскими событиями.

И вот теперь все предстояло начинать заново...

Друзья-единомышленники даже не заметили, как проехали долину и, преодолевая крутой подъем Беса-Берд, углубились в лес. И все время бежавший рядом маленький Болат продолжал тараторить.

Арзу строго взглянул на мальчика.

— Хватит, Болат, — сказал он. — Придержи язык. Лес крутой. А если нас кто подслушивает? Вот ты говорил, что дважды был в горах. Но, глядя на тебя, никто этому не поверит. Идешь, старый Залма плохо учил тебя бдительности.

Болат мучительно покраснел, как будто его уличили в самом что ни на есть постыдном.

— Не обижайся, джигит, на горькие слова. Но это хорошее лекарство. Показывай, где нам ждать.

Ободренный дружелюбными словами Арзу, Болат воспрянул духом. Он остановился и показал рукой вниз, в овраг.

— Вон, две чинары видите? Под ними бьет родник. А рядом есть лужайка. Место там удобное. Пусть кони пока пакутся. Если же кто-то появится, вы его обязательно заметите.

— И совсем по-взрослому добавил: — Ждите меня там. Я этого не забуду.

Он снял войлочную шляпу, скомкал ее в руке и побежал по тропинке назад. Арзу смотрел ему вслед, пока он не скрылся в лесу.

* * *

Болат одним махом преодолел лесистый склон и остановился под огромной развесистой чинарой. Осмотрелся, невидящего отдался, затем легко, словно белка, взобрался по стволу и юркнул в густую листву. Отсюда ему хорошо были видны и родник, рядом с которым расположились

Арзу и Маккал, и другая тропа, сбегавшая по склону. По ней должен был пройти Берс. Болату предстояло встретить его и провести к друзьям.

Мальчик сидел тихо, но вскоре безделье ему наскучило. Болат вспомнил о пистолете, спрятанном под бешметом, достал его и протер войлочной шляпой, хотя пистолет и без того был начищен до блеска. Проверил остроту кремня и стал целиться, выбирая мишенью то ствол дерева, то крохотный листочек. Все это время он не забывал поглядывать на тропинку и родник.

Томился Болат недолго. На тропинке показался всадник, который, бросив повод на шею коня, ехал неторопливым шагом. Голову всадника обматывал башлык с узкой щелкой для глаз, на плечи была накинута черная бурка. Но как Болату не узнать гнедого коня с белой звездочкой на лбу и в белых «чулках». Это же конь Берса! Болат отломил от ствола кусочек коры и проворно перебрался на нижнюю ветку. Дождался, пока Берс проедет под чинарой, прицелился и бросил кору на спину всадника. Мальчик и глазом не успел моргнуть, как черная бурка слетела на круп коня, а в руках всадника блеснули пистолеты со взведенными курками.

— Испугался? — звонкий смех нарушил хрупкую тишину леса. — Это же я!

— Болат! Ах, шайтан! Кто же так шутит? Да еще в лесу? А если бы я тебя, как ворону, сбил с дерева? Данча бы лишился сына, а я — друга и племянника. И на одного воина у нас стало бы меньше. Знаешь, что полагается за нарушение воинской дисциплины?

Болат невольно почесал затылок.

Берс негромко рассмеялся.

— Испугался? Впредь будь умнее. Где гости? У родника? Ну, иди вперед. Только смотри, без фокусов...

— Все, больше не буду...

— Ты давно меня ждешь?

— Нет, совсем мало. — Убедившись, что гроза миновала, Болат повеселел, к нему вернулась прежняя словоохотливость. — Не знаю, ваш^{*}, каким ты был офицером, а вот абрек из тебя никудышный.

* Ваши — дядя (чеч.).

Берс опять засмеялся.

— Это кто же абрек? Я?

— Ну не совсем, конечно... Ведь не каждого, кто скрывается, назовешь абреком. Только тебя можно было бы уложить одним выстрелом или взять голыми руками.

— Что-то я не пойму.

— Не понимаешь? У такого человека, как ты, слух должен быть, как у кошки, глаза, как у барса. Ты должен знать всех: и птиц, и зверей, различать их следы, изучать их повадки. Почему здесь было тихо, а? Потому что птиц на дереве не было. Ч там сидел, и они меня боялись. Кружились и улетали обратно. И ехал ты какой-то сонный. Голову в башлык завернул, буркой укутался. Ружье висело под буркой дулом вниз. Свет бы перевернулся, пока ты его вскидываешь. Ружье нужно всегда держать дулом вперед или класть перед собой поперек седла. Даже в самый сильный мороз уши, глаза и нос должны быть открыты. Постой здесь, я погляжу, не идет ли кто по дороге.

Болат побежал вперед и, убедившись, что там никого нет, махнул рукой, подзывая Берса.

— Болат, — сказал Берс, — вообще-то я знал, что ты откуда-нибудь наблюдаешь за мной, потому так и ехал. Но все твои замечания справедливы. Спасибо за науку. Но кто же научил тебя всем этим премудростям?

— Залма Зумсоевский, — гордо ответил Болат. — Я два раза выезжал с ним в верховья Орги*. Летом и зимой. За два месяца он меня многому научил. И не только меня. Нас, мальчишек, было не меньше сотни. Красиво на Орге, особенно летом: всюду густые леса, родники, птицы, звери. Оргу ни с чем не сравнишь. Река стремительная, грозная, холодная, словно дед. Мы учились переплывать ее и в одиночку, и на коне. Плавать я научился быстро, а вот перейти реку вброд, да при этом перенести на голове одежду, оружие, продукты и не намокнуть их — вот что было действительно трудно. Залма даже словечек не прощал, строг был! Еще он учил нас вязать плот из бревен, крепя их лозой дикого винограда, учил переправляться на нем через реку. Но самым приятным для меня занятием была охота на зверей. Из их шкур мы делали бурдюки.

— Бурдюки? Разве там было вино?

— Да нет, не для вина. Надуем пять-шесть бурдюков, свяжем их, и, пожалуйста, переправляйся на другой берег. Это

* Орга — р. Аргун (чеч.).

куда легче, чем вязать плот из бревен. Да, лето — самая лучшая пора. И еды вдоволь, и спи где угодно. Вот зима — дело другое. Зимой еду брать с собой нам не разрешали, как и корм лошадям. Все самим нужно было добывать. Зимой бывало очень плохо. Морозы, голод, снежные заносы, обвалы, ледники. Чуть поскользнешься — считай, пропал. Хотя так было только поначалу. Потом мы всему научились: и корм лошадям добывать, разгребая снег, и охотиться на диких животных. А вот сискала не было. Но мы терпели. На войне еще не такие трудности будут.

Берс внимательно слушал мальчика. То, о чем он рассказывал, было ему интересно и в будущем могло пригодиться. Правда, от русских офицеров он и раньше слышал о физическом воспитании чеченских детей. Одно время эта своеобразная спартанская школа прекратила было свои занятия, но в прошлом году вновь начала действовать. И предводителям будущего восстания поручили возить мальчиков от десяти до шестнадцати лет в горы для прохождения курса этой суровой жизненной школы. Берс однажды побывал там в качестве военного инспектора и сейчас с большим удовольствием слушал Болат.

— И это все, чему вас там учили?

— Совсем нет! Еще нас учили метко стрелять, рубить шашкой и кинжалом, джигитовать на коне, лазить по скалам, ледникам, деревьям, ходить на лыжах. Тебя тоже этому учили?

— Нет, не этому, — с откровенной грустью в голосе ответил Берс.

— Я так и понял. На тебя смотришь, сразу видно, что ты кое в чем совсем ничего не смыслишь.

— И все же, Болат, было бы здорово, если бы все наши дети учились в той школе, в которой учился я.

— Да ни за какие деньги!

— Почему?

— Из русских школ безбожники выходят. А они рабы гяуров, своих презирают.

Берс покачал головой.

— Беда, что мы неграмотны. Образование — это гораздо больше, чем богатство, Болат. Из тех школ не только одни офицеры выходят. Там и многому другому учат.

Но до мальчика слова Берса не доходили. Он знал другие примеры, а они-то и служили ему лучшей характеристикой

при оценке как окружающей его действительности, так и поступков людей.

— Вон, Арзу. Он нигде не учился, а десятка генералов стоит. Разве не так?

— Да, Болат, Арзу храбрый и умный человек. Но он неграмотный.

— Зачем так говорить? — Болат махнул рукой. — Арзу не так все. Дада* его очень любит. И меня Арзу многому научил. Сегодня он мне вот этот пистолет подарил. Правда, замечательный?

Болат вытащил из-под полы бешмета пистолет и протянул его Берсу. Берс, чтобы не обидеть мальчика, взял оружие, осмотрел и вернул.

— Оружие под стать храброму воину.

— А как Маккал, он тебе нравится? Но мне кажется, что целиком он владеет лучше, чем оружием.

— Маккал — человек особенный. Он пятнадцать лет учился в медресе. Второго муллы с таким образованием нет во всей Чечне.

Болат, широко раскрыв от удивления глаза, посмотрел на Берса.

— Вот тебе на! Я считал его совсем маленьким муллой! Но если он такой большой мулла, почему же он не носит турецкую феску, длинный халат и четки? Всем русским, например, нравятся мулла Идиг, Махмуд-Мулла или Мустапа-Кади. А Маккал на них совсем не похож. Почему?

— Потому, что те верно служат царю. Они и помогли в прошлую зиму расстрелять людей в долине Убитого быка. Они и подобные им — наши враги. Маккал же не делит людей на христиан и мусульман. Для него главное, чтобы человек сам по себе был достойным. Но ты здорово ошибся, Болат: Маккал так же мастерски владеет оружием, как и языком.

— Правда? Вот так-так! Но все-таки Арзу лучше всех, даже лучше тебя, — заключил Болат. — Ты только не обижайся.

— И не обижаюсь, и не спорю, — улыбнулся Берс. — Он умел, а я учился в школах.

«Конечно, мальчик прав, — подумал Берс. — Мне далеко до Арзу. Эх, если только к его мужеству мудрости добавить и чина! Из него тогда вышел бы настоящий полководец».

* Дада — отец, дедушка (чеч.).

Польщенный тем, что даже такой умный человек, как Берс, согласился с его мнением, Болат решительно подтянул выдавшие штаны и сдвинул набекрень свою серую войлочную шляпу.

До родника оставалось совсем немного, а мальчику еще хотелось и Берса послушать, и самому рассказать о многом. Когда еще другой такой случай выпадет! Берс к ним никогда один не приезжает. А сейчас словно сам Аллах организовал такую встречу и такую беседу. И вот-вот она прервется.

— Люди говорят, что царь дал тебе два ордена. Это правда?

— Правда.

— А за что же он их тебе дал? Разве и ты его слуга?

— В одной далекой стране живет народ. У него был свой царь, который притеснял этот народ. И народ восстал. Царь той страны обратился за помощью к русскому царю. Так уж повелось на земле, что когда народы восстают против своих царей, то все цари сразу объединяются против непокорных. Ну вот и русский царь послал в ту страну свои войска. Среди которых был и я...

— Я видел офицеров. Все они носят свои ордена на груди. А почему ты их не носишь?

— Я бросил их в Мичик*.

— Нехорошо ты поступил, ваши́, — расстроился Болат. — Спрятал бы дома.

— Дома-то у меня нет. Где же прятать?

— Мог бы мне отдать.

— Не знал я тогда, что живет на земле мальчик по имени Болат. Только скажу тебе откровенно, что глядишь иной раз на ордена и кажется, что с них кровь людская капает.

— А много людей живет на земле?

— Много.

— И всем живется так же плохо, как и нам?

— Большой разницы нет. Почти всюду сильный слабого поедает. Но в других странах люди более образованные, знают, что им делать. Твой отец никогда не учился, ты тоже. Потому-то все мы, как слепые, плуаем в потемках и любому легко нас одурачить.

Мальчику очень хотелось расспросить Берса о школах. Медресе он видел, в Шалях их несколько. А вот что такое

* Мичик — река в Чечне.

никола? Один Берс знает. Но они уже подошли к роднику, и Иодат не успел задать новые вопросы.

* * *

Друзья обнялись. После первых общих расспросов перешли, наконец, к делу. Берс, которому больше всех не терпелось услышать о новостях, подсел поближе к Маккалу.

— Ну, выкладывай, как дела в Ичкерии?

Маккал качнул головой.

— Утешительного мало. Последние события нарушили все наши планы. Бильтинцы Шахбулат и Нуркиши затеяли двойную игру. От нас еще не отреклись, но перед начальством вешают. Шахбулат и судебный заседатель Самби — близкие родственники. Оба выходят из дела. Герзельский Хасу еще в прошлом году стал доносчиком. Правда, про нас пока не упоминается, мстит только Шахбулату и Самби. Но все равно он предался властям и нам больше не товарищ. Хату Мамаев крепко держит гендергеноевцев, а Чомак Ойшиев — своих перебежчиков...

Трава у родника была мягкая, жаркое солнце согревало тело. Берс откинулся на спину, заложил руки под голову. Мгновением, глядя на вершины деревьев, сквозь листву которых проступивала бездонная синь неба. В этой сини плавно кружил истреб. Берс внимательно следил за полетом хищника, выжидавшего на охоту. Мгновение — и ястреб камнем упал вниз. Через секунду он снова появился и с добычей в когтях молниеносно полетел в горы.

— Я никогда не верил ни тому, ни другому, — сказал Берс.

Или спасения своей шкуры они способны продать родную землю. Таков же и Шахбулат. А Нуркиши смотрит ему в рот. Азиз, мулла Багало ненавидит русских, а это еще хуже. Стоит ему сунуть подачку, как тут же потеряет голову. Я говорил раньше и повторяю сейчас: большинство наших бед произошли от лицемерия целого ряда представителей духовенства. И я несколько раз говорил, что прошлой зимой многих из них отправили в Сибирь.

— Ты не совсем прав, — возразил Арзу. — Народ верит в Бога, и при этом так, то только духовенство может организовать народ и повести его на борьбу.

— Ошибаешься. Духовенство, газават уже привели нас почти к гибели. Так разве можем мы доверять теперь судьбу

народа этим людям? Практически они понятия не имеют о том, что происходит в мире! Они оторваны от жизни. Их знания и мировоззрение покоятся на молитвах. Они могут знать лишь к газавату или к примирению с властями. Причем и в том, и в другом случае они преследуют одну цель: лишь бы им самим было тепло и сытно.

— Тогда военное дело мы возьмем в свои руки, а духовенство пусть занимается укреплением религии и законов шариата. Шариат — это дисциплина. А народу без дисциплины не обойтись. Но в наши ряды может встать любой, безразлично, какого он племени или веры.

Берс засмеялся.

— Арзу, ну разве допустят нечто подобное все твои муллы и хаджи? Плохо ты их знаешь! Ведь благодаря им наш народ считает христиан виновниками всех своих несчастий, а значит, и олицетворением зла.

— Э нет, ошибаешься! Знаешь ли ты, сколько беглых русских солдат сражались вместе с нами против царских войск? Да как сражались! Дай Бог так каждому из нас! Отступили вместе с нами в Гуниб и бились там до последнего вздоха. Арзу все больше распалялся, чувствуя за собой верх в споре. — Разве не русские солдаты учили нас стрелять из пушек, и? Что ты на то скажешь? Ведь приняли же этих солдат-иноверцев.

— Хорошо, пусть будет по-твоему. Возможно, в чем-то ты и прав? — устало согласился Берс. — Но назови мне хотя бы одного муллу из равнинных аулов, который от чистого сердца пойдет вместе с нами. Причем чтобы народ ему поверил. Да не найдешь ты таких. Власти нагнали на них страх.

Арзу замялся.

— Тут подумать надо, — сказал он. — Сразу вот так и не ответишь...

— То-то... И я долго думал. Но представь себе, напрасно. Люди, особенно с прошлой зимы, в любого муллу потеряли веру. А сколько, по-твоему, нам их потребуется?

— Восемь, не менее.

— Вот видишь. А что, если мы объявим тебя шейхом? — рассмеялся Берс, хлопнув по плечу Маккала.

— Ты шутишь, а у меня такая мысль давно уже вертится в голове, — серьезно сказал Арзу. — Чужих шейхов у нас было предостаточно. Пусть теперь свой будет.

— Да перестаньте! — махнул беспалой рукой Маккал. — До шуток ли сейчас.

— Какие же тут шутки, — заговорил серьезно Берс. — Ты и будешь нашим духовным лицом, коль уж обойтись без них невозможно. Совершишь паломничество в Мекку, купишь там левантийскую чалму, зеленый халат, по пути прихватишь и турецкую феску. Вот ты и готовый шейх. Насчет денег можешь не беспокоиться. Как-нибудь дорогу оплатим. Что скажешь, Арзу?

— Да я согласен продать свои последние шаровары и дать Маккалу денег на дорогу.

— Смейтесь, смейтесь, — скривил губы Маккал. — Виноваты в том, к несчастью, мы сами. После шейха Мансура и Бейбулата у нас никого из своих не было. Приходит кто-то чужой: вор ли, нищий ли, мы его чуть не на руках носим. Делаем их шейхами, имамами... Но самое страшное, что это по ишине некоторых из них погибли наши люди. Причина? Наша общая глупость...

Маккал всегда возмущался, когда речь заходила о духовных отцах, но таким непримиримым Арзу видел его впервые. Берс, чувствуя правоту Маккала, одобрительно кивал головой.

— Только уточним, Маккал. — Поднял руку Берс. — В борьбе против угнетателей нельзя делить людей на племена и нации. Кто верен делу свободы — нам друг, кто за рабство — враг. Какой бы веры он ни был, к какой бы национальности не принадлежал. Помнишь, я рассказывал тебе, что когда венгры поднялись на борьбу за свою свободу, с ними оказались почти все народы Европы?

— Это другое дело, Берс. Мы тоже не делили людей ни по национальной, ни по религиозной принадлежности. Мы принимали, как родных братьев, всех угнетенных, всех изгнанных со своей родины: русских, грузин, осетин, кабардинцев, черкесов и многих других. Но я-то имею в виду совсем иное. И говорю о честолюбивых людях, которые не думают ни о нашем народе, ни о своих народах. Они ищут таких глупцов, как мы. Они знают, что мы не уважаем себя, а потому приходят и садятся к нам на шею. А мы? Мы даже помогаем им быть поудобнее.

— Сами себя не уважаем, — повторил еще раз Маккал. — Другим это видят и используют нас, прости за сравнение, как используют баранов. Любого проходимца мы принимаем за шейха, только потому, что он знает наизусть короткую суру из Кора-

на. И вот уже мы его кормим, поим, одеваем, лелеем, носим на руках. А что мы сделали со своим Мансуром?..

— Нельзя, нельзя, друзья мои, всех загонять в одну саклю. Среди них были и честные люди, которые искренне боролись вместе с нами за дело народа, как против самого царя, так и против того же Шамиля.

— Мало их было, — сказал Маккал. — А было бы больше, если бы мы сумели уберечь их. Повторяю, мы не научились еще уважать друг друга. В нас укоренились низкая зависть, вражда. Если бы народ наш был сплоченным или если бы у нас были мудрые, всеми уважаемые вожди, мы давно положили бы конец всей этой неопределенности и либо сбросили эту несправедливую власть, либо примирились с ней. А у нас ни то и ни другое.

— Нам не оставалось ничего другого. Так воспитало нас последнее столетие. Народ уже потерял счет годам, в течение которых воюет с чужеземцами. Волей-неволей приспособляешься к условиям. Каждый старается выжить, причем не особо разбираясь в средствах. Лишь бы выжить.

— Согласен с тобою, Маккал, — сказал Берс. — Наша внутренняя вражда, вражда внутри нас, не позволяет нам ни примириться с русскими, ни свергнуть власть царя. Почему нет имамов или шейхов в Осетии или Кабарде? В чем причина? В сознании, в уровне развития. Просвещение — свет, а на свету и жульничать труднее.

Неподалеку послышался стук топора, и вскоре с той стороны потянуло гарью, а небо застлал густой дым. Это рубили и сжигали старый высохший лес, освобождая для посева еще один клочок земли.

— Нам бы грамотных людей побольше, по-настоящему грамотных, — задумчиво проговорил Маккал. — Ведь чему учат в медресе? Только молитвам, покорности судьбе да не-примиримости к иноверцам. Заставляют зубрить тексты на непонятном чужом языке, в то время когда нам нужен свет. А путь к нему лежит через науку. Но мы этого не понимаем. Каждый считает себя князем, хотя одет в лохмотья и есть ему нечего. Но туда же: он — пуп земли!

— Рассказывают, что жил в горах один человек. Его уважали и почитали все, даже седовласые старики. За советами к нему приезжали из Осетии, Кабарды и Черкесии. Один из князей соседнего народа захотел увидеть этого человека, своими глазами посмотреть на его знатность и богатство. При-

ехал он в аул, поглядел вокруг, но не увидел ни дворца, ни даже порядочного дома. Спросил князь, где же живет знаменитый мудрец? Ему показали лачугу, ничем не отличавшуюся от остальных построек-развалюх. Подъехал он к ней, гостя встретили благородный старик и его статные сыновья. Пригласили и угостили князя, как следует. Но видит он: в доме бедность. И удивился. Когда князь поел, хозяин поинтересовался, чем он может быть полезен знатному гостю? «Ответь мне, старик, почему ты почитаем не только в родном ауле, но и далеко за пределами своих гор?», — спросил князь. И старик ответил: «Я любил и уважал свою жену, и она отвечала мне тем же. Я любил и уважал своих детей. Дети это видели и тоже стали любить и уважать меня. А потом и соседи, и весь аул. С уважением стали относиться ко мне люди нашего племени, потом и всех других горных аулов. Но уважение началось с моей семьи». Но история подтверждает, что не умеем мы уважать самих себя. Не зря говорил Шамиль, что у чеченцев нет возвышений, на которые они поднимают своих героев, и ямы, куда бросают своих преступников.

— И все-таки, Берс, наш народ был свободнее своих соседей. Ни князей, ни ханов не было у нас никогда. Мы не склоняли головы перед иноземными ордами, перед царем, всегда страдались до последнего.

— Слепой ты человек, Арзу, — возразил Маккал. — У нас всегда были богачи, которые диктовали нам свои условия. Добавь к ним и пришлых князей, правивших нами в прошлом столетии и дравших с нас по семь шкур. Правда, богачи соседних народов владеют людьми, как скотом, мы же испокон веков оставались свободными и относительно независимыми. Каждый человек защищал себя сам от любых посягательств на свою честь, на свою свободу. И адаты нашего народа стояли на защите личности человека. Только какая же польза от этой свободы самому народу? Народу бедному, темному и невежественному? Не отрицаю, князья соседей бесчеловечно угнетали свои народы. Эти же князья без сопротивления, добровольно перешли на сторону русского царя...

— Скажи прямо: продались ему со всеми потрохами за чины и деньги, а землю продали и свои народы.

— Конечно, это само собой разумеется. Но, тем не менее, своим переходом на сторону русского царя эти князья спасли незадачливые им народы от бесполезных жертв, от долголет-

ней истребительной войны. А теперь у них грамотных людей больше, да и живется им лучше.

— Лучше, чем нам, конечно, им не жилось и не живется. Мирно и спокойно — это другое дело, с этим я согласен.

— Не виноват наш народ в том, что он темный и отсталый. — сказал Берс задумчиво. — И не его вина в том, что вел он долголетнюю войну с русскими. Наш народ испокон веков жил мирно и дружно со всеми. Глубоко уважал и русских. И вину ему ставят то, что он любит свободу и не терпит неволи, защищает свободу как может и как умеет. И обвиняет нас в этом проклятая царская власть. Она умышленно вбивает клин между нами и русскими, натравливает нас друг на друга. Не будем сейчас вспоминать старые обиды и распри. Нам следует все свои силы направить на то, чтобы восстановить с русскими прежнюю дружбу и взаимное уважение.

— Короче, ты предлагаешь смириться с рабством?

— Вовсе нет! Сблизиться с русскими, жить с ними в мире и дружбе — вовсе не значит прекратить борьбу за свою свободу. Но бороться за нее надо вместе. За общую свободу, против общего врага. Ведь жизнь крепостного русского мужика сладкой тоже не назовешь.

Берс, измерив взглядом тень от чинары, указал на нее товарищам.

— Время, друзья мои, время. Пора заканчивать, — сказал он. — Но давайте вернемся к делам сегодняшним. Вот Арзу советует привлечь мулл. Что ж, лично я не против.

— Признаться, я не очень-то им доверяю, но без них нам, пожалуй, не обойтись. Это единственное, что поможет нам объединить людей, поднять их. Слава Аллаху, все мы еще верны ему.

— В одной руке сабля, в другой — Коран? — едко бросил Берс. — Что получается из этого, ты можешь судить по горькому опыту Шамиля... Духовенство должно заниматься религией, очищением души человека, а не вмешиваться в политику и войны.

— Шамилю сопутствовал и успех...

— Но в конце концов он остался один на один со своим газаватом, — не выдержал Маккал. — Важен-то результат. А сколько пролито крови, и ради чего? Ради того, чтобы у нас отняли последнее, что еще могли иметь? Я уверен: если бы не газават, было бы больше надежды на победу. Мы нашли бы поддержку в Грузии, Осетии и даже в России. Но газават об-

рек нас на одиночество, не оставил нам пути ни к примирению, ни к объединению с иноверцами. Когда же я сказал об этом открыто, все муллы и хаджи ополчились на меня. Они называют меня не иначе как мунапик*.

— Что вы, в самом деле, — возмутился Арзу. — Я же не вожу вас к газавату. Да, нам нужны муллы, но муллы, преданные делу народа.

— Где бы таких возьмешь?

— Один сидит рядом с нами, — Арзу кивнул в сторону Маккала. — И еще найдем.

— Тогда ищи их сам!

— Почему же я? Маккал ведь к ним ближе. Он знает лучше женщин, чем дышит каждый мулла.

— Что ж, Маккал, давай, выкручивайся, как можешь. Ты пока у нас единственный. Где ты остальных найдешь, одному Адилаху известно. Во всяком случае, на равнинных не надейся. Многие из них уже верой и правдой служат падишаху** и за шашинскую бойню успели получить подарки и награды. Но не доверяй и тем, кого власти лишили должностей. Они во всем покаются и теперь бьют поклоны генералу Туманову.

Берс подозвал к себе Болата, который стерег на поляне лошадей.

— Данча ничего не велел передать мне?

— Нет, — покачал головой мальчик.

— Тогда возвращайся, солнце уже вот-вот сядет.

Болату хотелось побыть со взрослыми, но послушаться Берса было невозможно и он нехотя поплелся домой.

— Берс, о каких наградах ты говорил? — спросил Маккал.

— Наградили тех, кто помогал генералу Туманову расстреливать мюридов. Короче, на равнинные аулы надежд мало. Там купцы, землевладельцы и офицеры размножаются, как тараканы. Притом на равнине не так остро ощущается нехватка земли. Аулы окружены крепостями, станицами. Все надежды на Ичерию и Чеберлой.

— Как быть с изменниками?

— С ними никаких сношений. И строго-настрого предупредить всех их, что если начнут мешать нам, то придется им расстаться с жизнью.

* Мунапик — безбожник, вероотступник (арб.).

** Падишах — царь, правитель.

— Только заменить их пока нечем, — задумчиво проговорил Арзу. — Ладно, дня через два мы с Маккалом будем у Солта-Мурада, с ним еще посоветуемся.

— Это на ваше усмотрение. Подбор людей по-прежнему остается твой обязанностью, Арзу.

— Берс, давай-ка ты теперь выкладывай свои новости.

Берс усмехнулся. Что ж, настало время рассказать друзьям о самом главном, ради чего они приехали сюда.

— Вчера стало известно, что власти приняли решение расселять на наших землях казаков.

— Что? — до ошеломленного Арзу не сразу дошел смысл сказанного.

— Решено очистить подножия Черных гор и Качкальского хребта: часть населения переселить на левый берег Сунжи, другую часть — в Малую Кабарду, а на освободившихся землях от Владикавказа до Хасав-Юрта расположить казачьи станицы.

Маккалу сразу стали ясны истинные цели подобного решения.

— Опыт у властей в этом деле уже имеется. Когда-то такой же линией они отделили нас от наших братьев-ингушей. И по время войны ингуши не смогли ни объединиться, ни помочь нам. И сейчас — та же самая политика. Только теперь уже Чечню разделят на несколько частей.

— Если, конечно, мы позволим им сделать это, — решительно возразил Арзу.

— Все правильно. Власти хотят отделить равнинную Чечню от нагорной, — продолжал Берс. — Но и это еще не все. Предполагается также вдоль новой линии по ущелью Аргун и по дороге на Ведено заложить новые укрепления, отремонтировать старые и усилить их гарнизоны. Таким образом новые укрепления разделят Чечню на три части, и весь наш край окажется отрезанным от Дагестана. О последствиях догадаться не трудно.

— Когда они все это решили? — спросил Маккал.

— Прошлым летом. Лорис-Меликов написал об этих планах наместнику, но ответа пока не получил. Однако есть сведения, что наместник утвердил планы.

Некоторое время все трое молчали. Арзу и Берс полуждали, Маккал ходил около родника. Берс чувствовал себя относительно спокойно, он уже принял решение. Правда, ни о

еще не согласовав его. Поэтому он пока молчал и давал друзьям время обдумать принесенные им новости.

Солнце уже скрылось, но было еще сравнительно светло. Люди возвращались из лесу с вязанками дров. Берс знал, что идут они дрова не для домашних очагов, что сейчас они направляются в крепость. Те же, кто везет дрова на арбе, завтра пойдут в Грозную. Вязанки дров — это хоть и небольшие, но деньги. Жить-то людям на что-то нужно.

Пришло время прощаться.

— Да, чуть не забыл, — сказал Берс, опускаясь на корточки. — О польских делах Данча ничего не слышал? Так вот, с поляками покончено.

— А как дела в России? — спросил Арзу.

— Там все по-старому. Крестьянские волнения утихают. На них мы надеяться уже не можем.

— Наш конец предсказать не трудно, — грустно сказал Арзу, обеспокоенный слухами о переселении. — До сих пор мы еще на что-то надеялись. Но царь ни с кем так и не начнет войну. Теперь возьмется за нас. Готовы ли мы к отпору? Нет. А рассчитывать на счастливый случай нельзя.

— Что-же ты предлагаешь? — спросил Берс.

— Будет лучше, если мы создадим военный совет из пяти или семи человек. Конечно, кто-то должен стать главным и исполнять волю большого совета. Поэтому просто необходимо в течение этого месяца созвать общий совет представителей всех аулов и общин для окончательного решения. Если придется переселение, то мы немедленно начнем восстание.

— Да, мы начнем восстание, если власти действительно начнут переселять нас. Но не иначе. И еще. Я начисто отвергаю первоначальный план.

— Почему?

— Бесцельная борьба всегда приводит к напрасным жертвам. Прежде всего мы должны определить ясную и точную цель нашей борьбы. Скажите откровенно, сможем ли мы своими силами свергнуть царскую власть в Чечне?

— Конечно, нет, — глубоко вздохнул Арзу.

— Вот видите. Потому мы и ждем внешней войны России, — продолжал Берс. — Возможно, тогда, воспользовавшись моментом, мы и одержим победу, хотя и это сомнительно. Но внешняя война России кончится для нее либо победой, либо

поражением. Не вечно же будет продолжаться война. И тогда правительство опять обрушится на нас.

— И раздавит нас, как мух.

— Допустим, нам удастся свергнуть власть царя. Но что же мы будем делать дальше? Вернемся к довоенной жизни, к временам шейха Мансура и Бейбулата? Это невозможно. Во-первых, с тех пор мы лишились половины мужского населения и половины наших земель. Во-вторых, равнинные аулы, расположенные по соседству с городом и станицами, примирились со своей судьбой, они почти свыклись с новыми порядками. В-третьих, появилась новая прослойка, на которую и опирается царская власть: офицеры, купцы, духовенство, мелкие торговцы, писари и так далее.

— Значит, Берс, возврата к прежней жизни нам нет? Остается только одно — привыкать к новым порядкам? — спросил Арзу. — Иначе говоря, к нищете, бесправию, оскорблениям и унижениям?

— Народ, как и человек, Арзу, с годами должен расти. И физически, и духовно. Наша попытка вернуться к временам шейха Мансура привела бы нас к новой войне, а чем это грозит, не мне вам объяснять. К прежним временам нам возвращаться нельзя. Это равносильно тому, как взрослого зрелого человека перенести в детство. Установить же у себя какой-то новый порядок правления нам пока не под силу.

— Так что же ты предлагаешь, Берс?

— Навсегда связать свою судьбу с судьбой других народов России и идти с ними в ногу.

— Но положение нашего народа намного тяжелее, чем других народов той же России. Лучше уж погибнуть, чем терпеть всю жизнь ненавистный порядок. Я считаю, что это и есть самый достойный выход из положения.

— Нет! Он самый сомнительный, вернее даже, самый ненадежный. Я уверен, народы, находящиеся под царским гнетом, одержат победу только тогда, когда поднимутся против царизма все вместе. И есть люди, которые учат народы мира, как им бороться за новую жизнь. Я уже рассказывал, что лет пятнадцать назад над Европой пронеслась грозная буря народного гнева. Она пронеслась и над Россией, хотя коснулась ее в меньшей мере. Она не смогла уничтожить власть угнетателей. Но над Европой и Россией вновь собираются грозные тучи, и скоро грянет новая буря.

— Ты подводишь нас к мысли, что наше восстание следует отложить?

— Другого выхода нет.

— А если нас начнут переселять на левый берег Сунжи и Терека, в Малую Кабарду? Так мы уступим и остальные земли?

— Тогда, конечно, возьмемся за оружие. Однако переселение наших аулов и переселение на эти земли казаков — вопрос очень сложный. Во всяком случае в течение ближайших двух-трех лет решить его правительству вряд ли удастся. Наша задача — усиленно готовиться к восстанию. Подбирать и учить людей. Но нужно быть осторожными. Солта-Мурад, Вара, Пашама, Шоип Майртупский — люди мужественные. Однако мужество — это еще не все. Одной лишь храбростью нам не победить. В этом мы уже убедились на своем же горьком опыте. Торопиться с созывом совета, по-моему, тоже не следует. Собирать его в летнее время опасно. Собираться следует зимой. Ну, а теперь давайте совершим вечерний намаз* и разо-
йдемся.

— Берс, я не совсем понимаю действия Вары, — сказал Маккал. — Он грабит на больших дорогах, убивает офицеров и чиновников. Но сам-то он скрывается, а расплачиваться за его действия приходится ни в чем не повинным людям. Передавай ему, что мы решительно осуждаем его тактику. Она приносит не пользу, а только вред.

— Вара — человек вообще-то странный. А после шалинского дела он просто стал похож на дикаря. Ни во что не верит — ни в Бога, ни в черта. Я ему говорил то же самое, что и ты, но он и слушать ничего не хочет.

— Слушать не хочет? — вспыхнул гневом Арзу. — Тогда с твоим разговором будет короткий. Предупреди его, что, если по его вине пострадает кто-нибудь из наших, ему не сносить головы. Он вместе со всеми клялся на Коране, а потому обязан придерживаться. Что получится, если каждый начнет своеволие? — горящие глаза и суровый тон Арзу служили грозным предупреждением, что его слова — не шутка.

— И еще. У нас к тебе вот такая просьба, Берс, — Маккал говорил так, словно просил извинения. — В Гати-Юрте случилось несчастье. Собака Иса застрелен собственным сыном.

* Намаз — молитва (чеч.).

— Он коротко пересказал случившееся. — Вчера в Гати-Юрт прибыл пристав, арестовал Ловду и Васала. Оба они, по сути, не виноваты. Ловду спасти практически невозможно, но Васала в их руках нельзя оставлять. С ним, как с беглым солдатом, расправа будет короткой, а в доме у него куча детей, и жена вдобавок при смерти. Кроме того, мы просто обязаны его оберегать как беглого солдата. Потому и обращаемся к тебе за помощью.

— Что же я должен сделать?

Маккал пожал плечами.

— Мы с Арзу, конечно, могли бы силой освободить Васала и направить его в лес к абрекам. Но что тогда станет с его семьей? У меня вот такая идея. На днях Касум Курумов приезжает в Шали. А он — большой друг генерала Туманова. Мне думается, что начальник округа полковник Головаченко послушается Касума. Переговори с ним.

Берс долго молчал.

— Смогу ли я? — произнес он наконец. — С Курумовым мы близко не знакомы.

— И все же общий язык с ним найти сможешь только ты один.

— По мелочам мы не стали бы тебя беспокоить, — вмешался в разговор Арзу, — Дело в суд еще не передано. Поговори с начальством?

Берс с сомнением покачал головой.

— Особенно надеяться, конечно, не стоит, но я попробую, постараюсь помочь.

После намаза друзья простились. Берс подался в лес, Арзу и Маккал направились в сторону Ведено.

* * *

Не только три друга искали выход из сложившегося положения. Искал его и командующий войсками Терской области.

“Милостивый государь Александр Петрович, — писал он. — С нетерпением ожидаю возвращения генерала Кундухова и решения вопроса о переселении в Турцию, выполнение которого он берет на себя. Скорое уяснение этого дела совершенно необходимо. Окончательный и прочный успех наш на Западном Кавказе не мог не вызвать тревожных ожиданий у населения Чечни. Как

...ни старались мы маскировать намерения наши, масса населения вследствие ли неестественных отношений к нам или же по общему убеждению, существующему как в среде местных войск, так и лиц приезжих, предвидит, что в весьма близком будущем правительство захочет стать в крае более твердой ногой. Поэтому в последнее время усилились здесь разные толки и предположения, воспрепятствовать которым местной власти весьма трудно и едва ли возможно.

Граф Евдокимов передал мне прокламацию турецкого эмиссара, приглашающего западных горцев в Турцию. Содержанием своим прокламация эта подходит близко к экземпляру, доставленному мной Вашему превосходительству в бытность мою в Коджарах. Хотя и трудно ожидать, что можно было бы возбудить охоту к переселению в наших добрых чеченцах одной, собственно, прокламацией, но все-таки не мешало бы прислать мне еще несколько экземпляров для распространения их среди населения. Об этом будет писать Вам и граф Евдокимов с просьбой перевести прокламацию на правильный турецкий язык в Тифлисе...

М. Лорис-Меликов.

18-го июля 1864 г.

ГЛАВА IX

ТАЙНАЯ ВСТРЕЧА

Все дела, как ты видел, переменчивы: когда радовало какое-нибудь время, того же опасались другие времена.

Салих ар Ронди

Берс торопился в Шали. Обычно, когда он приезжал туда, его зять Данча посылал ему навстречу своего сына Болата. Но сегодня Данча встретил его сам. Он предупредил Берса, что в село прибыл майор милиции Давлетмирза Мустафинов со своим отрядом, причем прибыл отнюдь не с добрыми намерениями. Данча шагал впереди, за ним, шагах в пятидесяти, Берс. На улицах Шали — этой своеобразной столицы Чечни — было спокойно. Ярко горели окна только канцелярии пристава, где непрерывно хлопали двери да слышался топот множества ног. Берс и Данча пробирались закоулками. За заборами лениво лаяли собаки, в узких окнах тускло мерцали светильники.

Бодрствовали сегодня и в доме Данчи. В гостиной было светло. На глиняном полу разостлали широкий войлочный ковер. Сухощавый пожилой человек сидел на деревянном стуле, зажав меж колен дарственную золотую саблю с надписью "За храбрость". Свет лампы, поставленной в нишу стены, освещал золотые погоны на его плечах, ордена и медали на груди.

Время от времени человек зевал. Казалось, что он уже изучил все углы, все стены, почерневшие от дыма и сажи. На секунду взгляд его задержался на мальчике, словно застывшем у порога. Мальчик глядел на него, не мигая; его быстрые и колющие, как у волчонка, глаза ловили малейшее движение гостя. Встретившись с ним взглядом, офицер поту-

ниции. Ему подумалось, что мальчик смахивает на огородное растение. Такое сравнение вызывал рваный бешмет, первоначальный цвет которого почти невозможно было определить, падший на мальчишку. Тонкую, как былинку, талию стянул узкий ремешок, спереди висел маленький кинжал, а сбоку за ремешок был заткнут кремневый пистолет. Правая рука мальчика лежала на рукоятке кинжала. Весь его вид должен был показать всякому, что он имеет дело с уже вполне взрослым мужчиной.

Офицер в душе рассмеялся. «Однако, — подумал он, повстречаясь я ему где-нибудь на узкой тропе, ухлопает и глазом не моргнет. Здесь же, под крышей своего дома, умрет, защищая меня».

Гость вытащил из внутреннего кармана кителя небольшой лист бумаги, сложенный вдвое, развернул его и поднес к свету. Это была небольшая записка, написанная красивым удобным почерком на чистом русском языке. Офицер вновь перечитал ее:

“Господин полковник!

Прощу Вас, ради нашего общего дела, не объясняясь никому, немедленно прибыть в назначенное место, которое укажет Вам подаваемая этой записки. Он же гарантирует Вам безопасность”.

Подпись отсутствовала.

Гость через хозяина пытался узнать имя автора, но безуспешно. Однако полковник был убежден, что автор записки человек не глуп. И вдобавок очень осторожен. Ведь записка могла попасть и в чужие руки, но никто бы не догадался, кто ее автор и кому она адресована. Получив ее, он довольно долго пребывал в нерешительности: идти одному было опасно, оставаться же — значило проявить трусость. Но ведь он в тот памятный день находился рядом с князем Тумановым, когда тот арестовывал невинных людей, а такое не забывается. Однако полковник был не из робкого десятка, вдобавок ко всему хозяин дома поручился за его жизнь.

Полковник вновь сложил записку и спрятал ее в карман. Прошли часы: время приближалось к одиннадцати, и уже более часа прошло с того момента, как хозяин оставил его на попечение мальчика. Непривычная тишина, царившая в доме, поразила хозяина, этот мальчик со жгучими глазами, бедное

убранство дома — все вызывало в нем глухое недовольство и нагоняло непонятную тоску.

От лая собаки во дворе он вздрогнул и машинально схватился за рукоять сабли. Увидев это, Болат прыснул в кулак. Полковник смущенно убрал руку и невольно закашлялся. И передней раздалися шаги, и по разговору, донесшемуся оттуда, он догадался, что вернулся хозяин, и не один. Но голова его спутника был полковнику незнаком.

Болат стоял у порога все в той же позе и даже не обратил внимания на шум в передней, где его мать Хеди стряпала ужин и где находилось двое мужчин. Время шло, полковник начал выказывать беспокойство.

* * *

Берса же задержала Хеди, которая доводилась ему двоюродной сестрой. Они не виделись почти год, и она бросилась ему на шею, заливаясь слезами. Берс как мог успокаивал ее. Данча молча стоял у двери. Он-то знал, как они были привязаны друг к другу и как при встречах заново переживали горе, связанное с потерей родных. И потому Данча не мешал им и не торопил Берса.

Наконец Берс бережно отстранил сестру и шагнул в кулацкую.

— Ассалам алейкум, добрый вечер, полковник!

Полковник медленно встал, шагнул навстречу и, сняв белую перчатку, пожал протянутую руку.

— Ва алейкум салам, добро пожаловать!

Пристальный взгляд полковника не мог разглядеть лица пришельца. Оно было обмотано башлыком, но его выправка и четкая речь говорили о том, что человек этот долгое время служил в русской армии.

Берс снял с себя башлык и передал его Данче. Затем опустился на ковер, по-восточному скрестив ноги.

— Касум, как ваше здоровье? Здоровы ли семья, родственники? — Берс умышленно не называл полковника по имени и отчеству, как это было принято в кругах только что вылунившейся чванливой чеченской знати.

— Хвала Аллаху, все хорошо. А как у вас?

— Бог милостив. Прошу заранее простить меня, что сам не пришел к вам, как к старшему по возрасту и чину. Но дело, по которому я вас потревожил, неотложное, и другого выхода у меня просто не было.

— Ну зачем же так? Никаких извинений и не требуется, — полковник не сводил с него глаз. — Сдается мне, мы где-то уже встречались?

— Возможно.

— Только тогда, мне кажется, вместо черкески был военный мундир. Точнее — гусарский мундир. А на плечах — капитанские аксельбанты.

— Возможно.

— На груди, — продолжал полковник, — сверкали орден Святой Анны и Георгиевский крест.

— Может быть, и так.

— Тогда напости мне свое имя, капитан! — в голосе полковника прозвучала неприкрытая ирония.

— Прошу прощения, господин Курумов, — Берс сделал акцент на последних словах. — Вот уже шесть лет, как я лишился этого звания, я просто чеченец Берс, сын Рохма-на Барзоева.

Полковник пропустил мимо ушей явную грубость Берса.

— Да, да. Теперь припоминаю! Ты тот самый капитан Барзоев, который служил в отряде генерала Лидерса, когда фельдмаршал Паскевич подавлял венгерский мятеж. И если мне не изменяет память, то именно там ты заслужил и свои боевые награды, и чин капитана. Мы и с отцом твоим были хорошо знакомы. Как же, как же! Купец третьей гильдии, но очень уважаемый человек! Но ты забыл о своем сыновнем долге, Барзоев. Я видел тебя в Грозной, когда ты только что вернулся из России. А перед Герменчугским боем ты уже дезертировал...

— Если быть точным, то перешел на сторону народа, чтобы искупить свою вину перед ним.

Курумов удивленно качнул головой.

— А я-то ломал голову, кто же мог написать мне записку на русском языке? Оказалось, старый знакомый. Но что мне непонятно и даже обидно — сын такого уважаемого отца, человек с прекрасным европейским образованием, которого можно считать блестящим карьеристом, и вдруг оказывается здесь... — полковник обвел взглядом комнату, помахал рукой и брезгливо покачал головой, — среди оборванцев.

— Фридрих Второй сказал как-то, что и самый последний нищий в его государстве — тоже человек. Я чеченец, им я и останусь. Нищий ли он, в лохмотьях ли он, но это мой народ. И если он нищий и темный, то не его в том вина.

И Курумов, и Барзоев старались по возможности не сбиваться с тактичного и вежливого тона. Но порой это плохо им удавалось. Уж слишком велика была разница в их взглядах. Наконец Курумов, видимо устав от спора, вынул из кармана позолоченную трубку, набил ее душистым табаком, раскурил, сделав глубокую затяжку, сказал:

— Нет, ты не прав, Барзоев. Чеченцы сами виноваты в своем горе. Как можно тягаться с такой могущественной державой, коей является Россия? Это же наивно! Убивают офицеров, убивают чиновников. Начальство вынуждено ездить в сопровождении целого отряда солдат. Зачем вы напрасно проливаете кровь человеческую?

— А что вы прикажете им делать? Ведь у них отняли все, загнав в леса и бесплодные ущелья. Как вы прикажете им поступить? Что им делать, если их не считают людьми? А ведь не так уж многое им и нужно, чтобы они жили мирно: хлеба да минимум уважения к их человеческому достоинству.

Курумов, немало повидавший на своем веку, до сих пор спокойно слушал Берса. Но сейчас он не выдержал.

— Не горячись, Берс. Вы хотите силой вырвать у правительства хлеб и уважение? Но это-то как раз и невозможно, пока Чечня не разделит участь других народов. Пойми, Россия несет цивилизацию, с помощью которой можно за короткий срок добиться того, чего не могли добиться и за тысячу лет.

— Знаю, Касум. Прекрасно знаю. Наш народ даже не представляет себе, на каком богатстве сидит. Знаю, что с помощью просвещенной России наш край может сделаться цветущим, где будут и заводы, и фабрики, и железные дороги, и телеграф. Но хотят они того или нет, господам придется создавать здесь школы, в которых будут учиться горцы. Ведь для промышленности требуется квалифицированная рабочая сила. Но в итоге всем богатством края будет владеть шайка дворян и буржуазия. Как в самой России, как в других странах мира.

— Тем не менее, Россия принесет в горы и свою, и европейскую культуру, которая изменит патриархальный быт и натуральное хозяйство горца. Вырвет его из темноты и невежества. Об этом-то нельзя забывать. Ты согласен?

— Все это было бы хорошо, Касум, если бы эту культуру не несли нам на штыках. Ведь я больше любого из вас люблю русский народ и его высокую культуру. Да и весь наш народ

жестокостями тянулся к союзу с Россией. Но вся беда в сущности русского строя, который ненавистен и самому русскому народу. Его передовым людям. Ты говоришь о культуре. А что на самом деле творит шекспировская и байроновская Англия в Индии, в Америке, на других континентах? А Франция, которая считает себя центром мировой культуры, что она творит в Алжире? Думаешь, бесчеловечная жестокость правителей этих стран вершится с согласия английско-го и французского народов? Или русский народ одобряет действия царя и правительства на Кавказе? Нет, господин Курумов, и еще раз повторяю, что люблю русский народ, преклоняюсь перед его культурой, но, увы, Пушкинский гений не защищает чеченцев от солдатских пуль, а свободолюбивые стихи Лермонтова не спасают их от голодной смерти. Прежде всего им нужны насущный хлеб и уважение их как людей.

Курумов, выкурив трубку, поискал глазами, куда выбросить пепел. Берс взял у него трубку, выбил ее в углу и вернул женщине.

Ты, Берс, стал на путь всех этих якобинцев, владимирцев, папа-сахибов и прочих. Но у них один конец — либо шифот, либо виселица. А ведь они были просвещенными людьми. С мировым именем. Ну, и с кем же ты надеешься совершить революцию? На кого будешь опираться? На Умму, Агаби, Солта-Мурада или на фанатичное духовенство? Но все они совершенно невежественные люди, — говорил между тем Курумов. — И я молю Аллаха, чтобы он избавил тебя от этой губительного заблуждения.

Берс не намеревался затевать с полковником спор. Не для этого он добивался встречи с ним. Но уж если разговор обернулся такой стороной, то отступать было не в его правилах. Он утверждал свою правоту, и это придавало ему уверенность.

Кто из нас заблуждается — покажет время, Касум. Я прекрасно знаю, что чеченцы лишь одной своей силой победить не добьются. Рано или поздно, но в России сбудутся мечты декабристов, Герцена и Чернышевского, Добролюбова и Писарева. Народы разрушат эту огромную тюрьму, а на ее развалинах построят республику. Поостерегитесь, господин полковник! Чеченцы тоже начали задумываться. Они пока еще не знают только Чермоевых, Мустафиновых, Ипполитовых.

Но уже похаживают в гости к Иванам, и их приглашают к себе. Через несколько лет их водой не разольешь.

Курумов смотрел на Берса, как на сумасшедшего.

— И ты в это веришь?

— Уверен в этом.

— Нет, это выше моих сил! — Курумов покачал головой.

Вроде бы умный человек, но не хочет понять простых вещей. Братство народов! Вот ведь как! А ты подумал, что такое война? Сегодня — война, а завтра — братство? Это же утопия, молодой человек! Война — это смертельная схватка двух враждующих народов, причем они не выясняют — кто из них прав, кто виноват. Не разбираются в национальной принадлежности врага, какой он веры, расы, беден он или богат, каковы его идейные убеждения. Они видят друг в друге только своего смертельного врага, ружейную мишень, лозу для своей шапки. У каждого только одна цель — убить другого, одно желание — выжить самому, победить. Ненависть наполняет не только сражающихся солдат, но и мирных граждан и того, и другого народа. Ведь на войне дерутся и убивают отцы, сыновья, братья и мужья тех самых мирных граждан. И каждому из них хочется, чтобы его отец, сын, брат, муж победил, остался в живых и вернулся в родной дом. И посылают проклятия противнику. Вот совсем недавно кончилась у нас долгодлительная, кровопролитная война, которая унесла десятки тысяч жизней горцев и русских мужиков. Но спросите у чеченца или у русского мужика, кто убивал их отцов, братьев, сыновей и мужей? Они не скажут, что их убил Иван или Ахмед. Одни скажут — русские, другие скажут — чеченцы. В двенадцатом году французы совершили нашествие на Россию. В те годы французский солдат для каждого русского был заклятым врагом. А как же могло быть иначе, если он пришел с оружием в руках завоевать Россию, поработить ее народ.

— К сожалению, русские как-то забыли, что до того как царь и правительство всеми своими силами помогали подавлять французскую революцию и восстанавливать свергнутые монархии в Европе.

— Ну, это естественно. Я, например, не знаю в истории ни единого случая, чтобы какой-либо из народов признал себя виновным в тех или иных войнах. Каждый находит собственное оправдание. Так вот, во время войны с теми же турками всех турок считают убийцами и басурманами. Турки же счи-

и русских завоевателями, угнетателями, гяурами.

Хотя и турок, и русских мужиков гонят на войну, на смерть насильно, ради интересов султана и царя, а также и их разбойничьих шаек!

Ну-у-у! Такое понимание для их умов недосягаемо.

Как же, как же. Ведь печать, церковь и мечеть пичкают нас всеми дурью. Да и попробуй думать иначе — сразу к стенке поставят.

Мы отвлекаемся от главной темы. Вернемся к горцам и русским мужикам, которых ты хочешь сделать братьями. В течение посемидесяти лет они проливали кровь друг друга. Попробуем, по вине царя и правительства. Но ты спроси их, могут они назвать истинного виновника войны? И никто не сможет. Казаки скажут, что они воевали с чеченцами потому, что те совершали набеги и разоряли их станицы, чеченец же скажет, что казак, мол, захватил у него землю. Да, кровопролитная война кончилась. На финише ее горец оказался победленным, а казак — победителем. Первый потерял землю, второй — приобрел. И ни тот, ни другой не успокоились. Горцы мечтают вернуть свои земли, а казак хочет защитить приобретенное. У того и другого в сердце сохраняется ненависть друг к другу. А ты хочешь, чтоб она прошла уже через день, чтобы люди стали братьями, когда свежи еще могильные холмы, еще дымят сожженные аулы, а люди носят траур по погибшим....

Со временем они поймут...

Возможно. Если кто-то поможет им понять. Но произойдет это после смены нескольких поколений, а не через десять или двадцать лет, как думаешь ты. И потом, назови мне того, кто бы стремился уничтожить эту вражду, сплотить и объединить народы, — таких нет. Наоборот, есть те, кто ее разжигает. Понять мне, если горцам не вернут их земли, если их не уравнивают в правах с русскими колонистами, заживут их раны?

Нет.

Правильно. Вот поэтому-то правительство и не сделает ни того, ни другого. И никогда, ни одно правительство не делало этого в своих колониях. Поэтому всюду между метрополией и колониальными народами существует непрекращающаяся вражда, зреют недоверие и ненависть. Они необходимы колонизаторам, которые стремятся сохранить свое господство, и то время как народ полон желания скинуть его. Та-

кая борьба идет в Азии, Африке, Америке. Она будет длиться веками, а потому твои мечты о дружбе и братстве народов чистая утопия. Сила — вот единственный двигатель истории. Сильный всегда, во все времена подчинял себе слабого и угнетал его. Так было и так будет. Это один из законов природы.

Спор прервал Болат, вошедший с медным тазом, куманом и чистым полотенцем. Вслед за ним показалась хозяйка, несшая на вытянутых руках деревянный поднос, на котором лежали жирные куски баранины и аппетитно желтели галочки из кукурузной муки. Посередине стояла деревянная чашка с чесночным соусом.

Чтобы не обидеть отказом, Курумов съел кусочек мяса, запил его бульоном и вытер полотенцем руки. Берс, хотя и был голоден, посчитал неприличным есть после того, как гости закончили трапезу.

— Ну что же, Барзоев, — сказал Курумов, передавая полотенце Берсу. — Мы уже откушали хлеб хозяев и можем перейти к делу. Я же понимаю, что ты позвал меня не для этой дискуссии.

— Согласен, Касум, оставим бесполезный сейчас спор. Время рассудит нас. У меня же есть к тебе, действительно огромная просьба.

Берс подробно изложил последние события в Гати-Юрте, но скрыл, что Васал — беглый солдат.

— Меня послали к тебе, просить за Васала.

— Решение подобных вопросов не в моих функциях, решительно отрезал Курумов. — На то есть окружной начальник, пристав, мировой судья. Как они решат, так тому и быть. Кроме того, я слышал, что Васал — беглый солдат. То есть ваш Васал — дезертир. А власти дезертиров разыскивают и строго наказывают.

— В том-то вся сложность, Касум. Только нельзя довести дело до суда. При желании, ты можешь освободить его. Книзю Туманову и Лорис-Меликову ты свой человек. Одно твоё слово — и полковник Головаченко отпустит Васала. Весь Гати-Юрт просит тебя об этом. Васал — их человек.

Берс чуть не сказал: "Ведь твои предки, Касум, тоже пришли когда-то к шалинцам* и были ими приняты", но вовремя спохватился.

* Шалинцы — жители с. Шали в Чечне

— Положение у него крайне тяжелое, — продолжал он. — Жена, неизвестно, доживет ли до вечера. Полный дом детей. А если его отправят в Сибирь? Дети останутся беспризорными, никому не нужными сиротами.

Курумов сидел молча. “Кто знает, как может повернуться судьба? — думал он. — Не лучше ли застраховаться на всякий случай? К тому же отец этого мятежника — богатый человек. Если его сын одумается, то пойдет далеко. Тогда отец и мое добро не забудет. Да и сын тоже”.

— Хорошо, Берс, — твердо сказал он. — Ради моей дружбы с твоим отцом обещаю сделать все, что в моих силах. Он, правда, просил меня, чтобы я помирил тебя с властями. Но об этом потом. Завтра же я переговорю с полковником о Васале. Надеюсь, он мне не откажет.

— Не знаю, как благодарить тебя, Касум. Если когда-нибудь мне выпадет случай отплатить тебе таким же добром, я буду счастлив.

Когда все вышли во двор, Курумов наклонился к Данче.

— Данча, — сказал он тихо, — знаешь, я пришел сюда чтобы не прослыть трусом. И мне хотелось бы...

— Понимаю, Касум, понимаю, — поспешил успокоить его Данча. — Ни одна живая душа не узнает о твоём посещении.

— Прежде чем расстаться, Берс, мне бы хотелось сказать тебе вот о чем, произнес Курумов, доверительно взяв Берса за руку. — Ты молод, горяч. Пойми, и мне хочется видеть наш народ счастливым. Но принесут ли ему счастье фанатичные башки и отсталая Турция, которой они поклоняются? Нет и сомнений нет! Чечня должна ориентироваться на цивилизованные европейские государства, а точнее на Россию, которая во всех отношениях к ней ближе всех остальных.

— Но пока в лице России, вернее, в лице ее правительства, народ видит лишь грабителя, — прервал его Берс.

— Не все сразу. На все требуется время. А что, при Шамиле, разве при нем народ был счастлив? Или мог стать счастливым в перспективе? Да что мне объяснять тебе: Шамиль и его окружение еще более жестоко подавляли в народе сажу и зловонные чаяния. Грабили его со средневековым варварством. Сам имам накопил немалое богатство. При нем окончательно находился палач со всегда окровавленным кинжалом, и в каждом ауле колы плетней украшали отрубленные

гдловы. Но и это все пустяки по сравнению с ущербом, который был нанесен культуре чеченского народа. Шамиль и его духовенство запретили чеченские песни и музыку, ввели чуждый, непонятный народу арабский язык. Подумай, Берс, где настоящее варварство и порабощение. Я чувствую, несмотря на все твои слова, что в душе ты веришь: только Россия даст народу Чечни свет, мир и покой.

Отрицать сказанное Касумом было бы глупо. Действительно, какой бы деспотичной ни была власть России, но более развитый и цивилизованный русский народ не может не оказывать положительного влияния на горцев.

— В этом я согласен с тобой, Касум; но ты тоже пойми, власть не даст мирно жить ни тем, ни другим. Ты сам это утверждал час назад. И она уже вбила клин между ними, отобрала у горцев лучшие земли и передав их казакам.

— Знаю, наш народ не хочет мириться с новыми порядками. И все-таки он рад, что освободился от Шамиля и его набиов. Когда после взятия Ведено в Чечню прибыл Бяратинский, а я был в числе тех, кто сопровождал его от Грозной до Ведено, то жители аулов, еще вчерашние непримиримые враги, выбегали навстречу с криками радости приветствовать Бяратинского и его окружение. В эти-то минуты чеченцы осознали глубину нищеты, в которую их повергло продолжительное владычество Шамиля. До свиданья!

— Я провожу тебя до центра.

— Нет, не стоит. Заметят нас вместе, начнутся толки...

* * *

После ухода полковника все почувствовали себя свободнее. Берс снова сел за стол. Хеди подогрела мясо. После благодарив хозяев, Берс тоже начал собираться в дорогу.

— Я был в Солжа-Кале и встретил Рохмада, — сказал Данча, помогая ему одеться. — Он очень скучает по тебе.

— Ему что-нибудь нужно?

— Да нет. Просто, хотел повидаться с тобой. Как-никак ты у него единственный сын. Ты, Берс, должен об этом помнить. Кстати, на днях он приедет в Шали...

Не будем тратить время, Данча. Отрезанный кусок не приклеишь обратно... До свидания, Хеди. Спокойной ночи. Да ст благословит Бог, увидимся...

* * *

Выйдя на улицу, Берс прикрыл лицо башлыком и быстрым широким шагом направился в сторону Автуров. И тут же чуткий слух его уловил чьи-то торопливые шаги за спиной. Берс метнулся к плетеному забору, прижался к тутовому дереву. При лунном свете он ясно увидел маленькую фигурку... У тутового дерева Болат остановился.

— Думаешь, ты спрятался? — лукаво засмеялся мальчик. — Посмотри на свою тень. Она же ложится прямо поперек дороги.

— Ах ты, шайтан! Куда несешься?

— За тобой.

— Зачем?

— Провожу тебя.

— И далеко ты меня собираешься провожать?

— Мы вместе пойдем в Автуры.

— Это, конечно, ты сам решил?

— Сам, не сам, какая тебе разница?

— А куда же ты потом пойдешь?

— Останусь у тетки.

— Скажи мне, только честно, для чего тебе понадобилось это ночное путешествие?

— Такие вопросы, ваш, не задают даже дети. Ладно, ответь. Чтобы подольше побыть с тобой.

— Ты у отца отпросился?

— Конечно.

— Тогда я молчу.

Но кривым проулками они вышли к крайнему дому, где Берс оставил своего коня. Они выбрались из Шали достигли правого берега Бассы, где вошли в густой лес.

— Ваш, о чем вы говорили с Касумом?

— А зачем тебе знать?

— Так... Может, когда-нибудь пригодится.

— Тебе знать о том не положено. Проболтаешься.

— Это я-то проболтаюсь?

— Не я же.

— Ваш, некрасиво оскорблять младших.

— И не думал.

— А девчонкой кто меня обозвал?

— Не знал я, что ты еще и брехун.

— Опять?

— Ты что, каждое слово за оскорбление принимаешь?

— Слова бывают разные. Но на тебя я не обижаюсь: ты долго жил среди русских и забыл некоторые наши обычаи.

— Какие, например?

— Почему ты меня назвал болтуном? Болтают только деспоты да женщины. А брехун? Это же еще хуже! Клянусь устатом, не будь ты моим дядей, я всадил бы в тебя пулю!

Берс от души расхохотался.

— С тобой, Болат, опасно шутить. Того и гляди, даже родного дядю ухлопаешь!

— Если будешь оскорблять меня, я за себя не ручаюсь.

— Не пошли, Аллах, кому другому такого племянника.

Болат обиделся и замолчал. Берс слышал его недовольное сопение. Но обиды хватило ненадолго.

— Так про что же вы говорили? Я слышал все, но не все понял.

— Выходит, подслушивал? Можешь всадить в меня пулю, но скажу прямо, ты уподобился худшей из женщин.

— Касум — враг, а подслушать разговор с врагом позором не считается.

— Да, если он не твой гость и не сидит под твоей крышей. Человек доверился твоему отцу, твоему дому. Ты же шпионил за ним.

— Полковник Касум — враг моего отца, враг моего народа.

— Он был гостем твоего отца, он ел хлеб, испеченный твоей матерью.

— Врага и обмануть не грех.

— Я еще раз повторяю: он был твоим гостем. Он тебе враг, но лишь вне твоего дома.

— Виноват.

— Да, очень виноват! Запомни хорошенько — человек со всеми должен быть честен. И по отношению к врагу, и по отношению к другу. Иначе друзья тебя бросят, а враги станут презирать.

В ясном небе медленно плыла луна, разливая повсюду нежный голубоватый свет. Болат не упускал ничего, все ловил своим острым взглядом, слышал каждый шорох вокруг. Он замечал, как пугливый заяц метнулся через дорогу, как отскочила в сторону хитрая лиса, как ночная птица выпорхнула прямо из-под ног.

Мальчик шел следом за Берсом, ведя на поводу его коня.

- Мне показалось, ты защищал русских, а Касум их ругал.
- Не совсем так. У него свои русские, у меня — свои. Каждый защищал своих.
- Что-то не пойму.
- Тебе трудно сейчас понять. Вот когда выучишься, тогда поймешь.
- Я умею читать Коран.
- Это совсем другое. Надо учиться в русской школе.
- Ты Расскажи мне о русской школе. Я тогда, ну помню, на пути к роднику, не успел тебя попросить об этом.
- Помню, Болат. Все помню. Ты тогда еще сказал, что в русских школах горцев учат презирать свой народ.
- Правильно.
- Почему ты так решил?
- Да это сразу видно.
- Ну, например?
- Погляди на Касума, Боту...
- По я тоже учился в русской школе.
- Ты — это другое дело.
- Почему?
- Брат моей матери не может быть предателем.

Мальчик рассуждал, как взрослый. Чистая душа его запечатлела все то, что он видел своими глазами и глазами старших, слышал сам и услышал от других. И разве он не прав в том, что многие чеченские офицеры с самого начала помогали паризму в покорении Чечне? Потому у мальчика сложилось свое собственное мнение и о русских, и о тех, кто служил им. Но мнение ошибочное и даже вредное.

— Послушай, Болат, что я тебе скажу, — серьезно заговорил Берс. — Ты уже становишься взрослым. Я уверен, ты будешь в рядах борцов за свободу нашего народа. Борьба — это великое и святое дело. Но прежде чем ступить на такой благородный путь, нужно твердо знать, кто твой друг, а кто враг. В любом деле нельзя быть слепым. Вайнахи* думают, что все исключения русские — гяуры, а значит, наши враги. Это ошибка, это наша беда. Так думать нельзя. Нет плохих народов, есть плохая, несправедливая власть над ними, есть отталкивающие плохие люди. Кто такие русские? Это мирные, чес-

* Вайнахи — самоназвание чеченцев и ингушей.

тные, добрые и отзывчивые люди. Но бывает так, что поведение людей, их поступки зависят от тех, кто стоит у власти. Так вот, русский царь и его приближенные крепко держат в руках свой народ. И я видел, Болат, как живут русские мужики. Ничуть не лучше нашего. И у них кругом бесправие и нищета. Мужики живут на землях помещиков.

— Это еще кто такие?

— Как тебе объяснить попроще? Ну, они вроде Касума или того же Боты, или Довлетмирзы. Но наши помещики только еще появились, а русские существуют уже много десятков лет. Земля, а также все богатства принадлежат им, переходят по наследству от отца к сыну. И крестьяне тоже, как скот. Так вот крестьяне эти от зари до зари гнут спину на помещика. Года два назад помещик еще имел право избить и даже убить мужика, продать его или сослать в Сибирь. Теперь уже такого права у него нет. Но мужику легче не стало. Поднимался он против царя и помещиков не раз. Но ничего у него не получалось. Вот этого-то мужика и гонят на войну царь и помещики, чтобы для них мужик завоевал земли и покорял другие народы. Мужик гибнет, а царь и помещики наживают богатство.

— Почему же мужики не откажутся?

— Попробуй только! Немедленно посадят в тюрьму или сошлют в Сибирь, а то вообще — повесят или расстреляют.

— Но царь же один, да и богатых, наверное, не так уж и много.

— Да, но у них войска, тюрьмы, на их стороне закон.

— Ты говорил, что войска царя состоят из мужиков. Разве они смогут пойти против своих же отцов и братьев?

— Нет, свои в своих не стреляют. Это делается чужими руками. Не знаешь еще ты, насколько хитрые люди стоят у власти, как натравливают они друг на друга народы, сеют между ними вражду и тем самым вынуждают их хватать друг друга за глотку. Думаешь, одни только мы боремся? Нет, мой мальчик! В России много разных народов, и все они, как мы, хотят жить свободно. И в первую очередь — русские. Идут народы войной на своих притеснителей, но поодиночке, а потому всех их бьют. Но если сумеют они объединиться, тогда придет конец и царю, и помещикам. Вот в это, Болат, я твердо верю. Еще одно. Много у царя офицеров, но и они не все одинаковы. Некоторые не захотели воевать против нас. Например, тот же генерал Раевский.

— Первый раз слышу о нем. О Ярмоле слышал, о Баклане, о Сипсо, о Рангеле, о Миккале*... А вот о Ра... Раевском ничего не знаю.

— Этот генерал был очень богатым человеком. Русские же офицеры решили убить царя. Так вот, несмотря на богатство, среди них были и родственники Раевского.

— Они победили?

— Нет. Руководителей повесили, остальных сослали в Сибирь и к нам, на Кавказ. А называли их декабристами. Ссылки сами теперь увидели, как мы воюем и за что воюем. Им было жаль горцев, но они все равно вынуждены были стрелять в нас. Потому что их заставляли. Генерал же Раевский отказался и написал царю письмо, доказывая, что горцы защищают свой край, свои дома и что несправедливо и даже позорно проливать за это их кровь.

— Хороший инарла. Он уехал домой?

— Да. И он убеждал всех, что не стрелять нужно в горца, а торговать с ним, учить его в школе, помогать ему добывать богатства, лежащие в наших горах.

— Царь не послушался его?

— Ни его, ни других. А если бы ты знал, мой мальчик как много значит для нас учеба в школе. В медресе ты зубришь арабский язык, учат тебя любить Бога, уважать шейхов и мулл. И не против этого. А вот как жить, как строить дома, обрабатывать землю, лечить больных, то есть как обеспечить жизнь человека, сделать ее лучше, богаче, красивее — тому в медресе не учат. Это можно узнать только в русской школе. Попытались для нас кое-что сделать. Русские генералы Бартоломей и Услар с помощью чеченского офицера Кеди и муллы Янгулби составили, например, для нас азбуку, чтобы мы могли читать хотя бы русские жейны. Два года назад чеченские друзья Услара открыли в крепости Грозной школу на родном языке.

— И дети в ней учатся?

— В ней теперь никто не учится. Через две недели школу закрыли.

— Почему?

— Царь и его хакимы** не желают, чтобы у нас была своя школа, да еще на родном языке. Ведь темных неграмотных людей легче обманывать и держать на привязи, как быков.

* Генералы Ермолов, Бакланов, Слепцов, Врангель, Николай.

** Хаким — начальник, руководитель (чеч.).

— А правда, что русскую школу для чеченцев и ингушей открыли в Буру-Кале*? Соип и я решили пойти в нее.

— Вас в нее не пустят.

— Разве мы хуже других?

— Не в том дело. В школе в Буру-Кале могут учиться только дети богатых. Чтобы там учиться, нужно и платить много денег. У твоего Данчи много денег? Нет? Вот видишь, а ты собираешься там учиться? Кроме того, отец твой не очень-то предан властям. Об этом знают. В школу же берут детей надежных родителей, чтобы воспитать из них преданных царю людей.

— Ну вот, я об этом и говорил. А ты меня оборвал.

— Я и сейчас с тобой не согласен. Не все из тех, кто учится в русских школах, становятся рабами царя. Ты сам знаешь, что даже от одной матери рождаются разные сыновья. Поэтому у русских есть поговорка: "В семье не без урода". Один ради своей skóry на любую подлость пойдет, а такие у властей в почете, потому что с их помощью они управляют покоренной страной. Другой же — честно служит народу. А знания помогают ему идти по верному пути, быть настоящим борцом за народное счастье. Честного человека знания делают еще более убежденным, а подлеца, наоборот, еще коварнее и хитрее.

Они вышли на широкую, залитую лунным светом, лужайку. Берс пустил коня пастись, а сам выбрал место получше и расстелил бурку. Сел и рядом посадил мальчика.

— Расскажу я тебе, Болат, о людях, родившихся с чистой, благородной душой и оставшихся такими на всю жизнь. Еще при шейхе Мансуре, когда войска царя захватили аул Алды, солдаты взяли в плен двух мальчиков. Обоих увезли в Россию, и один из них очутился в семье того самого генерала Раевского. Мальчика полюбили, воспитали его, как родного сына. Он окончил военную школу, а когда началась война с французами, стал генералом. Его знают теперь все, потому что он является одним из героев русской армии.

* — Как его звали?

— Настоящего имени никто не знает. А русское его имя — Александр Чеченский. До самой смерти помнил он родные горы и свой аул Алды. В другой раз, уже при Бейбулате, когда

* Буру-Кала — ныне г. Владикавказ.

Генерал Ермолов, или как ты его назовешь, Ярмол, брал аул Дала-Юрт, солдаты нашли возле убитой женщины ее маленького сына. Один из солдат пожалел ребенка и взял его с собой. Потом двоюродный брат генерала Ермолова забрал мальчика и увез сначала в Грузию, а потом в Россию. Мальчик воспитывался в русской семье, а когда вырос, стал известным художником-портретистом, то есть он рисовал людей. И всю свою жизнь художник тосковал по родным горам.

— Он жив?

— Нет, Болат, он рано умер.

— Болел, наверно?

— У него была чахотка. А я думаю, что все-таки он умер от тоски по родине. Это самая страшная болезнь. Я тоже переболел ею. Ведь мне пришлось жить среди русских, учиться, а потом и воевать в разных местах. Только свои горы, свой народ я не забыл и не разлюбил. Наоборот, чувства мои стали еще сильнее. Почему я тебе рассказываю все это? Чтобы ты видел, насколько разными бывают люди, если даже они носят одну и ту же форму. Например, тот Раевский, который отчаялся воевать против нас, вырастил для нашего народа двоюродного генерала. А взять двоюродных братьев Ермоловых? Один из них убивал и сжигал наши аулы, другой же воспитал мальчика-чеченца, ставшего благодаря ему великим художником. А сколько про нас пишут русские поэты! Я хочу, чтобы ты понял, Болат, что ни об одном народе нельзя сказать, дескать, это плохой народ, а это хороший. Сказать так можно об отдельных людях. А народ — это совсем другое. И никто не вправе ни осуждать его, ни оскорблять. Ну, а теперь веди коня и идем в путь.

Ермолов посадил мальчика позади себя, и они не спеша поехали дальше.

— Как звали второго мальчика? — спросил Болат.

— Который художником стал?

— Да.

— Петр Захаров. Но он подписывался обычно так: “Петр Захаров, из чеченцев”. Вот что значит, Болат, русская школа. Это тебе не медресе. Наши потомки забудут всех мулл, а Петра Захарова — никогда. Я уверен, они будут благословлять и в тот день, когда солдат подобрал мальчика, и самого солдата, и генерала, воспитавшего мальчика, прославившего наш народ.

Понимаешь, Болат, судьба как будто умышленно взяла и выкинула из мрачных гор двух мальчишек, забросила их в Россию. Забросила, чтобы доказать всем, что наш народ вовсе не дикарь. Один из них стал знаменитым генералом, другой — великим художником. Может быть, если тебя и твоего друга Соипа обучать не в медресе, а в русской школе, вы тоже станете великими людьми?

— Я хотел бы стать большим генералом, чтобы уметь идти в бой большие войска.

— Зачем тебе это?

— Как зачем? Чтобы изгнать из Нохчичо* всех чеченских кровопийцев и предателей, а вместе с ними генералов и русских хакимов.

— Вообще-то твои мысли неплохие. Но я думаю, что прогонят их не генералы, а такие же простые горцы, как твой отец Данча. Но их нужно изгнать не только из Чечни. Им нужно уничтожить всюду. В России, Грузии, везде. А для этого всем народам и нужно будет объединиться.

— О-о, доживу ли я до тех времен!

— Может, и доживешь. Кто знает? Но когда-нибудь так все равно будет! Верят этому большие и мудрые люди и в России, и в других странах. Ах, мой мальчик! Если бы наш народ знал, что творится на земле! Что ни в коем случае нельзя бороться так, как он боролся до сих пор! К сожалению, этого не знают и многие другие народы...

Болат молчал. Видимо, любопытство его было удовлетворено. Во всяком случае вопросов он больше не задавал.

Мысленно Берс вернулся к спору с Курумовым. Да, с ним Берс во многом согласился. Но вот в оценке Шамиля... В своем отношении к нему Курумов не совсем прав. Вот он говорил о жестокости Шамиля. Да, он был жесток, по-восточному жесток. Но Берс знает и другое. Бывают в истории моменты, когда даже самые гуманные вожди во имя благородных целей, во имя спасения народа и защиты отечества, прибегают к самым крайним, к самым суровым мерам по отношению к тем людям, которые предают интересы народа. Так, наверное, предстоит поступать и впредь.

Под знаменем Шамиля горцы сражались за священное дело — дело свободы. Однако оказалось, что новая верхушка има-

* Нохчичо — Чечня (чеч.).

Мина на деле лишь прикрывалась священными идеями в целях постижения, укрепления и удержания своей власти, в целях личной наживы. Но нельзя оспаривать и тот факт, что среди военных руководителей имамата, не говоря уже о рядовых горцах, было немало настоящих патриотов, бескорыстно пожертвовавших за свободу и независимость своего народа, не желавших мириться ни с царской, ни с турецкой деспотией.

Величие же Шамиля уже в том, что он объединил и сплотил десятки разноязычных горских народов, отличавшихся друг от друга характером, традициями и обычаями, и ровно двадцать пять лет возглавлял их героическую борьбу против одной из самых могущественных империй мира. Не имея ни собственной промышленности, ни прочной экономической базы, не получая военной и политической поддержки извне. Его наиболее успешные военные действия против могущественной армии, оснащенной самым современным оружием и возглавляемой опытными полководцами. И нередко одерживали блестящие победы над ней.

Поэтому, как бы ни был жесток Шамиль, Берс преклонялся перед этим великим человеком.

ГЛАВА X

СДЕЛКА

Ненасытное честолюбие помрачает ум человека, и он не замечает грозящих ему опасностей.

Скут-Кох, что по-осетински означает “Отделившаяся роща”, или “Оторванная роща”, было именем тагаурского алдара* Мусы Кундухова.

В центре аула, над многочисленными хозяйственными постройками, возвышался большой каменный дом, где жил сам хозяин, которому принадлежали и обширные земли вокруг аула, и крестьяне, которые обрабатывали эти земли.

А ведь еще совсем недавно владения Кундуховых были не столь обширны. И даже то немногое, что осталось после смерти отца, Мусе пришлось разделить со старшим братом Афаком. Но, видимо, Муса родился в рубашке. Ему, человеку одаренному от природы, неизменно сопутствовало счастье. Обычно молодые люди, выходцы с Кавказа, выбирали один путь в жизни: военную службу. Так поступил и Муса Кундухов, поступив в военное училище. Обладая такими ценными качествами, как ум, смелость, красота, он быстро продвигался по службе. Впрочем, тогда это было не столь уж трудно. Он хорошо знал свой край, быт, нравы и характер горцев, и поэтому стал для кавказского командования просто незаменимым человеком. И нет ничего удивительного в том, что его награждали, повышали в чинах и наделяли землями, отобранными у земляков. В итоге Муса Кундухов стал владельцем двух тысяч восьмисот десятин.

Но жизнь его все время протекала вдали от дома: двадцать лет шла Кавказская война, кроме того, он принимал активное

* Алдар — князь (осет.).

вание и подавлении Венгерской революции. После пленения Шамиля, когда царизм стал вводить в Чечне свое управление, Кундухов был назначен начальником Чеченского округа. Теперь, слава Богу, он дома. Третий год он начальник Кавказского округа.

Сегодня, проснувшись довольно рано, Кундухов почувствовал себя как никогда бодрым и свежим. "Так, наверное, чувствует себя перед генеральным сражением полководец, который знает, что предстоящий решительный бой закончится его победой", — думал он, отдавая распоряжения слугам.

Ему и в самом деле предстояло тяжелое сражение, и уж если он твердо знал, что непременно выиграет его, то для такой уверенности у него имелись весьма серьезные основания.

Дело в том, что на сегодня у него была назначена важная миссия. Он ждал к себе в гости своих чеченских друзей — Садмуллу Успанова и Алихана Цугова. Дружба с ними зародилась еще в бытность его начальником Чеченского округа, и он дорожил ею, уверенный, что когда-нибудь извлечет из нее немалую пользу. Одному из знаменитых наибов Шамиля — Садмулле Успанову — за переход на сторону русских был пожалован чин майора. Его сделали наибом Малой Чечни, а старшего капитана Алихана Цугова — карабулакским наибом.

Совлачившись в белую черкеску, что делал лишь в исключительных случаях, опоясавшись дорогим оружием, Кундухов выскочил с крыльца. Вороной жеребец уже стоял оседланным, готовый принять на себя хозяина. Кундухов без помощи слуги, одним махом, вскочил в седло и, дав знак Афако и сопровождающим следовать за ним, медленным шагом вышел за порога.

Два недели прошло уже с тех пор, как Кундухов вернулся из Константинополя. Миссия его закончилась успешно. Для различия разницы между Петербургом и Константинополем не было никакой. И там, и там он чувствовал себя своим человеком и имел влиятельных друзей, на поддержку которых мог рассчитывать в трудную минуту. Но в этот раз не обошлось без осложнений. Закубанские переселенцы нагнали на турок такой ужас, что они даже и слушать не хотели о том, чтобы принять еще и чеченцев! О бедственном положении ранее переселенных в Турцию горцев Кундухов знал многое:

он получал сведения из официальных источников, да и то кому чудом удалось вырваться и возвратиться из уготовленного им ада, распространяли в горах ужасную правду.

Но если быть откровенным до конца, то о многом он просто не догадывался, пока своими глазами не увидел полуголых, истощенных и доведенных до полной нищеты горцев. Он просто не представлял себе весь ужас происходившей трагедии и на какое-то время потерял веру и в себя, и в успех своего предприятия. Он не рассчитывал на друзей и не полагался на прежние связи. Но неожиданно помог русский посол в Стамбуле генерал-адъютант Игнатов, получивший из Петербурга подробную инструкцию по поводу переселения чеченцев. От имени своего правительства граф обязался "небольшими партиями, сухопутно, вместе со скотом и домашним скарбом, передать Турции живыми и здоровыми пять тысяч чеченский семейств". Министр иностранных дел Порты Али-Паша в конце концов согласился принять их и разместить на территории между Сопулукским хребтом и озером Ван. Получив согласие в главном, Кундухов изложил далее Али-Паше и свои личные планы. Онложил откровенно и достаточно цинично. Конечно, не ради государя императора, не ради России и не ради спасения чеченцев пошел он на столь огромный риск. Лорис-Меликову он просто бессовестно лгал.

Кундухов как человек достаточно умный и в то же время эгоистичный предвидел, что с окончанием войны на Кавказе он лишится своего прежнего положения. Господство Российской империи на всем Северном Кавказе станет прочным и непоколебимым. А раз так, то осетинские алдары потеряют все привилегии и то значение, которое они имели во время войны. Ведь уже имелся аналогичный пример. Власти оберегали грузинских и абхазских дворян до тех пор, пока надобность в них не исчезла, а затем попросту выставили их вон. И где гарантия, что подобным образом власти не поступят и с ним, Кундуховым? Что с того, что он генерал? Ну и останется он генералом. Останется без перспектив и твердых гарантий на будущее. В России отменили крепостное право. То же самое происходит сейчас в Закавказье. Скоро такой же закон войдет в действие и в его Скут-Кохе. А что представляет собой алдар без крепостных? Да грош ему цена! Кто тогда будет обрабатывать его обширные земли? И где гарантия, что крестьяне не возьмут и не разделят между собой его поместья? И

ениго такое случалось. Правда, потом крестьян наказывали, но что толку в наказании, коли они уже вышли из повиновения?

Вот почему многие дальновидные закубанские феодалы уходили заранее за кордон вместе со своими крепостными. И Кундухов, последует их примеру, но при этом не сжигая собой мосты. Чтобы в случае чего иметь возможность и так беспрепятственно вернуться назад. Вот почему он разыгрывает весь этот спектакль. Он уходит вместе с чеченцами и тем самым оказывает императору неоценимую услугу. Но и этим следует как можно дороже продать свое имение.

Что далее? Далее он переселится в Турцию со своими крепостными крестьянами. Но их мало. Ему же, человеку военному, для исполнения своих истинных планов понадобятся закаленные и испытанные в сражениях воины. А такие у него как раз и имеются в Чечне. Вот тогда в Турции перед ним откроются желанные двери. С двумя полками чеченцев он станет там знаменитым пашой! Не исключено, что ему удастся собрать и дивизию! Одна дивизия чеченской кавалерии стоила бы целого гвардейского корпуса! Какой бы славой не покрыл себя! Ему нашлось бы немало дел на Балканах и в Малой Азии. А если Турция вступит в войну еще с кемнибудь... Тогда вместе с чеченцами он, Кундухов, дойдет до Месопотамии, Аравии и Египта! Не вечен мир и с Россией... И здесь все карты в руках у него — командующего войсками чеченцев, которые смертельно ненавидят русское владычество, в совершенстве знающего русскую военную науку, знающего Кавказа и самих кавказцев. Это ли не залог успеха? О Боже, если бы еще ему удалось увести вместе с собой бывших чеченских наибов Шамиля — Батуко Аргунского, Сайдуллу Гехинского, Сааду и Эски Мичикских, Эдала Беновского! И если бы по его, Кундухова, милости не был убит Бойсангур Беновский, если бы не умер Талгик Шамшиев, а Умму и Атаби не сослали в Сибирь!

А для начала только бы заманить чеченцев в Турцию! Любые средства! Порты с большой радостью даст ему чина. Ничего, на первый случай достаточно и такого чина. Главное — сделать первый шаг, преодолеть первую ступеньку. Дальше он пойдет сам. Его смелость поможет продолжить дорогу к тем высотам, о которых он мечтает!

Совесть не мучила Кундухова, но зато его грызли сомнения, а вдруг чеченцы в самый последний момент возьмут да и откажутся? Хотя все условия обговорены и с ними, и с представителями двух стран. Однако главное впереди: само переселение. Как еще за него агитировать? Если ему удастся сегодня договориться с Сайдуллой и Алиханом, то через них он сможет подкупить еще нескольких влиятельных лиц из Чечни. На бывших же наибовах, за исключением Сайдуллы, рассчитывать не приходилось. Не желая мириться с новыми порядками, они затаились и ждут удобного случая.

Сегодня должен решиться вопрос: быть или не быть будущему Кундухова. А если быть, то каким?

Поднявшись на холм, он увидел двух всадников, медленно спускавшихся по склону противоположного хребта.

“Вот, Сайдулла, опять наши пути сошлись, — подумал Кундухов, следя за всадниками. — Прошли времена, когда твой вороной вихрем пролетал по полям битв. Прошли и унес с собой и твою славу, и твою свободу, и твой почет. За них тебе дали чин майора. Но этот чин похож на обглоданную кость, которую бросают собаке за верную службу. Для представителя мы с тобой уже перестали быть талантливыми восточными чальниками и вновь превратились в прежних туземцев. И мы останемся, если будем дураками. Мне хорошо известна твоя скрытая нелюбовь к гяурам, но если бы знал ты всю глубину моей ненависти к ним! Турция — вот где теперь будет определяться наша с тобой судьба. Но добраться туда мы сможем только по спинам твоих соплеменников. Что же делать, так устроена жизнь, что согнутые горем спины одних служат ступенями к счастью других. Если ты со своим стальным сердцем и острой саблей встанешь рядом со мной, то я, вооруженный лишь своей хитростью и своим умом, приведу и тебя к такой славе, о которой ты и мечтать-то не смеешь”.

* * *

Когда он вместе с гостями вошел в дом, стол был накрыт. Кундухов задался целью превзойти все представления о гостеприимстве. На столе, среди чесночных соусов, зелени и овощей, громоздились три больших блюда жирной дымящейся баранины. Напротив места, где должен был сидеть самый почетный гость, стояло четвертое блюдо, на котором искусной

рукой повара были разложены бараньи головы, грудинки и курдюк. Многочисленные бутылки цинандали и роги гостей не теряли времени зря. Но гости не могли нарушать традиций. Они неторопливо совершили полуденный намаз и только тогда сели за стол.

В горах существует неписаное правило гостеприимства: сначала гостю поест и отдохнуть и лишь потом спрашивать, что привело его в твой дом. Соблюдая это правило, Кундухов молчал; к тому же следовало каким-то образом подготовить гостей к серьезному разговору, вернее даже, к тому результату, к которому ему предстояло прийти.

Гости чинно восседали за столом и с аппетитом ели сочную свежую баранину, запивая ее золотистым вином. Но пить вино без тостов не позволял тот же обычай, правила этикета. Гости произносили тосты по очереди, за здоровье хозяина, за здоровье его семьи, за дружбу между осетинами и чеченцами...

Муса поднял наполненный до краев рог и жестом попросил внимания.

Гости отложили куски мяса. Сайдулла вытер платком вспотевший лоб, лицо и толстую шею.

— Говори, Муса, мы ждем твоих слов.

Оба гостя замерли в нарочито почтительных позах.

— Дорогие гости, дорогие друзья мои и моего скромного дома! — В знак особого уважения Кундухов встал и продолжил тост стоя. — Сначала я обращаюсь к тебе, Сайдулла, ты старше Алихана, и мы с тобой более давние друзья. Впервые я увидел тебя шестнадцать лет назад в Урус-Мартане на похоронах брани. Не знаю, слышал ли Алихан об этом сражении, но думаю, что слышал. Что я хочу сказать? Бой этот запомнился мне на всю жизнь. Я находился в тот день в лагере нашего противника и в тот день, действительно, был врагом для вас. Давайте вместе вспомним ту историю. Она нам пригодится сегодня. Тогда против нас выступил дагестанский наиб, бездарный Абкар-Дибир, по воле Шамиля назначенный на место Талгика. Мы закладывали укрепление в Урус-Мартане — в середине Малой Чечни. Талгик старался помешать нам, но не смог, за что вспыльчивый и нетерпеливый имам лишил его наместничества, назначив на его место недотепу Абкар-Дибиря, чем надо сказать, оказал нам существенную услугу. Мы мысленно

благодарили имама за его ошибку. Ведь если даже сам Талгик был бесилен помешать нам, то что мог сделать Абкар-Дибир? Последний это понял и позволил чеченцам самим решить свою судьбу. Пожалуй, это был самый мудрый поступок Абкар-Дибира со дня его назначения наибом Малой Чечни! Все только чеченцы поняли, что они получили возможность справиться по собственному усмотрению, в них пробудилась неуверенность и свирепая ярость предков. От отчаянной зашиты они перешли к нападению. И в тот момент, когда, можно сказать, на нашу сторону стала склоняться победа, появился ты, Сайдулла. Ты, назначенный на место Абкар-Дибира! И ты разбил нас наголову. Это было настолько неожиданно, что не укладывалось в нашем сознании. Мы не могли справиться. Наши генералы были ошеломлены твоей смелостью, быстротой и непредсказуемой логикой действий. Ты вырвал нас и вырвал из наших рук победу. Кто не помнит белого удивительного вороного коня? Уже один только вид его вызывал панику у всего левого фланга кавказской линии. Именно, как ты на нем под свинцовым ливнем наших цепей спокойно и хладнокровно разъезжал вдоль опушки леса. Поздравляю, Сайдулла, я подниму этот полный рог за тебя. Да сохранит тебя Аллах от измены, да не лишит он тебя дарованного им мужества!

— Аминь!

Выпили.

Сайдулла протянул пустой рог Афако, чтобы тот вновь наполнил его вином. Теперь встал он.

— Муса! — начал он торжественно, приняв из рук Афако наполненный до краёв рог. — Благодарю тебя за хорошие и добрые слова в мой адрес. Такая оценка является для меня, ты это знаешь, высшей наградой. Но несправедливо возносить меня только Талгика. Мозгом наших войск был Талгик, мы же, набомы, были лишь его руками. Рядом с ним можно поставить только Шоипа Цонтороевского да и Хаджи-Юсупа Алдинского, упокой Аллах их души. Поэтому предлагаю выпить по одному рогу за покойного Талгика и молодого Батуко.

— Прошу простить меня, Сайдулла, коли по недомыслию филому и обидел тебя, — сказал Муса. — Но, клянусь честью, у меня и в мыслях не было унижить Талгика. И если ты хочешь услышать от меня правду, то я скажу ее тебе. Да, Талгик был мозгом ваших войск. И не только ваших. Всею миру

известно, что героем Шамиль стал благодаря вам, чеченцам. Вы воскресили его, похороненного у Ахульго, а ваши наибы — Шоип Цонтроевский, Хаджи-Юсуп Алдинский, Гойтемир Ауховский, Эски и Сааду Мичикские, Батуко Аргунский, Бойсангур Беноевский и многие другие смелые и мужественные сыны гор во главе с мудрым полководцем Талгиком Шалинским возвысили его. И я, принимая твой тост, с большим удовольствием и уважением пью за них!

Еще задолго до того, как прибыли гости, Кундухов распорядился никого не принимать, а тем более впускать. Разговор предстоял долгий и трудный, и никто не должен был помешать его течению. Даже от слуг отказался Кундухов, возложив их обязанности на Афако.

— Да, умный человек был Хаджи-Юсуф Сафаров, землевладелец бессмертного Мансура! — продолжал Муса. — Мы близко узнали его, когда он пришел к нам. Он отлично понимал современную военную науку и отлично владел ею. К тому же знал турецкий, арабский и еще добрый десяток языков. Будучи начальником генштаба и премьер-министром Шамиля, он вел в его имамате административное управление по европейскому образцу. Ему принадлежала идея создания регулярных войск и строительства всех горных крепостей. Но неблагодарный имам сумел оскорбить и унижить столь замечательного человека перед своими невежественными наибами.

Афако наполнил роги, и Сайдулла снова встал.

— До тех пор, пока стоят незыблемо наши горы, а из сердца их льется бурный Терек, — голос его звучал так, словно он произносил клятву, — пока день сменяется ночью и пока на земле будет жив хоть один человек, пусть рождаются и живут среди нас такие храбрые, умные и мужественные люди, о которых ты, Муса, говорил сейчас! Пусть ни одна мать не родит неверного, трусливого и вероломного сына. А если он и родится, пусть не доживет до первого же восхода солнца. Пусть вечно сопутствует удача тому, кто бесстрашен в бою, пусть задохнется тот, кто, убегая с поля брани, спасает жизнь свою! Да вознесет Аллах павших в сражениях, отстаивая свободу родных гор, и да придет счастье к тем, кому не предписана судьба пасть вместе с ними.

— Аминь!

— Да поможет нам всемогущий Аллах! Да будет между нами мир и согласие!

— Аминь!

Рог нельзя ставить или класть на стол, не осушив до дна. Уже привыкший к винам Муса справлялся с наполненными рогам легко, труднее приходилось Сайдулле, а еще хуже — болонинному Алихану. Но они продолжали пить наравне с Мусой. Иначе нельзя: тост произнесен и отказаться выпить за него означало бы проявить неуважение и к тосту, и к тому, кто его произнес, и ко всем сидящим за столом.

Сайдулла вытер полую черкески усы. И исподлобья, который уже раз, бросил быстрый испытующий взгляд на Мусу. К чему такие сладкие речи? К чему он клонит? Ведь не случайно же сегодняшняя встреча. Что же, можно и подождать немного. Развязка наступит. Рано или поздно...

— Что и говорить, славное время было, — продолжил он разговор, начатый Кундуховым. — Били мы царских генералов, Били... Но победа не приносила радости. Ведь отступая, они уничтожали все: и живое, и неживое. Подло заваливали колодцы трупами лошадей.

— Но и ты не оставался перед ними в долгу, дорогой Сайдулла, — возразил Кундухов. — За одно срубленное дерево брал по одной их жизни.

— Какой толк даже от такой мести? — с горечью проговорил Сайдулла. — За какие-нибудь два-три часа генералы огнем и топором уничтожали то, что создавалось на протяжении веков не одним поколением нашего народа. В конце концов нас лишили собственной земли и загнали в горы. А счастье упадет сегодня предателям, тем кто верно служит царю. Говорят, есть такой зверек — нечто среднее между мышью и кошкой. Если зверек оказывается среди кошек, он объявляет себя кошкой, если среди мышей — то мышью. Люди, подобные этому зверьку, спасая свою шкуру, шли против своих соотечественников.

— Тогда выходит, что и ты тоже иногда уподоблялся ему, — заметил, чтобы не слишком обидеть товарища, произнес Кундухов, но в голосе его прозвучало некоторое злорадство.

Чувствительный к любому неприятному ему слову Сайдулла вздохнул и, с трудом сдержав гнев, воскликнул:

— Нет, дорогой Муса, никогда я не предавал своего народа! А если и перешел на сторону русских, то только для того, чтобы предотвратить напрасную гибель людей, когда наше

сопротивление было уже бесполезным. Притом гораздо раньше меня перешли к генералу Эски, Батуко...

— Затем Талгик, Умалат, Эдал, Дуба... Я же все помню и все понимаю. Однако вы потеряли доверие своего народа, но и у властей тоже не в почете. А Чермoeвы и Курумовы, которые и ногтя вашего не стоят, вознесены и купаются в богатстве...

— Знаю.

— И тебя такое положение устраивает?

— Я не гонюсь за чинами.

— Выходит, тебе нравится быть в подчинении? Да еще у людей весьма сомнительных? Я, например, предпочитаю сидеть на других и никому не позволяю сесть себе на шею.

— Строптивая речка не дойдет до моря, говорят у нас. Спешка приводит к гибели, терпение — к победе. Рано или поздно наступит день, когда мы сможем освободить свой народ и вздохнуть полной грудью.

— Значит, надо ждать нового восстания? — внешне почти равнодушно спросил Кундухов, сдерживал ликование. Но радость его была преждевременной.

— Может быть, кто-то его и начнет готовить со временем, — спокойно ответил Сайдулла. — Жизнь покажет...

В комнате повисла тишина.

Кундухов собирался с мыслями. И без того малоразговорчивый Алихан, прикрыв глаза, глядел куда-то поверх голов сидящих за столом. Сайдулла погрузился в размышления. Упрек Мусы всколыхнул ему душу и воскресил в памяти последние годы войны. И, в частности, тот злополучный день, когда он, оставив Шамиля, перешел к русским.

* * *

...Чечня горит, охваченная пожаром. Царское правительство, не полагаясь на ум и военное мастерство своих генералов, предпочитает более варварское, бесчеловечное, но зато надежное и не раз уже испытанное средство ведения войны. Огонь становится единственным оружием царских генералов, пожар пришел на смену сражениям. Огонь был эффективнее самых мощных пушек и был неутомимее солдат. Обман, запугивание, подкуп и подстрекательство к измене приобретают самые широкие масштабы. Начинают входить в практику

ины похищения и убийства из-за угла видных деятелей Чечни Чечню уничтожали физически и разлагали морально. Грабёж стал фактически узаконенной мерой. Грабить разрешали всем: и казакам, и солдатам, и отрядам перебежчиков, даже мирным горцам.

В результате покорилась Малая Чечня. Хаджи-Юсуф Саидов из аула Алды, некогда служивший в Каире у Магомед-пашы Египетского, человек во всех отношениях достаточно сведущий и грамотный, перешел к Барятинскому и выдал ему все сведения относительно укреплений имамата. По-видимому, что-то произошло между имамом и Хаджи-Юсуфом. По-говаривали, будто имам ненавидел Хаджи-Юсуфа за изменничество и поэтому даже хотел умертвить его.

Три месяца подряд, не утихая, бушевал пожар в равнинной части Чечни. Горело сено в стогах на Гелдигенской поляне, горели запасы кукурузы в Курчалое, пылали хутора на Мечанской поляне. Громадные, густые клубы дыма ветер сносило к Черным горам, и они, и без того мрачно возвышавшиеся на горизонте, выглядели еще страшнее и угрюмее, окутанные сплошной дымовой завесой.

1858 год. Теперь Барятинский действует уже в Большой Чечне. Чеченцы распекаются сражениями, — напутствует он солдат, — жгите горцев с полей, жгите и вытаптывайте их запасы, заставляйте и режьте скот, разрушайте жилища! За четыре недели огонь и жестокость расчистили огромное пространство и у Гельдигена, в центре Чечни, куда лет пятнадцать не ступала нога противника, Барятинский принимал парад полка.

Женщины Чечни перестали рожать детей. Скот не успевал пастись. Сады зарастали. Поля отвыкли от жатв — посеянный хлеб не доживал до уборки. Чечня умирала. Умирала, но не сдавалась. Чеченцы жили от сражения до сражения, а не от урожая до урожая. Даже признанные герои гор оказывались бессильными при подобных методах борьбы перед могущественной империей. Влияли на горцев и изменения социальных отношений, которые несла с собой русская армия.

Шамши, разъяренный, стоящий на грани краха, носился из аула в аул, призывая народ к активному сопротивлению. Он понимал, что гибель Чечни — это и его гибель, его конец, конец его славы и начало бесчестия. Поэтому он требовал,

угрожая, приказывал. Потом вдруг, словно опомнившись, резко менял стиль отношений и рассылал письма чеченским наиба́м:

“От повелителя всех мусульманских народов Шамиля душевному другу моему наибу Талгику. Желаю тебе вечного мира. Именем всемогущего Бога призываю вас на брань с неверными. Действуйте против неприятеля так же хитро, как лисица, и не отступайте от обычаев наших славных предков. Положитесь на Бога, он не допустит, чтобы нанесли вам новые обиды.

Ничтожный раб божий Шамиль”

“От имама Шамиля братьям моим Атаби, Сайдудлле, Душевному другу моему Талгику. Желаю вам мира и предписываю собрать всю чеченскую кавалерию к будущему четвергу в Шали. Вы должны быть там с партиями до моего прибытия. Если Бог позволит, и в тот же день буду и сам в Шали”.

“Душевному другу моему Талгику. Да будет милостив к тебе всемогущий Аллах. Предлагаю тебе завтра быть на условленном месте...”

Имам менял тон. Теперь он не приказывал, а просил.

Но чеченские наибы уже мобилизовали свои последние силы. В июне закипели бои. Окружив разбросанные отряды царских войск, горцы повели энергичное наступление. 13 июня конница молодого наиба Батуко атаковала Тенгинский полк, порубила стрелковую роту и вызвала панику в авангарде всего отряда. Однако, получив тяжелую рану, Батуко приказал отступить. Бои не стихали. Чеченцев упорно продолжал теснить генерал Евдокимов.

Между тем восстали ингуши. Поручив войска Евдокимова заботам наиба Талгика, имам с отрядом чеченцев поспешил в Назрани. Прямо с марша, без отдыха, он атаковал генерала Мищенко и ворвался в Ингушетию. Однако Шамиль упустил момент. Ингуши не выдержали огня и отступили, помешав чеченской коннице развить атаку. Потеряв в этой операции четыреста человек, Шамиль вернулся в Ведено.

Евдокимов же прорвал кольцо, проник в Шатоевскую долину и немедленно сжег несколько аулов, за всю свою историю никогда не видевших здесь русских солдат.

Тяжелое положение усугубилось начавшимися распрями между чеченцами и дагестанцами. Постепенно они переросли в открытую вражду и военные столкновения. Особенно изменились отношения после того, как Шамиль, пообещав выдать сына Гази-Магому на дочери Талгика, почему-то вдруг изменил своему слову и женил его на дочери Даниэл-бека Гусеульского. Затем самого Талгика он снял с должности бесчестного наиба Большой Чечни, а на его место назначил Гази-Магому^{*}, чем оскорбил и унижил всех без исключения чеченских предводителей, представлявших большую и наиболее талантливую часть командного состава войска Шамиля.

Теперь равнинные аулы один за другим прекращали военные действия и переходили на сторону противника. Тогда имам приказал своему сыну захватить аманатов^{*} из всех чеченских аулов. Одновременно он сместил чеченских наибов, назначив на их место дагестанцев. После таких его шагов переход к русским принял массовый характер.

Но Шамиль все еще не терял надежды, фанатично продолжая верить в победу. Притесняя и унижая чеченцев, он в то же время не стеснялся обращаться к ним с низжайшими просьбами. Так, осенью он созвал всех чеченских военачальников и наиболее авторитетных проповедников-улемов на поляне у Шамал, и обратился к ним со следующей речью:

Не бойтесь русских! Из Ахульго я сбежал к вам с семью товарищами и с вашей помощью стал грозным имамом. Не думайте, что я вас оставляю и скроюсь в горы! Нет, я умру здесь, на этой земле! Храбрее и смелее вас нет народа в мире. Будьте спокойны и ничего не бойтесь. Русские тратят бесчестные деньги и губят сотни тысяч солдат, чтобы, как только будет завоевана вся земля, брать вас в солдаты, а ваших жен заставить соблюдать обычаи. Они отберут у вас оружие и не позволят вам иметь даже ножи. Всех ваших почетных людей сошлют в Сиверь, и вы станете русскими мужиками. Подождите немного, и вы станете русскими мужиками. Подождите немного, и вы увидите, что будет после. Вы жестоко раскаетесь, будете кусать себе пальцы, но ничем уже не поможешь...

Но долголетняя и изнурительная Кавказская война шла к своему неизбежному концу. Генералы действовали огнем и мечом.

^{*} Аманат — заложник.

В эти трудные дни шатоевский кади Суреп-Мулла явился к Евдокимову с изъявлением покорности всего Шатоевского общества. Генерал, в свою очередь, назначил его верховным правителем этого общества. А уже через день и старшина чачи-тинцев Дуга пришел к Евдокимову с просьбой поддержать его группу против имама. Чечня разваливалась. И ее жгли теперь все, кому не лень. Сквозь огонь невиданного пожара в крепость Грозную прорвался раненый, в обгоревшей черкеске, наиб Батуко и сложил свое оружие к ногам Евдокимова. Генерал милостиво вернул ему оружие и оставил в звании наиба Шатоевского общества, а кадия Суреп-Муллу назначил судьей. Так генерал подкупил одного из способнейших чеченских командиров и поманил в свои сети остальных.

Наконец-то сбылись мечты Евдокимова. Его дипломатия — дипломатия подкупа, предательства, шпионажа и диверсии — проводимая им среди горцев, дала ожидаемые положительные результаты, а распри, возникшие между чеченцами и дагестанцами, лишь довершили дело. У Евдокимова один за другим появлялись чеченские наибы. Вслед за Батуко явился Сайдулла. Явился не с пустыми руками. Он сам, не прибегая к помощи царского командования, поднял восстание против имама и привел к присяге более двадцати пяти аулов.

Евдокимов ликовал: самые смелые и способные чеченские наибы, включая Талгика, теперь были с ним. Он искренне почитал храбреца Сайдулла и даже познакомил его с офицерами, которых он разбил в Урус-Мартане. Генерал поручил Сайдулле выкурить абреческую вольницу из лесов Фартанги и Ассы. Через месяц в лесах наступили спокойствие и тишина.

Обессиленные чеченские аулы сдавались царским генералам. Но еще билось сердце этой долголетней войны: Ичкерия продолжала сражаться. Прорубая просеки, уничтожая леса и аулы, генерал Евдокимов продвигался в глубь Ичкерии.

1 апреля 1859 года после двухнедельной героической обороны пал аул Ведено — столица имамата. Барятинский объявил приказ по войскам:

“Господь Бог за великие труды и подвиги наши наградил нас победой, неодолимые доселе преграды пали. Ведено взято и завоеванная Чечня повергнута вся к стопам Великого Государя.

*Слава генералу Евдокимову!
Спасибо храбрым сподвижникам его!"*

И ознаменование победы над Чечней главнокомандующий князь отсалютовал сто одним залпом из орудий Метехинского парка.

Шамиль же не захотел расставаться с Чечней даже после сдачи Ведено и Дарго. Теперь он пригласил чеченцев в Ведено и в который уж раз обратился к ним с горячей речью:

Чеченцы! Нет в мире мужественнее вас народа! Вы — оплот религии, опора мусульман! Вы восстановили ислам после разгрома. Вы много пролили русской крови, пленили знатных русских. Сколько раз вы заставляли трепетать их сердца от страха. Скажите, что, пока я буду жив, я ваш товарищ и постоянный защитник. Ей-богу, я не уйду отсюда в горы, пока останется хоть одно деревцо в Чечне!

Чеченцы же, понимая бесполезность его призывов, молча повиновались. И 12 мая вся Ичкерия, за исключением лишь немногих аулов, прекратила сопротивление.

25 августа 1859 года в три часа дня седая голова имама Шамиля склонилась перед князем Барятинским, всего лишь через пятьдесят пять дней после того, как Шамиль ушел из Чечни и укрепился в Гунибе...

Пока шла война, Барятинский жаловал и заботливо оберегал перешедших к нему наибов. Но как только смолкли выстрелы и установился мир, его бывшие помощники превратились в никому не нужный балласт. Правда, формально они еще числились наибами, но у них уже не было ни власти, ни почета. Да и доверие к себе они утратили тоже...

* * *

— Нет, не упрекай меня. Муса, — повторил Сайдулла, все еще находясь под властью нахлынувших воспоминаний. — Пошлет Аллах, я не предавал свой народ, я просто не хотел лишней крови.

— Если я нечаянно обидел тебя, прошу меня простить, — ответил Кундухов.

— Нет, Муса, на такие слова ты имеешь право, право победителя. Ты — царский генерал, на твоей стороне сила и

богатство. Пять тысяч чеченских семей, вместе взятые, оказались беднее тебя одного... Ты говоришь, что я предатель. Подожди, Муса, не перебивай, дай мне сказать, что я думаю. Так вот, я согласен оставаться нищим всю оставшуюся жизнь, нежели владеть богатством, пахнувшим кровью своего народа.

Алихан испуганно толкнул его в бок.

— Опомнись, Сайдулла! Мы же у него в гостях!

— На сердце каждого чеченца много ран. У меня они здесь, — он ударил себя кулаком в грудь. — И нельзя каждый раз беречь эти раны. Хозяин, как никто другой, должен знать об этом.

“Да, в своих предположениях я оказался прав, — подумал Кундухов, глядя на разволновавшегося гостя. — Ему не нужен его собственный народ, а власти тем более. Значит, если умножить повести дело, то его можно будет склонить на свою сторону. Но лев что-то слишком разъярился. Надо его успокоить”.

Он подошел к Сайдулле и обнял его за плечи.

— Не сердись и не обижайся, друг! Мы — горцы, а значит, братья. Что из того, что я генерал? Царю теперь никто из нас больше не нужен. Времена изменились. Кстати, мне верят даже меньше, чем тебе. Только и я не бесчувственное дерево, и меня по ночам преследуют кошмары из-за того, что на мне кровь ваших соотечественников. И боюсь божьей кары и буду искать прощения и спасения. И люблю и уважаю ваш народ и думаю, что нет надобности объяснять это. Так вот, я готов пожертвовать собой, чтобы хоть как-то облегчить его участь.

При этих словах Сайдулла резко поднял голову и в упор, долгим и внимательным взглядом посмотрел в лицо Кундухову. Муса спокойно выдержал это пронизывающий взгляд и ничем не выдал себя. Подозрительный Сайдулла успокоился.

— Говори, Муса, я тебя слушаю, — глухо проговорил он. — Ты был жестоким, но никогда не был трусливым.

Кундухов поднял ладонь, словно закрывая ему рот и приказывая замолчать, и жарко выдохнул:

— Поймите меня, я такой же горец, как и вы!

— А раньше?

Кундухов вздрогнул, глаза его сверкнули, но огромным усилием воли сдержал себя.

Мужчинам не подобает горячиться. — Он взял Сайдуллу руку. — Успокойся. А ты, Афако, налей-ка нам всем вина... Сайдулла, Алихан, вы оба должны выслушать меня. Вопрос очень важный, и от того, какое мы примем сегодня решение, зависит будущее ваших соотечественников...

Кундухов замолчал. От внутреннего напряжения на лбу его выступила испарина. Опустившись в кресло, он вытер лицо платком.

Алихан и Сайдулла молча ждали, что хозяин скажет дальше. Им будет идти речь они не подозревали, но по поведению генерала, по всему его виду догадывались, что им предстоит услышать что-то весьма неожиданное и важное.

Все, что будет мною сказано, — донесся до них голос Алихана, — должно оставаться в строжайшей тайне, в противном случае меня немедленно уничтожат.

— Ты хочешь, чтобы мы поклялись на Коране?

— В этом нет надобности. Но закрепить наш союз следует. Он поднял рог. — Да поможет нам Бог!

— Аминь!

— Аминь!

Кундухов вытер усы и перевел дыхание.

— Друзья, в ваших глазах я всего лишь царский генерал. Я не нуждаюсь в вашей доброте и не боюсь вашего зла. Я сам в силах сделать вам и то, и другое. Успокойся, Сайдулла! Наберись терпения и выслушай меня. Я выразился подобным образом потому, что знаю все ваши тайны.

— У меня нет тайн, Муса, сын Алхаза! — вскипел Сайдулла. — Я воин и все делаю в открытую!

— А готовящееся восстание?

— Еще раз говорю: я о нем ничего не знаю! И если оно действительно готовится, то я против него, ибо кроме новых жертв оно ничего не принесет.

— Хорошо, мягко сказал Кундухов. — Верю тебе. Но речь сейчас не об этом. Мне хочется узнать и понять, на что вы надеетесь? Вы думаете, царь даст прежние права? Или вернет вам наши земли? Не надейтесь! Не мне вам объяснять, в каком сейчас положении находятся чеченцы...

Сквозь джонгли донеслись шум, фыркание лошадей и приветственные возгласы. В комнату заглянул слуга и доложил, что прибыл офицер от Лорис-Меликова.

— Афако, пойди и побудь с ним, — сказал Кундухов, обращаясь к брату. — Ко мне его не пускай, скажи, что у меня гости.

— Говори, Муса, что еще придумал для нас русский пар...

— угрюмо спросил Сайдулла, когда дверь за Афако закрылась. — Это — государственная тайна. Открыв ее, я совершаю преступление, — словно не решаясь на откровенность, тихо и медленно проговорил Кундухов. — Но и молчать я не могу, друзья мои...

Кундухов долго и подробно излагал им план Лорис-Меликова по переселению чеченцев в Малую Кабарду и заселению казаками освободившихся земель.

— Таким образом, — закончил он, — вы становитесь чужеземцами на своей же родной земле.

Алихан молчал, пораженный услышанным.

— Такого не может быть! — вскричал Сайдулла. — Значит, плохо они знают нас, если рассчитывают, что мы, подобный стаду баранов, пойдем туда, куда нас погонит пастух. Да я сам первый встану во главе восстания и докажу народу, что остался ему верен до конца.

Вот и наступил тот решающий момент, когда Мусе предстояло ринуться в атаку. Сейчас должно свершиться то, что не давало ему покоя, что заставляло метаться между Константинополем и Тифлисом.

— Ты, Сайдулла, и ты, Алихан, действительно ли вы хотите счастья для своего народа?

Оба гостя удивленно взглянули на хозяина.

— Так вот, восстание, как бы тщательно оно не было подготовлено, ничего не даст, — твердо сказал Кундухов. — А иначе так, то перед вами три пути: либо восстать и погибнуть в неравной борьбе, либо переселиться на указанную властями землю, либо... уйти в Турцию. Я не хочу и не буду принуждать к выбору. Сделайте его сами, исходя из того, что вам больше по душе.

Да, было над чем поразмыслить Алихану и Сайдулле! Алихан гладил преждевременно поседевшие усы, то и дело бросая беспомощные взгляды на Сайдулла. "Я не могу, нет у меня сил, чтобы ответить!" — так и хотелось крикнуть ему. Не выдержав, он встал и, хромя на левую ногу, отошел к окну.

— Но мы же не имеем права вдвоем говорить от имени всего народа, — прервал затянувшееся гнетущее молчание Сайдулла.

Если вы действительно желаете ему добра, то такое предложение есть.

Сидит, повторяю: строптивая речка не дойдет до моря. Торопись, Муса. Прежде чем дать ответ, я должен кое с чем подготовиться.

Нет, Сайдулла, это уже не мужской разговор. Я открыл ротину, за которую меня могут повесить, а потому жду молчаливого ответа. Решать вам.

Сайдулла перебирал варианты и мучительно искал выход: в Турцию? Нет, слишком рано! В Малую Кабарду? Рассеянный среди неверных? Народ совсем потеряет свое лицо. Что же останется? Турция?" Ему казалось, он задохнется. Он бесцельно заходил по комнате. "Алихану легче. Он молод, молодого какой спрос?"

А как бы поступил ты? — спросил он вдруг в упор, оставшись перед Кундуховым и глядя ему прямо в глаза.

Ушел бы в Турцию.

Чтобы уподобиться адыгам?! — вскричал Алихан.

Вот этого-то и боялся больше всего Кундухов. Но он предположил, что такой вопрос ему будет задан, а потому заранее подготовил ответ.

Адыги в Турции были незваными гостями. Они шли толпами, и султан лишь из жалости вынужден был приютить их. Вдобавок ко всему он и его страна не были подготовлены к приему своих единоверных братьев, поэтому адыги оказались в бедственном положении.

А нас что ждет там накрытый стол?

О нас султан даже слишком наслышан. У него сложилось мнение о чеченцах, как о храбрых защитниках ислама. Я еду в Стамбул к визирю Абдул-Межида Али-паше, к моему личному другу. Я встречался и говорил с султаном, поведав ему о трудном положении, в котором вы находитесь. Он очень сочувствовал и обещал чеченцам свою помощь. "Передайте моим землякам по вере, — сказал он мне, — что я не потерплю стояния мусульман под игом гяуров". И просил передать, что если вы решитесь переселиться в Турцию, то он примет вас с честью, выделит хорошие земли и окажет помощь в благополучии.

Но что звучало слишком неправдоподобно. Да разве султан когда-нибудь помогал чеченцам? Никогда! Не доверяя ни одному слову Кундухова, гости переглянулись.

— Вижу, сомневаетесь! — сказал Кундухов, вставая, понимаю вас.

Он подошел к сейфу, стоящему напротив небольшого письменного стола, и достал из него прокламацию, напечатанную по просьбе Лорис-Меликова в Тифлисе.

— Вот, — сказал он, передавая прокламацию Сайдулле, читайте сами, что пишет вам турецкий султан.

Сайдулла долго вчитывался в арабский текст, походил в комнате в глубочайшем раздумье и еще раз перечитал прокламацию.

— Твое мнение, Алихан?

— Если верить Мусе и этой бумаге, то Турция, я думаю, явится для всех нас лучшим да и единственно возможным выходом.

— Видит Аллах, я сказал истинную правду, — пожал плечами Кундухов.

— И все же, нет, так-то просто уйти в Турцию, — не согласился Сайдулла. — Во-первых, согласятся ли наши люди? Во-вторых, пойдет ли на это царское правительство?

Кундухов рассмеялся.

— Царь ночами не спит, думая о том, что с вами делают Чеченцы для него, что косяк в горле. — Генерал двумя пальцами разгладил пышные усы, что было явным признаком хорошего настроения. — А люди... Они поймут, что иного выхода для них просто не существует. Если даже усомнятся, то не нужно убеждать. Пять-шесть тысяч семей все равно уедут из Чечни. Мне, например, известно даже о решении правительства переправить Кунту-Хаджи и его мюридов из мест нынешней ссылки в Турцию. В любом случае многим придется распрощаться с родиной. Ведь и шалинское дело скоро закончено. И не следует тешить себя надеждой, что с арестом нескольких главарей оно будет прекращено. Нет, друзья, Турция может дать нам многое. Она позволит сохранить свой язык, веру, обычаи. Знаю я и то, что правительство уже решило всех мюридов Кунту-Хаджи и малопослушных людей вместе с семьями выселить из Чечни или в Сибирь, или в Маньчжурию, или в Кабарду. Куда именно, еще не уточнили.

— В России наши дети станут христианами, — с горечью произнес Алихан.

— Мне почему-то кажется, что власти даже окажут нам помощь. Ведь ваш уход в Турцию будет добровольным. И для

...это будет как бы избавлением от многих забот и неприятностей. О лучшем они и мечтать не могли бы.

Мне кажется, Сайдулла, — болезненное лицо Алихана появилось, — что Муса действительно желает нам добра. Я уверен!

Согласиться не трудно, — неуверенно произнес Сайдулла. Но речь идет не об одном человеке, а о многих тысячах раненых и оборванных людей. Но поймите, это ведь только бумага! — вдруг выкрикнул Сайдулла. — Бумага! Но где наша гарантия тому, что нам здесь обещано? Где?

Такая гарантия есть.

Где она, я спрашиваю?

Разве лично я, Муса Кундухов, не достаточная гарантия всех вас?

Ты?

Да, я!

Не понимаю. Объясни...

Я беру на себя личную ответственность за судьбы тех, кто твердо решит переселиться в Турцию. Всех сразу, конечно, переправить мы не сможем. Переправляться придется небольшими группами. Пусть люди берут с собой все имущество, скот. Двигаться будем по суше, через Грузию. Конечно, я не могу защитить людей от смерти и от бед, ниспосланных Аллахом, но довести их до Турции и поселить на выделенных им землях — это в моих силах.

Еда на столе давно остыла, но к ней никто и не прикасался. Алишин не настаивал, а гостям было не до еды.

Кундухов продолжал вкрадчиво убеждать и даже уговаривать Сайдулла. Нет, на легкую победу в своем замысле он не рассчитывал. Но даже сейчас, когда Кундухов пустил в ход свое красноречие, Сайдулла еще нельзя было считать окончательно побежденным. И крайне недоверчивый, во всем сомневающийся бывший наиб Шамиля начал уже раздражаться своим упрямством. Он словно читал какие-то мысли Кундухова, и они вновь и вновь заставляли его обдумывать каждое слово генерала.

Наконец их встретились.

Муса, ты сможешь ответить на мой вопрос правдой? — настойчиво спросил Сайдулла.

Кундухов молча кивнул.

Считал ли ты, сколько пролито тобой чеченской крови, сколько чеченцев по твоему приказу повесили, расстреляли и отправили в Сибирь?

— Знаю, Сайдулла, много.

— Тогда ответь мне, как мужчина мужчине, почему ты стал проявлять такую трогательную заботу о нас?

“Тот же самый вопрос задавал мне сначала Лорис-Мамедов, теперь и этот. Но отвечать на него мне надо”.

— Вы оба вправе задать мне этот вопрос, — с неслышимой искренностью заговорил Кундухов. Лицо его стало грустным. — Да, на войне я действительно был жесток и на моей совести действительно немало крови многих ваших соотечественников. Вы знаете об этом лучше, чем я. Нетрудно догадаться, что руководило мною: молодость, честолюбие, жажда славы. И было у меня вполне объяснимое оправдание. Поступали приказы, и их исполнял и ослушаться их не мог. Но все дело-то в другом. Верите или нет, но я не думал тогда о Боге. Я не простирал рук к Аллаху. Я ни в его, ни в чьей-либо помощи тогда вообще не нуждался. Но годы, годы берут свое. Мертвые стали преследовать меня по ночам. Крики женщин, плач детей и кровь, кровь... Нескончаемые потоки крови. Я стал вскакивать среди ночи и зажигать свет. Я стал бояться темноты, ибо она походила на мое кровавое прошлое. Как избавиться от всего этого наваждения, от воспоминаний? Как искупить свою вину перед Богом и своими соотечественниками? И тогда пришло решение помочь им избавиться от новых страданий...

Эта исповедь тронула сердце Сайдуллы. Но все же на окончательный ответ он решиться не мог. Его душу терзали сомнения. Чужой народ, чужая страна. Покинуть родину не так просто. Перебраться в Турцию — это не переехать из Гизы в Гойты. Разве он, Сайдулла, имеет право вести людей в неизвестность? Это все равно, что с завязанными глазами поплыть по самому краю пропасти.

— Верю, Муса, что ты говорил от чистого сердца, потому что ты искренне хочешь нам помочь, — сказал Сайдулла. Но ни у меня, ни у Алихана в Турции нет знакомых, не знаем мы и чуждого нам языка. Пока чеченцы на родной земле султан может говорить им самые сладкие речи. Но верить им у нас нет оснований.

— Вы поедете не одни! Вместе со всеми вами уеду и я, — генерал бросил на стол свой последний и решающий

...ть. — С первой же партией переселенцев я отправлю свою семью, с последней поеду сам.

Слова его прозвучали, как гром. Всего ожидали от него гости, но о таком и думать не могли. Генерал царской армии вместе со своей семьей уезжает вместе с ними в Турцию? Было от чего прийти в изумление.

Сайдулла даже привскочил.

— Как? — почти шепотом переспросил он. — Ты тоже едешь с нами?

— Да, я решил это окончательно и бесповоротно.

— А свое богатство куда ты денешь?

— Тебя же, как преданного генерала, русские очень и очень ценят, — вставил Алихан, тоже еще не пришедший в себя от слов Кундухова.

— Ну и что? — возразил Кундухов. — Я не только в Турцию, в отшельники пойду, лишь бы искупить свою вину. Часть имущества раздам бедным, а чин — это так, пустое. Никто не спросит меня завтра, на том свете, до какого дослужился звания. Все мы одинаково будем держать ответ за земные грехи. Аллах предопределил наши судьбы... И мы поступаем так, как повелевает он... Не надо сомневаться. Я помогу вам устроиться. Чин паши позволит мне сделать это.

Последний гвоздь в мост, ведущий к сердцу Сайдуллы, был вбит. Сайдулла Успанов размечтался. Он снова видел себя на пороном коне и в расцвете своей славы. Разве не унижительна роль царского шута, пусть даже и в чине майора, для бывшего паиба Шамиля? Такую роль отвели ему здесь, в России. А там, в Османской империи, он снова станет прославленным воином. Острая сабля и стальное сердце вновь приведут его к счастью.

— В Турции храбрость и мужество ценятся высоко, — словно читая его мысли, разжигал честолюбие гостя Кундухов. — И, возможно, когда-нибудь во главе султанских войск мы сможем прийти сюда и освободить свои горы от гяуров.

— Может, возьмем с собой в Турцию лишь несколько сотен смельчаков? А там посмотрим...

Кундухов нахмурился. Ему снова пришлось доказывать Сайдулле необходимость массового переселения. Даже с точки зрения материальной помощи со стороны султана. Иначе незачем и ехать.

— Когда начнем выступать? — по-военному спросил Сайдулла.

— С началом весны.

Сайдулла снова надолго погрузился в молчание.

— Ну, давайте, друзья, решайте: да или нет? — не выдержал Кундухов.

— Сначала надо узнать, что думают люди, — снова проговорил Алихан.

— Не думаю, что они откажутся. Тем более, когда узнают, что султан Абдул-Межид ассигновал на организацию переселения десять тысяч рублей. Сумеете сами, вдвоем организовать это дело — деньги достанутся вам двоим. Если найдется подходящих добровольцев, желающих содействовать вам, то поделитесь деньгами с ними.

— Муса, вот с этого и следовало тебе начать, — первый раз в голосе Сайдуллы прозвучали веселые нотки, а мрачное выражение на его лице сменилось улыбкой. — За то, что мы добровольно покинем ад, нам еще и деньги заплатят? Ты слышал, Алихан?

— Этот ад — наша родина, Сайдулла, — тихо проговорил Алихан. — Свой ад, наверное, милее, чем чужой рай.

— Не надо скулить, Алихан, — веселое настроение теперь уже не покидало Сайдуллу. — Кто знает, может, мы действительно вернемся, чтобы освободить свою родину! Ради такой высокой цели не грех на время и покинуть ее!

— Так вы согласны? — спросил Кундухов.

— Да!

— Я смогу положиться на вас?

Сайдулла вскинулся:

— Не забывай, что перед тобой мужчины...

Кундухов вытащил из сейфа резной ларец с серебром, поставил его на стол. Затем с Кораном в руках подошел к гостям.

— Решение принято. И его следует скрепить клятвой.

Коснувшись правой рукой Корана, Кундухов стал торжественно и медленно произносить слова клятвы:

— Я, Муса, сын Кундухова Алхаза, перед Богом, при свидетелях — Сайдулле, сыне Успана, и Алихане, сыне Цуги, — клянусь на этом Коране, что все сказанное мною, — правда, с первого до последнего слова. И я не нарушу своей клятвы. Если же нарушу, то присутствующим здесь людям я заранее прощаю свою кровь.

— Мы же не требовали от тебя клятвы, — сказал Алихан.
— Вы и не могли от меня ее потребовать, ибо многого не знали. Но теперь и я обязан попросить вас сделать то же, что и я, — сказал Кундухов. — Возьмите, Сайдулла и Алихан, Коран и оба поклянитесь в том, что тайну, которую я раскрыл вам, не передадите никому другому, что отныне вы будете беспрекословно повиноваться мне до той поры, пока я не освобожу вас от вашей клятвы.

Сайдулла смотрел не на Коран, а прямо в глаза Мусе.

— Подожди, Муса, — отстранил он рукой протянутый ему Коран. — Насколько я понял, ты сказал, что собираешься переселиться в Турцию вместе с семьей. Так вот, это тоже необходимо заверить твоей клятвой. Раз ты не веришь нам, почему же мы должны слепо верить тебе?

Кундухов пристально посмотрел на Сайдулла.

— Хорошо, Сайдулла, будь по-твоему, — спокойно ответил он и вновь положил руку на Коран. — Я еще раз клянусь, что в случае перехода в Турцию пяти тысяч чеченских семей вместе с ними я отправлю свою семью, клянусь, что уеду туда сам и не вернусь, пока там останется хоть один чеченец из числа доверившихся мне. Теперь ты удовлетворен?

— Да. — Сайдулла широко улыбнулся. — Но твою тайну нам придется приоткрыть народу, ведь призывая его к переселению, мы будем опираться на твое имя.

— Я разрешаю вам говорить о моей поездке в Стамбул, о моих переговорах с султаном и с визирем, а также и о том, что я собираюсь вместе со всеми вами переселиться в Турцию. Теперь очередь за вами, Сайдулла, Алихан.

Сайдулла взял в руки книгу, раскрыл ее и, убедившись, что это действительно Коран, сказал:

— Я, Сайдулла, сын Успана, перед Богом и при свидетелях клянусь на Коране не разглашать тайну Мусы, сына Алхаза, беспрекословно выполнять все его указания, если эти указания не будут посягать на мою честь и не оскорбят меня, клянусь сохранять верность товарищам, и если я нарушу клятву, то пусть постигнет меня божья кара, а если мои товарищи не сдержат слова, то клянусь отомстить им, совершив над ними справедливый суд.

Такую же клятву произнес и Алихан.

— Теперь о деньгах. Вот они, — сказал Кундухов, открыв дарец. — Здесь пять тысяч рублей. Остальные получите

потом, когда двинется наше дело. Возьмите с собой и обращение к чеченцам султана Абдул-Межида. Да поможет им Аллах!

— Аминь!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

НАЧАЛО КОНЦА

ПОСРЕДСТВОМ ВОЙНЫ ЦАРИЗМ
СТРЕМИТСЯ УВЕЛИЧИТЬ КОЛИЧЕСТВО
УГНЕТАЕМЫХ РОССИЕЙ НАЦИЙ, УПРОЧНИТЬ
ИХ УГНЕТЕНИЕ И ТЕМ ПОДОРВАТЬ БОРЬБУ
ЗА СВОБОДУ И САМИХ ВЕЛИКОРОССОВ

В.И. Ленин

ГЛАВА I

В ТБИЛИСИ

(вместо пролога)

Прогресс в условиях эксплуататорского строя всегда осуществлялся ценой тяжелых лишений трудящихся масс, а порой и гибели целых народов.

В.И. Ленин

Последний месяц осени выдался на славу: теплые дни и ясное безоблачное небо. Хотя снег лежал еще только на вершинах гор, чувствовалось, особенно по ночам, что вот-вот придет холода.

Опасно стало ездить в Тифлис по Военно-Грузинской дороге. С тревогой думал об этом Михаил Тариэлович, собираясь в путь. Путь же ему предстоял не из легких. Но он готов был проделать его по скалам и ущельям, лишь бы хоть на время вырваться из этой проклятой страны. Чечня в последнее время напоминала ему бочку с порохом: достаточно одной искорки, и она взорвется.

Понимается, не только страх перед готовой взорваться Чечней тянул его в Тифлис, давно и покорно склонивший свою драгоценную голову перед всемогущим двуглавым орлом. Нужно было во что бы то ни стало решить один крайне важный вопрос, связанный с переселением чеченцев в Турцию. Генерал Кундухов, посланный для тайных переговоров с турецким правительством, месяц назад вернулся из Константинополя, где обе стороны пришли к обоюдному согласию. Русское правительство отпускало чеченцев в Турцию, турецкое правительство соглашалось принять их и поселить на специально отведенных землях. Таким образом, судьба чеченцев была уже почти решена. Об истинных целях, которые преследовали обе стороны, Михаил Тариэлович не мог не знать. Но именно здесь они допустили промашку и генерал Кундухов и русский полковник Игнатьев. Министр иностранных дел Порты Али-паша

буквально обвел их вокруг пальца. Лорис-Меликов сначала хотел выразить свое мнение в записке Александру Петровичу. Однако из-за бездорожья почта могла задержаться, да и в его записке Великий князь, возможно, отнесся бы холодно. Поэтому, отложив все свои дела, Лорис-Меликов мчался в Тифлис.

Какое счастье снова побывать в отчем доме! Сколько с ним связано воспоминаний, радостных, а порой и печальных, но все равно близких сердцу.

Переночевав в родительском доме на Баронской улице, Михаил Тариэлович утром отправился на прием, приказав ему черу ехать через азиатскую часть города, по базарным площадям, которые вновь напоминали ему далекое детство. Кажется, ничего и не изменилось здесь с тех давних пор. Те же нескончаемые ряды дощатых и кирпичных, больших и малых лавок, которые тянутся параллельно через весь базар. Здесь всегда шумно и говорливо, здесь никогда не бывает безлюдно.

Взгляд Михаила Тариэловича невольно задержался на новых постройках, выполненных совершенно в ином стиле. «Европа, — усмехнулся он. — Европа, елки-палки».

Глазу новые постройки непривычны: точь-в-точь яркие заплатки на старом рубище скряги, который может, но не хочет расстаться с ним, дабы не тратить денег, а заодно не менять и своих стародавних привычек.

Самым оживленным местом была и осталась верхняя часть базара, где шла торговля фруктами. Над базаром царила разноголосица призывов торговцев:

— Ай, яблук, ай, виноград, ай, персик!

— Вав-ва-ва! Дашов оддам!

— Пожалуй, барин! Ай, киняз, здес хороши!

На одних и тех же весах взвешиваются без обертки и персики, и сыр, и масло, и изюм... И ничего, никто не в обиде.

Всякий люд снует меж рядами. Здесь же стоят караваны верблюдов и вереницы ослов с перекинутыми через спины корзинами и тюками. Прямо на тротуаре полыхают углями жаровни, бьют в нос и глаза дымом и ароматом шашлыков.

Миновав Армянский базар, фэзтон выехал на Татарскую площадь, тесную, сжатую со всех сторон обветшалыми постройками. Кругом грязь, лужи. Под ногами валяются гнилые фрукты, старая обувь, тряпки. Татарский базар похож на дом, где никогда не делали уборку. Но весь базар кишмя кишит

народом. Тесня людей, сквозь толпу медленно и важно шествует верблюд, из широкой ноздри которого тянется веревка к персу-поводырю. Поводырь дергает веревку, и верблюд послушно мотнув головой, сначала опускается на колени, а потом, выгнув шею, ложится и начинает равнодушно озира-
раться вокруг.

Взору Лорис-Меликова предстают типичные лики азиатского мира. Вон идет грузин. Шелковый архалук* его обильно позументом, широкие атласные шаровары при каждом шаге шуршат, как опавшие осенью листья. Шаровары заправлены в низкие сапоги с загнутыми носками. Мимо фаэтона на шее прошествовал земляк — дородный купец-армянин в кавказской черкеске, но с русским картузом на голове. Живот выдается вперед, нос смахивает на баклажан, усы коротко подстрижены. Идет медленно, погруженный в свои мысли. За ним семенит носильщик-имеретинец с набитой шерстью подушкой за спиной. Края его шляпы свисают лоскутками, закрывая половину лица. А вот — длиннобородый перс с украшенными ногтями, в аршинной папахе и широком кафтани, поверх которого на плечи накинута аба**. Он подпоясан белым шерстяным платком, из-за которого торчит рукоять кинжала. Поверх толпы озирается длинный черкес с черной бородой, в круглой каракулевой шапке. На его ремне кинжал и пара пистолетов, ноги обуты в красные сафьяновые чупаки. И сзади застыл курд в красной куртке, расшитой синими и желтыми шнурами. Синие шаровары заправлены в тяжелые красные сапоги, вокруг головы повязана пестрая чалма, на боку висит кривая турецкая сабля.

Покрывая гортанными призывами базарный шум, тулупча-водовоз ведет лошадь, навьюченную двумя огромными кожаными мехами с водой. Медленно пробираются сквозь толпу женщины в белых чадрах. В толпе нетрудно различить русских бородатых мужиков и неуклюжих казачек. То здесь, то там мелькают форменные сюртуки солдат. Лавочники сидят у открытых дверей, заманивая прохожих. Из сапожных мастерских доносится стук молотков, из оружейных — тонкий шип напильников.

Плоские кровли домов облепили женщины и дети. Из внутренних дворов доносятся звуки зурны и ритмичные удары бубна.

* Архалук — кафтан.

** Аба — накидка.

Навстречу тащатся разномастные арбы. Вот грузинская — неповоротливая, ибо неуклюжие колеса у нее вертятся вместе с осями. На ярме сидит оборванный мальчишка, держащий буйвола длинной хворостиной. Немилосердно сажеными колесами осетинские и лезгинские арбы...

Насонен и долгожданный поворот: фэзтон въехал на Эриванскую площадь. Всего-то десять шагов, а совершен скачок из Азии в Европу! Открылась широкая улица с высокими крашенными домами, извозчичьими дрожками, колясками, в экипажах и на тротуарах пышно разодетые дамы и щеголеватые мужчины. Но и здесь грязь, как и в старых районах улица не вымощена, вся в выбоинах и ухабах. На бревнах, сваленных кучами на площади, примостились горожане-туземцы, пересказывая друг другу последние новости или просто сплетничая о знакомых.

В зданиях, окруживших площадь, размещались Главный штаб Эриванской армии, городское управление, управление дежурного генерала, военно-топографический отдел, управление генерал-квартирмейстера, семинария и ресторан «Опера».

Из семинарским домом Михаил Тариелович сошел с фэзтона, легкой поступью военного направился к парадному подъезду резиденции главнокомандующего.

Давнишний друг его, Александр Петрович, встретил Лорис-Меликова радушно. Осведомившись о здоровье семьи, поговорив о домашних проблемах, перешли к делу.

— Ну, Михаил Тариелович, что там насчет наших милых чабанцев?

На смуглом лице Лорис-Меликова мелькнула чуть заметная улыбка.

— Пока все идет отлично, дорогой Александр Петрович. Наши люди славно поработали. Иные даже перестарались, как, например, Сайдулла.

— Поподробнее, Михаил Тариелович, поподробнее. Великий князь не далее как вчера потребовал доклад по данному вопросу.

— С удовольствием, Александр Петрович! За этим я и пришел к вам.

Лорис-Меликов закинул ногу на ногу и сложил на коленях руки.

— Недавно я сам лично объехал Чечню и прямо скажу: остался доволен. Стремление к уходу в Турцию достаточно

сильно. Число желающих уже в настоящее время весьма значительно, более того, оно с каждым днем возрастает. У нас собираются целые аулы, как, например, Шали, Элихан-Юрт. Об этом сообщили мне Туманов и Кундухов. Кундухову я дал соответствующие указания. Вопрос довольно щекотливый, если не сказать больше. Здесь нам посредничество самих местных жителей, на которых мы можем положиться. Ведь горцы ни в коем случае не должны даже подозревать, что мы имеем к этому делу хоть какое-то отношение. Иначе все пропало. Узнают, упрутся — и тогда уже никакая сила не сдвинет их с места. Поэтому мы со своей стороны сейчас, наоборот, будем отговаривать их. Для этого я откомандировал в аулы полковника Муравьева, чтобы он и проводил эту линию. Мне думается, Александр Петрович, действуя подобным образом, мы ведем беспроигрышную игру: чем активнее мы уговариваем остаться, тем сильнее становится желание уехать. Я изучил их дурацкую психику: они же все делают наоборот, ведь они нам не доверяют. Таким образом, переселение будет происходить якобы без нашего участия. Туманов писал мне, что Сайдулла вроде бы сказал чеченцам, что земля, на которой они живут, им уже не принадлежит и после их изгнания будет передана русским. Вот это Сайдулла сделал напрасно. Такие слухи не просто вызывают беспокойство и приводят в тревожное состояние население, а ведут к открытому озлоблению. Ипполитов так же доносит, что агент Сайдулла, встав на такой путь, может подтолкнуть народ не к переселению, а скорее к восстанию. Но Кундухов сей факт в отношении Сайдуллы отрицает. И все же я приказал Туманову утихомирить Сайдулла и предупредить, что в результате своих «стараний» и болтливости он вместо Турции может оказаться в Сибири.

Карцов недовольно поморщился.

— Чувствую, этот наиб весьма опасен. Или он глуп, или играет какую-то роль, — сказал он, покачивая головой.

— Во всяком случае, при таких его действиях он не может быть для нас полезным. Мне кажется, его как можно скорее надо отправить либо в Турцию, либо... подальше в Россию.

— Совершенно с вами согласен. Подозрителен мне и Кундухов. Что хотите делайте, а не нравится мне его поведение. Он успокаивает нас, заверяя, что переселение пройдет мирно.

ойно, но в то же время берет под защиту Сайдулла, отнюдь не подстрекающего народ. А не готовит ли восстание сам Кундухов, чтобы встать во главе его?

Торис-Меликов отрицательно покачал головой.

— Не думаю. При теперешних обстоятельствах с его стороны это было бы верхом безумия. Честолюбив он непомерно правда. Но ему гораздо выгоднее возглавить переселение, чем стать калифом на час. Тем более, он во всеуслышание объявил о своем намерении оставить службу и переселиться с семьей в Турцию.

И все-таки, Михаил Тариелович, подумайте и примите надлежащие меры, рассчитанные на самые непредвиденные случаи.

— Непременно, Александр Петрович! Непременно! Иначе не выжить. Я хорошо знаю этих головорезов. Будь на их месте какое-либо племя, можно было бы не волноваться и не опасаться. Но кто знает, что им может взбрести в голову? Страшно впечатлительный народ, и... непредсказуемый в поступках своих. Поверьте, они могут собраться и даже продать все свое имущество, но вследствие чего-либо неожиданного, взять да и отложить отъезд. Здесь нужна бдительность, нужен скрытый контроль. Любой обнищавший эмигрант, вернувшись из Турции, какой-нибудь краснбай, старшина или мулла, сказавшие не то, что надо, могут не только сорвать наше дело, но и даже сорвать его. Поэтому, я думаю, наша главная задача сейчас и должна заключаться в том, чтобы зорко следить за столь напряженным переходным моментом и быть готовыми к самому неожиданному исходу. Туманов доносит, что его агенты и агенты Муравьева ведут в Чечне тщательный надзор, постоянно сообщают обо всех толках, о настроениях и намерениях жителей.

— В каком состоянии войска?

— Все инженерные и дорожные работы прекращены, кроме самых необходимых. Полки и батальоны стянуты к штаб-квартирам под предлогом обучения, а в первых числах мая я планирую собрать и еще два отряда под видом летних лагерей. Планирую акция с нашей стороны убивает сразу двух зайцев: она или ускорит переселение, или предупредит беспорядки, возможность которых мы исключать не имеем права.

— Меры своевременные. Думаю, Его Высочеству приятно будет узнать такие новости.

— Скажите, Александр Петрович, вы получили ответ на бытность вашу в Петербурге на свою записку военному министру? — спросил Лорис-Меликов.

— Вот только что.

— Одобряют они наше предприятие?

— Я распорядился, чтобы вам срочно выслали копию депеша порта генерал-адъютанта Милютина. Но, видимо, сделать этого еще не успели. В таком случае прошу ознакомиться. — Карцов открыл лежавшую перед ним на столе папку, нашел в ней документ и протянул Лорис-Меликову.

*«Его Императорскому Высочеству
Главнокомандующему Кавказской армией
Великому Князю
Михаилу Николаевичу.*

1864 год, 3 ноября, № 190

Из переданной мне Начальником Главного штаба Кавказской армии записки, относительно настоящего положения на Кавказе видно, что для устранения возможности беспорядков и волнений в Чечне представляется два способа действий: решительный, т.е. переселение всех чеченцев силой оружия, если окажется необходимым, на левый берег Терека и Сунжи с водворением на их места станиц 1-го и 2-го Сунженских казачьих полков...»

Лорис-Меликов недоуменно пожал плечами и, не скрывая своего удивления, спросил:

— Ваше превосходительство, разве я говорил в записке, что нам необходимо выселить всех чеченцев со своих земель?

— Это моя приписка. Ничего страшного. Имея готовое решение от государя, мы ничем ведь не рискуем.

Лорис-Меликов продолжал читать:

«... или же более медленный — постепенно ослабляя чеченское население в горах добровольным выселением его на равнину и окончанием переселения в Турцию...»

— Выходит, что мы и в дальнейшем будем придерживаться той же тактики?

Для чеченцев существуют лишь два пути: либо на левый берег Сунжи и Терека, либо в Турцию.

Но в подданнейшем о том докладе, Государь Император, я вижу, что насильственное переселение чеченцев произведет неприятное нравственное впечатление на все горское население Кавказа и потребует значительных расходов, высочайше изъявляю желание, чтобы вопрос успокоения Чечни решался, по возможности, мирным путем — добровольным переселением.

А добровольно ли пойдут?

Читаю, да дальше.

Но так как подобный исход дела вполне зависит от слушателей и я известную минуту, которую заранее невозможно предвидеть. Кавказское начальство может быть поставлено в необходимость прибегнуть к предполагаемым в записке крутым мерам, то на случай подобного оборота дела Государь Император высочайше представляет Вашему Императорскому Высочеству действовать по собственному Вашему усмотрению, не считаясь в крайнем случае и перед необходимостью выселить чеченцев на левый берег Сунжи и Терека.

Военный министр

Генерал-адъютант Милютин».

Государь император предлагаем нам, — сказал Лорис-Меликов, возвращая рапорт Карцову, — если я правильно понял

Поняли совершенно верно! — воскликнул Карцов, не давая ему договорить. — Не пожелают добром — заставим штыком. — Глаза его блеснули, как у разгоряченного бегом скакуна, и, постучав барабана пальцами по столу, он откинулся на спинку кресла. — Так-то, милостивый государь!

Оба некоторое время молчали. Наконец Лорис-Меликов сказал:

Александр Петрович, но я никак не могу согласиться с результатами переговоров генерала Кундухова с турецким правительством. Считаю своим долгом высказать личное мнение, даже если я и прибыл сюда.

Каковы же причины?

— Чрезвычайно важные.

— Могу ли я узнать?

— Мне бы хотелось вместе с вами пойти к Великому князю.

Александр Петрович недовольно покачал головой.

— Не думаю, что у него найдется время выслушать нас. Вот-вот должен уехать на отдых в Каджару.

— Но дело, по которому я прибыл, неотложно. От его ответа зависит, когда начать переселение. Ведь случись что, дорогой Александр Петрович, ответ держать придется нам с вами как инициаторам этого переселения. Чеченский вопрос, повторяю, исключительный. Ждать опасно.

— Сколько времени потребуется вам на аудиенцию?

— Думаю, одного часа достаточно.

* * *

Великий князь уже был готов к отъезду, однако Лорис-Меликова он принял, хотя особого удовольствия при встрече не выказал.

— Как видите, милостивый государь, Михаил Тариэлович уже собрался в путь, а потому прошу быть как можно более кратким, — предупредил он.

Лорис-Меликов торопливо стал излагать суть дела, не забыв напомнить, что выехать из Чечни и проделать столь долгий и опасный путь побудило его исключительно лишь беспокойство о престиже России. После этого он заявил о своем несогласии с результатами переговоров. Заметив, как недовольно поморщился Великий князь, Михаил Тариэлович смущался, но тут же оправился и твердым голосом спросил:

— Позвольте продолжить?

Великий князь молча кивнул.

— Генерал Кундухов по возвращении из Константинополя спросил разрешения начать подготовку к переселению чеченцев в Турцию. Но поскольку я не согласен с итогами переговоров, относительно конечных мест переселения чеченцев, не разрешил ему предпринимать каких-либо шагов, пока я поговорю с вами.

— Я слушаю.

— В моих личных докладах вам и представленным запискам я постоянно выражал убеждение, что удаление из малой, густонаселенной Чечни хотя бы даже и малой части

поселения, воспитанного в полувековой борьбе с нами, стало громадным шагом на пути к решению чеченского вопроса, следовательно, к прямому умиротворению Терского края и установлению в нем гражданственности. Но предложение турецкого правительства о поселении туземцев в сопредельных нашим владениям областях азиатской Турции — Топрак-Кале и Мелизгерте, от Патноса до озера Ван, — придает данному вопросу совершенно новый вид, побуждающий меня войти в рассмотрение абсолютно невыгодной для нас стороны означенного дела. За время последней войны, а также в бытность мною начальником Карской области, я имел возможность изучить пограничные с Россией территории азиатской Турции. И поэтому беру на себя смелость высказать личное мнение Императорскому Высочеству о том, какое значение для нас и военное и мирное время имело бы поселение пяти тысяч чеченских семейств на территории, указанной турецким правительством генералу Кундухову.

Великий князь молча кивнул, то ли одобряя, то ли разрешая продолжить.

— В данных местах проживают турецкие курды и армяне, племена, скорее приверженные нам, нежели враждебные: армяне — по единству религии и особенностям характера, курды — по единноплеменности с нашими курдами, — продолжал Пётр Меликов, чувствуя, что заинтересовал Великого князя.

Курдское племя имеет мало общего с османским и исторически враждебно ему. Курды для турок, по сути, то же, что чеченцы для нас. Любая мера турецкого правительства, сила которой распространялась бы и на курдов, никогда не приводилась в исполнение без противодействия с их стороны. Враждебны, хотя и менее опасны туркам и армяне — несториане или ай-ханы, живущие в стороне Вана и Мосула. И курды, и армяне не могут терпеть господства османского племени. Поэтому-то и племена названных племен при любом столкновении русских с турками принимают нашу сторону и заключается одна из важнейших причин наших успехов в упомянутой местности. Неодолжим враждебность к туркам и существующие родственные связи между вождями наших и турецких племен курдов, что удалось и последнюю войну склонить большую часть пограничного населения на свою сторону. Уже через три месяца после начала кампании часть турецких курдов состояла в рядах нашей армии, в то время как другая сохраняла нейтраль-

тет, оставаясь бесстрастными наблюдателями за всем происходящим между нами и турками.

— Вы совершенно правы, — согласился Михаил Николаевич, теперь уже глубоко заинтересованный выкладками Лорис-Меликова. — По-моему, лишь верное понимание характера края и его населения, а также умение использовать это можно отнести к заслугам генерала князя Бебутова в последней кампании, но отнюдь не его военное мастерство.

— Совершенно верно, Ваше Императорское Высочество — слегка кланяясь и прижимая руку к сердцу, воскликнул Лорис-Меликов. — Но такой оборот стал возможным для нас только при нынешнем составе населения азиатской Турции. Появись там ранее хотя бы тысяч пять семейств, вышедших из Чечни, и наши дела в Турции приняли бы, без сомнения, иной характер. Глубоко враждебное нам племя чеченцев стало бы грозным орудием в руках турок при борьбе с Россией. Более чем всякий другой народ приспособившиеся к малой войне чеченцы, разбившись на небольшие шайки для мелких набегов, постоянно угрожали бы нашим путям сообщения, заставили бы нас раздробить наши силы на великое множество небольших отрядов, и таким образом, практически полностью парализовали бы действия нашей армии как единого целого. Кроме того, чеченцы сумели бы привлечь к действиям против нас и ранее нейтральное курдское население. На крайней мере, любыми средствами не допустили бы в сторону России поворота курдских вождей, как то происходило в последнюю войну. Но и в мирное время столь близкое соседство выселенных чеченцев опасно не менее: уже одним тем, что их близость заставила бы нас удвоить, если даже не утроить силы наших кордонов. Так что, уже одно задержание азиатской Турции чеченцами, согласно турецким планам и предложениям, принесет нам неприятностей больше, нежели вся турецкая армия. Вот чего добивается турецкое правительство. И подписав подобный договор, граф Игнатьев и генерал Кундухов допустили очень большую политическую и стратегическую ошибку. Однако исправить ее можно, и сделать это не поздно.

Михаил Николаевич поднялся и, заложив руки за спину, стал медленно прохаживаться по кабинету. Время, отпущенное Михаилу Тариэловичу на аудиенцию, давно истекло, и он

...ного князя уже волновалась в ожидании отъезда, но Венский князь прощаться не спешил. Слишком серьезным оказалось дело.

— Да, доводы ваши вески и заслуживают внимания. Какое же ваше окончательное мнение, Михаил Таризелович?

— Считаю своей обязанностью доложить, что разрешение означенного вопроса в настоящее время может идти лишь по двум вариантам, коль мы уже согласились на выселение чеченцев с места, обещанные турецким правительством Кундухову, то есть в сопредельные нам области азиатской Турции, или следует вновь войти с ним в сношение по вопросу, не состоится ли оно водворить означенных переселенцев на Эрзерумском пашалыке к Арзингану, Диарбекиру и далее, где эти места уже не смогут быть для нас столь опасными. А коль этого соглашения достичь теперь же нам не удастся, то сам процесс переселения отложить до более благоприятных времен.

— Ваше согласен с вами, — сказал Михаил Николаевич. — Только прошу изложить все это письменно, в записке.

— Ваше высочество, такую записку я составил и принес с собой. Вот она.

Благодарю вас, Михаил Таризелович. А к вам, Александр Петрович, у меня просьба, — обратился главнокомандующий к Карпозу, — напишите письмо графу Игнатьеву и изложите условия и предложения графа Лорис-Меликова. Прошу сделать это немедленно. Еще раз повторяю: к востоку от названных городов не должно быть ни одного чеченца.

— Ваше Императорское Высочество, какое распоряжение прикажете дать генералу Кундухову?

— Разрешите ему начать дело. Но мы добьемся переселения чеченцев в те места, которые предопределили мы. Не позже декабря я получу ответ от графа Игнатьева. Я почти уверен в том, что все получится по-нашему.

— А что ответить генералу Кундухову по поводу приобретения правительством его земель, дома и построек? И если мы приобретем их, то разрешим ли ему уехать в Турцию?

Михаил Николаевич ответил не сразу. Он вновь несколько раз прошелся по кабинету, задержался на миг у массивного стола и, бросив быстрый взгляд на Лорис-Меликова, отошел к окну.

— Дело сложное. Увольнение генерал-майора Кундухова и окончательное поселение его в Турции при его способностях, при знании края, связях и той популярности, которой он пользуется у туземного населения, в случае войны сможет существенно вредить нашим интересам, во всяком случае, сможет дать повод к серьезным опасениям за сохранение внутреннего спокойствия Терской области. При предстоящем разрешении вопроса о переселении чеченцев в Турцию желательно было бы избежать возможностей серьезных затруднений на будущее, сопряженных с уходом генерал-майора Кундухова в Турцию.

— Я пытался отговорить генерала Кундухова от ухода в Турцию, — торопливо заговорил Лорис-Меликов. — Но советы и увещания мои были безуспешны. Не могу не признать, что доводы, приводимые генералом Кундуховым в защиту необходимости его личного ухода, имеют под собой основания. Он убежден, и весьма справедливо, что недоверчивые чеченцы и лица, во главе их стоящие, даже несмотря на свое теперешнее желание скорейшего ухода в Турцию не двинутся с места, пока Кундухов не отправит во главе переселенцев свое собственное семейство. Кроме того, наиб. Сайдулла и главный карабулакский старшина Алихан Цугов присягнули на Коране, что уйдут в Турцию тоже, если только Кундухов покажет пример. К сожалению, Алихан Цугов несколько дней назад умер. Но дело продолжает его племянник Шамхалбек Цугов.

— Хорошо, Михаил Тариевич, коли так, отпустим его. Но в том случае, ежели вместе с его семьей поднимутся еще пять или шесть тысяч чеченских семейств. Теперь насчет денег. Мне помнится, я разрешил вам израсходовать десять тысяч рублей для негласного вознаграждения тех, кто будет содействовать успеху переселения чеченцев в Турцию?

— Да, Ваше Высочество, такое разрешение я получил и уже распорядился выдать генерал-майору Кундухову означенную сумму.

— Однако за свой дом и земли деньги он должен будет получить в следующем порядке: когда его семья выедет из Владикавказа в Турцию, ему выплатят пять тысяч рублей, а остальные сорок тысяч — когда вместе с семьей Сайдулла оставят Чечню и выступят в путь еще не менее полутора тысяч чеченских семейств.

— Но генерал Кундухов просил меня войти в ходатайство к Вашему Императорскому Высочеству, чтобы сорок две тысячи рублей из означенной суммы ему выдали золотом.

— Хорошо, разрешаю, — сказал Михаил Николаевич.

Услышав чуть заметное раздражение в голосе главнокомандующего, Лорис-Меликов счел за лучшее откланяться, хотя было еще множество вопросов, требовавших своего решения.

Уверен, Михаил Тариэлович, что дело переселения чеченцев в Турцию, организованное тремя такими выдающимися людьми — вашим, Александра Петровича и Кундухова, совершится успешно, без ущерба для нашего правительства. Когда же нам по завершении дела сказать о вас моему царственному брату похвальное слово. Лично вас, Александр Петрович, попрошу дать Михаилу Тариэловичу официальное письменное распоряжение по тем вопросам, которые мы сейчас решали. Думаю, что до нашего отъезда, Михаил Тариэлович, мы еще увидимся.

С Божьей помощью, Ваше Императорское Высочество! Приму передать мой нижайший поклон глубокочтимой Ольге Федоровне. Желаю Вашему Императорскому Высочеству и драгоценной Ольге Федоровне отличного отдыха в Каджаре!

До свидания, Михаил Тариэлович!

ГЛАВА II

В СТАМБУЛЕ И ЛОНДОНЕ

Народы покупались и продавались, разлаживались и соединялись, исходя только из того, что больше отвечало интересам и намерениям их правителей.

Ф. Энгельс

Министр иностранных дел Оттоманской империи Али-паша беспокойно ходил по кабинету. Кальян, которого он час назад приказал принести, стоял нетронутым. Али-паша вот-вот должен был неофициально принять Чрезвычайного и Полномочного Посла России графа Игнатьева. Но для того, чтобы говорить с хитроумным графом, требовались чистая голова и ясное сознание.

Переговоры с генералом русской армии Кундуховым, состоявшиеся прошлой весной, были оценены высоко и подняли авторитет Али-паши в глазах султана. То, о чем мечтали и к чему стремились все турецкие султаны еще со времен Абдул-Хамида, но достичь не могли, достиг, наконец, он, Али-паша. И теперь появилась реальная возможность закрепить себя на Кавказе.

С Дагестаном у Турции всегда имелись достаточно крепкие связи. Впрочем, наладить их не составляло особого труда, ибо во главе дагестанских племен стояли могущественные ханы и не менее могущественные шейхи. Но у султанов не было возможности использовать для своих целей самое многочисленное на Северном Кавказе чеченское племя. Да, чеченцы всегда просили помощи, оружия и прочего, но хотели получать все задаром. Нет, турки не требовали с них денег, они требовали их территорий. Но чеченцы не намеревались делить их соседями, а уж тем более сажать турок на свою шею. Жили вольно, независимо и даже турецких эмиссаров не пускали к себе. Кто же таким станет помогать? А от сладень-

и обещаний в кармане не убывало. Обещали шейху Мансур, обещали Бейбулату и самому Шамилю. Однако за последние восемьдесят лет чеченцы не получили от турок даже гвоздя. Обещать будем и в будущем. Обещать, но не давать. Это есть политика, дипломатия, — размышлял Али-паша в ожидании графа Игнатьева. — Теперь в чужие двери стучатся, хотят впустить. Почему же не впустить, впустим. Империи нужны кавказские мусульмане. Непокойно на Балканах, волнуются гяуры. Уже отделились Греция, Сербия и дунайские княжества. И все это происки заклятого врага империи — России. На очереди — отделение Болгарии. Александр II для нас ничего не жалеет. А Кавказ? Его же русские, можно сказать, прямо из рук у Турции вырвали. А теперь русские стремятся присоединить к себе турецких грузин и армян*. Пытаются оказывать на них свое вредное влияние, подстрекают против нас, разжигают вражду. Но я знаю, как поступить. Первые кавказские эмигранты не случайно были поселены в Болгарию. Правда, их оказалось ничтожно мало. Огнем и мечом погнанные русскими с того берега, они, беспорядочно переправившись сюда, почти все погибли. Я видел все своими глазами.

Устав от бесцельной ходьбы, Али-паша подошел к мягкому дивану, опустился на него. Перед глазами вновь ожили картины, которые он видел во время поездки в Ач-Калу и в ар-Дари, в лагеря кавказских эмигрантов. В беженцах уже не было ничего человеческого. Из людей они почти превратились в трупы, исторгавшие жуткое зловоние...

* * *

Турецкая Порта добивалась расселения горцев в пограничных с Россией районах, что, между прочим, настойчиво советовал сделать британский посол в Константинополе. Но расселение, растянутого военными колониями вдоль всей границы с Арменией, превращенного таким образом в пограничную стражу для охраны границ с Россией.

Горцы для Турции и Европы были лишь средством для противодействия России, а при использовании таких средств ни Европа, ни Турция не проявляли никакой жалости.

* Али-паша имеет в виду армян и грузин, живущих в северо-восточной части Османской империи.

Но если раньше английские и турецкие агенты всячески провоцировали и поощряли эмиграцию горцев в Турцию, делали все возможное, чтобы не допустить отток приморских черкесов на Кубань, где царское правительство отводило им земли, теперь политики действовали наоборот. Европейские дипломаты решительно требовали от султанского правительства отказать кавказцам в «убежище». Ибо уход горцев с Кавказа лишал европейские державы могучей поддержки в борьбе против России, позволял ей полностью и единолично колонизировать Кавказский край и закрепиться там. Англические, французские, итальянские агенты, направленные на Кавказ, прилагали все силы, чтобы удержать горцев, отговорить их от переселения.

В самой же Турции дипломаты и всевозможные агенты западных стран усиленно внушали горским переселенцам мысль о скорейшем возвращении на родину для продолжения борьбы, обещая им в таком случае свою полную и щедрую поддержку.

В целях прекращения переселения горцев с Кавказа европейские дипломаты и агенты ввели санитарную инспекцию во главе с врачом французского посольства в Турции Бароцци. Посетив лагеря переселенцев в Самсуне, Трапезунде и Варне, Бароцци потребовал от турецкого правительства установления немедленного и жесточайшего карантина между обоими берегами Черного моря, практически прекращения переселения горцев с Кавказа.

«На каждом шагу встречаются нам больные, — писал Бароцци, — умирающие и трупы лежат у городских ворот, перед лавками, посреди улиц, в скверах, в садах под деревьями. Всякий дом, всякий угол улицы, всякий сад, занятый эмигрантами, превратился в гнездилище заразы».

Европейским дипломатам удалось добиться лишь пятнадцатидневного карантина. Но он был чистой фикцией. Приостановились лишь перевозки горцев с кавказского побережья, в остальном же между двумя берегами поддерживалось обычное сообщение. А вот самим горцам карантин причинил ни с чем не сравнимые дополнительные страдания и мучения. Приставшие к турецким берегам суда с переселенцами не принимались, в то время как на другом берегу скапливались

...свои очереди на переправу десятки тысяч людей. Масса день ото дня росла. Начались эпидемии. Тиф и холера распространились, несмотря на карантин, по обоим берегам.

На ужасающих степенях разрасталась работорговля. Ребенка пяти-двенадцати лет можно было купить за тридцать-сорок рублей. Местные феодалы покупали самых красивых девочек всего за шестьдесят-восемьдесят рублей. Нередко можно было видеть целые партии из сорока-пятидесяти молодых женщин, принадлежащих одному хозяину. Трапезундский генерал-губернатор Эмин Мухлис-паша отправил в Константинополь своего зятя для сопровождения ста тридцати черкесских невольниц, предназначенных в качестве подарков влиятельным лицам в столице Турции.

Дочь английского консула так описала один из лагерей для черкесских эмигрантов, созданный в Турции в 1864 году:

«Имела возможность наблюдать черкесов в различные периоды их пребывания в Турции. Весь этот жалкий люд лежал на полу, больные валялись рядом с умершими, живые, как трупы, продились среди них, ни о чем больше не помышляя, кроме того, как раздобыть деньги. Когда мы приблизились к зараженному лагерю, группы мужчин и женщин обступили нас, ведя за руки своих детей и предлагая купить их всякому, кто пожелает. Бедные маленькие создания, по-видимому, сами желали разлучиться с родителями, лишь бы получить кров и пищу.

Эти черкесы представляли собой два класса, относившиеся друг к другу с ненавистью — класс господ и класс рабов. Господа пытались требовать от раба той же униженной покорности, которую привык видеть от него на родине, раб же, со своей стороны, созидавая перемену, которая произошла в их общем положении и в его положении, в частности, готов был отстаивать свои личные права против своего господина.

Между горскими феодалами и их рабами по прибытии в Турцию происходили частые столкновения, иногда переходившие в кровавые побоища».

Применяя переселение горцев в Турцию, султанское правительство пыталось использовать их как против России, так и для подавления национально-освободительного движения турецкого населения внутри империи. В первую очередь —

против христианского населения. При этом в расчет турецкого правительства отнюдь не входило расселение горцев большими массами, что могло бы создать серьезную опасность для общественного порядка и для самой государственной власти. В результате подобной политики горцев расселили в странах Балканского полуострова от устья Дуная до Боснии и Герцеговине, Сирии, Иордании, Ливане, Месопотамии и Египте. В этих местах, особенно в балканских провинциях империи, создали военные колонии, напоминавшие казачьи станицы, на базе которых формировалась черкесская милиция для защиты пограничных линий. Поселения горцев глубоко врезались, вклинивались в славянские массивы; таким образом образовывалась «живая изгородь» из мусульман между славянами.

Уже в процессе переселения турецкие власти, получив безвыходным положение горцев, которым, кстати, было обещано на двадцать лет освобождение от военной службы, формировали из «добровольных охотников» — черкесские кавалерийские полки и черкесскую гвардию султана. За короткое время в турецкую армию вступило до трех тысяч горцев. Чтобы подогреть «желание» поступить на военную службу, турецкие власти запретили продавать мужчин. Поскольку же в рекруты брали лишь неженатых, многие горцы продавали своих жен и детей, чтобы поступить на военную службу.

Величайшая трагедия в истории кавказских горцев завершилась гибелью половины переселенцев от различных эпидемий и лишений в пути. Из числа уцелевших до пятнадцати процентов женщин и детей оказались проданными в качестве рабов. Избежавшие этой участи рассеялись в Малой Азии, на Балканах, в Месопотамии и даже в Северной Африке.

Академик А.Берже, оказавшийся невольным свидетелем трагедии западных горцев, писал:

«Никогда не забуду я того горестно-давящего впечатления, какое произвели на меня горцы в Новороссийской бухте, где их собралось на берегу около 17 тысяч человек. Позднее, ненастное и холодное время года, почти совершенное отсутствие средств к существованию и свирепствовавшие среди них эпидемии тифа и осы, сделали их положение отчаянным. И действительно, мое сердце не содрогнулось бы при виде, например, молодой черкешенки

...рожденной на сырой почве, под открытым небом с двумя
...из которых один в предсмертных судорогах еще бо-
...и жить, а то время как другой искал утоления голода на
...уже окоченевшего трупа матери. И подобных сцен встре-
...к немало...»

Един же собственные слова почтенному академику пока-
...слишком крамольными, поэтому далее этот ученый-
...добавил:

Император Александр II, гуманнейший из венценосцев XIX
...был слишком далек от политики Филиппа III, знаменито-
...своим королевским повелением от 22 сентября 1609 года, ко-
...он нанес смертельный удар маврам, безжалостно выбро-
...им из Испании на пустынные берега Африки.

Исполнителем своей державной воли он избрал графа Евдо-
...который в своих воззрениях на интересы государства
...значительно выше герцога Лермы или какого-нибудь Дон
...де-Рибейры».

Несомненно и невероятно тяжелые условия, став жертвой чуж-
...и на политики и интересов, горцы стремились вернуться
...на родину. Но турецкие и царские власти не для того
...и выгнали их в этот ад, чтобы выпустить обратно
...Горцы и их потомки навсегда потеряли родину. И
...здесь, под сводами великолепного дворца, два пра-
...и вновь готовили точно такую же участь еще одному
... На сей раз — чеченцам...

Горцев принуждали покидать родину, не оставляя им вы-
... Но от произвола царских властей и помещиков уходили
...и другие народы и народности: русские, украинцы,
... Уходили, куда глаза глядят, на все четыре стороны
...и поисках хлеба, счастья и несуществующей справедлив-
...

* * *

Алиша кончил вспоминать неприятные страницы исто-
...и перешел к выводам и обобщениям.

«Погибали, погибают и будут погибать еще! Что из того?
...и мать их родила! Трусливые нищие скоты! Бежали,

отдав свою землю гяурам! Зато выжили лишь сильные и смелые, которые несут службу, наводят порядок в болгарских селах. С их помощью мы усмирили и армян, и грузин. Еще мы укрепить границу с Россией! Расселим чеченцев вдоль границы между двумя морями и тогда можем быть спокойны. Они быстро укротят местных жителей, не разрешат больше куражиться ким вождям переходить на сторону русских, а возможно, даже сделают их своими единомышленниками. Конечно, чеченский народ дикий и своеобразный. Но вольнолюбивый. Живя в горах, горными орлами, теперь увидели, что их загоняют в железную клетку, и бегут. Нет, никогда у них не было мира с русскими и не будет. И все же здесь, в Турции, им придется почувствовать, что такое неволя. Мы не собираемся их кормить даром. Их ремесло — воевать. А другого от них мы и не требуем. И они будут драться. Особенно, коль начнется война с Россией. Не только они, но и их потомки. А какие из них получат разведчики для засылки в кавказские провинции России! С их помощью можно поднять все горские народы. Одним словом, они будут у нас и сторожевыми и гончими псами...

Только переселятся ли? Чеченцы отличаются особой привязанностью к родине. Они замучены, утомлены длительной войной, но все же не перестают сопротивляться! Да поможет Аллах Мусе-паше, который дал слово привести вместе с собой пять тысяч семей из числа самых ярких и непримиримых врагов России. А это, как минимум, пять тысяч воинов. Да каких! Нет, теперь мы знаем, как принимать горцев: в теплое время года, небольшими партиями, не по морю, а по суше...

Придут пять тысяч храбрых чеченцев, закаленных в длительной войне с неверными, во главе с одним из лучших генералов русской армии Мусой-пашой и знаменитым наибом Саидуллой!

Говорят, Великий князь против расселения чеченцев на землях, прилегающих к границам России. Но это не его голова додумалась, а того хитрого и проницательного гяура-армянина*. Не беда, пусть попробуют не согласиться. Инициатива-то переселения исходит от них...»

* Имеется в виду Лорис-Меликов.

На прошло и месяца после поездки Лорис-Меликова в Тифлис, как роскошный дворец министра иностранных дел Османской империи вновь стал местом встречи дипломатов двух держав. Здесь, под сводами просторного зала, и должна окончательно решиться судьба первых пяти тысяч чеченских пленников. Обеим сторонам нужна выгода. Ради этого дипломаты готовы на все и пускают в ход любое оружие, будь то лесть или обман, клевета или ложь, хитрость или угроза. Лишь бы выиграть! Но прошло уже столько дней, а дело нисколько не продвинулось.

Али-паша сидит в мягком кресле и внимательно слушает, как говорит ему русский. А русский говорит много, очень много. «Проклятый гяур решил усыпить мою бдительность. Говорит о своих условиях. Напрасно, граф. Этих разбойников мы разместим там, где нам угодно, и так, как было решено с генералом Кундуховым. Почему? О, это государственная тайна, граф. Знаю, знаю, чеченцев вы боитесь. Здорово боитесь. А раз так, то вам придется многократно укреплять границу между нами. Это нам на руку... Что? Кавказское начальство не согласено? Но куда само-то оно денет чеченцев? Пусть оно говорит на нас, что мы согласились принять их варваров... Не бойтесь их зовем, они сами просятся...»

И в противном случае ни один чеченец не покинет пределы России! — отчеканил граф Игнатъев.

Эти слова, камнем упавшие откуда-то сверху, вернули Али-пашу к действительности. По тому, как резко дернулась полуотпущенная рука Али-паши, на которую он опирался, Николай Николаевич понял, что удар рассчитан и нанесен точно, что единственный его козырь, который он берег до последнего, потерял свое действие, сыграл! И он, предчувствуя победу, уже предостаточно в душе.

— А почему мы должны принимать ваши условия? — спросил Али-паша после небольшой паузы.

О целях каждой стороны не было сказано ни слова. Они не знали. И тем не менее каждый все же надеялся обмануть другого. Но Игнатъев чувствовал себя более уверенно. Ему было вполне известно, какие планы вынашивают турки, готовые принять чеченцев. К тому же он, по-видимому, сумел убедить Али-пашу в том, что Турция является далеко не самым лучшим местом, куда можно переселить чеченцев. Есть,

например, и Кубань. Разумеется, было бы глупо рассказывать ему, с какими трудностями будет связан вариант Кубани, что путь Россия — Турция для них наилегчайший...

Али-паша, наоборот, убедился в том, что русские чудом сумели пронюхать о тайном его сговоре с Кундуховым, и потому себя хозяином положения не чувствовал. Его покинула решительность, и он уже не выказывал своего превосходства, а только пытался упорствовать, ни на что, собственно, не надеясь.

— Вы знаете, во что нам обойдется наше великодушие. Нет, дорогой граф, мы и так приютили полмиллиона обитателей из Кубанской области. Хватит с нас! И слышать больше не хочу об этих разбойниках-чеченцах. Да еще о том, что бы поселить их в западных провинциях! Да они же крошечные следы оставят за собой вдоль всего своего пути. Вам не кажется несколько странным, что вы даже не просите, а просто диктуете свои условия. Как это еще можно расценить, дорогой граф, если не как прямое вмешательство в наши внутренние дела?

«Как же ты боишься! Ох, как боишься, что мы не допустим к вам чеченцев!» — наблюдая за турецким министром, подумал Николай Павлович, а вслух примирительно сказал:

— Чеченцы — ваши единоверные братья. Нам-то, собственно, все равно, примете вы их или нет. Мы пошли им навстречу, решили не препятствовать их желанию переселиться в нашу страну. Европа клеветает на нас, распространяя слухи, будто мы хотим избавиться от горцев, чтобы завладеть их землями. Но вы-то сами, рейс-эфенди, человек умный и отлично понимаете, что это вовсе не так. Пустующих земель у нас достаточно, для чеченцев во всяком случае хватит.

— Например?

— Боже мой! У нас столько незаселенных земель!

— В Сибири?

— Зачем везти людей так далеко? У нас и на Кубани, и на Ставрополье свободных земель хватит.

На губах Али-паши появилась усмешка.

— Нет, ваше сиятельство, этого вы не сделаете по своим причинам.

— По каким же?

— Вы слишком могущественны, чтобы бояться силы. Но вы побоитесь проклятия народов мира. Если вы переселите

и племена на Север или в Сибирь, они там погибнут. Но это станет чувствительным ударом по престижу вашего правительства. Кроме того, вы понесете большие расходы. Промышленную ситуацию, вы решили, а не лучше ли препроводить их сюда, к нам?

Граф растерялся.

— Ошибаетесь, рейс-эфенди! Европа не оставила нам ни одного такого преступления, которое мы бы могли совершить и тем самым устыдиться. Если бы мы просто хотели освободить страну от чеченцев, то есть избавиться от них, мы бы их переселили на Кубань и на Ставрополье. Но наша гуманность...

— Не надо! Не надо! — расхохотался Али-паша. — Зачем же ты, дорогой граф? Если ваше правительство и впредь будет продолжать традиционную для русских завоевательную политику и избавляться от неугодных вам народов вот такими, как вы их называете, гуманными методами, то, действительно, свободных земель у вас всегда будет в избытке. А о гуманности... Честное слово, не стоит!

В словах турка сквозила явная издевка. Игнатьев нахмурился и оурупо заметил:

— Ваши единоверцы пожелали переселиться к вам. Мы их сюда не принуждаем.

— Не принуждаете? — подхватил Али-паша. — Возможно! Но куда им прикажете деться? Броситься в море? В пропасть? Нет, гуманная, просвещенная Европа не докатится до такого варварства! Она найдет, как говорите вы, русские, козла отпущения — кровожадную Турцию. Турки ведь всегда были извечными парикарами, коварными, вероломными. Мы и сегодня только и слышим: «турки-завоеватели», «турки проливают кровь и истребляют наших христианских братьев». На земле ваших извергов — турки! Видите, граф, как дорого нам обходится наше человеколюбие? Но посмотрите на себя. Тогда поймете, что не следует искать соринку в чужом глазу. Вы, европейцы, далеко не ангелы. Наш Вельзевул и тот не сможет сравниться с вами. Может быть, это не вы разрушали города и истребляли народы? Может быть, христианские радетели никаких отношений не имели к Америке, Африке, Азии, Австралии? Мы управляем своими народами так, как считаем нужным. Порой бываем жестоки по отношению к ним. Но куда прикажете властвовать? Однако слава Аллаху, мы

не уничтожили и не выгнали из своей страны ни одного народа, подобно вам, европейцам. Подобное же сотворили испанцы в 1609 году, вышвырнув мавров на пустынные берега Африки. Подобно им вы теперь хотите поступить с горцами Кавказа...

— Мавры были завоевателями. — Чуть заметная улыбка тронула губы Игнатьева. — Испанцы совершили справедливый акт возмездия, очистив от них свою страну.

— Теперь акт возмездия настиг горцев Кавказа? Тогда повольте, граф, немного примеров из истории. Когда цивилизованные наихристианнейшие европейцы сжигали на кострах иноверцев, мы, варвары, приютили в стране около ста тысяч испанских евреев...

Когда вы подавляли казачьи бунты, мы приняли несколько тысяч беглых казаков. Потомки тех и других и поныне продолжают жить в нашей стране. Когда европейские монархи расстреливали и вешали европейских революционеров, кровожадные турки предоставляли убежище революционному настроенным французам, венграм, австрийцам, полякам и немцам. И происходило это уже в те годы, когда ваше правительство вероломно отдало европейским властям на расправу польских революционеров. Преследуемый вами поэт Адам Мицкевич искал убежище во всех западных странах и вместе с другими польскими повстанцами получил приют только у варваров-турок. Он и умер здесь у нас, в Стамбуле.

Али-паша помолчал, задумчиво провел ладонью по лицу, потом продолжил:

— Теперь о вас. Сначала вы предложили нам принять двадцать пять тысяч горских семей Западного Кавказа. Мы отказали. Но вслед за ними в нашу империю беспорядочно ринулась полумиллионная масса нищих, обездоленных горцев. Мы не захлопнули двери и перед ними! Однако сейчас вы просите нас принять пять тысяч чеченских семей, но теперь уже диктуете условия, куда и как их нам расселить! В истине, уже со средних веков наша страна превратилась в настоящий Ноев ковчег, в котором спасаются все гонимые христиане, и иудеи, и мусульмане, и просто еретики. Кто же право имеют после всего этого европейцы выставить своих защитников христиан от наших зверств? На самом же деле они оказываются гораздо большими варварами, нежели мы. Ваше правительство и вы сами, дорогой граф, никогда не...

думались над тем, куда поселить эту миллионную массу, которую, как кость собаке, вы швырнули нам. Ведь им потребуются земля, кров, пища! Может быть, скоро и турецкие племена из Средней Азии постучатся в наши двери? Ведь вы жили уже и за них? Мой совет: раз вас так тянет на чужое, помиритесь с народом. Иначе у вас ничего не получится. Нет, не так: земли — вам, народы — нам. Нет, не пойдет, дорогой граф. Мы не примем ваших головорезов-чеченцев. Аллах знает, что они могут натворить у нас здесь!

В зале наступила гулкая тишина. Али-паша удовлетворенно откинулся на подушку и закрыл глаза.

— Не будем ворошить прошлое и анализировать историю, — говорил первым граф. — Не одни мы виноваты в несчастных горцев. Вы тоже потрудились в этом изрядно. И раз взялся за гуж, не говори, что не дюж.

— Нет, граф, вы не в то ушко хотите нитку вдеть. Разве мы разгнали аулы, топтали нивы, убивали скот и людей, заставляя целые народы, до последнего человека, покидать родные горы?

— Зато вы неплохо натравливали их на нас. Тех же чеченцев. А потом, когда они выдохлись, выступили в роли искусителей и своими прокламациями заманили к себе.

— Неправда! Никаких связей с чеченцами мы не поддерживали!

— Не как с западными горцами, но поддерживали!

— Давая обещание, мы имели в виду только незначительную часть чеченцев, но не массовое их переселение.

— Прежде чем открыть шлюз, не лишне взглянуть на уровень воды.

— Послушайте, вы же пошли на открытый обман, сочиняли фальшивые прокламации от турецкого султана!

— Против истины мы погрешили немного. Не сочиняли, а перепечатали с настоящих. Признайтесь, рейс-эфенди, если бы не ваши призывы, разве горцы решились бы на переселение?

— Мы не призывали их и не поощряли. Мы просто не стали закрывать перед ними двери. Однако если бы черная панtera вашего орла не легла на горы, горцы никогда бы не покинули свои сакли.

— То же самое я могу сказать об армянах и балканских племенах, которые, спасаясь от вас, массами переселялись в Россию.

— Но многие потом возвратились назад!

— Горцы тоже возвращаются в Россию.

— Разницы в том, что мы своих христиан, желающих вернуться, принимаем, а вы своих мусульман обратно на родину не пропускаете. Сколько бы с вами ни спорили, граф, я твердо убежден, что нам, туркам, учиться варварству нужно европейцев.

— Пусть так, — устало ответил Игнатъев, тем самым помешив конец весьма нежелательному повороту в переговорах.

Наступила пауза.

«Не переборщил ли я? Ведь они, действительно, вполне могут и отказать, — засомневался вдруг Али-паша. — Что тогда? Прощай, Кавказ? Нет, ни в коем случае... Ради него стоит пойти на уступку. Да и почему бы сегодня не согласиться, а завтра когда чеченцы уже будут здесь, на месте, не сделать по-своему? Оправдание? Где нам выгодно, там и размещаем!»

Али-паша покинул свое мягкое кресло и беспокойно зашаркал по залу, сцепив руки за спиной. Его прямая, стройная фигура военного человека, красиво закрученные черные усы, чуть крупноватый нос на узком сухощавом лице и тонкие сжатые губы, наверное, привлекали внимание не только женщин. Быстрый, подвижный и даже порывистый, Али-паша нравился людям. Игнатъев знал, что соперник его не отличался притворством, хотя и слыл неплохим дипломатом. Али-паша не торопился высказать свое окончательное решение, взвешивал каждое слово, возможно, потому речь его звучала убедительно и в ней не чувствовалось фальши, подвоха.

«Неужели не примут... чеченцев? — вертелась в голове графа одна и та же навязчивая мысль. — Неужели я проваляю первое же возложенное на меня поручение в этой стране? Хорошее начало, нечего сказать. Что подумают в Петербурге? Нет, нужно еще раз попытаться... Либо пан, либо пропал!»

Граф поднялся. Склонил голову в поклоне.

— Благодарю за беседу. Ваш ответ я доведу до Его Императорского Величества, — сказал он. — Глубоко уверен, что ни он, ни кавказское начальство никогда не пойдут на наши условия. Покорнейше прошу извинить меня за беспокойство и за допущенные резкости...

Али-паша сдался.

— Хорошо, — сказал он. — Так и быть, мы принимаем ваши условия. Но с одним уговором: чеченцы едут к нам со

своим имуществом, скотом и оружием, не морем, а су-
хой!

— Не лучше! — обрадовался Игнатъев. — Пусть заберут все
оружие вплоть до кухонного ножа». Он еще раз склонил
голову. Теперь уже в знак согласия.

— Да поможет нам Аллах! — ответил рейс-эфенди.

Таким образом, сделка была заключена.

* * *

В тот же день в далеком Лондоне, в одном из домов на
Грин-стрит тоже шел оживленный разговор и тоже о внутрен-
ней и внешней политике России.

В те годы, пожалуй, на всем земном шаре не было другого
человека, который бы с таким же пристальным вниманием и
интересом следил за событиями на Кавказе, как этот пыш-
но одетый жилец четырехэтажного дома на Мейтленд-парк
Роуд. Кажется, его зоркие черные глаза видели все происхо-
дившее в царских дворцах, дипломатических корпусах, гене-
ральных штабах, в бедных лачугах мастерового, землепашца.
Курчавые, некогда темные густые волосы сплошь покрыл иней
седины. Массивные плечи его были чуть опущены, словно их
придавила какая-то огромная незримая тяжесть...

В тот день, как, впрочем, и во все предыдущие, он заси-
дел до полуночи. Тусклый свет лампы скупо освещал завален-
ный книгами стол, ворохи исписанных бумаг, чуть склонен-
ную набок голову. Тишину в комнате нарушал лишь торопли-
вый скрип пера. Но вот человек откинулся на спинку стула и
встал, закурил папиросу и отошел к окну.
Откинувшись на двойную раму, он некоторое время стоял непод-
вижно, глядя в серый туман Лондона. Потянуло сырым хо-
лодным воздухом. Он поспешно задвинул раму и вернулся к
столу.

*Бесстыдное одобрение, притворное сочувствие или идиот-
ское равнодушие, с которым высшие классы Европы смотрели на
то, как Россия заволадевает горными крепостями Кавказа и
империализм героическую Польшу, огромные и не встречающие
никакого сопротивления захваты этой варварской державы, го-
ловы которой в Санкт-Петербурге, а руки во всех кабинетах
Европы, указали рабочему классу на его обязанности — самому*

овладеть тайнами международной политики, следить за дипломатической деятельностью своих правительств и в случае необходимости противодействовать ей всеми средствами, имеющимися в его распоряжении. В случае же невозможности предотвратить эту деятельность — объединяться для одновременного разоблачения ее и добиваться того, чтобы простые законы нравственности и справедливости, которыми должны руководствоваться в своих взаимоотношениях частные лица, стали бы общими законами и в отношениях между народами...»

Шесть дней и ночей писал Карл Маркс Учредительный Манифест и Временный Устав I Интернационала. И каждый день, при любой погоде, непременно отправлялся сюда, в двухэтажный дом на Грин-стрит, где заседал генеральный Совет Интернационала. Маркс осунулся, забыл о еде и отдыхе. Но и сейчас товарищи упрасивали его пойти домой и отдохнуть, но Маркс остался в доме и после их ухода, так как ждал назначенной встречи с Фридрихом, вместе с которым он должен был обсудить проекты манифеста и устава.

Услышав легкий скрип двери, Маркс поднял голову. Но вошел не Фридрих, а незнакомый человек в широкополой шляпе и с тростью в руках.

— Дорогой Карл! — голос человека был под стать его росту. Он протянул могучую руку. — Неужели, не узнаешь? Я рокотал он радостно, веселыми глазами глядя на Маркса.

— Бакунин! — Маркс горячо пожал протянутую руку. — Какими судьбами? Какая буря занесла тебя в туманный Лондон?

— Ветер странствий, — отвечал Бакунин, не переставая улыбаться.

— Ну идем, голубчик, идем вот сюда, здесь посидим. Маркс подвел его к столу у окна. — Очень рад видеть тебя по-прежнему живым и здоровым. Слышал обо всем, слышал, что увы, — он беспомощно развел руками, — помочь не мог. Присаживайся, рассказывай!

Кресло жалобно скрипнуло под тяжелым Бакуниным.

— Спасибо, Маркс, от всей души спасибо. Правду сказать, я уж было попрощался с белым светом. Три тирана с равнодушием палача делали все, чтобы я больше не увидел вас, своих товарищей. А ты, дорогой Карл, — Бакунин

только приглядывался к нему, — стал почти белым. Где же твои черные кудри, которым я так завидовал?

Неудачными были эти годы для Маркса. Смерть детей и постоянная материальная нужда еще одним тяжким бременем легли на его плечи. Но он не стал об этом говорить.

Тюрьма... она повсюду, Михаил... Люди страдают не только за железными решетками. — Он вынул из кармана пачку сигарет, положил на стол. — Вся Европа стала огромной тюрьмой. Шесть лет прошло с тех пор, как мы виделись в последний раз? Время немалое. А работы по горло. Ну, чему тебя удивляет твой «учитель»?

Еще какие учителя! — вскричал Бакунин, разглаживая свои усы. — Как драгоценную реликвию передавали с рук на руки. Потерять боялись.

Тупой характер Бакунина чувствовался во всем: и в грубом боссе, и в богатырском росте, и в лукаво прищуренных глазах. С широким лицом и пышной бородой, спускавшейся на мощную грудь, он походил на ярмарочного кулачного бойца.

В тридцатые годы Бакунин примкнул к революционным демократам, а в сороковые стал непримиримым врагом русского царя. Царизм заочно приговорил его к лишению всех прав на состояние и к ссылке на каторгу. В Россию Бакунин не вернулся. В дни германской революции он был одним из главных руководителей восстания в Дрездене. После подавления восстания Бакунина поймали, и саксонский суд приговорил его к смертной казни, замененной позже пожизненным заключением. Затем саксонцы передали его австрийскому правительству, которое, в свою очередь, тоже приговорило его к смертной казни, тоже заменив ее пожизненным заключением. Теперь уже австрийцы передали Бакунина в руки русского императора Николая I, который поначалу заключил Бакунина в Шлиссельбургскую крепость, а затем сослал в Сибирь. Три года назад Бакунин бежал оттуда и через Японию и Америку добрался до Лондона.

По возвращении в Англию Бакунин некоторое время жил в доме Герцена, и Маркс не смог с ним встретиться. Несмотря на диаметрально противоположные взгляды Бакунина, Маркс искренне любил его, и сегодняшняя встреча была ему очень приятна и важна. Хотя царизм и явился крепкой и надежной опорой

международной реакции, Маркс все же верил в будущее России и предвидел, что туда рано или поздно сместится центр международного революционного движения. Поэтому для него много значила связь с русскими революционерами.

Маркс предложил Бакунину закурить.

— Кури, — и сам сделал глубокую затяжку. — Надо что-то нам?

— Немного побуду.

— Может, останешься здесь совсем?

— Мы с женой выбрали Италию.

— Как долго думаете пробыть там?

— Пока трудно сказать, но с годик проведем. Надо силы восстановить.

Маркс с минуту молчал, глядя на огонек папиросы.

— Ну, а в России что нового?

— Тебе лучше знать. Разве твоим корреспондентам нечего сообщать?

— Сообщают. Дела не ахти. И все же тебе больше известно о своей родине, дорогой Михаил. Польское восстание потушено в крови. Покончено и с кавказскими горцами. Полмиллиона черкесов прогнали за море, в Турцию. Русского мужика, недовольного реформой, усмиряют огнем, шпильцами и розгами. Короче говоря, русский царизм достиг своих вершин. Где ты думаешь найти себе применение?

Бакунин ответил не сразу.

— Мне по душе ваша организация, — сказал он. — И я с большой охотой в нее вступлю. После польских событий я твердо решил присоединиться к социалистическому движению.

Маркс долго и испытующе глядел на своего собеседника.

— Намерение похвальное, — проговорил он без особого энтузиазма. — Мы с Энгельсом были бы только рады, если бы вы с Герценом вошли в Интернационал. Но... — Маркс сделал паузу, как бы раздумывая о чем-то, — нам нужны только интернационалисты.

Бакунин с силой вдавил недокуренную папиросу в пепельницу, закинул ногу на ногу.

— Это что же получается? Мы с Герценом не интернационалисты?

— В некотором смысле... не интернационалисты. — Маркс сделал ударение на последнем слове. — Герцен от начала до

панславист. И ты, дорогой Михаил, недалеко от него

В этом смысле я, кажется...

Маркс покачал головой, не дал ему договорить:

Нет, Бакунин, заблуждаешься. Твои призывы к славянам и том, чтобы сблизиться с немцами и венграми, не делают тебя интернационалистом. Ты не принимаешь во внимание революционные силы и гегемонию пролетариата. Твой "христианский социализм" — утопия чистейшей воды. А твой проект о создании славянской федерации не только плох, но и просто преден.

Почему? — удивился Бакунин.

Невозможно создать славянскую федерацию, не стерев карты Европы Турцию, Венгрию и половину Германии. Отделенные от них территории пришлось бы присоединить к России.

В этом видится двойная выгода, — возразил Бакунин. — Во-первых, освобождение славян от турецкого и австрийского ига, во-вторых, ослабление Австрии и Турции.

А последствия? — Маркс встал и оперся обеими руками на край стола. — Ты подумал о них? Ведь тогда во главе славянской федерации встанет царская Россия. Значит, силы ее увеличатся. Добившись же такого результата, панславизм не сможет обеспечить своего будущего иначе, как путем покорения Европы. Ведь панславизм из символа веры превратился теперь уже в политическую программу и, имея в своем распоряжении восемьсот тысяч штыков, ставит Европу перед альтернативой: либо ее покорение славянами, либо полное разгромирование центра ее наступательной силы — России!

Бакунин внимательно слушал.

Мне очень обидно, — продолжал между тем Маркс, — что вы закрываете глаза на события, которые происходят у вас на родине и не придаете им должного значения.

Герцен и я, — живо отозвался Бакунин — сделали все возможное, чтобы помочь Польше. Постарались обнажить и показать всему миру истинное лицо внутренней и внешней политики царизма. Думаю, это кое-что означало для революции?

Знаю и благодарю вас за это. Но Кавказ? Разве то, что происходит сейчас там, вас не интересует? Дорогой мой, самыми серьезными событиями в Европе с 1815 года я считаю польское восстание и завоевание Кавказа.

На лице Бакунина отразилось недоумение.

— С поляками понятно, — сказал он. — Но зачем ставить в один ряд с просвещенными поляками.

Маркс от души расхохотался:

— Эх, головы! По-вашему выходит, все революционеры должны иметь университетское образование? Как тебя прикажешь понимать? То давай одних только образованных, то строишь социализм силой одних лишь русских крестьян. Не кажется ли тебе самому, что все это, как бы выразиться точнее, несколько странно выглядит?

— А революционное сознание народа?..

— Не понимаю тебя. Неужели ты в самом деле считаешь, что вольные, свободолюбивые горцы менее сознательны, чем русские крепостные крестьяне, которых помещики тоже не ками держали в темноте и невежестве?

Бакунин хмыкнул:

— С тобой невозможно спорить, Карл. У тебя, как у врача, на все готовы рецепты.

Лицо Маркса стало серьезным и немного печальным.

— Михаил, дорогой мой, у вас, у русских революционеров, один общий недостаток: вы интересуетесь только своими, чисто русскими делами, а уже потом — делами славян и прочих.

— Начинать-то нужно со своей избы. Все сказанное тобой, Карл, я не могу отнести на свой счет. Я участвовал в нескольких европейских революциях.

— За это я и признателен тебе. Никто не спорит, что человек ты незаурядный, смелый, мужественный и глубоко преданный революции. Все это верно. Но идейные ошибки, дорогой мой, идейные ошибки могут дорого обойтись. Хочется верить, что со временем ты их и сам увидишь. Но не опоздаешь ли? И уж поскольку речь зашла о России, а ты занял в своем решении включиться в социалистическое движение, то и давай вернемся к этим вопросам. Конечная цель коммунистов — построить коммунистическое общество, дать счастье всем народам. Но чтобы достичь этой цели, народам мира, а в первую очередь — мировому пролетариату, необходимо объединиться. Только в единении он сможет уничтожить реакционную силу. А к этому и призывает девиз коммунистов "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" И ни коммунисты

финансисты просто не имеют права делить народы по расам и вероисповеданиям, работать лишь с одним крестьянством и с одними промышленными рабочими!

О том же и я говорю. Только нужно сперва навести порядок в своем доме.

Постой, постой, — Маркс движением руки остановил меня. — Дойдем и до этого. Как известно, Россия — страна, привыкшая к завоеваниям, и она была ею в течение целого столетия, пока движение 1789 года не породило ее грозного противника, я имею в виду европейскую революцию. Начиная с этого времени на европейском континенте существуют истинно только две силы: с одной стороны — Россия и царизм, с другой — революция и демократия. Победа русского царизма неизбежно повлечет за собой поражение революции, и наоборот, поражение царизма — это наша всеобщая победа. Борющиеся кавказские горцы в течение многих лет отвлекали на себя значительные силы царизма. Россия постоянно держала на Кавказе минимум триста тысяч солдат. А ведь это огромная помощь и европейской революции, и русским крестьянам, которые борются за свои человеческие права. Вот почему вы, революционеры, должны приотказаться, поддерживать любые силы, выступающие против русского царизма.

По моему, дорогой Карл, все мы от души желали поражения русскому царизму в Польше и Венгрии.

Не спорю. Однако опять-таки суть проблемы не в этом. Мне хочу сказать, что отношение к революции, а точнее, само отношение о революции у вас какое-то однобокое. Не всегда вы желаете поражения русскому царизму. Взять хотя бы последнюю войну, русско-турецкую. Она с обеих сторон носила непримиримый характер, но все же я от всей души желал поражения именно России. Как я сказал, победа ее — это победа непримиримого врага революции и демократии. Слава богу, этого не произошло. Но как восприняли поражение России вы, русские революционеры? Да стали воспевать отличившихся генералов! Удивительное дело, вы, верные сыны своей родины, чувствуете мужикам, беспощадно клеймите крепостное рабство, поднимаете голос в защиту славян, поддерживаете восставших греков, болгар и сербов. Почему? Да потому, что они жили с вами веры и восстали против Турции, давнишнего

врага России. Слушай, слушай внимательно, Бакунин! Маркс устало провел рукой по лицу. — И что же происходит далее? А далее получается парадокс. Форменный парадокс! Вы равнодушно взираете, хуже того, приветствуете победу русского царизма над кавказскими горцами. Ведь вы в сущности, оправдываете варварство. Или ты не согласен с мной? Я что-то не слышал слова русских революционеров о защите горских племен, уже изгнанных и вот опять, опять изгоняемых в Турцию. Не ошибусь, если скажу почему. Да потому, что они не вашей крови, потому что они другой породы. Они — азиаты. А потому и относиться к ним следует, как к азиатам и по-азиатски. Нет, Бакунин, твои революционные взгляды, ох, как далеки от коммунистических идей! Ох, как далеки!

Их беседу прервал вошедший Энгельс.

— Ого! Бакунин здесь? Вот это хорошо!

Не подав руку Бакунину, Энгельс повесил свою шляпу и трость на вешалку, сел в свободное кресло.

— Разве вы виделись? — спросил Маркс.

— Да. В полдень мы нос к носу столкнулись с ним на улице, — ответил Энгельс. — Вижу, уже здорово спорили? Или чем?

— Карл недоволен мной. И не только мной, а и всеми русскими революционерами. Пожалуй, и всей Россией он недоволен.

Энгельс взглянул на друга.

— Такого у меня и в мыслях не было. С чего он начал покачал головой Маркс. — Я очень высоко ценю и Россию, и русских революционеров.

Бакунин удивился:

— Ты же только что меня убеждал в том, что силой крестьян в России построить социализм невозможно!

— Я повторю это. Силой одних крестьян невозможно эту революцию совершить, ни социализм построить. Чтобы привести к этим целям, нужна другая сила — пролетариат.

— И поскольку в России пролетариата нет, наша борьба бесплодна?

— Ничуть. Колесо истории вертится, и ничто не может остановить его.

Энгельс вмешался в их разговор:

Просто, Бакунин, ты не видишь или не хочешь видеть эти изменения, которые происходят на твоей родине, — с ка-
ким — Причина в том, что ты давно оторвался от нее. Да,
Россия пока еще чисто крестьянская страна, но она
уже ступила на путь капитализма. И я убежден, что Россия в
ближайшем будущем станет играть наиболее важную и
значительную роль. Уже до войны она находилась в состоя-
нии банкротства. В общем, мы имеем налицо все элементы
русского 1789 года, за которым неизбежно последует 1793 год.
Вам зреет революция, и вспыхнет она довольно скоро. Вот
она революция и потащит за собой крестьян, тогда вы увидите
такие сцены, перед которыми побледнеют сценки девяносто
пятого года. А раз дело дойдет до революции в России —
значит, меняться и лицу всей Европы.

Бакунин отрицательно покачал головой:

— Не надо! У царизма огромная сила, дорогой Фридрих.
Еще мне надолго хватит.

— Она прогнила изнутри. Что делать, старая Россия была
до сих пор огромной резервной армией европейской реакции.
Именно играла эту роль почти во всех революциях. Но
теперь революции породили в Европе грозные силы, направ-
ленные против нее. Вот с ними царизму уже не справиться.
Не только в Европе, а в своем доме, у себя, в России. Избе-
жать революции русское правительство будет просто не в со-
стоянии, даже если ему и удастся задержать ее на год или два.
И русская революция будет означать уже нечто большее, чем
просто смену правительства в самой России. Она ознамену-
ется исчезновением огромной и неуклюжей военной держа-
вы, которая со времен французской революции стала стано-
виться хребтом объединенного европейского деспотизма. Сло-
вом, она ознаменует такое изменение во всем положении Ев-
ропы, которое рабочие всех стран будут приветствовать с ра-
достью, ибо это будет гигантский шаг на пути к их общей
цели — к всеобщему освобождению труда.

— Слава Богу! — облегченно вздохнул Бакунин. — Хотя
еще, возможно, с нас снимут позорную кличку европейско-
го калшарма!

— Ускорение процесса зависит от вас самих.

— Опять мы! — пожал плечами Бакунин. — Нас же обви-
няют и в угнетении народов России. Но мы же не несем и не
будем нести ответственности за преступления правительства!

— Я же не сказал, что в России, кроме угнетения персских народов, ничего не делают полезного для прогресса, — сказал Энгельс. — Кстати, об ответственности народа за политику своего правительства. Натравливать народы друг на друга, чтобы таким образом продлить существование абсолютной власти, — вот к чему сводилось и сводится искусство и деятельность всех существовавших и существующих дворов правителей и их дипломатов. Особенно отличалась в этом отношении Германия. За последние семьдесят лет, если углубляться в более отдаленное прошлое, она за англичан золото предоставляла британцам своих ландскнехтов для войны с североамериканцами, боровшимися за свою независимость. Когда вспыхнула первая французская революция, опять-таки именно немцы дали натравить себя, как сворванных собак, на французов. Это они в свирепом манифесте герцога Брауншвейгского грозили, что не оставят от Парижа камня на камне. Это они вступили в заговор с эмигрировавшими дворянами против нового порядка во Франции, получив за то мзду от Англии под видом субсидий. И когда голландцев впервые за последние два столетия мелькнула разумная мысль о том, чтобы положить конец безумному заплыванию Оранской династии и превратить свою страну в республику, палачами свободы голландцев выступили опять-таки немцы.

Швейцария тоже могла бы немало порассказать о соседстве немцев; что касается Венгрии, то она очень нескоро оправится от бедствий, принесенных ей Австрией и германским императорским двором. Даже в Грецию посылались батальоны немецких наемников для поддержания там крохотного трона любезного Отто, даже в Португалию посылали немецких полицейских. А конгрессы после 1815 года, походы Австрии в Неаполь, Турин, Романью, заточение Ипсиланты, порабощательная война Франции против Испании, затеянная под давлением Германии, поддержка, которую Германия оказывала дону Мигелю, дону Карлосу, ганноверские войска, служившие орудием реакции в Англии, расчленение Бельгии и ее терридоризирование в результате немецкого влияния! Даже в самой глубине России немцы являются оплотом самодержавия и мелких деспотов! Короче, вся Европа, да и Россия тоже наводнена кобургами!

Итальянец не мог сидя выплеснуть весь накопивший гнев. Он встал и, заложив руки за спину, начал быстрыми шагами ходить по комнате.

Польша ограблена и расчленена с помощью немецкой революции, ею же предательски задушен Краков. Ломбардия и Венеция порабощены и доведены до полного истощения с помощью немецких денег и немецкой крови. Освободительное движение по всей Италии раздавлено при прямом или косвенном участии Германии, с помощью штыков, виселиц, камер, галер. Перечень грехов немцев гораздо длиннее, и лучше прекратить зачитывать его! Но вина за все эти гнусности, совершенные с помощью Германии в других странах, падает не только на немецкие правительства, а в значительной степени и на немецкий народ. Не будь его ослепления, его рабского духа, его готовности играть роль ландскнехтов и “благодарных” палачей, служить орудием господ “божьей миссии”, не будь всего этого, и слово “немец” не произносилось бы за границей с такой ненавистью, с такими проклятиями, а порабощенные Германией народы давно бы достигли нормальных условий свободного развития. Германия станет свободной в той же мере, в какой предоставит свободу соседним народам. Невозможно осуществлять демократическую политику вовне, когда внутри демократия скована по рукам и ногам. Таким образом, дорогой мой Михаил, кто пытается возложить на народ ответственность за преступления, совершенные его правительством, глубоко ошибается.

Поварилась глубокая тишина.

Вы правы, Фред, — сказал Маркс. — В истории человеческого существования нечто вроде возмездия, и по закону исторического возмездия его орудие выковывает не угнетенный, а сам угнетатель. Первый удар, который был нанесен французской монархии, исходил от дворянства, а не от крестьян. Восстание в Индии начали не измученные и обобранные до нитки англичанами райяты, а одетые, сытые, выхоленные, откармливаемые и избалованные англичанами сипаи. Колонизаторы сами себе роют могилы в своих колониях. Что же касается немецкого народа, то, боюсь, ему еще не раз придется раскапываться за свое ослепление и рабский дух.

Ничего не поделаешь, друзья! — Бакунин протянул руку. У каждого свои идеи, свои принципы. Как говорится, каж-

дому — свое. Однако переучиваться никогда не поздно. И
правлюсь!

— Будем рады. Возможно, до отъезда нам не придется сви-
даться. Так позволъ пожелать вам с супругой счастливого пути.

— Спасибо. Передайте от меня большой привет семьям.

Когда Бакунин вышел, Маркс грустно покачал головой.

— Хороший, бедный Бакунин. Его только могила исцра-
вит...

ГЛАВА III

ЗИМА ПЕЧАЛИ

Чтобы судить правильно о характере и уме какого-либо народа, нужно знать, что терпел его чувствующий организм в былые годы, какие ужасы и нравственные потрясения пришлось ему пережить и что затупляло его мысль и чувство.

Н. Шаргунов

В доме Шахби полно гостей. Во дворе в трех огромных чугунных котлах варится мясо. Запах его разносится по всему аулу, голодные собаки сбегают сюда со всех сторон в надежде полакомиться хоть чем-нибудь. Сейчас они грызутся перед собой в саду, где днем резали бычка-трехлетку. Оттуда вьющийся ветер и доносит их злобное рычание.

Дети же сгрудились вокруг котлов, не спуская нетерпеливых и жадных глаз с жирных кусков мяса, которые то показывают на поверхности, то вновь исчезают в кипящей воде. Членов им старший у котла, они бы за мясом в кипящий котел полезли. Но тот, под устремленными на него молящими взглядами, спокойно собирает и сбрасывает накипь, прожаривает, определяя, сколько времени мясу нужно еще вариться, сбрасывает поленья в огонь. Нет-нет да и сжалится он над детьми и кинет им тощий кусок. Они же, голодные, в считанные секунды разрывают его на мелкие кусочки и долго с наслаждением жуют. Конечно, потом всех их накормят по поводу такого события, но это еще когда будет! Да и наешься ли досыта...

Обычно в это время в ауле тихо. Окна почти не светятся. Впрочем, и ярких-то окон почти не найдешь, и если смотреть с другого берега Аксая, то едва ли насчитаешь больше десятка. Но сегодня особенный день, сегодня в доме Шахби окна горят ярче всех, сегодня в доме Шахби молвад.

Комната для гостей и сени до отказа забиты людьми. Небопытные облепили даже окна, прильнули к ним, не обращая внимания на пронизывающий холод. Из полутемной комнаты в открытые двери бьет теплая волна воздуха, перемешанного с горько-кислым запахом пота. Там, в гостиной муляжи собрались сегодня все гатияуртовские мюриды Кунта-Хаджа. И старые и молодые. Среди них есть и несколько женщин.

— Уллилах!

— Уллилах!

Зикр только начался. Мюриды, в исступлении кидаясь то вправо, то влево, медленно бегут друг за другом. Со стороны кажется, что это не они кружат по комнате, а комната вертится вокруг них. Совершается за кругом круг, мюриды сбрасывают с себя шубы, черкески, бешметы. Пот ручьями течет по лицам, рубахи на спинах взмокли, хоть выжимай, но сами мюриды словно и не замечают этого.

— Уллилах!

Среди зикристов особо выделяются два гостя: один своей тучностью — эта мичикский Мада, другой — билтинский Нуркиши, своей худобой. Вытянутым бледным лицом и острым взглядом выцветших карих глаз он похож на отошавшего козла. Дородному Мада не под силу совершать столь головокружительные движения. Он тяжело дышит и, мысленно обращаясь к небу, просит Всевышнего дать ему силы. Нуркиши, наоборот, кружит легко. Ему до усталости еще далеко!

— Уллилах!

Круг начал обратное движение.

— Уллилах!

Молодые мюриды, не уместившиеся в кругу, стоят у дверей, раскачиваются в такт зикра.

— Уллилах!

Один из стоящих во дворе вошел в экстаз и побежал по двору, описывая большой круг и оставляя глубокий след на рыхлом снегу. Его примеру последовали другие, теперь уже во дворе образовался новый вращающийся круг. Мюриды, стоявшие в сенях, выбежали на холод и вошли в людское помещение.

— Изгнанник Киши!

— Хаджи Киши!

— Приди на помощь!

Где уж тут устоять женщинам! Подоткнув полы длинных платьев, и они влетают в круг.

Ущиплах!

Громче, братья!

Все двор и дома дрожат от неистового топота. Из-за игры света, лиющегося из окон, и отблесков костров во дворе кажутся, что прыгают не люди, а чьи-то зловещие тени. Дети испуганно жмутся друг к другу, глядя на испуганные лица взрослых. А ведь, действительно, впечатляющая картина. И все это на морозе, под свист ветра, крики мужчин и плач женщин.

Все мюриды: и те, кто во дворе, и те, кто в комнате, одновременно прерывают бег. Но они еще очень долго не могут прийти к себе, стоят, раскачиваясь, и хрипло повторяют как во сне:

Ущиплах!

Ущипли мюриды, охрипли, измучились. Бороды взмокли. Ноги отвалили с них, застывая глаза. У разных лиц — разные выражения: с кровавыми прожилками; беспомощные и покорные, с мольбой устремленные в небо; усталые, с бессильно опущенными веками.

После зикра сам Аллах велел подкрепиться. Молодые мюриды расставили пищу, появились дымящиеся куски мяса, фаршированные кувшинчики с вкусной гурмой*. Все это от костров в холлов до комнаты, где расположились мюриды, передавалось из рук в руку. То и дело слышалось:

— Ишарка, подай гурму.

— Ахмед, передай ложки.

— Сискал принесите.

Наконец-то дождался своей очереди и Мачиг. Долго и терпеливо он ждал. Но продлилась эта карусель еще немного, и он уже был без сил. Да простит его Аллах всемогущий за то, что вынул его и глаза во время зикра были обращены в сторону костров, откуда так вкусно пахло. Да и то сказать, желудок Мачига, ничего в нем за два дня не побывало, кроме горстки муки из сушеных груш. Но какая это еда, разве она успокоит душу? Не зря же во время молитвенных поклонов он чувствовал что-то странное в желудке, что вызвало резкую боль, от которой временами темнело в глазах. Но он тогда тешил себя надеждой, что зикр в конце концов кончится, и тогда он сможет сытно поесть. Мачиг забывался и кружил так, словно в него вселился злой бес.

* Гурма — жаркое (чеч.).

И Мачиг, и его ровесники не попали в комнату для почетных гостей, не посадили их и с более молодыми, а поместили совершенно отдельно, в холодной кладовой. Мачиг пошел первым, остановился посередине, окинул быстрым взглядом помещение, где ему предстояло отужинать, и остался доволен. Именно такая комната ему была нужна: полутемная, тихая, без любопытных глаз. Коптилка с фитилем, сделанным из смоченной в животном жире тряпки, светила еле-еле, зато дымила вовсю. Осторожно переступив через деревянные чурки, которые должны были служить вместо стульев, он приблизился в дальний, самый темный угол и, довольный собой, стал ждать. Вскоре перед ним появился шун*, в середине которого стояла большая глиняная миска с гурмой, обложенная кусками сискала. Над миской висел густой горячий пар, пахотававший ноздри острым ароматом душистых трав. Но, пожелав, больше всего волновали Мачига куски мяса в гурме.

Все тело, все клеточки его истощенного организма требовали пищи, но Мачиг до нее не дотрагивался: начинать трапезу должен старший, хотя это старшинство могло и всего лишь быть в нескольких днях. Таков обычай, и нарушать его не вправе никто. Иначе потом что только о тебе не станут говорить люди. Ославишься на весь аул, а то и на всю Чечню, но допусти того Аллах!

Наконец самый старший, Гойтемир, протянул руку и сказал: "Бисмилахи рахмани рахим", — разрешая тем самым приступить к еде. Но и теперь Мачигу приходилось сдерживаться. Некрасиво, когда человек сразу и жадно набрасывается на еду. Взял кусок сискала, неторопливо откусил твердую оболочку, не прожевав как следует, запил гурмой. О том, как голоден Мачиг, можно было судить по его готовности проглатывать сискал огромными кусками. Но еда застряла у него в горле, когда он вдруг вспомнил детей, которые сейчас сегодня не ели, кроме такой же муки, от которой он неизменно страдал...

Мачиг оглядел товарищей. В их глазах он прочел ту же грусть. Мачиг подумал, а не спрятать ли ему несколько кусков за пазуху? Нет, нельзя, увидят, лучше не позориться. И ведь и оставлять детей голодными на ночь — тоже большой грех! Правда, у него уже есть кусочек пшеничного хлеба, кото-

* Шун — низкий столик (чеч.).

он достался ему после зикра. Но он такой маленький, что даже ребенок может его проглотить сразу за один раз. А дома есть и поостеро... "Что останется, то спрячу и отнесу домой", — решил Мачиг и успокоился.

Порядок еды на столе становилось все меньше, и каждый из его товарищей, бравший со стола очередной кусок, стал испытывать в нем глубокую злость и даже ненависть. Он сам выискивал в миске, надеясь отыскать хоть несколько кусочков мяса, — не нашел. "Наверное, принесут еще", — подумал он.

— Ты почему не ешь, Мачиг? — спросил Гойтемир, видя, как он надулся. — Небось, не нанесем большого урона Шахби, если сегодня хорошенько поедим. Ведь не часто пригласят нас угощаться в доме нашего муллы. Эй, кто там, Мачиг, принеси-ка еще что-нибудь.

Мачиг как раз проходил мимо, держа обеими руками большой кусок с гурмой. Он вновь наполнил их миски и принес им еще сискал. Воспрянувший духом Мачиг с новой энергией принялся за еду: "Теперь уж останется. Не смогут же они съесть все". Однако сердце его не успокоилось до тех пор, пока товарищи не поднялись, сказав: "Алхамдуллила, да не оставят Аллах без пищи ни мусульманина, ни христианина".

Он незаметно спрятал за пазуху три куса сискала, а затем направился туда же и оставшееся мясо. Мясо было горячее и пахло свиной грудью, но Мачиг терпел. Теперь ему не стыдно было посмотреть детям в глаза. Скорее бы только люди начали разговаривать, чтобы можно было спокойно пойти домой. Мачиг набрался терпения и стал ждать.

* * *

После мовляда в доме Шахби остались только мюриды Дингар Хаджи. Хотел было уйти и Мачиг, но любопытство взяло верх, и он решил задержаться. Слухи-то носят по аулам один за другим. Чего только люди не говорят. Одни утверждают, что с наступлением весны всех мужчин заберут в солдаты, и там их будут кормить свининой и сделают гяурами. Другие догадывались, что всех скоро сошлют в Сибирь, а на их место расселит русских. И ведь не случайные люди разносят эти слухи, а всем хорошо известный Сайдулла, сын Таша. И еще он зовет всех в Турцию. Туда же собирается и старший князь Муса Алхазов и орстховец Алихан, сын

Цуги. Собираются со всеми своими родственниками. Нет, они не хотят есть свинину и пить водку, не хотят, чтобы их женщины были наложницами у гяуров. Эти слухи очень волновали Мачига, и он чутким ухом прислушивался к каждому слову в доме Шахби, где сегодня собрались весьма знающие люди. Вот почему остался Мачиг, пожелавший послушать, о чем они поведут речь.

Вон толстый Мада из Мелчхи — самый близкий великий уртаза. Рядом с ним сидит известный в Ичкерии оратор Нуркиши Бильтинский. Неспроста же они прибыли в Гати-Юрт!

Народ толпился у дверей в соседней комнате, каждый старался глянуть на гостей, все вытягивали шею или поднимались на носки. Длинный же Мачиг на сей раз имел преимущество: он хорошо видел всех собравшихся.

— ...и в день смерти твоей в узкую лахту* к тебе явятся Мункир и Некир. И спросят они: “О, раб Аллаха, сын Адама, где ты был и что ты делал, когда на земле правверных страдала вера Бога?” Что ответишь ты им? Сознаешься в беснелии своем против неверных? А они спросят тебя: “О, раб Аллаха, сын Адама, почему не удалился ты в другие земли, свободные от неверных, и там не исполнил заповеди Бога, подобно пророку Мухамаду?” И божий суд пошадит только тех, кто, оставив дом, покинет места, где угнетается вера, кто не слушается, тот будет гореть в аду...

Умный человек Нуркиши, хорошо говорить умеет и красиво. В глазах у Нуркиши горе и отчаяние. И скорбь и гнев у Нуркиши. Настоящая скорбь. Это хорошо видит Мачиг, и потому и верит каждому его слову...

— И когда наступил такой день, адыгейские племена, все до одного, с семьями, отправились в Хонкару***. Только жиды не поехали. Потому что поверили в нашу силу, в нашу храбрость, в неприступность наших гор и лесов. И что же случилось? Нашу страну разорили. Кто думает, что земля, на которой мы ютимся, принадлежит нам, тот заблуждается. Нет, братья мои, теперь эта земля не наша. Увели неизвестно куда уртаза Киши-Хаджи и всех славных защитников ислама. Власть решили с наступлением весны выслать нас в Сибирь, а на

* Лахта — ниша в могиле, куда мусульмане кладут покойника.

** Хонкара — Турция (чеч.).

на этих землях разместить неверных, которые осквернят могилы наших предков. А в Сибири, если не дети наши, то наши внуки станут христианами, забудут родной язык и обычаи отцов. И теперь у нас есть только два выхода: подняться на гору и погибнуть или же уйти в Сибирь...

Какая-то женщина всхлипнула за спиной Мачига, кто-то тихо заплакал.

Так что же нам делать? — с притворным отчаянием воскликнул Товсолт. — Допустим, те, кто может держать в руках меч, погибнут. А останутся еще дети, старики, женщины. Но то куда же деваться? Кто их защитит от гяуров?

Мы их уничтожим своими руками, а сами погибнем в бою, — раздался чей-то голос.

Чтобы поднять народ на газават, нужны вожди. А мы остались без головы. Кого убили, кого сослали в Сибирь, кто перешел к гяурам.

Нуркиши спокойно выслушал всех, затем возобновил свою речь.

Всемогущий Аллах через своего пророка Мухаммада, да помилует Аллах милостив к нему, в священном Коране сказал: Не убивайте созданных мною жизни, если есть возможность сохранить их". А разве у нас такой возможности нет? — седые волосы Нуркиши поднялись вверх. Чуть наморщив высокий лоб, он вопрошающе оглядел сидящих вокруг. — Создатель живого и неживого, всемогущий Аллах говорит: кто следует примеру пророка Мухаммада, тот в завтрашний день предстанет перед ним с чистой душой, а он окружит его великими почестями. Однако, говорит Аллах, кто, обманувшись в этом бренном мире (все равно когда-нибудь ты покинешь его), испугавшись смерти (все равно тебе не миновать ее), покорится гяурам, того он накажет...

Молчавший до сих пор Мада свернул четки, спрятал их в карман бешмета и, держа руки ладонями вверх прямо перед собой, шлолголоса пропел: "Во имя Аллаха милосердного и милостивого... — и, слегка коснувшись руками лица, важно поднял пышную бороду. — Аминь!"

Братия! Я хочу указать вам третий путь, — торжественно, будто с минарета, начал свою речь Мада. — Аллах обязывает нас, улемов, говорить только истину. Если мы вам не расскажем сегодня, то завтра Аллах спросит нас, почему мы

не исполнили его волю. Поэтому мы объявляем вам, что решение наше в Хонкаре, где падишах — правоверный мусульманин, где полная свобода исламу. Мы никого не принуждаем, а только призываем последовать примеру других. Как вам известно, вместе со своими семьями собираются в Хонкару Сайдулла, Алихан, улемы Боташ, Хадис, Жабраил и многие другие. Люди известные и почитаемые во всей Чечне. Они переселяются не потому, что бедствуют. Нет, они побуждают нас с вами. И не потому, что терпят насилие со стороны правителей: они у них в почете. Они переселяются потому, что предвидят страшное будущее своих братьев, сестер и детей. Тут переезжает и брат Киши-Хаджи, Мовсар. По воле Аллаха в Хонкару отправляют Киши-Хаджи и всех его векилей, татари сосланных в Сибирь вместе со своим устазом. Переселяются и я, и Нуркиши, которого вы видите перед собой.

Многое из того, что сообщили Нуркиши и Мада, не было известно гатияуртовцам. Слухи, правда, доносились, но не поверит слухам? Мало ли их ходит по аулам. А вот сегодня в правдивости их убедились воочию. Улемы не могут обманывать, ибо не имеют на то право слуги Аллаха.

— Вы-то поедете, Мада, а что делать нам, беднякам, у которых нет ничего? — невольно вырвалось у Мачига. — Дети наши ложатся спать голодными. Дома ни зернышка. Мало ли что в дороге случится, да еще и одеться нужно, обуться.

— И что будет с нами потом, если и доберемся мы туда? — поддержал Мачига стоявший рядом Ибрагим.

Мада открыл было рот, чтобы ответить, но Шахби его опередил:

— Оставайтесь! Вас никто не неволит! Разведете свиноматок. Работать, чтобы купить жене шаровары, ведь русские матушки шаровары не носят, вам уже не нужно будет, сыновей своих отправите в солдаты, дабы избавиться от лишних ртов. Живите спокойно.

Мачиг оскорбился от слов Шахби, собрался было дать достойный ответ, но вовремя сдержался, вспомнив, где он находится. Шахби — хозяин, и он, Мачиг, только что встал из-за его стола.

— Это тебе смешно, Шахби, нам же не до смеха, — упрямился он тем не менее Мачиг. — Мы хотим услышать настоящий совет.

— Точно! — продолжал Мада. — Обманывать вас я не стану и не собираюсь. Действительно, беднякам придется очень трудно. Возможно, труднее всех. Но могу заверить в одном: тому, кто доберется до Хонкары, раскаиваться не придется. Падишах считает нас своими братьями по вере и готов нам помочь. Вот, у меня есть письмо от него, — Мада достал из внутреннего кармана бешмета сложенный вчетверо лист бумаги и протянул его Шахби.

Шахби письму не удивился. Вероятно, он его уже держал в руках и даже читал. Развернул, быстро пробежал глазами, передал одному из аульчан. Тот, увидев арабский текст, торопливо прошептал: “Бисмиллахи рахмани рахим”, долго и внимательно разглядывал печать внизу, потом так же молча передал письмо дальше. Письмо переходило из рук в руки, пока не вернулось в карман бешмета Мади.

В этом письме падишах Хонкары Абдул-Межид зовет нас к себе вместе с семьями. Он уже распорядился выделить для нас земли, наши братья по вере уже начали строить для нас дома. Советует, чтобы мы тронулись в путь с наступлением весны. Первое время нам не нужно будет беспокоиться о еде, он обещает дать его безвозмездно. Он также обещает защитить нас и не облагать нас налогами, пока не станем на ноги.

Мада говорил долго и нудно, по несколько раз повторял одно и то же, словно боялся, что смысл письма дойдет не до конца. Когда он, наконец, умолк, послышался голос Ибрагима:

— И не уверен, Мада, можно ли верить этой бумаге. Бумага, она и есть бумага. Но даже поверив ей, как можно отправиться в такую даль? Страна-то чужая... Не знаю, Мада... Новет, и что не так говорю... Только все адыги, переселившиеся туда в прошлом году, умерли от голода и болезней. Такое может и с нами случиться.

С адыгами совершенно другое дело, — вмешался Нурдин. — Во-первых, прижатые русскими войсками к морю, они бежали огромной и беспорядочной массой. В Хонкаре же, естественно, никто не ждал, а потому их и не смогли встретить как следует. Представьте, к нам, в нашу страну неожиданно прываются сотни тысяч голодных, оборванных, больных людей. Среди них в основном женщины, дети, старики. Чем можем мы сделать сразу? Войдем в положение падишаха Хонкары. Конечно, он мог и хотел помочь, но не успел. А про

нас он уже знает. В прошлом году Кундухов Муса съездил в Хонкару и обо всем договорился с падишахом. И как вы только что сами слышали, Абдул-Межид прямо говорит, что нам братья по вере там уже готовятся встретить нас. Кроме того по словам Сайдуллы, для помощи беднякам, не имеющим достаточных средств для переселения, падишах Хонкары прислал деньги. Есть надежда, что и русский царь окажет нам помощь.

Поднялся шум. Говорили, отводя душу, прикидывали, сомневались:

— Ну сказали же, сам он пишет... Чего тебе еще?

— Сначала развяжи мешок, а потом увидишь, что и там

— Так я и поверил!

Один Мачиг молчал. Душу терзали сомнения. Что делать? Как оставить родной аул, родную землю...

Он не слышал, как мюриды снова начали зикр, не заметил даже, как очутился на улице. Очнувшись от всех этих тяжёлых дум, лишь когда почувствовал, как лютый мороз забрался под рваную черкеску. Тогда-то и услышал Мачиг свирепый вой ветра, а оглянувшись вокруг, понял, что такая вьюга утихнет не скоро...

ГЛАВА IV

ГОСТИ

Иногда удастся дурачить народ, но только на некоторое время; дольше — часть народа; но нельзя все время дурачить весь народ

А. Линкольн

Быки, почувствовав близость жилища, двигались торопливо. Из-за редкого кустарника уже виднелись крыши домов. Еще полчаса — и они будут в родном Гати-Юрте. Свежевыпавший снег скрипел под тяжестью, когда в него по колено проваливались и быки, и люди. Тишину нарушали лишь шуршащие шаги, скрип полозьев да шумное и тяжелое дыхание усталых быков.

Три дня провели они на строительстве дороги. На трех днях с утра до позднего вечера возили лес. И вот сегодня, наконец, возвращаются домой. Но настроение от этого не стало лучше. Кто знает, что таится на уме у нового старосты Хорты, назначенного после смерти Исы. Может, завтра он возьмет и снова пойдет возить лес. От него всего можно ожидать. Подлая натура у человека. Чтобы выслужиться перед начальством, из кожи лезть готов. Иса слыл жестоким и безжалостным, но в смелости ему отказать было нельзя. Он разговаривать с начальством умел, не заискивал перед ним и держался с достоинством. А если требовалось, то и свое слово поперек мог сказать. Хорта же, наоборот, только головой кивает да подмигивает. Задабривает начальство. Прикажут ему всего-то три человека выделить, а он рад стараться, вдвое больше пошлет. А работа на строительстве дороги очень трудная. Все время на колосе, все время в снегу. В прошлый раз, когда он с собой шестеро человек, все шестеро обморозили себе ноги. Средний, к несчастью, оказался и Васал.

Али отодвинул до отказа плетеные ворота, и быки, не дожидаясь возвращения хозяина, сами тронулись с места и лег-

ко вкатили груженные дровами сани. Остановились в глубине двора, зафыркали, задирая мокрые морды и пуская пар из горячих ноздрей.

— Новость! У нас новость! — Айза выскочила из дома в одном платье и побежала навстречу мужу.

— Что случилось? — спросил Али, глядя в веселые глаза жены.

— Дай сначала откупную!

— Что же я тебе дам?

— Просто так я не согласна.

“Неужели Арзу женился? — радостно екнуло сердце. Нет, вряд ли. Может, корова отелилась или кобыла... Да и того быть еще не должно, рано...”

— Скажи, глупышка, что произошло?

— Э, нет...

— Вот я весь перед тобой. Бери меня.

Айза взяла из рук мужа налыгач и, полуоткрыв улыбающиеся полные губы, потянулась к нему.

— И все? — Али двумя пальцами зажал ей губы.

— У нас гость!

Только сейчас заметил Али коня под навесом и узкий саный след к сараю.

— Кто приехал?

— Сам догадайся.

Сгорая от любопытства, Али пошел к дому, оставив быка на попечение жены. Но в доме все было как обычно. Умар занятый своей игрой, даже не повернулся в сторону отца. Умар спокойно спал в люльке. Али удивил лишь необыкновенный порядок в комнате и чистота. Нары были застелены украшенной разноцветным орнаментом войлочной коврижкой которую жена доставала только в праздники и в исключительных случаях. В печке весело потрескивали дрова, в чугунном котле варились куры. Такое в доме Али случалось нечасто. Он уже стал думать, что гость, возможно, вышел по своим делам, но в эту минуту почувствовал, как кто-то крепко схватил его сзади за шею одной рукой и прикрыл глаза другой.

Али попытался вырваться, но безуспешно. Он лишь сумел коснуться жесткой бороды гостя. Али стал перечислять имена всех своих знакомых. Гость молчал.

— Сдаюсь, — сказал Али наконец. — Не могу узнать!

Гость отпустил его, повернул к себе и крепко обнял.

— Добрый день, дорогой ты мой! — услышал Али русскую речь.

— Андри! — вскричал Али, обнимая друга.

— Ох, Али, Али! — говорил Андрей. — Как тебя такого только носит. Столько лет не давать о себе знать! Я уж думал, не случилось ли что. Как увижу человека из ваших — обязательно о тебе спрашиваю.

Али с трудом стянул оледенелую шубу из овчины, повесил ее на деревянный гвоздь, вбитый в стену возле дверей.

Бедный человек — что мертвый, ему не до друзей, не до знакомых. Каким бы он умным и смелым ни был, его жизнь и дела домашнего не стоят. Присаживайся, не стой. Как нечаянно и как хорошо, что ты приехал!

— Не сокрушайся, Али. Богатство — на день, а доброта — на всю жизнь. Главное — быть человеком. Состояние — дело временное. Нам ли к лицу горевать о нем? — Андрей присел на край пары.

Али снял кожаные поршни*, поставил их у печки.

— Так-то оно так, разве я этого не понимаю. Только несправедливо все же устроен мир. Одни гнут спины, другие процветают... Только разве я мог забыть про вас, забыть все, что вы сделали для нашей семьи! Мы, чеченцы, никогда не отличим ни добра, ни зла. Я всегда помнил о вас, но вот крайности нужда пригнула к земле и не дает выпрямиться. Ты, Андри, приехал один?

— Нет, со мной товарищ. Помощник, Яков. Ты его не знаешь, он со мной работает недавно.

— А как поживает Наташа? Она здорова? Часто вспоминает ли вкусный хлеб.

— Просила всем передать поклон. На тебя обижена, говорит, что ты совсем забыл.

Али покачал головой.

— Нет, она не права, — оправдывался он. — Помню, но, ой богу, времени не хватает. Столько дел: то дрова возить, то корову расчищать, то еще куда-нибудь пошлют. Только по-прежнему, ну, наконец-то хоть сегодня отдохну, как власти при-думывают новую повинность. Вместо налогов и штрафов. За-вешивать нечем — значит, отработывай.

— Да и шучу, — рассмеялся Андрей, видя, как серьезно вслушивал Али его слова. — Старуха и сама прекрасно понимает, как вам здесь нелегко.

* Поршни — чувяки из сыромятной кожи (чеч.).

— А Ванька чем занимается?

— Повзрослел. В прошлом году женили.

— Женили? И не дал нам знать? А еще говоришь — купи Разве, Андри, так друзья поступают?

— Умышленно, Али, не сообщил я тебе.

— Да пропади оно все пропадом, обязательно бы приехали. Что ты, такое событие!

— Нет, мой друг, — серьезно сказал Андрей. — Не надо было приезжать в то время.

— Почему? — не понял Али.

— Свадьба совпала с шалинскими событиями. Вся станция была на ногах. Ложились в постель, а с оружием не расставались. Как мог я пригласить вас к себе? Случись беда с нами, что мне делать? Тягаться с властями? Ты сам понимаешь, таким, как мы, это не под силу. Разве ты забыл тот случай, когда приезжал к нам с Айзой?

В дом вошла Айза, и разговор мужчин прервался.

— Ну, откупная полагается мне? — спросила Айза.

— Конечно! — согласился Али и рассмеялся. — Что делала, Андри? Сообщила радостную весть и теперь покоя не дожидается, требует откупную.

— Айза у тебя молодец, — сказал Андрей, кивнув головой. — Только жаль, не понимаем мы с ней друг друга. Пока тебе не было, мы как немые объяснялись. Она говорит по-вашему, а я глазами хлопаю, понять не могу. А вот с Умаром общий язык нашли сразу. Особенно понравился ему Яшка. Уже познакомиться успели. Айза, между прочим, изменилась. Наши женщины с возрастом полнеют, ваши же — наоборот.

— Толстушки у нас — редкость. — Али вдруг хлопнул себя по лбу. — О самом главном спросить забыл. Корней-то где там? Семья его здорова?

— Тянет лямку потихоньку. То там кусочек урвет, то здесь. Завел дружбу со здешними абреками.

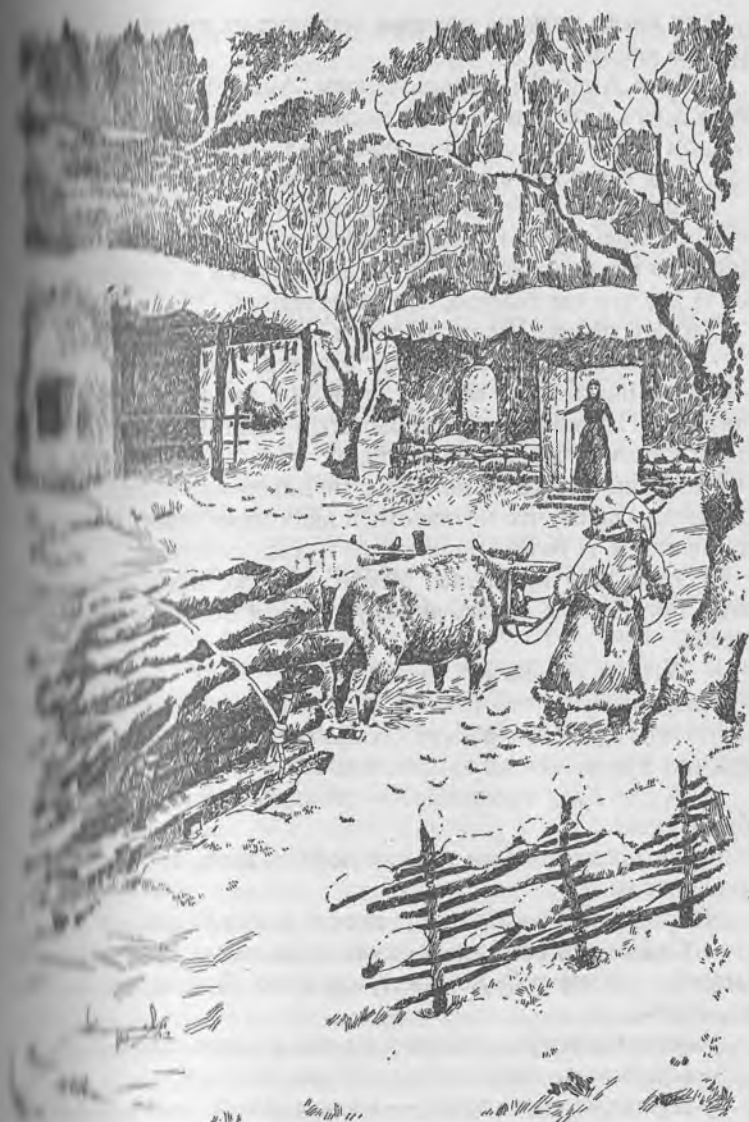
— Не окажись он тогда на площади — не сидеть мне сегодня с тобой. Храбрости его можно позавидовать. Пусть во всем ему сопутствует удача.

Айза помешала в котле, попробовала, сварились ли курочки и принялась стряпать галнаш.

— Надо второго гостя позвать. Обед почти готов.

— Куда твой помощник пошел? — спросил Али у Андрея. За разговорами не спросил о нем.

— Вышел аул посмотреть.

Али снова натянул поршни, накинул на плечи шубу и вышел на улицу.

Айза и Андрей остались вдвоем. Андрей молча глядел на жену друга. Говорить они не могли: она не понимала по-русски, он — по-чеченски. Впрочем, и Али-то изъяснялся не так, хотя его понять все же можно было.

Айза замесила тесто и, склонившись над широким деревянным подносом, проворно работала. Оторвет кусок теста, прижмет его пальцами к ладони другой руки — галушка готова. И все это так быстро, что не уследишь.

Андрей позвал Умара, посадил его к себе на колени.

— Во, мужчина! А ну скажи “кхинкх”, так-так. Мы сейчас это дело платочком, вот так, теперь с носом у нас полный порядок. Настоящий абрек! Вылитый отец! Вырастешь, родителей кормить будешь? Будешь, а?

Мальчик ничего не понимал, но доверчиво кивал головой. Он догадывался, что незнакомый дядя спрашивает его о чем-то хорошем. А раз о хорошем, то нужно кивать.

В это время проснулся Усман, и Айза, продолжая стрепать, ногой стала качать люльку. Андрей пододвинул люльку к себе.

— Оставь, я покачаю, — сказал он.

Айзу смущало то, что она не может занять гостя, потому что отсутствие мужа казалось ей бесконечно долгим. И когда двое мужчин появились на пороге, она облегченно вздохнула.

— А где Арзу пропадает? — поинтересовался Андрей. Уехал куда?

— Не знаю. Меня же три дня не было дома. Не успел стрепать у жены.

Яшка скинул с себя шубу, стянул тяжелые яловые сапоги.

— Садись вот сюда на койку и качай люльку, — сказал ему Андрей. — Умар тебе поможет, как надо. Правильно — я говорю, абрек?

Мальчик кивнул, спрыгнул на пол и встал около Яшки.

— Слышал я, этим летом у вас засуха была?

— Лучше не спрашивай, — махнул рукой Али. — Страшно было глядеть. Земля потрескалась от жары. Чем мы прогневали Бога?! Все посевы суховеет смело. Муллы говорили, что это наказание за грехи наши. И люди, бедняги, только и утешались молитвой. Землю нам оставили такую, что на ней в дождливую погоду урожая не собрать. Да, страдают люди.

Многие воины многие с берегов Терека и Сунжи переселились в горы. Они — наши люди, и их нельзя было оставлять в поле. Теперь пошел слух, что к весне нас прогонят и отсюда. А на наше место поселят русских. Многие собираются ехать в Турцию. Об этом разговоры на базаре, на улице, в деревнях. Стоит кого-либо повстречать, и он сразу заговорит с тобой о Турции, о переселении. Толком, правда, никто ничего не знает. Слухи ползут один страшнее другого. Понемногу разглагольствую.

— К чему бы это? Объясни мне, я, лично, не понимаю.

— Что тут объяснять? Почти всю нашу плодородную землю отдали казакам, одали прислужников царя. А на той, что оставили нам, и бурьян не прорастет, не то что семена. Нам самим очень нужна земля. А коли так, то разве два человека ужинуются в одном доме? Власти нам землю добровольно не дадут. Значит, и миру между нами не бывать. Все наше богатство — земля. Оторви нас от нее, и мы погибнем. Нишесту как-нибудь переживем, лишь бы земля была у каждого. Плохая ли, хорошая. Да ведь и ту хотят отобрать. Наш маленький начальник и тот поступает с нами, как ему вздумается. Царь крепко вцепился чеченцу в горло и с каждым днем все сильнее сжимает когти. Понастроил крепостей, наполнил солдат. Завтра утром скажут: идите, чеченцы, сдавайте свое оружие и свои души. Так будет. А потому бегут люди, сами не зная куда, но бегут.

Андрей молчал. Али говорил правду. Как живут чеченцы, Андрей не посмотрел. Всюду увидел запущенность и нищету, разбитые хижины, в окнах которых вместо стекла бычьи пузыри. Двери прохудились, выгнулись от времени голые стены. Похрустывали, дрожащие от холода дети. В их станице бедная женщина не знала такой нужды. Видя жизнь чеченцев, он сегодня физически ощутил свою вину перед этими людьми, которые попадались навстречу, когда он ехал по улице. Буквально каждый встречный останавливал их, здоровался за руку, приглашал и гости отведать хлеб-соль, отдохнуть с дороги. Они, живущие в голоде и нищете, тем не менее протягивали руку помощи. Так было и в разгар войны. Любого русского, прибывавшего к ним с миром, они принимали с почетом и провожали его, чтобы гость не опасался за свою жизнь. Время-то шло. Но они не щадили тех, кто шел к ним с оружием.

Все солдаты были для них врагами. И как им понять, что воюют солдаты не по собственной охоте, что они так же, как чеченцы, втянуты в эту чуждую им бойню.

* * *

...А тот случай произошел на второй год после окончания войны, когда Али и Айза только что поженились и еще обивали сапожки хозяйством. Ни арбы своей, ни коровы, ни лошадей, ни лопаты они не имели. Особенно дорого тогда ценились керосин, сахар, соль. Али заготовил несколько мешков древесного угля, а Айза набрала в лесу диких груш. Попросили у людей башмаки и арбу, погрузили свою поклажу и поехали в Орза-калу, так именовали тогда горцы станицу Червленную, бывшую в то время неофициальной столицей Терского казачества. И там бывали генерал Ермолов, князь Гагарин, великий князь Михаил Николаевич, знаменитый Дюма-отец, Лев Толстой.

Червленная — одна из самых богатых станиц. На каждую казачью семью в ней приходилось в среднем по сто десятин земли. И самая крупная — владения ее простирались почти на двести верст.

Чем ближе подъезжал Али к станице, тем сильнее охватывало его беспокойство. Может быть, лучше повернуть назад? Но он не подавал виду, что боится, Айза же, завороженная красотой мест, не замечала его состояния. “А-а, будь что будет”, — решил Али, — все в руках Аллаха”.

Война эти места обошла. Между станицей и виноградниками у южной околицы они увидели качели, ровные дорожки, пруд с чистой родниковой водой. Под раскидистыми деревьями были расставлены скамейки для отдыха, стояли беседки. По парку прогуливались нарядные люди. Все мужчины — в черкесках, у каждого из-под барашковой шапки, сидевший на самый затылок, свисал, почти закрывая лоб, длинный чуб. Все мужчины были вооружены. Женщины носили рубашки с широкими рукавами, нарядные кафтаны, шелковые платки и сорочки, плотно облегающие грудь, дорогие “грязевые” пояса с массивными серебряными пряжками, позолоченные застежки в два ряда на узких кафтанах.

Айза не могла оторвать глаз от этой красоты. Все было как в сказке. Ведь только в сказках люди живут весело и счастливо. В жизни же она не встречала еще людей, которые бы не

пытывали нужду и не плакали от горя. Али думал о своем: кому нужны здесь наши груши и мушмула? Зря мы сюда приехали”.

Не успели они еще въехать в станицу, а об их появлении узнали почти все. Только они приблизились к южным воротам, как стоявший там мальчишка исчез, и вместо него появился казак. Их пропустили. Со всех сторон сбежались ребятишки, и в их окружении арба медленно тащилась к центру станицы. Али казалось, словно его пропускают сквозь строй. Перекликаясь с соседями, женщины и мужчины выбегали из вороток на улицу, показывали на арбу пальцами и что-то говорили друг другу.

Дорога вывела на центральную площадь, где высился двухэтажный дом полкового командира. Рядом виднелась гауптвахта, у дверей которой стоял казак с обнаженной шашкой. Но соседству — дом полкового правления, тут же висел вечевой колокол. На площади было довольно многолюдно. Любопытные и просто празднующиеся окружили арбу и молча рассматривали сидевших на ней Али и Айзу. Али старался не выдавать своей тревоги. Ведь и он впервые оказался в каменной станице. Хотя старики-чеченцы и говорили очень тепло о былых взаимоотношениях между чеченцами и терскими казаками, теперь наступили совершенно иные времена, и между тем прошлым и сегодняшним настоящим пролегла огненная грань долголетней войны. Что из того, что когда-то предки чеченцев и казаков жили как друзья и братья? Царь их потомков превратил во враждающие стороны. И может быть, среди этой вот толпы стоят те, у кого от чеченской пули погиб отец, брат или сын? Может, кому-нибудь из них взбрело в голову мысль отомстить за погибших? Ведь повсюду сейчас находятся сумасбродные головы, всегда готовые на любое преступление.

Да ведь и власти ныне подстрекали чеченцев и казаков к столкновениям, разжигали вражду между ними. Подогревали эту вражду и муллы, объявляя всех христиан непримиримыми врагами правоверных мусульман. Благодаря тем и другим образовалась такая глубокая пропасть между чеченцами и казаками. А ведь жили же их предки дружно и мирно. И могли жить так и дальше, если бы кому-то не было выгодно натравливать их друг на друга.

Али не ошибся. Среди добродушных лиц и любопытных взглядов нет-нет да и сверкали злые, враждебные взгляды.

Сквозь толпу протиснулся здоровенный рыжий детина, засучил рукава черкески, оголив мускулистые руки и толкая шею, и вперевалку, словно медведь, медленно подошел к Фролову.

— Братцы! Да ведь он лазутчик! Пришел добычу насмотреть! — заревел детина, скрипя зубами. — Бей его!

Али отступил к арбе, прикрыв спиной Айзу. Руки невольно потянулись к пистолетам, заткнутым за пояс под бурной толпой. Но раздумал. Терпение... Самое главное — терпение! Ведь, если бы было бы с ним сейчас Айзы. Ведь она беременная...

Все это пронеслось в голове за какие-то доли секунды. И эти же доли секунды из толпы вдруг рванулись крики:

— Назад, сволочь!

— Позоришь станицу?

— Фролов, назад, кому сказано!

Из толпы выскочил другой казак и, встав перед Али, загородил собой его и Айзу.

— Подними-ка свою рыжую морду, фроловская сука! Казак тоже засучил рукава черкески. — Подними, подними! Я ее сейчас отделаю!

— Прочь с дороги, босяк! — Лицо Фролова искажено было бессильной злобой и ненавистью. — Не из твоих ли он подлых дружков?

— Да дай ты ему в рыло, Корней!

— Не шибко храбрый нашелся?

— Людей нужда погнала, а он, боров, бить их собрался!

Пока из толпы неслись возгласы, оба казака, видимо, не уступавшие друг другу в силе и ловкости, переминались на месте, готовые сцепиться в драке.

— Други мои, позорно бить друг другу морды из-за шпанаго чечена! — завопил какой-то низкорослый казак.

— Заткни пасть. Не быть по-вашему! — Ринулся к нему другой.

— Босяки!

— Кровососы!

Толпа разделилась на две враждебных половины. И по решительности, с какой произошло такое разделение, стало ясно, потасовки не миновать. Но тут на крыльце правления появился станичный атаман — полковник Беллик.

— Что здесь происходит? Почему базар? — выкрикнул он грозно, хмурия седые брови. Заметив Али, стоявшего около арбы с пистолетами в руках, спросил: — А это еще кто такой?

Наше благородие, чечен он, приехал, видимо, торговать. По бедности своей... — выступил из толпы казак. — А вы, пан, пон, сговорились избить его... Да ведь позор, ежели такое случится. Позор, ваше благородие, и нашей станице, и всему герскому казачеству. У нас подобного отродясь не было. Чеченцы бы так подло, ваше благородие, с нами не поступили ни в жизнь...

— Это ты верно говоришь, Пантелей, — согласился Беллик. — Перелика храбрость всей станицей напасть на одного. Нам запомнить: они не только наши гости, они подданные Императорского Величества, как и любой из нас. Война началась, нам с ними жить в мире! Кто начал приставать?

Тутамо, Фролов.

Тутамо погрозил рыжему пальцем:

— Некрасиво, Фролов, для твоей фамилии. Не к лицу. Стану строго буду наказывать всех, кто обидит чеченцев, пришедших к нам с мирными делами. Корней, позаботься о том, — Беллик кивнул в сторону Али. — Все! Разойдись!

Погоди, паршивец! — скрипел зубами Фролов. — Придешь и тебе этот день. И Никифоручу не забуду.

— Господи, напугал как! Сам же не веришь в то, что болтаешь. — Пантелей презрительно сплюнул. — Моя сабля остра, разрубит любую шею. Хочешь сохранить голову на плечах, не лезь на рожон, сиди и сопи себе...

— Гони, кунак, арбу за мной. — Корней подошел к Али. — Не бойся. В станице волоска с ваших голов не упадет.

Они отъехали от центра, и вдруг Корней начал извиняться, будто это он был виноват в случившемся.

— О всех плохо не думай, кунак. Подлые люди всюду есть и у нас, и у вас. Разжирели на наших хлебах... Какой резон нам враждовать с вами. Жили же наши деды мирно, друг к другу и гости ездили по-родственному и по-кунацки. Война все переменяла.

— Ты спас меня. Теперь моя жизнь — твоя жизнь.

Корней отмахнулся:

— Не я один заступился за тебя. Заступились многие. Да мало тебе. За что благодарить? За пустяк... Ну и башка у тебя! Болтаю-болтаю, а имени у своего кунака не спросил.

— Меня зовут Али. Из Гати-Юрта я, что в Ичкерии. Это было быше Герзель-аула на левом берегу Аксая. Там у меня есть и брат, Арзу.

— У меня много друзей среди чеченцев. Теперь и ты в их числе. Что тебя привело в нашу станицу?

— Женился я, Корней. Семья теперь. А как жить, если быков нет, коровы тоже, арба — чужая. В горах ничего нет, у вас можно купить хоть из старенького: и вилы, и лопату, и косу...

— А что же у тебя в арбе?

Али смутился:

— Древесный уголь, дикие груши, мушмула...

Корней покачал головой:

— Товар, извини, неходовой, неважнецкий.

— Я сразу понял, как приехал.

Корней сел на передок, взял из рук Али хворостину и пошел нал быков.

Чем больше удалялись они от площади, тем грустнее становился Корней. Он раскурил ореховую трубку и молча дымил, видимо, думая о чем-то своем... Неожиданно протолкнулся:

— Видишь вон ту покосившуюся лачугу? Это и есть мой изба. Полна детьми, так что сесть негде. Как же лучше принять вас? Вот ведь беда какая...

Али понял, почему задумался Корей. ✎

— Не надо говорить так, — ответил он. — Ты хороший человек, это и есть твоё богатство.

— Нет, к себе я вас не поведу, — стоял на своем Корней. Но у меня есть друг. Андреем звать. Только он и сможет помочь вам. Поедем к нему.

Вот в тот памятный день и познакомился Али с добродушным Андреем. Он и жена его Наташа встретили гостей с таким искренним радушием, словно знали их давно и давно ждали в гости. Эту ночь Али с Айзой провели у них, а наутро вернулись домой.

* * *

...Наступила зима. Морозным вечером в станицу поехали двое всадников, закутанные в башлыки. Они рысью проехали центральную улицу, достигли окраины и остановились у дома Корнея. Хозяин не спал, к нему часто приезжали чеченские наездники, но чтобы вот так открыто, а тем более и в столь раннее время, никогда такого не было раньше, да и деловые встречи до сих пор назначались вне станицы.

Корней вышел к калитке, но не сразу признал всадников, так окна закрывали покрытые инеем башлыки, только глаза были видны.

— Салам алейкум, Корней, — приветствовал тот, что был выше ростом. Он легко спрыгнул с коня и, подойдя к хозяину, спросил: — Примешь гостей?

— Али, вот молодчина! — Корней бросился обнимать друга. — Значит, жив, буйная голова? Думал, совсем ты забыл своего кунака.

— Нет, Корней, нет.

Корней с любопытством посмотрел на его спутника.

— Это мой брат, Арзу, — представил его Али. — Приехали поговорить и тебя, и Андрея.

— Ну что ты говоришь, Али! Какие благодарности? За что?

В эту морозную ночь в домах Андрея и Корнея в знак вечной дружбы братья оставили два великолепных кинжала, специально сработанные оружейниками из аула Дарго...

* * *

Гости пошли. И лишь после того Али поинтересовался, что можно из этих краев и может ли он чем-нибудь помочь?

— Ничего особенного. Хотим повидать друзей. А если будет возможность, то и подработать немного.

В первый раз приехали! — обрадовался Али. — Дело к зиме, многие в Турцию собираются, готовятся в дорогу. Работы кунаку хватит. Своего-то нет, приходится бегать за деньгами, километрами. Вот железа, к сожалению, у нас маловато. Нарезки даже — нет его.

Ничего мы захватили с собой. На первых порах, надеюсь, это хватит. А потом что-нибудь придумаем. Если ты не против, Али, может выйдем, посмотрим аул?

— Раз вы хотите?

— Где-то тут был наш мешок. Попроси Айзу, пусть принесет, а ты заметишь, куда она его поставила. Мне надо переодеться.

Али принесла мешок. Андрей развязал его и вытащил одежду Чериску и папаху. Отложив одежду в сторону, достал сапожки и протянул Айзе.

— Возьми, Айза. Эту шаль Наташа для тебя вязала. Носи ее часто! А вот эти сапожки Иван просил передать Умару.

Али, старушка моя и тебя не забыла. Помнит, как ты похаживал ее хлебом. Держи оба каравай. Бери-бери, не стесняйся!

Айза то накидывала шаль на голову, то вертела разглаживая, и не могла наглядеться. Ведь забыла уже, когда в последний раз и держала-то в руках такую красивую и дорогую вещь. И не замечала, как слезы, заполнив глаза, текли по щекам. Да она и не старалась скрыть слезы благодарности! Очевидно, хотелось закутаться в шаль и посмотреться в зеркало. Но сдерживалась, ждала пока уйдут мужчины. Соседям эту шаль покажет она потом, а когда к роднику пойдет, то всем станет рассказывать, какую красивую обнову подарила ей русская подруга.

Не менее счастливый Умар важно расхаживал по комнате поскрипывая новыми сапогами...

...Вечерело. Солнце уже наполовину спряталось за дальний хребтом, последние неяркие лучи его мягко скользили по стенам, по крышам домов, по верхушкам деревьев. Сухой морозный ветер иглами колотил лицо, шипал щеки и мочки ушей. Отовсюду доносился вечерний шум. По кривым улицам гнали скот в долину. Мерзляки-буйволы, напившись студеной воды, спешили обратно к теплу. Женщины с кувшинами на плечах, спешившие на мороз, неторопливой походкой шли к роднику. На площадке перед мечетью группами стояли старики, а матери с детьми задерживались у чужих калиток, чтобы поделиться новостями, услышать что-то новое, посудачить о своем, женском...

Гости остановились на возвышенности, откуда как на ладони был виден весь небольшой аул. Аксай яростно боролся с крепчавшим морозом. Стиснутый высокими берегами узкого ущелья, он с шумом и грохотом катил свои беснующиеся воды к просторам равнины, где его ждало некоторое успокоение. Неподалеку резвились мальчишки, катались на санках, бегали и кувыркали на снегу.

Андрей впервые наблюдал сегодня мирную будничную жизнь чеченского аула.

“Как немного нужно человеку для счастья, — думал он. — А мир для них — уже счастье”.

— Суровые, но красивые у вас места, — сказал он Али. — Жил бы здесь да жил. Вам, поди, за нуждой и полюбоваться некогда.

— Такова участь, — отозвался Али.

И слышались выстрелы. Али изменился в лице. Выстрелы прекратились, Али напряженно обшаривал глазами те дорожки, откуда доносилась стрельба.

— К кому! — почти приказал он. — Пули не отличаются от прага.

Внезапно на дороге, пересекавшей балку, показались всадники. Упавшего гнедого коня Чоры, Али перевел дыхание и радостно воскликнул:

— Но наши!

Группа всадников, не переставая стрелять в воздух, галопом промчалась по оврагу. В группе было не более пятнадцати человек. Их бурки развевались по ветру. Хорошо видны были снаряжение: перекидные сумы, лопаты, длинные веревки, кроки, горные лыжи.

Когда звуки выстрелов долетели до аула, люди растерялись. Но лишь на миг. Бросив взгляд в сторону мечети, Андрей заметил, как мгновенно рассыпалась толпа. Те, у кого было оружие, заняли позицию за каменными стенами. Суматоха еще не успела улечься, как всадники подъехали к мечети. Али со вздохом на минарет и дал три выстрела из ружья, что означало: аулу не грозит беда. Отовсюду стали раздаваться дружные выстрелы, приветствующие всадников. Непосвященному могло бы показаться, что в ауле идет ожесточенный бой.

— Так что же это за люди? — переспросил Андрей, когда выстрелы, наконец, прекратились.

— Наши ребята!

— Откуда они примчались?

— Из гор.

— А что они делают в горах? Да еще зимой?

— Как бы тебе объяснить... Али сдвинул на затылок папаха. Видно ли, практически жизнь наша всегда в опасности. Война, конечно, кончилась, но мира нет. Власти готовят напасть у нас землю, а мы готовимся дать отпор. По давней традиции у нас юноши проходят специальную подготовку, готовясь к военному делу. Ежегодно на два месяца зимой и весной мы отправляем их в горы. Занимается с ними самый опытный и искусный воин аула. Юноши учатся стрелять, ездить верхом, владеть саблями, кинжалом и многому другому.

— Но для этого не обязательно отправляться в горы.

— Ага, качнул головой.

— Здесь не те условия. В горы они не берут с собой ничего. Ни продуктов, ни даже корма для лошадей. Живут под открытым небом. Все необходимое добывают сами.

— Так и замерзнуть недолго.

— Надо закаляться. Уметь терпеть холод и голод, находить выход из любого положения. Вот для их обучения и выбирают самые трудные места, где на каждом шагу ледяные сугробы, бурные реки...

— Жалко мальчиков.

— Жалко. Но что поделаты: сегодня им трудно, а завтра бою будет легко. Уже темнеет, Андрей, пора домой.

Они повернули обратно. Когда подошли к калитке, Али спросил:

— А тому, кто их обучает, что-нибудь платят?

Али недоуменно взглянул на него.

— Аул общий. Охранять его должны все. Зачем же мы будем ему платить? Лишь по хозяйству его семье поможем в время его отсутствия.

Незаметно подкралась ночь. Чистое небо тускло мерцало точками холодных звезд. Гости устали, им пора было отпасть на спячку.

— И вы еще вновь собираетесь воевать! — неожиданно воскликнул Яшка. Он уже устроился спать, но, видимо, этот вопрос продолжал его беспокоить.

— Говорят, и мышьяк кусается, когда ее убивают, — невольно усмехнулся Али.

“Вот бы нашим мужикам поучиться у чеченцев. Ох и поимали бы мы богатеям перцу...” — думал Яшка, совсем уже засыпая...

ГЛАВА V

СУДЬБЫ

Лишь те друзья не на словах,
На деле,
Кто наши кандалы
И на себя б надели.

Хисроу

После смерти Исы многое изменилось в ауле. На третий день в Гати-Юрт нагрянули стражники во главе с полицией пристава подпоручиком Чомак Ойшиевым и увезли в Васалом в Ведено. Васала, неделю продержав на допросе, отпустили. По всему было видно, без помощи Куши не обошлось. Казалось, Васалу оставалось только радоваться свободе. Но, напротив, у него было такое чувство, что кто-то сыграл с ним злую шутку. И от сознания того, что он не тот человек, на душе было мерзко и горестно. А Ловду пришлось в десяти годам и сослани в Сибирь. Еще раньше Ловду успели Самби, второго побратима Васала; там он и умер без вести. Из пятерых братьев в ауле осталось только два. Ах, Ловду! Увидит он, Васал, Ловду еще живым? Разве в суровый климат Сибири? Человеку, выросшему под южным солнцем, тот край становится могилой. Редко кто из них возвращался оттуда живым.

Васал до суда решил оправдать себя. Потому и старался всю вину взять на себя. Если вдуматься, то он же и есть убийца. Не будь его, Васала, разве он поднял бы руку на родного отца? Нет, не поднял. Так что тут рассуждать, ему, Васалу, и лежала прямая дорога в тюрьму. Но как убедить в этом Ловду? Какие слова сказать, чтобы он понял доводы и согласился с ним? Васал делал все, что мог. Ловду же не менял свою позицию ни в какую и стоял на своем. Тогда Васал решил разделить его участь.

И вновь возник спор. И вновь Ловда одержал верх. "При чем тут ты, Васал, если родного отца убил его сын? — говорил он. — У тебя малые дети и больная жена. Умрет она, что станется с детьми? И что изменится в моей судьбе, даже если ты, Васал, разделишь ее вместе со мной. Ничего! А потому, не трать попросту время и иди домой. Я пролил кровь своего отца, мне отвечать за то перед Богом и перед людьми".

Скоро год, а от Ловды так никаких вестей и нет. На прощание говорил, что если не умрет, то убежит. Да, видать, случилось что-то недоброе. Не так просто вырваться отсюда, если не догонит пуля, то замерзнешь в пути. И как бежать Ловда, не зная языка? Он же с разу выдаст себя. "Где ты? Где ты, мой побратим? — часто думал Васал. — Жив ли ты? Или уже давно покоишься в мерзлой земле?"

Говорят, беда не приходит одна, всегда находит себе спутника. Васал не успел вернуться, как умерла Мархет. Видно, арест мужа унес ее последние силы.

Умерла она, как жила, молча. Арзу, Маккал и Али точно выполнили ее завещание. Семь дней не уходили со двора, стояли рядом с Васалом, принимали соболезнования жителей Гати-Юрта, других соседних и дальних аулов. Семь ночей Маккал читал Коран в доме Васала, по вечерам все трое подолгов задерживались у друга, стараясь беседой облегчить горечь его утраты.

Айза вместе с другими женщинами носила в его дом еду, кормила тех, кто приезжал из дальних аулов.

Но и траур не вечен. Люди постепенно разъехались и разошлись, и Васал остался один на один с детьми. Горцы говорят: "Горе, что останется снаружи закрытой двери, — не горе. Все сочувствовали Васалу, но рано или поздно всем им приходилось возвращаться к своим семьям.

Как бы ни тяжела была рана, но и она в конце концов как-то заживает. Постепенно рубцевалась она и на сердце Васала...

...День стоял ясный и солнечный, в воздухе уже чувствовались запахи близкой весны. На склонах таял снег. Вот и придет пора, о которой Васал мечтал, наверное, больше и чем всех. Конечно, она не приносит новых радостей в дом, но все же хоть как-то облегчает жизнь бедняка. Хотя бы уже тем, что дети могут теперь бегать босиком. Появляется черемша, по

и гриппа, разные съедобные травы, начинают созревать тогда. С трудом, но все же можно дотянуть до урожая ячменя. А там и кукуруза поспеет.

С наступлением весны Васал вместе с такими же отчаявшимися бедняками совершал ночные рейды за Терек, в богатые кабардинские станицы, где у них имелись друзья, которые всегда могли помочь и выручить из беды. Зимой Васал и Мовла из Черкесов угнали лошадей Хорты и Шахби и передали их Корчану. Тот в долгу не остался, тем более, что в станице Черкесской богатеи хоть отбавляй. Только вот не зимнее это дело — ночные поездки. Васал и его друзья подобны голым голубям. А голому соколу под открытым небом и летом не перестывать.

Ни Арау, ни Али не одобряли вылазок Васала. Нет, им не было дела ни чеченских, ни казачьих богатеи, обобрать их было им не грех. Просто и они, и другие добрые люди боялись за Васала: вдруг власти схватят его или он угодит под каменную пулю? Ведь дети вообще тогда круглыми сиротами оставались. Васал прислушался к совету: месяц назад он в последний раз попытал счастья, и теперь у него были верховая лошадь и корова, а детишки уже не голодали. Мать им замечала старшая дочь Хозу. Подрастал и Юсуп, которому уже было тринадцатый год. Скоро станет помощником отцу... Дети имелись, кукурузной каши и разбежались кто куда. Дом словно опустел, ни крика, ни шума. Одна Хозу продолжала хлопотать по хозяйству. Как удивительно походила она на мать. Глянул на нее Васал и тотчас вспоминается ему его Мархет, которая стала его подругой в самую трудную минуту. Вместе велили нищенскую жизнь, вместе шли сквозь пламя войны, видели друг друга, и даже ее смерть их не разлучила: Мархет продолжала жить в его сердце.

На душе было так тоскливо, что Васал просто не находил себе места. Он не знал, откуда шла эта тоска, но порой она охватывала его полностью. Может, именно так пыталась поддаться к нему старость? Только, вроде бы, рано подкрадываться старости — ему не было еще и пятидесяти. Так-то было так, если, конечно, подходить к понятию о старости из количества прожитых лет, а не из прожитой жизни. Из такой жизни, какую и врагу не пожелаешь...

Васал окинул взглядом кривую улицу. К кому бы сходить? Он любил бывать у Али и к своему закадычному другу Мичи часто заглядывал. И у них всегда чувствовал себя, как дома.

Так и не приняв определенного решения, Васал опустился на большой камень у плетеного забора, заняв свое излюбленное место. Часто он сживал теперь здесь и все чаще уносился мыслями в прошлое. Васал извлек из кармана бешметов широкий замусоленный кисет, медленно развернул его, высыпав на клочок бумаги щепотку душистого самосада, ловко свернул сигарку, зажег кресалом-трут и, закулив глубоко, затянулся. Глядя на корявую алычу и стройную грушу на другой стороне улочки, он с той же непонятной тоской и болью в душе вспомнил березовые рощи, золотые нивы, голубые озера и речушки своей далекой родины.

Как мало нужно человеку, думал Васал, опершись локтем о колено, и как мало ему дано. Как коротка жизнь: оглушаться не успел — и уже нет человека. Но сам он не замечает, как наступает старость, как близится его последний час. Все коншится, все трудится без устали, как муравей, словно для жизни ему отпущена вечность. Ничто не останавливает его, даже смерть близких не убеждает в бренности собственной жизни. Потому он порой и глух к горю других. И кажется ему, что сам он никогда не умрет. Пусть он даже глубоко несчастен, но он всегда живет надеждой на счастливый завтрашний день. Живет мечтой, не оглядываясь по сторонам, не замечая ни круг никого и ничего. Живет лишь для себя, для своей семьи. Только перед смертью он словно пробуждается и начинает осознавать, как сильно был связан с родиной, со всеми людьми, даже с теми, кого он всегда ненавидел и презирал, с кем всю жизнь ссорился, кого обижал и оскорблял, и кто, в свою очередь, отвечал ему тем же. Да, человек меняется близ смертного одра. Он начинает листать книгу своей жизни, пристально всматривается в прошлое и осмысливает весь пройденный путь. Где он ошибался и где спотыкался? В чем он был прав и в чем несправедлив? И только теперь видит он около себя и своих близких, и соседей, и друзей, и товарищей. Оказывается, что всех тех, кого он не замечал раньше и даже избегал, он любил. И теперь на глаза его набегает слезы при виде их. Значит, он всю жизнь смотрел на них незрячими глазами, и только теперь, когда жизнь прошла, он прозрел... А как мила

...звон и яблони под окном, бесконечное чириканье непо-
... поробья, теплые лучи, что проникают через кро-
... окно и желтыми полосками ложатся на рваное одея-
... Да, теперь он хочет слышать все и видеть все. Даже ту
... бедомную дворняжку, что свернулась где-то под плет-

Перед глазами вереницей проходят люди, давно покинув-
... эту бrenную землю, и из потухших глаз катятся слезы...
... бы все начать снова, если бы повторить прожитую жизнь!
... было тяжелее и безутешнее человеку, оторванному от ро-
... Это словно точит какая-то непонятная, неведомая бо-
... И он стареет уже не по годам, а по часам. Седина оку-
... голову, морщины бороздят лицо, серый тусклый ту-
... закрывает глаза, и горбится спина от какой-то незем-
... тяжести. А мысли... мысли только о ней, о родине...

Но ринце проходили женщины. Одни несли вязанки дров
... рубно, другие шли с пустыми или наполненными водой
... женщинами. Пробегали уже босоногие мальчишки...
... была такая жизнь...

Подошел Мачиг. Примостился рядом на камне, молча су-
... руку в карман Васала, вытащил кисет, смастерил себе
... и повернул кисет на место. И только тогда произнес:

- Гере приехал.
- Когда?
- Сегодня ночью.
- Где он остановился? У Али?
- Да.
- А что еще нового?

Неизменно было, какими путями доходили до Мачига ауль-
... новости, но узнавал он их первым.

- Ауа собираются обложить новым штрафом.
- За что же?
- Разве ты не слышал, что у Хасав-Юртовской слободы
... лошадей?
- Конечно, следы привели к нам?
- Привели и здесь же затерялись. Кто бы это мог сде-
... Ты-то не знаешь?

Мачиг мысленно перебрал всех своих дружков, покачал го-
... ловой.
— Нет, не наши. Ни один из наших не накличет беду на
... аул.

— Кто же тогда?

— Кто, кто? Нетрудно догадаться. Да сами же казаки. И казаки! Вот кто! У них конокрадов хватает. Не все они сродни Корнею, который никогда не сделает нам зла.

— Значит, от штрафа не уйти.

— Значит, так. Власти не станут утруждать себя поимкой воров. Им бы только найти повод, чтобы обобрать нас. А тут такая зацепка. Разве они ее упустят? Но ты-то откуда всем это узнал?

— От Январки. А он от Ахмеда. Хорта, говорит, — что был разъяренный, землю ногами роет. Пообещал, если, дескать, не выдадим вора в течение трех дней, то весь аул заплатит двести рублей.

Васал даже присвистнул:

— Это сколько же увели лошадей?

— Всего пару.

— Вот идиоты, — только и нашелся сказать он.

На Терскую область не распространялись законы общеперсских судебных уставов, их заменяли разработанные уже местные административные правила, но применялись они к горцам и казакам по-разному. Ответственность горцев определялась совершенно особыми началами, сводившимися к двум пунктам. Первый: всякий раз, когда совершалось какое-либо преступление в области, в каком бы месте оно ни произошло, предполагалось, что оно совершено горцами. Второй: за всякое преступление отвечают все горцы, живущие вблизи от места совершения преступления. Как в случае, когда истинный виновник преступления не открыт, так и тогда, когда он установлен, но средств для возмещения причиненного им убытка не имеет.

В случае воровства из казачьих станиц и с полей скота или другого имущества, когда следы доводят до какого-либо аула, старшина последнего обязан принять следы и вести их дальше. Если же виновник не найден, то все без исключения жители этого аула обязаны уплатить полную стоимость украденного. За кражи из станиц отвечают и окрестные аулы, поселения расписаны по группам с обозначением, какие аулы и какие поселения колонистов несут ответственность. Если виновный обнаружен, взыскание всех причиненных им убытков обращается на его имущество, а если его стоимости окажется недостаточно, то взысканию подлежит имущество и

ближайших родственников вора. А уж в случае и их несостоятельности, розыскание налагается на весь аул, где, по подобию, проживает виновник.

Поскольку след привел к Гати-Юрту, а виновник обнаружен не был, то аулу и придется расплачиваться за пропавших лошадей. А то, что стоимость их зависила в три-четыре раза, стало привычным делом.

Все новости были уже пересказаны, друзья еще некоторое время поговорили о том о сем, а затем вместе направились к Али. Там всегда найдется тема для беседы.

Во дворе Али, под навесом, Андрей устроил что-то вроде кузнечной кузницы, где с утра до вечера кипела работа и собрался народ. Люди тащили старые топоры, сошники, плуги, колеса, заказывали косы, вилы и прочий инвентарь. Но Андрей денег не брал.

В последнее время Васал крайне редко заглядывал к Али, хотя всей душой тянулся к единокровным братьям, готов был днем и ночью слушать родную речь. Да вот только не знал, как к его частым посещениям отнесутся аульчане, что подумают о нем, если он десять раз на дню станет бегать к своим родственникам. А ведь в любое время, стоит ему лишь выйти во двор, как ноги сами несут его к ним. Он и говорил мало, и вопросы задавал редко, зато с каким вниманием слушал родной язык, а уж послушать что-нибудь о родине было для него настоящим радостным праздником.

Но, к удивлению Васала, сегодня со двора не доносилось привычного стука молотка и ударов кувалды. Под навесом сидели Андрей, Берс, Яшка, Арзу и Маккал, в руках Берс держал раскрытую книгу.

* * *

Поздоровавшись со всеми за руку, Васал и Мачиг облюбовали для себя место у старой арбы. Васал справился у Берса о здоровье,

— Жив-здоров, брат, — весело отозвался Берс. — Знаешь, Васал, на днях я нашел интересную книгу о Шамиле. Написал ее капитан Руновский, некогда специально приставленный к нашему имаму. И написал он довольно-таки любопытно. Мы вот все удивлялись, почему, мол, имаму не убили, как убили Мансура, и не повесили, как Бойсангура. Оказывается,

он нашел общий язык со своими вчерашними врагами, и ему живется неплохо! И о чеченцах отзывается далеко не лестно...

— Вранье! — воскликнул Арзу. — Не верю! Шамиль не может клеветать на наш народ, который был ему верен все двадцать лет войны!

— А сам ты веришь написанному Руновским? — спросил Андрей у Берса.

— Но если ты хочешь узнать всю правду, Андрей Никитич, то, скажу откровенно, после прочтения этой книги голова у меня пошла кругом. Да, Шамиль был жесток. Как все прежние и нынешние правители. Я даже полагаю, что этому горцу можно простить его жестокость, ибо он делал то же, что тысячелетиями творили и продолжают творить даже цивилизованные европейские правители. Добавлю к этому, что если Шамиль и бывал иногда излишне жесток и несправедлив, то исключительно по своей невежественности, но... во имя свободы и справедливости. Да, написанное господином Руновским в этой книжке, частично соответствует правде. Еще раз подчеркиваю, частично! Ибо, мне думается, что многое в ней он сгустил и даже выдумал, чтобы унижить и оскорбить этого великого горца, приуменьшить славу и авторитет Шамиля с целью продолжить сеять вражду между горскими народами. Короче, Андрей Никитич, теперь, в наше очень сложное и противоречивое время, еще труднее разобраться, что в книге правда, что ложь.

— Мне думается и другое, — сказал Яков, внимательно слушавший разговор. — Ваш Шамиль и его наибы по жестокости даже уступали нашему царю и нашим помещикам. Последние-то, вдобавок ко всему, еще и развратны...

— Будь его воля, он бы всех их передушил, — засмеялся Андрей, взглянув на своего помощника. — Как увидит богатея, так глаза кровью наливаются, словно у зверя.

— Откуда же у него такая ненависть? — спросил Берс.

— Долгая история... — замылся Яша. — Когда-нибудь я расскажу вам ее... На досуге...

Арзу и Маккал вспомнили разные интересные истории из боевой и личной жизни шамилевских наибов и мулл, рассказали, как ловко они обирали народ и при этом жестоко расправлялись с недовольными; затем разговор незаметно перешел к настоящему, к сегодняшнему дню, к несправедливости новых властей и притеснению народа, к наложенному на аул штрафу.

— Иногда воровали и мы, — признался Васал. — Что правда, то правда. Но разве одни только мы? А сами станичники? Сами же крадут, а на нас сваливают.

— Кто этого не знает, Василий, — махнул рукой Андрей. — Вот я один случай расскажу. Ездил я как-то в станицу Капиновскую. Вдруг среди ночи шум, гам. Палят из ружей. Ну, думаю, не иначе на станицу напали. Спрашиваю, в чем, мол, дело? Объясняют, чеченцы, дескать скот угнали. Но они одного вора все же поранили. Наутро пошли по кровавому следу, а он их привел в дом своего же станичника. Тот вынужден был сознаться в краже, выдал и остальных своих дружков. А вот, что произошло в Сунженской станице. Задумал воровство разводчик ночных секретов. Ну и не выставил дозор в одном месте. Казаки видят, что не везде дозор поставлен, стали стеречь это место сами. Вор явился туда, увидел казаков, бросил скот, пустился наутек. И был убит наповал. В убитом казаки признали своего разводчика. Так вот, в обоих случаях лишь случайно соседние чеченские аулы избежали обвинения в воровстве и непосильного, незаслуженного штрафа. Ваши воры только одного боятся — как бы не поймали на месте, иначе все потом станут сваливать на чеченцев. Так уж повелось: как искать воров, то ищут только в чеченских или ингушских аулах.

— Причем ловко этим пользуется разная сволочь, — горячо заговорил Яков. — Мне один казак по секрету поведал, как его родственник из соседней станицы взял да и запалил свою полуобвалившуюся избенку, а указал на соседей. Ему поверили и с того аула взыскали сумму, в десять раз больше стоимости сгоревшей развалюхи; на эти деньги он и отстроил себе новую избу.

— И здесь клин вбивают, чтобы мира между нами не было, — вздохнул Андрей. — Вот ты, Мачиг, любишь русских?

Мачиг замотал головой, ударил обеими ладонями по тощим коленям:

— Ей-бох, один урус сапсем-сапсем палахой, один урус сапсем-сапсем хороши.

— А ты — диплома-ат, — протянул Берс и невольно рассмеялся.

Мачиг обернул все шуткой:

— Корней хороши, Яшка хороши, Андрей хороши...

— Русских миллионы, — перебил его Васал. — Все они, как деревья в лесу, разные. Но многие думают, раз власть

русская, то и все русские — сволочи. Но власть-то с народом не советуется... А за ее действия расплачивается он.

— При чем тут народ, Василий? Зачем всему народу ответ держать? Лишь богатеям и шкурникам. Вот кому.

— Кабы так, — протянул Васал, сворачивая сигарку. — Только у нас стригут всех под одну гребенку. Трус, он кто? Самый что ни на есть вредный и опасный человек. Что та скотина, которая не мычит и не телится. Из-за таких власти, что хотят, то и делают, и будут делать, пока он, как квочка кудахчет и за свою шкуру дрожит.

— Мужик не единожды поднимал косы и вилы, забыл? А Степка Разин, а Емелька Пугачев? И теперича, нет-нет да пустит красного петуха.

— Это мы только в своей избе такие герои, — не сдавался Васал. — А коснись инородца какого, так то не наше дело, будто он и не человек вовсе. Оставляем его волкам на растерзание. Вот тебе, Никитыч, и по-божески!

— Ты что же предлагаешь?

— Встать за инородцев. Всем миром!

— Будто не знаешь, в каких нас тисках держат?

— Ежели бы не знал, не перешел на сторону чеченцев.

— Не все так могут.

— А им какая преграда?

— Спутаны по рукам и ногам.

— Да нет, Никитыч. Была бы охота, а помочь завсегда можно. Вот тебя возьмем. Последним, можно сказать, делишься. А разве мало таких? Немало. Но где ж они когда нужно? Не видно. Потому как попрятались все и молчат. Но я тебе скажу, домолчатся! Русский барин сегодня чеченца забирает, завтра за своих примется.

— Да с нас уж и так испокон веку по три шкуры дерут.

— Поделом. Потому как безголовые. Кто в лес по дрова, а кто в поле за сеном. Вместе никак не можем. То общая беда.

Остальные молчали и слушали, не перебивали, не вмешивались. Только Яков порывался что-то сказать, да знал, что неприлично вступать, когда говорят старшие. Наконец наступила пауза, и Яша не замедлил ею воспользоваться.

— Все это будет, когда черт помрет, а он еще и не хворал. Эх, дядя Вася! — Яшка ударил себя кулаком в грудь. — Вот тут горит. Все нутро. Ты не забыл, как гнул спину на барском поле?

— Забудешь, как же...

— Так вот, все одно, что наша доля мужицкая, что чеченская. Я даже дяде Андрею не рассказывал, как на Терек попал. Почему? А потому, вспомнишь — мороз по коже... Ежли кто прознает, то мне один путь-дорожка выпадет — на каторгу или на виселицу. Вот и боялся, потому и рот на замке держал крепко. Теперича, кажись, можно. Люди вы ничего, хорошие. Вам, пожалуй, рассказать можно...

* * *

— За что нас дядя Вася упрекает? За терпение, — начал рассказ Яша. — Что верно, то верно, русский мужик терпелив. Говорят, за терпение Бог дает спасение. А уж коль разойдется когда — не одна хозяйская голова летит с плеч. Когда немоготу, то и сырые дрова загораются. Думаете, царь-батюшка по своему хотению крепостное право отменил? Мужик его принудил. Народ. Вот кто. Верно, дядя Вася, нас миллионы. Но мы, как слепые котята, идем и сами не знаем куда. Мужик — он темный. Всяк его обманет, обведет вокруг пальца. Ну вот, объявил нам царь свободу. Барин и говорит: плати выкуп и иди на все четыре стороны. А на кой черт мне такая свобода, когда землицы у меня нету? Опять же покупай ее у барина! А где деньги взять? Да и отрежет он тебе самый что ни на есть плохой кусок. Вот тогда и подумали мы, что царь-батюшка, дескать, освободил нас с землей, а помещики это скрыли от нас. По соседству с нами имелась деревня Бездна. И жил в той деревне грамотный мужик Антошка Петров. Библию всю наизусть знал. Святым человеком слыл. Вот и пошел слух, что, мол, царь ему вручил грамоту и велел идти в народ и объявлять всем царский указ. Говорили, что в той грамотке царь отписал землю и леса мужикам, а ежели помещики добром не станут отдавать, отбирать силой. Прослышали наши мужики о таком деле и пошли к барину требовать, чтобы он волю царя-батюшки исполнил. Само собой, барин погнал мужиков со двора. Тогда порешили мы делить меж собой землю и имущество барина. Сказано — сделано. Давай барское добро грабить! Да недолго погуляли. Солдат пригнали в Спасский уезд. Мы, конечно, решили драться. Схватили топоры, вилы, косы и миром пошли за село, на войско. Но многие, как увидели солдат, извиняюсь, в штаны наложили. Один, другой назад повернул, глядь, за ними и все побежали.

— Вояки, — рассмеялся Васал. — Сразу драпака дали!

— Что же нам оставалось делать? — Яков укоризненно посмотрел на Васала. — У церкви пушки стояли, у солдат — ружья, от одного их вида оторопь брала. Ими офицеры командовали, а у нас и сверховодить как надо некому было.

— Ну-ну? И что же дальше? — спросил Берс. Рассказ его явно заинтересовал.

— Дальше? Назавтра, как и раньше, работали на барина. Думали, авось и обойдется. Ан нет. Не таковским был наш барин. Не простил. На второй же день согнали народ на церковную площадь, окружили солдатами. Поначалу принялись бить зачинщиков. Били нещадно. Мой черед настал. Я портки уже было скинул, да барин вдруг и заступился. Мужики сразу же смекнули в чем дело. У меня невеста была красавица, на загляденье всем. Марфой ее звали. Лицо белое, глаза голубые, чистые, ясные, что тебе утренняя роса, волосы густые золотистые, и вся она как тополек стройный. Любили мы друг друга. Я три года деньги на свадьбу копил. Лез перед барином из шкуры; а как иначе, если он решал нашу судьбу? Накопил немного деньжонок и решил попросить у барина дозволения на женитьбу. Как раз случай такой представился: конюх заболел, так меня на его место поставили. Пришел барин коней поглядеть, я и выложил ему все. “Хорошо, — сказал он, — но прежде должен я посмотреть на невесту и узнать, согласна ли она пойти за тебя. Завтраvedi ее ко мне”. На другой день мы с Марфой пошли к барину. Он стоял на крыльце. Мы молча, не смея поднять глаза, застыли перед ним.

— Как тебя зовут? — обратился он к ней.

— Марфой, — еле слышно ответила она.

— Красивую девушку ты нашел себе, Яшка. А ты Марфа, согласна выйти за него?

— Да.

— Ну и прекрасно. До весны еще два месяца. А за это время поработаешь в барском доме служанкой.

— Воля ваша, барин.

— Вот и поладили... Я не против вашего брака.

Мы бросились перед ним на колени и чуть ноги ему не целовали. Барин нагнулся, поднял Марфу и долго смотрел на нее. Но смотрел, будто раздевал. “Да нет, это мне показалось, — подумал я. — Барин стар, у него жена и взрослые дети”.

Стала Марфа работать в доме барина. Однажды пришла, пожаловалась, что барин проходу ей не дает, заигрывает и что она боится его. Что мне делать? Силой отвадить барина от нее не смогу. Забрать Марфу оттуда? Кто же мне ее отдаст? Хозяин — барин, все в его воле.

— Потерпи, родная, — утешал я. — Бог не допустит надругательства.

— Чует мое сердце, опозорит он меня, — заливалась она горькими слезами.

— Коль хоть пальцем тронет, — говорю, — убью его! Так и передай барину.

Утешал ее, а у самого сердце холодело. И не напрасно. Надругался над нею барин, и она повесилась. Только мать успела спасти ее, и никто о том деле не прознал. Барин, видать, денег отвалил родителям Марфы, те и смолчали. Даже мне о том не сказали. И Марфа скрыла. Может, боялась, что я действительно убью барина, может, отец застрашал. Как-то барин вызывает меня и говорит:

— Слышь, Яков, зачем ждешь весны, женись на своей красавице.

Я ответил, что рано еще, денег пока не хватает.

— Сколько же не хватает?

— Три червонца.

Барин достал десять червонцев.

— На тебе сто рублей. Да поторопись с женитьбой. С родителями Марфы все сам улажу. Не тани, слышишь?

Вскоре мы обвенчались, сыграли свадьбу. А в первую же ночь все открылось. Что я ей мог сказать? Она же не виновата. И руки на себя наложить пыталась... Говорила же она мне раньше, предупреждала... Сам я виноват был перед ней. Ее еще и запугали: меня, мол, в Сибирь сошлют, а она будет ходить опозоренной. Так нашептывали ей барин и родители.

Ночь я не спал, а с рассветом пошел в конюшню взять топор и, затаившись среди лошадей, стал ждать. Наконец появился барин. При виде его я аж затрясся. Кинулся к нему, поднял топор, но старый кобель оказался не по годам ловок. Увернулся, выхватил из кармана маленький пистолет и на меня направил.

— Не горячись, Яшка, — спокойно так говорит. — Ты еще пооди. Это дураки расстаются с молодой красивой женой после первой же ночи.

Злоба меня душила, а он на топор все смотрит. И пустил я его со всей силы в злодея. И опять мимо. Успел он наклониться, и топор врезался в столб за его спиной. Тут приказчик откуда-то появился.

— Зови мужиков! — кричит ему барин. — Свяжите его и бросьте в подвал.

Очутился я в подвале, по рукам и ногам связанный. Вечером ко мне спустился барин.

— Как себя чувствуешь? — спрашивает, словно промеж нас ничего и не было.

Я зубами заскрипел.

А он глаза сощурил:

— Глупый ты мужик! Поднял на меня руку. Тому свидетель есть. Да и без свидетелей я тебя в гроб загоню. Тебя ждет каторга, лет на десять. Там и сдохнешь, как паршивая собака. А хочешь, отдам тебя в солдаты? Через двадцать пять лет вернешься. Но Марфе ты будешь уже не нужен. Зачем ей старик? Выбирай, подлец: на каторгу или в солдаты? Когда надумаешь, не забудь вернуть мне долг.

— Креста на тебе нет, окаянный! — прохрипел я.

Он расхохотался мне прямо в лицо:

— Баран, ну сущий баран! Что случилось с твоей Марфой? Убыло от нее, что ли? Нет! Ну, и провел я с ней первую ночь. Что с того? Тебя же, дурака, освободил от лишнего труда. Сладкую ли, горькую, но ты потерял всего одну ночь. Зато все остальные будут одинаковы. Давай, помиримся, а она пусть еще месяц в доме у меня поживет... Потом забирай ее. Ты еще сосунок, не знаешь, что всякая женщина скоро надоедает. Ну как, договорились?

Я не ответил. А он не нуждался в моем согласии. Я же молчу, а сам прикидываю: "Как отомстить? В Сибирь погонят — пропадай месть, в солдаты упекут — то же самое. Нет, надо сделать вид, что покорился".

В ту же ночь меня из подвала выпустили, да жизнь стала хуже каторги: ни сна, ни покоя. Жду, когда же удобный случай подвернется. Но не иначе как барин в рубашке родился. Укатил в Петербург, а как вернулся — мы тот самый бунт и затеяли. Когда меня от плетей освободили, все смекнули, почему: пожалел... А вернее — откупился. И вот это меня еще пуще взбесило. В тот же день мы с Марфой переехали в Бездну.

— Так и не прирезал эту свинью? — спросил красный от возмущения Маккал.

— Терпение, добрый человек, терпение, — зло усмехнулся Яков. — Я же в Бездну уехал, думал, оттуда мне будет легче скрыться. Там мужики бунтовали. Туда солдат нагнали. Народ у них посмелее оказался, не разбежался, как в нашей деревне. Все у дома Антошки собрались. Улицы заполнили, дворы, на крышах и заборах сидят. Много народу. Приехал сам генерал Апраксин. К народу обращается, просит выдать Антошку и разойтись по домам. Обругали его. Батюшка пришел. И его поматушке покрыли. Снова заговорил генерал. Не помогло. Стоят мужики на своем: “Отдайте нам царский указ! — кричат. — Мы за батюшку-царя”. Тогда генерал и приказал стрелять. Залп — попадали люди. Но остальные с места не тронулись! Снова залп. Снова упали. А народ стоит! После каждого залпа генерал упрашивает мужиков, и все больше и больше убитых и раненых. Потом уже говорили, что с полтыщи полегло в тот день. И люди не выдержали... Бросились кто куда. А из лесу на выстрелы бежали женщины и дети. Их там попрятали мужики, вроде бы от греха подальше. Вдруг крик: “Выдадим! Выдадим!” Пальба прекратилась, и из избы вывели бедного худого Антошку. Идет он, а сам грамотку царскую над головой держит. И забрал генерал Антошку. Вот так и закончилась наша борьба за царскую правду! Дайте закурить, дядя Вася.

Васал протянул кисет Якову.

— Что же дальше?

— Убитых похоронили. Раненые по избам лежали. Остальные снова лямку тянули...

— А с барином-то как? Так и не отомстил ему?

— Не убил. Но имение его спалил в ту же ночь. А сам с Марфой убежал на юг. Рассказывали, что здесь, дескать, много пустых земель и люди живут свободно. Ан нет. Врали. Везде все одинаково. Повсюду господа сидят на мужицком горбу. Но добрых людей немало встретили. В позапрошлом году мы с Марфой приехали на Терек. Голодные, оборванные, за душой ни гроша. Дай Бог здоровья Андрею Никитичу и Наталье Кузьминичне, приютили нас. Сейчас живем ничего: крыша над головой есть, хлеба в достатке...

— А куда же ваш баччи* потом делся? — спросил Али.

— Кто? — не понял Яков.

* Баччи — вождь, предводитель (чеч.).

— Ну тот, святой?

— А-а, Антошка? Ничего о судьбе его не знаю. Слух прошел, что, вроде, его и пятерых мужиков расстреляли, потом товарищавали, что генерал одел Антона в свое платье, навесил ему на грудь свои ордена, посадил в карету и повез к царю. А царь будто бы вместе с Антоном послал к народу своего брата Константина. И пришли они в губернию, где народ ревел дворян. “Дети мои, — спрашивает Константин, — что вы делаете?” — “Хотим всех дворян порешить, ваше высочество”. — “Покорнейше благодарю, что усердно исполняете службу царскую. Собаке — собачья смерть”. Один Бог знает, где правда, где кривда...

Васал, как мог, переводил Мачигу и Али рассказ Якова. Наступила пауза. Каждый ушел в свои думы. Мачиг и Васал дымили сигарками. Арзу подкинжальным ножом стругал кипиловую палочку. Берс листал книжку Руновского “Записки о Шамиле”. Яков тоже молчал, глядя в одну точку. И был у него вид человека, освободившегося от непосильной ноши...

* * *

За разговорами время летит незаметно. Маккал глянул на небо — солнце стояло в зените. Наступил час полуденной молитвы.

— Знаешь, Андрей, — нарушил молчание Маккал, — слушал я Якова, и вспомнились мне события в Шалах. Тебе, должно быть, известно о них. Посадили в тюрьму одного шейха, Кунту-Хаджи. Большая толпа народа пошла к укреплению с требованием вернуть шейха. Из крепости открыли стрельбу. Ничего народ не добился, только увеличилось число напрасных жертв. Точно так же, как и в далекой Бездне. Бедный, скромный, праведный человек был Кунта-Хаджи. Одним словом, святой человек. Он глубоко сочувствовал нашему бедному, обездоленному народу, выступал в его защиту. Призывал сохранять нравственные устои, старался своими молитвами облегчить горе и несчастье людей. Народ верил ему, верит и сейчас, что он вернется, освободит его от гнета русских властей, вернет ему свободу, мир и спокойствие.

— Ох, если бы можно было всего этого добиться молитвами! — воскликнул Берс. — К сожалению, свободу добывать нужно своими руками...

— Я сам знаю, Берс, что ни праведный Кунта-Хаджи, и никто другой не может освободить наш народ от царского гнета. Только человек, народ, должен верить чему-то и кому-то. Человек, который не верит ничему и никому, становится хуже зверя. Пойми, люди отчаялись, потеряли веру в то, что они сами могут добыть себе свободу своими силами, вот и положились на волю Всевышнего Аллаха. Верят и сейчас, что Аллах избрал Кунту-Хаджи исполнителем своей воли, что Аллах только через своего избранника даст людям свободу. Пусть хоть такая новая идея поднимет народ на борьбу за свою свободу, и это уже будет хорошо.

— Но приведет опять к слепой борьбе, Маккал. Народ нуждается в просвещении.

— Это в мечтах.

— Ну что ж, друзья мои! — Берс встал. — Пора нам, как говорится, и честь знать. Одним — на молитву, другим — за труд. Ты, Яков, не вешай носа. Если не мы, то наши сыновья отомстят за все обиды. Много русских солдат сражалось на стороне горцев, мечтая о свободе: Но мы все вместе жестоко обманулись. Не те люди возглавили борьбу. Хотя и мы не далеко ушли от них. Но придут другие, и народ поймет, кто ему враг, а кто друг. Сойдутся обездоленные в один лагерь, вот тогда и произойдет великая битва. В той битве мы победим обязательно!

ГЛАВА VI

РЕШЕНИЕ

За горами горы тучами повиты,
Засеяны горем, кровью политы,
Вот там-то милостивцы мы
Отняли у голодной голи
Все, что осталось — вплоть до воли.
И травим...

Т. Г. Шевченко

В просторном очаге под медным котлом потрескивали толстые дубовые поленья. В кипящем котле бурлила рябая фасоль. Айза выгребла немножко углей и держала над ними сковородку, в которой на говяжьем жире жарился лук для подливки к фасоли.

Когда ужин был готов, Кюри и Кайсар сняли с толстой печи котел и поставили его у двери. Айза вылила в него подливку. Наполнила супом две большие глиняные чашки-ханги. Поставила их на круглые деревянные подносы, окружила толстыми кусками сискала и вынесла мужчинам. Затем дала есть и ребятам.

Алибек — гость, он приехал из Симсира, что за Зандаком, на самой границе с Дагестаном. Алибеку еще нет пятнадцати лет, но, тем не менее, он гость, а гостя почитают, независимо от того, молод он или стар. Он приехал не к братьям Али и Арзу, не к Маккалу. Здесь у него друзья — его родственники Кюри и Кайсар. Познакомились они в прошлом году в горах, когда проходило очередное учение.

Семья Алибека не бедная и не богатая — так себе, среднего достатка. У Олдама шесть сыновей, Алибек — средний. На первых учениях мальчик отличался смелостью, мужеством, показал себя искусным наездником, отличным стрелком, чутким и отзывчивым товарищем. В первые же дни учебы даже самые сильные и ловкие уступили ему первенство, и он стал настоящим вожаком мальчишеского отряда.

Алибек был со всеми в добрых отношениях, но даже среди равных отличал Кайсара и Кюри. Какие-то невидимые нити связывали их сердца. Вечерами они подолгу засиживались на берегу бурной реки, говорили о героических подвигах предков и мечтали их повторить через несколько лет, повзрослев. А в последний день в горах они поднялись на высокую скалу и поклялись отдать жизнь борьбе за свободу своего угнетенного народа.

Вот и сейчас, вместо того чтобы провести вечер в кругу ровесников, они пришли в дом Али, послушать взрослых. Только здесь не просто взрослые, а очень интересные люди. Вот Арзу, широкоплечий крепыш, всегда с серьезным лицом, с орлиным взглядом. Ему нет еще и сорока, он был самым храбрым пятисотенным командиром у знаменитого наиба Нойбердинского Эски. Рядом с ним мулла Маккал. Хотя его и называют муллой, но он никогда по сути дела им и не был. Просто он получил высшее духовное образование, но все свои знания и свою жизнь посвятил делу свободы. Был в плену, увозили его в далекую Россию. Довелось ему ездить в Стамбул, повидать много разных стран и народов.

Но самый интересный — Берс. Сын богатого купца. Учился в Петербурге, в офицерской школе. Тоже был в других странах. За храбрость награжден орденами.

Все трое могут рассказать очень интересные истории. От них можно услышать и добрые советы, которые пригодятся на будущей стезе борьбы.

Айза давно убрала остатки еды. Подростки внимательно слушали Берса и Маккала. Может быть, для Кайсара и Кюри эти рассказы и не были новы, так как они жили с Арзу и Маккалом в одном ауле, а Берс часто наезжал сюда, но Алибеку, который родился и рос в дальнем захолустном ауле, в их рассказах сегодня открылся совершенно новый мир. Оказывается, в России и в других странах есть большие города и красивые дворцы. Там по рекам и морям плывут большие корабли, по железным дорогам ходят какие-то домики на колесах, передвигаемые не быками или лошадьми, а огнем и паром. И все эти чудеса сделаны улемами, которые учились в большом медресе, где преподают много-много разных наук.

Но больше всего Алибека удивило то, что и в этих богатых странах большинство людей живут в бедности и несправии, а богатство принадлежит совсем небольшой группе людей. Кто

бы мог подумать, что те самые храбрые русские, которые с оружием в руках приходят в Чечню, на своей родине тоже живут в рабском положении? Говорят еще, что Россия такая огромная, что требуется два-три года, чтобы проехать ее на добрых конях от одного конца до другого. И вместе с тем, при таких просторах у мужиков нет клочка земли! Алибек не мог поверить тому, что в России какие-то помещики столетиями першили над мужиками жесточайший произвол. Как может человек безнаказанно избивать, убивать, продавать людей? По своей прихоти насиловать женщин? Почему же они не встают против своих угнетателей? Оказывается, встают! Берс говорил, много было войн между богатыми и бедными. И в России, и в других странах мира. Но всегда верх одерживали богатые. Хотя богатые и составляют меньшинство, на их стороне и власть, и армия, и полиция, и тюрьмы. Армия — это сила. Она хорошо вооружена, ею командуют опытные генералы. А у мужиков-то что? Топоры да вилы! Конечно, руководили ими смелые и мужественные люди, но были-то они темными и неграмотными. А как трудно объединить мужиков. Сегодня они здесь встают, завтра там... Вот царские генералы и бьют их по отдельности...

Берс говорит, что в западных странах бедные выступают более организованно. Там много заводов, фабрик. И люди, которые работают на них, более сознательные и организованные. А в какой-то Германии появились даже два человека, которые учат любые народы тому, как бороться с угнетателями, как создать общество, где бы все люди и народы стали равноправными. У этих двух мудрецов много последователей не только на западе, но и в России. Их жайны переведены на русский язык. И в самой России, оказывается, есть немало защитников народа. Умных, смелых, мужественных. Они выступают против царя и помещиков, за свободу не только русского, но и всех народов. Немало и таких, что подняли свой голос в защиту горцев. И Берс читал их жайны, перевода на чеченский:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили —
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.

Прекрасен ты, суровый край свободы,
И вы, престолы вечные природы...

У Алибека дыхание перехватывало. Как здорово сказано:
“Прекрасен ты, суровый край свободы!”

Там поразить врага не преступленье;
Верна там дружба, но вернее мщенье;
Там за добро — добро, и кровь — за кровь,
И ненависть безмерна, как любовь...
Темны преданья их. Старик-чеченец,
Хребтов Казбека бедный уроженец,
Когда меня чрез горы провожал,
Про старину мне повесть рассказал...

Берс читал и читал. И слушал его не один только Алибек,
но и все. Маккал же, закрыв глаза, покачивался в такт стихов.
Вот на горцев напал враг, и жители уходят из родных мест:

Но что могло заставить их
Покинуть прах отцов своих
И добровольное изгнание
Искать среди пустынь чужих?
Гнев Магомета? Прорицанье?
О нет! Примчалась как-то весть,
Что к ним подходит враг опасный,
Неумолимый и ужасный,
Что все громам его подвластно,
Что сил его нельзя и счесть...

И горцы покидают могилы предков, уходят на чужбину:

Но вольность, вольность для героя
Милей отчизны и покоя.
В насмешку русским и в укор
Оставим мы утесы гор.
Пусть на тебя, Бешту суровый,
Попробуют надеть оковы...

Какой ум, такой талант! О, как непохожи эти бейты* на
печальные чеченские назмы**.

— Кто написал эти прекрасные бейты? — не вытерпел Алибек.

— Их написал один молодой русский офицер. Он глубоко
сочувствовал горцам, осуждал царя за войну против них.

* Бейт — стихи, стихотворение (чеч.).

** Назм — религиозное песнопение (чеч.).

Аул, где детство он провел,
Мечети, кровли мирных сел -
Все уничтожил русский воин...

Горят аулы, нет у них защиты,
Врагом сыны отчества разбиты,
И зарево, как вечный метеор,
Играя в облаках, пугает взор.
Как хищный зверь, в смиренную обитель
Врывается штыками победитель,
Он убивает старцев и детей,
Невинных дев и юных матерей
Ласкает он кровавою рукою.
Но жены гор не с женскою душою!
За поцелуем вслед звучит кинжал.

В смелых глазах Алибека заблестели совсем детские слезы.
Он бы ни за что не показал их людям, но сейчас забыл о
присутствующих. Перед глазами мелькали битвы, сожженные
аулы, мертвые женщины, старики.

Раз — это было под Гихами —
Мы проходили темный лес,
Огнем дыша, пылал над нами
Лазурно-яркий свод небес...

Опять Алибеку слышались грохот пушек, треск ружей, звон
булата... А среди них тот же голос:

Я думал: "Жалкий человек.
Чего он хочет!.. небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он — зачем?"

Берс умолк. И все молчали. Затем Алибек внезапно нару-
шил суровую тишину, вслух повторил последний бейт и спро-
сил:

— Действительно, почему люди враждуют между собой?
Почему не все думают так, как этот славный русский офицер?
Где он, этот герой?

Берс печально улыбнулся.

— Нет его, Алибек. Такие люди недолго живут.

— Умер?

— Нет. Его убили.

— Кто? За что?

— Он пал на земле Кавказа, которую любил как сын и как отец. Он любил свободу, людей и больницы, приучая торговать и использовать богатства края для расцвета здешних народов. Конечно, царь и генералы не послушались их. Если уж они не думают о счастье своего народа, то о других — тем более.

* * *

— Я вам, ребята, рассказывал, как мужики восставали против царя. Это понятно, мужики бедны и неправы. Но против гнета и произвола богатых восстают и сами богатые. Таких мало, но они всегда были и есть. Да, они богатые, да, для них открыты двери к счастью, но они видят и несчастья своего народа. Они переходят на его сторону. Это настоящие сыны страны. — Берс рассказал о таких. Начал с какого-то Радищева, который был приближенным царя, но тоже писал жайны. И в своих жайнах не восхвалял царя и его власть, наоборот, писал о бедствиях народа, о его тяжелой жизни, о несправедливости и клевете на царя и помещиков. Царь его сослал в далекую холодную Сибирь. Выдержал Радищев, отбыл срок и вернулся. Тогда царь устроил на него гонения. И Радищев покончил свою жизнь самоубийством...

Лет сорок назад даже богатые русские офицеры сговорились свергнуть царя и его сторонников, чтобы освободить народ. Они подняли войска в Петербурге и других городах. Но их было мало, и с ними жестоко расправились. Пятерых главных повесили, сотни сторонников сослали в Сибирь и на Кавказ. Умышленно погнали на войну с горцами. Ведь царь знал, что они с горцами воевать не хотят, но надеялся, что их здесь могут убить...

— И они сражались против нас? — спросил Кюри.

— Конечно, — ответил Берс. — Им некуда было деться, ведь их разжаловали в солдаты. Были они полковниками, стали рядовыми. Дали ружья и приказ: идите и стреляйте в горцев! Не будете стрелять — расстреляем.

— Почему они не перешли к нам? Как Васал, Жабраил и многие другие?

— От того не стало бы легче ни им, ни горцам.

— Почему?

— Потому, что они были умными людьми и видели всю безнадежность борьбы горцев против могущественного государства. Знали, что рано или поздно нам придется покориться царю. Они призывали царя и генералов не проливать кровь горцев. Убеждали, что нас можно покорить не оружием, а

добрыми, человеческими отношениями, создавая у нас школы и больницы, приучая торговать и использовать богатства края для расцвета здешних народов. Конечно, царь и генералы не послушались их. Если уж они не думают о счастье своего народа, то о других — тем более.

— А сейчас в России больше нет таких людей?

— Есть, конечно. И с каждым годом их становится все больше и больше. И они становятся умнее. Ведь ошибки предшественников показали им более правильные пути. Вот сейчас они призывают царя быть более человечным по отношению к горцам. Дать им такие законы, которые были бы совместимы с духом и характером нашего народа. Они призывают не сеять вражду между горцами и русскими, наоборот, приложить все усилия, чтобы и те и другие забыли обиды и нанесенные войной раны.

Все задумались. Вой ветра доносился через широкую трубу очага. Мороз проникал сквозь прорехи окон, затянутых бычьим пузырем. Нешадно чадила коптилка, горящая на говяжьем жире. Все думали о героях, о которых рассказывал Берс, и о своем бедственном и безрадостном положении.

— Если бы все русские поступали и думали, как эти люди, — протянул Али. — Хотя, может, многие русские на самом деле так думают. Но какой толк от этого, если большинство народа молчит и не только молчит, но и позволяет, чтобы царь гнал его на войну против нас? Ладно, сейчас война кончилась и мы перестали убивать друг друга. Раз мы покорились, не сжигают наши бедные аулы. Но землю у нас отобрали? И на ней поселились не турки, а русские. Понастроили крепостей, а нас загнали в леса и ущелья. Мы обложены непосильными налогами. Больше того — на каждом шагу над нами издеваются, не считая за людей. Какому быть миру после всего этого?

Маккал вытащил четки, готовясь отчитать положенные молитвы. Ребята смотрели то на него, то на Берса и Арзу. Что-то они скажут? Чем ответят?

— Не народ виноват в нашей беде, — сказал Маккал. — Народ есть народ. Его нельзя осуждать. Все зло исходит от царя и богатых. Если завтра, Али, к тебе придет пристав с солдатами, заберет тебя, даст в руки ружье и погонит куда-нибудь за тридевять земель, чтобы ты там стрелял в мужиков? Что ты сделаешь, Али?

- Не пошел бы.
- Как так?
- Не пошел бы, и все!
- Тебя отправят в Сибирь.
- Ну и пусть!

— Нет, Али, ты пошел бы! — вмешался Берс. — Ведь что бы ты смог сделать против властей? Ничего. Ты — пылинка, капля в людском море. Власти стравливают людей, народы идут друг на друга. Что знает о чеченцах русский мужик, который живет за тридевять земель? Ничего. Но власти говорят ему: чеченцы — злодеи и разбойники, это они нападают на русские аулы, грабят жителей и убивают их.

— Но это же неправда! — воскликнул Али.

— Ну и что из того, что это неправда? Мужик-то никогда нас с тобою не видел. Он нас не знает, его легко убедить.

— Но здесь-то он видит, что мы не такие?

— Видит. Только поздно: отступать уже некуда. Он в руках офицеров. За непослушание его избьют. А если он не будет стрелять в чеченца, то его просто расстреляют. И волей-неволей он вынужден воевать. А на войне другие законы. Когда противники сошлись, они уже не рассуждают, кто прав, а кто виноват. Каждый старается убить, чтоб самого не убили. Потом к этому привыкают и даже стараются убивать побольше. Ведь тех, кто убивает больше, награждают орденами. Да еще их называют героями за то, что они убивали таких же мужиков, как сами. Некоторым это даже приятно. Они ходят, гордятся своими подвигами... Видите, как все просто...

— Мне кажется, Берс, ты здесь не совсем прав, — сказал Арзу, который молчал все это время. — Вина народа прежде всего в том, что он слепо верит властям и идет у них на поводу. Народ не должен терпеть произвол своих правителей. Особенно, когда они притесняют и истребляют такие маленькие народы, как наш. Допустим, что мы с тобой — убийцы, разбойники. Да еще тысячи, десять тысяч таких, как мы. Ну, а наши дети, женщины и старики? Ведь не может быть народа-убийцы, народа-разбойника? И тот, кто поверит в это, — либо больной, либо слабоумный.

— Ты, Арзу, говоришь так, не зная, что происходит в мире. Разве я не рассказывал, как в России клеймят царя и его правительство за несправедливую войну против горцев? За уг-

печение и притеснение других малых народов? Разве на нашу сторону не переходили сотни офицеров и солдат? Разве они не сражались вместе с нами против царских войск? Не гибли, защищая нашу свободу?

— Таких мало...

— А ты хочешь, чтобы весь народ немедленно встал за нас? Сейчас это невозможно. Хотя наши предки с казаками жили, как родные братья. Вместе стояли против общих чужеземных врагов, поддерживая друг друга в беде. Потом на Терек пришла царская власть. И она нас не только разделила, но и сделала врагами. Вместо братства между нами пролегли огненные годы братоубийственной войны. Нас отравили ядом вражды. Но пройдут годы, и народы узнают, поймут по чьей воле возникла вражда и пролита кровь. Вот тогда они направят свое оружие не против друг друга, а против виновников их бедствий — против царей и помещиков.

Али подкинул в очаг поленьев.

— Не впервые такое от тебя я слышу, Берс, — сказал Али. — Да и от Маккала, и от Арзу. Может, со временем все бы так и случилось, как вы говорите, если бы они не осели на нашей земле.

Маккал отчитал молитвы и спрятал четки в карман бешмента. Потом протянул руки ладонями вверх, зашептал заключительную молитву, провел ладонями по лицу.

— Своими необдуманными словами, Али, ты можешь ввести ребят в заблуждение, — сказал он сурово. — Русские мужики ничего не выиграли от войны с горцами. Остались такими же, какими были: безземельными и бесправными, как сто, двести и триста лет назад. Что с того, что на наши земли поселили казаков? Царь может согнать их с наделов в любое время. Ведь земля принадлежит не им, а государству. И не станет казак служить царю — сразу лишится земли.

— Притом их и привезли-то сюда не по доброй воле, — добавил Берс. — Один русский старик, он живет под Кизляром, мне рассказывал, как они появились там. Царица подарила тамошние земли своим князьям, каждому по десять тысяч десятин. Земли много, а обрабатывать ее некому. В России у князей, наоборот, крестьян много, а земли мало. Вот тогда князья и стали свозить сюда своих крестьян. Дорога долгая, трудная. Ехали месяцами. С женами, с детьми. По-

ловина погибла в дороге и по прибытии на место. Уцелевшие живут там и поныне. Гнут спины на тех же князей. Вот так привезли к нам злополучных казаков.

Поленья, положенные Али, догорали. Во дворе начали кричать первые петухи. Давно пора было идти домой, но что-то держало еще здесь ребят.

— Скажу вам еще такую деталь. Мы виним казаков, а ведь большая часть земель находится в руках генералов и офицеров. У простого казака свой небольшой надел, а у другого и вообще его нет. Зато у начальника Аргунского округа Ипполитова земли свыше тысячи десятин.

— Это тот, который женился на чеченке? — спросил Алибек.

— Да какая разница! У полковника Беллика тоже более тысячи десятин. Полковник Свистунов из Буру-Кала урвал под Моздоком около пяти тысяч. В казачьих станицах разные там Фроловы, Федушкины, Камковы и прочие получили по пятьсот и более десятин.

— Причем не только русские, — сказал Берс. — А князя соседних народов — Таймазовы, Бековичи? По семи тысяч десятин у каждого! Эльдаровы да Турловы захватили по три тысячи. Чьи это земли? Чеченские! Не отстали и наши собственные, чеченские офицеры — Бота, Орцу, Касум, Давлетмирза и другие кровопийцы. Каждый имеет по полтысячи. Даже самые маленькие чины — Чомак из Гордали и Хату из Гендергена — получили по полторы сотни. Видишь, Али, разницу? Казаков посадили на наши земли насильно, а генералы и офицеры получили ее в награду. Вот той-то земли, которой владеют последние, и хватило бы на десятки тысяч чеченских семей. Не казаков нам надо гнать, а генералов, офицеров и прочих богатеев. А об изгнании русских с наших земель думать не надо. Земли на всех с избытком хватит, если отберем ее у князей, генералов и офицеров. Жили мы с русскими в мире и дружбе до царской власти, значит, и дальше сможем жить. Да и как не жить? Ведь мы соседи! Тем более, если эти соседи могут сделать друг другу много хорошего. Увидите, будут и у нас заводы, фабрики, железная дорога. Богатство, на котором мы сидим, с помощью русских улемов используем для счастья нашего же народа. Будут свои врачи, учителя, инженеры. Верьте, друзья! Но... не сегодня и не завтра. Со временем. Тогда и друзей у нас будет еще больше. Среди всех наро-

дов. Какой бы веры они ни были. Ну, пора спать! Откровенно говоря, устал после долгой дороги.

Все встали. Алибек подошел к Берсу.

— А возможно государство без богатых и бедных, без угнетателей и угнетенных? Как ты его назвал...

— Республика?

— Да.

— Конечно, возможно. Во всяком случае, так утверждают те два великих человека, которые живут в Германии.

— А мы увидим республику?

— Мы, более старшие, возможно, и не увидим. А вот вы до нее обязательно доживете. Ну, прощайте. Передай привет Олдаму!

Берс протянул Алибеку крепкую руку...

* * *

Бесконечной кажется долгая зимняя ночь. Неуютно в избе и холодно. Что-то скрипит за дверью, ветер воет и кидает пригоршни снега в окна, словно просится в дом. До чего же тоскливо слушать одну и ту же песню. Забраться бы на мягкую кровать и забыться под теплым одеялом крепким сном, чтобы не слышать протяжного завывания метели и не ворочатся от тяжелых дум, терзающих душу. Нет, не найти Мачигу успокоения, как не найти ни теплого одеяла, ни мягкой кровати. Да что там кровати! Душевные муки куда страшнее холода. Холод перетерпеть нетрудно, а куда денешься от беды, которая висит над головой на тонкой ниточке, и стоит ей только оборваться — начнет тебя бить да бросать, как щепку в весеннее половодье. Как быть? Что предпринять?

Мичиг кинул на пол овечью шкуру, на которой обычно совершал молитву, под голову положил подушку, лег на спинку, вытянулся. В очаге догорали поленья, блики огня кровавыми пятнами ползали по стене. Но тепла не было в доме. Дверь перекосилась, и в образовавшиеся щели летели с улицы снежинки. Ветер трепал бычий пузырь на окне, и казалось, что это не дом, а какое-то нелепое сито...

Дети, подтянув колени к подбородку, беспокойно ворочались на нарах. Головы от холода спрятаны, а ноги торчат наружу. Одеяло-то, может, и широкое, но не хватает его на всех. Мать уж детей и шубой старой прикрыла, и мешковинами, но они никак не могли согреться. Мачиг не мог ничего сделать,

и это бессилие его угнетало. Что-то тяжелое вновь наваливалось на него и давило все сильнее и сильнее, не отпуская ни на минуту. Мачиг чувствовал себя в тесной железной клетке: ни повернуться, ни согнуться невозможно. «Аллах, посочувствуй моему горю. До конца дней своих буду возносить тебе молитвы, себя не пожалею...» Если бы молитвы обогащали! Мичиг, пожалуй, стал бы самым богатым человеком в ауле. Кто знает, что ждет на том свете? И как быть на этом? Четверо маленьких еще как-то терпят... А старшие? Их двое. Зару вон какая уже вымахала, пора замуж отдавать. Кюри пошел пятнадцатый. Не могут они спать уже под одним одеялом, каждому нужна отдельная постель. И одеться им хочется, чтобы не стыдно было появиться на улице. Если бы еще хоть сила была... И родители Мачига сошли в могилу, мечтая о том же... Нужда — это все, что получил он от них в наследство.

Дети детьми, но Мачиг и сам полураздет. Взглянуть на его единственную шубу — так ее словно собаки рвали, латку не к чему приложить. И в дождь, и в снег, и днем, и ночью она неразлучна с ним. Пора бы ей и в тряпье; да замены пока нет. Пока? Ой, да будет ли у Мачига когда новая шуба вообще? Если бы не власти... Тогда бы и Хорта не был бы старостой...

К утру, вить, ветер стихнет, и тогда Мачигу придется ехать на постройку дороги в Беной. Его об этом уже предупредили. Плохая работа, неприятная. Поршни он поставил к очагу, чтобы к утру хоть чуть-чуть подсохли. Надо будет больше соломы подмотать. Не приведи Бог отморозить ноги! Десять дней придется жить под открытым небом. Летом еще ничего, но зимой! В тех местах ветры особо задувают, нигде от них не укроешься, хотя вроде и лес кругом. Дорогу-то через лес прокладывают. А лес какой, отборный — чинара да дуб. Топором рубишь — только искры летят. Крепкое дерево. Как железо. И десять дней подряд Мачигу придется рубить его. Ради чего? Ради того, чтобы царским хакимам и войскам проложить дорогу в глубь Ичкерии? Если бы завтра не ехать, то он бы за это время кое-что и для себя по хозяйству сделал. А так... Десять дней, считай, без пользы пройдет...

У очага на маленьких стульчиках примостились Зазу и старшая дочь Зару. Красноватые отблески освещают их головы. Зару уткнулась головой в колени, на противоположной стене отчетливо видна ее огромная тень. Из-под платка Зазу выбились редкие пряди волос. Они теперь цветом похожи на пепел

в очаге. И лицо постарело преждевременно, сморщилось. А ведь ей нет и пятидесяти. И когда-то во всем Гати-Юрте не было второй такой видной девушки. Годы и нужда жесткой рукой прошли по лицу, стерли былой румянец, оставили глубокие следы и обесцветили глаза. Ох, бедность, бедность!

На нарах зашевелились дети, сонно забормотали, стягивая друг с друга одеяло. Зару отложила шерсть, которую очищала от колючек, подошла к ним, поправила одеяло.

Мачиг снова прислушался к вою ветра. Кажется, за окном уже будто стонет кто-то. Вот и у Мачига так стонет, ох, как стонет сердце! Чуть больше месяца прошло с тех пор, как в доме Шахби читали мовлад. Самые уважаемые аульчане решили тогда переселиться в Турцию. А Мачиг еще до сих пор не сказал своего последнего слова. Каждую ночь он обдумывает этот вопрос. Только жена отмалчивается: ты, мол, хозяин, ты и решай. Собственно, согласна она или нет, теперь уже и не так важно. Сегодня Мачиг укрепился в мысли, что ехать нужно. Какая разница, где умирать: здесь или там. А там ему может еще и удастся к старости выбраться из нищеты. Да и не он один, а многие поедут. Конечно, нелегко покидать родной дом. Но ведь как ни крути, все равно его погонят на какой-нибудь другой край света. Страна у русского царя, говорят, очень большая. И погонят под охраной. Солдат у царя тоже хватает. А здесь... Хотя тысячу лет здесь живи, не стать ему на ноги. Власть русского царя не даст. Нет, Мачиг поедет в Турцию. Там хоть землю обещают. Без нее он пропадет. Только дадут ли? Конечно, дадут! Столько людей едет, всех обмануть никак невозможно. Не христианин же султан, он свой, единоверный. И Аллах не допустит обмана. Тогда Мачиг там новый дом поставит. В войну хуже бывало. Только отстроит новую избу, придут солдаты и сожгут ее. Отступят — Мачиг снова берется строить. Так и мучился.

Нет, нужно спасать семью от Сибири. Сам-то Мачиг не холода страшится, а надругательства над верой: ведь в Сибири заставят своему Богу молиться. А чтобы этого не случилось, надо переселяться в Турцию.

Протяжно заскрипела дверь, сильнее потянуло холодом, вошел Кюри. Мать подняла голову, попросила сына поплотнее закрыть дверь. Кюри стряхнул снег с одежды, черкеску и шапку повесил на гвоздь.

— Где пропадал? — спросил отец, чуть скосив на сына темные глаза под нависшими черными бровями.

— У Кайсара.

— Много народу было?

— Не очень.

— Что за парень приехал к ним?

— Сын Олдама, Алибек. Из Симсира. Прошлым летом мы с ним вместе в горах были.

Мачиг об этом парне слышал. Кажется, Арзу рассказывал, хвалил его.

Кюри разделся и ходил босиком взад-вперед, спать не ложился. Мачиг чувствовал, сын хочет о чем-то спросить его, но молчал, ждал.

— Дада, завтра товарищи собираются в горы, на зимние ученья, — начал сын.

Мачиг уже понял, о чем пойдет речь.

— Ну и что?

— Мои сверстники учатся воевать, я же, как девчонка, сижу дома.

— И что? Голос отца становился резче. Сын это чувствовал, но и остановиться уже не мог.

— Неудобно мне плестись в хвосте...

— Мы все постоянно плетемся в хвосте! — Мачига словно прорвало. — Бедный всегда в хвосте! Разве тебе это не известно? А коль стыдно, то заткни уши, чтобы не слышать, что о тебе говорят другие. Тебе с ними не равняться. Они все верхом поедут, а ты что, на хворостине поскачешь?

Кюри готов был уже сорваться на крик, только умоляющие жесты матери немного охладили его, и он спокойно обратился к отцу:

— Дада, попроси коня у Али...

Мачиг открыл было рот, чтобы отчитать сына, но в последнюю минуту остановил себя. «Удивительное дело, — подумал он, — взрослый парень, а не понимает, не хочет понять, в каком положении я нахожусь».

— Попросить можно, — сказал Мачиг, понизив голос. — Али мне не откажет. Но подумай, удобно ли. Нельзя же каждый раз, когда тебе вздумается ехать в горы, тревожить человека одной и той же просьбой. Совесть надо иметь. И обижает меня твое легкомыслие: ведь ты уже не мальчик, Кюри. Нет у нас ни коня, ни быка. Плохо это, понимаю. Иначе я не

искал бы дрова на себе. Но меня больше беспокоит другое: как накормить и одеть вас? В доме-то у нас пусто. Если бы не Айя, дети легли бы спать голодными. Вот о чем нужно тревожиться. А ты — в горы...

В избе стало тихо. На нарах посапывали дети, да ветер гнул за окном все ту же песню, похожую на стон. Шипело в очаге сырое полено. Кюри молчал. Возразить ему было нечем. Отец прав. Действительно, живут они плохо, бедно. В прошлую весну он неделю работал на Товсолта, чтобы потом запахать свое поле. Посеял с грехом пополам, но едва появились всходы, как их пожгло солнцем. Корова и бычок — вот все их хозяйство. Продать корову — дети останутся без молока. Кюри знал, что в доме нет ни зернышка кукурузы. До сих пор соседи как-то помогали, не давали умереть с голоду. И сами в долг брали. А до весеннего сева целых два месяца.

— И вот еще что, — продолжил Мачиг после нескольких минут раздумий. — Не нравится мне твое поведение. У тебя много друзей, это хорошо. Но держись подальше от тех, у кого с языка не сходят слово «оружие» или призыв «освободим свою бедную родину». Это пустые разговоры, и они к добру не приведут. Мой дед Мааш, мой отец Мантак погибли в борьбе с русским царем. Я сам потерял здоровье и постарел в такой же войне. Запомни это и будь осторожен.

Кюри подсел к очагу, опустившись на одну чурку и положив на другую заоченевшие на холодном полу босые ноги. Он был голоден, хотя и поел в гостях фасоли без хлеба. Кстати, еду эту там приготовили специально из-за гостей...

Мать молча глянула на сына и опять принялась за дело. Преждевремененно постаревшее лицо ее с землистым оттенком показалось ему безжизненным, застывшим в ожидании непонятно чего. Кюри очень любил мать, ему всегда хотелось хоть как-то облегчить ее жизнь, взвалив на свои плечи хоть часть забот. Давно мечтал о том дне, когда ему исполнится пятнадцать лет и он сам сможет поговорить с отцом как взрослый со взрослым. Теперь это время наступило...

— Дада, — нарушил тишину спокойный голос Кюри. — Мне уже пятнадцать...

Мачиг поднял голову и удивленно посмотрел на сына. Но Кюри не обернулся, хотя и чувствовал устремленный на него взгляд. Поборов робость, он так же спокойно продолжал:

— Я знаю, как тебе трудно. Ты уже стар, да и здоровье твоё неважное. Мы все время мечтаем о еде, смотрим на голода детей и на себя. Мать наша изводится, но она не может чем-либо помочь нам. Так вот, отец, до сих пор ты кормил меня, спасибо, но теперь позволь беспокоиться о том и мне.

При последних словах сына угрюмое лицо отца просветлело. Два решения он принял сегодня: ехать в Турцию и определить Кюри до весны в работники к Хорте. Но об этом знал только он, Мачиг. Объявить семье о решениях он никак не мог отважиться. Вернее, его пугало второе решение, касавшее сына. Даже не столько пугало, сколько вызвало стыд. Послать своего любимого сына батрачить! У какого отца хватит духа на это: никто в их роду никогда ни на кого не батрачил. А вот теперь дожили, приходится... И это было унижением для Мачига. Но это был единственный способ сберечь семью, спасти ее от голодной смерти. Разве ради семьи нельзя поступиться честью, забыть о достоинстве и гордости? Конечно, Мачиг знал последствия такого шага. Но беда не в том, что на него будут указывать пальцем. Ему это не так уж и страшно. Но детей было жаль, им труднее переносить позор...

Жена, не прекращая работу, прислушивалась к разговору мужа и сына.

— Что ж, Кюри, на тебя теперь вся моя, наша надежда. Умереть с голоду мы не должны. Нужно как-то продержаться до весны, а там недалек уже и день отъезда в Турцию.

— В Турцию! — Кюри вскочил, словно его обожгло огнем.

Ни Зазу, ни Зару не вымолвили ни слова. Мачиг отвернулся к стене и тоже молчал. Слова его застали всех врасплох. Но вот Зару вскрикнула и потянулась к матери. Зазу, еще не до конца осознав сказанное, машинально прижала ее голову к своей груди.

— Ничего, ничего, доченька, успокойся... Отец пошутил...

— Нет, дада не шутит, — сказал Кюри тихо, почти шепотом.

Лицо его побелело, губы дрожали.

— До того времени один из нас — ты или я — наймется в пастухи к Хорте... — продолжал Мачиг. Он решил высказать все сразу, чтобы больше не возвращаться к тяжелому разговору.

— Батрачить? — вскричал Кюри.
Мачиг укоризненно покачал головой.

— Теперь уже и это все равно.

— Нет, отец! Нет, только не это!

«Батрачить на Хорту? Пусть из него душу вытянут клещами, но он не станет батраком. Какой стыд! Неужели отец не понимает? Ведь люди никому из них проходу не дадут... И Ровза... Как же он тогда ей в глаза смотреть станет?..»

Он любил ее тайно. Но Ровза об этом догадывалась, знала. Ни слова не было сказано между ними, лишь взглядами общались они друг с другом. Встречались на улице, молча проходили мимо, но Кюри не мог сдержаться и не обернуться. Он подолгу глядел ей вслед, восхищался ее стройной, тонкой фигуркой. А она уходила медленно, гордо вскинув голову, словно тяжелая черная коса, сползавшая по гибкой спине, была тому виной. Хотя Кюри и робел при ней, но он успел заметить и ее длинные, черные ресницы, и веселые круглые глаза, и румянец во всю щеку, и красивые, чуть припухшие губы, и белую тонкую шею, и даже маленькую темную родинку на правой щеке. Короче, все, что было в ней так дорого ему и что виделось ему ночами. Он злился на нее, винил ее в чем-то, а в чем и сам не мог объяснить. Но оттого, что ничего не смеет сказать ей и объясниться, от собственной робости и стеснительности он ругал ее в душе за то, что не дает она никакого повода ему, Кюри, поведать о своем чувстве, сказать ей хотя бы раз одно только слово.

Такие слова он подбирал и заучивал наизусть, но заученные слова не произносились. Каждый раз при встрече он не только забывал их, он не мог рта раскрыть; единственное, на что хватило у него смелости — молча пройти мимо и робко взглянуть ей в лицо. Он знал, что сделать первый шаг нужно ему, иначе какой же он мужчина! И хотя ему исполнилось пятнадцать лет и он считал себя вполне взрослым, но перед этой девчонкой терялся и ничего с собой поделать не мог. Конечно, как мужчина он должен быть сильнее ее, тверже. Не приведи Аллах подать даже виду, что он, мужчина, теряет из-за нее голову. Но он терял. А оттого и злился, сам не понимая на что. Ему доставляло удовольствие даже просто видеть ее. Ни о чем другом он пока не мог и думать. Только любить. Пусть даже так, молча. Слишком уж велика между ними разни-

ца: он — бедняк, она же из состоятельной семьи. И стоило ему вспомнить об этом, как будущее теряло для него всякий смысл. И все же он тешил себя мыслью, что пройдет время, многое изменится, он повзрослеет и докажет всем, а ей — в первую очередь на что он способен. Работу-то можно найти, но что в ней толку. Отец вон, всю жизнь спину гнет, а обувь и накормить семью не может. Нет, он, Кюри, будет жить иначе. Вон, многие делают набеги за Терек. А разве ему туда дорога заказана? Опасно, конечно. И ранить могут, даже убить. Но живем-то один раз.

Смелчаков, отчаянных парней в их краях немало. Он подружится с ними. Кто знает, может, удастся им царскую почту отбить или обчистить банк в городе. Должно же повезти хоть раз в жизни, чтобы раз и навсегда снести тот высокий хребет, что встал между им и Ровзой. Тогда он смело скажет ей о своих тайных чувствах! Но если он пойдет батрачить на Хорту, тогда прощай любовь! Даже не мечтать ему тогда о Ровзе. Да и запятнает он себя на всю жизнь...

Лишь Зару знала его тайну. Она мечтала погулять на его свадьбе и к Ровзе относилась как к будущей невестке.

— Дада, этого не будет никогда! — воскликнула Зару. — Даже если мы умрем с голоду — ни ты, ни Кюри не станете батрачить на Хорту! Чем ты хуже его? Разве моя мать менее добра, менее красива, чем его Альбика? По красоте и смелости мало кто сравнится с моим братом... И у меня тоже есть своя гордость...

Мачиг молча слушал, дымя самокруткой. Но даже не злился. Слова дочери доходили до его сердца. Ему казалось даже, будто он сам когда-то в далекой юности произносил их. И вот теперь, спустя столько лет, ему же напоминают о них, упрекают уже только за то, что осмелился произнести их вслух.

— Конечно, ты права, дочь! По смелости и мужеству они уступают нам. Верно. Но по бедности мы впереди всех. Как нам выехать? Путь ведь далекий, и нужно хоть что-то заработать на дорогу.

— Не все же едут.

— Нет, не все. Едут те, кто победнее или самые богатые.

— Как можно оставить дом... — запричитала Зазу.

Мачиг повысил голос:

— Хватит ныть! Каждую ночь одно и то же. Думаете, мне интересно батрачить на чужих людей? Но выхода у нас нет. Остаются только или идти воровать, или собирать по дворам милостыню.

Кюри ходил по комнате, шлепая босыми ногами.

— Хорта едет? — спросил он, остановившись около отца.

— Куда?

— В Турцию.

— Ему-то зачем?

— А Товсолт, Ибрагим-Хаджи? — допытывался Кюри.

— Им и здесь неплохо.

— Тогда зачем едем мы?

— Мы не едем, нас нужда выгоняет, мой мальчик. Тесно людям стало здесь. Некуда нам податься. Может, в чужой стране найдем счастье...

— Почему же они разбогатели? На чем?

Мачиг тяжело вздохнул. Многого не знал сын. Да и откуда ему знать то, о чем сам-то Мачиг лишь смутно догадывался.

— На чужих бедах, — ответил Мачиг. Пусть сын сам поймет. К чему объяснения.

— Ты говоришь, дада, в Турцию? Я не согласен! Но против твоей воли пойти мы не можем. Только объясни мне все же, почему дармоеды остаются, а мы должны ехать? Одни пугают Сибирью, другие — Турцией. А если вообще никуда не ехать? Если нам здесь дадут землю?

Мачиг недовольно покачал головой.

— Парень, ты говоришь чужим языком. Конечно, Арзу, Маккал, Берс — хорошие и честные люди. Они большие друзья бедняков. Но их красноречие до добра не доведет. Не слушай их!

— Нет, они говорят правду! — вспыхнул Кюри. — И в Сибири, и в Турции мы погибнем. Что там смерть, что здесь! Понимаешь, дада? Тогда зачем же я должен ехать? Пусть едут те, кому мы в тягость. Но сначала пусть отдадут нам нашу землю, а потом убираются на все четыре стороны. Мы никого силой не держим. Но и мы хотим жить по-человечески. В мои годы мы уже с оружием в руках сражались. Вы свое дело сделали. Теперь вы постарели и не мешайте нам. Сегодня наша очередь.

— Эх, Кюри, что же вы хотите делать! — невольно вырвалось у Мачига. — Напрасно только погубите людей.

— Нет, не напрасно! Мы будем биться с угнетателями! Пусть не забывают, что мы уже мужчины.

— С пустым желудком много ли навоюешь...

— Скоро и мы заживем. Я пойду на большую дорогу. То, что ты не добыл мотыгой, я добуду оружием!

— Я буду рад за тебя, сын мой! Рад! — воскликнул Мачиг. Но в глазах его было столько горя, что даже возбужденный Кюри заметил его.

— Ты заговорил моим языком, — уже спокойно продолжал Мачиг. — Помню, я точно так же бушевал в твои годы. Могла бы вы еще, Кюри. Можно сказать, только еще оперились. В войне не стоит говорить. Это ни к чему. Пустой разговор. Выбрось из головы эту дурь. У царя столько войска, что и счесть его невозможно. Сколько солдат погибло в боях с нами, но всех мы так и не смогли убить. Мы просто устали. А ни солдат и теперь покоя нет. И не будет. Лучше уж молчать и не дразнить зверя. Пока он не рвет тебя, жить как-то можно. Кстати, когда мы воевали, на нашей земле не было врагов. А теперь посмотри вокруг — сколько их! Как муравьи расплодись по всей Чечне, одев ее в лохмотья. Заселили Чечню кавказцами, вооруженными до зубов. Посчитай, сколько они крепостей понастроили, сдавив нас со всех сторон. Мы, как взнузданный боевой конь, в бешенстве мотаем головой, а сидеть с места не можем. Нам нечем стало дышать, так нас крепко ухватили за горло. И противиться этому невозможно. Напрасно Арзу и его друзья мутят вам головы. Прошу тебя, не слушай их, Кюри, если ты считаешь меня своим отцом. Будем послушны устазу. Если не дал нам покоя Бог, не следует роптать. Живи мирно и работай, Всевышний нас не забудет.

Так была разрушена золотая башня, которую Кюри строил в своем воображении...

ГЛАВА VII

СХОД

Храбрость для защиты отечества — добродетель, но храбрость в разбойнике — злодейство.

А. Бестужев-Марлинский

Обойти все чеченские аулы и провести в них соответствующую разъяснительную работу — таков был приказ Лорис-Меликова, к выполнению которого полковник Муравьев приступил незамедлительно. Вместе с ним в Гати-Юрт прибыли начальник Ичкеринского округа полковник Головаченко и еще какой-то незнакомый офицер. Новый старшина Хорта принял гостей. Стол с резными ножками, покрытый зеркально-черным лаком, купленный Хортой специально для такого случая, был накрыт белоснежной скатертью и заставлен изысканной едой и дорогими винами.

Гости усаживались за стол, когда прибыл приглашенный в качестве переводчика наиб Качкалыкских аулов, майор милиции Бота Шамурзаев.

Во всем округе сегодня не было более счастливого человека, чем Хорта: надо же, такие гости. И где? У него в доме сидят, кушают, пьют. И для Хорты было высшим наслаждением обслуживать их. Он вертелся юлой, ничто за столом не ускользало от его взгляда, на правах хозяина он мог упрекнуть любого из гостей, не проявляющего особого аппетита.

— Кушай, пей, — то и дело напоминал он. — Один слов и молоко маленькой птичка карапчим*. Ваше благородие, кушай, Бери ножка. Надо вино пить.

Покончив с обедом, Муравьев сказал Боте:

— Не считите за труд, господин майор, помогите старосте собрать народ.

* Карапчим — достанем (лом. чеч.).

Муравьеву не пришлось дважды повторять свою просьбу исполнительному Боте.

— Кто этот чеченец, господин полковник? — спросил не давно прибывший в Чечню штабс-капитан фон Клиндер. — У него и речь, и походка — кадрового офицера, русским он владеет в совершенстве...

— Позволю себе заметить, капитан, не только русским, но и польским, и французским, — живо подхватил полковник. — Вы угадали, он кадровый офицер. Вернее, бывший.

Фон Клиндер удивленно посмотрел на полковника.

— Вам разве не доводилось слышать его историю? — удивился, в свою очередь, полковник Головаченко.

— Я здесь человек новый, — как бы извиняясь за свою неосведомленность, проговорил штабс-капитан.

— Легендарная личность! — полковник отхлебнул из бокала. — Это же Шамурзаев!

— Удовлетворите любопытство штабс-капитана. Расскажите, — попросил Головаченко. — Право же, мне столько раз уже приходилось излагать его историю, что это мне изрядно надоело.

— Будьте добры, расскажите, — в голосе штабс-капитана слышалась мольба.

— Ну, так и быть. Поведаю. Время у нас есть. Но прежде нужно промочить горло.

Фон Клиндер немедленно наполнил бокалы.

— Итак, господа, — полковник залпом осушил свой фужер, — слушайте. Если же точнее, то мой рассказ исключительно для вас, штаб-капитан. Я уже сказал, что этот Шамурзаев — легендарная личность. И очень сложная. Сие абсолютная правда. Для полной ясности вспомним времена Алексея Петровича. Как-то наши войска сожгли чеченский аул и перебили всех его жителей. В живых остался один девятилетний мальчик, но он, правда, был ранен. Солдаты привезли его в крепость. Барон Розен, брат бывшего командира корпуса, отправил мальчика к своей семье. Чеченцы — народ хотя и дикий, но должен вам признаться, умный и любознательный.

— Вы совершенно правы, господин полковник, — оживился вдруг фон Клиндер и, чтобы блеснуть своими познаниями о крае, торопливо продолжал: — Я слышал, что и ранее точно при таких же обстоятельствах были взяты в плен два мальчика, сделавшиеся впоследствии широко известными.

Один из них — Александр Чеченский, генерал, герой тысяча восемьсот двенадцатого года, а второй — Петр Захаров, художник-академик.

— Так вот, — продолжал полковник, терпеливо выслушав тираду своего молодого собеседника. — В семье барона Бота получил образование, окончил военную школу и стал офицером. Должен подчеркнуть, способным офицером. Сам барон души не чаял в своем воспитаннике. Блестящий офицер, умный, смелый, он невольно бросался в глаза. Однажды Великий князь Константин — наместник Царства Польского — попросил барона отпустить молодого офицера в его личный конвой. Барон согласился. Вскоре Бота стал любимцем и августейшего наместника. Константин Павлович пожелал его женить на девушке из благородной семьи, для чего предложил Боте принять крещение. Бота поблагодарил, но от предложения решительно отказался и попросился на Кавказ, по которому не переставал тосковать.

— Смелый отказ и благородная просьба! — с жаром воскликнул фон Клигер. — Таких людей не часто встретишь.

— Цесаревич не стал препятствовать. Молодого офицера отпустили на Кавказ, — продолжал Муравьев. — Здесь Бота служил переводчиком при начальстве левого фланга. Служба его в укреплении Таш-Кичу совпала с появлением на горизонте Шамиля. Думаю, что о том, как Шамиль в Дагестане потерпел поражение и сбежал в Чечню, о восстании сорокового года, о наших первоначальных неудачах вы знаете. Бота внимательно следил за событиями в Чечне, но глубоко ошибся в своих предположениях. Он решил, что сила на стороне горцев и что, прогнав нас, горцы смогут создать свое государство. Тот же, у кого умная голова и крепкая рука, может стать в этом государстве если не первым, то, во всяком случае, вторым лицом после имама. Неуемное тщеславие и властолюбие сыграли с ним злую шутку. Во время строительства Куринского укрепления он повздорил с начальством и, боясь взыскания, сбежал к Шамилю.

— Честолюбие... Вот что его погубило, — по-своему трактовал данный факт Головаченко, расправляясь с очередной куриной ножкой.

— Понятно, что означало для Шамиля заполучить такого ценного человека, — полковник отпил из бокала. — Еще бы, талантливый офицер, осведомленный обо всех наших делах,

отлично знающий языки. Можно сказать, Шамилю несомненно повезло. Он тут же назначил его наибом и начальником разведки. Бота был смел, находчив, изумительно хладнокровен, не терялся в любых обстоятельствах и умел мастерски скрывать свои подлинные чувства. Все эти качества своего характера он проявил незамедлительно, что сделать было не слишком трудно, зная наши порядки, характеры и способности командиров, и вообще, все что касалось нашего края и наших войск. Так вот, он нам вредил более всех остальных военачальников Шамиля вместе взятых. Вскоре Шамиль назначил его старшим наибом Чечни. Боте подчинялся и имаминитый чеченский наиб Эски. Вот тут-то и начал проявляться тщеславный, самолюбивый характер Боты. Он так увлекся, что порой не считался даже с самим имамом. На него посыпались жалобы, против него начались интриги, в которых самое деятельное участие принял Эски. В конце концов Шамиль вынужден был лишить его наибства. Бота не скрывал своего презрения к невежественным наibaм, считая себя на много выше и умнее их, и ждал только подходящего момента, чтобы рассчитаться с ними. Да, звезда имама была близка к закату, и Бота чувствовал приближающуюся опасность. В 1851 году Шамиль, узнав о готовящейся против него экспедиции наших войск, начал принимать срочные контрмеры. Он разослал гонцов в разные концы Дагестана с просьбой прийти на помощь Чечне. Боте же поручил закупить продовольствие. Бота, предвидя приближение трагического конца имамата, решил заранее застраховать себя, отдав личную судьбу на милость великодушных урусов*, имевших слабость говаривать: «Кто старое помянет, тому глаз долой!» Явившись к князю Барятинскому, Бота обещал служить верой и правдой и в качестве бывшего наiba Шамиля принести нашему отечеству великую пользу сведениями о неприятеле.

— Фельдмаршал, конечно, принял его с радостью? — пока-
кликнул фон Клингер.

— Разумеется. С распростертыми объятиями.

— Зря. Личности, подобные вашему Боте, в своих поступках часто непредсказуемы.

— Не резонно, капитан. В смутное время подобные люди просто клад. Его сиятельство — умная голова — сразу оценил

* Урус — русский (чеч.).

свою удачу и не отпускал Боту от себя ни на шаг. По словам самого Барятинского, он не только был отличным провожатым, но и весьма полезным советником, зная одинаково хорошо как образ действия неприятеля, так и наш. Он ввел нас в такие дебри, куда без него мы едва ли бы проникли. По словам Барятинского, Бота был для нас открытой географической картой неизвестной нам местности, компасом в море, опытным капитаном судна, которое, если бы он захотел, мог погубить вполне безнаказанно.

Полковник оборвал свой рассказ, замер, прислушиваясь к шуму на улице.

— Кроме всего прочего, господин капитан, он перенес к нам не с пустыми руками. Привел весь разведывательный аппарат Шамиля, — добавил Головаченко.

— Шш-шш! Кажется, он идет...

Дверь распахнулась, вошел Бота, за ним, согнувшись, переступил порог Хорта. Бота доложил, что все мужчины были собраны на площади перед мечетью.

— Благодарю вас, господин майор, $\frac{1}{2}$ сказал Муравьев. Присядьте, выпейте с нами рюмку.

Капитан довольно откровенно принялся разглядывать Боту

— Говорят, в самую блистательную эпоху Шамиля вы были у него правой рукою? — спросил он.

Бота нахмурился, в голосе капитана ему послышалась проницательность; он гордо вскинул голову, глянул в глаза капитана, но ничего не прочитав в них, кроме любопытства, успокоился. Все взоры обратились к нему. Такое внимание всегда льстит, теплая волна удовлетворенного самолюбия согревает душу.

— Да, я был одним из тех, кто его возвеличил, вознес

— Но, господин майор, если верить слухам, Шамиль был великим полководцем и умным вождем. Не кажется ли вам, что такой талантливый человек мог бы и сам себя прославить?

Бота пожал плечами, скривив губы в презрительной улыбке.

— Безусловно, Шамиль был умным, беспредельно храбрым и мужественным человеком. Да еще и одним из крупнейших ученых в наших горах. Однако он отнюдь не был столь великим военным стратегом, как вы о том наслышаны.

— Как прикажете вас понимать?

Шамиль не руководил ни одним сражением в Чечне, в Кавказских горах одержали свои блестящие победы. Он руководил только в мирное время, был талантливым организатором, политиком и дипломатом.

Позвольте...

Еще раз повторяю: лично Шамиль не руководил ни единым сражением. Потому что не был ни военным тактиком, ни стратегом. Но был умным администратором и блестящим дипломатом и имел огромный авторитет среди горских народов.

Если так, то кто же добывал ему военную славу?

Это наибы. Шоип Цонтороевский, Юсуп-Хаджи Алдинский, Тагтик Шалинский, Соаду и Эски Мичикские, Хаджи-Магомед Хунзахский, Кибит-Магома Каратинский, Даниэл-бек Грозненский и другие. Юсуп-Хаджи Алдинский, если говорить современным языком, был у Шамиля начальником генштаба, первым заместителем, его мозгом, его правой рукой.

Но еще Сайдулла Гехинский, Атаби Шатоевский, Бой-Сонгур Ценовский, Батуко Курчалоевский, — добавил Головановский.

Но почему выходит так, что Шамиль словно и не участвовал в боях. В таком случае, где же он получил девятнадцать ран?

Поскольку — в боях, при взятии русскими Гимри и Ахульго. Двенадцать ранений ему нанес слепой Губаш, чеченец из племени Чибеккинкарой, рода гухой.

А слепой-то за что ранил Шамиля?

Ну знаю, — вздохнул Бота. — Одни говорят, что Шамиль хотел жениться на девушке-сироте против ее воли, похитил ее и принудил к браку. Узнав об этом брат ее матери, Губаш, поздно ночью проник в дом, где спал Шамиль и в смертельной схватке нанес ему двенадцать ран и семь порезов. Другие говорят, что Губаш был свирепый разбойник богатырской силы и Шамиль, по требованию народа хотел убить его, а тот сам начал издеваться. Всякое говорят.

Какова же дальнейшая судьба этого Губаша?

Первых двух стражников, которые по призыву Шамиля вошли в комнату, Губаш сразил насмерть. Потом сбежавшие муртазаны*, связали его, увели и убили. Одни говорят,

* Муртазаны — стражники.

что его зажарили в медном корыте, другие — что его всю ночь держали в ледяной воде, пока он не умер. Дело-то было зимой. Не знаю, кто из них говорит правду...

Хорта налил всем чай.

— Много самых невероятных мифов создали вокруг имени Шамиля, — сказал Муравьев. — И порой даже трудно разобраться, где правда, а где выдумка. Но я знаю одно: Шамиль не был фанатиком. Религиозный фанатик принимает смерть за идею своей религии не моргнув глазом. Шамиль же всегда избегал опасностей, а тем более — смерти. Мне кажется, что у него была другая цель; жить ради самой идеи борьбы за свободу, на путь которой он ступил в молодости. Он и сохранил свою жизнь ради этой идеи. Например, в Ахульго и, наконец, в Гунибе. Везде и всюду у него хватало ума, храбрости и даже хитрости выходить живым из самого безнадежного положения.

На некоторое время в комнате воцарилась тишина.

— В истории человечества еще не было ни одного человека, даже самого гениального, лишенного недостатков и слабостей, не совершившего ошибок. — Бота поставил на стол опорожненный стакан. — Под разными предложениями мы прощаем цивилизованным правителям Европы, Азии, Америки не только их слабости и ошибки, но даже явные преступления. Но в то же время скрупулезно выискиваем ошибки и слабости у темного горца Шамиля, упорно распространяем о нем клевету, дабы во что бы то ни стало унижить его. Это несправедливо, господа. Каким бы он ни был, великий Шамиль по праву возглавил справедливую борьбу горских народов за свою свободу и независимость. И делал это весьма успешно.

Фон Клиндер не был удовлетворен ни вопросами, ни ответами.

— Господин майор, вы весьма уважительно отзываетесь о Шамиле. Если ваши слова идут от чистого сердца, почему же вы оставили и его, и свой народ в столь критический для них момент и перешли на сторону противника? Ответьте на этот вопрос, если это не тайна.

Бота презрительно усмехнулся. Вероятно, такой вопрос он слышал не впервые.

— Здесь нет никакой тайны, капитан, — равнодушно отозвался он. — Когда мой народ поднялся за свою свободу и независимость против русских властей, я не мог не сочув-

ствовать ему, не желать ему успеха, не встать в его ряды, в ряды борцов за свободу. Вы поймите, господа, я был и остаюсь сыном своего народа, хотя рос и воспитывался среди другого народа, в другом обществе. Потому я и перешел на его сторону, чтобы поддержать в справедливой борьбе, оказать помощь в силу своих возможностей. Но когда убедился, что эта борьба бесперспективна, что она ведет народ к физическому истреблению, что Шамиль и его окружение никогда не дадут моему народу свободу и просвещение, я покинул Шамиля и, перейдя на сторону русского командования, приложил все силы, знания и опыт для того, чтобы как можно скорее прекратить бесполезное кровопролитие, продолжавшееся десятилетиями, и установить мир и спокойствие в горах.

— Тем не менее вы же участвовали в войне против своего народа?

— Участвовать в войне можно по-разному. Кто-то истреблял людей, аулы, посевы, сады, сенокосы и совершал бесчеловечные жестокости. Я же всеми своими силами старался не допускать этого. Бог тому свидетель, — Бота подумал и добавил: — Имелась и еще одна серьезная причина тому, что я оставил Шамиля и перешел на сторону русских. Был у меня верный, смелый и благородный друг. Звали его Девлатуко. Его обвинили в несовершенных им преступлениях и приговорили к смертной казни. Я доказал Шамилю невиновность Девлатуко и просил помиловать его, но имам не внял ни моим доказательствам, ни моим просьбам. Друга казнили. Я понял, что и меня ждет подобная участь, что рано или поздно скажется и моя голова. Ибо имам, как и все правители мира сего, не любил, вернее ненавидел тех, кто был умнее, смелее и благороднее его. Ведь не зря же от имама убежали впоследствии знаменитые Хаджи-Мурат Хунзахский и Юсуп-Хаджи Алдинский.

Фон Клиндер с ухмылкой пожал плечами.

Полковник Муравьев встал.

— Господа офицеры, оставим этот разговор. Время и история рассудят, кто был прав, а кто не был. Осушим последние бокалы перед дорогой. Но прежде чем покинуть этот поистине гостеприимный дом, считаю своим долгом выпить за здоровье хозяина. Возьмите бокалы. Дорогой Хорта, да не иссякнет в этом доме, пусть сопутствуют вам удача и все ваши желания. За вашу усердную

службу я благодарю вас от имени начальника области его превосходительства Лорис-Меликова!

— Баркалла*, спасибо, ваше высокоблагородие! — от волнения Хорта совсем потерял голос, он то и дело откашливался. — Сегодня мой дом — был большой счастье. Мой бедный дом — стал богатый дом. Их превосходительства Лорис-Мелик и Туман не беспокоятся, наш Гати-Юрт самый верный и преданный русский власти.

— С вашего позволения, господин полковник, я благодарю и майора Шамурзаева, — произнес в свою очередь Головаченко. — Вы, дорогой майор, оказали огромную услугу в прекращении войны между горцами и Россией, в установлении мира и спокойствия в этом крае. Я уверен в том, что вы и впредь не пожалеете своих сил, знаний и энергии в благородном служении интересам родного народа и России. Да поможет вам Всевышний!

— Аминь!

Бурлит гатияуртовский майдан**. Все мужское население аула собралось здесь. Так уж повелось издавна: чуть что — и люди идут к мечети, и здесь, около нее, сообща решают общие дела. Но сколько помнят старики, на площади, как правило, всегда обсуждался один и тот же вопрос: защита Гати-Юрта. Значит, враг был рядом, и все население, способное носить оружие, вставало на защиту родного аула. Чего бояться гатияуртовцам смерти? Они давно к ней привыкли. Ибо появлялись на свет под свист пуль и под свист пуль умирали. Смерть неотступно шла с ними рядом, но никто от нее не прятал глаз, не убегал. Так было, пока шла война. Но когда сегодня закричал туркх***, в сердцах людей впервые поселился страх. Что случилось? Какая новая беда обрушилась на их головы? Сразиться с врагом и погибнуть за отчизну — это удел молодца. Но умирать голодной смертью нищего — это позор. Как быть? Может, действительно податься в Хонкару. Но как быть с землей отцов? С могилами предков? Они же проклянут нас!

Видно, или нет счастья вообще, или не для них оно, хотя солнце светит всем одинаково и все живое с одинаковой ра-

* Баркалла — спасибо (чеч.).

** Майдан — площадь (чеч.).

*** Туркх — глашатай (чеч.).

он так встречает и провожает его. Так жили и предки, пока русский царь не послал своих солдат в горы. Много лет прошло с тех пор, и два поколения сменились, так и не повидав ни капли счастья. Только ночь была их постоянной спутницей. Ночь стоит и теперь, хотя солнце и светит... Что их ждет в Кавказе? Да та же самая ночь...

В аул приходили все новые и новые вести. Люди терялись в догадки, чему верить. В последнее время слухов прибавилось. У Мачига голова шла кругом. Но толком никто ничего не знал. Повсюду слухи, слухи и ничего определенного. Одни говорили, что весной их разоружат, а мужчин заберут в солдаты, другие — что будто бы царь издал указ, согласно которому всех чеченцев будут крестить, третьи утверждали, что всех отправят в Сибирь, а земли отдадут русским. А это значит, что все умрут от голода, болезней, дети забудут родной язык, станут гиурами.

Сегодня в Гати-Юрт прибыл большой начальник — полковник Муравьев, посланник самого генерала князя Туманова. Его сопровождают начальник Ичкеринского округа полковник Головаченко, наиб Качкалыкских аулов майор Бота Шамурзаев и еще один офицер.

Зачем они приехали? Что им нужно в Гати-Юрте? Какие они привезли новости: хорошие или плохие? Но разве можно ждать хороших новостей от таких начальников? Им легко говорить — «поезжайте», а кому ухаживать за могилами отцов? И почему это русский падишах вдруг начал так заботиться о них и отпускает желающих? О судьбе их беспокоится? Нет, даже дети ему не поверят. Любой понимает — ему земля нужна, а не они. Хитрый падишах, очень хитрый...

Люди толпились на майдане, громко переговаривались. Когда сюда пришел Мачиг, площадь уже была заполнена до отказа. Даже древних старцев, которым сидеть бы дома да сидеть, и тех привели под руки. Попробуй-ка усидеть дома — столь высокое начальство не часто балует Гати-Юрт своим вниманием. В передних рядах, как и положено, расположились самые почтенные старики. Только там их законное место. Дальше — пожилые, потом и молодежь. Одеты все по-разному. У кого в доме достаток, того определишь сразу: и одежда лучше, и походка тверже, и подбородок поднят выше. Основная же масса смотрится победнее. Есть и такие, кому и вовсе нечего натянуть на себя, кроме рваной черкес-

ки. Но пусть эти разодетые не поглядывают гордо по сторонам, не кривятся в брезгливой усмешке при виде своего оборванного соседа: там, где следует проявить мужество, он-то и делает всегда первый шаг. Но все без исключения подпоясаны серебряными ремнями, и у каждого дорогой, добротный кинжал.

Гости с любопытством оглядывали площадь, но о чем они думали, что говорили, угадать было невозможно. Их чисто выбритые лица оставались спокойными, в глазах не сквозили ни искорки участия, ни тени беспокойства о судьбе тех, кто сейчас с надеждой взирал на них. Впрочем, и не нужно было обладать особой проницательностью, чтобы хоть чуть-чуть заглянуть в души этих людей. Они выполняли чужую волю, чужие приказы и не задумывались, насколько те гуманны. Их задача — сначала ослепить своим внешним блеском, а затем с высоты своего положения убедить собравшихся в правдивости всего ими сказанного. На это рассчитывают и они сами. На это рассчитывают и те, кто послал их сюда. А старики и молодежь смотрят на гостей тем взглядом, каким смотрит поверженный и тяжело раненный зверь на стоящего над ним охотника.

Свысока поглядывал на соотечественников Бота Шамурзаев. Лицо у него полное, круглое — видать хорошо кормят его власти. Бороду он бреет, только черные усы торчат в разные стороны. Мачигу он особенно понравился тем, что с начальством разговаривает непринужденно, чувствует себя свободно, не заискивает, как стоящий рядом Хорта. Этого не могли не заметить и другие жители Гати-Юрта. И достаточно было лишь взглянуть на Хорту, на его согнутые плечи и покорное лицо подхалима, чтобы понять, как никогда не должен себя вести всякий, хоть мало-мальски уважающий себя человек.

Полковник Муравьев что-то шепнул Шамурзаеву, тот перешел к Хорте. Хорта взмахнул рукой и закричал:

— Внимание, люди! С вами будет говорить полковник, который прибыл к нам из Солжа-Калы!

Полковник вышел вперед. Речь его продолжалась минут двадцать. Он ужасно растягивал слова, словно пробовал их на вкус. Собравшиеся слушали его внимательно, хотя мало кто мог разобрать и понять о чем же говорил полковник. Но они не унывали: раз говорит по-русски, значит кто-то переведет. Для того у них имеется Хорта. Хотя, пожалуй, такое серьезное

дело Хорте не доверят. Правильно, так оно и есть! Кончив говорить, полковник повернулся к Шамурзаеву, словно приглашая его перевести сказанное.

Но прежде чем перейти к переводу, Бота объяснил, кто эти люди, с которыми он, Бота Шамурзаев, приехал сюда. Впрочем, собравшимся и без его объяснений стало ясно, кто на такой пост занимает, кто и откуда приехал. Но из учтивости молчали, какой ни есть гость, а его надо уважать и не перебивать, чтобы он ни говорил.

Наконец Бота перешел к главному. Но опять все то же, о Хонкаре, о падишахе. О, этот падишах! Как же ему хочется, чтобы все отсюда уехали! Правда, Бота говорит, что слухи ходят и их ауле неправильные. Падишах никого не собирается выселить насильно: кто сам надумает, тот и поедет. Падишах никому и ни в чем препятствовать не будет. Но тогда, если верить падишаху, все получается правильно: земли казакам он не отдает, чеченцев в солдаты не забирает, а о Сибири и подавно вспоминать нечего. Да и разве возможно выселить весь народ? Это же очень трудно, и падишах на такой шаг, конечно, никогда не пойдет. Это люди болтают почему зря. Не было ничего такого и не будет. Вон и Бота говорит про то же самое.

— От имени сардара полковник передает вам, — говорил Шамурзаев, — что подобные слухи не имеют под собой почвы. Подумайте сами, какая выгода падишаху от переселения нас в Сибирь? Никакой! Разве у него других забот мало? А вот что касается земли, то тут вопрос другой. До падишаха дошло, что вы требуете землю. Падишах вам отвечает, что взять ее неоткуда...

— Есть! — крикнули из толпы. — Пусть нашу вернет. Мы чужой земли не требуем!

— Тише! Пусть говорит!

— Сардар понимает, как вам сейчас трудно. — Бота на выкрики и бровью не повел. — Но, как говорится, с бесштанника штанов не снимешь. Чего нет, того нет. Сочувствуя вам, Муса Кундухов решил и сам переселиться в Хонкару, взяв с собою добровольцев. Одни уедут, другие останутся. Таким образом и вопрос с землей решится. Но, повторяю, и сардару, и падишаху абсолютно все равно — уедете вы или останетесь. Это решать вам!

— Даже если мы подохнем за одну ночь! — слышался все тот же голос.

— Ты бы сам, Бота, взял бы да отдал прежним владельцам отобранные у них и подаренные тебе царем пятьсот десятин земли!

Бота и эту реплику пропустил мимо ушей.

— Генерал Кундухов сам лично ездил прошлым летом в Хонкару, где имел разговор непосредственно с Абдул-Межидом, падишахом Хонкары. Муса объяснил ему, в каком трудном положении оказались чеченцы, и попросил туркменского падишаха приютить своих же братьев по вере, помочь им, на что падишах дал согласие. Кроме того, Абдул-Межид заверил Кундухова, что всех приехавших расселит отдельно и обеспечит их жильем. О своем разговоре с Абдул-Межидом Кундухов доложил сардару, который живет в Тифлисе. Люди! Еще раз повторяю то, что просил передать вам господин полковник. Землю у вас никто не отбирает, наоборот, она будет укреплена за вами. Но, к несчастью, земли пока мало, и не все чеченцы смогут получить ее. Вот почему русский падишах не стал препятствовать генералу Кундухову, но и понуждать никого тоже не будет. Вопрос должен быть решен на добровольных началах...

Бота сделал паузу, бросил взгляд на полковника и продолжил:

— Теперь насчет порядка. Вы, наверное, думаете, что все так просто: каждый из отъезжающих сел на подводу — и до свидания, поехал! Это не так. Каждый из отъезжающих должен иметь при себе паспорт той страны, куда он выезжает. А для этого требуется определенное время. Поэтому поедут не все сразу, а несколькими партиями. Этой весной — одна, а следующей — другие. Чтобы не повторилось того, что в прошлом году произошло с адыгами. Потому так и решили вести. Вот все, что хотел сказать вам полковник.

Бота смущенно улыбнулся и перекинулся несколькими словами с полковником.

— Есть ли у вас вопросы к полковнику? — спросил он.

Вопросов было много, и они давно уже вертелись на языке каждого, но все пока молчали, выжидающе поглядывая на главу аула Бешту и стоявших рядом с ним Маккаля и Ару.

— Разве у вас нет никаких вопросов? — удивился Бешту. — Давайте, спрашивайте!

Работая обеими руками, вперед пробился Мачиг.

— У меня есть вопросы.

Бота пристально разглядывал его сверху. Вид Мачига ему не понравился, и он нахмурился.

Мачига столь пристальное внимание к своей особе со стороны высокого начальника сильно смутило, и он робко спросил:

— Если я задумаю переселиться, то власти окажут мне какую-то помощь?

— Да, — отметил Бота. — И даже скот в дороге обеспечат кормом. Кроме того, в Шали, Назрани и Червленной открыты базары, где уезжающие смогут продать или купить все необходимое.

— Говорят, что царь разрешил Кунте-Хаджи и его мюридам уехать в Хонкару. Правда это или нет? — крикнул кто-то из толпы.

— У падишаха есть такое намерение.

Поднялся шум. Людей словно прорвало. Заговорили разом, перебивая и не слушая друг друга. Одни спорили меж собой, другие, довольные предоставившимся случаем, обсуждали начальство.

— Кто говорит правду?

— Киши-Хаджи ни одному земному падишаху не подвластен!

— Он, говорят, из тюрьмы ушел. Двери сами перед ним открывались, а тюремщики ему кланялись.

— О, Аллах всемогущий, он воистину святой человек!

— Земли не хватает? А казаков зачем здесь поселили? Пусть уйдут, к себе домой едут.

— Пока русские не пришли, земли всем всегда хватало.

— У Боты много земли. Попросите у него, может, выделит.

— Мне чужой не надо.

— А он разве свою взял?

— Из кожи лез, выслуживался перед урусами.

— Тебе ведь, Мачиг, земли не дали? То-то. За один длинный нос падишах землю не даст!

— Тише! — крикнул Бешту. — Расшумелись! Смотреть на это стыдно! Кто бы он ни был — он человек, который приехал к нам. Разве станете вы обсуждать своего гостя? Ежели кому любопытно, так подойдите к нему и поговорите. А оттого, что вы здесь галдите, дело не сдвинется... Довольно, Бота! Мы слышали, что сказал полковник. Кто захочет, поедет в Хонкару, кто не захочет — останется тут. Вопросов больше нет.

Где бы Бота ни появлялся, он слышал о себе одни и те же разговоры. Сначала внимают словам полковника, затем подбегают к нему. Так случилось и сегодня. То и дело слышишь «свинья», «собака» и прочее. А то, что он искренне стремится помочь людям, они не хотят, не могут понять. Бота скрипел зубами, но поделать ничего не мог. Будь его власть, он бы и сейчас безжалостно прошелся плеткой по всем этим лицам. Но приходится терпеть. Дело прежде всего. Закончить бы его, да уехать отсюда скорее. Благодарности от этих обормочков все равно не дождешься.

— Господин полковник, — промолвил, склонившись, Муравьеву, Бота. — Мы можем ехать.

— Чего они расшумелись? — спросил полковник Головинченко. — Почему не расходятся?

— По глупости своей. Все об одном и том же говорят. Теперь до вечера не успокоятся. Такой народ.

— Как насчет транспорта?

— Все готово, господин полковник: Хорта, сани запряжены?

— Да.

— Пройдемте, господин полковник.

* * *

Народ же расходиться и не думал. Начальство ушло — не велика беда. Наоборот, без него спокойнее.

Маккал выступил вперед, поднял руку, призывая к тишине.

— Аульчане! — зычно крикнул он и, дождавшись, когда все смолкло, продолжил своим мягким голосом. — Давайте поговорим серьезно. Видит Аллах, нам теперь не до шуток. Что я хочу сказать... Да, действительно, живется нам очень трудно. Но ведь мы у себя, мы дома! — страстно проговорил мулла. — На земле наших отцов!.. Правильно, от слухов можно сойти с ума. А уж какую только ерунду не несут! Мы же, развесив уши, слушаем всю эту чепуху. Хотя бы о том, что вот-вот погонят нас в Сибирь, а мужчин заберут в солдаты. Как же, мы ведь пуп земли! Все внимание на нас! Да кому мы нужны, я спрашиваю, чтобы нам уделять столько внимания? Два огромных государства, видите ли, спорят меж собой из-за нас. Русский падишах и турецкий. И тот и другой в один голос соглашаются: пожалуйста, решайте, дорожите чеченцами.

Но спросить бы этого Абдул-Межида, почему он вдруг проявляет такую заботу о нас? Что, Аллах его надоемил? Как же, надеешься милости от падишаха! Рай он обещает? Так не верьте этому! Это вранье! И как вам не надоело слушать? Слухи специально рассчитаны на простаков. А многие им поверили, «Лучше к единоверным братьям, чем в Сибирь к гяурам!» Опустили руки и ждут весны. Нашлись и в нашем ауле такие. Они, видите ли, должны уехать, иначе свет перевернется. И ведь не переубедишь их. Но попомните мои слова — рано или поздно они раскаются. Только поздно будет! Кто побывал на чужбине, тот знает, что это такое, тот готов отдать все на свете, лишь бы хоть одним глазком еще раз взглянуть на родину. Даже врагу я не пожелаю такого. Я это знаю, потому что прошел через подобный ад. Верно, Хонкара — страна, где живут такие же мусульмане, как и мы. И падишах там — мусульманин. Но нам-то что от этого? Одной общей верой сыт не будешь. Молиться же нам и дома никто не запрещает. Хонкара не для нас, не для бедняков. Она хороша для Кундухова, Абдуллы Успанова, Алихана Цугова, для Нуркиши и Мады, чьи карманы набиты золотом. А кому мы нужны там с пустыми руками? Так вот, пусть они едут туда, а нам лучше оставаться дома!

— Умрем же в Сибири, Маккал! — горько вскричал Мачиг.

И дети наши тоже...

— Не горюй, Мачиг, Аллах не допустит.

— Зачем же тогда солдат сюда нагнали?

— Раз земли не хватает... Солдат нагнали... В Сибирь отправят... Чего мы все ноем и ноем? Мы же, в конце концов, не стадо баранов, чтобы бежать туда, куда нас гонят. Почему не едет Бота Шамурзаев, Касум Курумов, Орца Чермоев, Давлатмирза Мустафинов и им подобные? Почему они спокойно чувствуют себя на нашей земле? Почему мы добровольно уступаем им свои кровные земли, а сами готовы отправиться неизвестно куда, чтобы просить подаяния? Или мы уже не мужчины? Нет, кенти! Мы не уйдем отсюда! Жили же наши предки в мире и дружбе с казаками, будем жить так же и мы. Нет, это не казаки виноваты, что отдали им наши земли. И их привадили сюда силой. И дали им силой, почему они и взяли. Потребуем от властей, чтоб землю перераспределили, чтобы оставили нас в правах с казаками!

— А коли власти не сделают этого?

— Будем требовать с оружием в руках!

— Не та у нас сила, Маккал!

— Зато сердца те же!

Шахби, до сих пор молча перебивавший четки, повернулся к Маккалу и сказал:

— Не муди народ. Пусть каждый человек сам решает, как ему быть. Не сбивай их с толку. Я не меньше тебя люблю родину, но все же еду. Потому что жить здесь стало уже невозможно. О бедности уже молчу. Хочу умереть мусульманином. А ты не старайся, пожалуйста, навязать свое мнение другим. Они не глупее тебя...

Когда тамада аула, а вместе с ним и почетные старики покинули майдан, спор разгорелся с новой силой:

— Да проклянут меня потомки, если я поеду!

— Зачем же ты тогда носишь папаху?

— Буду биться, не будь я мужчиной! А из аула ни шагу не ступлю.

— Ты убьешь, тебя убьют... А твою семью отправят в Сибирь. Чего ты добьешься, глупец?

— У тебя нет семьи. А от чужого добра ты вон как распух. Куда же мне ты прикажешь деться с голыми детьми и с пустыми карманами?

— В Сибирь!

— Ах ты, лавочник паршивый!

— Собака вшивая!

— Брюхо ты свиное! Я кишки из него сейчас выпущу! — крикнул разгневанный аульский бедняк Дасу, выхватил кинжал и бросился на лавочника Мази. Стоявший рядом Ахмед, сын Акбулата, успел схватить его и отвести назад.

— Не горячись, Дасу. Убьешь дерьмо, а скажут, что человека убил. Да пусть едет, тебе-то какое дело. А мы никуда не поедем.

— Погонят, как баранов вас погонят! — не унимался Мази.

— Не рычи, собака!

— Все уйдем в горы и будем биться с войсками падишаха!

— Кенти! — крикнул Ибрагим. — Я еду в Турцию. Падишах лишил меня отца, братьев, свободы, земли. Теперь он хочет отнять у меня веру. С этим я не смирюсь. Даст турецкий султан землю — хорошо, не даст — переживу, земли у меня и тут нет. Но я хоть умру мусульманином, и дети мои останутся мусульманами. Завтра все, что у меня есть, повезу в Шали на базар.

— Подумай, кому нужны твои тряпки, Ибрагим? — с горечью воскликнул Али.

— Кому? Тем же совдегарам*, что уже рыщут по аулам, шаррюхая, где и чем можно поживиться.

— Правду говоришь, — согласился Али. — Несчастье одних служит лестницей к счастью для других.

* Совдегар — купец, торговец (чеч.).

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ АБРЕКА ВАРЫ

Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народами до крайности непостоянным, легковверным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, несообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать под нашу дудку, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны...

Генерал М.Я.Ольшевский

Приближалась холодная зима. Уж давно покрылся снегом Чеберлоевский хребет, а теперь и подножия гор за ночь выстилало белым инеем.

Холодно и тоскливо в голых лесах.

Холодно в древних каменных башнях, сырых пещерах.

Но у абреков других пристанищ нет. Одежда их обветшала настолько, что продувается насквозь, словно сито. Даже от грубой постели отвыкли абреки. Сегодня они здесь, завтра там. В других башнях, в других пещерах. Только все они одинаковы: холодные и мрачные. Люди заывают абреков в аулы, оказывают им посильную помощь. Но абреки боятся останавливаться там. Во-первых, если власти узнают, что абреки ночевали в каком-то ауле, то жителей его сурово наказывают. Во-вторых, теперь в аулах немало подлецов, явных или тайных царских прислужников, всегда готовых бежать с доносом к властям. Генерал же Туманов обещал за голову Вары пять тысяч рублей награды. Предатели посчитали такую сумму за голову знаменитого абрека оскорбительно низкой, на что генерал Туманов возразил, дескать, царь за голову самого Шамиля предложил всего десять тысяч. Что такое пять тысяч рублей, если царские власти за один только день сдирают с Чечни более десяти тысяч? С аула, на территории которого найден труп убитого царского прислужника, взимается штраф в тысячу рублей. Вора или просто подозреваемого в воровстве, независимо даже от того, ви-

пошел он или нет, без суда отправляют на каторгу в холодную Сибирь. Его же аульчан заставляют возмещать убытки от якобы похищенного им добра в пятикратном размере. Даже в том случае, если нет явных улик. Лишь бы был след на территории аула. А ведь дни без убийств или краж выпадают редко. У Тумапова много денег. Очень много. А давать за захват грозного Вары — живого или мертвого — всего каких-то пять тысяч рублей... Что ж, пусть ждет... Сперва он обещал тысячу, теперь сумма достигла пяти тысяч. Пусть цена за голову Вары повысится до десяти и сравняется со стоимостью головы Шамиля. А мы пока потерпим. Ведь не случайно говорят, что Бог любит терпеливых...

Вот так думают вероломные враги Вары, а значит, и враги народа.

Сегодня Вара, как это ни опасно для его жизни, идет в аул. Его семья живет в Малых Атагах. Вернее, еще находилась там два-три дня назад. И она должна быть там, если непредвиденные обстоятельства или опасность не заставили ее перебраться в другое место. Давно Вара не видел своей жены и детей. Давно он не был в родном ауле. Ему до смерти надоело, уподобившись голодному волку, скитаться по лесам и горам. Но и вернуться в родной дом уже нельзя. Он не сможет помириться с царскими властями.

Почему?

Ответ короткий: Варе, как и всему народу, нужна свобода. Ему тоже хочется, чтобы его родные горы были никому не подвластны. Варе, как и всем, не хочется надевать на шею царское ярмо, быть рабом. Вот почему в течение восьмидесяти лет проливается кровь горцев и кровь тех, кто идет с оружием в руках на их родную землю. Николай падишах, никакой инарла не имеет права вторгнуться в дом Вары, изгнать из него семью и стать в нем хозяином. А тем более — лишить народа, земли, отобрать у него свободу. Ведь ни Вара, ни его отец, ни его предки, да и весь его народ в целом никогда не вторгались в чужие страны, на чужие земли, не лишали свободы других людей, другие народы. Пока царские инарлы не пришли сюда, в горы, его предки жили тихо и спокойно. Мирно обрабатывали свои клочки земли, а кровь проливали только на охоте, добывая себе пищу, и всегда радушно принимали любых гостей.

Варе — пятьдесят. Он родился в войну и всю свою жизнь видел войну. Кровь. Пламя. Крики. Варе не дали жить

в своем собственном доме. Ему сказали: "Не ты хозяин этого дома, а мы". И тогда Вара взял в руки дедовское оружие. Но у Вары не хватило сил отстоять свой дом от царских инарлов, пришедших издалека и бесцеремонно расположившихся в нем, как в своем собственном.

Силен русский падишах. Не счесть его войска. И Вара не справился с ним. Как, впрочем, и его предки. Но Вара уверен, что рано или поздно народ отстоит свою независимость. Все надежды возлагаются на собственные смелость и мужество, на беспредельную любовь и верность родине, на густые леса и суровые горы родного края.

К сожалению, лишь смелости и мужества, беспредельной любви и верности родине оказалось недостаточно, чтобы устоять перед огромной силой могущественного падишаха.

В течение восьмидесяти лет сжигаются и разоряются аулы. Народ гибнет на войне. Вместо того, чтобы из года в год расти, народ с каждым годом приближается к вымиранию. Во главе с Бойсангуром, Атаби и Уммой народ последний раз вступил в смертельную схватку с царской властью, но и в этот раз его восстание жестоко подавили. Враг одержал очередную победу. И у народа уже нет сил вернуть себе землю и свободу. Такая сила осталась только у Аллаха. Устаз обездоленных Киши-Хаджи призывал народ возложить все свои надежды на Бога. Вара верил устазу. Верил устазу и весь отчаявшийся люд. Старики, женщины и дети. Верили в то, что Аллах вернет им отторгнутое — землю и свободу. Ибо устаз говорит им: оставьте оружие, не прибегайте к насилию. Обратите свои взоры к Богу. Молитесь ему днем и ночью. Только он может низвергнуть поработителей, дать народу свободу и установить справедливость.

Но инарла Туман арестовал Кунту-Хаджи и бросил его в тюрьму Солжа-Калы. Мюриды собрались просить инарлу выпустить их устаза, ибо некоторые улемы говорили, что если они обратятся к инарле, то Аллах подскажет ему, чтоб он возвратил им их устаза. Солтамурад и его соратники противились всей этой затее. Маккал утверждал, что если Киши-Хаджи находится в руках Аллаха, то он и сам сможет освободить его без вмешательства инарлы. Поскольку же Кунта-Хаджи находится в тюрьме падишаха, то никакие их молитвы, просьбы и жалобы не откроют перед ним железные двери. Маккал утверждал также, что подобное шествие лишь нанесет непоправимый ущерб их главному делу — борьбе за свободу.

Вара был набожным человеком. Поэтому он не поддержал своих боевых товарищей и пошел за улемами. Во время шествия Вара находился в первых рядах толпы, которая направилась к инарле с просьбой вернуть устаза. Впервые за всю свою сознательную жизнь Вара был без оружия. Он держал в руках мирный голубой значок и громко взывал к помощи всемогущего Аллаха, когда направлялся к редуту. Но с крепостных стен своими круглыми черными жерлами на него смотрели грозные пушки, рядом с которыми, держа в руках наготове дымящиеся фитили, стояли рослые солдаты. Перед крепостными стенами ровными, словно вкопанными рядами стояли пехота и кавалерия. Под холодными лучами зимнего солнца ослепительно сверкали их острые штыки и оголенные шашки. Вздошно-бурно фыркали боевые кони.

Вместе с несколькими тысячами человек, громко призывая на помощь Аллаха, пророка и своего устаза, безоружный Вара шел на эту грозную, ошестившуюся силу. Вара верил, что и Аллах, и пророк, и их устаз немедленно окажут им помощь, защитят от столь грозного врага. Ведь именно в этом убеждали улемы людей. Они прямо сказали, что в эти критические минуты Аллах, пророк, ангелы и все святые придут к ним, а порох гяуров превратится в пыль.

Вара поверил. Поэтому и шел без оглядки, уверенно и спокойно. На самом же деле, на помощь к ним никто не пришел, и порох гяуров не превратился в пыль. Как и все предыдущие восемьдесят лет, ружья и пушки стреляли исправно, извергая смертельный огонь. Правда, тот день отличался от предыдущих: на сей раз навстречу вооруженному до зубов врагу шли безоружные люди — старики, женщины, дети...

Вот в тот памятный день Вара и потерял свою веру во всех и во все, даже в справедливость Всевышнего. Вара убедился в том, что народ его оказался бессильным. Но неужели и ему, и его детям, и его потомкам придется извечно влачить позорную рабскую жизнь? Терпеть порабощения в собственном доме? Неужели придется спокойно смотреть на могилы отцов, братьев и сыновей, погибших, защищая родные очаги и поруганную родину, не склоняясь перед убийцами, которые теперь чувствуют себя здесь хозяевами?

Нет! Нет и нет! Пусть Вара не смог победить врага, но не покорится ему. Он вступит с ним в единоборство и будет лично мстить тем, кто принес горе его несчастному народу.

Вара оставил дом, семью, родное село и стал абреком. Именно он, Вара, атагинский Вара, первым вступил на тропу народных мстителей и стал первой восходящей звездой знаменитого впоследствии чеченского абречества.

Вара был беспощаден. Он мстил теперь уже своим личным врагам, невзирая на их национальную и религиозную принадлежность. Отбирал их имущество и раздавал бедным горцам. Он забирался за Терек и в Сальские степи, совершал набеги на аулы и на военные гарнизоны, устраивал засады в лесах и ущельях. Везде и всюду у него имелись верные друзья: в казачьих станицах, в горах Грузии, Дагестана и Осетин. Но там же были и смертельные враги. Вара стал широко известным предводителем неуловимого, невидимого, но многочисленного войска мстителей, защитников бедняков не только своего, но и соседних народов, которые оказались под пятой царских властей и их местных холоуев.

После шалинской бойни чеченские предводители разделились на два лагеря. Часть высшего духовенства засела в Автурах. Она склонялась к миру с царскими войсками. При чем не без вознаграждения...

От этой части откололись, обосновавшись в Беное, такие боевые вожди Ичкерии, как Солта-Мурад, Шоип, Дада, Маккал, Берс, Арзу. Вара примкнул к беноевцам, однако прошлым летом они вызвали его в Беной и категорически запретили ему убивать царских хакимов-начальников. Они пытались объяснить Вару, что таким путем всех хакимов не уничтожить. На место убитого присылают другого, еще более жестокого. Но за каждого убитого Варой в Сибирь отправляют десятки невинных людей, а с аулов взимаются огромные штрафы. Им же сейчас дорог каждый воин, а потому ссылка в Сибирь и карательные меры в аулах со стороны властей наносят невосполнимый ущерб делу готовящегося восстания. Они просили Вару понять это. Если же он, Вара, не захочет подчиниться Совету, то им придется принять решительные меры. Ведь Вара клялся на Коране, что будет подчиняться Совету.

Нет, Вара не забыл клятву, данную им позапрошлой зимой в Беное, на очередном сходе. Вслед за Маккалом он повторял тогда слова этой клятвы:

— На этом священном Коране, ниспосланном Аллахом через своего пророка Мухаммада, я клятвенно утверждаю, что нишис на Совет с чистой совестью, с твердым решением до последнего дыхания бороться за дело свободы, за освобождение поруганной родины. Я клянусь не разглашать увиденное и услышанное здесь, сохранять тайну. Я клянусь беспрекословно подчиняться воле тех людей, которые поставлены надо мною, если их решения не идут вразрез с интересами моего народа, моей чести. Если я нарушу данную клятву, пусть мои товарищи совершат надо мною самый суровый суд, вплоть до смертной казни. Амины!

После той клятвы мысли Вары несколько изменились. Оказывается, зло может завладеть и добрым сердцем. Завладело же оно сердцем Вары. Зло сеял не он, а жестокая царская власть. До сих пор покрыты сажей дома, сожженные царскими войсками. Не успели зарости травой могилы погибших. Не успели затянуться раны на телах оставшихся в живых. Но каждый день их, живых, продолжает угнетать несправедливая царская власть.

Вара и сотни тысяч других людей с радостью согласились бы жить мирно. Но зачем им такой мир, при котором их дети умирают от голода? Как могут они жить мирно, если у них отняли самые плодородные равнинные земли, а самих загнали в болотистые леса и в каменистые горы, где они вынуждены искать клочки земли и засеивать их кукурузой. Но урожая с этих клочков не хватает даже до середины зимы. Как же кормить, одевать и обувать своих детей? Для того, чтобы купить зерно, одежду и обувь, нужны деньги. А откуда их взять? Раньше предки скот содержали летом на горных пастбищах, а зимой на равнине. Теперь и скот содержать нельзя, так как равнинные земли им уже не принадлежат. Есть пять реальных путей: торговать лесом, батрачить у богатых, воровать и грабить, попрошайничать и, наконец, умирать от голода.

Леса много. Но на месте никто не купит. А как везти его в Солжа-Калу, Орза-Калу*, Чехкари, Кизляр? На собственном горбу? Редко у кого есть пара быков или буйволов. Батрачить и работать на богатых вообще никто не согласится. Ведь они — кровные враги. Они — виновники всех их бед. Они нажили свое богатство на несчастье народа.

* Орза-Кала — чеченское название станицы Червленной.

Кроме того, никому не разрешен свободный выезд из города, чтобы поискать себе работу, сбыть товары или сделать покупки. Для выезда и въезда требуется особый билет, выдаваемый приставом, наибом или старшиной. И если найдут где-нибудь без такого билета, то берегись! Минуту проведешь в каталажке. Вот такие порядки. Кстати, этот билет, называемый билетом, ты не получишь без позволения в городе работы много, но простому чеченцу жить и передвигаться разрешено.

Нет, просить милостыню Вара не собирался. У чеченцев нищенство и батрачество считаются равным позором. И умирать от голода Вара не желает. Что же ему остаются такие случаи люди избрали последний путь — грабеж. У богатых людей много скота. И прочее свое богатство они нажили нечестным трудом, а за счет чеченского народа. Тому невелик грех грабить грабителей и предателей. Кроме того, обирать некоторых мулл — дело даже богоугодное. Вспомни помощь инарле Туману в шалинской бойне не только чеченские офицеры, но и некоторые муллы получили в награду от падишаха медали и земли.

Сам Вара уже не верит многим из них. Шариат они толкуют в угоду властям. Если лет десять назад они говорили, что все гяуры — враги Аллаха и всех мусульман, то теперь падишаха и его ставленников от этих врагов они отделили. Сейчас они утверждают, что падишах — сардар Бога на земле, а все его хакимы управляют людьми по воле Всевышнего. Кто пойдет против падишаха, его хакимов и имущих, непременно сгорит в пламени ада. Тем муллам говорить нечего. Но Вару они не проведут. Он уже убедился в том, что имущие лгут, что они скрытые враги таким беднякам, как Вара.

Этим-то кровопийцам и мстят абреки, которыми полны чеченские леса. Но, с другой стороны, борьба одиночек и разрозненная лесная жизнь продлятся не вечно. Не могут же они вечно скрываться в лесах и горах, подобно диким зверям. Кроме того, Вара уже несколько раз получал из Ичкерии различные предупреждения о том, что если он не прекратит свою борьбу против властей, то Совет совершит над ним суд. Над нарушителем клятвы на Коране.

«Что ни говори, а Совет умнее меня, — думает Вара. Маккал, хотя и молодой, но он один из самых образован-

...в Чечне. Берс учился в Петербурге, хорошо знает на-
род и обычаи урусов. Оба они честные и благородные люди.
...Мурал, Арзу, Шоип, Дада и другие — прекрасные во-
...и мужественные предводители, которых народ уважает и
...Кула я денусь от них? И не может быть, чтобы все они
...лучше меня, а я один умнее всех их».

* * *

Вара остановился над левым берегом стремительного Ар-
...и долго смотрел на родное село. Его настороженный слух
...малейший шорох. Много врагов у Вары. Самый опас-
...из них — Гудантов Мудар из Чеберлоя. Эта вероломная
...явится старшиной Чеберлоя, потому и власти на его
...селе. Вара убил брата Мудара, такого же жестокого и та-
...же вероломного. Мудар давно преследует Вару, но никак
...не может схватить.

Центральный Аргун бешено бьется о крутые скальные берега.
...и выхода на равнину воды его становятся тихими и
...иными. Как похож человек на эту горную неукротимую
...И молодости своей он так же бурно пробивается к жиз-
...просторам, а перевалив за сорок, смиряется нравом,
...становится более степенным, не шумит и не бурлит. Иногда
...услышишь его кашель да старческие стоны. Потом и
...начинают, а человек тихо уходит в мир иной...

Валид Вары задержался на тусклом свете оконца в ни-
...доме аула. В том доме, где горит этот огонек, живет
...друг Вагин Паша. Он абрек тайный, но всегда помогает
...иногда по ночам совершает вместе с ним дерзкие набе-
...ты.

Вара был уверен, что хорошо знает своего друга. Но Вара
...не знал, что его друг, Вагин Паша, за золото
...принадлежит Мудару. Не знал он и о том, что сегодня ночью,
...когда Вара войдет в его дом, Паша отправит к Мудару
...и Мудар приведет из Чахкари отряд казаков. Не мог
...Вара и о том, что после трехчасового боя, когда кончат-
...его порох и пули, вынет он кинжал и, громко читая
...на врагов, а те изрешетят его пулями, растер-
...его на куски...

Дан — тридцать шестая сура из Корана, отходная молитва (арб.).

Нет, далекими от такого поворота были его мысли. Он думал, что скоро увидит свою семью, отчего в душе становилось так тепло. Мысленно он уже ласкал младшую дочурку Беди и даже ощущал, как он теребит ее мягкие черные кудри, а она улыбается ему, обнимая своими маленькими ручонками его колючую морщинистую шею. У него было трое дочерей, а вот сына Аллах ему не сохранил, и после него, Вары, в семье не останется мужчины, продолжателя его рода. Кто же после его смерти позаботится о женщинах? Ведь идет страшная молва, что скоро всех мужчин заберут в солдаты и сделают из них гяуров, которые будут глумиться над женщинами...

А ведь был, был у Вары сын, первенец. Но погиб он в бою шесть лет назад. Молодой, стройный, смелый, красивый. Пал Лечи в Ичкеринских лесах... Даже жениться не успел...

Неужели же жизнь всегда будет такой горькой и состоять только из потерь? Или у падишаха, его инарлов и хакимов нет собственных родителей, детей, жен и сестер? Или они просто не любят их, думают, что и Вара не способен любить своих детей и близких. Может, в груди царских хакимов вместо сердца камни? Зачем, зачем они проливают слезы чеченских отцов и матерей?

Не первый раз задумывался Вара над этими вопросами. Они мучали его много лет.

Вара тихо тронул поводья. Конь понял всадника, вошел в бурный Аргун, разрезая реку своей мощной грудью, потом, перейдя на противоположный берег, остановился на мгновение, стряхивая с себя холодную воду.

Вара направил коня к аулу. Рука его лежала на рукоятки пистолета, засунутого за пояс, а глаза по-волчьи бегали, вглядываясь в темноту. Мысли же по-прежнему были заняты семьей. Через несколько минут он увидит жену, детей. А через пять месяцев, возможно, придет конец и всем этим мучениям. Чеченцы готовятся весной переселяться в Турцию. Со своей семьей Вара хотел отправиться в первой же группе переселенцев. В этом ему должен был помочь Успанов Сайдулла. В былые времена они были друзьями. Все последние двадцать лет неразлучно сражались бок о бок против войска падишаха. Сайдулла стал большим наибом, а теперь сделался и хакимом падишаха. Удивительное дело: многие из тех, кому было хорошо при Шамиле, отлично устроились и при падишахе. Некоторые наибы и муллы Шамиля сделались хакима-

ми при власти гяуров. У них большое жалованье, много земли и скота. А горемыки, вроде Вары, и при Шамиле были обездоленными, и сейчас остались такими же. Может, в Турции найдутся для них мир, спокойствие да кусок хлеба. Говорят, там, при мусульманском падишахе, будет лучше. Поедем, посмотрим. Здесь положение безвыходное. Во всяком случае, хуже, чем здесь, не будет. Не должно быть...

С этими думами и вошел Вара во двор Вагина Паши, не подозревая, что не увидит даже восхода солнца...

ГЛАВА IX

ПОСЛЕ БАЛА

Военное положение страны предписывало меры, которые могли развигивать в горах дурные страсти, но полезны были для утверждения нашего могущества... Тогда поощрялось в чеченце корыстолюбие... Тогда нужно было разрушить в горах враждебную нам любовь к родине и посеять в них раздоры и распри. Тогда нужно было военное шпионство и предательство... Отсюда уже видно, как необходимо устройство в порочной стране правильной и благожелательной администрации...

Н.А.Добролюбов

На улицах Владикавказа, а особенно в той его части, где размещались штаб войск Терской области и резиденция командующего, царило редкое оживление. Празднично-нарядные дамы и офицеры в парадных мундирах разгуливали по тенистым аллеям, толпились у парадного подъезда. Их привело сюда событие, не часто случающееся в столь захолустном городе, каким был Владикавказ, событие радостное и знаменательное: по пути из Петербурга в Тифлис в городе остановился начальник Главного штаба Кавказской армии генерал-лейтенант Карцов. Каждому не терпелось предстать перед очами столь высокопоставленной особы, читавшей незадолго до своего нового назначения лекции по военной тактике императору Александру II и брату его, Михаилу Николаевичу. Великий князь и сейчас расположен к нему. Кто знает, может, от случайного взгляда на твое лицо, от удачно произнесенной фразы или от другого случая благополучно решится вопрос о дальнейшей карьере...

Вчера Лорис-Меликов устроил гостю пышный прием. В честь него был дан бал. Веселье длилось всю ночь, а теперь отсюда во все стороны разъезжались фаэтоны и кавалькады всадников.

Начальникам отделов, округов и полковым командирам было приказано задержаться до вечера. Предстояло провести совещание.

К назначенному времени все собрались, хотя вид у всех был довольно усталый: сказывалась бессонная ночь. Только молодой командир Семьдесят седьмого пехотного Тенгинского полка флигель-адъютант полковник Святополк-Мирский удивил своей неистощимой энергией. Он был как всегда свеж, бодр, говорил громко, а заразительный смех его и остроумные реплики вызывали невольную улыбку.

— Господа, господа! Должен признаться вам, что общество наших милых дам куда приятней, чем соседство этих полудиках чеченцев. В том я еще раз убедился сегодня ночью...

Разговор в основном вертелся вокруг бала, и ничего в этом не было удивительного, поскольку в таком захолустье и впрямь можно было сойти с ума от скуки. Человеку для душевного равновесия всегда требуется встряска, а здесь, вдали от столичной жизни, какое развлечение... Тоска одна. А потому бал явился событием исключительным.

— Такие мгновения... как звезды в темной ночи, — не удивился Святополк-Мирский. Казалось, он еще окончательно не протрезвел от вчерашнего.

— Кажется, вы скоротали вчерашнюю ночь, Николай Иванович, весьма недурно-с? — произнес с таинственным видом полковник Головаченко.

— Полноте, Николай Николаевич! В нашей жизни это такая редкость... Да.. изумительно. А Мария Васильевна... богиня... О женщины, я ваш раб. — Святополк-Мирский выбросил вперед руку, словно поднимая бокал шампанского. — Увы, тоска, милый Николай Николаевич, однообразие. А жизнь — мимо, мимо, как облака, плывущие по небу куда-то вдаль. Вот спровадим своих туземцев, угоним за тридевять земель, в тридцатое царство, тогда и заживем, Николай Николаевич. А что касательно туземок, — он оглянулся по сторонам, — то скажу я вам, они весьма прелюбопытнейшие создания, глазницы... огонь, устоишь ли разве, но...

— И как, удачно-с?

— Н-не совсем, должен признаться. — Святополк-Мирский досадливо махнул рукой. — Туземцы они и есть туземцы. Прав был наш славный Ермолов, без них спокойнее.

Стоявший неподалеку Кундухов резко обернулся:

— Вам лично, господин полковник, они перешли дорогу?

Святополк-Мирский сделал удивленное лицо, не понимая, в чем, собственно, он провинился.

— Вам-то что за дело до них? — продолжал Кундухов.

— Позвольте, я что-то не так сказал?

— Вот именно. Вы изволили... Прошу запомнить, господин полковник, люди, о которых вы столь пренебрежительно и двусмысленно отзываетесь, ничуть не хуже других. И понятие о чести, кстати, у них выше, чем у нас с вами, и гордости побольше.

— Я, признаюсь, не совсем понимаю вас, господин Кундухов. Горцы были и остаются нашими злейшими врагами, и если, отозвавшись о них, я чем-то оскорбил вас, то покорнейше прошу меня извинить. Коли вы не удовлетворены...

— Полноте, полноте, господа, — вмешался командир Гребенского казачьего полка Беллик, — что за ребячество! Право же, Муса Алхазович, я вас не узнаю.

— Действительно, господа! — повернулся от окна и накаленной атаман Терского казачества Христофор Егорович Попандуполо. — Не разводите канитель. Стыдно-с...

В зал вошли начальник штаба полковник Свистунов и князь Туманов.

— Рассаживайтесь, господа, — громко сказал Свистунов. — Александр Петрович будет через минуту.

Вскоре в дверях показался Карцов, за ним шел Лорис-Меликов. Карцов грузно опустился в венецианское кресло под главе стола под массивным портретом Александра II, застывшего на огромном полотне во весь рост.

— Господа офицеры, — начал он густым басом, — обстановка в Терской области всем вам хорошо известна. В целях усмирения и умиротворения края правительство наметило ряд мероприятий. Главное и самое важное из них — это удаление из края хотя бы половины чеченского населения, как нашего самого опасного и непримиримого врага.

При этих словах Святополк-Мирский, сидевший напротив Кундухова, повернул к нему голову и пожал плечами, словно говоря: «Ну что вы, голубчик, теперь скажете?» Кундухов заметил его движение, но никак не отреагировал.

К Святополк-Мирскому вернулось хорошее расположение духа. «Бог даст, совещание не затянется», — подумал он, и лицо его просветлело.

— ...Будучи в Петербурге, я имел беседу с военным министром Миллютиным по данному вопросу. Наш государь одоб-

иет начинание кавказских властей. Ответственность за успешное завершение дела в первую очередь ложится на вас. Поэтому мне бы хотелось узнать о положении дел в Чечне. В общих чертах о ситуации мы знаем из записок начальника области. Окружных же начальников прошу остановиться на этом вопросе поподробнее. С вашего разрешения, предоставлю слово начальнику Среднего военного отдела.

Поднялся князь Туманов. Генерал-майор Попандуполо и полковник Беллик, сидевшие сбоку от него, одновременно чуть отодвинулись в стороны.

Туманов потянул книзу полы мундира, плотно облежавшего его стан, взял со стола исписанные листы.

— Ваше превосходительство, Александр Петрович, как всем известно, под моим началом находится Средний военный отдел Терской области, в которой живет чеченское племя, самое воинственное, самое мятежное и самое многочисленное из всех племен покоренного нами Кавказа. Хотя я регулярно и достаточно подробно делаю письменные доклады его превосходительству генерал-лейтенанту Лорис-Меликову, но поскольку вашему превосходительству это угодно, то изложу ситуацию во всех деталях.

«Этот не скоро кончит, — подумал Святополк-Мирский. — Ну до чего несносный народ эти грузины. Как заведет речь, так на два часа как поднимет тост, так на час. Ну вот, я же знал, что он опять повторит то, о чем говорил уже дважды. Ничего не поделаешь, такая порода. Столько наговорят лишнего, второстепенного, пока до сути доберутся. У всех одна и та же болезнь — медом не корми, дай только поговорить».

У Николая Ивановича была веская причина беспокоиться. Она касалась младшей из трех дочерей Лорис-Меликова, с которой на сегодня у него было назначено свидание. Николай Иванович всего несколько раз виделся с девушкой, но был ею покорен. Он и сейчас словно видел ее смуглое курносое личико с черными, как две смородинки, глазами. Как не влюбиться в эту стройную веселую красавицу со смешанной русско-кавказской кровью! При воспоминании о вчерашнем бале у него вновь начала кружиться голова. Соня дарила ему и мазурку, и вальс, а ее прелестные губки были в непрерывном движении и то и дело раскрывались в радостно-счастливой улыбке. До сих пор он чувствовал нежный аромат ее редких духов.

А как была счастлива мать ее, Нина Ивановна! Как восторженно она следила за ними. О, это был прекрасный вечер. Единственный запоминающийся вечер из тех, что он провел на Кавказе. Повторится ли он?

Туманов между тем еще не добрался до главного, с чего, по мнению Николая Ивановича, ему следовало бы начать.

— ...Стесненное положение чеченского населения в поземельном владении вызывает меры к обеспечению в будущем быта этого племени — прикреплению их к земле, обратив мирных граждан, — говорил Туманов с характерным грузинским акцентом. — Но эта последняя цель при громадном населении Чечни не осуществима, а посему единственным средством к разрешению вопроса нужно признать удаление из Чечни определенной части населения... Однако чтобы избежать необходимости прибегать к насилию, представляется возможность употребить другое средство — возбуждение в чеченцах желания к переселению в Турцию. Начальник области возложил на меня обязанность по исполнению этой ответственной задачи, для коей я не жалею сил и времени. Если нам удастся решить эту задачу, то последствия ее принесут двоякую пользу: ослабят враждебность нам население и навсегда отобьют охоту к новым волнениям...

«Господи, — взмолился Святополк-Мирский, — когда же он закончит!» Николай Иванович начинал нервничать. Его уже раздражал не только голос Туманова, но и густые жесткие усы, и горбатый нос князя. Он чуть было не чертыхнулся вслух. «Ну зачем столько слов, доказывая, что дважды два — четыре».

Головаченко увлеченно рисовал что-то на листе бумаги. Николай Иванович скосил глаза: всадники, женские головки и... он чуть не прыснул в кулак — лысая голова сидевшего в конце стола Комарова, командира Семьдесят седьмого Навагинского пехотного полка. Взгляд его задержался на рисунке внизу. На виселице, склонив голову набок, висел тощий бородатый горец без одной ноги и без одной руки.

«Похож на Бойсангура, — подумал он, — которого полковник раненым взял в плен и вздернул в Хасав-Юрте перед церковью».

— ...Согласно данному мне поручению, через моих лазутчиков я слежу за расположением умов в Чечне. Пока сведения, получаемые мною, обнадеживающие. Полагаю, что пе-

переселение пройдет успешно. Однако я до сих пор не высказал чеченцам свой взгляд на этот предмет, даже иногда с осторожностью высказываюсь против переселения, конечно, с одной целью: не обнаружить наше участие в данном деле. На всякий случай потребуются несколько человек, готовых переселиться, которые, став во главе партии, облегчат нашу задачу...

Карцов устало поднял голову, сдвинул на лоб очки в золотой оправе и заметил:

— Кажется, Михаил Таризлович ходатайствовал перед его высочеством об отпуске денег для вознаграждения таких лиц и мы эту просьбу удовлетворили.

Карцов посмотрел на Лорис-Меликова.

Тот ответил:

— Да, я отпустил десять тысяч серебром. Думаю, Александр Георгиевич расходует их на пользу дела.

Прерванный Туманов продолжал свою речь:

— ... Мои агенты доносят мне о каждом шаге чеченцев. Все говорит о готовящемся восстании. Правда, подобные слухи ходят почти каждую весну. Но может быть, восстание спровоцируется подготовкой массового переселения. По сведениям, полученным мною, восстание приурочено к концу мусульманского праздника. Наша задача — подавить мятеж в самом его начале. Для его подавления потребуется сила. На сегодня мы имеем в Чечне четыре полка регулярных войск, один драгунский полк, один стрелковый и двадцать восемь линейных батальонов, пять конно-артиллерийских батарей. Кроме этого, пять бригад терских казаков. Думаю, что этих сил для Чечни недостаточно. Если нам придется силой удалять чеченцев из края и предупреждать их восстание, нам необходимо, во-первых, расположить регулярные войска возле Воздвиженской, Грозной, Ханкалы, в сторону Бердикел. Во-вторых, оба эти отряда должны быть самостоятельными, готовы к быстрому движению и должны иметь особых отрядных начальников с чрезвычайными полномочиями. Выдвинуть эти отряды на указанные позиции мы должны не позднее середины апреля. Чтобы не вызывать подозрений у чеченцев и у самих солдат, это надо сделать под видом очистки огромного пространства сенокосных мест возле Грозной и Воздвиженской, которые пропадают под бурьяном и кустарником, мешающими росту трав. И, в заключение, я думаю, пользуясь при-

сутствием Кундухова, следует разрешить очевидные разногласия между майором Успановым и майором Ипполитовым.

Лорис-Меликов неодобрительно покачал головой.

— А есть ли в этом необходимость? — спросил он. — Донесения Ипполитова я передал Мусе Алхазовичу, от которого и получил исчерпывающий ответ. Эти слухи исходят не от Сайдуллы. Мы-то хорошо знаем, что у него много недоброжелателей, как в лагере противника, так и в лагере единомышленников. Так не специально ли распускаются слухи, чтобы навредить Сайдулле? Обо всем этом нам и расскажет Муса Алхазович.

Святополк-Мирский беспокойно ерзал на стуле. Он уже потерял всякую надежду на встречу и от нечего делать принялся рассматривать плешивого начальника штаба Свистунова, удобно расположившегося слева от Лорис-Меликова. Длинное лицо, тонкие губы, маленькие, глубоко посаженные глазки говорили о жестоком характере этого человека. Жалости он и в самом деле не знал. Он беспощадно и даже жестоко расправился с горцами, восставшими недавно в Ичкеринском и Аргунском округах. Это он через двенадцать лет торжественно проводит Лорис-Меликова с Кавказа, воздвигнет в его честь курган около Моздока, займет пост начальника области и год спустя потопит в крови последнее крупное восстание в Чечне... Генерал Кундухов, играя темляком сабли, презрительно следил за хитрым Белликом. Услышав свою фамилию, вскочил.

— Вырвать бы все языки, клеветующие на Сайдуллу! — сверкнул он глазами. — Какие основания жаловаться есть у Ипполитова? Сидит в Шатое и собирает бабские сплетни. Этой лисе преподнесли в дар более тысячи десятин земли. За что? За какие заслуги? Перед всеми расстилается. Женился на чеченке. Отбирает последние клочки у горцев и раздает родственникам своей жены. Майор Ипполитов сам сеет смуту в Аргунском округе. Все его донесения, которые, кстати, противоречат одно другому, вызваны лишь ненавистью к Сайдулле. Будь иначе, он не кормил бы нас сплетнями. Я вынужден заявить прямо: все, что Ипполитов пишет в отношении майора Сайдуллы, есть ложь и клевета. Я не только не сомневаюсь в нем, напротив, считаю своим долгом доложить вам, что успеху дела мы будем обязаны только ему, Сайдулле. В скором времени вы в этом убедитесь. Крайнее мое негодование вызывают некоторые начальники округов. Они если и не про-

твоей деятельности, то во всяком случае плохо понимают важность начатого нами дела, которое, кроме всего прочего, для меня является и делом престижа. Как и Сайдулла, я твердо убежден, что переселение состоится и состоится именно так, как того мы желаем. Я никого не успокаиваю и делать этого не собираюсь. Успокоиться сейчас — значит допустить непоправимую ошибку. Чечня есть Чечня. Мы с вами ее хорошо знаем. Но знаем еще и другое. Ипполитов не одинок, таких вот Ипполитовых много. И если они и им подобные не испортят нам всю обедню, то в нашем крае водворится наконец долгожданный мир.

Полковник Экедьн, друг Ипполитова, с трудом дождался, пока Кундухов сядет.

— Генерал, — сказал он, с ненавистью глядя на Кундухова, — в корыстных целях искажает истинное положение в Чечне. Как говорится, не так страшен черт, как нам его малюют. Кроме того, господа, меня оскорбляют слова: “Чечня — опасный и грозный противник”. Это же курам на смех. Мы люди военные и хорошо знаем историю России. Нет на земле силы, способной противостоять русскому оружию! А здесь господин Кундухов разглагольствует о чеченцах, которых, откровенно говоря, можно и шапками закидать.

— Bravo, господин Экедьн, bravo! — презрительно засмеялся Кундухов. — Вы преуспели в изучении России, но знаете ли лишь настолько, насколько это выгодно вам. Между прочим, людям, которые приехали в страну ради денег, чинов и почестей, больше знать о ней и не требуется. Тем не менее я постараюсь пополнить ваши знания. Героический русский народ сбросил с себя татаро-монгольское иго. Дал по зубам викингам, шведам, шляхам и французам, которые посмели вторгнуться в его земли. России понадобилось чуть больше года, чтобы покорить Казанское и Астраханское ханства. С небольшим казачьим отрядом Ермак завоевал Сибирь. Из Кавказа изгнали турок и персов. Триумфальным маршем продвигаемся по Туркестану. Однако уже восемьдесят лет мы ведем непрерывную войну за покорение маленькой Чечни. И говоря откровенно, она и по сей день не покорилась нашей империи. “Несчастливым чеченцам” оказалось мало тех шапок, которыми мы закидывали большие города, а то и целые государства. Не хватило наших шапок для маленькой Чечни. Наше оружие и наши победоносные войска перед ней оказались

бессильными, господин Экельн. Даже сегодня, в мирное время, мы постоянно держим в области сорок шесть батальонов пехоты, три полка донских казаков и один драгунский полк. На днях из Кубанской области сюда переведены еще два полка. Я уже не упоминаю о пяти бригадах терских и сунженских казаков. В случае внешней войны нам придется вывести из Чечни половину находящихся в ней войск. Излишне говорить, что может тогда произойти в Чечне. Думаю, меня не назовут льстецом, если скажу, что не будь во главе области Михаила Тариеловича, который хорошо знает край и его жителей, здесь постоянно лилась бы кровь. Экельн изучал историю Российской империи, но совершенно не знает историю Кавказской войны. Поэтому я посоветовал бы ему изучить для начала историю полка, которым он командует. Этот полк уже ровно сто сорок лет воюет в Чечне.

— Я не нуждаюсь в ваших уроках! — дрожа от злобы выкрикнул Экельн.

— Кавказ учит глупцов, не считаясь с их желаниями...

— Господин Кундухов...

— Успокойтесь, господа! — вмешался Лорис-Меликов. — Мы собрались здесь не ссориться между собой. Эдуард Филиппович, должен, однако, заметить, что если мы вашими глазами будем смотреть на чеченцев, то еще не один и не два года проканителиться с ними. Не вижу необходимости и в том, чтобы кто-то здесь защищал или обвинял майора Ипполитова. Он дельный человек и неплохой администратор. Возможно, Сайдуллу он не понял, а потому и ошибся. Но донесение его написано от чистого сердца. Среди народа усиленно распространяются слухи, согласно которым правительство якобы намерено разоружить чеченцев, сделать из них солдат, обратить в христиан и тому подобное. Ваша первейшая задача, господа окружные начальники, решительно опровергать эти слухи и бороться с ними. Кстати, командированный мной полковник Муравьев с этой задачей справился. Не позже конца апреля нам предстоит отправка первой партии. Еще раз повторяю: переселить всех желающих за один год мы не сможем. Но в первую очередь попытаемся спровадить тех, чье присутствие здесь крайне нежелательно. Остальные же пусть приступают к весенним работам. Я думаю, Александр Петрович, вы скажете завершающее слово и мы сможем отпустить господ офицеров.

Карцов осторожно снял очки, положил их на стол, откинулся на спинку кресла.

— Итак, господа, — сказал он, — опасения наши не напрасны. Горцы покорились, но не примирились. У них достаточно сил, чтобы нанести нам удар. Кроме того, правительство крайне обеспокоено организацией зикристов, число которых возрастает с каждым днем, а также военно-спортивными играми, проводимыми в аулах. Не будет нам покоя, пока мы не расселим среди горцев еще несколько казачьих полков, пока не укрепим старые крепости и не возведем новые. На это требуются время и средства. Но прежде нужно выдворить из края половину чеченского населения. Куда? В центральные губернии России?хлопотно. К тому же окажут сопротивление. Самый простой и надежный способ — переселение в Турцию. Уже почти год мы готовимся к нему. О наших замыслах горцы не должны даже догадываться. Напротив, местные власти пусть отговаривают их от намерения переселиться. Саму же суть дела следует хранить в глубочайшей тайне. Если они дознаются о нашей заинтересованности, то никакими силами их уже не сдвинешь с места. А часть горцев в любом случае должна быть удалена. Это твердое решение правительства. Поэтому под видом тактического учения все воинские части области следует сосредоточить в Чечне. К вам же, любезный Христофор Егорович, такая просьба — на всякий случай срочно поставить под ружье казаков третьего запаса. Придумайте сами какую-нибудь внешнюю угрозу. Теперь, господа офицеры, не смею задерживать вас более.

Карцов и Лорис-Меликов задержались и некоторое время сидели молча. Первым тишину нарушил Карцов.

— Сегодня мои догадки в отношении Кундухова подтвердились, — Карцов вышел из-за стола, прошелся по кабинету. — Опасный он человек. Очень опасный. У него глубоко затаенная ненависть к России. И временами, вопреки его воле, она прорывается наружу. Я рад, что он оставляет этот край. Вы согласны со мной, Михаил Тариелович?

Лорис-Меликов не спешил с ответом.

— Интуиция не обманывает вас, Александр Петрович. Пока, хочет он того или нет, он оказывает России огромную услугу. Но рано или поздно он, конечно, изменит нам.

— А Сайдулла?

— То же самое. Надеюсь, что в самом скором времени они оба уберутся отсюда. Это меня несколько утешает.

Во второй половине дня погода внезапно испортилась. Солнце скрылось за плотными облаками, с севера подул холодный ветер. Карцов выглянул в окно. Небо заволокли грозовые тучи. В случае дождя он не скоро попадет в Тифлис. Настроение у Карцова испортилось. Лорис-Меликов отлучился на несколько минут, оставив его одного. Александр Петрович вдруг вспомнил спор Кундухова и Экейна об истории Кавказской войны. В одном Кундухов прав: никогда нелишне оглянуться назад. Ведь впервые вулкан в Чечне взорвался еще в 1708 году и с тех пор действует активно, затихая лишь на весьма короткие периоды...

* * *

Национально-освободительная борьба чеченского народа по своему характеру и движущей силе имела особенности, которые отличали ее от борьбы других горцев.

В длительной борьбе с татаро-монгольскими ханами и полчищами Тимура чеченцы, которые не хотели покориться им, несли огромные потери, пока, наконец, завоеватели не вытеснили их с равнины, загнав в горные ущелья. На захваченных землях впоследствии надолго заседали калмыцкие султаны, ногайские ханы, кабардинские и дагестанские феодалы. Стремясь к расширению владений, они постоянно вели между собой ожесточенную борьбу за землю, вовлекая в свои кровавые распри подвластные народы. Больше всех страдали чеченцы, которые находились в особо зависимом положении. Они переходили из рук одного чужеземного феодала в руки другого, но ни один новый владетель нисколько не пытался облегчить их участь. Чеченские общества выступали против пришлых феодалов, но выступали разобщенно, а потому их борьба кончалась безуспешно.

В начале XVIII века Кавказ стал ареной противостояния великих держав. Иран и Турция стремились расширить и укрепить на Кавказе свое владычество. Сюда же тянулись и шупальца западных держав. Особенно длинными были они у Англии. Всем хотелось стать не только хозяином прекрасного и богатого края, но и обладателем крайне важного стратегического плацдарма. Ведь Кавказ являлся своеобразным природным трамплином, с которого можно было совершить прыжок в Месопотамию, Индию, на Восток.

Именно тогда началась политическая и дипломатическая борьба, которая постепенно перешла в кровопролитные войны, и народы Кавказа оказались вовлеченными в их бурные водовороты. Иран и Турция, используя военную силу, политические и дипломатические маневры, убийства, подкупы и фальсификацию, стремились переманить на свою сторону те или иные народы Кавказа, а точнее, их феодальных правителей.

В господстве над Кавказом не менее других, если даже не более, была заинтересована и царская Россия. Лишенная выхода к морю на юге, она, в случае покорения Кавказа сразу становилась хозяйкой не одного, а двух морей, чьи порты становились воротами богатых восточных рынков.

В столь острой борьбе за Кавказ Россия имела ряд преимуществ. Если феодальные Турция и Иран уже миновали период своего расцвета и начали загнивать изнутри, то Россия была молодой и великой державой, только начинавшей свое развитие. Если Иран и Турция продолжали оставаться во мраке средневековья и тисках клерикализма, то Россия делала головокружительные шаги по пути прогресса. Если Турция и Иран не только не способствовали экономическому и культурному развитию кавказских народов, а даже более того, пытались поддерживать их отсталость на целые столетия, то Россия могла дать им и то, и другое. Кроме того, многие кавказские народы уже испытали на себе последствия жестокого правления шахских и султанских завоевателей. Когда перед народами Кавказа встала реальная альтернатива — с кем им быть, — они без колебания приняли сторону своего великого северного соседа.

Кроме этих причин, чеченцев толкало к союзу с Россией и их стремление сбросить с себя вассальную зависимость от калмыцких, кабардинских и дагестанских феодалов. Однако в борьбе за владение Кавказом царизм применил уже знакомые, присущие всем колонизаторам средства: то натравливал друг на друга местных феодалов и правителей, то разжигал межплеменную вражду, то подстрекал подданных против своих властителей, а потом сам же помогал последним усмирять восставших против них холопов, то принимал в свои пограничные крепости беглых крестьян, и даже покровительствовал им, а потом выдавал их прежним хозяевам, добившись от горских феодалов политической или другой какой-нибудь уступки.

Но появилось немало феодалов, которые были недовольны политикой царизма. Их возмущало стремление власти взять под свой контроль горцев, а главное — стремление захватить их земли. Поэтому феодалы довольно часто оказывались в оппозиции к царским властям, а отдельные выступали даже на путь прямой борьбы с царизмом и искали для этого поддержку в Турции. Власти же поступали соответственно действиям и тех, и других: жестоко расправлялись со строителями и не скупились на чины, ордена, крупные жалования и пожизненные пенсии для послушных их воле.

В начале XVIII века антифеодальная борьба в Чечне приняла одновременно и антиколониальный характер. Дело в том, что кабардинские князья и чеченские старшины, чувствуя свое бессилие подавить сопротивление крестьян, обращались за помощью к царским воеводам в Терки, Кизляре и Астрахани и охотно помогали им в усмирении крестьянства. Но, поскольку царские войска не могли постоянно находиться в Чечне, а народ после ухода карателей немедленно выходил из повиновения, чеченские владетели и старшины добивались от царских властей разрешения на переселение вместе со своими крестьянами на реки Сунжу и Терек, поближе к крепостям и укреплениям Кавказской линии. В том и другом случае царские власти охотно пошли навстречу желаниям феодалов, но с одним условием — феодалы примут присягу на верность российскому царю.

Применял царизм и экономическое давление на горцев. Особенно на непокорных чеченцев, которым либо запрещалась свободная торговля с русскими городами на Тереке, либо для них устанавливалась слишком высокая пошлина; кроме того, им был запрещен вывоз соли и железа. Словом, все торговых привилегий чеченцы были лишены.

Усмирение чеченцев и восстановление свергнутых ими владетелей сопровождалось разрушением аулов, уничтожением посевов, угоном скота, взятием аманатов из аулов. Эти аманатов, по существу — заложников, содержали в ряде тогдашних пограничных крепостей. Одновременно проводилась конфискация земель в казну, постепенное вытеснение местного населения в предгорья и горы, возведение новых крепостей и военных укреплений.

Первое крупное антифеодальное и антиколониальное выступление чеченцев произошло в 1708 году. К восставшим

Восстали не только соседние народы, но и казаки-раскопники с Кубани. Восставшие осадили город Терки, но потерпели поражение в крупном сражении с войсками под командованием Вельяминова и Апраксина.

В течение XVIII века на усмирение народа Чечни направлялись крупные военные силы под командованием генералов Орбелиани, Ветерани, Дугласа, Фрауендендорфа, де Медеи, Цотеманна, Якоби, были предприняты две экспедиции донских казаков, калмыцких войск, походы полковников Кека, Рина, Коха, Пьера, затем генералов Теккели, Бибикова, Булганова, Розена, Гудовича.

Колонизаторская политика царизма и жестокость его гонимых вызвали в 1785 году всеобщее восстание в Чечне под руководством известного шейха Мансура Алдинского, охватившее все народы Северного Кавказа от Черного моря до Каспийского. С этого времени война между царизмом и горными народами приняла систематический характер.

Началу разобщенные, выступления горцев впоследствии приобрели организованный характер и стали для царизма крайне опасными. Каждое выступление народных масс выдвигало талантливых предводителей. Вслед за шейхом Мансуром, умершим в заточении в Шлиссельбургской крепости, появились Ибрагим, затем Кази-мулла, Шамиль. Долголетняя Кавказская война выковала в Чечне способных военачальников, таких как Шами Цонтроевский, Талгик Шалинский, Юсуп-Хаджи Алаишский, Сайдулла Гехинский, Батуко Шатоевский, Гойтхур Ауховский, Бойсангур Беноевский, Эски и Соаду Мишкетские, Атаби и Умма Зумсоевские.

Многие годы жизни пришлось посвятить Чечне знаменитому предводителю Кавказа Алексею Петровичу Ермолову и его окружению — генералам Грекову, Лисановичу и Вельяминову.

В сражениях с чеченскими наибами участвовали победители турок генералы Орбелиани, Бебутов, Бриммер, Тер-Гукасов, Давурян, герои Крымской войны Лиддерс, Тотлебен. Покорители среднеазиатских ханств Кауфман, будущие военные министры Милютин и Чернышев.

Здесь, в Чечне, получали практические навыки ведения войн в лесных и горных условиях генералы Граббе, Фезе, Рондель, Врангель, Круковский, Слепцов, Бакланов, Гурко, Евдокимов, Барятинский. Причем многим из них не раз приходилось сражаться с чеченскими наибами. Шоип и Талгик создали

в Чечне новую для военной науки школу. Шоип считало превзойденным мастером лесных боев в ночных условиях впервые ввел тактику рассыпного боя. Талгик создал "кошную батарею".

Российский офицер, не воевавший в Чечне, не считался настоящим "кавказцем". В годы Кавказской войны в Чечне устремлялись молодые аристократы, авантюристы и отчаянные головы.

* * *

Вот такой краткий экскурс в историю Кавказа со стороны мысленно Карцов и подумал, что хотя этот осетин Кундухов и был груб с Экельном, тем не менее он сказал правду: всем виновато правительство. Ведь эти дети природы уже помирились с Россией. И в первую очередь помирились с буйными чеченцами. Но налаженные были отношения испорчены местной администрацией, которая повела в корне неправильную политику. Особенно, как выразился Кундухов "эти чужеземцы". Да, пришлые встали у руля правления всюду. И больше всего — немцы. Начиная от царского двора до провинциальных администраций и штабов мелких воинских частей. Заметив вернувшегося Лорис-Меликова, Карцов подумался.

— Михаил Таризлоевич, я тут еще поразмышлял... Если начатое дело завершится успешно, то мы окажем немалую услугу России. Немалую... И вы уж постарайтесь.

— Пока нет никаких причин для беспокойства, — ответил Лорис-Меликов. — Хотя трудностей предостаточно. В основном, в силу географического положения Чечни. Море облегчает лишь переселение кубанских горцев. А для переселения чеченцев в Турцию мы имеем только одну Военно-Грузинскую дорогу. Думаю, Александр Петрович, нужно немедленно истребовать через нашего посла дополнительные письма от турецкого правительства, в которых непременно должна быть оговорена местность. Знаю, турки постараются расколоть чеченцев вдоль наших границ, чего ни в коем случае нельзя допустить. С первыми же партиями переселенцев следует направить наиболее благонадежных офицеров. Как и я писал вам, необходимо также заранее командировать в Константинополь особо доверенное лицо с чрезвычайными полномочиями по делам чеченских переселенцев.

В Эрзерум отправится капитан Генерального штаба Зенцов. Что же касается сопровождающих партии офицеров, то я предлагаю на вас, Михаил Тариэлович.

Их список уже составлен. Как мы и договаривались с вами, генералу Кундухову я обещал сорок тысяч рублей по переселении первых десяти партий, а остальные пять тысяч рублей — при отправке его семьи. Пять тысяч рублей обещаны в Сайдулле, половину которых намечено раздать переселенцам в виде помощи. Не был забыт и Цугов. Однако его внезапная смерть несколько усложнила дело. Но на его место мы уже нашли человека. Его племянника — Шахмал-бека. Таким образом, все наши издержки по переселению не превысят семидесяти тысяч рублей. Еще одно обстоятельство, Александр Петрович. Желательно было бы ускорить переброску из Одессы в Трапезунд сосланных вместе с Кунтой зикристов. В народе мы уже распространили слух о том, что они находятся в Трапезунде и готовятся к возвращению в Турцию...

На пороге появилась хозяйка.

Милые мужчины, как вам не стыдно! — притворившись рассерженной, она погрозила пальцем Карцову. — Александр Петрович, вы со вчерашнего дня в нашем городе, а так ни разу не удалось даже посидеть рядом с вами. — Она подошла к ним, взяла обоих под руки и повела к выходу. — Только дела, дела, дела... Днем и ночью... Бедные мы женщины! Идемте, идемте, — уже строгим голосом сказала Нина Ивановна, обращаясь к слегка упиравшемуся Карцову. — Дамы ждут.

— Каюсь и повинуюсь, Нина Ивановна. С сей минуты я в вашем единоличном распоряжении. Идемте, Михаил Тариэлович, оставим пока чеченцев. Да, чуть не забыл. В Петербурге я вручил записку Милютину. Полковник Черкасов перешлет вам ее копию. Ознакомьтесь с нею на досуге...

ГЛАВА X

СБОРЫ

Все покажем! Только дайте
В руки нам, и тут же
Как прочнее строить тюрьмы,
Плесть нагайки ту же,
Кандалы ковать, носить и
В сибирскую стужу, -
Все поймете, лишь отдайте
Родимые взгорья.
Остальное мы забрали
И поле, и море!

Т.Г. Шевченко

Весна наступила неожиданно. Ярко засветило солнце, и через день-два уже и следов зимы не было видно. Дороги высохли, ездить стало не так опасно. Но гатияуртовцы, раньше любившие разъезжать в эту пору (сколько забот прибавлялось с приходом весны), на этот раз сидели дома. Только Хортида еще человека два-три изредка покидали аул, остальные же словно оцепенели в ожидании какого-то чуда, хотя прекрасно понимали, что никакого чуда не будет, что многим из них придется навсегда покинуть родные места. Будущее виделось им еще более беспросветным, безысходным, не сулившим ничего хорошего, кроме новых страданий. Обглоданная кость голода не утоляет, а только усиливает его. Гатияуртовцы уже ни на что не надеялись, им словно бы стало безразлично, куда подаваться — в Турцию ли, в Сибирь ли. Что поделаешь, коли они кому-то мешают и стали лишними даже на своей собственной земле. А раз так, то и остается им только подчиниться воле Всевышнего. Более десяти семейств во главе с Шахби готовились к переселению в Турцию. Остальные все же пока не решались примкнуть к ним: кто знает, что ждет их в чужой и незнакомой стране? А если вдруг и случится так, что в Турции окажется лучше, то успеют уехать и потом, если же нет — то и мучиться напрасно не стоит...

Мачиг был из тех, кто в своих решениях остается твердым до конца. Он первым явился к Шахби и дал свое согласие. И

После промедления стал готовиться в дорогу. Первое и самое важное, что он должен был сделать, — это получить паспорт. Трудность же состояла в том, что ни сам Мачиг, ни кто-либо другой не знали, что такое паспорт вообще, где его получать, как. К счастью, все заботы по оформлению документов взял на себя Хорта. Не ради Аллаха, разумеется, а за определенную сумму, по одному туману с каждой семьи. Хотя никто и не протестовал, Хорта все же не преминул разъяснить людям, зачем нужны ему эти деньги. Высоких-то чинов много — приезд, начальник округа, а в городе есть еще начальники и старшие. И каждого необходимо задобрить. Не красивыми словами, деньгами. Если же останутся какие-то копейки, то и на еду, Хорте, не хватит даже на дорогу.

Мачиг верил Хорте и со свойственной ему поспешностью, паспорт уже лежат у него в кармане, готовился к отъезду. Продавать ему, собственно, было и нечего: корова да бычок — вот и все его добро, с которым ему предстояло расстаться, прежде чем тронуться в путь.

Корову и бычка Мачиг пригнал на базар в Шали. До Шали было значительно ближе, но и народу там было гораздо больше — из Грузии, Осетии, Дагестана. И все приезжавшие хотели пожить на скудном добре несчастных переселенцев. В первый день Мачиг с раннего утра до позднего вечера простоял на базаре, но так и вернулся ни с чем. Никто за корову не давал ему даже и половины ее стоимости. Как будто все сговорились между собой. Конечно, их можно понять: хочется купить подешевле. Ну, а ему каково? Они-то должны видеть, что коли уж такой, как он, продает свою корову, значит она, значит нужда довела. Он же не барышник какой-нибудь, не покупает и не перепродает втридорога. Если бы не переселенцы, он бы ни за какие деньги не отдал ни корову, ни бычка. Правда, скотом на базаре в Шали торговали отборным: если помотришь около себя он за весь день так и не заметил. Там торговали грузины и дагестанцы: им было что предложить. А он и рта не раскрыл, чтобы зазывать покупателей. Вот почему на этот раз он пошел не в Шали, а в Червленную. Там, правда, народу собиралось поменьше, но зато было больше надежды найти покупателя.

* Туман — десять рублей (чеч.).

Из Гати-Юрта Мачиг отправился накануне. В Червленной он провел ночь у Андрея, а рано утром пришел на базар. Дурога из Гати-Юрта была долгая, скотина за это время потондела. Бедный Мачиг уже и не надеялся продать их за настоящую цену. Спасибо Андрею, от свежего сена животные приобрели к утру вполне сносный вид, и теперь Мачигу совсем не стыдно было выставлять их напоказ.

Мачиг стоял на базаре не один, вместе с ним пришел и Андрей. Как ни отговаривал его Мачиг, Андрей настоял на своем.

— Мои заботы никуда от меня не денутся, подождут, сказал он. — А тебе без моей помощи не обойтись.

Зная, что Мачиг не приспособлен к подобного рода делам, Андрей решил продать его скотину сам. Корова, хотя и не взрачная на вид, была хорошей породы. В прежние времена за нее дали бы и тридцать рублей. Однако сегодня больше пятнадцати никто не предлагал. А вот с бычком повезло. Сразу нашлся покупатель, и они отдали бычка за двадцать три рубля.

Все покупатели давали одну и ту же цену. Андрей злился.

— Пятнадцать рублей за такую корову? С ума сошли!

— Пятнадцать, и ни копейки больше!

— Премного благодарен. За такую цену постарайся купить в другом месте.

Эти же покупатели отговаривали других, тех, кто давал больше. Подожди, мол, потерпи немного. Скоро сам отловишь ее и за десять рублей. Не тащиться же ему со своей короной в Турцию! Кроме нас, он покупателей все равно не найдет.

Андрей слушал их и качал головой:

— Какие же вы несчастные люди! Радуетесь чужому горю. Побойтесь Бога!

Мачиг стоял в стороне и не вмешивался. Да он и не знал, о чем там у них идет разговор. Но по мрачному лицу Андрея догадывался, что дела плохи. Стоять просто так ему было скучно, и он решил пройтись по базару: может быть, встретится кто-нибудь из знакомых. Чеченцев сюда приехало много, и почти все прибыли с берегов Терека. Мачиг долго кружил в толпе и уже стал возвращаться назад к Андрею, как вдруг увидел человека, лицо которого ему показалось знакомым. Тот тоже взглянул на него и радостно улыбнулся. Мачиг вспомнил его имя — Данча. Они виделись всего лишь раз, да и то очень давно.

Ассалям алейкум! — воскликнул Мачиг.

Ва алейкум салам!

Они обнялись как близкие знакомые.

Ты зачем пожаловал сюда? — поинтересовался Мачиг.

Купить кое-что нужно.

Ты не торговлей ли занялся?

Нет, я в Турцию собираюсь.

И ты тоже? — удивился Мачиг. — А когда?

С первой партией.

Ты показалося, что Данча шутит.

Нет, Мачиг, к сожалению не шучу.

Мачиг все не отпускал его руку.

— Как же так? Ведь твои друзья, Арзу, Берс, Маккал, все-таки были против переселения.

Грустные глаза Данчи потемнели. Мачиг понял, что он напрасно затеял этот разговор. Не стоило лишним напоминанием бередить душу. Но и отступать уже было неудобно. Хотя, молчать и не поговорить? Ведь люди при встречах делятся тем, что их больше всего волнует. А переселение в Турцию — раз-два и готово! Это не самое главное, разве оно не волнует всех чеченцев?

Но по своей я воле еду, Мачиг, — ответил Данча.

Но по своей? — невольно вырвалось у Мачига. — Зачем же тогда ехать?

Ты знаешь, наш устаз Кунта-Хаджи вынужден был переселиться в Турцию. И все мои родственники решили последовать за ним. Я просил, умолял. Не помогло. Ослушаться же устазу рода не имею права. Да и как расстаться с родными и близкими?

Все поведем! — зло выкрикнул безрукий чеченец. — Все ради одного! Там нам уже земли выделили и дома построили. А тут мы не дождемся. А глупый народ еще размышляет о будущем!

Невероятность безрукого не понравилась Данче.

Нет, Алха, — сказал он. — Я еду не потому. У каждого есть обязанности, долг. А ты напрасно горячишься, Алха. Едут же все.

Не все... Не все... — Алха скрипнул зубами и насупился.

На наших страху нагнали, других обманули. Мужчин нет! — кричал народ Алха. Люди останавливались, прислушивались.

Перевелись настоящие мужчины! Наши отцы умерли за эту землю. А мы ее добровольно покидаем.

— Эй, конах, ты о чем говоришь? — вмешался стоявший неподалеку незнакомый человек. — Ты что, хочешь, чтобы здесь все с голоду поумирали? Или стали христианами?

Алха и незнакомец начали препираться друг с другом. Мачиг не стал дожидаться окончания спора, он распрощался с Данчей и вернулся к Андрею.

Мачиг уже издали стал искать то место, где была привязана его корова, надеясь в душе, что ее там уже не окажется. В про свете между рядами он заметил знакомые ввалившиеся черные бока и понял, что Андрей все это время простоял напрасно.

— Двадцать рублей за нее давали, — тяжело вздохнул Андрей. — А ей цена, как минимум, двадцать пять.

— Отдал бы... Я же говорил, и за восемнадцать можно Скот-то подешевел. Потом, конечно, снова цена поднимется. Но у меня же нет времени ждать.

— Для бедняка, у которого каждая копейка на счету, двадцать рублей — слишком большая потеря. Может, к вечеру кто-нибудь даст нам и двадцать пять.

Мачиг ничего не ответил. Он уже потерял всякую надежду выручить и всезнадцать рублей. Но чтобы не огорчать Андрея, решил ждать вечера. Временами его взгляд останавливался на паре быков, хозяин которых молча поглядывал со сторонам.

— Почему же он до сих пор не нашел покупателя? — подумал Мачиг. — У него ведь очень хорошие быки". И стал в уме прикидывать, сколько бы ему понадобилось денег, чтобы купить таких. В том, что дорога предстоит длинная, сомневаться не приходилось. Значит, в дороге быки оказались бы как нельзя кстати.

— Сколько бы ты, Мачиг, отдал за эту пару? — спросил Андрей, проследив направление его взгляда.

— Чуть пораньше их можно было бы взять рублей за сорок — сорок пять. Теперь быки подорожали, — вздохнул Мачиг. И философски заключил: — Так всегда — одного нужна, а другого не представляет продавать, другому нужда не дает купить.

— Сколько у тебя денег? — спросил вдруг Андрей.

— Из дому я взял пятнадцать рублей, за бычка мы выручили двадцать три.

— Мало!

С минуту Андрей стоял в раздумье, затем снова обратился к Мачигу.

— И сколько бы ты эту пару быков взял?

— Даже не знаю, — пожал плечами Мачиг. — Меньше чем

пятьдесят — пятьдесят пять их не отдадут.

— За эту цену ты бы их купил?

— Почему же не купить! В следующий раз они будут еще дороже.

Тогда подойдем поторгуюсь с ним. Поторопись, — сказал Андрей, видя, что Мачиг не трогается с места. — Ими интересуются покупатели.

Нужно сначала корову продать, — растерялся Мачиг.

— И оставляю ее себе.

Мачиг не понял. Ни Жена Андрея, ни он сам даже не заикнулись о корове. Какой же смысл Андрею покупать ее?

Видишь ли, — стал объяснять Андрей, — хотя и не дают мне больше двадцати, но настоящая цена ей двадцать пять. Вот двадцать пять рублей я и даю тебе. Согласен?

Мачиг никак не мог прийти в себя.

— Что молчишь? — рассмеялся Андрей. Убытка себе я не нанесу. Через месяц-другой коровы подорожают, и я верну свои деньги. Понял? Пошли, а то пока раздумываешь, без быков останешься.

* * *

Данча и Алха, сделав кое-какие покупки, поболтав со знакомыми казаками, уже направлялись домой, когда неожиданно к лицу столкнулись с полковником Белликом. Встреча их не обрадовала, хотя полковник и был необыкновенно приветлив и вежлив.

— Сала алейкум, мои кунаки-шалинцы! — с притворным радостным воскликнул он, протягивая обе руки. — Рад видеть вас!

— Радуйся, полковник, — сказал Данча, ответив на приветствие. — Чеченцы же уходят в Турцию. Прощайте, господин Беллик!

— Слушая их, можно подумать, что они с удовольствием покидают родину. Но это далеко не так. Я их, мерзавцев, хорошо знаю. Нужно выпытать, что же у них на уме".

Полковник прищепил коня.

— Куда вы?

— Домой.

— Нет, так не годится, друзья мои. Я обижусь, если вы не отведаете у меня хлеб-соль.

— Баркалла. Мы должны к вечеру успеть в Иллисхан-Юрт — ответил Данча. — Ехать далеко.

— Посидим, пропустим по чарочке, — не унимался полковник. — Кони ваши за это время отдохнут. — И уловив загоревшийся взгляд Алхи, решительно добавил: — Поехали!

Продрогший на холоде Алха считал, что не будет ничего плохого, если они немного побудут у полковника и хотя бы согреться. Убогая одежда — старый бешмет со множеством заплаток, надетый на голое тело, да такая же рваная овечья шуба — не защищали беднягу от злого ветра. Обрадованный предложением полковника, Алха не дожидаясь ответа Данчи, хлестнул коня.

— Трогай за мной. Неудобно отказываться.

— Ты с ума сошел! Пора ехать домой.

— Приедем часом позже — велика беда.

Данча досадливо тряхнул головой, но последовал за Алхой.

Просторное помещение, куда полковник ввел гостей и где он обычно принимал посетителей, подавляло своим пышным убранством. Бессмысленное нагромождение дорогих вещей, роскошные ковры и различное оружие, начиная с турецкого ятагана и кончая кавказской шашкой, развешенное по стенам, отражали не характер края, а тягу хозяина к богатству, его неумную жадность, безумную страсть плебея, который случайно вырвался из своего круга и стал на одну ногу с сильными мира сего. Данча, не видевший на своем веку ничего, кроме суровых красот гор да обстановки убогих хижин, был невольно ослеплен, и, цокая языком, удивленно крутил головой, оглядываясь по сторонам.

Полковник снисходительно улыбался, незаметно наблюдая за поведением гостей. Он внутренне наслаждался и своим положением, и произведенным на горцев впечатлением. Сияющее лицо его сияло от удовольствия. Алхе же крупное тело полковника, втиснутое в тесный мундир, напоминало огромную пиявку, досыта насосавшуюся чужой крови. Полковник кинул взгляд на Алху, который насупившись смотрел на портрет на стене.

— Это кто? — спросил он, указывая на портрет пальцем.

— Его величество император Александр II.

— Валелай*, — покачал головой Алха. — Зачем ему столько земли?

— Он их заслужил.

— Но они похожи на детские черепа. С лент на них течет кровь. Ордена дают тем, кто убивает. А сколько ты убил за свою жизнь? — спросил Алха, указывая на орден Святой Анны на плече полковника.

— Ты тоже, Алха, не ангел, — уклонился от прямого ответа полковник.

— Убивал тех, кто пришел на мою землю, чтобы убивать наших жен и детей, делать нас рабами. Это не одно и то же. Почему ты пришел сюда убивать? Разве Бог велел ему, — Алха кинул на портрет, — убивать нас? Мы ему ничего плохого не сделали.

— Государь требует от вас всего лишь послушания. Но вы не слушаете голоса разума. И гибнете.

В кабинет вошел солдат, неся на вытянутых руках поднос с вином и закусками.

Беллик подождал, пока он расставил на столе тарелки с едой. Когда солдат исчез, полковник разлил вино, оглядел гостей с чуть заметной брезгливой гримасой и жестом руки приглашал их к столу.

— Но наши соседи покорились царю, — продолжил Беллик, обращаясь к Алхе. — Даже ваши соплеменники — ингуши. Только вы одни и мутите без конца воду. Шамяля еще и на свете не было, когда шейх Мансур поднял против нас против нас Северный Кавказ. Затем Бейбулат... А зачем? Живите мирно, как ваши соседи — кабардинцы, осетинцы, черкесы, цыганы, кумыки. И не надо вам будет никуда переселяться.

— Не наших предков винить за долголетнюю войну, — продолжил Данча. — Винить надо жестокость царей и хакимов, несправедливые законы. Говорят, и мышь кусается, когда ее хватают за хвост.

— Хорошо! Не будем об этом, — засмеялся Беллик. — Возьмем бокалы. Выпьем за то, чтобы вы счастливо добрались до Турции!

Данча пить вообще отказался. Алха же, наоборот, пил много.

— Ну зачем вам ехать в Турцию? Оставайтесь, — Беллик с каким-то тайным злорадством поочередно обращался то к одному, то к другому гостю. — Но... смирись...

* Валелай — возглас удивления (чеч.).

— Царь нашу землю уже роздал казакам, князьям соседних народов и чеченским офицерам, — заметил Данча. — Что нам теперь здесь делать? А скоро нас и вообще обезоружат, обложат податью и мужчин заберут в солдаты.

— Вранье! Царь никогда не пойдет на такое. Он любит

— Я повторяю не сплетню с базара. Так говорят уважаемые люди Чечни: Сайдулла, Алихан, Альгуло, Боташ, Хамат-муллы и хаджи. Им нельзя не верить. Они говорят правду. А в Турции нам выделили хорошую землю. Там правоверный издишах.

— А народ? — допытывался полковник. — Народ-то как смотрит на все это?

— Эх, Беллик, Беллик, — грустно вздохнул Данча, — кому охота покидать родину и могилы предков? Но бедному приходится делать только то, что решит русский царь, — жить или умереть.

Алха в разговор не вступал. Он молча пил, не обращая внимания на хозяина, но одновременно прислушивался к тому, о чем говорилось за столом. Лицо его приобрело землистый оттенок, а глаза постепенно налились кровью. Он скрипнул зубами и с размаху ударил кулаком по столу. Задребезжала посуда. Недопитый хозяином бокал опрокинулся, и вино расплескалось по скатерти. В кабинет вбежал солдат. Но Бедняго движением руки показал ему на стол: убери!

“Ослы длинноухие, — в сердцах выругался он про себя вытирая платком обрызганный вином мундир. — Разве с ними можно по-хорошему? Скоты!”

Данча посмотрел на товарища, взглядом упрекая его за несдержанность.

— Разве так ведет себя гость в чужом доме? — как молот спокойнее проговорил Беллик, хотя спокойствие это давалось ему нелегко.

— Разве это я в чужом доме? — взмахнув своей единственной правой рукой, выкрикнул Алха. — Нет, господин Бедняго это ты в чужом доме! Это я здесь хозяин, а ты — гость! Непростимый гость! И ты еще собираешься учить меня, горца, как вести себя? — Он вплотную приблизил к полковнику свое лицо, и тот подался назад. — А кто лишил меня руки, научив пить водку, а потом и вовсе пустил по миру? Посмотри на меня! Кто сделал меня нищим?

Данча с силой дернул его.

Нет, Данча! Ты же видел, как эта свинья обрадовалась, когда мы сказали, что уходим в Турцию. Они хотят выгнать нас. Но не бывать тому! Слышишь, полковник, мы не уйдем в Турцию и не пустим тех, кто собирается туда! Это наша родина, наша земля, здесь похоронены наши предки. Нас осталось немного, мало, но мы еще в силах скрестить с вами сабли.

Полковник едва сдерживал радость: “Наконец-то, голубчик! Этого-то я и ждал от вас. Значит, хотите повторить сорок лет спустя? Хорошо! Я еще посижу с вами немного ради приличия, а потом и выпровожу. Нужно срочно написать донесение царю Меликову. Они готовят восстание. Это несомненно! Они выболтали, дикари”.

Данча снова резко дернул Алху, и тот умолк.

На столе повисла тяжелая, напряженная тишина.

Россия огромна, — нарушил ее полковник. — И она не выдержит в наших землях. Царь беспокоится о вашем будущем и желает вам только добра. Если вы не станете подчиняться нашим законам, нашим порядкам, то здесь никогда не будет ни свободы, ни покоя.

Позаниматься вашим законам? — прохрипел Алха. — Это еще хуже, чем переселение в Турцию. Нет, не мы пришли на эту землю. Мы даже не знаем, где она находится, так что не знаете вы. Тогда у нас появится свобода и вернется покой.

И одно хочу сказать тебе, Алха, — проникновенным голосом произнес Беллик. — Когда-то, триста лет тому назад, казачьи татары точно так же возмущались, когда Иван Грозный покорил их. Разоружать татар было не менее трудно, чем казаков. И они тоже считали, что это равносильно смерти. А сейчас? Они даже забыли, как стрелять из ружья. И вам не нужно оружие. Живите мирно, а от врагов защитим вас мы.

Алха вскипел:

Мы не женщины, чтобы нас защищать! Мы сами умеем защищаться. Мы еще скрестим с вами наши шашки.

Он хотел сказать что-то еще, но Данча перебил:

Беллик-сардар*, не слушайте Алху. Он пьян. Возможно, мы тоже будем в положении казанских татар, будем отдавать своих детей в солдаты, туда, где заставляют есть свинину, —

* Сардар — управитель, наместник (чеч.).

сказал Данча с грустью. И решительно добавил: — Но это случится не теперь, когда край, данный нам Богом, будет не у нас и отнят, а мы из мусульман превратимся в христиан. Так вот, чем дойти до такого позора, лучше уж жить в Турции.

Данча поблагодарил Беллика за гостеприимство, потом поднял Алху, который еле держался на ногах. Данча вывел его на улицу и с трудом усадил на коня. Они шагом вышли из Червленной. В предвечерней тишине еще долго слышался гортанный голос опьяневшего Алхи, который грозил расправиться и с русской армией, и с чеченцами, которые соглашались на переселение в Турцию. Теперь угрюмый Данча даже не пытался унять разбушевавшегося товарища.

ГЛАВА XI

ГАТИ

Если б печаль я мог выплеснуть на землю,
Грудь бы земная великая треснула.
Так безысходна печаль моя тяжкая.
Если бы пламенем горя зажег бы я реки,
Иссякли б они многоводные, —
Так оно пламенно, горе мое!

Чеченская народная песня

Когда Гати вышел на крыльцо, солнце еще только-только начинало садиться из-за гор. Утро было довольно прохладное, а после крепкого сна в теплой постели это ощущалось особенно. Гати потянулся, сладко зевнул и, немного постояв, навалившись под навес, где хранился весь инвентарь, с которым ему предстояло выйти на работу в поле. Осмотрев деревянную соху, еще раз проверив его на прочность, он остался доволен. Чипара была срублена им еще зимой. До весны она так хороша, что по прочности вряд ли уступала железу — гвоздь в нее не входил. Он с минуту полюбовался делом своих рук, потом осторожно поднял соху и перенес ее в арбу. Туда же положил лопату, вилы, топор. Оставалось только запрячь быка. Он вышел из сарая, и застоявшиеся животные, точно почувствовав по работе, бегом припустились за ним, принося даже несколько раз прикрикнуть, чтобы остудить их жарким летним пылом.

Гати особенно любил эту пору с ее бесконечными заботами и хлопотами. С весной и внутри него что-то обновлялось и оживало. Его тянуло куда-то, ему не сиделось на месте, и, чтобы хоть как-то убить время, он постоянно искал, к чему бы приложить ему руки. И неудивительно, что сегодняшний день стал для него праздником. Позавчера прошел сильный дождь, земля стала мягкой и сама уже просилась под соху. Гати предвкушая удовольствие от предстоящей работы, Гати потренировал морду черного быка, своего любимца. Тот радостно мотнул головой, а довольный Гати засмеялся:

— Глупый, дождались ведь!

Гати еще раз обошел арбу, оглядывая ее со всех сторон. Делать дома было уже нечего, а время тянулось томительно долго.

— Скоро ты там? — крикнул он жене.

— Сейчас! — отозвалась Эсет в приоткрытую дверь. Потерпи минутку.

— Женщина, она и есть женщина, — в сердцах буркнул Гати. — Принеси склянку с топленным жиром, колесо смазки. — Он уже взялся за налыгач, чтобы выехать на улицу, как услышал голос племянника Хабиба.

— Чего тебе? — недовольно отозвался он.

— Дада зовет.

— Иду!

“Понадобился я ему именно сегодня, — подумал Гати. Обязательно что-то выдумает”.

— Жена, я загляну на минутку к брату и вернусь, — бормоча он, проходя мимо окна, волоча за собою искалеченную на войне ногу.

Дом старшего брата резко выделялся среди других своей величиной и добротностью. В доме был полный достаток. Мулла ни в чем не нуждался. Конечно, не бесконечные посылы, которые мулла отбивал Аллаху, и не завидное усердие в молитвах были причинами такого достатка. Уж кто-кто, а Гати знал об этом лучше других. Он не питал особо теплых чувств к своему старшему брату, но тем не менее слушался его.

* * *

Гати переступил через порог и остановился. Он надеялся, что разговор не затянется, и через минуту-другую он уйдет.

Шахби, вероятно, только что совершил утренний намаз.

Он продолжал сидеть все в той же молитвенной позе на деревянной наре, подстелив под себя небольшой ковриш. Закрыв глаза, он левой рукой подпирал щеку и вполголоса грустно напевал, медленно раскачиваясь из стороны в сторону.

Бесплотен ты, но вечно во вселенной,
Не нужным стал твой лучезарный лик.
Ислам! Осиротел ты, правоверный,
Пришедший не на век и не на миг...

Гати знал и отчаяние. Он понял, что ему нескоро удастся вернуться. В таком состоянии Шахби мог находиться очень долго.

Ты праведен, но нет тебе опоры.
Твоя надежда в жизни — это Бог.
Нет у тебя друзей, ислам, которым
В тяжелый час довериться б ты смог.
Могила предков заросла травой,
И нету веры преданным друзьям.
Не лаят с братом брат, сестра с сестрою.
Сегодня ты осиротел, о праведный ислам!

Мракий, проникновенный голос Шахби тронул душу Гати, и он незаметно залюбовался братом. Потеплевший взгляд его остановился на скорбно опущенном лице, изрезанном глубокими морщинами, на его крючковатом носе с хищно трепещущими тонкими ноздрями. Но лицо брата не казалось безжизненным: высокий белый лоб как бы говорил о пытливости ума, а серебристые виски и такая же седая борода лишь усиливали это впечатление.

Они забыли, что им жить не вечно.
Возмездия их не пугает страх.
Жизнь коротка, обманна, скоротечна,
Глумятся над тобой, о праведный ислам!

Канчивая намаз, Шахби некоторое время сидел в своей измученной позе, не меняя скорбного выражения лица. Но вдруг он очнулся, открыл глаза и только теперь, казалось, заметил брата.

— Говорят, ты пахоть собрался? — тихо спросил Шахби.

— Пора уже...

— А как насчет того, о чем я говорил тебе? Наплевать, да?

— Снова затянул старую песенку”, — с раздражением подумал Гати, но вслух ничего не сказал.

— И твои мысли знаю: езжай, дескать, старый дурень, туда и дорога. Умирай в чужой стране, как собака, а я здесь останусь. Ты ведь именно так думаешь?

Шахи, — так Гати называл брата, — тебя никто не задерживает. Ты со мной не советовался, все решил сам. Теперь никому-то хочешь обвинить меня. Я ведь полутруп. А если я все держусь бодро, то только потому, чтобы тебе не быть в

тягость. Только я начал становиться на ноги, а ты — поехали. Куда поехали? Зачем? Я этого никак понять не могу.

— Ты же мусульманин.

— Почему мусульманин не может умереть дома? Зачем обязательно ехать в Хонкару? Что я там оставил?

— Ты глуп или глупым притворяешься? — нахмурился Шахби. — По всей Чечне один разговор — о Хонкаре.

— Люди в огонь — и я за ними?

— Побойся Аллаха. Не принимай на себя столь тяжкий грех.

— Я не преступник, я перед ним чист.

— Значит, христианином хочешь умереть? Разве на свете есть больший грех? Ты об этом подумал?

— Поздно, Шахи, из меня христианина делать — не получится. Кем я родился, тем и в могилу сойду. Смерть я уже не раз видел, и она меня не сломала. Так чего же мне бояться? И шашка моя пока не заржавела... Так что оставь меня в покое и поезжай, пожалуйста, один...

— А что люди скажут, тебя не тревожит? Ты знаешь, о чем они подумают? Оставить единственного родного брата... Ни к чему? Нет-нет. Один я не могу уехать. — И уже более мягким, любовным тоном продолжил: — Верь мне: хуже, чем есть, не будет... А я и паспорт на тебя выписал. Дом твой Тонсоко купит. Я с ним и насчет цены договорился. Много за него не дадут, но дело не в деньгах. Денег у меня достаточно. Нам с тобой до конца наших дней хватит.

Шахби искоса наблюдал за братом: что, мол, ты на это ответишь?

— Шахи, — тихо проговорил Гати, избегая пристального взгляда старшего брата. — Я не могу себя пересилить. Столько пролито крови. Нет, это невозможно... Пойми, Шахи, — и тогда умру...

— Умереть-то мы рано или поздно все умрем. Но умеревши вдали от родины попадает в рай. Пора, пора подумать о завтрашнем дне.

Подобные разговоры не впервые велись между братьями. И который раз младшему приходилось выслушивать одно и то же. Хватит! Надоело! Теперь Гати решил твердо.

— Я не поеду, — сказал он мягко, но решительно. — День ото дня я чувствую себя все хуже. Мне недолго осталось. Хочу и буду рядом с отцом лежать...

Знаю я, где тебе удобнее лежать! — Шахби сурово глядел на брата. — Не могилы предков тебя удерживают и не страх. Не кривил бы душой, а прямо говорил — кто. Попробуй, Эсет... Боишься, что умрешь, если оторвешься от плеча? А кто тебя женил на ней? Забыл? Не будь меня, не брось тебе ее, как своих ушей. Оторваться от женщины — позор! Позор! Никогда в нашем роду не было баб в чужих руках. А вот на старости лет довелось увидеть.... О Аллах! Гати подскочил к брату. В глазах у него потемнело, лицо и руки судорожно подергивались. Ярость и бессилие, злость и страх — все перемешалось, подступило к горлу и мешало говорить. Голова закружилась. Он почти терял рассудок. Такие испытания ему еще никто не наносил.

— Не будь ты моим братом, — хрипло зашептал Гати почти на ухо Шахби, — я бы тебе показал, кто из нас баба. Моему брату такие слова язык бы вырвал. Я не так упитан, как ты, но так здоров, но мне стыдиться нечего. Война искалечила мое тело, но не мою душу. А заячьи души есть и у белобочек. Таких, как ты... Хорошо! Я поеду с тобой! Пусть будет по твоему. Надеюсь, я не умру с голоду и там. Но поеду с тобой не так, как хочешь тебе... Я не продам дом, где жил я, и землю, которую он пахал... Только так мне будет сподручнее умирать на чужбине. Человек обязан иметь свой дом на своей земле!

Гати повернулся спиной и захромал к выходу. Но на пороге вновь остановил голос брата:

— На кого же ты оставляешь свое... богатство? Детей от тебя не родила...

Найду.

Госпе?

Мое дело.

Гати с такой силой грохнул дверью, что Шахби от неожиданности подскочил.

Оборванец... молокосос, — прошипел он и с ожесточением принялся листать жейны.

Бет давно собралась и ждала мужа, но Гати задерживался, что ее беспокоило. Она уже не раз выбегала за калитку, и с каждой минутой сердце ее щемило все сильнее, словно в преддверии беды. Стоило же ей увидеть мужа, как она поняла, что все самые худшие опасения оправдались. Заглянув в его лицо, она испуганно задрожала: таким страшным оно ей сейчас показалось.

— Да, да, Эсет! Это же правда. Любить одного, а выйти замуж за другого. Да еще по собственной воле. Не каждая женщина на это способна. Но беда-то еще и в том, что оба мы оказались в одинаковом положении. Я ведь тоже любил другую... — Гати сделал паузу и отдышался: — Ты знаешь, что я противился нашему браку. Я же любил... Белиту. Но она погибла, когда в последний раз горел наш аул. Если бы она осталась жива, мы бы непременно поженились. Только ты не подумай, что я не люблю тебя. Люблю... Очень люблю! Как друга, верного и преданного!

Выражение лица Эсет каждую секунду менялось. Впервые за все эти годы муж раскрыл, распахнул перед ней свою душу. И она со все возрастающим любопытством вслушивалась в его слова:

— Сказать о том, что Шахи принудил меня к женитьбе, было бы неправильным. Я сам того хотел. Я не мог больше жить в его доме. Я мечтал жить отдельно, иметь свой угол. Ни для этого нужно было жениться. Скорее даже, мне требовалась женщина, которая бы готовила пищу да смотрела за мной. Ведь жить в пустом доме одному, а тем более с моим здоровьем, было невозможно. Где-то в душе я все еще надеялся, что ты меня со временем полюбишь. Даже как-то мне очень хотелось, чтобы ты меня полюбила... И тебе тогда было бы легче. Но... потеряв такую надежду, я решил все же развестись. А вот здесь мужества мне не хватило. Я привыкая к тебе. Думал, вот-вот умру, и тогда все наше хозяйство перешло бы к твоей семье. Я оставил завещание... Вопреки шариату...

Эсет сидела неподвижно. Слезы текли по ее мертвенно-бледным щекам.

— Почему мы сегодня вышли в поле? — Гати, лежащий на земле, приподнялся и обратил свое лицо к жене. — Да, поле, имущество — все, чем мы владеем, я оставляю тебе. До отъезда я позову Маккалу, Арзу, Чору и в их присутствии оформлю все как положено, чтобы потом не было лишних разговоров. И объявлю им о своем разводе с тобой. После этого и Шахи не сможет помогать моему имуществу, тем более, что мы вместе едем в Хонкару...

Эсет, не в силах больше сдерживать себя, с криком отчаяния бросилась к мужу и уткнулась лицом в его грудь.

— Не плачь, Эсет, не плачь, дорогая... Все забудется со временем. Твое счастье я разбил, а своего не нашел. Прости меня. Арту человек благородный. Другого такого вряд ли найдешь. Вместе вы... будете счастливы. Ну, перестань, перестань... Как пригони быков, — Гати мягко отстранил жену. Но она уже к нему прижалась к нему.

— Я не оставлю тебя, Гати! Я поеду с тобой. Только смерть разделит нас! — выкрикнула она, судорожно всхлипывая.

Вспыхивая, почти теряя сознание, он с силой прижал ее к себе чувствуя, как горячие слезы обжигают теперь уже и его

НА ПОСЛЕДНЕМ СОВЕТЕ

Всякий народ есть нечто целое, то есть индивидуальное. У всякого народа своя жизнь, свой дух, свой характер, свои нравы, свои обычаи, своя манера понимать и действовать. Мы думаем, что лучше оставить каждому свое и, сознавая собственное достоинство, уметь уважать достоинство других.

В. Г. Плеханов

Нохчмохк занимает восточную горную часть Чечни, покрытую вековыми густыми лесами, прорезанную глубокими ущельями, бурными реками.

Нохчмохк — в переводе с чеченского языка означает "Страна чеченцев". Здесь историческая колыбель чеченцев. Десятки тысяч лет назад здесь обосновались их древние предки, впоследствии расселившиеся на равнине, вдоль поймы реки Терек вплоть до Каспийского моря. В течение тысячелетий чужеземные завоеватели не раз вытесняли чеченцев с равнины, загоняли в горы, но каждый раз они возвращались обратно.

В историю Кавказской войны Нохчмохк вошел под названием Ичкерия. После шейха Мансура, со времен Бейбулата Таймиева, Нохчмохк стал центром национально-освободительной борьбы не только чеченцев, но и народов Дагестана.

В годы имамства Кази-Муллы здесь впервые огнем и мечом прошел генерал Розен I.

Первым в Чечне под знамена Шамиля встал опять же Нохчмохк. Именно здесь, сначала в Дарго, а затем в Ведено Шамиль, изгнанный из Дагестана, создал свою резиденцию.

Выходцами из Нохчмохк были и знаменитые наибы Шамиля — Шоип-мулла Цонтороевский, Соиб Эрсеноевский Батуко и Талгик Курчалоевские, Эски Нойбердинский, Гонтмир и Уллубай Ауховские, Соаду Мичикский.

Нохчмохк дал чеченскому народу руководителя крестьянского восстания 1877 года молодого Алибека Симсирского, а

начале XX века — знаменитого чеченского абрека Зелимхана Хирачиевского.

Здесь в 1842 году генерал Граббе за один день потерял убитыми тысячу семьсот солдат и офицеров, а спустя три года князь Воронцов завершил свой печальный поход в горы, который вошел в историю под названием “Сухарной экспедиции”, или “Даргинского похода”.

После 1845 года, вплоть до 1859 года ни один русский солдат не ступил на землю Нохчмохк.

Аул Беной был последним селением Чечни, сдавшимся русским войскам в июле 1859 года. В 1860 — 1861 годы он был центром восстания во главе с Бойсангуром, а потом и восстания 1877 года под руководством Алибека Симсирского.

* * *

Аксай и Ямансу разделены крутым извилистым хребтом с вековыми лесами. К юго-востоку от хребта ответвляется Терга-Дук. Вот на его-то отлогих склонах и раскинулись постройки аула Беной. Беноевцы хорошо известны и в Ингрии, и за ее пределами своим буйным и мятежным нравом. Не удивительно, что и теперь центром восстания избран именно Беной. Улиц в ауле нет, дома разбросаны по склонам холмов и оврагов. И это обстоятельство играло немаловажную роль.

Был поздний вечер, и казалось, все вокруг уже погрузилось в мягкий глубокий сон. Лишь кое-где мерцали огоньки, доносился лай одичавших собак. Луна выбралась из-за туч, и на высоком холме в ее свете ясно обозначились силуэты всадников. Они стояли, оглядывая окрестности. Отсюда хорошо был виден Беной-Ведено, чуть выше — Дарго, а еще дальше, у самой вершины — Цонторой, родина прославленного Шоипа, и гордалинские аулы.

Всадники медленно спустились в глубокий овраг, за которым уже начинался аул. Из лесу доносился терпкий аромат разнуствовавшихся почек. Резкий окрик остановил всадников:

— Кто идет?

— Мы — нохчи*, — ответил Арзу, сдерживая коня.

— Пароль?

— Свобода!

* Нохчи — самоназвание чеченцев.

— Иначе?

— Смерть!

На тропинку, залитую лунным светом, вышли, держа руки наперевес, двое, зорким взглядом осмотрели всадников.

— Откуда?

— Из Гати-Юрта.

— Следуйте за нами.

Их повели по узкой тропе, которая то забирала круто вверх, то снова ныряла в овраг, коих на пути было великое множество. Дом, к которому, наконец их привели, стоял отдельно от другого конца аула. Слышно было, как где-то журчит ручей.

И снова пикет:

— Кто такие?

Арзу ответил.

— Пароль?

— Свобода!

— Иначе?

— Смерть!

— Проходите.

Они подъехали к калитке. Здесь у них приняли коней и куда-то повели через пустой двор. Стояла мертвая тишина. Казалось, что вокруг нет ни единой живой души. Но приглядевшись повнимательней, приезжие заметили тени, мелькавшие где-то в глубине двора, за сараем. Люди занимались своими делами молча, привычно. Стройный юноша, шедший впереди, отступил в сторону. Просторное помещение, куда они вошли, было заполнено до отказа. При тусклом свете копилки, стоявшей в нише дальней стены, вдоль которой чинно восседали почтенные старцы, оба спутника стали различать знакомые лица. Переступив порог, они громко поздоровались. За исключением стариков, все поднялись в знак уважения и приветствовали прибывших стоя. Их попросили пройти вперед, на более почетные места, но Арзу и Маккал поблагодарили и остались у двери среди своих сверстников. Так им было удобнее.

Люди сидели на полу, застеленном войлоком. Когда глаза окончательно привыкли к полумраку, Арзу осмотрелся. Он увидел голые, черные от копоти, потрескавшиеся стены, двери, затянутую старым паласом, прибитым к порогу двумя дере-

вспыхивали гноздыми. Крохотные оконца затянули бычьи пузыри. Ветер шаловливо стучал в них, словно хлопал в ладоши. Вали Арзу задержался на противоположной стене, покрытой войлочным ковром с незатейливым орнаментом и увешанной оружием: серебряными шашками, кинжалами, ружьями и пистолетами.

В большом очаге слегка потрескивали поленья, пламя обограло массивный котел, висевший на толстых цепях.

Среди почетных гостей были всем известные Солта-Мурат из Беноя, Болатха из Регити, Богало из Зандака, Залма из Агузона. Ближе к порогу расположились более молодые гости — это Дада из Зумсоя, Берс из Шали, Губха из Гуноя, Гусерка из Алероя, Шоип из Майртупа, Тоза из Харачоя, Сулим Хаджи и Сайдул-Хаджи из Беноя.

Солта-Мурат сказал что-то на ухо Болатхе, и тот объявил пиршество. Все поднялись, скинули с себя черкески, шубы и, расставив их перед собой, пристроились за спиной Болатхи.

Аллаху акбар*... — повторяли вслед за ним остальные, то и дело опускаясь на колени и отбивая поклоны.

Пиршество длилось долго. Исполнив все молитвенные ритуалы, Болатха поделал руки:

О всемогущий Аллах, помоги и возвысь своих сыновей и дочерей, погибших в борьбе за родину и правоверный ислам!

Амин!

Аллаху амин!

О всемогущий Аллах, будь опорой нам, освободи нас от гнета неверных...

Амин!

Аллаху амин!

Фатиха!

Прочитав первый стих Корана, все одновременно провели руками по лицу и оделись. После чего в комнату вошли двое женщин, сняли котел, продев деревянную палку через ручку, и унесли его. А вскоре перед гостями появились низкие деревянные столики, заставленные гурмой и сискалом.

*Аллаху акбар — Аллах велик (арб.)

Кенти, — косматые рыжие брови Солта-Мурада поползли вверх. — Почти все наши товарищи собрались. Не известно всего лишь несколько человек. Будем ждать их? Или начнем? Как считаете?

— Начнем.

— Не будем терять время.

— В таком случае попросим Берса, сына Рохмада, коротко рассказать о положении дел в крае. Затем каждый из нас выскажет свое мнение по двум вопросам: как нам поступить с теми, кто изъявил желание переселиться в Хонкару, и когда лучше начать восстание — этой весной или подождать более удобного момента? Но прежде хочу вот о чем спросить. Есть ли здесь, среди вас, люди, которые потеряли веру в наше дело или же решили остаться в стороне?

Все переглянулись.

— Нет.

— Если есть, то пусть они потихоньку уйдут.

— Нет таких, Солта-Мурад, нет.

— Тогда, — сказал радостно Солта-Мурад, — послушаем, что нам скажет Берс.

Берс начал издаലെка. Он вспомнил о долголетней борьбе народа за свою свободу, о жестокости царских генералов и чиновников.

— Тогда дальнейшее наше сопротивление было бессмысленным, — голос его окреп, — ибо грозило нам полным истреблением. Мы вынуждены были поверить обещаниям генералов, которые и не думали выполнять их. Нам не только не вернули наши земли, но и задавили непосильными поборами, несправедливостью. Народ недоволен новыми порядками. Он слышит лишь грубые окрики и брань. Как терпеть это? Смириться? Нет. Власти знают, что мы не смирились, и вот что они задумали: переселить половину населения Чечни в Россию, отделить горные аулы от равнинных новыми казачьими станицами, построить новые крепости от Грозной до Ведено и по Аргуну до Шатоя. Если им удастся осуществить этот план, то тело нашего края будет разделено на пять частей. В результате мы лишимся не только внешней помощи, но и поддержки друг друга.

— Покарай их Аллах!

Мы поднимемся все, как один!

Поэтому, — продолжал Берс, — было решено стянуть войска, арестовать вожakov, разоружить население, а повстанцев же отправлять в солдаты. Но от этого нас, кажется, спасло желание некоторых переселиться в Турцию. Ведь падишаху все равно, куда мы денемся, лишь бы подальше от нас. Но есть здесь серьезное недопонимание. Многие считают, что раз турки мусульмане, значит, они наши братья. А разве вы не слышали о страшной судьбе адыгов, уже переселившихся в Турцию? Они продают своих детей, умирают от голода и болезней, нанимаются в турецкую армию. То же самое ожидает и нас, но люди словно потеряли рассудок и не хотят слышать голоса разума. А удержать их мы не можем, у нас нет сил. Вот такое положение на сегодняшний день. На некоторое время воцарилась тишина. Нелегкие мысли охватили каждого. Солта-Мурад задумчиво гладил пушистого кота, утробившегося у него на коленях. Болатха, глядя на пол, перемывал четки.

Разрешите мне, — попросил Залма, убедившись, что пока никто не собирается говорить. — Война — это единственное, что может остановить переселение в Хонкару. Надо немедленно начинать восстание.

Нет, нельзя! — возразил Берс. — Мы только погубим себя. Да и как поднять людей, уверовавших в турецкий рай? И в наших рядах, к сожалению, нет единства. Лучших наших людей сослали в Сибирь. Восстание в Польше подавлено, русских крестьян усмирили. Отношение России с другими государствами мирные. Россия ни с кем не воюет. Многие наши воины, полестившись на дорогие подарки, переметнулись к ихнему племени. Так что своим выступлением мы сейчас только разождем руки падишаху и начнем лить воду на его мельницу.

Значит, никакого выхода нет? — подскочил тощий, долговязый Зарачоевский Тоза. Он весь подался вперед, словно намеревался напасть на Берса. Сильно вытянутая голова его наклонилась на длинной жилистой шее с выпирающим кадыком. — Так какого черта мы теряем время? Нужно бросить войну по всей Чечне. Чем жить курицей, лучше погибнуть павлином! Аллах нам поможет.

Не шуми, Тоза, не шуми! — оборвал его Маккал. — В Шамах тоже уповали на Аллаха, а чем все кончилось? Твои

воззвания к харачоевцам не приведут к добру. Ты предвишь общему делу, и твое поведение требует осуждения.

— Что ты хочешь этим сказать? — Тоза положил руку на рукоять кинжала.

— Я говорю, надо иметь голову на плечах и не своевольничать. Речь идет не только об одной твоей жизни. Ты становишься под удар всех нас и дело всего народа.

Тоза дернулся, как будто его ударили по лицу, но Солта-Мурад жестом остановил его и сказал:

— Сядь и успокойся, Тоза. Маккал прав. Кто еще желает высказаться?

— Вы затыкаете мне рот. А я говорю правду. Убьем Алязова Мусу, Успанова Сайдуллу, Хадисова Женадали и других собак, склоняющих народ к переселению в Турцию, и тогда никто не отважится на переселение. Газават нужен! Газават!

Солта-Мурад отмахнулся от него, как от назойливой мухи, и обратился к Болатхе:

— У тебя есть что сказать, Болатха?

Болатха неторопливо сложил четки и положил их в карман бешмета. Пропустил сквозь кулак седую бороду.

— Я внимательно слушал вас. Да, наших людей ссылают в Сибирь. И там они пропадают. Людям нечего есть. Нет земли. Ходят слухи о нашем предстоящем насильственном переселении в Россию. Одни уже собираются в Хонкару, другие пребывают в растерянности. Мы теряем людей. Нас становится все меньше. Властям потом будет еще легче расправиться с нами. Нас ожидает участь осетин и татар. Их крестили. У нас отняли все, теперь отнимают веру. Одно из двух: или Хонкара, или газават. Третьего я не вижу.

Болатха был ярый кунта-хаджиец и стоял близко к уставу. Конечно, его точка зрения опасна. И все-таки они доверяли ему. По своей природе Болатха не был способен на предательство. Кроме того, за ним стояла сила. И его участие и совете могло поднять авторитет всего дела.

Тоза был человек недалекого ума и не состоял в числе великих Кунты-Хаджи. Непомерно честолюбивый, он тем не менее умел своим красноречием расположить к себе миряков. Сам он даже считал, что может стать преемником устава. Но мысли свои вслух не высказывал. Однако присутствующие поняли, на что намекал Маккал, и это приводило Тозу в

Естественно. Кроме того, ходили слухи, что Тоза наделен неизвестным пророческим даром. Слухи, разумеется, распространялись не без его помощи. Харачоевцы сделали вид, что поверили.

— Твоя очередь, Залма, — напомнил Солта-Мурад.

Но тот ловко уклонился:

— Послушаю, что скажут молодые.

— А ты, Арзу?

— Пусть сначала выскажутся муллы Богало и Маккал. Они мудрее меня.

Богало — личность в Ичкерии известная. Оратор. Слушать его — одно удовольствие. Никто не может состязаться с ним в ораторичности, кроме разве что Нуркиши из Билти. Вначале Нуркиши горячо агитировал народ переселиться в Турцию, когда же дошло до дела — ушел в кусты. Коварный, хитрый, не умел ладить со всеми. И у властей был в почете. Правда, в последнее время к нему уже не было прежнего доверия. Богало же редко отличался от него. Он, как и гатияуртовский мулла Шасби, глубоко ненавидел царских слуг и их власть. Богало открыто призывал народ к переселению, и сам готовился выехать с первой же партией.

— Богатха прав, — сказал он. — Хонкара или газават!

Или, видимо, сам он уже запасся паспортом, а судьба ближнего его мало интересовала.

Богало опять принялся за четки. Впрочем, ничего другого от него и не ожидали. В сердце этого человека не было боли, ненависть к русским лишила его и разума, и ясности мысли. На него не обижались. Его занимали лишь хлопоты, связанные с домочадцами, все же, что выходило за этот круг, было для него делом второстепенным.

Маккалу была понятна причина — слово Богало, поэтому он ничего не стремился переубедить, говорил обо всем равно, без лишней горячности, как о чем-то обыденном, но и в каждом его слове чувствовалась правда и выстраданная боль, словно его шло из глубины сердца. Ему невозможно было не верить еще и потому, что его тревоги и его переживания были направлены не на себя, а на народ, на его настоящее и будущее.

— Кому ведома тоска по родине, тот знает, что такое чужбина, — говорил он мягким голосом. — Грушевое дерево под окном дороже любых земных богатств. Сейчас же не

одна-две семьи покидают родину, а целый народ. Это не счастье, это большое горе. Одна только мысль об этом уже разрывает мне сердце. Я не верю никому, не верю ни падишаху-мусульманину, ни падишаху-христианину. И тот и другой преследует свои цели, и никого из них нисколько не волнует судьба несчастных горцев. В Хонкаре нет клочка свободной земли. Нас же рассеют по всей стране. Если и не умрем от голода, то наши потомки через два-три поколения забудут родной язык и обычаи предков. То есть, они станут турками. То же самое ожидает нас и в России. Но тут наши внуки станут христианами. Вы говорите — вера. Я не против. Но в чем же она нам, если наш народ исчезает с лица земли? А что можно придумать страшнее этого? Мы не вынесем жестокости турок. Там мы лишимся даже тех прав, которые нам даны русскими властями. В Турции нет свободных людей. И там один угнетает другого. И там богатый делает с бедным что захочет. Не лучше и в России. Я бывал там и своими глазами видел российскую действительность.

— Значит, тебе безразлична судьба нашей веры? — переспросил его Богало.

Холодная усмешка пробежала по лицу Маккала. Он свернул глазами, но ни одним движением не выдал своих чувств. И так же спокойно продолжил:

— Люди поддались обману. Их зовут за собою богатые и муллы. Обещаниями земных благ они затуманили мозги беднякам, но им нет дела ни до кого из них. Богатые едут туда набитыми карманами и надеются и там неплохо устроиться. Могу поклясться на Коране, что они уже договорились об этом с турками и каждый подыскал себе теплое местечко. А за ними слепо потянулись их бедные родичи, которые не имеют сил переехать не то что в Турцию, а из Беноя в соседнее Дарго. Вот кого жаль. Вот о ком нужно беспокоиться. Но их невозможно удержать, и посему лучше отпустить их. Пусть побудут в турецком раю. Я уверен, что они прозреют и побегут обратно. Тогда оставшиеся не тронутся с места.

— Так что ты конкретно предлагаешь, Маккал? — прервал его Солта-Мурад.

— Предлагаю не мешать переселению в этом году. Пусть едут.

— Как ты считаешь, нам этой весной следует начать поустание?

Наше мнение с Арзу высказал Берс. Начало восстания можно отсрочить до более удобного момента. Кроме того, исторически против газавата. Одно это слово отпугивает даже ближайших наших христиан-соседей, не говоря о дальних христианских народах. Это тянется со времен Мудды. Пора отказаться от ставшего сегодня вредным слова. Тогда мы найдем поддержку у сочувствующих и в Азии, и в России. Мы не должны повторять ошибки наших предков. Вот что я хотел сказать.

Нико не полагать, ты высказал не только свое мнение, но и мнение Берса?

Да.

Что ты скажешь на это, Залма?

Я согласен с ними.

Татарка?

Молодежь права.

Султан?

Они дело говорят.

Саидул-Хаджи?

Уверен, мы всегда успеем. Подождем.

Ибн?

Я не против. Но я вот о чем думаю. Война России с этими государствами может начаться в любой момент. А значит, Маккал и Берс правы. Своими силами нам не победить. Думаю, воспользовавшись переселением, стоит попросить помощи у турецкого падишаха.

Как же, дождешься от него помощи!

Так или иначе, ждать нам придется.

Можно и помощи попросить. На всякий случай.

А чем мы заплатим? Бесплатно тебе никто не поможет.

Поблизости то попытаться следует, — подал голос Берс. — Дело между царями никогда не утихнет. На случай войны заранее создает себе опору в стане противника. Россия имеет эту опору среди турецких христиан, а турецкий султан — среди российских мусульман. В прошлом султан не раз оказывал нам свою помощь. Но взамен требовал нашу землю и нашу свободу, на что, конечно, мы не могли согласиться. Теперь турки и в нас потеряли надежду. Здесь укрепились Россия. Но в стране султана тоже нет мира. Христианские народы жестоко угнетаемые турецкими властями, доведены до

отчаяния. Если там начнется заваруха, то русские непременно поддержат своих единоверцев. И тогда султан попросит нас ударить в спину русским. Он будет рад заключить с нами союз.

— Русские и турки все время били и бьют друг друга. Это правда. Но зачем нам вступать в их ссору? Чтобы улобниться зернышку между двумя жерновами? Война в конце концов кончится. Не думаю, что победят турки.

— Ты, Берс, много ездил по свету, учился в русской школе. Посоветуй, что нам делать, стоит ли начинать восстание?

— Нет, — ответил Берс. — Оно погубит нас. Одни мы ничего не добьемся. Подождем, когда поднимутся другие народы России. Тогда только мы сможем победить.

— Сколько же ждать?

Берс пожал плечами.

— А как жить?

— Ведь жили наши отцы в мире с казаками. Неплохо жили.

— Да, то было давно, — сказал Шоип из Майртупа. Тогда еще не было царя на Тереке. Теперь на Тереке, Сунжа, Ассе живут другие казаки, которых царь специально расселил на наших землях. Червленские и гребенские казаки — это наши кунаки. С ними-то наши предки всегда в мире жили. А вот с другими мы никогда не поладим. Во всяком случае, пока они не вернут нам наши земли.

— Их вины в том нет: им приказали жить, и они живут.

— И все же с ними придется мириться, — сказал Берс. И люди в этих станицах не все одинаковы, Шоип. Есть богатые и бедные, хорошие и плохие... Если начнется переселение в Малую Кабарду, народ восстанет. Вот это восстание мы поддержим. При всех других обстоятельствах с русскими нам надо жить в мире. Я уверен, что этот мир для нашего народа будет полезным. Не забывайте, что на наших землях живут не только казаки. Соседние князья — Турловы, Эльдаровы, Ахазовы или наши собственные чеченские богачи — Бога, Орта, Давлетмирза, Чомак, Хоту и другие, чем они лучше казаков. Нам предстоит борьба не с казаками и русскими, а теми, кто нас угнетает, в чьих руках власть. И это единственный правильный путь.

Каждый уже высказал свое мнение, и теперь Солта Мурза дал волю поговорить меж собой. Сам в разговор не вмешивался.

Но по возрасту только Болатха был старше его. Солта-Мурад был известен среди населения большой популярностью. Прозванный воин, бывший наиб Шамиля, он как никто другой чувствовал, что пришло совсем другое время, а вместе с ним и другое поколение. Поколение, ни в чем не уступающее старшим, поколение умное, трезвое и способное продолжить начатое ими дело. Он сидел молча, восхищаясь молодежью. Он гордился ею. Сам же старался весь свой богатый жизненный опыт передать молодым, учил их выдержке, терпению, умению трезво оценивать обстановку. Он уважал молчунов и никогда не пользовался правами старшего, не переходил на жесткий тон, не допускающий никаких возражений. Нет, он был такой же собеседник, как и все остальные, лишь немножко большими заслугами и большим опытом.

Расскажи, Берс, — попросил он, — как обстоят дела в Крыму и в России? Что там нового?

Все по-старому, Солта-Мурад. И, видимо, не скоро мы увидим новых волнений в России.

Все-таки мы должны быть в курсе. Думаю, будет правдой, если мы пошлем одного-двух человек для переговоров с султаном, а одного — в Польшу, чтобы установить связь с поляками. Средства на такие расходы имеются. Как вы, советники со мной?

Согласны, согласны, Солта-Мурад.

Значит, договорились. Люди, которые поедут к султану, должны выступить в роли переселенцев. Их задача — переговоры с султаном и доставить нам точные сведения об участии переселенцев. Прошу вас хорошо подумать и назвать имена тех, кого мы смогли бы возложить эти нелегкие обязанности.

В Польшу единогласно решили послать Берса. Но вокруг кандидатур для поездки в Турцию разгорелся жаркий спор. Тогда слово попросил Арзу:

Люди, чьи имена были названы здесь, — сказал он, — безусловно, достойные, мужественные, готовые на любые жертвы. Но тот, кто отправится в Турцию, вернется оттуда не живым. И вполне может случиться, что и вовсе не вернется. У нас же дома есть семьи, дети. Кто вспашет землю, посеет пшеницу, заготовит корм? А я и Маккал оба холостые, детей не имеем, плакать по нам некому. Мы и отправимся в Турцию. Кроме того, Маккал человек грамотный, знает арабский,

турецкий и неплохо говорит на грузинском и русском языках. Так что лучшего посла к султану и отыскать трудно. И я буду его сопровождать.

Так и договорились.

— Вас я тоже имел в виду, — сказал Солта-Мурад. — Не хотелось, чтобы вы были здесь рядом. Мало ли что может случиться. Но ничего не поделаешь. Поезжайте. Учитесь, вам это нужно, вы сами знаете, как и что делать. Думаю, и мы здесь не будем сидеть сложа руки. Пока не разошлись, вот еще и чем хочу сказать. На дворе весна. Народ в панике. Многие не сеют хлеб. Это опасно. Нам грозит голод. В Хонкару поехали не все, но остающиеся пусть думают о завтрашнем дне, пусть приступят к севу. Заботу о них поручите нашим людям в аулах, пусть разъясняют всем, что к чему. Но ни в коем случае не ослабляйте подготовку к восстанию. В нем ведущее место займет молодежь. Молодых людей следует готовить и духовно, и физически. Все наши планы должны храниться в тайне. Маккал, проследи, чтобы все поклялись на Коране.

Вопрос о принесении присяги на Коране после каждого заседания — кхеташо — был решен с первого же дня. Но тогда мюридов Кунту-Хаджи оскорбило привлечение к присяге Болатха, ближайшего сподвижника и возможного преемника их устаза. “Таким людям нужно верить на слово”, — требовали они. Но тогда еще живой Вара из Атаги резко оборвал их: — Безгрешен один Аллах.

Маккал принял из рук молодого человека Коран, завернутый в кусок атласа; первым произнести слова клятвы он пригласил Солта-Мурада. Тот положил правую руку на раскрытый Коран.

— Арзу биллахи мина шайтони ражийм. Бисмиллахи рахмани рахийма, — затянул Маккал бархатным голосом.

Солта-Мурад повторял за ним:

— На этом Коране, ниспосланном нам всевышним Аллахом через своего посланника пророка Мухаммада, клянусь, что услышанное, увиденное, сказанное, совершенное мною сегодня и раньше, я ни устами, ни письменно, ни жестом, ни от себя, ни через других не передам никому, сохраню все это в тайне. Клянусь беспрекословно выполнять приказы наших стоящих баччи. Клянусь ни ради земных богатств, ни ради радостей диких благ и не из страха не предавать честь и интересы убо-

...рою! пока бьется сердце, бороться за свободу и за пра-
вильный ислам. Для меня свобода моего народа превыше
родителей, братьев, сестер. Если я нарушу эту клятву
я прощаю свою кровь присутствующим здесь товари-
щам и тому, кто их приговор исполнит.
...то как было покончено с клятвой, собравшиеся
...еще одну, заключительную, молитву.
...хались уже на рассвете.

ГЛАВА XIII

КАПИТАН ГУСАРСКОГО ПОЛКА

Международная политика русского царства — одна сложная цепь самых бесчеловечных преступлений и насилий, самых грязных и подлых интриг против свободы народов, против демократии, против рабочего класса.

В. И. Ленин

Восход солнца застал Берса и его товарищей, возвращавшихся из Беноя, на живописном хребте Кожелк-Дук. Впереди, под ними, виднелся аул Саясан. Он уже пробудился. Отовсюду слышался петушинный крик, где-то жалобно скрипнула калитка, затем другая, донесли редкие голоса. Поставив немного, путники спустились вниз и проехали в сторону кладбища, где был похоронен один из знаменитейших вождей освободительной борьбы чеченского народа — шейх Чечин Ташав-Хаджи. Его захоронение сразу же бросилось в глаза. Среди множества надмогильных памятников, красиво расставленных сложной арабской вязью, возвышалось четырехугольное строение, крытое оцинкованным железом. В такой гробнице и покоились останки неукротимого Ташав-Хаджи.

До сих пор Болатха, Шоип, Берс, Маккал и Арзу ехали вместе, но дальше двигаться группой было уже опасно. Чтобы не привлечь внимания лазутчиков властей, они разошлись. Болатха и Шоип завернули к гробнице Ташав-Хаджи, остальные доехали до левого берега Аксяя и там разошлись. Арзу и Маккал спустились вниз по реке. Берс отпирания через Шуани на запад.

Оставшись один, Берс погрузился в тяжелые раздумья. Так с ним было всегда, поэтому он и стремился к людям. Но все равно получалось так, что он, подобно вечному страннику, ездил почти всегда один. Нет, никто не сторонился его, не чуждался, наоборот, все его встречали приветливо, все были рады. А в том, что его приходилось разъезжать одному,

простая и жестокая необходимость. Вот почему и без
мысли он не чувствовал себя одиноким.

Тепло поднималось все выше и в согретом воздухе уже
завывал жаворонок, которого горцы называли «птичкой па-
хари». «Точно сказано, — подумал Берс, — прилетел жаворо-
нок — прирай плуг». Но пахаря этой весной увидишь редко,
и стаи и толпы уже накупили зеленые шали, и деревья покры-
лись липкими почками. Весна... Берс поднял голову. Убогие
птицы вились к склонам, точно ласточкины гнезда. Они толь-
ко только начинали оживать. Чье сердце не дрогнет при виде
этого? И он, Берс, тоже виноват перед ними. Чувство вины ни
на минуту не оставляло его. Люди гибли, защищая эти аулы.
А где был он? Далеко. Очень далеко от родных гор. И не
чувствовал ни горя, ни ужаса. На его теле нет ни одного шра-
ма, ни одной раны. И родители его не стали жертвами войны,
и война не коснулась их. Братьев же и сестер Берс не
видел. Но разве те, кто лежат в этой сырой земле, не его кров-
ные братья и сестры, а горе живых — разве не его горе?

Недалеко от Джугурты повстречался Берс с худым и то-
щим стариком, казалось, высушенным на солнце. Он еле-еле
сидел, согнувшись под тяжестью вязанки дров на спине.
До встречи с ним, Берс спешился.

— Ассалам алейкум! Пусть pošлет Аллах мир и счастье
твоему отцу.

— На алейкум салам! Да благословит и тебя Аллах, моло-
дой человек, — ответил старик, не поднимая головы.

На белой ношей Берсу не было видно его лица.

— Устал, старик?

— Если сказать правду, то силы уже на исходе.

— Давай я понесу, а ты садись на коня.

— Не стоит, мне теперь недалеко осталось. Спасибо тебе.
Поехал. Я уж как-нибудь сам.

Берс не мог проехать мимо и тем нарушить обычай горцев.
Так обычно: повстречается на пути старец, всадник, не доез-
жая до него шагов пятидесяти, спешивается и, лишь отойдя
до него на такое же расстояние, вновь садится на коня. А если
видит его, то уступает ему коня, сам же идет пешком. Ста-
рый горец, конечно, не заставит молодого долго идти пеш-
ком. Самое большее, проедет с полкилометра, возвратит коня
и скажет: «Спасибо, молодой человек. Пусть Аллах продлит
твоей жизни».

Старик сбросил вязанку, разогнул усталую спину. Заменил тое лицо его со впалыми щеками вспотело, слезящиеся глаза по-доброму глядели на Берса. Тот помог ему взобраться на коня, а сам пошел рядом, взвалив на себя дрова.

— Быки-то у тебя есть?

— Есть одна старая коза. И больше ничего нет из животины, что с четырьмя копытами.

— Почему сам пошел за дровами? Не послал сыновей?

Лицо старика исказилось болью.

Берс пожалел, что задал этот вопрос.

— Были, — промолвил старик чуть слышно. — Шестеро. И все шестеро захоронены вон на том кладбище, — старик рукой махнул вниз, на холмы, утыканные деревянными шестами, — такие шесты ставили у изголовья погибших на войне. — Пятеро пали еще при Шамиле, они воевали в моей сотне. Шестой примкнул в Бойсангуру и тоже погиб. Вот один и остался...

Возле аула старик попытался было сойти с коня, но Берс ему не разрешил и донес дрова до самого дома. Жилище, представлявшее его глазам, лишь с большой натяжкой можно было назвать домом. Убогая лачуга, севшая на один бок, стояла в глубине заброшенного двора. С крыши свисали кукурузные стебли. Позади виднелся бывший сад, теперь наполовину обгоревший, обнесенный оградой из колючих кустарников. Молодая женщина подметала двор, а старуха доила видимо ту самую козу, о которой упоминал старик.

По двору верхом на хворостине скакал мальчишка лет семи-восьми, одетый в бешмет явно с плеча взрослого и тапал в больших размеров баранью шапку, закрывавшую почти всю голову. Увидев их, мальчик отбросил хворостину, подбежал и взялся за повод коня. Женщины, перестав работу, с любопытством приветствовали гостя.

— Только один сын и успел жениться? — проговорил старик, заметив, как внимательно Берс разглядывает мальчишку. — Он и его мать — единственная отрада. Что бы мы делали без них? Аллах, прости за такие мысли! Заходи, заходи и дом кусок сискала у нас найдется, а старуха сварит нам чай с аю-локом.

— Извини меня, я очень тороплюсь.

— Нет, так мы гостя не отпустим, — подала голос старуха.

— Ты непременно должен выпить в нашем доме чаю.

Желаю вам всяческих благ, — Берс взял из рук мальчика повод. — Не горюйте. Счастливы те, что погибли в боях за родину. Живые им завидуют. Кто остался, тот допьет чашу жизни до дна. Дай вам Аллах силы и мужества.

Да продлит он и твою жизнь, — сказал старик. — Счастья тебе и жене. Да сбудутся все твои мечты.

Перед Берсом встал конь на поводу, пока не выбрался из аула. Перед ним раздвинулась Чеченская равнина. Черные горы с дремучими лесами, постепенно снижаясь, отступили. В лицо прилетел ударил ветер. Чистый воздух был наполнен пересвистом и шорохом птиц. Уже расцвела алыча. Она так густо разрослась, что казалось, весь лес покрылся инеем. Как хорошо, как приятно дышится. Какое бесконечное богатство вокруг. И тут же Берс одернул себя: «Нет уже той свободы. И люди здесь не хозяева. Они лишь ищут приюта, пристанища в эти времена, скрываясь от жестокой власти...»

Перед Берсом встали иные картины. Он словно вновь вошел в родной аул. Насколько хватало глаз, разглядев перед ним родной аул. Фруктовые сады закрывали собой самые крыши, лишь кое-где виднелась черепица, а из длинных труб валил дым. Даже в мыслях приметы и запахи родного очага обостряли его душевное состояние. Напомнились слова Данчи, сказанные при прощанье: «Какой ни есть, а он все же твой отец, Берс...»

Да, если оглянуться назад, то, пожалуй, не было человека счастливее Берса. Хотя, опять-таки, какими глазами смотреть...

* * *

В те времена пятнадцатилетний юноша никак не мог понять, почему его отец бежит из родного аула? Каждый здоровый мужчина на вес золота, а ему вроде до того и дела нет. Почему? На свой вопрос Берс получил ответ лишь спустя много лет. Тогда же он безропотно следовал за отцом, чей отъезд из родного аула вызывал у него лишь любопытство и недоумение.

Крепость. Грозная обростала домами, хотя строили их наспех, не заботясь о прочности и удобствах. Люди прибывали сюда отовсюду. Под стенами русской крепости прибывавшие отставали себя спокойнее.

Берс давно уже пристрастился к торговле, но дела его в Шанхай или неважно. Теперь же, с помощью царских властей,

он надеялся и расширить свою торговлю, и увеличить свой капитал. Не прошло и трех лет, о нем заговорили. Успехи его впечатляли. Но... впечатляли лишь непосвященных. Берсу им не удивлялся, так как стал догадываться и понимать, каким именно путем течет золото в карман отца.

Шамиль запретил торговлю с русскими. Исключение делалось только для тех, кто закупал железо, в котором очень нуждалось его войско. Отец сразу же смекнул: вот она, причина! Только в железе! Он закупал его и вез в горы. Но по возвращении, прежде чем навестить семью, Рохмад направился в русский штаб. Почему отец ходил туда так часто, Берсу было сначала невдомек, но потом он понял и это. Отец оказался не только трусом, но и предателем. Он предавал, а вернее, продавал свой народ. Посещая аулы, собирал сведения для царских войск, за что ему тоже неплохо платили. Но и платили Шамиля не оставались в долгу, щедро вознаграждая за «русские секреты». Рохмаду было безразлично, кого и кому предавать, лишь бы за это хорошо платили.

Богатство распахивало двери и открывало дорогу к счастью и личному благополучию. Рохмад легко устроил своего единственного сына в школу прапорщиков. Так Берс очутился в Петербурге. Не каждому горцу удавалось увидеть русскую столицу, но что не сделают деньги! Берс вел вольную жизнь и предавался веселью, благо, деньгами отец снабжал его регулярно. Ничего не жалел для сына. Жизнь Берса приобрела иной смысл, наполнилась иным содержанием: веселые друзья, молодость, разговоры только о войне и женщинах. Но особенно часто — о мятежном Кавказе. Его товарищи мечтали о том дне, когда окончат школу и поедут на Юг сражаться с дикими горцами. Им снились героические подвиги, слава, суровая кавказская экзотика. Великодержавный зуд не давал покоя молодым дворянам. Коснулась сия болезнь и Берса. Однако искренняя любовь к родному краю, к своему маленькому и бесстрашному народу, поднявшемуся с оружием в руках отстаивать свою землю и свободу, была неизмеримо выше юношеских честолюбивых устремлений. Он мечтал вернуться на родину. Подвиги же и славу он отыщет в другом месте. И не подозревал тогда юный Берс, что через много лет кровь чужого народа, пролитая им, черным пятном ляжет на всю его жизнь, станет вечным укором его совести. А тогда он

и наслаждением предаваться беззаботной столичной жизни и не испытывал никаких угрызений совести.

В те годы на Западе созрела и разразилась мощнейшая революционная буря, совершенно произвольно втянувшая и Берса в свой подворот. С Запада Берс вернулся уже другим человеком.

Наследом, 13 августа 1849 года. Главнокомандующий венгерской революционной армией генерал Гергей сложил оружие. Стряд казаков, в котором находился и Берс, отконвоировал пленных венгерских офицеров в стан австрийских войск. Позже стало известно, что офицеров, вероломно преданных русским царем, постигла ужасная участь: одиннадцать генералов казнили, а триста пятьдесят шесть офицеров бросили в тюрьмы.

Даже столь краткое пребывание в Венгрии на многое расширило ему глаза. Он увидел: повсюду народы героически борются за свободу и независимость. С удивлением и радостью узнал также о том, что слава о беспримерном мужестве его земляков гремит уже далеко от кавказских гор — в Европе и Азии.

Только находясь за пределами России, Берс получил истинное представление о русском царизме. Вопреки воле и желанию своего народа монарх-самодержец устраивал одно за другим кровавые побоища на полях Европы. Берс увидел истинное сочувствие многих офицеров и солдат к кавказским горцам и всем другим народам, борющимся за свободу.

Насегда в памяти его остался день окончательного поражения. Все же, что было до него, ему тогда представилось вторичным сном. В тот день арестовали русских офицеров за тайную помощь полякам — участникам венгерского восстания — и возвращении на родину. С одним из них, Алексеем Гусевым, благородным и добродушным офицером, Берс был знаком. И Берс оказался в числе тех, кому был поручен арест Гусева.

Гусев даже не подозревал о грозящей ему опасности, коротая время за карточным столом.

Полковник, шедший впереди, остановился за его спиной и отчеканил:

— По приказу главнокомандующего вы арестованы, господа капитан. Прошу сдать оружие.

— Позвольте узнать, господин полковник, за какие грехи? — спросил Гусев, бросив карты на стол.

— Вы обвиняетесь в измене его императорскому величеству и родине.

Гусев резко поднялся из-за стола и, глядя в упор на полковника, процедил сквозь зубы:

— Да, я против бесчеловечной политики его величества. Но это вовсе не означает, что я изменник. В любую минуту я готов пожертвовать собой ради отчизны.

— Господин капитан, я пришел сюда не для того, чтобы вести с вами политические дискуссии, а чтобы выполнить приказ главнокомандующего.

Гусев вытащил клинок из ножен, сломал его о колено и протянул полковнику.

— Капитан Барзоев, — скомандовал полковник, — отвезите арестованного в крепость и примите меры, чтобы с него не спускали глаз.

Гусев с высоко поднятой головой направился к выходу и сопровождении Берса и двух солдат. Когда они подошли к комнате, которая временно должна была стать его тюремной камерой, Гусев на секунду задержался.

— Господин капитан, вы позволите мне несколько слов так сказать, тет-а-тет? — спросил он по-французски.

— Секрет?

— В некотором смысле, да.

Берс огляделся. По длинному коридору непрерывно шли штабные офицеры.

— Люди кругом...

— В таком случае прошу ко мне...

— Как это расценят? — смущенно забормотал Берс. — Видно по уставу... наши взаимоотношения... о последствиях нельзя забывать...

— Ну, коли у вас уже душа в пятках... — Гусев толкнул дверь и шагнул в сырое полутемное помещение. Берс отшатнулся, как от пощечины. Кровь ударила в голову. Он схватил Гусева за руку.

— Господин капитан, надеюсь, вы помните, чья кровь течет в моих жилах? — Берс задыхался от бешенства.

— Успокойся, Берс. Я просто хотел проверить, действительно ли ты чеченец. Потому что часто сомневался в этом.

Берс толкнул Гусева в камеру и сам ворвался вслед за ним.

— Хочешь испытать мое мужество? Хочешь бежать, Ахматша? — заговорил он горячо. — Видишь, я с тобой! Моя жизнь — мое оружие — в твоём распоряжении.

Гусев крепко обнял Берса, расцеловал в обе щеки.

— Твое оружие, твоя жизнь... Нет, Берс, и то и другое тебе в любое время пригодятся самому. Смелый ты парень, Берс. Не забудь. И кажется мне порой, что из тебя выбили все человеческое, горское.

— Господин капитан, опять вы меня оскорбляете?

— Как хочешь, так и понимай. Говоришь — горец? А где тебе доказательства? Тот, кто действительно любит свой народ, кто перенес ему, никогда не оставит его в беде! А ты? Где ты, Берс?

Берс растерялся. Он почувствовал, как краска стыда залила щеки, и радовался тому, что в потемках Гусев не видит этого.

— Ты не обижайся, мон шер, — Гусев дружески хлопнул его по плечу. — Друзья на то и есть друзья, чтобы говорить правду в глаза.

Берс молчал. Он от всей души хотел помочь товарищу, но слова не находил.

А Гусев между тем продолжал:

— Ты здесь был, ты здесь все видел. Как бок о бок с венгерцами сражались поляки, немцы, австрийцы, французы, итальянцы. И все знали, за что умирают. Великие люди! Я восхищаюсь ими. А сто сорок тысяч русских солдат выполнили героическую роль палача до конца. Мы победили! Какой героический подвиг! Нет, это не победа, Берс! Это еще одна позорная страница в истории России.

Из коридора донеслись голоса, и Гусев умолк. Некоторое время оба стояла прислушиваясь. Затем, когда за дверью вновь стало тихо, Гусев продолжил:

— Хотелось бы многое сказать тебе, Берс. Кто знает, возможно, что это наша с тобой последняя встреча.

— Не говори так, — прошептал Берс. — Мы с тобой еще встретимся.

— Ладно, это я так, к слову. Тороплюсь, вот сразу и не говорю с мыслями. Пойми, Берс, когда ты стрелял в венгров, то ты стрелял и в своих братьев. Нет-нет, не спорь со мной. Кто такой фельдмаршал Паскевич? Преемник Ермолова. А Линдерс? Генерал, руки которого обгажены кровью горцев. Твоих же чеченцев. Но, слава Богу, и чеченцы не остались в долгу. Они его изрядно потрепали. Так что ты, Берс, в своем праве. И ты пока служишь им преданно...

Берс стоял молча, словно лишившись дара речи. Да и что ему было сказать?

— Берс, ты слышал, в чем меня обвинил полковник? — словно издали доносился до него голос Гусева. — В чем? Смешно, правда? Я же чувствую, какое наказание меня ожидает, но не сделаю и попытки, чтобы убежать, уж попрошу прощения и вовсе не стану. Ты же останешься на свободе. И вот тебе мой наказ, — он сделал паузу, голос его вдруг изменился, в нем послышались ничем не прикрытая ирония. — Присягни, но служи его величеству! Беспрекословно выполняй приказы Паскевича и ему подобных! Помоги им поскорее поработать на Кавказ и твою родную Чечню. Может, и генеральский чин отхватишь, а то и графский титул. Ладно, хватит с тебя. Иди.

Берс с горечью обнял товарища, посмотрел ему в глаза, повернулся и выскочил в коридор. Бросил мимоходом карманульным, чтобы те повесили замок на двери.

Берс и Гусев больше не виделись. Спустя некоторое время стало известно, что по приговору военно-полевого суда Адама Гусева и еще шестерых товарищей расстреляли на дворе Минской тюрьмы...

С этого дня у Берса было лишь одно стремление — вернуться в родные горы. Он строчил рапорты, писал прошения, требовал перевода на Кавказ. Теперь он стал внимательно слушать рассказы офицеров-кавказцев, как они сами себя именovali. Немногие говорили правду о горцах, чаще вписывались своими подвигами, всячески понося «отъявленных разбойников». Тем не менее все услышанное впитывалось в него. Одновременно пристрастился он к чтению. Читал все, что писалось о Кавказе, восторгался Лермонтовым и Бестужевым, Марлинским. Как ему хотелось обнять и поблагодарить от всей души этих истинных сыновей русского народа, подболевших свой голос в защиту его собратьев. К несчастью, и тот и другой пали в тех же самых горах Кавказа...

* * *

Вернулся Берс на Кавказ лишь в 1858 году. В самое темное для горцев время, когда они, доведенные до отчаяния, сдавались целыми аулами. Было ясно, что они уже не надеются, что хищный двуглавый орел железными когтями вцепится в свою добычу, так что уже не было сил вырваться из этой страшной смертельной хватки. Берс растерялся. Перебегать горцам теперь уже не имело смысла. Он ничем не сможет им

...? Изменить или поправить что-либо было уже невозможно. Правда, война еще продолжалась, и до последнего штурма было еще далеко. Уйдет он к ним, что от этого выиграют горцы? Ничего! Зато он теряет все: и карьеру, и душу. «Что делать? Как поступить?» — спрашивал себя Берс, вступая в первый поход в составе гусарского полка.

Сражение у аула Гельдиген вконец разрешило все его сомнения: он своими глазами, воочию, впервые увидел в бою своих братьев. Плечом к плечу сражались седые старики и молодые юнцы. Середины уже не было...

«Разве это не мои отцы и братья?» — спрашивал себя Берс, сидя вниз с холма, где стоял в резерве его полк, еще не вступивший в бой.

Но пот и ему горнист проиграл сигнал «в атаку». Берс выхватил саблю и, крикнув: «Сотня, за мной!», пустил коня вниз по склону. Поддавшись общему неистовому порыву, он размахивал саблей и, как безумный, что-то кричал, как будто этим криком хотел заглушить тупую боль в своей груди. И вдруг он отчетливо услышал знакомый внутренний голос: «Что ты делаешь, Берс? Пока не поздно, остановись!» На него надвинулось лицо Алеши Гусева. Голубые глаза его печально смотрели на Берса.

Черной стеной над чеченскими завалами вставал пороховой дым. Бой кипел. Залпы орудий, звон стали, крики и стоны раненых, ржание коней — все смешалось в общем грохоте. Волны атакующих накатывались на позиции чеченцев одна за другой, как волны, и как волны, наткнувшись на могучий утес, откатывались обратно, дробясь на мелкие группы.

Защитники чеченской обороны еще не были взяты, но за ними во всем, то здесь уже вспыхивали сабельные рубки. Чувствовалось, защитники вот-вот дрогнут. Дело должен был завершить резервный полк Берса. Первые ряды его уже ворвались в стан неприятеля. Берс тоже понесся туда. Он заметил, как на скаку полковник нанес лихой удар слева направо вниз, и седая голова старого чеченца покатилась под копыта бешено несущихся коней...

В ту же секунду Берс бросил своего коня в сторону и крикнул срывающимся голосом:

— Покчи! Братья! Я с вами...

БРАТЬЯ

Горят аулы. Нет у них защиты.
 Врагом сыны отчества разбиты
 И зарево, как вечный метеор,
 Играя в облаках, пугает взор,
 Как хищный зверь, в смиренную обитель
 Врывается штыками победитель,
 Он убивает старцев и детей,
 Невинных дев и юных матерей,
 Ласкает он кровавою рукою...

М.Ю.Лермонтов

Арзу и Маккал остановились на сопке, возвышавшейся над Гати-Юртом. Внизу, у Черной речки, где раскинулось на поле, Арзу заметил запряженную пару быков и Али, хлопотавшего над плугом.

— Разужнаю, что у него там, — сказал Арзу, тронув коня рысью. — А ты отправляйся домой.

Маккал поехал шагом. День выдался погожий, по-весеннему грело солнце. То здесь, то там по холмам и низинам двигались фигурки людей. Издали они казались крохотными, едва заметными.

«Хлопочет, хлопочет человек, надеется на что-то, а в конце-концов все равно приходит к неизбежному, так и не разбравшись толком, ради чего и кому понадобилось его присутствие в этом мире. Неужели без него нельзя было обойтись? Прожить десятки лет подобно кроту в норке, чтобы в назначенный срок уйти, так и не узнав, стоило ли жить такой жизнью вообще. Что они видят? — размышлял Маккал. — От зари до зари труд. Домой придут усталые, еле доплывшие до постели, а с рассветом все повторяется сначала. И так до тех пор, пока не явится смерть и не избавит их от бесконечного и тяжкого однообразия».

Оставшись один с девственной природой, Маккал почувствовал, что его охватывает глубокая печаль. Не потому, что скоро придется разлучаться с родиной. Ему не раз пришлось странствовать вдали от нее. Раз вместе с Юсуп-Хаджи месяц он был в Стамбуле, где от имени Шамиля вел перего-

... в турецком султаном. Около года провел в русском плену. Так что ему не впервые расставаться с родиной. Без всякой на то причин он часто задумывался над своим одиночеством. Особенно, когда поднимался на этот хребет, откуда открывалась широкая Чеченская равнина на западе. Вопреки тому, какие мысли уносились в далекий родной аул и трагическое детство.

Маккал хорошо помнил своего отца и трех братьев. Погибли они в один день; ему тогда было шесть лет. Мать умерла раньше, а сестер у него вообще не было.

Родился Маккал в Герменчуке, одном из самых старинных и богатых аулов Чечни. Его отец Абдурахман был одним из немногих высокообразованных и уважаемых мулл в Чечне. Он преподавал в медресе, в котором дети бедняков обучались бесплатно, считался лучшим в Чечне. После смерти жены несмотря на сопротивление близких Абдурахман не женился вторично: не хотел, чтобы у детей была мачеха.

Младший Маккал был свидетелем трагической гибели отца и братьев. В тот летний день вместе с соседскими мальчишками он купался в речке недалеко от родного дома. Внезапно на западной окраине аула раздались ружейные выстрелы, вслед за ними тревожные крики и призывы. Дети хорошо знали, что последует за ними. Вооруженные мужчины, выбежавшие из саклей, быстро выводили детей и женщин из аула. Женщины уносили детей на спинах, на руках, вели за руки. Один из старших муталимов пробежал мимо Маккала, ведя за руку детей младших классов. Не успели жители покинуть аул, как они захлопотали пушки. Раскаленные докрасна пушечные ядра падали на аул. Высохшие под знойным летним солнцем дома, сараи, стога сена загорелись. В дыму и пламени, охваченные от страха, кричали дети, истошно вопили женщины. Женщины несчастных тонули в грохоте пушек и треске ружей. Животные, по аулу металась собаки, куры, скотина.

Попугавшие врасплох аульчане не успели организовать отпора. Шестьдесят один человек засели в помещении медресы. Среди них находился и старый Абдурахман с тремя старшими сыновьями.

Внезапному нападению и отсутствию серьезного сопротивления в аул ворвался Московский пехотный полк. Узнав, что в медресе засели защитники аула, майор Филиппов дал команду сломать дверь. Однако защитники меткими

выстрелами из окон не подпускали солдат близко к зданию. После первых же выстрелов майор был убит.

Шестьдесят один защитник поклялись не сдаваться живым. Когда офицер, принявший команду, предложил сдаться, они ответили боевой песней:

О, Аллах, нас к себе приближай,
Благослови наш священный газават,
В судный день нас возвышай,
Открой нам райские врата!

Наступает мгла черная без ночи,
И в ясный день грозовые тучи,
Идет война на невинных людей.
О, Аллах, вражескую силу одолей!

Павшего на газавате не омоют,
Саваном его тело не оденут,
У могилы мулла заам не прочтет,
И ангелы допросу не подвергнут...*

Маленький Маккал и его товарищи, затаившись в канаве за соседним домом, с ужасом наблюдали все происходившее. Трое солдат с охапками сена подобрались к задней стороне медресе. Но сено догорело, не причинив вреда глинобитным стенам. Высокий толстый офицер бегал, сердито размахивая шашкой и о чем-то крича на своем языке. Вскоре поднято орудие на высоких колесах, установили напротив медресы. Пушку зарядили, а солдат в высокой шапке с козырьком поднес к стволу дымящийся фитиль. Грохнуло так, что Маккал свалился на дно канавы. Когда же он пришел в себя, то увидел огромную дыру в передней стене медресе, зиявшую между окном и дверью. Теперь отстреливались осажденные и саваном. Пушка грохотала раз за разом, но ружейные выстрелы и песня не умолкали.

Тогда в дом полетели гранаты. Они рвались, сотрясая стены. Горцы отстреливались с отчаянием обреченных. Материальные посланные пули косили солдат. Разъяренный офицер...

* По мусульманскому верованию, в первую же ночь после смерти человека в могилу приходят ангелы Мункар и Наир, которые допрашивают его о вере. Поэтому мулла после погребения умершего у изголовья заам читает заам, в котором содержатся ответы на все вопросы допроса. Погибшие в священной войне не подлежат омовению, их не допрашивают ангелы.

яростней кричал и размахивал шашкой. Подъехал генерал позже, спустя много лет, Маккал узнал, что это был генерал майор Волхонский. Офицер отрапортовал ему и получил от генерала какие-то приказания. Солдаты рассыпались, а вскоре появились с охапками дров и соломы. Солому связывали жгутами, поджигали и бросали в дымоход. Туда же полетели и сухие поленья. Дом загорелся. Из окон, двери и пробитых в стенах валил густой дым. Стрельба прекратилась, раздавались лишь отдельные редкие выстрелы. Но песня не умолкала.

О братья, творите молитву,
С кинжалами ринемся в путь,
Ломай их о вражью грудь...
По трупам — бесстрашного путь.
Слава нам! Смерть врагу!
Аллах, Аллах, Аллах!..

Выкрикивая слова песни, осажденные выскакивали из горящего дома и с кинжалами бросались на солдат, но попадались на острые штыки и падали замертво. Отца и братья Маккала среди убитых не было, они сгорели заживо.

Черби, друг отца из Ичкерии, приютил сиротевшего Маккала (мать свою он не помнил: она умерла, когда ему шел второй год). Черби, заменивший мальчику отца, отдал его учиться к лучшему мулле Ичкерии, и через несколько лет Маккал превзошел своего учителя, в совершенстве овладев арабским и турецким языками. Но муллой Маккал так и не стал. Он жаждал мести. И потому вступил в войско мичинского наиба Эски.

Здесь Маккал и встретился с Арзу. Ему понравился этот всегда спокойный и бесстрашный сотник. И Арзу, в свою очередь, полюбился молодой богослов. Так завязалась их дружба, а вскоре Маккал стал правой рукой командира. Малограмотный Арзу не переставал восхищаться его знаниями. Маккал был незаменим: он выполнял обязанности и врача, и писаря, и муллы. После того как Арзу вызволил Маккала из рук своего плена, они стали побратимами.

Произошло это так. Лет тринадцать назад в Большой Чечне у аула Автуры собрались все наибы и улемы судить племянника Хаджи-Мурата. Возвращаясь оттуда, Маккал наткнулся

русских. В перестрелке его тяжело ранили и взяли в плен. Генерал Вревский, узнав, что пленник человек образованный, бывавший на советах у Шамиля, отправил его в Грозную. После выздоровления Маккал увезли в поместье своего на Псковщину. Вревский сделал это отнюдь не из уважения и не из любви к Маккалу. Генералом руководили страсти. Да, если в руки ему попадался более или менее образованный и образованный горец, то генерал обходился с ним довольно мягко из следующих соображений: во-первых, дешёвая рабочая сила; во-вторых, в случае нужды можно совершить выгодный обмен. И такой случай вскоре представился. Арзу очень тяжело переживал потерю друга и искал его по всей России. Спустя несколько месяцев он узнал, что Маккал находится в России. Арзу не стал долго раздумывать. Он и помощники Али и Чору, днём и ночью он стал охотиться за генералом и его друзьями. Наконец им удалось захватить полковника, близкого приятеля генерала. Арзу привез Гати-Юрт, а генералу направил письмо:

Генерал Вревский! 14 ноября мой побратим возвращался из Абухуры. В пути он столкнулся с твоим отрядом и раненый попал в плен. Зовут его Маккал, левая рука без пальцев. Ранен в плечо насквозь. Я похитил твоего друга, чтобы выкупить его. Если не вернешь его мне ровно через два месяца, то душа моего друга улетит на тот свет. Дашь мне ответ через подателя письма. Обмен произведем на том месте, где пленили побратимов.

Арзу, сын Абубакара из аула Гати-Юрт».

Пленённый полковник приписал:

*Полковник Инполит Александрович! Человек, который захвачен мною, — интисотенный командир, прославленный в Ичкерии. Он из племени дикарей, но характера рыцарского. Здо-
рово не сказать превосходное, но чувствую себя хорошо, а жизнь ко мне неплохо. А жизнь моя в твоих руках. Извини.*

До могилы твой. Саша».

Через два месяца обмен состоялся.

Короткое пребывание в России и поездка через Грузию и Турцию приоткрыли перед Маккалом неизвестный до того мир и расширили его кругозор. В России, в Грузии и в Турции он внимательно приглядывался ко всему, но всюду видел одно и то же: бесправие и нищету одних, роскошь и своеволие других. Будучи в России Маккал убедился в том, что не русский мужик, жестоко страдающий под игом крепостника-помещика, виновен в гибели его отца и братьев. Много передумав Маккал за это время, многое ему стало понятно.

Все предыдущие годы Маккал был верным воином-газави-та. Теперь же он не только отрекся от идеи газавата, но и решительно осуждал ее. Он призывал теперь и других руководителей использовать народные выступления против шариата в любой части России для установления тесных связей с их проводителями для совместных действий, для налаживания добрых взаимоотношений с иноверцами. Поворот в его взгляды вызвал решительное сопротивление со стороны многих местных предводителей, боровшихся с царскими войсками. Но особенно много врагов появилось у Маккала среди духовенства. Они прозвали его «мунапиком». Долгое время у Маккала не было сторонников, кроме Арзу. Лишь значительно позднее появился, наконец, Берс.

Когда-то в молодости Маккал преклонялся перед Шамилем, чье имя было для него символом борьбы за веру и свободу. Но в последние десять лет войны, особенно после выступлений главных богословов Дагестана и Чечни — Матиев Кадия, Сулейман-Муллы и Джемал-Эддина, беспредельная вера Маккала в святость Шамиля заметно колебалась.

Эти богословы осуждали имама за то, что он сбился с пути шариата, что шариат он приспособил для своих личных и государственных целей, что его наибы и мюриды грабят народ, а беспорядки в Дагестане и Чечне, война и вражда — все это результат неправильных действия имама...

Потом письмо Сулейман-Муллы Шамилю, вроде, было напечатано в русской газете*.

Мысли Маккала опять вернулись к Шамилю.

«Что бы ни говорили о нем эти ученые-алимы, — думал Маккал, — Шамиль был великим человеком. Мудрым, мужественным, храбрым, неповторимым. Только он один...

* Сулейман-Эфенди. "Описание поступков Шамиля, престо- шариату". Сборник газеты "Кавказ", т. I, 1847, Тифлис.

...организовать несколько десятков разноязычных, разнохарактерных народов в единый кулак, организовать их, в течение двадцати пяти лет успешно руководить их борьбой против самодержавного русского царя. Мог ли Шамиль не допустить Шамбон, будучи руководителем этих буйных, разнохарактерных, разноязычных народов в двадцатипятилетней беспрерывной войне? Ведь Шамиль, как бы умным не был, оставался лишь человеком, а не пророком. Разве бывает человек пророком?..

И потому такой героической и трагической была вся жизнь Шамиля.

Наша жизнь великих людей не бывает иной: их убивают или изгоняют из отечества, они умирают на чужбине, влача жалкую, голодную жизнь.

Но при этом говорится, что нет пророка в своем отечестве.

Вот чеченец шейх Мансур был первым имамом горских народов, живущих между двумя морями. Но чеченцы в первую же войну заставили его оставить родную Чечню и уйти к соседним горцам. Там в течение шести лет он возглавлял борьбу горских народов против русского царя, благодаря чему он стал известен на всем Кавказе и далеко за его пределами. Говорят, когда русские окружили турецкую крепость Анапу, в которой находилось десяти тысячное войско, и турецкий паша хотел сдать крепость русскому генералу, шейх Мансур заставил пашу отказаться от своего намерения и продолжать сопротивление еще несколько дней. Но паша в конце концов капитулировал. Когда русские солдаты ворвались в крепость, шейх Мансур с горящим факелом бросился в пороховой погреб, чтобы взорвать крепость. Однако солдаты настигли его, свалили, связали и привезли на север России, где он и пропал без вести...*

После шейха Мансура борьбу чеченцев против русского царя возглавлял несколько лет знаменитый Бейбулат Тайматов. Чеченцы никак не признавали его своим имамом и избирали имамом другого. В старческом возрасте больного Бейбулата убил его кровник — один из кумыкских князей**.

* Шейх Мансур был взят в плен генералом Гудовичем 21 июня 1791 года и заключен в Шлиссельбургскую крепость, где 13 апреля 1794 года умер от голодной смерти.

** Согласно одной из версий убийство Бейбулата, о котором в своем "Путешествии в Арзрум" так тепло и восхищенно писал А. С. Пушкин, было приписано русскими властями на Кавказе.

Героической смертью в Гимрах пал великий сын аварского народа Кази-Мулла.

Но величайшим среди великих сынов Кавказских гор был аварец Шамиль. Даже он, после первых пяти лет своего имамства в Дагестане, вынужденный уйти из родных гор, нашел убежище в Чечне. Будучи имамом Чечни и Дагестана в течение двадцати пяти лет он и его семья разделили с рядовыми горцами все горести и беды. На войне погибли его жена, сын, сестра. Старшего сына в восьмилетнем возрасте взяли в плен, увезли в Россию и возвратили Шамилю молодым офицером, который, однако, вскоре умер от чахотки.

После пленения вместе со всей семьей Шамиля уехали в Россию, томиться вдали от родных гор. Говорят, там уже умерли несколько членов его семьи. И вряд ли русский царь разрешит ему вернуться в родной Дагестан или Чечню...

Вывавшись из блокады Гуниба, Бойсангур вместе со своими соратниками Атаби и Умму поднял восстание против царских властей. После подавления восстания брошенный всеми со своей семьей Бойсангур скрылся в пещере под названием Беноя. Однако его нашли, взяли в плен и повесили в Хасан-Юрте. Двух его сыновей отправили в Сибирь на двадцать лет, а Атаби и Умму — в ссылку...*

Сослали на север России святого шейха Кунту-Хаджи, который проповедовал людям мир, братство, выступая против войн, насилия, неуклонно следовал по пути, завещанному Аллахом и его пророком Мухаммадом.

Теперь Маккал и его товарищи готовят новое восстание. Но чтобы возглавить его, у них нет таких умных, мужественных и просвещенных людей, какими были шейх Мансур, Ибрагим-булат, Кази-Мулла, Шамиль...

Нет тех благородных и смелых воинов, которые повстанцы выступили против могущественной России в течение последних десяти лет. От них остались только заросшие травой холмы.

* Восстание в Нагорной Чечне под руководством Бойсангура Беноевского началось в июне 1860 года. 17 февраля 1861 года в пещере вблизи аула Беноя он был взят в плен. Однако восстание продолжалось до ноября 1861 года. Атаби, Умма добровольно сдались в плен генералу Святополк-Мирскому соответственно в ноябре и декабре 1861 года и были сосланы на север России.

Или же закончится их затея? Смогут ли они завоевать свои земли или это опять кончится напрасными жертвами?..

* * *

Назад, назад, Маккал как бы заново переосмыслил привлекший им путь. Лет пятнадцать назад он стал ярким сторонником газавата, видя, какой непоправимый ущерб он наносит делу спободы. Газават призывал горцев к борьбе против иноверцев, а значит, вбивал клин между мусульманами и немусульманскими народами Кавказа. Мешал им объединиться, распылял их силы.

Киргизский русский плен на многое раскрыл ему глаза. Горцы в России считали непримиримыми врагами всего русского. Разожгли в народе ненависть к горцам. Но кто спрашивал русского мужика или горца, чего они-то хотят? Да никто и не спрашивал!

Конечно, размышлял Маккал, горцы не желали покориться русскому царю. Ни один уважающий себя человек, а следовательно, и народ не наденет добровольно на свою шею ярмо рабства. Противились этому и горцы. Во времена Мансур и Бейбулата горцы еще верили в свои силы, верили в победу. Но уже при Шамиле начали сомневаться, узнав, какой могущественный противник им противостоит. И ничего не было бы в том постыдного, если бы вовремя отступили. Помирившись бы да и помирились с русскими. Ведь сколько жили они дружно и мирно. Кто знает, со временем может и объединились бы. Да и теперь сделать это еще не поздно. В душе Маккал верил, что когда-нибудь все угнетенные будут собраны на одной стороне. Верили этому и Арзу, и Берс. Они же лучше кого-либо знают, сколько иноверцев сражалось на стороне горцев. Вот и нужно убедить всех в том, что свобода — общее дело всех угнетенных. Убедить не только горцев, но и русских.

Много лет назад Маккал предложил эту идею Шамилю и его дашнаху, сплошь состоявшему из духовных лиц. Что тогда Шамиль Кавказ поднялся гвалт! Называли его и безбожником, и предателем...

Что же! Теперь нет Шамиля, нет его сподвижников. Пришли другие времена и другие люди. Вот они и поднимут новую знамя, не газавата, а знамя общей борьбы за свободу...

Маккал не заметил, как въехал в село. Пустым повсюду ему Гати-Юрт. Улицы как будто вымерли. Только кое-где прижавшись к заборам, сидели на бревнах старики и тихо переговаривались. Ни смеха не было слышно, ни острой шутки. Даже собаки не лаяли, а высунув языки, печально поглядывали на прохожих.

* * *

Аржди переводится с чеченского как Черная река. И действительно же это крошечная речушка на дне глубокого оврага, заросшего густым лесом и кустарником. Она почти незаметна только в тихую погоду и услышишь ее неторопливый говор. Летом вода в ней ледяная, а зимой теплая, так как много родников питает ее. Она и образовалась-то из них. Основной источник находится на горе Шал-Дук, он выбивается из щели многовекового бука. К одному из таких родников и направился Арзу, чтобы напоить коня и совершить полуденный намаз. Он спешился, бросил повод на шею коня и по крутой узкой тропинке сбежал вниз. Вороной конь с белой звездочкой на лбу и белыми чулками на ногах, не отставая от него ни на шаг, покалывал мордой в спину, звенел серебряными стремянами.

У родника Арзу заметил женщину и остановился в раздумье. Приподняв черное платье до колен, женщина мыла ручья ноги. Взгляд его на миг задержался на гибкой спине, на оголенных смуглых икрах. Вороной, словно угадав намерения хозяина, фыркнул. Женщина испуганно вскрикнула и обернулась. Арзу узнал Эсет. Глаза его расширились, а брови, как крылья черной ласточки, взлетели вверх. На красивом лице — и испуг, и удивление, и... радость. Арзу растерялся. Эсет опустила платье и спрятала голые руки за спину. Арзу подумал, что она несколько не изменилась, по-прежнему хороша, только глаза немного потемнели, вернее утратили прежний блеск.

— Эсет? — он не смог скрыть своего замешательства. Извини, я...не думал... пришел коня напоить... Не буду мешать... пойду...

Он уже взялся было за поводья, но, услышав голос женщины, замер.

— Арзу, не уходи! — прошептала она. Ему же показавшись, что Эсет крикнула.

Он обернулся.

Эсет потупилась:

Глубоко... темного... рядом со мной.

Что скажут люди? — спросил он.

Я тебя много дней ждала... хотела... поговорить...

Омг, разумней. Ты же замужем...

Он его дрогнул. Зарубцевавшаяся было рана открылась

И вот уже пять лет прошло. Он старался не думать об

выкинуть ее из сердца. За все эти годы он ни разу не

вернулся к ней, ни разу не услышал ее голоса. Он стал вроде

забыть ее, и на время утихла сердечная боль, прошла и

Иди сюда, не вернешь, Эсет. Ты чужая жена...

И ты ведь не знаешь, почему? — с отчаяньем в голосе

вскрикнула она, и слезы выступили на глазах.

Итак... — жестко ответил Арзу. — Только и я бы не

мог бы помогать твоей семье, чем помогает Гати...

Ты не мог! Не мог! Ты был далеко... С Бойсангуром... А

мне не было другого выхода. Но пойми, какая мука жить с

чужим человеком! Меня утешало, что ты все-таки был

рядом, иногда я могла тебя видеть... Теперь и эту ра-

зу ты меня отрицаешь...

Глупа, Эсет... Но и Гати не виноват, что он стал кале-

Кажется, потому что не люблю. Ты... был у меня и ты остал-

Только одного тебя...

Глупа... Но не оскорбляй Гати. Он хороший человек.

Эсет встрепенулась. Она гордо вскинула голову и в упор

взглянула на Арзу.

Как ты мог подумать, что я изменю мужу! Да сгореть

могу тебе... Я верю тебе. Поверь и мне... Прощай, Арзу! Воз-

вращайся на том свете Аллах и соединит нас.

В этот момент Эсет поправила съехавший платок, взяла

кувшин и, ступая босыми ногами по камням, направилась в

Я не хотел тебя обидеть! — крикнул ей вдогонку Арзу. —

Я верю тебе... Мы будем вместе... Я ведь тоже еду... туда...

Эсет встрепенулась, уронила кувшин и опустилась на коле-

* * *

Весна — праздник для всего живого. Весна несет с
собой тепло и счастье. Только сердце Али оставалось равно-

душным к весне. Чему радоваться? Жизни, похожей на весенний пасмурный день? Хотя к кому-то, наверное, пришел весною и счастье, и радость, и любовь...

Над головой его широко раскинулись ветви бука. Могучими корнями могучего дерева бил родник. Кто-то задвинул обнес его деревянной оградой, а рядом повесил на крючок глиняную кружку. Видавшее виды дерево особенно дорого Али. Тридцать четыре года назад он родился под этим буком.

...Однажды весенним днем пушечные залпы нарушили тихую и мирную жизнь аула. Это генерал Розен сеял смерть в верховьях Аксая. Женщины и дети укрылись в лесу. Мужчины защищали аул. В их рядах находились его отец и старший брат, четырнадцатилетний Леми. Лишь спустя несколько часов Али узнал, что тогда оставшиеся в живых защитники аула, захватив с собою убитых и раненых, отступили в лес, оставив перед матерью бездыханное тело отца и тяжело раненного Леми. Мать закричала, забилась... В этот страшный день и родился преждевременно Али... Леми заменил ему отца. Ни прожил он недолго.

С противоположного склона донеслась протяжная песня

...А я в плену тюремного засова,
Закован я в булатные оковы.
За то, что полюбил свободу я,
Врагами воля связана моя.
Оповести ж, порхающая птица,
Что царская меня сковала власть...
Не допев песню, голос оборвался.

Да, ему сейчас всего только тридцать четыре года. А кажется, что три жизни прожил. Здесь впервые увидел он небо, здесь началась его жизнь. И всегда чувствовал он себя под открытым небом. И всегда шагал по жизни, как по краю пропасти. А если остался жив, то благодаря бесстрашию и хладнокровию. Больше половины жизни провел в лесах и сражениях... Война преждевременно состарила его поколение. А детства-то у него почти и не было. Только иногда смутно, как в тумане, проступает в памяти утопающий в зелени аул, над ним бездонное голубое небо, где, распластав широкие крылья, парит орел, высокий обрывистый берег бурного Аксая, где гнездились стаи птиц и где он со своими сверстниками пропадал целые дни. Было ли все это когда-то? Не верится. Да

годы войны стерли в памяти слишком многое, оставив в душе лишь тяжелый осадок горечи и безысходности...

Конечно, хорошо без войны. Какой бы тяжелой ни была война, ни для одного человека для радости. А чему радоваться в войну, когда не слышно ни стука топора, ни крика пахарей, ни веселых песен молодежи. Пришла весна, а земля лежит непаханной. Многие даже не выходят в поле, не собираются в огородах. Одни готовятся ехать в Турцию. Продали пожитки, получили паспорта и ждут известий от инарла Кундухова, который, говорят, тоже едет вместе с ними. А куда деваться тому, кому и в войну не было ничего? Таких в ауле немало. И до Турции им не добраться. Что же ждет их здесь? Сибирь? Новая война?

С противоположного склона вновь донеслась протяжная песня. И вновь оборвалась, и вновь наступила тишина, прерываемая лишь пением птиц.

А что делать ему? В последние дни он все чаще задумывался об этом. «Уехать вместе со всеми? Попробуй, скажи о том старшему брату, Арзу и слушать не желает. Разве в Сибирь лучше будет? — который уже раз спрашивал себя Али. — Отца живыми не выпустят. Неужели его Умар и Усман оставят в плену? О Аллах, благодарю тебя, что дал ты мне такую жизнь! А если бы дочерей? Что бы с ними случилось после этой смерти?»

Али!

Он услышал голос брата.

На-а, Али!

На-а-вай! — отозвался Али.

Где ты?

Лесу, под буком.

Подожди, я спущусь.

Али заметил на тропинке спускавшегося к нему брата, поднял ему навстречу, взял из его рук ружье и саблю. Легкой походкой Арзу подошел к роднику и, опустив саблю на корточки, сполоснул волосатые жилистые руки, потом набрал воды в пригоршню и отпил несколько глотков. Лишь лишь студеной водой, вытерся полый черески и, отойдя к старому, присел на искривленный корень бука.

Али начал поглядывать на брата. Он заметил, как сильно изменилось его лицо за последние дни, заметил и две новые морщины, которые пересекли высокий лоб. Арзу тоже заметил: «Значит, недобрые вести принес», — подумал Али.

— Почему не пашешь? — спросил Арзу.
— Чорин бык захромал.
— Надо было комья разбить. Айза где?
— Отправили домой.
— Тишина тут, — шумно вздохнув, промолвил Арзу. Птицы поют, а людей не слышно. Ехал, смотрел вокруг — одна душа. Это во время пахоты! Разговоры о Турции и Сибири совсем сбили людей с толку.

— Люди не виноваты. Было время, когда и я осуждал тех, кто уходил за Терек.

— Если суждено умереть, то не лучше ли умереть счастливым человеком? Но люди не слушают меня. Возможно, они и правы, кто знает.

Оба долго сидели молча.

— Что слышно в Беное? — спросил Али, чтобы хоть как-то нарушить гнетущее молчание.

— Ничего там нового нет. Солта-Мурад, Шоип и Берс справлялись о тебе. Привет передавали.

— Спасибо. Я думал, ты вернешься поздно.

— Делать там больше нечего было. — И, немного помолчав, добавил: — Я и Маккал едем в Турцию...

Али сразу и не нашелся, что ответить брату.

— То вы сами же отговаривали народ, а теперь...

— Да, теперь и мы едем. Но, не думай, я не переселенец. Нас посылает Совет. Мы с Маккалом должны заручиться поддержкой турецкого падишаха. Чтобы в случае восстания он поддержал нас. Попутно мы должны узнать, как настроены грузины, абхазы и прочие наши соседи. Берс же едет на север. Мы отправимся с переселенцами, чтобы не возбудить подозрений у властей. Приедем туда, увидим, как люди будут устроиваться, тогда станет ясно, одобрять переселение или каким путем остановить. Никто о нашем задании не должен знать. Если тебя станут спрашивать, почему не уехал вместе со мной, отвечай, что поедешь после, когда устроишь там дела. Сейчас мы с Маккалом отправимся в Солжа-Кала за паспортами. Я же заехал сюда, чтобы тебя предупредить.

— Почему именно вас посылают?

— Так надо.

— Обо мне ты забыл? — спросил Али.

— А при чем тут ты?

— Мне тоже нужен паспорт.

— Тебе-то зачем?

Поеду с тобой! — Али вскочил, словно сей момент соби-

рались.

Куда? — удивленно спросил Арзу.

В Хампиду.

Туда сошел!

Ты что, собираешься ехать без меня?

И же вернусь.

Нет и хорошо. Вернемся вместе.

Али!

Нет, брат, тебя ты не уедешь! Я тебя не отпущу.

Ни слова об этом. Я только что встретился с Чорой, он не давал покоя, теперь ты...

Нет видишь. Друг, и тот боится отпускать тебя одного, а ты вину родному запрещаешь. Нет, Арзу, я поеду с тобой.

У меня нет времени заниматься с тобой пустыми разгово-

рами. Арзу повысил голос. — Кто о семье позаботится, если ты уйдешь? Дети должны вырасти, иначе угаснет наш род.

Арзу, — твердо сказал Али, впервые в упор взглянув на брата. — Я поеду, если даже буду знать, что на второй день моего отъезда они все сгорят. У меня один единствен-
ный брат — это ты!

У тебя дети.

Дети? — воскликнул Али. — Детей Аллах может еще дать. Но мать наша уже не даст мне второго брата... — Он саркастично спросил: — Арзу, скажи правду, ты бы сам отпустил меня одного в чужую страну?

Да, если... в интересах дела.

Али рассмеялся.

А глаза, Арзу, глаза? Они же другое говорят!

Замолчи, сопляк! Из дома — ни шагу! Я запрещаю! По-

сиди!

Война кончилась, Арзу. Ты мне больше не командир.

И старше тебя. Этого достаточно! — гневно выкрикнул

Арзу. — Говоришь, война кончилась?.. Нет, брат, она продолжится. И будет продолжаться до тех пор, пока мы не вернем себе свободу и землю. И до тех пор я твой командир, а ты в войсках строю. Я подчиняюсь Совету вождей, ты — мне!

Правильно, — согласился Али. Озорное выражение не изменило его лица. — Ты мой старший брат и командир. Вот поэтому и не могу отпустить тебя одного. Иначе кому выпол-
нять твои приказы?

— Тебе нужен паспорт...

— Возьми.

— Нет!

— Что ж, обойдусь без него...

— Али, не выводи меня из терпения, — взмолился Арзу.
Клянусь Аллахом, поступлю с тобой, как с непослушным бу-
волом.

Лицо младшего брата вдруг исказилось, шутливое выра-
жение слетело с него. Али бросился к Арзу и, обняв его колени,
торопливо заговорил:

— Арзу! Я не могу тебя покинуть. Ты был мне отцом, ма-
терью, сестрой. Как я буду без тебя? Я не вынесу разлуки.
Ради Всевышнего, создавшего нас, возьми меня с собой. Най-
ми, ты едешь в далекую страну. Там может случиться беда.
Неужели ты не хочешь, чтобы я был при тебе?.. Арзу... Я ни-
разу не ослушался тебя... Не вынуждай меня и не лишай жи-
зни...

— Встань, Али, — тихо сказал Арзу. — Пойми и ты: остав-
лять детей одних нельзя!

— Отец Айзы возьмет их к себе, — с надеждой в голосе
ответил Али.

Сердце Арзу не выдержало. Тронутые братской любовью,
оно сдалось. Арзу показалось, что перед ним и сейчас тот же
ребенок, которого он когда-то качал на коленях, потом при-
вел с собой через горнило войн, пока он не достиг совершенно-
летия. На какое-то мгновение к нему словно вернулось
прошлое.

— Али! — вскрикнул он и, судорожно прижав к себе брата,
стал ласково гладить его голову.

Как в давние-давние времена...

ГЛАВА XV

МУХАДЖИРЫ

Я здесь первый и один по сие время восстал против пагубных военных действий на Кавказе и от этого вынужден покинуть край... Наши действия на Кавказе напоминают все бедствия первоначального завоевания Америки испанцами, но я не вижу здесь ни подвигов геройства, ни успехов завоеваний Пицаро и Кортеса. Дай Бог, чтобы завоевание Кавказа не оставило в русской истории кровавого следа истории испанской.

Н.Н. Раевский

Печаль и траур пришли в дом Мачига. Нет, в семье никто не умер, все были живы и здоровы, просто правоверный мусульманин совершал благочестивый поступок — покидал родину муром, что на том свете непременно зачтется ему и откроет дорогу в царствие небесное. Так поступил и пророк Мухаммад... Вот это-то прощание с родиной и несло на себе печальную печать.

В это днюр пришла добрая треть аула. В большинстве своем женщины, что Мачига особенно раздражало. Он носился по аулу ими то в дом, то из дому, загружая арбу, хотя, собственно, и грузить-то особенно было нечего. Тем не менее он, сажалокло набить, пусть хоть рухлядью, закрыть сверху башмаком. Попробуй, догадайся потому, что там под ним?

Они и стояли, понутив головы, косили глазом на приунывших женщин.

Нельзя видать такими — счастья не будет, — бурчал Мачиг, поглядывая на женщин. Вы что, хоронить меня собираетесь? — Он юркнул в дверь и тут же показался вновь, держа подаль Кюри деревянный поднос и медный котел, почесавший от копоты.

Наконец Мачиг раза три обошел арбу, осмотрел, ощупал и вроде остался доволен.

Ну, — крикнул он, — теперь садитесь!

Мачиг пристроил ребятешек. Средний малыш громко заплакал.

— Ты что, разве мужчины плачут? — прикрикнул на него Мачиг.

Женщины вышли на улицу. Зазу задержалась.

— Ну, все оплакала, женщина? — спросил Мачиг жену.

— Что же с нами будет? — сдавленно вскрикнула Зазу и кинулась на грудь Кабират, самой старшей из женщин, пришедших на проводы.

— Успокойся, Зазу, — утешала Кабират. — Бог не допустит несчастья... Не должен допустить...

Женщины заголосили.

— Хватит, Кюри! Выводи быков на улицу, — сморщившись, словно от боли, крикнул Мачиг.

Арба протяжно заскрипела и медленно тронулась со двора.

В последний раз Мачиг переступил порог родного дома. При виде пустых стен, горло Мачига перехватило. Здесь родились его отец, дед, прадед. Вот из этого окна впервые увидел мир и он, Мачиг. Теперь этот ветхий домик похож на покойника, и окна его напоминают пустые глазницы. Мачиг прошел в сад. На деревьях уже появились цветы, но большинство их стояло подобно скелетам. На их стволах висели черные зарубки, сделанные топорами солдат во время разгрома аула.

С другого конца аула до Мачига донесся протяжный распев мужских голосов.

— Прости, Аллах! — Мачиг смахнул со щеки скупую слезу.

Утром он уже сходил на кладбище и простился с могилами предков.

— Простите меня! — теперь шепотом произнес он.

Тело Мачига отправлялось в Турцию, душа же навски оставалась здесь, в родном доме. Кинжалом Мачиг вырезал кусок земли, завернул его в чистую тряпицу и спрятал за пазухой.

— Вот теперь все, — проговорил Мачиг, взглянув на поджидающего его Васала.

Васал потупился. Он понимал Мачига. Тоска по родине не умерла в Васале. Она жила в нем и вместе с ним должна была сойти в могилу...

— Я провожу тебя до хребта.

— Не стоит. Двери, окна и калитку закроешь потом, поделай нас. Если не трудно будет, присматривай за домом. Кто знает, как все обернется. Если через год не вернусь, распоряжайся

М по своему усмотрению: хочешь — оставь себе, нет —

Мачиг подошел к женщинам и простился с каждой от-

Провожайте нас улыбками, — приговаривал он. — За

Прощайте!

Доброго пути!

Да поможет вам Аллах и пророк его!

Не забывайте нас!

Зазу, счастья тебе!

Счастья всем вам!

На поворота показалась кавалькада всадников. Впереди
каракулевой шапке, низко сдвинутой на лоб, на
конце седла восседал мулла Шахби. Белоснежная чер-
ная дорожка сукна и серебряная сбруя его коня говори-
ли о том, что мулла собрался в дальнюю дорогу. Чуть поодаль
сидели Арзу, Маккал, Чора и Али. За всадниками тяну-
лись повозки. И здесь арба муллы была первой. Грузная Бежу
сидела на ее передке. Рядом с арбой, погоняя волов,
сидел Халиб. За второй волочил искалеченную ногу мрачный
Зазу. Зазу все никак не могла оторваться от многочисленных
братьев и сестер. Все они безудержно рыдали. Наконец она
отпустила повозку и, не переставая рыдать, пошла с ней рядом.

Арба Мачига пристроилась последней и, немилосердно
попыхивая колесами, медленно потащилась по пыльной дороге.
Последний Кюри шел впереди, ведя быков за налыгач. В по-
средке среди испуганных детей сидела Зазу с опухшими от слез
лицами. Рядом, прикрыв лицо черным платком, семенила Зару.
Последней, завершая эту необычную процессию, закинув руки за
спину, шли Мачиг и Васал.

Не послушался ты меня, Мачиг; зря, конечно, едешь,
говорил Васал, — что ж, дело твое.

Не надо, Васал. Все уже решено, — отвечал Мачиг, не
поднимая головы и бессмысленно глядя себе под ноги. — Го-
ворим. А душа горит... Не надо...

Я не верю, что у турок будет легче. Но дай Бог, дай

Ты настоящий друг, Васал. Спасибо тебе.

Если что, то возвращайся сразу.

Вадно, Васал.

— Без родины — не жизнь, Мачиг. Здесь трудно ли, не так ли, но ты в своем родном доме. Не зря говорят: свой ад лучше чужого рая. Правильно говорят.

— Согласен, Васал, согласен. Лучше жить нищим на родине, чем падишахом на чужбине. Слышал. Но как жить? Ты видел русских здесь; о том, что они творили, тебе не надо рассказывать. Но и Андрея, и Яшку, и Корнея ты знаешь. Очень хорошие люди! Если бы и другие русские были на них похожи, я бы не уехал...

— Не говори так, Мачиг. Ну хорошо... Только ведь из русских-то ты кого видел? Солдат да офицеров. Но русский народ не видел. И как живет не знаешь. Ты забыл, что Яшка рассказывал? И про свою судьбу я тебе говорил. Богатые есть везде, они не разбирают, кто ты — чеченец или русский. И в Турции точно так же. Сам убедишься скоро. Не найдешь там правды, нет ее на свете, Мачиг.

— Мне больно слушать тебя, брат.

— Прости Мачиг.

Минуту-другую они шли молча.

— Как приедешь, обязательно напиши, Мачиг.

— Через кого?

— Может, кто надумает обратно?

— Напишу, Васал.

— А за твоим двором я присмотрю. Сердце подсказывает, недолго вы там задержитесь.

— Все в руках Аллаха.

Передние повозки уже взбирались на вершину балки. Откуда провожающие и вернутся обратно. Каждый шаг приближал минуты расставания.

Дорога круто забирала вверх; в том месте, где она перешивала через хребет, Васал заметил пароконную повозку. Около нее стояли трое; один в архалуке и с картузом в руке, двое других в обычной кавказской одежде.

* * *

Это были Корней, Андрей и Яков. Вчера, когда в Черкесскую приезжал Данча, они совершенно случайно узнали от него, что гатиюртовские друзья уезжают сегодня в Турцию. В полночь выехали из станицы и вот еле-еле успели.

Али первым узнал их.

— Арзу, гляди! — радостно закричал он.

Андрей приехал!

И Корней!

А поп и Яков!

Они пустили коней вскачь и вскоре оказались в крепких
руках друзей.

Нашо же! Не ожидали вас!

Тайком хотели уехать?

Как дома, как семьи?

Наташа и Маруся живы-здоровы?

Слава Богу. Но я не верю глазам своим. Так это правда,

Али?

Да, Андрей. Правда.

Али, а где же Айза? — спросил Корней.

Она осталась дома.

Почему же так?

Будут только мужчины.

Но почему не всей семьей? Гляди, ведь все с семьями

идут.

Бросил я ее. А там женюсь на турчанке...

Корней посмотрел на Али, как на сумасшедшего.

Ты шутки-то брось! Скажи прямо, почему мою сестру
бросишь?

Али рассмеялся.

Она сама так решила, — продолжал он поддразнивать

Корней.

Корней принял игру.

Вообще-то она молодчина. Отделаться от такого олуха
это же счастье! Умная женщина. А покинула бы дом —
была бы душой. Но ты все же ответь мне, почему один?

К осени вернусь.

Это другое дело.

Гаттиортовцы окружили их. Все хорошо знали Андрея и
Корней. Ведь только в прошлом году они дважды приезжали в
Гаттиорты подработать. Почти половину работы выполнили
бесплатно. А что было взять с голодных и нищих гаттиортов-
цев? Весь инвентарь, который они теперь с собой увозили,
был сделан руками русских кузнецов: топоры, косы, вилы,
мотыги. Один за другим подходили они проститься.

Дариста, Андри!

Ханкар едем, Хонкар!

Досудани, Яшка!

— Хорош человек, Анри. Большой пасиба.

— Досудани, Андри!

Подошли и Васал и Мачигом.

— Хорошо, что приехали, — сказал Васал.

— Мачиг, почему такой пасмурный? Ты же мужчина?

— Валлахи-биллахи, Анри... — Мачиг махнул рукой и сморщил лоб.

— Василий, и ты с ними? Не ожидал.

Васал покачал головой.

— Нет, Андрей Никитич. Мне отсюда только в Москву. Одну родину потерял, не хочу терять вторую. Просто провожаю вот... Ой, Никитич, горе-то какое...

— Яков, Корней, разворачивайтесь, поедem за ними.

— А вон и Мовла, — кивнул головой Корней. — Ты то куда, дьявол однорукий?

Заткнув пустой рукав за наборный ремень, к ним приблизился Мовла. Увидев друга, он просиял.

— В Хонкар, абрек, в Хонкар! — бросил он, единственной рукой обнимая Корнея.

— Тебе-то чего здесь не сидится?

— Люди едут, и я еду. У нас не случайно говорят: "Горе всех — свадьба для всех".

— Ничего себе свадьба! Кто же еще из вашего аула едет?

— Я один.

— Действительно! Я не забыл совсем, что в вашей деревне других дураков нет.

Мовла беззвучно смеялся, показывая ровный ряд крепких зубов.

— Турецкий падишах не позвал бы дурака в гости.

— А тебя позвал? — не понял шутку Корней. — Сутраку что, нужны головорезы?

— Лично мне написал. Просит: приезжай, Мовла, одену тебя падишахом нищих.

— Эх ты, остряк, дьявол однорукий!

— Вот так, Корней. В Мескетах один дурак — я, и Орда Кале один дурак — ты, жаль, что не поедem вместе.

— Так ты в самом деле едешь?

— Конечно.

— Мало мы с тобой погуляли. Вон, сколько еще богатырских станиц. Добра сколько. С кем теперь делить?

— Все, абрек, — серьезно и решительно проговорил Мовла, — век грабежами не проживешь. Рано или поздно уйдешь или в Сибирь погонят. Позор! Да и скучно становиться

Среди казаков абреки совсем перевелись. На Орза-Кале только шестеро. Остальные же — мыши. Они котов боятся. Он лет мне рассказывал, как они в старину жили. Тогда были казаки! Во всем вместе. Помогали друг другу! На войну вместе шли, Кунаками были. А теперь? Царь им стал родней отца. На своих добрых соседей, на своих братьев войной пошли. Испугались... Нет, лучше уж подальше быть от таких соседей. Они пошли бы тогда за нами казаки, мы бы солдат до самого Петербурга погнали. Теперь нас гонят. Потом возьмутся за нас. Ох, Корней, поздно мы на свет родились. Вот бы лет сто-пятьдесят назад жить нам. Ты был бы атаманом, я — имамом. Ох, как били бы мы инарлов! А теперь поздно. Не тот был казак, не тот стал чеченец. И те и другие выродились. Ва! И Хонкар ухажу. Там я найду себе дело.

Корней слушал внимательно. Слова Мовлы били больно, они тогда раньше Мовла не заводил подобных речей. Но сказал правду. Разве сейчас в станице те же казаки, что были когда-то? Царь, конечно, отцом им не стал, но сумел скрутить их и сделать своими наемниками.

— Шальная твоя голова, что ты в Турции сделаешь с одной рукой?

— О Бойсангуре слышал?

— Ну, слышал...

— Он был и однорукий, и одноглазый, и одноногий. А как били инарлов!

— Бойсангур был наибом Шамиля. У него было собственное войско.

— Во мне злость кипит. Не даст султан землю — я и там воровать стану. Только грабить буду уже турок.

— Детей бы своих пожалел.

— Им своей судьбы не миновать.

Вскоре они догнали ушедших вперед товарищей. Между Андреем и Маккалом тоже шел спор. Андрей корил друга:

— Люди обманулись. Им простительно. Но вас-то глупых никак не назовешь. Вы-то почему решились?

— Турецкий падишах письмо действительно прислал. Впрочем, я сомневаюсь, от него ли оно. Обман ведь. Мы объясняли это людям, уговаривали их, что только не делали. Но нам они не поверили, а поверили бумаге. И искренне рассчитывали, что турецкий султан ждет их и не дождется. Надеются на рай, который им в Турции рай. Часть людей знает, что неслад-

ко будет на чужбине. Но тоже следует туда же. Бегут от царской власти, от неволи. Наши отцы и деды жили свои головы на этой земле. А те, кто остался жив, нуждаются покориться судьбе. Царь и сардар обещали не трогать наши земли, сохранить наши обычаи, не притеснять нашу веру. Но обманули. Сам видишь, как нас унижают и обесценивают. Если нищету еще можно стерпеть, то унижения — нет. Хотя бы уравнили нас в правах с русскими! Так нет же! Для нас придумали особые законы. Вот и бегут люди от нищеты и несправедливости. Им теперь, что русский царь, что турецкий султан — разницы нет. Везде угнетают нашего брата.

— Все так, Маккал, но вы покидаете родину, другую родину не найдешь нигде. Крыша над головой будет... А вот родина... Она у человека только одна.

— Мы вернемся. Поглядим, как там дела, и вернемся.

— Ну, слава Богу, хоть тем утешил, — улыбнулся Андрей. — А то сердце разрывается.

Они добрались до места, откуда дорога уходила на Мичиг и дальше, к Шали. Али отвел Андрея в сторону.

— Андрей, я еду потому, что едет брат, — торопливо говорил он, не отпуская руку Андрея. — Я боюсь за него. У нас и Маккал и Чора. Мы вернемся обязательно. Но пока когда — пока неизвестно. Может, к осени, может, через год. Айза с детьми остается. Родители ее уже старики. Ближайшие родственников у нее нет. Правда, в случае чего люди не оставят в беде. Но, прошу, будет время, будет у тебя возможность заглядывать к ним. Может, сумеешь что по хозяйству помочь.

— Брат мой! — обиделся Андрей. — Требуются ли мне такие вот твои напоминания?

— И за Васалом пригляди. Я за него боюсь. Пусть оставят свои набеги за Терек. Вот, кажется, все.

Андрей достал из кармана платок, свернутый узелком. Протянул другу.

— Возьмите на дорогу... Здесь тридцать рублей. Мы с Васалом для вас собрали. Золото — оно везде золото. Бери!

— Нет, нет, Андрей, — замахал руками Али. — Вы сами в нужде живете. Разве можно?

— Бери, мы остаемся дома. И как-нибудь переждем. Мачигу дашь рублей пять. Бери, не обижай.

Али взял узелок и спрятал его в карман бешмеса.

И Корней тоже протягивал что-то Мовле.

Иот, псе для Али, — говорил он. — Я же не думал, что и ты выживешь. Держи, здесь пятнадцать рублей.

Одывается, ты богач, Корней, — засмеялся Мовла. — А где же твоя Маруся и детишки? Тебе же их кормить!

Ничего, на хлеб хватит. А я не сегодня, так завтра снова увижу эти деньги. Черт возьми! А кому же я теперь буду продавать свой товар?

Гони в Беной, к Далхе. Ну, попрощаемся! Грустными были эти минуты.

Боже ты мой, — говорил Яков. Голос его срывался, а руки дрожали. — Как же так?.. Зачем?..

Маккал хлопнул его по спине ладонью.

Держись, Яшка! Мужчины слез не льют.

Господи, люди добрые, да вы же родину свою покидаете.

А разве ты и Васал не покинули родину? Но ведь живы, вы же Богу; Бог поможет и нам.

Маккал замотал головой:

Совсем не то, дядя Маккал, совсем не то. Тут русские уже проживают. А вы — на чужбину, где чеченов нет. К своим людям. Прощайте! Арзу и вы, дядя Мачиг, не поминайте лихом!..

Яков отвернулся...

Арзу первым вскочил на коня. Его примеру последовали остальные.

— Братья и сестры! — во весь голос крикнул Арзу, подняв руку и делая всем знак остановиться. — Дальше нас не провожайте. Лишь Ахмед, Янарка, Абкар, Солта, Султи и Сулим выйдут с нами до Буру-Калы. Они вернутся и расскажут вам о начале нашего пути. По возможности будем извещать вас обо всем. Но прошу, пока не получите от нас вестей, не покидайте родины, не срывайтесь с места. Если все, действительно, обернется хорошо, то мы непременно сообщим вам. О нас же не беспокойтесь. Не столь далекая страна Хонкар. Не горюйте, это нам не к лицу. Пусть хоть все муки ада низвергнутся на нас, но мы должны оставаться мужчинами, достойными славы предков, что следят за нами из могил. Маккал, скажи и ты свое слово людям.

Маккал тронул пятками гнедого коня и въехал в середину родного круга. С минуту помолчал, окидывая взглядом родные места, а потом неожиданно запел:

Ва-а-а!
Горького детства чашу испившие с нами,
Войны прошедшие пламенный бег,
И горе, и радость делившие с нами,
Братья и сестры, прощайте навек!
Ва-а-а!
Бездомных нас теплом согревала,
Терпевшим голод пищу нам дала.
Удобрена ты нашей кровью алой,
Прощай навек, отцовская земля!
Ва-а-а!
Вы воспитали нас, родные горы.
И закалили в тучах грозových.
Уходим мы, но судьбам не покорны -
Мы не забудем вас в краях чужих...

Повозка уже съезжала к речке Мичик, когда Кюри, пристроившийся сзади, сквозь скрип колес и стук их о камни различил дробный топот копыт. Оглянувшись, он увидел Мачи-ника, в котором тотчас узнал своего друга Алибека, сына Ца-дама из Симсира. Под ним был белый в яблоках конь. Говоря-да далеко позади мчались и другие товарищи по военной учине. Его ровесники. Поравнявшись с повозкой Мачига, Алибек на полном скаку спрыгнул с коня.

— Алибек! — радостно вскрикнул Кюри, соскакивая с арба и бросаясь к другу.

Алибек обнял Кюри.

— Ты хотел уехать, не попрощавшись со мной? Я как услышал о проводах, немедленно вскочил на коня и вот... и здесь.

— Что ты... Зачем?

— Значит, уезжаешь?

— Такова воля отца, — Кюри вздохнул.

— А вот и мы! — закричал, подъехавший вместе с остальными товарищами, Кайсар. — Уезжаешь?

— Да, Кайсар, еду.

— Быстро мы тебя догнали. А то ведь готовились сватать до самой Хонкары.

— Спасибо вам, друзья, — серьезно, по-взрослому проговорил Кюри. — Нелегко мне расставаться с вами... Алибек, я не забуду нашей клятвы. Устроимся там, и я вернусь. Мы вновь будем вместе. — Кюри смутился от своего порыва и опустил голову.

Алибек пристально смотрел на Кюри, как будто видел его впервые. Да так оно и было. Собственно, только сейчас он

... как бедно одет его друг. "И он приезжал в горы... —
вспомнилась мысль. — А конь-то был чужой"

Взяв голову, Кюри! — хлопнув друга по плечу, бодро
сказал Алибек. — Конахи, как волки, рыскают по белому
дню, а дома же сидят только женщины. Поезжай. Там ты на-
учишься многому, только горы наши не забывай. И честь на-
шей веры держи высоко. Ведь говорят, что горцы у турок в
большом почете. Поступай к ним на службу, не упускай такой возмож-
ности. Научишься военному делу, а нам в скором времени это
очень пригодится. Отцы разуверились и принялись за молит-
вы. Но мечниками не задевать свободы. Мы докажем, что в
нашей веры все та же горячая кровь предков. Мы же с тобой об
этом говорили, помнишь?

Кюри согласно кивнул.

Постарайся попасть в военную школу. Ты Хаджи-Юсу-
фа повидал? Так вот, он получил военное образование в
Константинополе. Строил имаму крепости, привел в порядок его
войска. А Бота, хотя и изменил, но поначалу был правой ру-
кой Шамиля. Нам нужны такие офицеры, как Берс, — предан-
ные, образованные, но отчаянные и готовые на смерть за свя-
тую веру. Поэтому учись! — Алибек свистнул, и его конь,
подняв голову, подбежал к молодому хозяи-
ну. Алибек обнял его за шею, потерся щекой о горячую мор-
ду, поцеловал его влажные губы и что-то шепнул ему на ухо.
Потом поднял коня к Кюри: — Попроси жизнь — я отдам. Но
твоя своя жизнь не нужна. Этого коня я люблю больше жизни.
Взавел его тебе! Держи повод, Кюри.

Кюри даже покачнулся. Такого коня! Не сошел ли с ума
мой друг?

— Алибек...

— Держи, держи, Кюри, — настаивал Алибек.

— Но за что!

— Да перестань ты в самом деле!

— Но... не могу...

— Почему?

— Другого такого ведь во всей Чечне не сыщешь.

— Ну и что?

— С таким дорогим подарком.

— Ну ты же мой друг...

— Ты сам не сможешь жить без него. И конь тебя любит.

— Вот потому и бери. Как ты явишься к туркам? В каком

— Не возьму, Алибек.

Алибек обиделся:

— Кюри, ради всего святого, ради нашего дела, которому мы поклялись, не обижай меня!

— Остопиралла. Не говори так...

— Вмешался Кайсар.

— Скажи, Кюри, а разве ты на месте Алибека не поступишь бы так же?

— Ну... хорошо... Спасибо...

Кайсар расстегнул на себе тонкий ремень и вместе с ним жалом в серебряных ножнах подал его Кюри.

— Вот, а это пусть будет и от меня память.

— Друзья, ей-богу...

— Ладно, ладно... А теперь обнимемся на прощание.

Кюри вскочил на коня. Почуввав чужого седока, конь взвился на дыбы, потом взбрыкнул и неожиданно повернул. Кюри не растерялся и полностью отпустил поводья. Сделав несколько шагов, конь вернулся обратно и остановился, роняя с губ пену.

— Ничего, Серый! Все в порядке. Терпи! — Алибек потянул его холку, затем оттолкнул и взобрался на круп коня Кайсара.

— Кюри, скорее уезжай! — крикнул Алибек. — Ты же Кайсар, спой!

Кайсар не заставил себя упрашивать:

Мы родились той ночью,
Когда шенилась волчица,
А имя нам дали утром
Под барса рев заревой.
А выросли мы на камне,
Где ветер в сердце стучится,
Где снег нависает смертью
Над бедной головой...

Еще не окрепшие юношеские голоса подхватили:

Но поля там ты не встретишь,
Не будешь овец пасти ты,
Мы дрались с врагами жестоко,
Нас не одолели враги.
Как ястреба перья, уступы
Рыжеют, кровью покрыты,
Мы камни на них уронили.
Но честь уронить нам нельзя.

Возможно, со стороны они выглядели немного наивными, бессознательно повторяя действия старших. Возможно, но...

в пылу мальчишеской запальчивости, подражательства они искренни. И угадывался в них характер будущих поэтов.

...И мы никогда не сдадимся,
Накинем ветер, как бурку,
Постелью возьмем мы камни,
Подушками — корни сосны.
Проклятье царям и рабам их,
Собакам лохматым и бурым.
Их кровью заставим мочиться,
Когда доживем до весны.

— Выше головы, кенти! Свобода или смерть!

...Костры мы поставим в пещерах.
И наших шашек концами
Усилим огонь их, и пулями
Пробитые башлыки
Накинем на сыновей мы.
Пускай они за отцами
С врагами схватятся в битве,
Когда умрут старики...

Песня неслась вслед за Кюри, пустившим коня вскачь через Мичик. Поднявшись на противоположный берег, он остановил коня.

Кюри вытащил пистолет и тоже поднял его над головой — Свобода или смерть! — крикнул он и нажал на курок. Голоса друзей все еще звучали в ушах Кюри, но перед ним скакавшего по дороге к Шали.

С этой песней уходили в бой их отцы, с этой песней пойдут в бой и они.

Алибек смотрел вслед Кюри до тех пор, пока тот не скрылся из виду. Лишь только тогда пухлые его губы дрогнули, а на щекам скатились две слезинки.

И кто бы мог предположить, что именно вот этот смутный мальчишка с круглым добродушным лицом через двенадцать лет встанет во главе последнего, самого крупного восстания, освободит горную Чечню, вот здесь, на этом самом месте перейдет Мичик, выйдет на равнинную Чечню и после длительной борьбы будет разбит и повешен в Грозном...

...Мутная Мичик текла так же спокойно. Она уже не слышала и эту песню, и грохот орудий, и лязг железа и стон и стоны раненых, и умирающих. Все слышала и видела эта маленькая речушка. И удивить ее было уже нечем...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

А.В.

ЧЕРНЫЕ ДНИ

ИЗБОРОЗДИЛ Я МНОГО БУРНЫХ ВОД,
БЫВАЛ У ТУРОК, ЕЗДИЛ Я К АРАБАМ,
БЕДНЯК ПОВСЮДУ КАК БЕДНЯК ЖИВУ,
И СИЛЬНЫЙ ИЗМЫВАЕТСЯ НАД СЛАБЫМ.

КЯЗИМ МЕЧИН

ГЛАВА I

ПЯТЫЙ КАВКАЗСКИЙ ВЕЧЕР

(вместо пролога)

Преступление властителей нельзя вменять
в вину тем, над кем они властвуют...

В. Гюго

В то время, когда пять тысяч чеченских семей были в дороге на чужбину, на другом конце империи, в блистающей роскошью и ужасающем нищетою Петербурге, в доме генерала Кавказской войны генерал-майора Викентия Михайловича Кашинского собрались его боевые товарищи.

У парадных дверей выстроились ряды фэзтонов и карет, лакеи с любопытством поглядывали на окна генеральского дома и тихо переговаривались между собой, переминаясь с ноги на ногу.

У входа гостей встречали слуги в пышных ливреях. В гостиной и столовых канделябрах и люстрах горели сотни свечей. Столы ломились от яств и напитков. Французское шампанское и коньяк, русская смирновская водка, вина во всех возможных бутылках и графинах. Все — для гостей. Гости были одеты соответственно торжественному случаю. Бравые офицеры — в парадных мундирах, штатские — в черных сюртучиках и фраках, о дамах и говорить нечего.

Сегодня на свой очередной, уже пятый, вечер собрались участники Кавказской войны. Бывшие наместники Кавказа: Михаил Семенович Воронцов, Николай Николаевич Муравьев, Александр Иванович Барятинский, Григорий Дмитриевич Бакинцев, бывшие начальники Терской области: Николай Иванович Евдокимов, Дмитрий Иванович Святополк-Мирский, военный министр Дмитрий Алексеевич Милютин, генералы Бабутов, Тер-Гукасов, Лазарев, Гейман, Засс, князь Додуров, Горских, братья Николаи.

Пришли историки-летописцы Кавказской войны — старый советник, академик Российской академии Адольф Иванович Берже, Николай Федорович Дубровин, Арнольд Иванович Зиссерман, Ростислав Андреевич Фадеев, художник Павел Гагарин, ученый-нумизмат генерал-лейтенант Бартоломей полковник Вейденбаум и другие.

Общество украшали величественные дамы и блистательные, искрящиеся юностью барышни.

Наступила торжественная минута.

Инициатор и организатор кавказских вечеров, их бессменный председатель и тамада, известный писатель граф Николай Александрович Соллогуб грузно поднялся со своего места и взял со стола сверкающий хрустальными гранями бокал вином.

— Милостивые государи! Милостивые государыни! Сегодня минуло ровно два года с того памятного дня, когда наше собрание имело честь провожать в этой комнате царственного наместника на достославный подвиг. Уже тогда все мы единодушно предрекали ему громкую славу, а Кавказу — покой и мир. Я вновь слышу сказанные тогда слова нашего уважаемого Дмитрия Алексеевича Милютина, обращенные к тот же вечер к царственному наместнику: "В горных трущобах, где пролилась кровь, ныне устроено правильное управление, открыты суды, пролагаются великолепные дороги, свирепые беглецы бросили оружие и страстно предалися земледелию, торговле, впервые горцы начали учиться писать и читать на своих языках. Но осталась западная оконечность Кавказских гор, где еще льется русская кровь, где еще не укрощена первобытная дикость обывателей тех далеких мест. Положить и там конец кровопролитию, окончательно завершить тысячелетнюю непрерывную войну и посеять в том краю семена гражданственности — вот та задача, решение которой providentibus предназначается Вашему Императорскому Высочеству!" И вот оправдал доверие! Предсказание сбылось! Кавказская война окончилась. Прежние надежды уже обернулись явью. На Кавказе — мир. Но куплен он дорогою ценою. Все долины Кавказа, все кавказские ущелья засеяны русскими костями. Теперь на Кавказе нет ни одного места, ни одного уголка, где бы русский воин не написал своей кровью строки вечного урока неустрашимости и самоотверженности. С именами во-

Ишенинова, Котляревского, Ермолова, Паскевича, Рорша, Порошова и Бяратинского нами связываются незабвенные военные и гражданские подвиги, имевшие один общий знаменатель — любовь к Кавказу.

Все встали, обратив восхищенные взоры к некоторым присутствующим на вечере героям и аплодируя их достоиславным подвигам.

Между тем Соллогуб продолжал.

Кавказ и мир — вот два слова, привыкнуть к которым никто из нас еще никак не может. Как-то даже не верится, что такое Кавказ — без войны, а война — без Кавказа! Но к нашей радости примешивается и какое-то скрытое сожаление? Мы торжествуем победу, но вместе с тем нам известно, что мы расстаемся с чем-то привычным, дорогим, любимым, что мы хороним в себе непередаваемое и странное чувство ушедшей светлой молодости. Рассудок радуется, сердце печалится. На то оно и сердце, оно печалится потому, что привыкло стремиться к вечно новым и необычным впечатлениям. Оно предугадывает, что за нынешними мирными работами поблекнет и исчезнет прежняя удаля боевой жизни. Оно заранее тоскует, что ничто уже не заменит той жизни, такой увлекательной и самобытной поэзии, той остроты ощущений, которыми была наполнена вдовольная и добрая Кавказская война.

Иногда мужчины* подернулись глубокой печалью. Дамы горестно вздыхали и прикладывали к глазам надушенные платочки.

Кому из нас не памятна живописная батальная хроника и истинно величественней драмы... Вот вдоль отвесных обрывов скал тропинками тянутся отряды. По склонам гор карабкаются отряды, лишь изредка горнисты подают сигналы. Вдруг на фоне изумрудного леса за клубились серые дымки. Щелкнули выстрелы горцев. Грохнули солдатские ружья. Завязалась перестрелка. Впереди брызжет огнем и сверкает сталью завал камней. Удирал барабан. Раздалось "Ура!" Гикнули и горцы. Все произошло все чаще, чаще, чаще... Все громче и громче гремит. Вскочили штыки, скрестились шашки. И вот уже идет и стоит рукопашная схватка! Льется кровь, иные падают, но раскаты уже на завале. Мюриды отброшены, они раскаты по кустам. И снова водворяется тишина, и снова

тянутся отряды по лесам и оврагам, вдоль скал и обрывов, над бешеными потоками, под нависшими шапками суровых снежных вершин...

Не верится, что можно было покорить такую страну, где на протяжении тысячи ста верст каждый куст был засажен, каждая каменная глыба — крепостью. И тем не менее, что свершилось! Кавказские горы взяты! На Кавказе мир... Так что же завоевало Кавказ? Кого благодарить? Кому воздать славу? Так вот, славу, милостивые государи и государыни, следует воздать прежде всего великому чувству русского самоотвержения! Вот оно-то и завоевало Кавказ!

Худая эксцентричная баронесса Николаи пронзительно воскликнула:

— Кавказскому воинству слава!

— Слава!

— Браво!

— Виват!

И вновь гром дружных аплодисментов.

— Когда император Александр I покровом своей порфиры прикрыл обнаженную и измученную Грузию, он от имени России дал обет самоотверженного заступничества. Вот с того дня русское воинство в течение шестидесяти лет оправдывало царское слово, — продолжал вошедший в патристический раж оратор. — С того дня русская кровь лилась непрерывно по кавказским долинам, кавказским рекам, кавказским ущельям. Там шли поколения героев, там шли героические битвы. Там слагалась славная летопись молодецких подвигов, кавказская Илиада, еще ожидающая и своего Гомера, и своего песнопения. А горном безмолвии осталось много бесвестных жертв, много людей, имена коих и заслуги известны одному только Богу. Но все они, прославленные и безвестные, имеют равное право на нашу глубочайшую благодарность. Ибо так все — от простого обозного солдата до самого последнего Российского престола — храбро бросались вперед, не думая об опасности! Впереди них было российское знамя, следом за ним смотрела вся Россия!

Лица сидящих за столом светились гордостью.

— В этом навеки достославном исходе шестидесятилетнего побоища нельзя не видеть, милостивые государи и госу-

...глубоко знаменательного урока не только для нас, но и для всего человечества. Здесь проявились наше величие, наше сознание долга, наша дальновидность, наша способность к подвигам и упорство в достижении цели. Вот истинный, несомненный смысл, вот окончательный вывод из взятия Кавказа. Вот поучение, завещанное нам Кавказской войной. Недаром поэт сказал:

И ты, Ермолов незабвенный,
России — слава, горцам — страх,
Чье имя, как завет священный,
Штыками врезано в горах...

Имя горная цепь, где еще недавно раздавались выстрелы, теперь умолкла. Но она навсегда останется исполинским памятником русскому самоотвержению, и, глядя на него, любой русский, пораженный его величием, невольно скажет, призывая к подвигу: "Здесь жили, здесь дрались, здесь положили свои жизни сотни тысяч русских, честно исполнивших свою обязанность". Памятник, достойный подвига! Этому памятнику должны поклониться вся Россия и повторит с нами: "Вечная благодарность наставникам! Вечная благодарность всей русской армии сынам — и знаменитым, и безвестным, которые приняли слово царское, которые не постыдились имени русского. Вечная память Кавказской войне!"

Имя гром аплодисментов Соллогуб отпил глоток из бока-

Иными словами можно было бы заключить и речь мою на годовином ежегодном собрании. Но в нашем кругу проглянуло, как слышал я, мнение, что раз война окончена, то, вроде бы, и нет нам уже более смысла собираться на нашу кавказскую годовищину. По их мнению, сегодня следовало бы нам в последний раз сойтись всем вместе, проститься с былой жизнью и затем разойтись молча порознь, как расходятся после погребения испытанного старого друга. Против такого решения, как истинные государи и государыни, нельзя не возвысить голос. Да, Кавказская война окончена! Но она не окончилась ни в сердцах наших, ни на самом Кавказе. Кавказский крест, поставленный нами заслуженный, не напоминает ли он вам, что вы были знаменосцами святой хоругви, рыцарскими поборниками двух начал: долга и самоотвержения.

А потому, не расходиться должно теперь кавказским крестом, а еще теснее сблизиться, соединиться, сомкнуться

людям, которые ищут, где их долг, и понимают, что такое самоотвержение. В минуту общего похода к духовному завоеванию знающие тайну победы не имеют права скрываться. Кому не ясно, что вся Азия ожидает того, чтобы Россия скорее заврачевала свои язвы и просветила их разум? Кому не ясно, что вся Азия уже прислушивается к голосу просвещения? Кто знает, а не была ли Кавказская война лишь истинным словом к оживлению изнывающего Востока. И как христианство озарило просвещением нас, так и мы, в свою очередь, должны просвещением осветить Восток. Неудачи перед такой картиной, перед такой будущностью, перед еще не до конца исполненным долгом мы разойдемся и скажем, что мы уже более не кавказцы? Нет! Такого быть не может. Все мы по разным стезям, но хоть раз в год будем сходиться на это подворье в ознаменование того, что мы служим новому кавказскому делу и свято исполняем заповедь кавказского креста!

Итак, милостивые государи и государыни, не запинайтесь возгласом, а заздравным тостом позвольте мне закончить свою речь. Позвольте поднять бокал во имя начала долготы и самоотвержения уже покоривших непокоримое, и имеющих просветить, возвеличить наше драгоценное отечество. Да воскреснет Восток от благоденствия России! Да процветет и возблагоденствует наш милый, дорогой, незабвенный Кавказ вдали от нас, его любящих и помнящих, и готовых служить его законам, его будущности и вместе, и отдельно, где бы мы ни находились! Пусть здравствует и славится Кавказ на века веков!..

Раздался дружный и долгий перезвон хрустальных бокалов. Оркестр заиграл "Боже царя храни!"

Очередной кавказский вечер завершился танцами...

* * *

И улыбались, и головами качали, вспоминая пышно-партиотическую речь Владимира Александровича. Завернул, закрутил, дескать, но от души... Прав был истинно дворянский писатель граф Соллогуб: дорогой ценой обошелся мир на Кавказе. Но не сказал он, что во многом лишь ради благоденствия буржуазно-помещичьего класса империи в течение шестидесяти лет по долинам, рекам, ущельям и кручам гор Кавказа потоками лилась кровь народная. Что не во имя своих

...и сложили там головы сотни тысяч переодетых в сол-
датские шинели русских крепостных крестьян и бесчисленное
количество простых горцев. А интерес-то был. И какой! Даже
царь велел, чтобы именно тем господам, к кому было обра-
щено обращение, жилось на Кавказе привольно и
свободно, изгнали из родных гор на чужбину полмиллиона
крестьян, а на остальных защелкнули наручниками цепкие и
жесткие когти двуглавого орла.

На разе только горцев! Столетиями поднимались и рус-
ские крестьяне, и другие народы России за свои человеческие
дела, но каждый раз топили их в собственной крови. Рас-
стреливали, пинали, гноили в тюрьмах и на сибирских катор-
гах лучших сыновей народов. А оставшиеся на безвольной
земле не находили себе клочка земли, куска хлеба, глотка свеже-
го воздуха на родине, уходили для поиска всего этого на чуж-
бину. Те же, кто не мог последовать за ними или боялся ото-
двинуться от родной земли, с нищенскими торбами за спиной, с
оружием в руках, сопровождаемые голодными и полуразде-
тыми детьми, пешком обходили восточные и южные просторы
великой империи в поисках подаяния, оставляя за собой
огромное множество безымянных могильных холмиков с
деревянными крестами, а то и без.

Велика Россия! Но вольготно было в ней только господ-
ствующим классам. Для миллионов же простых тружеников,
на плечах которых держались сила и мощь империи, Россия
была этой мачехой...

ГЛАВА II

СТО ПЕРВАЯ НОЧЬ

Ах, черен, неведом, тяжел этот путь!
Все дальше бреду, не чувствуя пути.
Не зная, ни где отдохнуть, ни свернуть.
И что там — в конце бесконечных дорог.

О. Туманов

Поздним вечером по склону хребта, что высится над речкой Мурат-чай, карабкалась группа людей. Четверо из них с трудом тащили носилки, на которых укрытый черной пурпурной тканью лежал больной. Поднявшись к вершине, все остановилось, и осторожно опустили носилки.

Один из них, высокого роста, широкоплечий, с густой черной бородой вокруг скуластого продолговатого лица, на котором, как орлиный клюв, выдавался тонкий хрящеватый нос, стоял молча, устремив неподвижный взгляд вниз, в сторону долины Мурат-чая.

— Отдохнем, Арзу. Еще один переход, и мы доберемся до лагеря, — обратился к нему один из товарищей.

Арзу не отозвался.

Внизу светились огоньки Муша, к склонам противоположного хребта прилепились армянские и турецкие села, оттуда доносился протяжный собачий лай, кое-где горели костры перед курдскими шатрами. Небо в бесчисленных звездах стало постепенно бледнеть и серебриться — это только что появлявшаяся луна спорила с беспросветным мраком. Песняки и шакалы, откуда-то несло тоскливое завывание одинокого волка. Ранняя ночь была полна голосов. Но не в них прислушивался сейчас Арзу.

Из долины, где на огромном пространстве пылали сотни костров, едва доносилась протяжная мелодия, полная скорби и печали. Казалось, звучал не человеческий голос, а голос самой земли:

О темная ночь, по-волчьи наступаешь ты,
О темная ночь, сколько горестей несешь ты,
Сколько друзей разлучаешь ты,
Как долга и печальна ты, ночь темная...

Арзу слушал. И готов был слушать эту песню бесконечно, несмотря на то, что ее скорбный мотив и горькие слова выводили душу, говорили, кричали о безысходности человеческого тупицы. От страшного отчаянья и горя песни хотелось упасть на землю и биться об нее головой. Но вместе с тем в душе ощущалось что-то до боли родное, знакомое, теплое. И от далекого и от этих огней, от этих холмов и долин, от волчьего воя, даже от этого неба и звезд. И от того, что его окружало сейчас. Этот голос, словно родной, наполнял его душу, заставлял жить, придавал силы. И Арзу готов был преодолеть любые преграды, перенести все несчастия, пережить любое горе во имя того, чтобы родная земля умолкала и вечно звучала вокруг него родная речь и родные голоса...

Прошло с того дня, как покинули они родные горы. И уже в который раз Арзу приходится мысленно возвращаться к первым горестным дням начала переселения. Сначала пешком, а потом на конных, шли пешком. Казалось, нет конца этому подерганному потоку. Горцы шли, разделившись на двадцать четыре партии. Во время всего пути до границы их сопровождал конной из солдат и офицеров. 23 мая Арзу, Максу и Али, шедшие с последней партией и находившиеся еще на Владикавказе, вновь тронулись в путь. От родной земли, от родных гор. А сколько уже было пролито крови, чтобы отстоять свою землю, чтобы дышать на ней свободно. Неужели, напрасно? Нет, не напрасно! Рубцы и шрамы и на теле, и в душе будут напоминать об отчизне и требовать верности ей. Просто их вынудили покинуть родную землю, заставили отправиться в неведомую страну.

Пустоты Российской империи необозримы. Сколько дней в пути проведено, а конца дороги не видно. Но и надежда еще не покидала людей. От лесов и гор, от аулов, обитавших по сторонам дороги, от горцев, встречавшихся на пути, было знакомым и родным. И вот настал тот день. День, когда зарыдали в голос женщины, а мужчины украдкой смахивали слезы. 28 июня у Хазапинской заставы их пе-

редали турецким офицерам. Кавказские горцы ступили на землю чужой страны, сделали шаг в неведомое будущее.

Теперь они шли по турецкой территории. Они шли по безводным степям, и зеленые долины. Когда перед ними пахивались тучные нивы, когда их взорам предстали цветущие сады и богатые села, им начинало казаться, что ступили на землю обетованную. И тогда вспыхивала надежда, а вдруг и их поселят в таком же месте. Но турки вели их дальше и дальше, в глубь страны.

Начал сказываться многодневный путь. Люди уже шли с трудом. Они устали. Начали болеть. Нечем стало кормить скот. Тогда шедшие первыми преселенцы распустили лагерь в долине Мурат. Последующие партии присоединились к ним. Таким образом у Муша скопилось более двенадцати тысяч человек. Еще пять тысяч переселенцев расположились у Эрзерума.

Лагеря возникли стихийно, вопреки планам турецких властей. Горцев из России просили перебраться в Диарбекир-виллает*. Причем как можно скорее. Потому и каймакымы ежедневно приходили в их лагеря. Но то ли жалость у них была от решительных мер, то ли боялись они отчаяния людей, только к силе пока не прибегали. А в беседах убедили горцев, что к юго-западу от Диарбекира им уже выделены плодородные земли и построены дома. Осталось лишь идти туда. Что это, правда или обман? Как в Чечне, так и в Турции? Ведь местные армяне утверждали совершенно противоположное, что у Диарбекира даже трава не растет. Десять человек во главе с Арзу отправились в Диарбекир, чтобы увидеть все своими собственными глазами. И вот теперь они возвращаются обратно с недобрыми вестями... Армяне не обманывали. Диарбекире — громадная тюрьма с крепкими каменными высокими башнями, где полно узников. А за Диарбекиром — пустыня...

Так где же земля, дома и желанная свобода? Их не было ни здесь, в долине Мурат-чай, ни в ожидавшем их Диарбекире. И здесь и там переселенцев ждала смерть.

На исходе последний месяц лета, а впереди — холода. И сейчас знойное южное солнце выжигало все вокруг и под

* Виллает — область (тур.).

** Каймакамы — полицейские (тур.).

Снежными лучами начали гибнуть люди, то что будет зимой? Продуктов иссякли. Все, что представляло хоть какую-то ценность, люди уже обменяли на кусок хлеба и на одежду, одежду...

Вести, которые везли Арзу и его спутники, лишали последних из людей последней надежды. Пусть и была она крошечной и робкой, но она все же была и придавала людям силы, поддерживала в них интерес к жизни. Как сказать правду. Какую горькую, разрушающую розовую мечту. Никогда, даже в минуты смертельной опасности, Арзу не терял самообладания и никогда сердце его не замирало в предчувствии близкой смерти. То было хладнокровие человека, всегда готового взять на карту собственную жизнь. Жизнь, которая зависела только от него самого, от его воли и мужества. Он нес ответственность за свою жизнь. Но эта ответственность — ответственность не с тем, что ему пришлось сейчас добровольно возложить на свои плечи. Взять ответственность за жизнь другого — это значит больше не принадлежать себе, отрешиться от всего, быть до конца твердым в принятых решениях. Ни тогда и говорить следует только правду, какой бы горькой она ни была... А как сейчас сказать ее? Как?

— Что будем делать, Арзу? — тихо спросил Чора и, словно почувшавшись собственным вопросом, сразу же замолчал.

Слова на Арзу, он надеялся, что друг отыщет выход. Такая надежда, хотя и не давала полного успокоения, но удерживала от отчаяния.

Мух или Диарбекир... — Арзу как бы размышлял вслух.

Нет, выбирать нам не дано. Но кто нам запретит выжить? А ведь на это нас и толкают...

Умирают один раз. А где и как — в том существенной разницы нет.

Он не прав, Чора, разница есть. И — существенная! Я не хотел умирать не для того, чтобы умирать с голоду или от холода в чужой стране. Но кто задумал весь этот обреченный путь? И во имя чего? Что и кто стоит за всем происходящим? Нужно умирать. Нужно вернуться обратно и отомстить, жестоко отомстить тем, кто обрек людей на столь невероятные страдания и лишения.

Неожиданно в темноте грустная улыбка тронула губы Чоры.

Мстить? Что она нам даст, Арзу? Лишь новые беды и новые страдания. Сила русского царя велика. Земля его без-

гранична. Войско несметно. Нашу же Нохчичо можно на хорошем коне проскакать из конца в конец. Теперь и я удивляюсь, как это мы столько лет смогли продержаться.

— Да, мы дорого платили за право и желание жить свободно. Но в одном ты прав: самим нам не завоевать свободу. Осталось немного, да и среди оставшихся нет единства. Опять-таки в том не наша вина, а результат действий иная. Многому меня научили нынешние скитания. Я теперь снова пробуждаюсь от какого-то долгого сна и начинаю понимать мир, действительность. Впервые мы увидели и здесь, в Турции, таких же обездоленных, как и мы. Воочию убедились, что нет на земле справедливости для всех, удел бедных — жить богатым.

— Так предначертано Богом...

— Да, все мы в его власти. Он создал нас, но почему забыл сделать настоящими людьми. Разве он не видит наши страдания и беды? Скажи мне, за что, за какие грехи наши он вот этих несчастных? — Арзу протянул руку к донцу Мурат-чая.

Чора испуганно глянул на небо: слова Арзу были, на его взгляд, кощунственными.

— Роптать на судьбу — грех. Все исходит от Аллаха, и мы ему повинемся.

И Чора, обратив лицо к югу, стал читать короткую молитву. Теперь Арзу смотрел в другую сторону, туда, где у подножия горы редкими огнями светилось турецкое село. Он думал не о молитвах. Неизведенное и непривычное чувство охватило его: он чувствовал себя так, словно за спиной начали прорастать крылья, сердце защемило от нежности: ведь там, там, в этом селе, под одной из крыш живет Эсет. Что с ней? Жив ли... Гати?

Он испугался, что произнес свои мысли вслух, и растерянно взглянул на Чору. Но тот еще продолжал молиться.

Арзу положил руку ему на плечо.

— Молитвами уже не помочь, — сказал он. — Пора! Послышался стон. Арзу подошел к носилкам.

— Данча... Как ты?

— Воды. Дай попить...

Чора подскочил с небольшим бурдючком и, осторожно подняв голову больного, поднес отверстие к губам. Данча

...молча глотал воду, тянулся к бурдючку, как младенец к материнской груди, словно боялся не успеть утолить жажду, не успеть насытиться влагой. Напившись, откинулся, тяжело дыша, потом отвернулся и затих.

Путники начали спуск в долину. Луна освещала путь, блистая на оружии, украшенном серебром. Шли молча, только стоны больного изредка нарушали тишину.

На поляне, где только что отдыхали путники, уже рыскали шакалы и, не найдя поживы, затрусили по тропе вниз, за холмами. Кривлясь, проследовали за ними до самого лагеря...

Ночь была уже на исходе. Из ущелий и оврагов веяло холодной сыростью. Сырой туман пополз из низин, цепляясь за кусты, поднимаясь все выше и выше. Несмотря на столь позднее время, лагерь бодрствовал. Люди безмолвно сидели вокруг костров. Интурины головы, прислушивались к треску сучьев. Тишину не нарушали ни крики петухов, ни лай собак, ни мычанье коров. Только трещали дрова. Пламя костров выхватывало из темноты худые фигуры детей, женщин и стариков с измученными застывшими лицами. И невозможно было сосчитать, сколько их, похожих на живых мертвецов, с запавшими щеками, с безысходной болью в безжизненных глазах.

Костры горели всюду, по всему лагерю. Старый Жонсу сидел на ветхом войлоке у шалаша, сооруженного из поленца, и бездумно перебирал самодельные четки. Обращивая в эти моменты мысли к Богу, он молился, просил у него помощи, надеялся на нее и ждал. Но день сменялся ночью, на смену ей приходил новый день, а все оставалось по-прежнему. Надежды гасли, как искры от костра.

Он прислушался, как спят внуки. "Наверное, сны нехорошие, они и стонут", — подумал Жонсу. Их у него шестеро. От двух сыновей, погибших на войне. Жонсу похоронил обоих на равнине, на берегу Мичика. Теперь он растит внуков. Но выживут ли они, об этом ведает один лишь Аллах. А старуху Жонсу похоронил уже здесь, на чужой земле. Перед смертью она ему простила все. Двухмесячный путь, который она проделала по его поле, увел ее далеко от родины. Жена в час смерти не сожалела об этом, делала вид, что смирилась, не хотела причинять еще большей боли ему, Жонсу. Но себе теперь он не может простить принятого им решения...

В этой самой землянке сегодня праздник. Мовла откуда-то привнес чуждую. Может украсть, может, выменял на что-то из

оставшегося. Дети суется вокруг котла над костром. Жонсу слышит их радостные крики. Как мало нужно детям, чтобы забыться хоть на час. Ведь им, детям, может быть даже труднее приходится, думает Жонсу. Но они, взрослые, лишены родного дома, привезли непонятно куда и непонятно зачем. Читать этот неосмысленный безмолвный укор в детских глазах мучительнее любых адских мук...

— Что же делать?.. Что теперь делать? — шептал Жонсу механически перебирая четки.

Горел огонь и перед землянкой Данчи. Семья еще не жила, в маленькой кастрюле варился ячмень. Это Мохна поделится с ними. Сороколетняя Хеди, жена Данчи, хотя ей вид ей дашь все пятьдесят, сидя на корточках, большой деревянной ложкой помешивала ячменный кулеш. Тут же у огня примостились и двое ее детей. Глаза ребятишек прикованы к кастрюле. Им не терпится, они убеждены, что ячмень уже давно сварился, а мать, не попробовав, все размешивает и размешивает его. Наконец Хеди разложила еду по мискам, и дети с жадностью голодных волчат набросились на нее. Инлат, как ни был голоден, а нет-нет да и вылавливал зерна из своей миски, бросал в ложку младшей сестры. После, Човка отправился проводить своего друга Соипа. Човка ушла в землянку спать, а Хеди долго еще сидела у огня, вороша хворостинкой догорающие угли. Она чутко вслушивалась в ночную тишину, пыталась уловить звуки шагов и ждала, не раздастся ли голос мужа. Утомленная напрасным ожиданием, скрипнула в землянке и прикорнула возле Човки.

Над речкой, у самой воды, скособочилась избушка из прутьев, обмазанные глиной. У входа ее, уткнувшись лицом в колени, сидел двенадцатилетний Соип. Чтобы хоть как-то спастись от назойливых комаров, он обмотал голые ноги травой. Мохнатая отцовская шапка была ему слишком велика, но он несказанно рад и такой. Соип поминутно хлопал себя то по коленкам, то по щекам, отгоняя кровопийц-комаров: из него и высасывать-то нечего, так нет же, все равно садятся. А на сердце и без них тошно. У Соипа умерли отец и две сестры. Один он остался теперь у матери, которая стонет сейчас болящая в землянке. Да и сам он чувствует себя плохо. Голоден. Поел травы, теперь вот режь в животе.

Сходил сегодня Соип в соседнее село. Красные яблоки видел в садах, желтые груши. Так бы и впился в них зубами.

...и тогда хлебом вкусно пахло. Напрасно вспомнил сей-
час слюнки потекли. Лучше бы не ходил, не смотрел, не
думал...

Соня не слышал, как к нему подошел Болат и тронул за
плечо.

А, это ты...

Держи, Соня, — сказал Болат и что-то сыпанул ему в
руку.

Что это?

Мать ячмень пожарила...

Откуда?

Мама принес чашку. Ешь!

Соня поднес было руку ко рту, но тут же опустил ее.

Ты что? — спросил Болат.

Соня заплакал. Никто и никогда еще не жалел его так, как
Болат. Хороший друг!

Ты ешь, ешь, — уговаривал Болат. — Половину я сам
тебе принес.

Соня потянулся и свободной тонкой рукой прижал к себе
руку.

Нельзя... Я отнесу матери... Мать умирает... от голода...
Болат знал. Только чем он мог помочь? Постоял, помолчал и
ушел.

А Соня забрался в непроглядную темноту землянки.

Мама*, — позвал он.

Что тебе, сынок? — чуть слышно откликнулась мать.

Я... Вот... покушай.

Соня нащел руку матери и высыпал ей на ладонь ячмен-
ные зерна.

Ты сам бы съел.

М уже.

Соня вынырнул из землянки. Постояв некоторое время
на воздухе, пернулся.

Поела? Полегче теперь?

Да, сынок. Завтра бы тоже так поесть, глядишь и на
руку бы встала... Ох, винограду бы... хоть одну кисточку...

Тогда бы совсем поправилась. Да ниспошлет Аллах тихого
зденья. А как винограду хочется...

У одного из костров собирались люди. Много людей. Че-
ловек двадцать. Среди них сидел и рыжий Касум. Красивый

...

* Мама — мать, бабушка (чеч.).

мужчина был когда-то. Да только война обезобразила его
су. Без глаза домой вернулся. Но Касум не унывал. Одно
глазом видел лучше других с двумя глазами.

А у Мовлы пустой рукав. Левый. Осколком снаряда
снесло. Как ветку. Мовла сразу и не почувствовал тогда.

Маккал рассказывал что-то интересное. Маккал много
ет, в разных странах побывал, среди русских долго жи
том, что слышал, и рассказывает. А людям интересно. Слуш
ют его внимательно. Маккал счастливчик — ему на по
повезло: всего лишь три пальца на руке потерял...

Горит костер. Вокруг люди. У всех сейчас одна радость
огонь и тепло. Одежда на всех одинакова: старая, поноше
ная, в заплатках. И оружие у всех. А как же без оружия,
еще в чужом краю! Пистолеты, ружья, кинжалы. Вдруг
нибудь случится? Их защитить некому. Потому без оружи
им нельзя. Просто невозможно.

Горят костры. Люди сидят вокруг костров. Много ко
ров... Много людей...

ГЛАВА III

У КОСТРА

Не навязывайте здешнему народу не соответствующих его правам и обычаям законов, которых никто не принимает.

А.С. Грибоедов

И в дитерь опускалась ночь. Небо чуть бледнело, вспыхивая миллиардами звезд. Млечный путь туманным сиянием протянулся над головой. Но небо это чужое. И ночь чужая. И чужие люди вокруг на этой чужой земле...

Им нельзя беспрестанно лить слезы, не пристало горцу вытирать руки, взывая к небу. Не мужское дело поддаться горю и жести, опустив голову и разучившись смеяться. "Эге-ге, дити! Вы что, приуныли? Тогда зажигай костры!" Робкие женщины стили облизывают сучья. И вот уже слышится смех то здесь, то там. И тьма отступает перед пламенем костра.

Расскажу-ка я вам, что случилось под Аллероем, — слышите звонкий голос. — Жил в нашем ауле здоровяк по имени Бута. Шестигирдовыми мешками играл, как пуховыми подушками. Да, Но силою был — богатырь, а душой — настоящий воин. Как услышит стрельбу — мгновенно в лес. И сидит там вместе с женщинами рядом. Женщины речи заводят, дескать, какие у них мужчины, смелые да храбрые, да какие они сильные. Бута соглашается: "Да, мы такие!" Женщины и дальше выхвалялись, дескать, какие же несчастные мужчины, ни сна они не знают, ни отдыха, все в седле, все в походах.

"Ихняя цина доля", — заявляет Бута. Однажды, отсидевшись в лесу, возвращаются они в аул. И вдруг где-то совсем рядом раздаются выстрел. Бута как стоял, так и рухнул. "Аллах, убили дити!" — только и успел воскликнуть. Женщины засуетились, бегом бегом к нему, спрашивают: "Что с тобой? Куда тебя ра-

нило?" — "Пуля попала в самое сердце!" — "Ой, несчастный, берег-берег свою душонку, да так и не сберег". Обиженные женщины его богатырскую грудь, а раны-то не находят. Только жука нашли ночного у него за пазухой. Женщины и попилились на Буту: "Держи свою пулю! Трус и от такой может подохнуть".

Дошла очередь до зандаковца.

— Однажды приехал в наш аул гость из Гойты, — начал он — Гостит день, другой. Пора бы и домой уже ему собираться. Но он вот с чем обратился к хозяину: "Говорят, тут где-то живут еще одни наши сородичи. Сам подумай, приеду и домой, а меня спросят, видел ли я их? Что мне ответить? Покажи их мне, пожалуйста". Вышли гость и хозяин на улицу, и навстречу идет хромой. "Вот человек вашего тейпа*", — показывает хозяин. Гость промолчал и прошел мимо. Хромой ему не понравился. Идут дальше. Встречается горбун. "Вот тоже ваш человек". Гость покрутил головой и отвернулся. И тут впереди появился высокий, статный, добротню одетый мужчина, но немного косой. "А этот как, тоже наш?" — спрашивает гость. "Ваш", — отвечает хозяин. "Слушай, — говорит ему гость, — ты теперь ноги напрасно не бей, возвращайся, а своих сородичей я теперь и сам как-нибудь распознаю".

Когда смех затих, разговор незаметно перекинулся на военные темы. Вспомнили о временах шейха Мансура, Бейбулата, вспомнили чеченских наивов, истории их побед и поражений. И снова вернулись к настоящему дню.

— Напрасно пролили мы столько крови, — тяжело вздохнул молчавший до сих пор Касум. — Сколько людей погибло, сколько пропало без вести! Не счастье. А во имя чего? Что мы получили взамен? Как вспомню день, когда решился поехать сюда, застрелиться хочется. Да накажет Аллах бесчестных надоумивших нас забраться в такой ад. Жену и троих детей Аллах по дороге прибрал. Двое теперь осталось, но и к ним уже стучится смерть. Даже голод на родной земле — еще не голод, кенти. Дома хоть какой, а найдешь выход. А где и как его искать здесь? Куда пойти? Что предпринять? Подаваться просить? Не смогу! Единственный выход — грабить по дорогам да воровать по домам...

— Ты прав, Касум, придется все добывать силой, — подержал его Мовла, своровавший ночью полмешка ячменя.

* Тейп — род, племя, родовая община (чеч.).

гумна турецкого бека. — Здешние турки и армяне поначалу нам помогали. Спасибо им. Теперь перестали. Может, надоело, а может, у самих ничего не осталось. Они будут теперь нас грабить, а мы — их. Как говорят, не тот хозяин башни, кто ее построил, а тот, кто ее завоевал.

Али недовольно поморщился.

— Плохие твои слова, Мовла, — упрекнул он. — Ты слышал, какая молва уже пошла про нас? Но разве мы воры? Нет. А отдельные грабежи и кражи позорят всех, создают неправильное представление о нас.

— Али, ты о чем? Да разве нас здесь хоть кто-нибудь из людей принимает?

— Грабят и воруют не от жира. Ты что же, советуешь в голоду подохнуть? Хватит, терпение-то почти уже иссякло. Издевались дома, теперь пригнали сюда для издевательств еще более худших.

— А обещали рай!

— Вон, наш мулла Нуркиши как спроваживал нас. Горы золотые сулил. А сам остался, не поехал с нами. Он наверняка знал, что нас тут ожидало.

— А нас обманул Успанов Сайдулла, шалинский Хадит и майртупский Жанар-Али. Тоже сладко пели, что султан Хонкары ждет нас не дождется, — возмущались гехинцы. — Но верили, потащились за ними следом. А где они сейчас?

— Подпевать хозяину, на чьей арбе едут, они умеют. Муллы и наибы при Шамиле жили припеваючи, а при царских стали жить еще лучше. Они и тут как сыр в масле. Помните муллу Шахби? Он живет теперь в турецком ауле, шею оттая не в обхват, живот, как у женщины на сносях. Вокруг головы — девятиаршинная чалма, в руках — пятисотенные четки. Ни дать ни взять — ангел божий. И какое его собачье дело до нас? Он родного брата не пожалел.

— Говорят, он, бедняга, умер?

— Шахби его голодом уморил.

— Да трижды будь прокляты эти муллы! Научились читать Коран и водят нас, темных людей, за нос.

Мачиг, притулившийся под боком Маккала, нервно заерзал и дернул головой.

— Не говори так, Мовла, — он сделал предостерегающий жест рукой. — Не все муллы подлецы.

И согласен с тобой, Мачиг, и не говорю, что все муллы — воры, — устыдился Мовла Маккала. И поспешно добавил: — Нет ты совсем другой человек.

Али прав, Мовла, — ответил Маккал. — И шариат, и обычай запрещают обижать слабого. Грабежи и воровства к добру не приведут. Вот вы напали на Муш. И чего же вы здесь сидите? Да только того, что теперь местное население от нас отвернулось. Мы лишились и его помощи.

Какая там была помощь? Крохи какие-то со стола...

А ты знаешь, что они восемнадцать тысяч душ безропотно выдают на откорм? — спросил кто-то.

Надлахи ва баллахи*, турки и армяне — еще терпеливые народы! — горячо воскликнул Маккал. — Ведь мы самовольно заняли их огромное пространство, где мы сейчас сидим. Терпят у них, что приглянется. Как у родных дядей. Они нас кормят и терпят. А вот мы терпеть не умеем. Нам даже не терпится дождаться возвращения Арзу. Предупреждали нас, мы не послушались...

Ого, Маккал, голодный желудок не уговоришь. Ему не нужны проповеди. Он своего требует.

И Касуму не понравились наставления Маккала. Обезображенная правая щека его начала дергаться, а глаз налился кровью, что было первым признаком сильного волнения.

Ты, Маккал, сказки здесь не рассказывай, — выпалил он. — Нам их уже рассказали и жизнь сказочную посулили. Что же вышло на деле? А то, что мы стоим сейчас на краю пропасти. Ни у тебя, ни у Арзу семей нет, потому вам легче не только терпеть, но и поучать других. Послушать вас, так нам ничего останется: лишь умереть. Да еще воспеть славу выгнанных нас с родной земли. Значит, со мной можно поступать, как с последней собакой, а я не имею права защитить себя? Меня приговаривают к медленной голодной смерти, и я должен говорить за то спасибо? Они люди, а я — червь? — крикнул Касум, ударив себя кулаком в грудь. — Нет! Во мне сидит человек! И я буду беспощаден к тем, кто предал меня и наплевал мне в душу!

Маккал спокойно смотрел на Касума. Человек разуверился во всем, и ему было искренне жаль его.

* Надлахи ва баллахи — клятва именем Аллаха (арб.).

— Да продлит Аллах твою жизнь, Касум. Только почему свою ненависть ты направляешь не в ту сторону? Причем не армяне и турки? Ты не знал их раньше. Точно так же и мы ничего не знали о тебе. Нет, не турки и не армяне виноваты в твоём сегодняшнем несчастье.

— А кто же? Кто лишил меня глаза? Мовлу — руки? Умар — ноги? Кто нас забросил сюда? Ты думаешь, Маккал, если я не улем, то я дурак? Разве я не знал о существовании русских еще до того, как они со штыками ворвались в мой дом? Что я им плохого сделал, чем не угодил? Я сбежал не от счастья. Меня унижали и оскорбляли, отбирали последний кусок хлеба. За куском хлеба я приехал сюда. И вышло, что убежав от воды, попал под мельницу. Теперь я уверен, что в Сибири мне было бы лучше, чем здесь. — Касум умолк, уставившись горящим глазом на Маккала.

Все молчали.

Мачиг подбросил дров в костер. Через минуту огонь вспыхнул с новой силой. Мачиг отодвинулся назад.

— Что тебе ответить, Касум? — проговорил наконец Маккал. — Я такой же человек, как все. И я многого не понимаю. Но все мы в положении дичи, убегающей от охотника. И не только мы. Вы видели здешние аулы. Они мало чем отличаются от наших. Такие же, как у нас, лачуги. Но и среди них есть настоящие дома. А кто в них живет? Старосты, мушкетеры, кадии, торговцы. Это в аулах. В городах — князья, генералы, Драконы, одним словом. Но я-то о чем спрашивал? Кого из вас бедняк тронул хотя бы пальцем, обидел, оскорбил? С кем он не поделился своим последним? Так кто же тогда наши враги? Одно выходит — богатеи. И неважно, чьи они, наши или турецкие. Наверное, это им надо мстить, Касум.

Касум задумчиво глядел на пламя костра. Гнев его уже потух.

— А кто такие мы, чтобы мстить царям и генералам? Нищетождества... — Он поднял голову от колен. — Да и времени для этого у нас нет. Лично я, например, не знаю, доживу ли до завтра. Но жить рабом и нищим я больше не хочу.

Так теперь думали все переселенцы, Касум же лишь спрашивал их общее мнение. Маккал подыскивал слова утешения, но не находил.

— Согласен, наше положение, действительно, незавидное. Возможно, через месяц-другой нас некому будет даже и оп

найти. Но, если успеют вернуться наши товарищи, мы все вместе найдем выход.

Нам только один выход, — бросил кто-то, — в могилу.

Клянусь Аллахом, знал бы, что турецкий рай горше этого ада, ни за какие деньги не перебрался бы через речку Иран.

Надо было в свою Сибирь ехать. Откуда и вернуться оно было бы.

Стыдно, кенти! Даже женщины так не ноют! Мы что, не знаем с русским царем? Или мы смерти боялись? Что-то не привычно такого! — Мовла вскочил. — Клянусь грудью матери, если дойдет до того, буду рубить головы и турецким пашам.

Смерти, Мовла, никто и не боится. Позор — вот что страшнее смерти. Лучше тысячу раз в день умереть, чем тысячу дней скитаться бездомным бродягой.

Тогда и горевать не о чем. Ружья наши не заржавели, сабли не затупились. Будем драться. А смерть-то, вон она из щелей глаз на нас таращит. Выбирает, к кому бы ей сегодня пойти в гости. Впрочем, не хочу даже думать об этом. Ты мне, Маккал, вот на какой вопрос ответь: если я завтра-нибудь паше турецкому отсеку при случае голову, на твоем свете как благодеяние... зачтется мне это Аллахом?

В глазах Маккала заиграли веселые огоньки. Лицо тронула улыбка, он лукаво подмигнул:

О сын Адама, раб Аллаха, нищий турпал* Мовла! Вни-
жайте священному писанию пристало лишь сытым и бездель-
ным. В наших же желудках гуляет ветер. Но времени у нас
мало. А потому я отвечу на твой вопрос. Священное
писание предписывает: цари, князья, приставы и все прочие
властители поставлены над тобой Аллахом, а потому ты до-
ложен их терпеть и помалкивать. Далее святое писание гово-
рит так: "О верный раб Аллаха, Мовла! Все гяуры — твои
враги. Убьешь их — и Аллах тебя возвысит, убьют тебя — он
и в этом случае возвысит тебя. И пред тобою откроются рай-
ские брата, прекрасные гурии поведут тебя в чудесные сады,
где текут молочные реки".

Заманчиво, черт возьми! Но как-то хитро. При любом
исходе в рай идти предстоит одному мне. А когда же невер-
ный выйдет попасть туда?

* Турпал — богатырь, герой (чеч.).

— Ха-ха-ха! Никогда! Это же будет несправедливо!

— Не везет гяурам!

— Подожди, Зарма. И у меня есть к мулле вопрос. Кому меру, есть среди мусульман люди и похуже гяуров. Если примут смерть от моей руки, попаду я в рай?

— Конечно бы, следовало. Да только в писании от этого ничего не сказано.

Мовла огорченно зацокал языком:

— Серьезную ошибку сделал тот, кто писал эту жейну

— А нельзя ли вписать пару строк о том, что и убийцы самых подлых мусульман в раю тоже найдется местечко?

Ха-ха-ха!

— Придумал!

Маккал выждал, пока прекратится смех.

— Я другое тебе скажу, Мовла. Среди христиан добрых людей немало. И добрых христиан после их смерти, говорится в писании, будут перевозить в рай на белых верблюдах, а подлых мусульман на черных ишаках — в ад.

— Сколько же работы у ангелов!

— Бог даст, скоро собака Шахби подохнет. Тогда и через неделю открою его могилу и, может, увижу в ней своего друга Егора, — с серьезным выражением на лице проговорил Мовла. — Конечно, клянусь Кораном, есть и среди гяуров очень много хороших людей. Маккал правду сказал, солдаты повели с нами не по своей охоте. Заставили их — и куда им деться было. Они и живут-то хуже нашего. Я видел, когда два года в плену провел. Вместе с мужиками Рангал-инарлы* работая мужиков земли мало, можно сказать, совсем ее нет. Вся она у богатых. Да и собственная жизнь-то не им принадлежала. Князя его мог продать, обменять, проиграть в карты. Стоило мужику провиниться, как с него сдирали штаны и по голому вымывали прутьями или палками. А с мужичьими женами и дочерьми что вытворяли? Мужики рассказывали, что когда у князя сдохла оценившаяся сука, то князь заставил только что родивших мужичьих жен в первую очередь кормить грудью щенят, а потом уже младенцев.

— О Аллах, да допустимо ли это? Неужели у русских мужиков руки отсохли?

* Рангал-инарла — генерал Врангель.

Валлахи ва биллахи, да если бы кто заставил кормить
молоком жены, я бы ему снес голову и ее бы дал цен-

Мужики сопротивляются, но царь на стороне помещи-
и в его руках войско.

Короче, у мужиков жизнь хуже собачьей.

Лучше раз погибнуть, чем терпеть такой вот позор.

Идно, на земле нигде правды нет. А разве здесь, у ту-
не то же самое?

Тихо! Тихо! Вы послушайте меня дальше, — призывал к
Мовла. — Был у меня друг, Егор. Старый уже. В
любови любил он одну девушку, но у них был закон: без
князя мужик не имел права выдать свою дочь
замуж. И пока Егор ждал такого разрешения, его и забрали в
солдаты. А через год ему отписали, что ту девушку изнасило-
л епожеский сынок, она же, не выдержав позора, повеси-
сь. Ну, наверное, слышали, что в русской армии служба
двадцать пять лет. И Егор вернулся домой почти ста-
рым, он так и не женился. Вот он мне и помог бежать. А
когда прощались в лесу, сказал: "Ты, Мовла, если доберешься
до Кавказа, то по возможности руби головы тех и стреляй в
них, кто носит золотые погоны. Солдаты же, сам видел, это
честные люди".

Он по-нашему говорил?

Да нет. Я русский язык знал.

Поклянись!

Валлахи ва биллахи, знал!

Переведи, как ты сказал?

Да это совсем не трудно, — Мовла окинул всех гордым
взглядом, — "Наш барин Рангал изнаешь?" — спрашивает он.
"Нашай". — говорю. "Йво башка долой, золотой пагон эпсар
башка долой. Висе золотой пагон эпсар саббак. Салти-мужи-
го, иши биднак". А я ему: "Яхши, Егор, яхши. Висе золотой
пагон башка долой изделаем".

Ну и Мовла! — зацокали со всех сторон.

Истоящий урус!

Вот только нос у него другой.

Длинноват, точно!

Ничего, зато они ему одну руку подрезали.

Мовла, а ты сдержал данное слово?

Аллах помог мне добраться до Нохчичо. И как замечал
пагон, так сразу Егора вспоминал. И ни одного слу-

чая не упустил. Так что свое слово я сдержал. Вот почему и интересно будет заглянуть в могилу Шахби. Если вернется Маккалу, то Шахби должен попасть в ад, а Егор — в рай. Тогда же и могилами должны поменяться.

— Ошибаешься, — впервые мрачно засмеялся Касум. Шахби — мулла, значит, его поменяют только на русскую попу...

Костер догорал. Люди стали понемногу расходиться. Усталость и недоедание брали свое.

— И сегодня они не вернулись, — тихо проговорил кто-то. Ему не ответили.

Из ближайшей землянки до них доносится жалобный пелос ребенка:

— Нана...

Мать не отозвалась.

— Нана...

— Что тебе, моя хорошая?

— Я сискал хочу...

— Где ж его взять, радость моя?

— Нана, хоть немножко...

— Вот рано утром пойду в село и принесу много-много хлеба. А сейчас спи, спи... пока.

— Нана...

Девочка замолчала. В землянке стало тихо. Потом в этой тишине послышалось рыдание матери...

Мужчины опустив головы, хмуро глядели на догорающие угли костра. Они, закаленные в боях войны, давились думами, вспоминая своих собственных детей, кого уже мертвых, а кого живых, но таких же голодных, как эта плакавшая девочка...

ГЛАВА IV

МАТЕРИНСКОЕ СЕРДЦЕ

Журавль пролагает свой путь в небесах,
Из черного облака кричит «курлы»,
Изгнанника гонят надежда и страх,
Что может он в мире, где люди так злы?

О.Туманян

Утром пошли в лагерь, соблюдая полную тишину, словно сопровождали покойника на кладбище.

Лагерь молчал, но это не означало, что все люди в нем

Тарам стал с недавних пор страдать бессонницей. Он изматывал себя, а уснуть никак не мог. Впрочем, оно и понятно, какой может быть сон на голодный желудок. Где же тут искать эту самую справедливость? Да и существует ли справедливость? Тарам в периоды ночных бдений проклинал весь мир, настолько опостылела ему жизнь. Жену и четверых детей хоронил Тарам, и разве уснешь, если вопрошающих детей ни в чем не повинных детей постоянно преследуют демоны, в ночные часы.

Тарам сидел в темноту, и жизнь казалась ему такой же темной, как и эта окружавшая его ночь. Жгучая ненависть все сильнее и сильнее овладевала им, разгоралась с невероятной силой. И рука невольно судорожно стискивала рукоять кинжала. Раньше с такой же ненавистью он переступал свои праги на поле боя, и скольких врагов! Не считая врагов. Но тогда Тарам видел их в лицо. Это они разорвали его, убивали, грабили, уничтожали посеи. Потому что он встал с ними насмерть. А теперь здесь, сейчас враг невидим. И с ним не вступишь в бой, хотя его соотечественники умирали Тарам, все гибнут и гибнут по вине этого скрытого врага-невидимки...

Дважды не выдерживал Тарам и дважды водил людей в штурм Муша. Разграбил его окрестности, и на душе приполегчало. Но что он скажет теперь Арзу? Как и чем оправдываться перед ним? А Арзу рассвирепееет... Да, Аллах с ним! Зато Тарам хоть чуть-чуть душу отвел...

Темные силуэты каких-то людей показались на дороге лагерю. Во мраке и не различишь — свои это или чужие. Но они поравнялись уже с землянкой Тарама.

— Ассалам алейкум, да послужит добру твой ясный ум, — Арзу чуть замедлил шаг, приветствуя Тарама.

— Ва алейкум салам! — чуть не подпрыгнул от неожиданности Тарам. — Да будет добрым ваш приход. Не унывай, кого из наших неумолимая смерть?

— Слава Богу, пока все живы. Только вот Данча захватили — Арзу указал на носилки.

— Да поможет ему Аллах! — сказал Тарам и присоединился к группе. Уже издали они заметили высокую худую фигуристу, застывшую у входа в землянку. Это Хеди, заслышав знакомые голоса, вышла встречать мужа.

Данча попросил опустить носилки. Встал сам, оттолкнув попытавшегося поддержать его Хору, медленно пошел к своей землянке. Принесли его на носилках, вся семья бы переносилась. Нет, этого Данча не мог допустить.

Но Хеди все видела и поняла, что мужу очень худо. Ни в виду не подала.

О том, чтобы зайти в землянку и посидеть всем вместе, не могло быть и речи. Ни в одной не уместилось бы столько людей сразу. Поэтому, поговорив немного с Хеди и успокоив ее, все разошлись по своим землянкам.

Данча прилег на постланный в углу войлок. Состояние его было тяжелым, но он не стонал и старался дышать как можно ровнее.

— Тебе очень плохо? — тихо спросила Хеди.

— Ничего... Может, и пройдет, — чуть помедлив, ответила Данча.

Хеди растерянно сидела у его ног, не зная что же ей предпринять. «Может, он голоден?» — подумала она.

— У меня сыру немного осталось. Нам одна армянка принесла. Я для тебя сохранила. Покушаешь?

— Не хочется. Устал я с дороги.

Хеди на своем веку немало повидала и мертвых, и тяжело больных. Но видеть, как мучается самый близкий человек, было для нее невыносимо.

— Амин, ты что плачешь? — спросил Данча, расслышав стон и рыдания.

И тогда Хеди заплакала, уже не сдерживаясь.

Ну пот тебе и встреча! — попытался шутить Данча. — Ты же устал, прилег с дороги, ну, прихворнул немного, а она и заронить его готова... Нет, жена, будь мужественной! Ты же не плакала, когда меня насквозь проткнули штыком, вырвали четыре ребра, и я был без сознания? Почему же ты сейчас не плакала? Ну... ладно, ладно... А то детей разбудишь...

И в тогдa плакала, — всхлипнула Хеди. — Потихоньку ушла.

Данча помолчал. Потом окликнул жену:

Хеди!

Что?

Ты успокоилась?

Да.

Вытри глаза... Нам с тобой нужно поговорить... Но первая моя просьба к тебе — не плакать, что бы со мной ни случилось. Надеюсь, тебе ясно? — Данча выдержал паузу. — Мы — чеченский вы народ, женщины! На войне всегда были рядом с мужчинами, не моргнув глазом принимали любые жертвы, всего насмотрелись. А здесь, на чужбине, вы вдруг стали женщинами, причем чувствительными: чуть что — сразу заплачете... Не забывай, что чеченская мать должна быть смелой и стойкой. Ибо ее сыновья принадлежат не ей, а народу, стране. Ты знаешь, Хеди, никогда не думал и не говорил о смерти, но сейчас приходится... Конечно, я надеюсь на лучшее, но кто знает, что может случиться. Поэтому и хочу тебе сказать все заранее...

Хеди почувствовала всю серьезность положения. Если муж так говорит, то... надежд у него нет никаких...

В жизни я совершил одну-единственную ошибку — привлек людей. Берс меня убеждал не делать этого. Арзу и Махмуд спорили. Но живя среди людей, ты уже не принадлежишь только одному себе. Все мои родичи поехали, значит, и я с ними. Конечно, будет очень обидно умереть здесь. Мне хотелось бы лежать в той земле, за которую пролил кровь. — Данча передохнул, провел языком по пересохшим губам. — Но родных твоих уже почти никого нет. Те же, что остались, думают только о себе. И вот такая моя вторая, главная просьба к вам: будете живы, любой ценой уезжайте отсюда. Здесь

Арзу и товарищами. Месяц назад отправились они в Диар-
бакр, чтобы успеть осмотреть предназначенные для пересе-
ления земли. А Маккал еще раньше уехал в Стамбул на пере-
селе в Бугутаном. Вернувшись, он уже не застал Арзу. Выхо-
дя из лагеря почти два месяца не виделся со своим поворотом.
Поехать в Стамбул вместе, как было решено на Совете
Арзу и Беное, им не удалось. Обстановка требовала при-
стального лагеря хотя бы одного из них для поддержания
порядка. Отправить в Стамбул одного Арзу? Нельзя. Во-пер-
вых, он человек прямой, резкий, горячий, и кроме родного,
никого не знает. Во-вторых, лагерю требовался чело-
век с твердой рукой сдерживать голодных, разо-
вредившихся и доведенных до отчаяния людей. Это было под силу
только Арзу. Он умел подчинять себе людей. Арзу и Чора
остались в лагере, Маккал же и Али отправились в Стамбул.
Маккал знал, что Маккалу уже довелось побывать в турецкой
столице.

Маккал уже спал, когда наконец сон сморил и Маккала. Но
сон был один и тот же. Сначала ему виделась родные горы,
потом вспоминало прошлое: плен, далекий север, пленение
Арзу, Беное, предсмертная агония Жабраила, кровоп-
роство у Шали. Видел и друзей: Солта-Мурада, Залму, Бер-
кула, Аман...

Принудил Маккал от шума и топота. А потом услышал
чужой голос Арзу. Маккал вскочил и, еще не совсем веря
своим ушам, подумал, что это продолжение сна.

Есть здесь кто живой?

Маккал спинулся к повороту, потом к Чоре.

Спать страшный сон видел. Случилось что-нибудь?

Лагерь приболел.

Встал Али. Обнял Чору, с любовью посмотрел на брата.

Тарам и здесь не отстал. Он вынул из кармана бешмета
забытую пиды трубку, набил ее душистым табаком. Потом
он закурил, высекая огонь обломком кинжала из крем-
ня, и в темноте снопы искр.

Как справились, Арзу? — у Тарама уже иссякло терпение.

Ничего, Тарам, — ответил Арзу. — Нас обманули.

А Нурсет-паша* говорил, что там самые плодородные

* Нурсет-паша — искаженное Нусрет-паша.

— Врал Нурсет-паша. Как втали и все остальные.

— Но люди-то там есть? Живет хоть кто-то?

— Люди живут везде. И там тоже. В основном курды, манаки племени эшират. Говорят, они разбойники и грабят армян. К востоку расположен Диарбекир, по словам проводника армянина — «турецкая Сибирь». И еще проводник говорил, что в Турции живут народы разных национальностей и что манаки — они самым разным богам. Так что, Маккал, не одни мы тут храбрые. Не только мы поднимаем оружие против властей, другие народы мечтают о свободе. И в самой Турции воюют против султана, особенно христиане, живущие за морем. В Диарбекире имеется огромная тюрьма с круглыми башнями, в которую бросают всех: и турок, и христиан. Я еще подумал, а не то ли вы нас специально поближе к этой тюрьме?

Нет! Невозможно было слушать слова Арзу. Ум отказывался понимать, сердце отказывалось верить. В Турции еще хуже, чем в России. Пленных горцев в России отправляли в Сибирь или в имения помещиков. Пусть в оковах, но там можно было дышать свежим воздухом и греться на солнце. В крайнем случае не так уж трудно было и сбежать. Турецкая же тюрьма по рассказам походила на зиндан Шамиля, если даже не хуже.

— Как ты считаешь, Арзу? — спросил Маккал. — Нам следует отправляться туда?

— Один я ничего не решаю. Спросим людей.

— Лично мое мнение такое, — заворчал Тарам. — В падаюти я всегда успею. А потому останусь здесь. Земля тут плодородная. Если нечего будет есть — заберем силой. А то, что Нурсет-паша нас обманывал, я заранее чувствовал. И понятно, чего мы ждем дальше. Кто нам отдаст хорошую вооруженную помощь? Таких дураков не свете не найдется. Почему нас мучил русский падишах, ясно. Он — гяур. Но турецкий! Он же мусульманин. А поступил хуже гяура. Свинья! — возмущался Тарам.

— Любои царь хорош, когда он мертв. А что слышно из Эрзерума? — спросил Маккал.

— Там наших собралось около пяти тысяч. И их тоже взяли в Диарбекир, сказав, что мы туда уже ушли. Более двух тысяч человек снялись с мест и отправились к Диарбекиру. В Чубакчуре мы с ними встретились и рассказали всю правду. Они немедленно повернули назад. Но уже не в Эрзерум, а сюда к нам. Дней через десять они будут здесь.

На нам только и не хватало!

Они тоже голодают?

Там еще тяжелее. Нурсет-паша безвыездно сидит в Эр-
зеруме. Со всех соседних вилайетов туда стянуты войска.

Может быть, нам лучше расселяться группами, — нерешительно произнес Али. — Тогда мы и прокормиться смо-

жем. Этого нельзя делать ни в коем случае, решительно воз-
разил Маккал и с грустью добавил: — Конечно, всем вместе
быть лучше. Легче язык свой сохранить, обычаи. Видно
было и лицо народа.

Уставшие Арзу и Чора начали дремать сидя. Тарам вычис-
лил рублеу.

Несчастный народ на земле, — ворчал он. — Начинить
всю землю порохом да взорвать! Столько прожить и не
видеть ни одного радостного дня! Что мы сделали, чтобы над
нами так измывались? Вот ты говорил, Маккал, дескать, на-
падение на Муш — позор для нас. Я и сам сперва удерживал
Арзу, а потом пусть нехотя, но повел. Но теперь! Сам призо-
вал меня поехать на Муш. Кто станет сопротивляться — отпра-
вить на тот свет. Нас не жалеют, и мы никого жалеть больше
не должны.

Несомнение Тарама перерастало в ярость. В темноте глаза
его блестели, как у озлобленного голодного волка.

Успокойся, Тарам, успокойся, — обратился к нему Али.

Не моти словами своими народ. Ему и без тебя тошно. Вы
хорошо поступили, напав на Муш. Теперь туркам ничего не
останется, кроме собрать войско и уничтожить нас. У них есть зацепка. А
у нас — нет.

Кто турок боится, пусть держится за подол жены.

Не забывайся! Здесь ты не у себя в горах. Здесь совсем
другая ситуация. А с нами женщины и дети. Их ты куда де-
нешь? От турок пощады ждать нечего.

Тогда лучше для всех нас. Сразу подохнем и не будем
мучиться. На том свете нас даже предки не признают, если
мы умираем пред ними такими скелетами. И райские гурии
не берут от подобных мужчин. Правильно я говорю, Мак-
кал?

Все ты говоришь верно. Но пойми и другое. Нельзя
так развешивать на себя еще большую беду. Ваше нападение
на Эрзерум. Ну что я теперь скажу Арзу?

— Слова-то ты какие хорошие говоришь: долг, благородство, благородство... — Тарам словно рассуждал сам с собой. Я всегда поднимался на гору и смотрел оттуда, как турки и армяне работали на полях, а курды, разбив шатры, пасли скот. Не знаю, может быть, зерно, что они убирают, и ошша, козлов, которых они пасут, им не принадлежат. Может быть, они работают так, как ты говоришь, и работают не на себя. Но у них есть nevertheless свой клочок земли, есть своя кровля над головой, и они не перестают трудиться. А вот я двадцать лет мечтал о такой же мирной жизни: о праве пахать, о праве сеять, о праве убирать. И вот попал? Мечтал, будучи в неволе. Захотел я убежать из нее. И куда? И попал? Но все-таки я им завидую. И скажи ты мне, ну и что моя вина, за что меня преследуют столько лет? Маккал, я хочу мирной жизни, а приходится грабить и убивать. Так пусть Аллах потом и рассудит, кто в том виноват. Я или они?

— Не пори горячку, Тарам. Потерпи. Да и отдохнуть тебе пора. Эти двое до смерти устали. И нам спать уже хочется.

От громкого голоса Тарама Арзу проснулся. Он подошел, пока Тарам уйдет, потом спросил:

— А что ты привез из Стамбула?

Маккал вздохнул.

— Говорил с Абдул-Межидом и Али-пашой. Им не до нас. С русскими у них мир, и затевать с ними ссору они пока не собираются. Если же такое случится, то мы должны будем ударить русским в спину. Теперь же нам следует набраться терпения и ждать. Короче говоря, все обстоит так, как и прежде, как говорил Берс. По мнению турок, сильнее их нет никого на свете и только они одни способны защитить нас от русских. Только все это одни слова. Реальной пользы от них нет никакой. Порядок в Стамбуле отсутствует, всюду произвол. Народ доведен до полной нищеты. Все малые народы уже поднимаются против владычества турок. Западные христиане, курды и арабы от Багдада до Алеппо. Восстание вот-вот перекинется на Сирию. А тут мы со своей просьбой о помощи пожаловали. Турки сами сейчас нуждаются в ней. Отряды, созданные из переселенных черкесов, брошены на заморских христиан. По своей жестокости они даже превосходят своих хозяев. Они и нас, видимо, турки хотят использовать в том же качестве.

— Не допустим, — отрезал Арзу.

На время в землянке воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным похрапыванием Чоры.

— Куда же все-таки решено расселять нас?

— В Динибекирский вилайет.

— Что все равно что обречь нас на смерть... Мусу или Сайду не встречал?

— Видел их. В Эрзеруме. Муса уже стал пашой. Сайдулла официальной должности не имеет. Оба живут неплохо.

— Арзу облокотился о подушку.

— А как жизнь в лагере?

— Нам осталось уже шестнадцать тысяч. Две тысячи человек лежит на кладбище. Я подсчитал, в среднем в сутки умирает по сто человек.

— Новых заболеваний нет?

— Болезни все те же — дизентерия, малярия, тиф.

— Сколько зерна осталось?

— Вчера считал. Получилось меньше двадцати мешков курамы. Мы распорядились сделать из нее крупу, чтобы кормить больных и детей супом. Остальные пусть позаботятся о себе сами.

— Как наши гатияуртовцы?

— У Мачига умерли жена и двое детей. Похоронили мы и Ибрагима. Последнего в семье.

— Упокой его душу Аллах.

— Аминь.

— Арзу надолго замолчал. Думая, что он уснул, начал укладывать и Маккал. Однако Арзу не спал.

— Мне послышалось, будто Тарам говорил что-то о нападении на Муш. Это было?

— Было. Воспользовались вашим отсутствием, сбились в гору и дважды штурмовали Муш. Слава Богу, обошлось без крови. Высокие каменные стены защитили город. Но дома, что стояли вне его стен, разграбили дочиста.

— Остопиралла! — невольно вырвалось у Арзу. — Как же мы теперь им в глаза смотреть будем?

— История очень неприятная.

— Кто зачинщики?

— Этого я не знаю. Говорят, какие-то люди мучили народ. Они навали идти, чтобы добыть еды или погибнуть с оружием в руках. Когда же дошло до дела, во главе оказались Тарам и Джага.

— Сволочи! Все испортили, представили нас ворами и разбойниками. Если мы еще могли надеяться на хорошие земли

и на мирную жизнь, то теперь все пропало. Кому иметь дело с грабителями?

Арзу долго не мог успокоиться.

— Как настроены люди в целом? — спросил он, не выходя из пещеры.

— Большинство намерено вернуться. Кое-кто уже тронулся в обратный путь.

— А твое мнение?

— Я согласен с ними.

— Да, для нас теперь это единственно возможный шаг — твердо сказал Арзу. — До весны нам не дотянуть. Вернемся. Уж лучше в Сибири прожить год, чем один день здесь. Скажи завтра аульских старшин и начальников отрядов. Будем решать все вместе...

Последние слова Арзу произнес почти засыпая. Но Данча им не дал отчаянный мальчишеский крик:

— Арзу! Маккал! Дада умирает...

Болат уткнулся в горячее плечо Арзу и затрясся всем телом.

Данча умирал...

ГЛАВА V

ДАНЧА

Путь добрый тебе, мой милый журавль,
С птенцами, с подругой летишь прямиком,
Весной, как в родимую гавань — корабль,
К чинаре своей с прошлогодним гнездом...

О. Туманян

О ночь! Как длинна ты бываешь и жестока! Ни жалости в твоём мраке, ни милосердия. Холодны и безжизненны твои объятия. Когда же ты кончишься, ночь? Под покровом твоим раненый зовет о помощи, умирающий смотрит в бездну твоих глаз смерти. Слышишь, как кричат больные люди, стонут безутешные матери, воют голодные звери. Почему же ты так безмолвна, ночь? Почему нет в тебе ни капли сострадания к голодным и измученным людям? Может, ты жестока, и чем вина их? Скажи, ибо люди о том не ведают. Лучшую долю добывали, лучшую долю искали. Упоявая на твою ласку, в холодных саклях, мечтая о хлебе насущном. Выставляли к солнцу свои руки, но и небо над ними жестоко и равнодушно. Так кто же выведет их к свету? Обогреет? Обласкает? Наполнит души новой надеждой? О ночь!

И вот, по собственной воле устремились эти несчастные в неизвестный край, где им рай на земле посулили. И они, ослепленные, поверили на слово. Черные люди сюда и загнали их обманом, сюда, под твой покров. О ночь!

Как ты холодна! И горячая кровь не струится по жилам, и сердце бьется все медленнее, потому что нет у ночи родины.

Пробудившись, ночь, к стонам мужчин, в безысходной тоске и отчаянии: «Аллах всемогущий, за что так жестоко, за какие грехи мы тобою наказаны? Смерть пощадила нас в бою с врагами, но обрекла на гибель позорную на чужбине. Помоги же нам, всемогущий Аллах...»

О долгая черная ночь!.. Ты долга и тяжела, как думи в родине.

О страшная ночь! Избавь скорее от мучений того, кто — доброго солнца, глядя в лицо умирающего...

А умирал Данча... И он знал, что умирает. И что-то странное привиделось ему то ли в бреду, то ли наяву... Он один стоит живой и невредимый, а вокруг лежат тела товарищей. Какие-то белые облака ползут по земле и все ближе и ближе подступают к нему. Нет, это не облака, это солдаты. Стройнными рядами наступают они на него, с головы до ног одетые во все белое. И руки, и лица у солдат тоже белые. Только штыки черные. А Данча один. В стороне горит аул. Янтарными пламени извиваются вокруг него. Вот солдаты ускорили шаг. Они уже бегут. Данча размахивает саблей, но помочь ему некому. Он один. На всем белом свете. А из-под тел товарищей ручьями течет кровь. Данча видит лужи крови. Потом белое озеро. И по поверхности кровавого озера плавают тела воинов. И Данча стоит уже по колена в крови. Он оглядывается, но вокруг ни одной живой души. Поднимает глаза к небу. Вон Арзу летит на белом коне. А кровь все поднимается и уже достает ему до подбородка.

— Арзу! Арзу!.. — закричал Данча и открыл глаза. Холодным потом покрылось тело. Дыхание перехватило. Он тяжело застонал, и лицо его исказилось от боли. Данча судорожно пытался схватить воздух открытым ртом.

— Болат, Болат! Скорее зови Маккала! — страшно закричала Хеди.

Но жизнь, видимо, не желала так быстро покинуть тело Данчи. Данча за всю свою жизнь ни разу не болел, если не считать ранений, заставлявших его подолгу лежать в постели. Но на чужбине болезнь настигла его...

Теперь Данча перестал метаться и лежал тихо. Прибегавшие Маккал и Арзу по его дыханию определили, что конек уже близок...

Маккал занял свое место у изголовья и начал шептать имени Арзу подошел к окаменевшей Хеди.

— Не печалься, Хеди, — сказал он. — Данча крепкий. Он еще нас с тобой переживет.

— Ему ведь было лучше. Я думала, он уже поправится...

— С помощью Аллаха поправится...

Хеди лишь горестно покачала головой.

Рассветало. Небо прояснилось. Одна за другой гасли звезды. На белом фоне рождающегося дня постепенно выступили черные горы Циран-Катар, мигали редкие огни Муша. Загорелись купола армянских церквей, которых здесь было много. Сан-Австерана, Сурб-Маринэ, Сурб-Киракоса. А вон и высокий минарет мечети Алауддина. Издали кажется, что он упирается в еще темное небо. Потом зазвонят колокола. Прокричит муэдзин, призывая верующих к молитве. Отцы и братья пер примутся читать проповеди о том, что все на земле временно, и кому трудно сейчас, тому на том свете воздастся. И тогда, что лишь смирение и послушание открывают ворота райа...

И никому из них нет дела до умирающего Данчи.

С наступлением дня люди в городах и селах примутся за свои повседневные заботы, а в этой открытой долине потешающие роднику горцы вновь начнут копать могилы, чтобы уложить в земле умерших за долгую осеннюю ночь, как они делают по дню в день...

Данча умирал...

Ахач утешал детей.

Богата оставь, — сказал Арзу. — Пусть он видит. Он должен запомнить этот день.

Подошел Мачиг. Тихо опустился у изголовья Данчи.

Первые лучи восходящего солнца легли на лицо умирающего. Уже наполовину восковое, оно вдруг озарилось последним проблеском жизни:

Помнишь... Мачиг... Мачиг... Орза-Кала... Алха... Прав...

И ушел Данча. Теперь уже навсегда.

Арзу опустил ему веки. Набросил на него бурку.

Ахач не плакала. Муж запретил ей. Только плечи ее вздрагивали. Конечно, она плакала, только без слез...

Подошел Али.

Сколько? — спросил Арзу.

Пятьдесят восемь.

Маккал останется здесь омыть Данчу. Пришли ему на помощь Чору. А вы с Мачигом сходите на кладбище узнайте, где у вас. Надо успеть похоронить всех до полудня. Маккал, похоронив пять человек в одну могилу нельзя?

Мы так и хороним теперь, — ответил Маккал.

Нам омыwać Данчу? В землянке тесно, и воде некуда вылить.

— Мы уже приспособились, — с грустью выдохнул Маккал. — Снесем его в рощу. Передай Хеди, чтобы вода найдется. Обычно в такой час каждый бережет для себя кусочек мыла и битье савана.

Тело Данчи положили на носилки и вчетвером — Маккал, Арзу, Мачиг и подоспевший Чора — понесли к роще. Там переложили его на дубовые ветки, освободили от одежды. Открылось тело, сплошь покрытое шрамами. На спине — две глубокие вмятины от сквозных ударов, полученных в штурмовом бою. Одному Аллаху известно, как Данча остался жив после них. На правом боку резко проступали выломанные ребра.

— Он был мужчиной.

— Настоящий воин.

— Тело-то какое чистое, — проговорил Маккал с таким спокойствием, словно омыwać покойников стало для него обычным делом. — Сколько их прошло через мои руки, не простит мне Аллах такие слова. Попадаются такие, что от них на десять шагов отойдешь, но все равно еще дальше бежать хочется. Что творится в бороде, под мышками. Представил столько насекомых и то жутко. Как муравьи кишат. Один раз мне даже ножом пришлось скоблить. Столько этих паразитов развелось. Потом и на еду смотреть невозможно: тошнит. Неплохое средство при голоде, верно?

— Маккал, — Арзу поморщился, — давай о другом?

— Гляди, какой чувствительный! Уже тошнит? От одного моих слов? Ай-яй-яй. А мне каково? Значит так, с сегодняшнего дня ты будешь главным моим помощником. Хеди, саван готов? — Маккал повернул голову, встретил переполненный горем взгляд женщины и потупился. — Не стану успокаивать тебя. Ты и не такое видела... Что поделаешь, Данча. Временами настоящим конахом ты был, верным другом и добрым человеком. Счастье твое, что ты ушел раньше нас. Ибо, как мучения ждут нас впереди, одному Аллаху известно...

Недолго собирали Данчу в последний путь. И в чужую землю опустили отважного воина. А та земля, которую он двадцать лет отстаивал и поливал своей кровью, так и осталась в его несбывшихся мечтах...

* * *

Этот день был особенно трудным. За ночь умерло слишком много, и мужчины, взявшие на себя заботы о захоронении, едва успевали до самого рассвета, не разгибая спин и не выпуская из рук лопат. Солнце уже стало клониться к закату, когда они, уже полоча от усталости ноги потянулись к лагерю. Шли молча, отрешенные от всего, измученные и оцепеневшие, слов не было ни у кого. Они шли вместе со своими близкими похоронили там, на пустынно выросшем кладбище. Ведь и они не чувствовали ничего, и у них не было уже сил ни думать, ни разговаривать. Правда, мертвым легче — завтра их уже никто и не вспомнит; ни слез, ни горя не знать им больше. Но живые они! А вот им, мертвым от усталости, но еще движущимся, и завтра предстояло делать то же самое...

Арзу, как всегда, шел впереди. Устал он не меньше других, и сил у него не больше, но о спасительном конце даже думать не имеет права, потому что именно он, а никто другой, встал на себя бремя всей ответственности за жизни и смерти этих людей. А раз так, значит, должен он устоять во всем, что ни стало. Нечеловеческим усилием воли и безграничным мужеством он гнал от себя не только муки усталости и голода, но и болезни. Железная стойкость этого человека, как и у остальных, служила примером, образцом. Благодаря ему люди не только держались на ногах, но и находили в себе силы продолжать бороться с подстерегавшей каждого смертью.

Избежав на майдане посторонних людей, Арзу постарался сделать шаг.

— Что за люди? — спросил он вышедшего навстречу Мов-

— Мертвые. Тебя дожидаются.

— Откуда они меня знают?

— Сказали, что есть разговор к главному. Я объяснил, что ты только перенешься. Они и ждут тебя.

Арзу потрясенный. В течение последнего месяца местные жители ни разу не показывались в лагере. Причин тому было много, главная же заключалась в том, что даже малейшее проявление доброжелательства к переселенцам со стороны местных жителей жестко наказывалось властями. Помощь, которую раньше, прекратилась. Несчастливым же переселенцам, чтобы не умереть с голоду, ничего другого и не остава-

лось, как воровать да грабить. И в последние дни твоего чаи участились...

— Не узнавал, зачем они пришли? — спросил Арзу, хотя в целях визита догадывался и сам. Предчувствие его не обмануло.

— Жители жалуются, — ответил Мовла, бросив взгляд на Довту и Тарама. — Обвиняют наших в грабежах.

— И у нас для таких же жалоб поводов не меньше, — ответил Тарам.

— Только нам не к кому обращаться...

Мужчины подошли к гостям и с каждым поздоровались по руку.

— Такие же простые люди, как и мы, — сказал Маккал, посмотрев на утомленные лица и убогую одежду гостей. Арзу понимающие кивнул.

— Который из вас главный? — спросил пожилой турок с симпатичным лицом и седой бородкой.

— Люди выбрали меня, — сказал Арзу, шагнув вперед.

— У нас к вам дело.

— Прошу извинения, — развел руками Арзу. — У нашего народа есть обычай: прежде, чем говорить о делах, следует накормить гостей. Однако сейчас мы не в состоянии не только угостить вас, но даже пригласить в дом. У нас нет ни продуктов, ни крыши над головой. Поэтому придется беседовать прямо здесь, на траве.

— Нам трудно говорить о нашем деле, — начал пожилой турок, усаживаясь поудобнее. — Но мы...

— Правильно, — пришел на помощь Маккал. — Мы должны поговорить откровенно, чтобы зло не затаилось в стране. Что бы вы нам ни сказали, никто вас здесь не обидит.

Гость слегка склонил голову и прижал руку к сердцу.

— Аллахом предначертаны судьбы людей, — ободрительными словами Маккала, продолжил он. — Ему было угодно разделить вас с родиной то ли за грехи ваши, то ли чтобы подвергнуть испытанию. Нам это не известно. Но мы никак не виновны в постигшем вас несчастье.

— Упаси Аллах! — воскликнул Маккал. — Наоборот, мы виновны перед вами!

— Мы верим, вам и дома жилось очень трудно. Иначе разве вы бы покинули родину? Каждый человек мечтает о лучшей доле, надеется на счастье. Мечты и надежды и привели вас в наш край. Бедные всюду одинаковы, поэтому мы не

...и сердца сочувствуем вам, и нам очень трудно видеть, как вы страдаете и терпите лишения на нашей земле. В первые годы мы по возможности помогали вам. Приходили друг к другу в гости. Пусть мы и бедны, но мы делились последним хлебом.

— Ты правду говоришь, ага*, правду, — закивал головой Мискал. — И вашу доброту мы будем помнить всегда.

— Посмотрите на них, — турок протянул огрубевшие жилистые руки. — От зари до зари мы гнем спину на богатых, чтобы наши семьи не умерли с голоду. Чтобы хоть как-то выжить из нужды. Но она все сильнее и сильнее давит нас. Мы не боремся с этим, что-то отрывали от себя и старались помочь вам.

Арзу слушали, опустив головы. Турок говорил правду, и им было трудно смотреть ему в глаза. Вдвойне неловко чувствовали себя Арзу. Но он не прятал взгляда, ибо вынужден был снести весь позор за то, что натворили здесь в его отсутствие соплеменники.

Мы бы и теперь были рады хоть чем-то помочь вам, но нас это запрещают. Запрещают к себе позвать, запрещают к себе прийти. Повсюду мудуры**, которые следят за нами. Они нас наказывают, избивают, дают штрафами, бросают в тюрьму. Люди зануганы и теперь боятся даже взглянуть в вашу сторону. Вот поэтому в последнее время мы и старались изжить нас.

Арзу кивнул головой.

— Спроси его, если уж они такие добрые, то почему убивают наших людей, как только им подворачивается удобный случай? — вмешался Тарам.

Мы гораздо худшего заслуживаем, — грубо оборвал его Мисра.

Но Мискал все же перевел вопрос Тарама.

— В каждом народе есть подлецы, — просто ответил босоногий армянин, сидевший рядом с пожилым турком. — Но в нескольких негодяев нельзя винить всех.

— Тогда почему укрываете убийц?

— Если бы власть была в наших руках... — проговорил армянин, устремив грустный взгляд на Тарама. — Умирать-то Мискалу не хочется. Вот и приходится молчать.

* Ага — уважаемый (тур.).

** Мудур — офицер полиции (тур.).

— Теперь и вы притесняете нас, — молвил пожилой турок.
— Последней скотины нас лишаете...

— Мы даже в город теперь боимся ехать, — бросил с горечью кто-то. — На всех дорогах разбойничают ваши люди.

— Но больше всех достается нам, — вмешался худой араб с повязкой на голове. — Потому что мы — иноплеменные. Только что мы сделали вам плохого? Разве перед Богом не все люди одинаковы? Делились и мы с вами чем могли. И теперь мы рады, но и нам запрещают власти.

Арзу молчал и согласно кивал головой. Все, в чем местные жители обвиняли их, было чистой правдой. Ни спорить, ни возражать он не мог. Лишь Тарам старался свалить вину на турок.

Он то и дело склонялся к Маккалу, говорил ему что-то и просил перевести туркам.

— Мы грабим только богатых. Понятно, без убийств не обходится. Случается, и бедных ненароком обижам. Ну а вам нам прикажете поступить иначе? Умирать голодными вдали от дорог? Это ведь ваш султан и русский падишах обрекли нас на голод и мучения. Потому и вынуждены брать у кого что есть. Или вам больше по нутру, коли все мы ляжем лицом к Каабе?

— Зачем ты еще больше расстраиваешь этих бедняков? разозлился Чора.

— А я, по-твоему, кто? Князь?

— Ты все время лезешь не в свое дело.

— Я у тебя совета не прошу!

— Перестаньте! — прикрикнул Маккал. — Хорошо, Тарам, я переведу и эти твои слова.

Пожилой турок спокойно выслушал Маккала.

— Добрый ты человек, да разве повинны мы в нашем несчастье? Что нам-то с вами делить? Бедность? Так это и наши, и ваши двory. Но кого бы ты ни ограбил, добрый человек, бедного ли, богатого ли, а расплачивается за это он равно бедняк. С него тогда дерут не две, а три шкуры. Вы напали вы на Муш, а кто пострадал? Тот, кто ютится на окраинах. А богачи-то живут в центре, и возмущаться тем, что вы сопротивляемся, когда нас грабят, по-моему, уж вовсе не красиво. Ведь мы целыми днями гнем спины, чтобы прокормить своих детей. Скажите, кто добровольно уступит кусок хлеба заработанный с таким трудом?

Все молчали. Гости, видимо, высказали все, что было на сердце. Горцам же нечего было сказать в свое оправдание, и не подобало мужчине изворачиваться, когда в лицо говорят правду.

— У вас все? — спросил Арзу, нарушив затянувшуюся паузу.

— Вроде все, — ответил все тот же турок. И чтобы как-то сгладить резкость своих слов, поспешно добавил: Прощу, поймите нас. Мы и теперь готовы помочь вам, но мы бессильны.

— Мы рады, что вы пришли к нам, — сказал Арзу, — и откровенно высказали все, что у вас было на душе. Да, мы очень виноваты перед вами. На вашу доброту мы ответили черной неблагодарностью, что тягостно вдвойне. Но помните, среди стольких тысяч людей, изгнанных с родины и брошенных на произвол судьбы, обязательно найдутся и такие, у которых быстрее иссякает терпение и ожесточается сердце. Передайте своим: и армянам, и туркам, и грузинам, и курдам, что мы бесконечно благодарны за их помощь и сочувствие. И сегодняшнего дня грабежей больше не будет. И теперь, пока жимся мы здесь недолго. Или вернемся домой, или уйдем на запад. Во всяком случае, мы так хотим. Как решит Аллах, мы знаем. Расстанемся друзьями. Простите нам наши грехи. Но по злему умыслу мы вас обидели.

— Не ходите за Диарбекир, — посоветовал босоногий армянин, подходя к Арзу. — Там вы погибнете.

— Спасибо, друг! — с чувством воскликнул Арзу, крепко пожимая его руку и обнимая на прощание. — Спасибо!

* * *

Мачиг обычно просыпался ни свет ни заря. Он сидел у входа в землянку и затягивал мелодию зикра. В то утро, когда умер Данча, он сидел на своем привычном месте, уткнувшись головой в колени, и даже не заметил, как к нему подошел Мовла в сопровождении высокого незнакомого человека.

— Я цонтороевец, — сказал незнакомец. — Васал из Гати Юрта попросил меня передать тебе это письмо. — И протянул пакет.

В коротком разговоре выяснилось, что цонтороевец прибыл с последней партией. Не успели Мовла и гость отойти от

...и как Мачиг опрометью бросился к Маккалу. Но тот был уже умершим Данчой. Мачиг набрался терпения и решил ждать.

Когда возвращались с кладбища, Мачиг попросил Маккала задержаться.

Пот, от Васала. — Он вынул из-за пазухи письмо — Прощай.

Маккал развернул сложенный вчетверо пожелтевший лист бумаги:

«Ан пошлет тебе Бог утешение, прими от нас братский салам, наш дорогой брат Мачиг!»

«Идем мы также салам и поклон нашим братьям Арзу, Маккалу, Чоре, Али, сестре Зазу, детям...»

«Брат мой, Мачиг, после разлуки с тобой и аул, и весь свет кажется мне пустыми. Каждый день я вижу ваш опустевший аул, где вы ходили, и сердце мое сжимается от боли. Вы уехали, и жизнь наша стала еще горше, неизвестность мучает нас, тоскует по вам высокие горы, плачут зеленые леса. Мы не получаем от вас вестей, не знаем даже, живы ли вы?»

«Что случилось с вами? Какова ваша участь? Как доехали? Не так ли хорошо, как говорили? Трудно поверить в счастье жизни от родины, и все-таки от души желаем вам мира и покоя. А лично, Зазу очень будет скучать по дому. А как там Зару, Дору? Как поживает семья Ибрагима? Знать бы нам, что у вас там произошло, так от сердца печаль отлегла бы...»

Горло Мачига сдавила спазма, часто-часто заходил его острый язык. Перед ним словно живые встали жена и дети...

Прошло четыре месяца, как вы уехали, а у нас все по-прежнему. Только жизнь с каждым днем становится труднее и тяжелее. Произошел неприятный случай. Тоза Акмурзаев из Кизилья обвинил себя имамом и поднял несколько аулов. Но власти никак расправились с ними. Многих арестовали. По этому поводу ходит разные слухи, но правду никто не знает. Люди ждут вестей от вас. Если вы хорошо устроились, то и они поспешат за вами. В противном случае, все решили погибать на родной земле. Лично я аул не покину. Один раз я уже оставил родную, и горы стали моим вторым домом, а чеченцы родными братьями.

Год нынче засушливый, но ты, Мачиг, не тревожься, на моем поле хороший урожай. Я уже два раза делал прополку. У меня дома поставил новую ограду. Кто знает, может, ты еще и вернешься, тогда все это тебе понадобится. Если не вернешься осенью, то я кукурузу уберу и засыплю в сапетки.

Передай Чоре и Али, что и у них дома все благополучно. Пусть не беспокоятся за своих — в беде не оставим. Помните Нуряши и Мада? Так вот, они не поехали за вами и живут там, припеваючи.

Все новости изложил. Других нет. Пиши о себе. От всех нас от родных гор братский салам всем аульчанам и землякам.

Тоскую и проливаю слезы по братьям своим, остаюсь верен вам.

Васал, сын Лапи, из Гати Юрта.

Маккал сложил письмо и вернул Мачигу.

— Добрая душа у Васала, — сказал Маккал. — Он страдает. Но если бы он знал, в каком мы оказались положении!

До Мачига его голос доносился словно издалека. Там же горе вдруг согнули Мачига.

— Не раскисай, мой храбрый волк! — Маккал хлопнул его по плечу. — Родные леса, высокие горы. Эх, Мачиг, нам бы сейчас пополоть кукурузу, покосить траву, съесть сыроед, попить родниковой водой...

— Валлахи, Васал мне говорил, много раз говорил: «Кушай, Мачиг, едешь, что ты потерял в Хонкаре...»

— Не только Васал, многие так говорили, — прервал его Маккал. — А вам тогда как будто уши заложило. Но что было, то было. Теперь уже не стоит ворошить прошлое. Да и старые дела не помогут. Ну-ка, Мачиг, разогнись! Подними голову, да закрути обвислые усы. Не унывай и шагай смелее. Проблемы! Найдем свое счастье.

Мачиг покачал головой.

— Ты иди, Маккал. Я пока посижу, отдохну...

Мачиг остался один. Так ему было лучше. Никто его не видит, и можно полностью отдаться тяжелым раздумьям. Он долго вертел в руках письмо Васала, разглядывая привычные знаки, в которых ничего не понимал. Но оно было ему дорого. В письме он видел не чужие знаки, а родные горы, знакомые хребты и густые леса. Слышал журчание родников, слышал

...из развалин полей, видел заброшенный двор, калитку, стоявший домик с забытыми окнами. Слышал, как говорил Машиг, странно коверкая чеченские слова...

Машиг вспомнился Данча, и его тихий голос: «...Помнишь, Машиг...»

— Да, он сказал? Да, так и сказал: «...Помнишь, Машиг...» Данча, Данча... удалая голова...

Машиг сидел, обхватив голову руками. Он не торопился вернуться в лагерь — тяжело, невыносимо было смотреть на умирающих голодом и болезнями людей. Бежать хотелось куда-то вдали. А куда бежать — кругом все чужое: город, земля, люди. Одно и осталось — уединиться где-нибудь и помечтать. Машиг и тому рад. Бурная река, что бежала вниз, напомнила родную, а далекий хребет — родные Черные горы. Нет, почему Машиг не сиделось дома? Родной аул, родные горы, всех близким и родным и сюда вот приехал. А жена предупреждала, люди говорили: «Машиг, у тебя есть плечи, а на плечах сидеть голова. Подумай!» Нет, не подумал старый Машиг. Плечи-то были. На плечах сидела голова, наполненная горем и болью. И Машиг приехал.

«Помнишь, Машиг...» Эх, Данча, Данча... Ну как же не вспомнить...

Ты был на базаре в Орза-Кале... И товарища твоего Алху... Машиг был, словно пламя. Кричал, дураками называл. Ты смеялся, Правильно называл. И я дурак был. Глупее старшего Машига.

И ты, Данча, приехал сюда. Ладно, тебя старшие заставляли. А его, Машига, никто не заставлял. Сам решил. Нет, Машиг попутал. Семью увез, теперь ее почти и нет. Четверых детей забрал. Как тогда Зазу плакала! А самая младшая? Ка-... Машиг и сейчас его слышит, никогда не забудет.

Теперь Зазу скоро умрет. Машиг подумал об этом спокойно, и ничего в нем не шевельнулось. Казалось, он давно уже привык к такому исходу. И если, придя домой, застанет Зазу умирающей, то не опечалится, а наоборот, подумает, что так и было лучше. Но закипит внутри и ударит в голову мысль о том, что никто другой, а только он виноват во всем. И теперь всех его детей лежит теперь на его совести. И страшнее всего был пытки Аллах придумать не мог.

Мучительно видеть страдания Зару, как она тает, угасает на глазах. Сердце Мачига словно сжимали раскаленные щипцами. Кюри стал мрачнее черной тучи и теперь нависал над его. Если и разговаривает, то через силу... Что же, он про Мачиг сына не осуждал...

Ах, какой большой и великий человек этот Мачиг! Настоящий мужчина, хозяин, глава семьи... Пять слов прожито в родном доме у родного очага он в ту ночь. Всего только пять. А сколько жизней унесли эти пять слов? Лучше бы ты, Мачиг, оставался тогда маленьким и незаметным Мачиготом, а не большим и великим...

«Помнишь... Мачиг...»

Данча, Данча... Мачиг, печально качая головой, смотрел вниз на реку и видел... Аксай...

Вот так сидел и думал несчастный Мачиг. Думал о том, что принесет день следующий. Ясный, солнечный, южный для местных жителей, но хмурый и беспросветный для него и для его земляков.

Над тем же думали и все переселенцы. А вот правители двух государств не спешили с решением судьбы отверженных. Летели письма: Стамбул — Тифлис — Петербург. И обреченный без конца... Было среди них и такого содержания:

«Эрзерумскому вали* Императорскому Комиссару генералу Нусрет-паше.

Господин Комиссар!

Я узнал, что одна часть эмигрированных чеченцев должна жить в Ване, Муше и Джиджи. Устройство чеченцев в этих местностях противоречит точной статье, так ценной нашими уважаемыми правительствами. Вследствие этого устройства, содержание которого было сообщено официально кавказским властям его сиятельством генералом Игнатьевым министром России в Константинополе, эмигрированные чеченцы должны быть колонизированы за Эрзинганом и Диарбекиром. Кроме того, Ван, Муш и Джиджи ближе к нашей границе. Я должен официально протестовать против устройства чеченцев в указанных местах, а также вообще против всякой колонизации

* Вали — правитель. В данном случае губернатор области (тур.)

и женщин в пашалыках, пограничных с Россией, таких, как
Карс, Ван, Баязет. Ибо в таком случае колонизация
имеет более близкое место к нашей границе, чем Диарбе-
кир или Эрзинган. Ни одна партия еще не покинула Эрзурум,
и я спешу доставить Вашему Сиятельству сие разъясне-

Русский комиссар капитан Зеленый.

24 июля 1865 года. Карс».

ГЛАВА VI

СТО ВТОРАЯ НОЧЬ

Сколько джигитов в ущельях седых
И обжигает их солнце нещадно
Что же за горе им горькое минало
Что за печаль их сердца источила

Чеченская народная

В центре лагеря расположилась квадратная площадь — майдан. На нем каждую пятницу все взрослое население лагеря одновременно становилось на намаз. Здесь же заседал Совет и вершился суд.

На третий день после возвращения делегации из Диарбекира на майдане собрались начальники отрядов, члены Совета старейшин, выборные от аулов и до захода солнца совершили предвечерний намаз.

Теперь в лагере был установлен строжайший порядок. Арзу после того как его единогласно избрали старшим, прежде всего взялся за дисциплину. Каждый тейп имел своего старшего и беспрекословно подчинялся ему. Из всей массы людей Арзу отобрал наиболее здоровых и свел их в военные отряды, которыми командовали тысячные, пятисотенные и т.д. Это войско насчитывало пять тысяч человек.

Сегодня на майдане предстояло решить, что делать дальше: идти ли к Диарбекиру или возвращаться домой. Прежде чем направиться на майдан, старейшины переговорили со своими родичами и узнали их мнение. И вот сейчас расположились, кто на деревянных чурках, кто прямо на голой земле. Сидели тихо, опустив головы. Арзу еще раз пробежал взглядом по лицам. Вон, в заднем ряду сидит Мовла. Всегда неунывающий, жизнерадостный Мовла. Но в последнее время у него погасли и уже не искрятся веселым задором светлые серые глаза. Рядом с ним пристроился беспокойный, неугомонный горячий Тарам. Чуть сбоку от них — суетливый и неутомимый

Тарам, мрачный Касум, степенный и немногословный Ил-Мачиг не вытерпел, пришел незаметно и тихо, пригнулся к самому последнему ряду. Только нет больше среди них восточного Данчи. Нет и никогда уже не будет.

Братцы! — Арзу резко вскинул руку, требуя внимания. — Какие вести привезли мы из Диарбекира, вы уже знаете. Земля, подаренная нам султаном, для жизни непригодна. На ней нет ни воды, ни лесов. Это совершенно голые, безжизненные скалы. А что касается обещанных домов, то здесь нас просто не ждут. Никаких домов нет и не будет. Я уверен, если мы не выйдем отсюда, то до весны не доживем. Мы все погибнем.

Но пойдём туда.

Но сколько можно оставаться здесь?

Сберем лучшие земли и на них начнем строиться.

Но тебе их отдаст?

Возьмем силой.

Тогда зачем они нас позвали к себе? Чтобы погубить?

Тебя лично пригласил турецкий падишах!

Вряд он проклят до седьмого колена!

Или не все сразу. Давайте говорить по одному.

Вот! — отрезал Тарам. — Желающих нет!

Одно, Тарам.

Что еще?

Тот кто самое скажет любой из нас, — посыпалось со всех сторон.

Остал Довта из Шали.

Арзу! Люди! Сколько можно говорить об одном и том же! Там — плохо, здесь — плохо. Людям это уже понятно. Хотят вернуться домой — вот чего они хотят. Одни уже отправились обратно, другие ждали твоего возвращения, Арзу. Теперь, когда ты здесь, пора трогаться и нам.

Так же думал и Арзу. Но имеет ли он право вести их... на верную смерть? Ведь многими еще не понята вся двусмысленность, шаткость их положения.

На нашем обратном пути встанут турки. Русские, в свою очередь, не пропустят нас через границу. К Эрзеруму уже стянут войска, чтобы заставить наших братьев переселиться в Алашкерт насильно. Потом войска примутся и за нас.

Попросим русского падишаха! Пусть он поможет вернуться домой, — с надеждой в голосе проговорил Довта.

— Можно подумать. Что этот гяур сидит здесь, в Муше. Он же на другом конце света.

— Не забывай о комиссаре в Эрзеруме.

— В Стамбуле тоже сидит векил от белого падишаха.

— Вот он и мог бы оттуда сообщить...

— Братья! — прервал выкрики Арзу. — Переговоры ни к чему не приведут. Мы только потеряем зря время. Гарси прав, царь не сидит в Муше. И пока наше письмо через комиссара в Эрзеруме и посла в Стамбуле дойдет до Иерусалима, пройдет год. Кроме того, я не уверен, что падишах разрешит нам вернуться. Идея и смысл нашего переселения не так глубоки и изощренны.

— Нужно спешить! Тронемся сейчас — возможно, до наступления зимы и доберемся домой.

— Раздумывать дальше у нас нет времени.

— Что ж, — Арзу подождал, пока все успокоится, — решение, можно сказать, принято. Теперь нам необходимо составить план.

Одновременно всей массой возвращаться нам будет трудно. Потому предлагаю разбиться на небольшие группы и каждой из них придать по отряду воинов человек в триста. Командиры отрядов будут отвечать за дисциплину и за жизнь доверенных им людей. Думаю, в этом со мной все согласны.

Старейшины дружно закивали головами и снова заговорили все вместе. Арзу вновь поднял руку. Разговоры смолкли.

— Меня очень огорчило, что в мое отсутствие совершили нападения на Муш. Братья! И наши предки, и мы сами до последнего времени славились не только мужеством и храбростью, но человечностью, милосердием и благородством. Эти качества передавались из поколения в поколение. Не было у нас рабов, не было и князей. Мы не кичились заслугами, не плакали в дни горестей. Терпели голод, не дрожали перед смертью. Покидая родину, каждый поклялся свято беречь честь своего народа. Теперь на наше доброе имя легло пятно. Нападения на город, грабежи обесчестили всех нас. Братья! Вы избрали меня старшим и доверили мне свои жизни. Потому я сейчас спрашиваю вас, кто и кому дал право совершать нападения на чужой город? За это отвечать придется командирам.

Над майданом нависла тишина. Четверо сидевших молча опустили головы. Только Тарам, вроде, чувствовал себя, как

...ры не бывало. Он криво усмехался, глядя на Арзу: какая может быть дисциплина, когда люди дохнут как мухи.

И ответчу! — проговорил он. — Таково было наше общее мнение.

Не могло такого быть!

Могло! Мы не хотели и не хотим умирать голодной смертью.

Ну и как, грабежи спасли вас?

Арзу! — вспыхнул Тарам. — Посмотри вон туда. Ты видишь сидящих там детей? А знаешь ли ты, почему они не встали и шалаш? Им страшно! Там лежит покойник... Как нам нашим в глаза смотреть? Мы оказались в таком положении, когда приходилось выбирать: или просить подаяние, или грабить, или умирать от голода. Иного выхода я не видел. Если у тебя имеются другие соображения, то поделись ими. Решить легче всего. Но когда трупный запах преследует тебя, они исчезают. К тому же месть придает силы.

Но при чем тут турки? — вырвалось у Арзу.

Турки убивают наших, как только подворачивается удобный случай. Люди же отчаялись. Они бы и без нас напали на Арзу. Если же ты считаешь, что мы виновны, наказывай нас!

Арзу ничем было возразить Тараму. Но и распускать людей нельзя. Особенно теперь.

Причины случившегося понятны, — сказал Арзу. — Но если у нас не будет твердой дисциплины, мы погубим людей. Я пытаюсь прекратить грабежи и навести в лагере жесткий порядок. Впереди лежит труднейший путь. Турки нас не выпустят, русские закроют границу. Не исключено, что прорываться придется с боями. Тарама и Довту я отстраняю от руководства. Вместо них командовать отрядами будут Маккал и Чора. Впереди дисциплина должна быть железной, за каждый проступок буду наказывать лично сам. Такое право вы мне дали. На спусхождение, заранее предупреждаю, не надейтесь. Чтобы навести в лагере порядок, мне потребуется помощь. Мне надо, поделишь мне сто человек...

Раздался топот коня. Арзу обернулся. Яростно нахлестывая поводья, к ним мчался всадник.

С добрыми ли вестями? — не выдержал кто-то.

Восклицание на всем скаку соскочил с седла и подбежал к Арзу.

Что случилось, Гара? — нетерпеливо выкрикнул Арзу.

- Эмин-паша прибыл в Муш и завтра будет здесь.
- Дальше?
- С ним Сайдулла и Шамхал-бек, племянник Алишана.
- Какова численность их отряда?
- Три тысячи всадников.
- С какой целью прибыли?
- Гнать нас за Диарбекир.
- Что еще?
- Переселенцы из Эрзерума движутся сюда. Они на протяжении одного дня перехода.
- Где расположилось турецкое войско?
- В городе. На частных квартирах.
- Орудия имеются?
- Да. Шесть.
- Что за орудия?
- Четыре пушки и две мортиры.
- Молодец, Гари! Спасибо. Дозоры увеличить. Будьте бдительны. Пароль: "Горы зовут". Продолжайте наблюдение.
- Дозорный резко повернулся и, придерживая рукой шапку, вновь вскочил на коня и помчался в сторону Муша.
- Люди молчали. Ждали, что скажет Арзу.
- Арзу встал перед товарищами.
- Вы все поняли, что завтра решится наша судьба! — громко сказал он. — Если мы не пойдем добровольно, то нас погонят силой на запад. И там, и здесь нас ждет неминуемая смерть. Так как нам быть, если нас силой заставят покинуть эти места?
- Арзу, в этот Диарбекир понесут только мой труп, — быстро выкрикнул Мовла. — Живым Мовла туда не пойдут!
- Оставим шутки.
- Я и не шучу, Арзу. Кто хочет, тот пусть идет. Но некоторые из нас, я уверен, окажут сопротивление. Или пойдут в абреки.
- Что скажут остальные?
- В круг вошел Довта.
- Можно мне? Привязалось к нам горе, и не вырвать нам из его пасти. Если вдобавок попадем под палу турок, то никогда нам из-под нее не выбраться. Не только нам, но и детям, и нашим потомкам. Рождаются только раз, и умирают — столько же. Здесь мы долго не протянем. На запад живыми

лучше не уходить. А коль так, то и будем биться на-
прямь.

Есть еще кому что сказать?

Сперва попробуем решить вопрос мирно. А уж коль не
выйдет, будем драться до конца.

Кто видит другой выход?

Нет другого выхода.

Нас думы уже с ума сводят, так что думать больше не о
ближайшей своей воле, Арзу.

Арзу помолчал, глядя в лица сидящих.

Хорошо, друзья. Постараемся до последней возможнос-
ти решить все мирным путем. Если же турки не захотят нас
слушать, нам придется оказать сопротивление.

Другого выхода нет.

Тогда посоветуемся, что нам и как делать. Вот мой при-
думанный план. От моста дорога идет между двух хребтов. Обе
стороны дороги покрыты густыми лесами. Если вали прибу-
дут сюда со своим войском, то в лагере станет тесно. К тому
же лагерь — крайне неудачное место для боя. Женщины, дети
и раненные попадают под удар. А потому думаю, что лучше
нам встретить и принять вали с его войском на поляне за
лесом. Гайрак, сколько у нас всего лошадей? — обратился
Арзу к Гайраку, остававшемуся на время его отсутствия
старшим в лагере.

Вместе с истощенными две с половиной тысячи.

А сколько пригодных к бою?

Две тысячи.

Конны и оружие в каком состоянии?

Правду сказать, бойцы уже не те, какими они были пе-
ред своим отъездом. Многие умерли, появились больные. Ну,
если мы вооружим и молодежь, то наберутся и все пять
тысяч боеспособных. Пороха и свинца хватит примерно на
месяц.

Арзу задумался.

Слушайте приказ! На поляне, где мы примем вали, пос-
троим в боевом порядке полторы тысячи всадников. Тремя
стрелами по пятьсот человек в каждом. Лучших всадников на
десять конях поставить в первые ряды. Командовать этими
стрелами будет Чора. Вдоль леса, под горой, поставить пять-
шесть тысяч пеших воинов под командой Мовлы. Ты же, Довта, возь-

мешь самых лучших триста всадников и самых лучших коней займешь с ними позицию в овраге, по эту сторону кладбища. Ты, Гайрак, с пятьюстами всадниками встанешь в башне моста. Тарам со своими сотнями спрячется в лесах вдоль нашей дороги от моста к лагерю. Касум с остальными людьми останется в лагере. Ты, Касум, мобилизуешь всех здоровых мужчин и детей и наведешь в лагере полный порядок. Нет праздниче, вплоть до кухонных ножей, осмотри, подготовь и расдай женщинам, детям и старикам. Далее. Пусть каждый командир выделит по два бойцы для поддержания постоянной стражи на огонь. Если турки сделают хоть один выстрел — огерывай их. В первую очередь постарайтесь захватить оружие и немедленно повернуть их против турок. Ни одного солдата не выпускать живым в Муш. На рассвете сам лично проверю готовность каждого. Переговоры с вали я поручаю Маккаду. Смотрите, не растеряйтесь. Лучшее спасение — это забить в спасении. Ну, за дело, братья!..

* * *

Соип осторожно пробирался узкими улочками турецкого села. Дорогу он присмотрел заранее — еще днем навел на него сюда. Дойдя до огромного сада, он притаился в ожидании удобного момента. Людей в этот час на улице было много. Соип поминутно слышал шаги. Кто ехал на осле, кто шел пешком. Проходили мужчины в красных фесках и широких шароварах, женщины, закутанные до глаз темной чадрой.

Порой шаги прохожих стихали, и Соип уже готов был к прыжку через ограду, но опять кто-то появлялся на улице, и ему снова приходилось ждать. Да и в доме хозяина все не так светло. Видимо, богатый человек жил здесь: и виноградник у него огромный, и дом такой красивый, что другого такого в селе не найти.

Кто-то прошел совсем рядом. Соип слышал его тяжелое дыхание и еще сильнее прижался к ограде. Беспokoили манерка и собаки в соседнем дворе. Они, по-видимому, учуяли постороннего и злобно рычали.

Выглянула луна, вокруг стало совсем светло. Соип расстроился. Сейчас он глядел на луну с ненавистью. А в Шалих любил отыскивать на ней пастуха с посохом...

Виноград... Ему представилось белое, как диск этой луны, лицо матери. Некогда румяное и полное, оно теперь стало

жим, что Соип с трудом узнавал его. А умирающая мать
плакала виноградом...

Соип ходил в село, просил. Но его отовсюду гнали. Никто
да и ни единой грозди. Что же ему теперь оставалось? Толь-
ко украсть. Не доведи, Аллах, чтобы мать умерла, так и не
винограда. Соип всю жизнь стал бы мучиться. «Лучше
иди и не унижался», — подумал он. Даже вспо-
минать теперь было неприятно, как ходил он по дворам, объ-
яснял, рассказывал, просил, словно нищий.

Соип шибовь прислушался. Собаки перестали лаять, да и
шум на улице больше не было слышно. Значит, пора! Маль-
чик потянулся, проверил, на месте ли отцовский кинжал, и
осторожно карабкался на ограду. Огляделся еще раз, нет ли кого,
и со всей прытью спрыгнул вниз и опять прислушался. Выждал, пока
не привыкнет к темноте, вытащил кинжал из ножен и, креп-
ко сжимая его в правой руке, бесшумно пошел вперед...

Неяз-бей был первым богачом в своем селе. Кроме краси-
вого дома и виноградника, имел еще лавку и кофейню. На
улице он смотрел свысока: Неяз-бей мало с кем считался. Да
и кто на селе мог потягаться с ним?

Прежде чем отойти ко сну, Неяз-бей решил осмотреть ви-
ноградник, проверить, на месте ли сторож. Только за послед-
ней оградой у Неяз-бея увели корову и отличного скакуна. Ста-
рый крыс Узун-боба клялся всеми святыми, что он в ту ночь
ничего не сомкнул. Врал, конечно. Вот и сейчас наверняка спит
на своих ногах, старый ишак. А за чеченцами нужен глаз да
язык. Они, как всем известно, весьма ловкие воры. Где уж с
ихими дряхлому Узун-бобе справиться. Голодные, они злее
волков. На беду Неяз-бея в горах объявилась и шайка разбой-
ничья, состоящая из турок, армян и курдов. Говорят, теперь у
них новый атаман, какой-то однорукий чеченец. Всех бога-
чей тиранит. Тут Узун-бобе и подавно не справиться. Пока с
дальнего конца сада до другого добежит, все добро растащат.
Поэтому теперь Неяз-бей и второго сторожа нанял, поставил
около лавки и ружье ему дал.

Действительно, Юсуп-боба с ружьем под мышкой важно
прокапывал вокруг лавки, и Неяз-бей остался доволен. За него
уже было не волноваться. А вот Узун-бобу нужно прове-
рить и проверить. Вернувшись во двор, Неяз-бей отвязал ов-
чарку, пустил ее в сад, и сам поплелся вслед за ней.

Набравшись к винограднику, овчарка остановилась и навест-
ила уши. Неяз-бей тоже почувствовал какую-то опасность.

Собака бросилась к кустам. Он же, вырвав кол, подперший виноградные лозы, побежал за собакой. Уже издали увидел чью-то тень, метнувшуюся к ограде...

...Соип бежал к забору. Третью гроздь он сорвать так и успел, но две лежали у него за пазухой. На бегу Соип ударился головой о подпорку и упал. Поднялся и, превозмогая боль, добежал до самой ограды и уже было вскочил на нее, когда разъяренная собака схватила его за ногу и рванула на себе. Соип упал. Стоявшая над ним овчарка, разинув пасть и издавая рычание, пыталась вцепиться мальчику в горло. Тогда Соип ловко выхватил кинжал и вонзил лезвие меж лопаток ошарашенного пса. Собака жалобно заскулила и медленно повалилась на землю.

Мальчик снова бросился к ограде и полез на нее. Но он помнил того места, где перелезал в первый раз и теперь только ранил руки об острые колючки, разложенные по всей широкой каменной ограде. Кроме того, боль в ноге от укуса не позволяла ему действовать быстро. Он вновь сполз обратно в сад и осмотрелся.

Лазейка, которую он расчистил от колючек, пробираясь в сад, находилась левее. Он бросился туда. Но в этот миг цепкие руки схватили его за воротник. Соип понял, что схватил его сам хозяин и он не пощадит: или убьет сразу, или будет бить до смерти. И Соип решился держаться до конца. Он вырвался из сильных рук, прижался спиной к ограде, и разъяренный тигренок, и замер, обнажив кинжал.

Неяз-бей поднял кол, но Соип мгновенно пригнулся. Сильный удар чуть не выбил кинжал его руки. Руку пронзила острая боль. И тогда Соип бросился на своего врага. Неяз-бей отскочил, и Соип уже предвкушал свободу, как вдруг что-то тяжелое обрушилось ему на голову, и он, словно подкошенный, рухнул на землю.

— Что здесь случилось, бей-эфенди? — испуганно спросил подоспевший на шум Узун-боба.

— Это я у тебя должен спрашивать, бездельник! — от себя от ярости орал Неяз-бей, указывая пальцем на трупа Соипа. — Вот, любуйся! Из-за твоей лени, из-за трусливости твоя шонки погибла такая собака! Я ее щенком купил за две монеты.

— А кто же убил ее, бей-эфенди?

— Да вот тот чеченский оборванец, — Неяз-бей указал головой на распростертое тело Соипа.

Только теперь Узун-боба увидел окровавленного мальчика. Он встал на колени и осторожно приподнял его голову. Череп был пробит, из огромной раны широкой струей текла кровь. Старик перевернул мальчика на спину, растерев на нем черкеску и приник ухом к груди. Сердце не билось!

Подняв смятую гроздь винограда, он горестно вскрикнул и в слезы вложил голову и тихо сказал:

— Бей-эфенди, ты убил ребенка.

Глаза старика наполнились слезами. Таким же худым и бледным от постоянного недоедания был и его внук, которого теперь тоже нет. Его забрали в аскеры, и он погиб в последней войне с русскими. Разве Узун-боба знал русских? Почему его внук должен был с ними воевать? Какое ему было дело до них?

— Бедняга, зачем ты забрался в это логово зверя? Хотел здесь ведь хуже зверя. Разве ты не знал? Пришел бы ко мне и сказал: «Узун-боба, узюм берин*». И старый Узун-боба не отказал бы. О, Аллах, пусть отсохнет рука у того, кто совершил столь черное дело!

— Ты что бормочешь? — рявкнул Неяз-бей.

Старик промолчал.

— Да сгорит он в аду! — кричал Неяз-бей. — О, как было бы хорошо, если бы все чеченцы лежали мертвыми! Иди быстрее за Юсуфом.

Старый Узун-боба, проклиная в душе хозяина, сторбнившись, исчез в потемках.

Неяз-бей был настолько же труслив, насколько и жаден. Он мгновенно сообразил, что, если чеченцы узнают, кто убил их мальчишку, пошады от них не жди! Мстили чеченцы жестоко, и об этом Неяз-бей знал. Поэтому, принимая такое решение, он не обращал никакого внимания на двух стариков, пришедших и молча стоявших поодаль.

— Слушайте меня, — наконец обратился он к ним. — Несите его за село, найдите обрыв, под которым есть густой кустарник, и сбросьте его туда. А утром похороните мою старушку. Как я любил ее! — Он присел на корточки и провел рукой по мягкой шерсти. — Только что говорить не умею, а сама понимала все.

Старики продолжали стоять молча.

* Узюм берин — дайте виноград (тур.).

Ну, чего стоите? — рявкнул на них Неяз-бей.

Узун-боба, собрав всю свою смелость, сказал с упреком:

Раньше можно так, бей-эфенди? Ведь он такой же мусульманин, как и мы...

А ты бы чего хотел? — Неяз-бей подступил к нему. — Вот внутри я собрал все село и пригласил чеченцев хоронить узун-бобу по всем правилам?

Неужели он хуже твоей собаки?.. Хоть ночью, тайком похороним его, как положено мусульманину...

Молчи! — замахнулся бей на Юсуф-бобу, заступившегося за товарища. Потом, одумавшись, сбавил тон: — Ослы вы выдуманные, разве вы не знаете чеченцев? Пронюхай они о нашем деле, не только нас троих укокошат, но и наши семьи перекошат. Мне-то, собственно, и бояться нечего. У меня в доме двое сторожа. Они ночью стерегут мое добро, я же спокоен. Вам и отвечать за то, что случилось. Вся вина лежит на нас. Станете оправдываться? А кто поверит вам, оборванцы? Старые ишаки! Хотите, забирайте этого выродка к себе домой, хотите, сбросьте под обрыв. Я ничего не видел, я ничего не знаю, я спал.

Неяз-бей ушел.

Не знаю, Узун-боба. Никак не могу еще сообразить. А что ты еще думаешь?

Что бы ни орала эта свинья, мальчика надо похоронить по всем нашим правилам.

Успеть бы. Ночь сейчас коротка. Пока мы с тобою найдем лопаты, кирку, носилки, пока мы его вынесем за село, рассветет. И ему надо копать, — бормотал Юсуф-боба. — Ладно. Может, успеем до утра. Я сейчас принесу лопаты и кирку, а ты иди за лестницей. У вас, кажется, в саду есть. Сойдет за лестницей.

Юсуф-боба подошел к Соипу, склонился над ним.

Бедные дети, вас-то за что наказывают, — погладил он маленькую шею мальчика. — Да покарает Аллах того, кто поднимает твою руку, всех, кто угнетает бедняков.

* * *

Недалеко от лагеря переселенцев, на противоположном берегу реки Муш, раскинулось еще одно турецкое село. В тот день, когда погиб Соип, там в одном из домов, который по своим способам, пожалуй, не уступал дому Неяз-бея, ярко све-

тились два окна... По убранству комнат нетрудно было догадаться, что хозяин дома — горец: по стенкам развешены бичи, у стены на деревянной наре сложены постельные принадлежности. В углу, возле двери — скамейка из длинной широкой доски для кудалов*, рядом стоит круглый медный столик на трех коротких ножках.

На наре, по-восточному скрестив ноги, сидел старик с пышной седой бородой и жадно ел чепалгаш. Тучное, раздутое его тело, казалось, раздувалось еще больше по мере того, как в черном провале его рта один за другим исчезали мясные куски чепалгаша. Только тогда, когда на дне тарелки оставались лишь несколько маленьких кусочков, он наконец наклонился и, вытерев жирные руки о шаровары, с трудом проглотил.

— Алхамдуллила, алхамдуллила**...

После чего обратил свой взор на молодую женщину, сидевшую на полу у порога.

— На, Эсет, поешь, — сказал старик, отодвигая от себя тарелку.

Женщина встала, взяла тарелку и, повернувшись к старому спиной, съела пару кусков. Затем накрыла тарелку миской и поставила ее в нишу стены около печки.

— Ты совсем не ешь, — ласково упрекнул старик.

— Я сыта...

— Ты не стесняйся, — все так же нежно продолжал он. — Благодаря Аллаху мы ни в чем нужды не терпим, нам еды всего хватит. Что понравится — одень, что захочется — съешь.

Молодую женщину неприятно удивляла перемена, происшедшая с деверем. В последнее время он стал что-то уж слишком предупредителен и необычно вежлив. И перед ней не то смущался, не то робел. Странно. Ведь она знала и помнила его совсем другим: злым, грубым, вечно чем-то недовольным. Ему просто невозможно было чем-либо угодить. Потому что даже один взгляд девера приводил ее в трепет. Что бы она ни сделала, он ни разу не похвалил ее. Что же с ним случилось теперь? Может, сердце смягчилось после того, как он похоронил жену и брата, а сына своего, Хабиба, отправил в армию? Иначе, в чем же причина его доброты и мягкости?

* Кудал — медный кувшин с узким горлышком (чеч.).

** Алхамдуллила — слава Аллаху (арб.).

Хабиб, а это был он, недолго прожил в лагере переселенцев, он успешно купил у богатого турка дом, обставил его, как подобало состоятельному человеку, после чего приступил к осуществлению своей самой заветной мечты — устроить Хабиба на службу в турецкую армию. Он свел знакомство с Кундузом, а через него Хабиба определили на службу в чине младшего офицера. Сам же Шахби с помощью все того же Кундуза стал кадием села.

Шахби, как и предвидел старик, деньги и в Турции не потерял своей магической силы. И Аллах не забывал о рабе своем Шахби. Но уж больно часто отвлекался Всевышний от дел своих главных и забот во имя этого благочестивого муллы. Его самого Аллах сделал кадием, а его сына — муллой. Как тут не возблагодарить всемогущество, для чего и шахби, разумеется, лез из кожи. Правоверным приходилось много удивляться, наблюдая, как благочестиво исполняет он свои божьи предначертания. В этом Шахби был силен. Как мулла, умел пустить пыль в глаза.

Но Шахби был уже стар. Все его надежды — на сына. Хабиб вырос, вырос и, что самое важное, храбр. Кто знает, может, через несколько лет он станет и пашой. Иншалла, тогда он поведет свое войско в Чечню, освободит ее от гяуров и установит имамом. Дальше этого воображение Шахби пока не могло пойти.

Правда, лично для него не все складывалось благополучно. Он похоронил свою дородную, пышную Бежу, затем брата Гана. Но Шахби не особенно убивался. Он прочитал Коран за упокой усопших, но не пожертвовал на них ни одной копейки. Мирские дела казались ему важнее.

После этого намаза Шахби поудобнее развалился на наре, подложил подушку и попросил Эсет подать ему четки.

— Иди поближе, Эсет, — обратился он к молодой женщине, принимая из рук ее четки. — У меня есть к тебе дело.

Шахби быстро перебрал четки, прошептал молитвы. Все это время взгляд его из-под тяжелых бровей был обращен на Эсет. Отвесив, наконец, четки, он придвинулся к Эсет и начал говорить в свои.

— Нерескались, посинели руки твои, — зашептал мулла. — Нерубели. Разве черная работа им под силу? Вон как потемнели. И волосы спутались...

«Еще бы, — подумала Эсет. — Гнуть на тебя спину с утра до вечера... А волосы... Ради кого мне теперь наряжаться?»

— Трудно тебе, знаю, — продолжал мулла. — Все дело во на твоих плечах. Но я решил положить этому конец. Найдем служанок. Заплатим, сколько попросят. Они будут делать все, ты же только пищу станешь готовить. Ты очень красива, Эсет, тебе надо беречь красоту...

От таких слов деверя Эсет совсем растерялась. И тогда старика тронуло ее до слез. С того дня, как она покинула дом и рассталась с матерью, ей не довелось больше видеть Гати-Юрта, хотя и был добр и заботлив о ней, но нежности не было, она так и не видела. Эсет высвободила руки и концом платка прикрыла заплаканные глаза.

— Не плачь, дорогая, — еще проникновеннее заговорил Шахби, сделав безуспешную попытку оторвать ее руки от лица. — Я больше не допущу, чтобы из твоих глаз упала хотя бы одна слезинка. И я это сделаю, если ты... согласна, — Шахби, услышав, сам испугался своих слов и тревожно глянул на Эсет.

Но Эсет их и не слышала. Она опять вспомнила Гати-Юрта и расставание с матерью. Братья и сестры умоляли ее не уезжать, худыми ручонками обнимали ее ноги... Но что она могла изменить: Гати уезжал. Нет, не видать ей больше родного дома Гати-Юрта... Разлука с родиной и свела преждевременно его в могилу. Пусть он был калека, но все-таки — муж. И человек был хороший. Теперь же она совсем одна осталась... А Ахмед? Сердце ее сладко замерло. Она все еще любила и в глубине сердца не теряла надежды. Теперь же им ничего не мешает. Они оба свободны...

Молчание снохи Шахби понял по-своему. Предположив, что его расчеты оправдываются, старик решил немедленно продолжить начатый разговор. Если бы мулла умел читать чужие мысли! О, он, несомненно, воздержался бы от этого. Но Шахби хотя и был муллой, в конечном счете оставался простым смертным. Потому и продолжил так:

— Вот, Эсет, опустели наши гнезда. Злой рок и беспощадные ветры времени разорили их. Жена оставила меня, ушла в вечный покой. Единственный сын мой, услада старости, оставляет меня редко. Но я на него не в обиде, у него свой дом. Отделим его, женим на знатной турчанке. Иначе ему не обойтись наверх. Словом, он свою жизнь устроит. А вот о тебе твоей гонимой тобой гнезда разорены... Ты не смотри, Эсет, что я уже стар.

Для мужчины особенно необходима подруга. Мне нужен брат жены. Ты и сама видишь. Все мне Аллах дал: и дом, и земля, и деньги. Но к чему мне теперь все это? Никакой радости... В лагере подходящей жены мне не найти, хотя любая девушка оттуда с радостью согласится придти в такой бо-
гатый дом. Но как я могу жить с человеком, не зная, какого племени? Не знаю, Эсет... Не было еще на земле слухов, чтобы мертвые возвратились... Я похоронил жену, ты — брата. Исторично выйти замуж гораздо труднее, чем жениться. И теперь наших людей скоро переселят в другое место, да и тут они сейчас как мухи. Если ты уйдешь к ним, тоже по-
гибнешь от голода.

Эсет никак не могла взять в толк, к чему же клонит старик.

Ты вот, я думаю, лучший выход для нас с тобой — это изменить наши судьбы. Шариат не только не запрещает, а наоборот, даже поощряет женитьбу на вдове брата. И если ты согласна...

Что ты сказал, кант? — прошептала пораженная Эсет.

Если ты согласна, говорю, стать моей женою... то мы... будем счастливы.

Эсет отскочила от него, как от змеи, и замерла посреди двора. Мелькнула мысль, а уж не рехнулся ли деверь? Нет, даже бы он в своем уме. Она пристально посмотрела на его худое тело, на дряблые отвислые щеки и бесцветные слюнявые губы, искривленные ехидной усмешкой... Посмотрела и внезапно поморщилась: таким омерзительным он ей показывался.

Ты... шутишь?

Нет, Эсет.

Мой муж... был твоим братом...

Мы живые, нам и нужно жить...

Ты вот почему он прикидывался ягненком! Вот почему он заигрывал, обхаживал да всякие ласковые слова говорил

А когда люди узнают об этом?

Никто и не узнает. Мы же тихо, тайно...

Но я-то буду знать! Куда же ты мою совесть спрячешь?

Нет, не быть такому, Шахби! — вскричала Эсет, впервые слышавшая такое по имени.

И не тороплю. Ты сперва подумай хорошенько.

ГЛАВА VII

МУХЛИС ЭМИН-ПАША

Перспектива присоединения к Турции, стоящей на самой низкой и варварской ступени феодализма, мало воодушевляет их.

К.Маркс и Ф.Энгельс

Мухлис Эмин-паша ликовали. Наконец-то Аллах услышал их молитвы и послал им вали Эрзерумского вилайета Мухлис-пашу. Храбрый воин Эмин-паша. Бесстрашный. Терпеть не могут чеченцы, только пятки их засверкают. Три месяца не давали, проклятые. Грабили, убивали... Впрочем, признали, что они виноваты далеко не во всем, что грабежом и насилием чеченцев занимались курды и сами турки. Ну и все равно. Тех прогонят, и эти перестанут.

В деревнях и мечетях попы и муллы слали проклятия на чеченцев и бесплатно угощали аскеров. Наиболее воинственные жители даже записались в отряд добровольцев, и отряд этот имел уже численность около тысячи человек. Ближайшим армянским городом Мушем возвышается гора Машис — один из отрогов армянского Тавра. С Сэв-Сара открывается чудесная Мушская равнина, посередине которой протекает река Мегрекет. На юге с запада на восток тянется равнина Армянского Тавра. С востока через вершины Араратского и Гегаркуни дуют свежие ветры озера Ван. Вытянувшись на равнину, застыл Сэв-Сар, за ним высится гора Арагац, подковой окруживший город Муш, отделив от него окрестных сел.

На вершине горы Берд виднеется полуразрушенный замок, основанный некогда основателем города Мушеги Мамиконяном. Над самим городом взметнулись ввысь островерхие православных церквей, свысока поглядывая на чешуйчатую крышу недавно построенной мечети Аллаудин-бея.

Рассекая город на две части, с шумом несет свои воды Карасу. Сегодня город пробудился рано. И хотя сегодня воскресенье и не пятница, с раннего утра уже звонят колокола Сэв-Авэтерана, Шек-Авэтерана, Сурб-Марини, Сурб-Аракоса и других церквей. Как только замолк их звон, с минарета Аллаудин-бея разнесся протяжный голос муэдзини.

И христиане, и мусульмане все шли сегодня на минареты просить Христа и Аллаха ниспослать удачу Мухлис Эмин-паше.

Раньше мушцы избегали аскеров, как заразы, сегодня же они встречали их с признательностью и радушием.

На городской базар съехалось множество жителей Савана, Багэша, Вана, Хнуса и Эрзерума. Здесь же и крестьяне из окрестных селений.

Со всех сторон доносились призывные крики:

— Сладкие груши! Сочные груши!

— Купите кишмиш! Мушский кишмиш!

— Кому газпа*! Сэв-сарская газпа!

Всадники Эмин-паши степенно и важно прохаживались по базару. Их бесплатно угощали фруктами и овощами, кашами, пешками, густо смазанными медом и сдобренными кинизом.

На следующий после приезда день под звон колоколов и крики муэдзинов Эмин-паша во главе трехтысячного отряда выступил из города. Рядом с ним на белом коне ехал Сайдулла. Мрачен был бывший наиб Шамиля, лицом темнее черной ночи. Нет, не сбылись его мечты. Муса, сын Алхана, вместо того чтобы его надул, Насулил золотые горы, а Сайдулла и развеселил. Что ж, впредь ему наука. Правда, живет он в Эрзеруме, имеет свой дом и хороший сад. И родственников пристроил, может быть, не особо блестяще, но в сравнении с другими жизнь у них можно сказать, райская. Но Сайдулле оттого не легче. Он ехал сюда за властью, настоящей, большой властью. О чине паши мечтал Сайдулла и был уверен, что дадут ему этот чин. Но чин дали только Кундухову, его же назначили и бригадным генералом. А Сайдулла остался никем. Назначили его, правда, кем-то вроде надсмотрщика над чеченскими переселенцами и, как нищему, кинули ничтожное жалованье. Только час пообещали дать чин паше, но потребовали от Сайдуллы

* Газпа — мед (тур.).

...он набрал пять тысяч воинов. Легко сказать — набери. Выбрать-то? Эрзерумские чеченцы и слышать о том не хотели. Посмотрим, что здесь получится.

Честно говоря, затея эта ему не нравилась, и не по своей воле был он сейчас рядом с Эмин-пашой. Сам себя винил Сайдулла. Надо же было ему поверить! И кому! Кундулла? Нет, прав был Алихан, что не верил осетинам. А Сайдулла поверил...

...хитрец Алихан. Его похоронили перед самым отъездом, и даже он сейчас спокойно и тихо в родной земле. Неужели? Он ведь предупреждал: «Сайдулла, не ввязывайся в эту авантюру. Свой ад лучше чужого рая». Почему он, Сайдулла, оказался в проигрыше! Кто он здесь? Никто! Раб какой-то жирной турецкой свиньи. Рабом был и у русских. Сказать он им, видите ли, пошел! Отказались же Талгик, Саян, Соуду, Эски, Эдил, Атаби, Бойсангур и многие другие. И он мог отказаться. Ан, нет...

И вокруг было тихо, словно весь он вымер. Но нет, народ в лагере был. Просто без обычного шума и гама люди возле шалаша и шалашей занимались своими повседневными делами: кто зашивал одежду, кто расчесывал волосы, кто стирал, а кто просто сидел и любовался синим небом. И только старики, дети и старики. Ни малейшего внимания с их стороны к турецкому отряду. Как будто они его и не видят. Но Сайдулла не проводишь — они его видят видят и все подмечают. И лишь одному Сайдулле понятными сигналами передавать сведения от шалаша к землянке, от землянки к шалашу. Не ему ли не знать характер Арзу и Маккала. Ведь наверняка они небузд, да придумали.

Эмин-паша довольно улыбался. Кругом чистота и порядок. Молодцы! Правда, он утром присылал сюда своих людей, чтобы привести все в порядок и ждать его. Порядок есть, а ждать не видно...

Где народ? Почему не собрались? — набросился он на ближайшего чеченца. — Я же приказал...

Народ собран и ждет, — ответил тот по-кумыкски.

Где? Не вижу!

Пр поляне. За кладбищем.

Турецкий отряд повернул лошадей и поехал по направлению, указанному чеченцем.

«О Аллах, сколько могил! — чуть криком не вырвался Сайдуллы. — Тысячи. Больших и маленьких... Все безымянные гильных памятников. И я, я повинен во всем этом. Глупо с запоздалым раскаянием думал он.

* * *

Картина за поворотом открылась самая неожиданная. В долине, примыкавшей к густому лесу, застыла конница, выстроенная по всем правилам боевого порядка. Стояли, чувствуя родные запахи, конь Сайдуллы громко заржал.

— Сайдулла-эфенди, что это такое? — удивленно спросил паша и тревожно нахмурился.

— Не могу знать, Эмин-паша.

Сайдулла в душе ликовал и втайне любовался соотечественниками. «Да, здесь совсем не то, что у Эрзерума. Эти молодцы или умрут, или добьются своего, — восхищался собой Сайдулла. — Чувствуется рука Арзу».

— Эфенди, спроси своего земляка. Они собрались с тобой, меня или со мной драться? Похоже, им сейчас достаточно одной команды, чтобы ринуться в атаку. Нет, Эфенди, я пойду к ним. Я еще не выжил из ума.

— Не бойтесь, Эмин-паша, — успокоил чеченский переводчик. — Нам стало известно, что вы любите воинскую дисциплину. Это мы в вашу честь постарались.

Эмин-паша бросил острый взгляд на него, уж не делая ли здесь из него дурака? Но лицо чеченца было серьезным и непроницаемым.

От конницы отделились два всадника и поскакали на встречу отряду. Всадника на белом коне Сайдулла признал сразу — это был Арзу. Другой, на гнедом — Маккал. Шагах в десяти от Эмин-паши они спешились. Сайдулла, Шамхал-бек и Ахмед-биб Шахбиев сошли с коней.

Эмин-паша растерялся. Он не знал, как себя вести. Держаться на равных не позволяла гордость, а потому он пошел, как индюк, и даже забыл ответить на приветствие. За него это сделал Сайдулла.

— Кто из вас говорит по-турецки? — спросил Эмин-паша.

— Я говорю немного, — ответил Маккал.

— Мне доносили, дескать, вы умираете с голоду. Но я вижу совсем другое. Вы довольно неплохо чувствуете себя, вы сумели собрать такую силу, — вали указал на стройные ряды

Янигов.

Вы слышали правду, — ответил Маккал. — Наши люди

не удовлетворены. Удовольствие паши скривилось в презрительной

улыбке. Нет, не похоже. Столько лошадей, столько оружия. Для
и все это вам?

Какими же вы хотели бы нас видеть?

Здесь вам не от кого защищаться. Гяуров у нас нет.

А они зачем здесь? Для вашей охраны? — Маккал кив-
нул в сторону турецкого отряда.

Он вновь сел на коня. Его примеру последовали и осталь-

ные. Арзу и Сайдулла тихо заговорили между собой.

Да... Жуткая картина, — покачал головой Сайдулла.

Ты мог это предвидеть, — сказал Арзу. — Ты ведь про-
гнозировал кладбище. Мы не успеваем хоронить умерших.

У артерумских дела не намного лучше.

Потому они и едут к нам. Но вам-то что здесь понадо-
билось? Вы-то зачем приехали?

Не с доброй вестью, — вздохнул Сайдулла. — Вам надо
уехать отсюда.

Куда?

Вы знаете.

Ты сам там был?

Нет.

Ты пот, туда никто не поедет.

Поставят. Русский посол требует, чтобы вас переселяли
в другой лагерь. Согласно договору между падишахами.

Почему же вы пели совсем о другом? Чуть ли не рай
предлагали.

Нам тоже обманули.

Вы, во всяком случае, не прогадали. Вы устроились. Вам
здесь, что там — все едино. Бедствуют-то другие. Распла-
чиваться ни в чем не повинные люди. И вам думать надо
о голодной. Кому поверить! Мусе Кундухову... Мало он
своей жизни пролил. Теперь еще на вашей совести лежат
жизни погубленных людей. Клянусь Аллахом, ответ за них
вам придется!

Чтобы избежать ссоры с Арзу, Сайдулла счел за лучшее
не спорить и не оспаривать очевидное. Ему, Сайдулле, сейчас

придется сносить любые оскорбления, он их заслуживает. Мусе поверил Мусе, а люди поверили ему. Для людей главным новинком является он, Сайдулла. Да они и правы!

А Эмин-паша тем временем любовался чеченской кавальерией. Какие кони! Какие мужественные лица у всадников! С такими молодцами сам черт не страшен. Будь его воля, он их всех оставил в Муше. Сколько бы с ними побед он выиграл. Нелегко пришлось бы русским. К сожалению, переселить их нельзя. Русские догадались о замысле и требуют переселенцев дальше, на запад. Султан хитрил, хитрил, но он был вынужден сдаться. Видимо, ссора с гяурами была ему выгодна...

А как они одеты! Как вооружены! Удивительный парад! И ведь удалось после стольких бедствий сохранить силы. Это вам не стадо и не случайно собранные всадники. Это регулярное войско. Это закаленные в огне и битвах бойцы.

— Мне поручено, — начал Эмин-паша, не спуская восхищенного взгляда с боевых коней, — от имени султана и вашего визиря поговорить с переселенцами.

— Человек, которому доверили слушать вас, ваш почтенный слуга. — Маккал слегка поклонился, по-восточному приложив руку к сердцу.

— Мне поручено, — торжественно продолжал Эмин-паша, — в течение трех дней очистить от вас весь этот район.

Маккал, улыбнувшись, слегка склонил голову.

— Кроме того, ходят слухи, что вы во всех своих несчастиях обвиняете нас, турок. И в чем же, по-вашему, мы виноваты? В том, что приняли своих единоверных братьев, гяуры выгнали их из своих домов? Хотя считается, что они ушли добровольно. Но это одно и то же. Если бы русским было угодно, они бы ни за что не отпустили вас. В самом крайнем случае вас бы ожидала Сибирь. Что это значит, объяснять не нужно. И по просьбе Мусы-паши правитель мусульман великий Абдул-Межид согласился дать вам у нас приют на одинаковых правах со всеми...

Эмин-паша сделал паузу, потом продолжил:

— Вам выделили земли за Диарбекиром и уже месяц убеждают, уговаривают переселяться туда. Но вы упорно отказываетесь от этого. Более того, вы постоянно грабите и убиваете местных жителей, из-за чего население пяти вилайетов не может спокойно спать. У вас появились опасные заболевания

И из нашего лагеря они перекинулись теперь в ближайшие города и села. Вот такова ваша благодарность за доброту султана. Поэтому я даю последний, недельный срок, по истечении которого вы должны будете отправиться на запад.

Озган-паша резко взмахнул рукой и замолчал.

У нас все, рейс-эфенди? — спросил Маккал.

Да, я сказал все.

Осмелюсь заметить, рейс-эфенди, в одном вы несомненно правы, — учтиво начал Маккал. — Наш народ не желает находиться под игом русского падишаха. Иначе мы не оказались бы здесь. Но никто из нас не знал о переговорах, которые вел Муса Кундухов. Мы его, во всяком случае, на то не помогали. И вот он привез письмо от султана Абдул-Меджида, в котором было сказано, что султан зовет нас к себе и подарит нам лучшие земли. Говорилось в письме и о том, что к нашему приезду будут готовы жилища, что на первых порах турецкие власти окажут нам материальную поддержку. Именно такого содержания распространял находящийся рядом с нами Сайдулла. Письму мы поверили. Пять тысяч семей покинули свои дома, родину и приехали сюда. Но что же мы здесь видим? Обман. Да, самый настоящий обман! Нам обещали чуть ли не золотые горы, а на самом деле обрекли на позорную смерть. Ни мы, ни наши предки не заслужили подобного издевательства. Между двумя нашими народами никогда не было вражды. Так за что же мы сейчас расплачиваемся? Люди в отчаянии, потому и озлоблены. Они просто вынуждены были убивать и грабить. Вот вы предлагаете нам покинуть долину. Однако позвольте вас спросить, как мы это сможем? Нам некуда идти.

Вам поделили земли, вот и отправляйтесь туда.

Там земли нет.

Как так?

Там одни камни. Я ходил по ним.

Но что же, надеялись получить самые лучшие участки?

Так нам обещали.

Ничего подобного!

А как же письма султана?

Озган-паша уставился на Маккала.

О каких письмах вы мне постоянно говорите? Это русские распространили подложные письма.

Арзу и Маккал одновременно взглянули на Сайдулла.

— Клянусь Кораном, я ничего не знал! — растерянно крикнул Сайдулла. — Мне передал их Муса. Но откуда он их взял, мне не известно.

— А ваше обязательство? А слово, которое вы дали Курд-хову? — спросил Маккал.

— Обещание свое мы выполнили, — ответил паша. — Мы вас приютили. Но русские настаивают на том, чтобы вы отошли подальше от границы. Это, во-первых. Во-вторых, у нас нет свободных земель.

Маккал вопросительно посмотрел на Арзу.

— Дальше мы не сделаем ни шагу, — решительно ответил Арзу.

— Это как же понимать? — повернулся к нему Эмин-паша. — Безрассудное упрямство может вам очень дорого обойтись. Я лично не собираюсь играть с вами в кошки-мышки, как Нусрет-паша. Со мной три тысячи всадников и тысяча добровольцев. Не пожелаете добром, заставим силой! — И, чтобы еще сильнее разжечь ненависть к русским, добавил: — Но в этом настаивают русские, не мы. В Карсе находится русский комиссар. Уберите, говорит, чеченцев живыми или мертвыми, но как можно дальше от нашей границы.

Арзу был наслышан о жестокости турок: не дай Бог попасть им в руки побежденными.

— В таком случае придется биться до конца. Раз другого выхода нет...

Эмин-паша посмотрел на этого сурового чеченца и не прочитал в его глазах ничего утешительного для себя. Не выдержав тяжелого взгляда Арзу, Эмин-паша отвернулся и вновь стал рассматривать всадников. Суровые у всех лица. Пожалуй, добродушный эфенди прав... Сердца этих людей очерствели. Они доведены до отчаяния. Эмин-паше даже показалось, что руки их вот-вот потянутся к саблям. Конечно, им теперь лучше погибнуть в бою, чем сдохнуть от голода. Да, с ними шутки опасны. Их здесь не менее трех тысяч. Возможно, где-то стоит еще и пехота. Кроме того, говорят, что во время схваток их женщины и дети дерутся наравне с мужчинами...

Эмин-паша зло сощурился и сжал тонкие губы. «Бедняк! Меня здесь еще тысяч десять, я бы показал этому оборванцу, как со мной положено разговаривать. Но, увы, сейчас сила на его стороне. Чеченским головорезам отступать некуда, и они будут биться до последнего. Это ясно как день».

Значит, таково ваше последнее слово?

Да, оно окончательное.

Пойми, Арзу, — вмешался Сайдулла. — Вновь прольет-

ся кровь...

Нет, ты же! — взорвался Арзу. — Слишком уж ты дорожишь своей шкурой, хотя она и ломаного гроша не стоит.

Сайдулла вскипел.

Ты не забыл, с кем говоришь?

Вспомни Кораном, не забыл! Разве ты не тот самый Сайдулла, сын Успана из Гехи, который в черный для родины день стал рабом русских? Разве не ты, когда дела твои пошатнулись, продал русских и перебежал к туркам?..

Эмин-паша нахмурился, жестом руки приказывая спорящим замолчать.

Дано вам ровно неделю. Еще раз посоветуйтесь меж собой и не вынуждайте меня прибегать к крайним мерам.

Вы уже слышали наш ответ. Другого не будет. Зачем же возвращаться?

Это неразумно.

Перебраться на плодородную землю мы согласны.

Такой здесь нет.

Значит, мы поворачиваем назад.

Куда?!

Домой, рейс-эфенди. Домой! Куда же нам еще?

Потерявший терпение Эмин-паша был поражен:

Домой?.. Но обратной дороги для вас больше нет. Русские закрыли границу. И мы не можем позволить вам вернуться.

Да повзвисит Аллах того, кто поможет заблудшим и укажет им путь к спасению, — протяжно пропел Маккал, закатив глаза, словно читая молитву.

Но вам и еще один путь указан, — тихо и задумчиво сказал Эмин-паша. — Путь не такой уж и сложный... Идите к моему брату султану. Ваши воины нам нужны...

Благодарю вас, рейс-эфенди, — прервал его Маккал. — Эмин-паша народ никогда не был палачом. Мы вернемся на родину! И наше право никто у нас не отберет: ни вы, ни русские!

Но говорите за всех. Возможно, часть людей согласится с предложенным мной путем. Ведь они получают отличную возможность отомстить русским.

— О том спросите людей сами.

Лицо Эмин-паши просияло. Он обернулся к Цугуру.

— Шамхал-бек, поговори с ними. Передай, что тот, кто согласится служить в нашей армии, будет щедро награжден.

Шамхал-бек низко поклонился паше и поскакал к отрядам.

— Нохчи! — обратился он к воинам. — Не от радости жизни покинули мы родину. Нелегко всем нам было оторваться на чужбину. Турки для нас не родные дяди. Все мы думали, что это они нас пригласили сюда, но это пошло не так. Теперь, как ни крути, мы находимся в чужой стране. И сейчас нет ни крыши над вами, ни земли, где можно было бы построить свой дом. Голод и болезни косят вас, как коса зеленую траву. Губит вас и глупая гордость и самонадеянность вайнахов. Местные жители не имеют сил и возможности помочь вам. Кроме того, своим разбойничьим поведением вы отпугнули их, и теперь они уже готовы сами пойти против вас. Из-за вашего неповиновения пострадал Нусрет-паша. Вы почему сегодня и прибыли сюда эрзерумский вали Эмин-паша, которому приказано миром или силой, но освободить от вас это место. Если вы не уйдете добровольно — вас постигнет оружие в руках, и тогда пострадают невинные женщины и дети. Арзу и Маккал от вашего имени отказались отправиться на запад. Вы все согласны с их решением?

Шамхал-бек всматривался в лица всадников и ждал ответа. Но они молчали.

— Все мы вскормлены одной землей, все мы братья одной крови, — продолжал он. — Поэтому не стану скрывать от вас тех ужасов, которые ждут вас впереди. Эмин-паша привел три тысячи всадников. В его распоряжение переданы и все вооруженные силы Мушского вилайета, которым активно помогают жители окрестных сел и городов. Турецкие власти принимают окончательное решение поселить вас за Диарбекиром. Другого места не будет. Эмин-паша определил недельный срок, чтобы вам сняться отсюда и отправиться на запад. В противном случае он прикажет войскам гнать вас силой оружия. Конечно, вы окажете сопротивление. Но все мужчины до последнего человека погибнуть в столь неравной битве. И что станется с женщинами и детьми? Вы подумали? Мой совет: выкиньте из головы глупую мысль о сопротивлении и сделайте то, что вам предлагают. Земли там не такие уж и плохие, как вам их обрисовали. Да, вообще, нужно ли вам выбирать ка-

то земли? По своей натуре и природе вы не земледельцы. Потому-то перед вами открываются и иные пути к счастью, и вы сможете жить по-княжески, ни разу не берясь за ручки плуга. Падишах всех мусульман султан Абдул-Межид из рода Сулеймана призывает вас служить под свое знамя! Султан знает, чеченцы были самыми храбрыми воинами ислама на Кавказе. Он знает, как притеснял и истреблял вас царь неверных. Поэтому он и допустил нас в свою страну. Долг и традиции обязывают платить за добро добром.

Увлеченный собственной речью Шамхал-бек шагом проехал перед рядами неподвижно стоящих всадников.

Черкесы и адыги, прибывшие сюда раньше вас, уже назначены в войсках султана. Из них создано несколько полков. Каждому воину бесплатно дают коня, обмундирование и оружие. Харчи тоже бесплатные. А кроме того, им платят жалованья. Короче говоря, здесь мы имеем такие условия, о которых на родине мы могли только мечтать. Счастье большинства из нас сидит на кончиках наших сабель, на мушках восьмипотных стволов наших ружей. Особо отличившиеся по службе получают чины и награды. На первых порах нам придется заниматься пустяками: усмирять христиан, поднявших войну против султана. Черкесы и адыги занимаются христианами, живущими к западу от Стамбула. Мы же должны растоптать этих проклятых грузин и армян, которые помогли русским и войне против нас. Вы знаете, что особо жестокие генералы и хакимы, управлявшие Чечней, были выходцами из армян и грузин. Добыча в бою — ваша. Вдумайтесь. Мы получаем тройную выгоду: мстим нашим заклятым врагам, наживаем богатство и заслуживаем милость Аллаха. По секрету сообщу, что в скором времени, когда турки начнут войну против России, у нас появится и реальная возможность освободить нашу Чечню от господства гяуров. Вот в этом султан Абдул-Межид обещал нам свою самую крепкую поддержку и помощь. Кто согласен стать под знамя падишаха всех мусульман, пусть выезжает вперед!

Когда Шамхал-бек поравнялся с Чорой, тот громко бормотнул:

— Убирайся отсюда, ишак, пока я сейчас на глазах у всех не срубил твою поганую шакалью голову!

Шамхал-бек вспыхнул, как от удара, и схватился было за нож, но вовремя опомнился и поскакал прочь.

— Онемели они все, что ли? — зло процедил Эмин-паша.
— Подождите, скоро запоете... Теперь я понял, кто здесь мстит воду, — Эмин-паша ткнул пальцем в сторону Арзу и Маккала... — Итак, сегодня у нас четверг. Если к следующему четвергу вы не уйдете отсюда, я за последствия не отвечаю. Отвечать будете вы! Все...

Эмин-паша натянул повод, и его конь уже слегка поддал вперед. Но голос Маккала остановил Эмин-пашу.

— Паша-эфенди! Вам легче. Ваш падишах дал нам слово, чтобы расправиться с нами. Вы действуете у себя на родине. Но не забывайте, если по приказу падишаха вы прольете кровь несчастных людей, то все равно Аллах строго взыщет с вас. Нас же всего двое, и мы не имеем права по своей воле решать судьбу этих людей. Дело же доходит до кровопролития. Дайте нам десять дней. За это время мы решим окончательно, что нам лучше: принять ли ваши условия, умереть ли здесь, или уходя с этого места, или же отправиться обратно на родину.

— Хорошо, — важно согласился Эмин-паша, внутренне торжествуя неожиданно легкую победу. — Даю вам десять дней. Но предупреждаю, я не Нусрет-паша и не Исмаил-паша. Я вовсе не желаю из-за вас попадать в немилость его величества...

* * *

Когда последний воин турецкого отряда скрылся за холмом, на котором раскинулось кладбище, к Арзу рысью полетел Кюри.

— Ну, ты не раздумал? — спросил Арзу. — А что скажи Мачиг?

— Он согласен, — зарделся Кюри. — Арзу, я же обещал Алибеку... Может, стану офицером... Как Шамхал-бек говорил... И тогда я обязательно вернусь...

— Мы об этом уже не раз говорили с тобой. Не надо повторяться, — Арзу глубоко вздохнул. — Кто с тобой едет еще?

— Один беноевец...

— Что ж, раз Мачиг отпустил тебя, то я не вправе удерживать. Но, смотри, этот Шамхал-бек — хитрая лиса. Не дай обмануть себя! Не подписывай никаких обязательств, пока не окончишь школу. Да поможет тебе Аллах!

ГЛАВА VIII

ВЕСТИ С РОДИНЫ

Мила нам добрая весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

Г.Р. Державин

Болат внимательно наблюдал за турецкими всадниками. Но не успели они еще скрыться из вида, как вслед им прокатились Кюри и Габа. Болат громко окликнул Кюри, но тот не оглянулся. «Куда они?» — удивленно подумал Болат. Чеченский отряд возвращался в лагерь. Арзу и Маккал ехали впереди. За ними Чора и Али, в руках которого развевалось знамя с вышитыми на нем шестиконечной звездой и полумесяцем.

Лаиллах иллах, лаиллах иллах... — пели они, покачиваясь в такт зикра.

Болат долго следил за ними, потом тихо поплелся к своей землянке.

Как надоел ему лагерь, его сырые землянки и эти вонючие стены. И дождь, и ветер проходят сквозь их стены, как чешуя. И какая уж тут чистота, когда нет отхожих мест. Конечно, конечно, полегче, но каково больным, которые даже спать постели не могут? Конечно, никто не предполагал, что придется так долго задержаться здесь. В жаркие дни это особенно тяжело, в воздухе стоит невыносимая вонь. А мушкетеры донимают. Их столько развелось, что просто ужасно. Все лучше бы сразу умереть. Но что тогда станет с матерью и сестренкой, если он умрет? Нет, ему сейчас никак нельзя умереть. Он должен жить, должен!

У входа в землянку мать перешивала ему отцовские брюки. Болат осуждающе нахмурился.

— Не вечно хранить их, сынок, — оправдывалась Хеди. Смотри, как твои износились. Новых же купить здесь и нет, и не на что.

Болат медленно опустился рядом с сестренкой. Несмелая на знойный день, та куталась в шаль.

— Бота, — тихо позвала она.

— Что, Човка? — склонился к ней Болат.

— Отец девочки, которая живет вон в той землянке, принес вчера из лесу меду и орехов. Я у нее попросила один кувшин, она не дала. Теперь, когда принесешь орехов ты, я ей тоже дам...

Болат притянул к себе ее маленькую головку и ласково погладил.

— Какая же ты еще малышка, Човка! Будут и у тебя орехи. Не плачь только.

Болат поднялся и скрылся в землянке. Он опоясался маленьким кинжалом, наполнил газыри черчески заправками, вткнул за пояс кремневый пистолет, подаренный ему Ару. Прихватив глиняный кувшин, снова вышел на улицу.

— Ты куда, сынок? — забеспокоилась Хеди.

— Пойду похожу по лесу.

— Будь осторожен. Ворованное всегда приносит несчастье. Могут и убить.

— Я не маленький, нана, — сказал он, чтобы успокоить мать. — И воровать ничего и ни у кого не собираюсь. Мне в лесу диких плодов нарву.

— Говорят, там медведи водятся, смотри далеко не ходи...

Болат улыбнулся словам матери.

— Здесь все чужое, даже медведи.

— Не беспокойся, нана.

И Болат широко, по-взрослому, зашагал между землянками.

— О Аллах, вручаю твоей воле моего единственного сына! — взмолилась Хеди, провожая Болата взглядом измученных глаз.

* * *

Бог милостив, — радостно думал Болат, возвращаясь в лесу. — Он мне поможет прокормить семью». Его первая охота оказалась удачной, кувшин наполовину наполнился тающими пазухой — орешки. Човка-то как обрадуется.

Виннице уже село, но верхушки деревьев все еще золотились в отблесках заката. Со стороны турецкого села доносились плесение овец, мычание коров, топот лошадей, слышался чужой говор. Точно так же бывало вечерами и в Шалях: собачий лай, крики мальчишек, голоса пастухов, возвращавшихся с пастбищ. Но там звуки были родные и близкие. Свои! Чего бы только не отдал сейчас Болат, чтобы вновь услышать их. Но работ он тогда не знал, ни горя не ведал. Играл с мальчишками, дрался. Сегодня подерутся — завтра помирятся. Так проходили незаметно дни со своими радостями и огорчениями. Теперь же они вспоминались как нечто сказочное, давным-давно и навсегда ушедшее. С трудом даже верилось теперь, что когда-то все было по-другому, небо было родное, и земля родной. От таких вот мыслей и воспоминаний в душу проникали тоска и жалость. Ему даже было жаль не себя, а скорее те далекие улицы, по которым он бегал; холмы и долины, где они с товарищами по примеру взрослых пели зикр; даже силы и собак, чьи острые клыки не раз испытывали на прочность его штаны и ягодицы, за что мать постоянно ругала его. Отец же, наоборот, только усмехался в бороду, ты, сынок, жди, смотри какой храбрый конах растет! Ему было жаль не себя, но попробуй сберечь штаны, когда вокруг столько собачьих лап...

Отец и отца не стало. Похоронили его в чужой земле. Как ему в ней? Может, душа улетела домой? Дай-то Бог! И остались они вдвоем. Човка-то еще малышка, мало что сообщает. Ей все только дай. А как взять, откуда, ее пока не спрашивает. Вот на него-то и все надежды. Он старший. Он должен кормить семью. Но если им здесь дадут землю, кто ее обрабатывает? Арзу и Маккал. Они только и смогут помочь, пока есть силы...

Виннице не идти через турецкое село, Болат двинулся в обратном направлении, через кустарник. Хотя, конечно, через село было ближе. Но виннице все-таки избежать разных неприятностей. Напрямую идти начнут кидаться камнями и кричать вдогонку: «Шешен! Винный шешень!» Их-то он не боится, но не станешь же отвечать за каждым.

Болат сполз с обрыва и пошел по дну оврага. Повеяло сыростью и прохладой. Уже надвигались сумерки, и он заспешивал, чтобы до темноты вернуться в лагерь. Мать наверное, уже спит...

Вдруг внимание его привлекли какие-то звуки, похожие на рычание собак. Он остановился. Стая ворон, взлетающая при его появлении, посеяла в нем подозрения. Птицы уныло сидели над одним и тем же местом и не улетали. Потом все расселись по деревьям, выжидая, пока незваный гость уйдет. Их хищное и нетерпеливое карканье пугало. Собаки же, напротив, не обращали на него никакого внимания, они дружно ржали, как будто не могли поделить единственную кость. Болат знал, что местные жители имеют обыкновение сбрасывать врага дохлый скот. Переселенцы не раз приходили сюда и перетаскивали туши околевающих коров и овец в лагерь.

Что же там выбросили сейчас, раз так остервенело ржут собаки, а воронье даже и не помышляет улетать от запаха?

«Может, найду чем поживиться. А вдруг целая туша буйвола, да хотя бы ягненок, — мысли роились в голове мальчика предвкушавшего восторг родных и близких. — Он бы тогда уберег их от голодной смерти. А как обрадуется Чонка! Бока сам давно забыл вкус мяса. Вот будет праздник...»

Болат срубил кинжалом ветку что потолще, чтобы разогнать собак, а то ведь пока он раздумывает, они и кость ему оставят. Но подойдя поближе, он убедился, что опасения были напрасны: собаки только что приступили к своей трапезе. Разогнав их, Болат приблизился к тому месту и обнаружил: перед ним была развороченная могила и труп мальчика.

Первое желание, возникшее от увиденного, было бежать, бежать не оглядываясь. Но какая-то невидимая сила удерживала его, и он продолжал стоять как вкопанный. В следующий момент ему стало стыдно за свой страх, за непрошеную слабость. Что он, мало видел мертвецов? Не только здесь, в Хонкаре, но и дома, в Шалях. Правда, он не был ни разу наедине с мертвецами — рядом находились взрослые. Это здесь он ни разу не был, в глубоком овраге, среди одичавших собак, рядом с могилой и покойником.

«Ты же мужчина, Болат, — говорил ему внутренний голос — Иди, не трусь. Разве не учили тебя мужеству твой отец Арзу, Маккал. Еще несколько шагов! Ты же горец, сын настоящего воина. Вглядишься, видишь рваную черкеску, пояс кинжала, босые ноги... Может, это твой единокровный брат?»

«Конечно, — подумал Болат, — ведь турки своего не сбросят с обрыва. Должно быть, это наш человек... О Аллах! Эти облезлые ножны... ремень...»

Но страшной догадки кровь застыла в жилах. Со вчерашнего утра он не видел Соипа: утром выполнял поручение Арзу, потом, не найдя Соипа и в полдень, не стал беспокоить его старую мать, Жовхар, отложив свой визит на более позднее время.

Болат поставил кувшин и склонился над покойным другом. С окровавленной головы Соипа слетел целый рой зеленых мух, в ране копошились черви. Он осторожно перевернул друга и в страхе отпрянул — на него смотрели остекленевшие, влажные в ужасе, круглые карие глаза друга...

Это было так неожиданно, так неестественно, будто произошло в каком-то страшном сне. Смутно сознавая что делал, Болат провел рукой по глазам, закрыл другу веки. Он не приходил в себя, а когда, наконец, сознание прояснилось, почувствовал неотвратимость случившегося, ком подкатил к горлу, он затрясся всем телом и громко разрыдался.

Соип, друг мой, что они с тобой сделали... Соип, если бы вы не приехали в чужую страну, ты был бы жив, отец твой не лежал бы в холодной могиле и братья... Нам тяжело было на чужбине, но мы были счастливы... Соип, кто убил тебя так безжалостно, кто оставил твою мать одинокой, кому мне мстить за тебя. Или когда-нибудь и мне придется разделить твою участь. Тебя нашел твой друг, он похоронит тебя. Неужели твои грехи растерзают злые собаки, глаза мои выключат воро-

Могилка была неглубокой, видимо, копали ее наспех, и Соипу не стоило особого труда разрыть ее. Болат поднял на поверхность тело друга, руками выгреб землю и осторожно перевернул покойника обратно, затем прикрыл травой и засыпал землей. И когда все возможное было сделано и ничем он уже не мог помочь другу, Болат словно очнулся вдруг и оглянулся. Теперь он заметил, что сгустились сумерки и потемнело небо. Стало страшно от того, что в такой темноте ему не удастся найти путь и заблудиться. Но прежде чем покинуть могилу друга, он, забыв все страхи, постоял еще с минуту, устремив взгляд на маленький холмик.

«Идет Бог и я доживу до утра, заберем тебя, Соип, отсюда и похороним рядом с отцом твоим», — мысленно решал он, шагнув по дну оврага, заросшего густым кустарником.

* * *

После ухода турок, остаток дня ушел на погребение убитых. Вечером Арзу вновь собрал старейшин, сообщил о переговорах с Эмин-пашой.

— Оставят у Муша, Вана и Карса — останемся. Нет, уйдем обратно, — в один голос отвечали старейшины.

— Русский сардар против. Он требует убрать нас подальше отсюда.

— Проклятые гяуры! И в чужой стране спокойно жить не дают!

— Не надо было свою отдавать.

Решено было Арзу и Маккала послать в Эрзерум к русскому комиссару. Что из этого может получиться, одному Богу известно. Но измученные и исстрадавшиеся люди надеются, что не каменное сердце у русского комиссара, может, и пойдет навстречу.

Уставшие и голодные вернулись Арзу и Маккал домой. Была поздняя ночь. Али и Чора сразу же завалились спать, наярившись буркой. Арзу не спалось. Не спалось и Маккалу. Он зажег свечку и поставил на сундук. «Наверное, читать собирался», — подумал Арзу. Маккал достал у турок какую-то книгу и зачитывался ею ночами. Но сегодня он почему-то не раскрывал ее. Маккал достал чернильный прибор, разложил чистую бумагу.

— Кого мы возьмем с собой? — спросил Арзу, прежде чем Маккал взялся за колам*.

— Куда?

— В Эрзерум.

— Чору и Али. Достаточно, думаю.

На этом их беседа прервалась. Маккал склонился над листом бумаги. Арзу одолевали горькие думы. Он думал о прошлом и о будущем. Думал о своих братьях и сестрах по крови, что гибли вдали от родины, забытые людьми, царями и богами, даже Богом. О чем только не думал, какие только мысли не приходили, а выхода как не было, так и нет. Думали избежать Сибирь, а получилось еще хуже... Хотя ночь была спокойной, но не спалось Арзу. Сон не шел...

* Колам — карандаш (чеч.).

Маккал отложил колам, взял в руки исписанный лист. —
«Дет, послушаешь, что я написал, — обратился он к Арзу,
успуй, что последний не спит.

«Читай, — отозвался Арзу.

Маккал откашлялся.

«... никому Сардару, брату русского царя.

*Мы находимся в весьма печальном положении и просим: будь-
те милосердны, разрешите нам возвратиться на родину... Мы
узнали, что Кундухов ухитрился обмануть нас, говоря, что пере-
селение делается по общему согласию двух государей, а здесь
ничего нет. Нам уже отвели место в Турции. Кундухов желал,
чтобы он один жил, а мы все умерли. Он же желает переселить
и остальных горцев... Мы гораздо охотнее пойдём в Сибирь,
и будем жить в здешней Сибири... Мы можем избавить мно-
жество от гибели своим возвращением. Из нас и так погибла
половина. Турки говорят, что нам укажут место для жи-
тельства, а на указанном месте можно только умереть».*

Маккал прервал чтение, прислушался. Незнакомый муж-
ской голос, доносившийся с улицы, спрашивал:

Где мне найти Арзу и Маккала?

Вон в той землянке, — отвечал женский голос.

Через минуту легкий конский топот послышался совсем

близко.

Али, вышедший на зов незнакомца, вернулся обратно.

Нис спрашивает.

Пусть войдет.

Высокий статный мужчина полусогнувшись переступил

порог.

Ассалам алейкум, всего доброго вам!

Ва алейкум салам, да будет добрым и твой приезд!

Арзу и Маккал поочередно пожали гостю руку и усадили
на почётное место.

Как здоровье нашего гостя, как поживает семья? — спро-
сил Маккал.

С помощью Аллаха все живы-здоровы. Горе народа —
наша горе. Как у вас?

Авхамдуллила, все от Аллаха.

Гость и хозяева внимательно изучали друг друга. При таком свете это нелегко было сделать. Но все же Арзу сумел разглядеть его. На смуглом, бородатом лице невольно бросался в глаза длинный нос, похожий на орлиный клюв. Широкий чистый лоб, смелый взгляд карих глаз, черные усы. Облик прилично. На наборном ремне серебряный кинжал, два перстолета. Никаких сомнений не было в том, что он в первый раз впервое. «Или он один из тех, кто свою душу и саблю подарил туркам, или он прибыл сюда недавно», — решил Арзу, глядя в спускающуюся с гостя проницательных глаз.

— Скажи нам: кто ты, что тебя привело в наш дом и чем мы можем помочь тебе?

Гость погладил бороду.

— Я от двоюродного брата Солда-Мурада. По решению Дивана направлен с последней партией переселенцев в ваш Арзу и Маккал насторожились.

— Али, выйди, посмотри за землянкой, — сказал Арзу и повернулся к гостю. — Почему ты уверен, что мы именно те люди, которые тебе нужны?

Гость от души рассмеялся.

— Я не впервые вижу вас.

— Возможно. Но мы не знаем, кто ты. Как поверить тебе на слово?

Гость осторожно снял с пальца серебряный перстень и протянул его Маккалу.

— Наш условный знак, — медленно проговорил Маккал, внимательно рассмотрев перстень и передав его Арзу.

— Да, перстень, несомненно, принадлежит Солта-Мурада.

— Но ведь это только часть условного знака. А пароль?

— Родина зовет своих сыновей... — гость назвал пароль до конца.

— С благополучным прибытием, посланец славного Солта-Мурада! — облегченно и обрадованно воскликнул Арзу.

— Как твое имя?

— Деналха.

— Давно прибыл?

— В Муш сегодня, в Эрзерум — две недели назад.

— В дороге все было благополучно?

— Аллах оберегал.

— С чем же связан твой приезд? Что встревожило Солта-Мурада?

Ваша задержка и судьба переселенцев.

Что нового у вас?

Вот письмо от Солта-Мурада.

Давалха расстегнул на груди бешмет, и в руках у него оказался массивный талисман треугольной формы, подвешенный на шнурке. Кончиком ножа Маккал разрезал шов чехла и вынул тонкие листки бумаги, исписанные мелким, убористым почерком. Он пересел ближе к светильнику и стал читать вслух.

«Бисмиллахи рахмани рахийм. По воле всемогущего Аллаха, пророка Мухаммада, асхабов и всех святых пишу это письмо моим братьям по крови и вере, дорогим друзьям Арзу, сыну Абу-Джара и Маккалу, сыну Абдурахмана.

Да благословит вас всемогущий Аллах и пророк его Мухаммад!

И пораю очередь, сообщая, что мы все живы-здоровы, единственное же наше горе — это горе разлуки с вами и полная неизвестность о судьбе наших единокровных братьев, отправившихся на чужбину. Безвестность и терзает наше сердце. Распознав, что однажды старый лев заболел и залег в пещере. Берс со всех концов собрались навестить больного царя, но никто не осмеливался зайти в пещеру, ибо лев съедал каждого посетителя. Вот так и наши люди — покидают родные горы, отправляются в Хонкару, но никто не возвращается обратно. Если вы не подаете вестей, мы же уподобились слепым, потемневшим поводырей, ибо не знаем, что говорить новым добровольцам, задумавшим покинуть землю отцов. Как вы доехали? Вы исполнили ли вы наше поручение? В каком положении люди?..»

Странно, неужели туда не доходили вести из этого ада?

Маккал прервал чтение и посмотрел на горца.

Поступали. Но противоречивые. Толком ничего не поймешь: одни говорили, что в Турции очень плохо, другие — наоборот, хвалили жизнь в Хонкаре.

У нас хорошего мало. Берс вернулся. На помощь с севера рассчитывать нельзя. Там все тихо.

После нашего отъезда отличился Тоза из Харачоя, чего, откровенно говоря, мы и боялись. Он объявил себя имамом и разо-

слал по соседним аулам свои письма. Вот одно из них, полученное мною: «От имама брату нашему Солта-Мураду и всем муртам салам. Приготовьтесь к войне по изгнанию из земель наших неверных. Сообщите о нашем намерении другим аулам и рекам Аксай и Ямансу. Настало время войны, заповеданной нам всемогущим Аллахом через своего пророка. Время сбора — завтра, место — у аула Харачой на возвышенности Кеттани-Гора. Мы прочитали его письмо и еще не успели выразить своего неумения по поводу такого решения, как до нас дошли слухи, что Тозу сразу же по выходу из Харачоя власти схватили и убили».

— Остопиралла! — покачал головой Арзу. — Какой удар нанес нашему делу этот дурак!

«...Короче говоря, арестовали его и вместе с ним сыновей Азизин-Тозуку и Шахгери, Наулха — сына Новки, Нога-Мирзу — сына Баги, Эбети — сына Абубакара, Киси — сына Умман-Тагира — сына Хаму, Исха — сына Хусена и многих-многих других. Лишь по милости Аллаха среди них не оказалось наших людей. Тоза же поступил как предатель».

Но, с другой стороны, всеми получен хороший урок. Испуганный Тозой полковник из Ведено запросил из Чахкары срочную помощь. Но через день-другой понял, что помощь ему не требуется. Все сколько-нибудь имущие лица из соседних аулов явились к полковнику и покорно заявили, что они не только не пойдут за Тозой, но готовы идти против него, поймать его и передать в руки властей.

Полковник понял, что нет ничего легче, чем вызвать братоубийственную войну среди чеченцев. Так он и поступил. Боясь, что восстание может перекинуться на равнину, власти закрыли все пути в Ичкерия. Сюда же прибыли во главе отряда чеченских добровольцев полковник Муравьев, с чеберловцами и тот русский офицер*, который женился на чеченке. Девлет-мурта Мустафин и князь Чергез-бек** тоже привели с собой около тысячи вайнахов и предупредили харачоевцев, что всякого, кто спустится сюда с гор с целью возмутить равнинные аулы, они арестуют и передадут в руки властей. Прибывший из Чеберло

* Имеется в виду майор Ипполитов.

** Бекович-Черкасский.

Дуба Джукаев занял дороги к Аргунскому ущелью. На случай, если Тоза вздумал бы двинуться через Беной вниз по рекам Аксай и Мянсу, по просьбе ауховцев войска из Хасав-Юртовской крепости перебросили в укрепление Кечень. Отряд из укрепления Кечень перебросили в Эрсеной. Короче говоря, теперь мы знаем, откуда в случае нашего восстания, мы можем ждать удара, знаем, что наш враг — это не только русские войска, но он ко всему находится и среди нас».

— Что среди нас есть предатели, было давно известно, — возмущился Арзу. — Только мы не предполагали, что их окажется так много. Поганое семя размножается быстро.

«После случая с Тозой власти совсем озверели. Людей хватают по малейшему подозрению. Сперва Тозу приговорили к смертной казни, но потом смерть заменили ссылкой в Сибирь. Теперь в Сибири все арестованные. У харачоевцев с каждого дома взяли по 10 рублей штрафа, а элистанжинцев выселили на Терек. Хотя восстание Тозы было по сути дела лишь безобидной бочуншкой, испуганные власти стянули в Харачой войска.

Вы все помните, как в прошлом году Орцу Чермоев, Девлет-мирза Мустафинов, Вахаб Адуев, муллы Абдул-Кадыр Хордаев, Ибрагим Исмаилов, Мустапа Абдуллаев, Махмуд Боршиков с рабской преданностью прислуживали генералу Туманову, когда он у Шали расстрелял наших безоружных мужчин и женщин. Тогда русские помогли все самые продажные свиньи — торгоши, сколько-нибудь имущие люди из Шали и окрестных аулов. На сей же раз нам удалось собрать со всей Чечни самых последних отщепенцев и с их помощью расправиться с Тозой. Впрочем, здесь активно действовали и Девлет-мирза Мустафинов, Дуба Джукаев, Бота Шамурзаев, Хату Мамаев, Чомак Ойшиев, а также и Бача Кухуев, Арсанука Хадуев...»

— Да будет им судьей Аллах!

«Говорят, что Хату, Чомак, Бача и Арсанука представлены в Петербург для награждения».

— Вот мунапики!

«...В первую же ночь после отправки наших мухаджиров произошло сильное землетрясение. Особенно ощущалось оно в окрестностях Ведено. Но серьезного ущерба оно, слава Аллаху, не нанесло. Улемы объясняют его двояко. Одни говорят, что землетрясение произошло из-за того, что наши люди оставляют родную землю и уходят на чужбину. Другие объясняют его тем, что мы покорились гяурам и смирились с их властью, землетрясение же подсказывало народу, чтобы он оставил землю, опоганенную иконами, и отправлялся в Хонкару, где правоверный ислам полностью свободен. Я бы тоже сказал, что наша земля мстит за то, что и она оказалась под пятой русских. Я даже удивляюсь, почему она до сих пор еще не разверзлась под нами, и небо не обрушилось на нас сверху. Знаю, что вы там задерживаетесь не по своей воле. Потому и посылаю к вам нашего верного человека. Если какие-нибудь непредвиденные события будут угрожать вам и далее, то расскажите этому человеку все, что ему нужно передать нам, и срочно отправьте его назад. Не знаю точно, но говорят, что брат-царя, большой сардар, который находится в Тифлисе, скоро приедет в Чечню. Все начальники готовятся к его приему. Многие надеются, что с его посещением жизнь народа изменится в лучшую сторону. Я же уверен, что его приезд ничего нам не принесет, кроме новых бед.

Передайте от нас привет Чоре, Али и всем нашим несчастным мухаджирам.

Да поможет им и нам всем всемогущий Аллах.

Письмо это написано Солта-Мурадом, сыном Солум-Гери Турпеева 10 Беноя, в 18-й день месяца раджаба 1285 года».

— Да, наворочал дел Тоза, — глубоко вздохнул Махмуд, складывая письмо. — Я предупреждал Солта-Мурада, что Тоза человек ненормальный и его в наше дело втягивать опасно, но он может все испортить. В конце концов Солта-Мурад отстранил Тозу, но было уже слишком поздно.

— Откуда берутся только такие вот смутьяны, — негодовал Арзу.

— Обязательно кому-нибудь нужно испортить дело! Мы и тогда отговаривали людей, но все-таки муллы и хаджи устроили шествие к князю Туманову, в результате — произошла

...и псевинных людей. Теперь этот безмозглый Тоза... Но войск больше не привели в Чечню?

Привели. Из Дагестана и Кабарды.

Зачем им новые войска? — зло сказал Маккал. — Мы же сами готовы друг друга перебить. Стоит только русскому офицеру показать нам серебряный кружочек, как мы тут же готовы перерезать друг другу горло.

Солта-Мурад больше ничего не поручал тебе? — обратился Арзу к Деналхе.

Нет.

Когда тронешься в обратный путь?

Здесь я в вашем распоряжении. Хотя меня просили как можно скорее вернуться домой.

Арзу достал из нагрудного кармана бешмета серебряные часы, нажал на кнопку, крышка часов откинулась. Стрелки давно перевалили за двенадцать.

В каком положении наши люди в Эрзеруме, ты уже видишь, — сказал Арзу, — а с положением здесь ознакомишься завтра. Твои впечатления мы дополним. Если же кратко, то люди решили возвращаться домой. Что из этого выйдет, я пока не знаю. Завтра или послезавтра с этим же вопросом Маккал и я поедем в Эрзерум к русскому комиссару. Вот после нашего возвращения ты и отправишься обратно. А теперь отдохни. Али, ты ложись у входа, а заодно и покараулишь вход Деналхи.

У входа в шалаш появилась чья-то тень.

Болат? Ты? — удивился Арзу. — Что случилось? Почему так поздно?

Соип убит...

Соип? Кто его убил? Где? За что?

Арзу и Маккал вскочили одновременно.

Болат рассказал все.

Мать его болела. Наверное, это и вынудило его пойти в турецкое село. Я знаю, он ради себя никогда бы не притроулся к чужому... Но его мать умирала... И он пошел...

Арзу и Маккал молчали. Это был уже не первый случай, когда трупы переселенцев находили у турецких сел.

— Чем же мы можем теперь помочь и ему, и тебе? — нарушил молчание Арзу.

— Не знаю... Если бы я вернулся пораньше, то организовал бы товарищей и забрал его... Я же заблудился и пришел в лагерь только сейчас...

— Да, сейчас уже поздно, Болат. Если же к утру они будут живы, то привезем твоего друга сюда и похороним вместе с матерью... А теперь иди, ложись и постарайся уснуть.

ГЛАВА IX

ИМПЕРАТОРСКИЙ КОМИССАР

Чего только мы не умеем? -
Считаем звезды, гречку сеем,
Браним французов. Продаем
Или за карточным столом
Проигрываем крепостных -
Людей крещеных ... но простых,
Мы не плантаторы! Не станем
Мы краденое покупать,
Мы поступаем по закону...

Т.Г.Шевченко

Итак, вопрос о переселении чеченцев был решен окончательно, и кавказское начальство направило своего представителя в Эрзерум. Шел уже пятый месяц, как штабс-капитан Генерального штаба Александр Семенович Зеленый приступил к исполнению своих обязанностей.

Горы службы на Кавказе оказались, пожалуй, самыми трудными в жизни штабс-капитана. Развлечения, если они и случались, вызывали в его душе, скорее, горькую досаду, нежели радость и удовольствие. С грустью и недоумением вспоминал он то время, когда его одолевала романтика Кавказа, его экзотика. Обычаи и законы гор и поныне тревожили фантазию северян. К тому же, никому не известный захудалый дворянин из захолустья мог сделать здесь неплохую карьеру и даже стать в этих горах большим начальником. На Кавказе такие случаи удаchi довольно легко взбирались по административной лестнице. Тем более, что ни исключительных достоинств, ни особого ума для этого не требовалось. Требовалось быть жестоким, коварным, не давать пощады никому из местных жителей, но одновременно уметь угождать и тонко льстить начальству.

Но обладая даже этими, столь простыми качествами, Александр Семенович, естественно, не мог рассчитывать на особенно высокий чин, а потому, дослужившись до штабс-капитана, как бы достиг своего потолка. Несмотря на это, он продолжал оставаться образцовым офицером. Даже Великий князь

Михаил не раз показывал ему свое расположение, и оное кавказское начальство ничего не имело против Александра Семеновича. Он аккуратно, не задумываясь, исполнял приказы сверху. Александр Семенович считал себя человеком незаметным и бессильным что-либо изменить. Хотя первые его родственники и занимали высокие посты в императорском войске, сам он по воле судьбы и характера всегда ютился в задворках. Александр Семенович сам изъявил желание жить в «жалкой Сибири», будучи в душе якобинцем, однако не менее, вынужден был выполнять приказы. А потому штабс-капитан Зеленый постоянно чувствовал себя охотничьей бабой, которую безжалостный и хитрый хозяин пустил по охоте за нужным ему зверем. И зверя весьма опасного.

«Что поделаешь, — с горечью думал Александр Семенович — Раз надо, то мы и пострадать готовы ради России. Пусть высокопоставленные сановники набивают ненасытную утробу царскими подарками. Преподнес вон царь своему генерал-адъютанту князю Святополк-Мирскому подарок в две тысячи триста шестьдесят семь десятин лучшей земли Кутаисской губернии. За какие-такие воинские подвиги? Во многих уголках Азии и Европы проливают кровь русские солдаты, но ведут их не в тополк-мирские, а такие же простые офицеры, как и я. И все же так устроен мир. Так предписано свыше».

Занятый подобными мыслями Александр Семенович отодвинул от себя бумагу, бросил на стол карандаш и подошел к окну. Небо заволочло тучами, холодный туман стлался по долине. Неуютно и мрачно. И оттого стало еще тоскливее и тяжелее на душе.

С первого же дня пребывания чеченцев в Турции у них возникли разногласия с местными и центральными властями. Через русских консулов, находящихся в Трапезунде и Эрзуруме, Зеленый узнал, что в нарушение договора между двумя правительствами турки решили поселить чеченцев в Ванском пашалыке*. Удивленный и обеспокоенный полученными сведениями Александр Семенович немедленно заявил генералу Нусрет-паше о допускаемых нарушениях договора. Но тот никак не отреагировал на демарш штабс-капитана.

— Господин комиссар, вы что, принимаете меня за дурака? Разве бы я взялся своей волей решать столь серьезные вопросы?

* Пашалык — владение паши (тур.).

И инструкции же, данной мне моим правительством, местонахождением чеченцев указаны Битлис, Муш, Гинджа, Карпут, — и этот самый Ван, — сказал он весьма спокойно.

Но я тоже имею инструкцию моего правительства, — и оно сильно задел тон турецкого генерала. — И в письме генерала Российской империи генерала Игнатьева Главному штабу Кавказской армии весьма определенно сказано, что в соответствии с вашим правительством чеченцы никак не должны быть водворены в местах к востоку от Диарбекира и Ванска. Поэтому я решительно протестую.

Сожалею, что мои действия для вас столь неприятны, и ничем не могу помочь, — Нусрет-паша артистически развел руками. — Я тоже вынужден скрупулезно и точно выполнять данные мне инструкции, где Ван и Муш указаны как места поселения чеченцев в ряду других аналогичных мест. Поэтому я уже сделал распоряжение об отводе там земель, на которые направляются более полутора тысяч чеченских семейств. В Ванском пашалыке мы построили им хорошие дома. Других горцев поселят в сторону Карпута, а в Диарбекире их поселить никак нельзя. Однако чтобы не нарушить наши с вами добрые отношения, я сделаю запрос из Эрзерума в Константинополь по разъяснению всех этих мелких недоразумений.

Александр Семенович приободрился: сказанное генералом позволило на уступку.

Кроме того, — бросился штабс-капитан в новую атаку, — я должен предупредить, что до сих пор ни одна партия чеченцев так и не перешла за Эрзерум. Направьте новые партии к Карпуту, а не к Мушу и Вану. Я это говорю, дабы избежать недоразумений в дальнейшем.

Хорошо, хорошо, господин комиссар. Пока я не получу от вас новых инструкций, я не направляю ни одной партии к Мушу или Вану.

На второй день после этого разговора Зеленый вручил Нусрет-паше письменный протест. Быстрый ответ, полученный от генерала, его немало удивил. Нусрет-паша писал, что без исключения чеченцы будут поселены в Ване и Муше. О направлении первых партий к Карпуту и о получении новых инструкций от Порты даже не упоминалось. Зато в письме было прямо сказано, что размещение чеченцев за Диарбекиром или Эрзинганом приведет к их гибели.

Вот тут-то Зеленый разгадал скрытую хитрость плана Кундухова: поселить чеченцев сплошной полосой от Назчи до Муша и Битлиса до южного берега озера Ван.

Вскоре после этого в Эрзерум пожаловал и сам Кундухов. Александр Семенович имел с ним длительную беседу на тему вводу поданного протеста и изложенных в нем фактов. Но Кундухов стоял на своем.

— Я не уверен, дорогой Александр Семенович, что Россия так покровительствует чеченцам, что даже разрешит им это переселение, то вряд ли она согласится на их гибель здесь, — вкрадчиво говорил он Зеленому. — Нельзя же пускать людей на верную смерть. Диарбекир — это же самое страшное место. Безводная, каменистая пустыня с нездоровым климатом. Нет, господин капитан, я решительно не могу согласиться на расселение чеченцев в столь гибельном регионе. Не могу я принять на себя грех, посылая на верную смерть несколько тысяч чедовек. Нет, я поведу их в Ванский пашалык мимо Муша и Назчи. Если же начальство не согласится на поселение горцев у Муша и Битлиса, то я вынужден буду написать в Чечню и, чтобы больше не вводить горцев в заблуждение, прямо сказать, что русские их обманывают. Потому что я считаю это своим священным долгом перед чеченским народом и перед своей совестью.

Столь категоричное заявление Кундухова смутило Александра Семеновича.

— Я предвижу немалые затруднения в деле расселения чеченцев в Ванском пашалыке, особенно около Вана, — попытался возразить он. — И до получения мною новых инструкций я убедительно прошу вас оказать содействие Нусрет-паше по направлению первых партий в Карпуту.

Но Кундухов об этом и слышать не хотел.

— Простите меня, капитан, этого я не могу сделать, твердо ответил он и покачал головой. — Чеченцы уже давно точно наслышаны от местных жителей о гибельном климате Диарбекира. Поэтому содействовать их движению в Карпуту я никогда не решусь. Более того, я даже уверен в том, что кавказское начальство не станет возражать против поселения чеченцев у Муша и Вана. Скорее даже — одобрит. Ибо не нравилось бы дальнейшее переселение чеченцев в будущем году, что для России вовсе не желательно. Напишите в Тифлис о здешней обстановке. А пока вы получите оттуда ответ, я придержу чеченцев на некоторое время в этих местах.

— Не думаю, что Тифлис ответит положительно, — вяло ответил Александр Семенович. — О моих переговорах Эрзерт-пашой я уже туда сообщил. И даже не получив еще никаких инструкций, могу с уверенностью сказать, что в настоящее время весь Ванский пашалык, Муш и Битлис исключаются Тифлисом из мест поселения. Лучше отпустите чеченцев в Диарбекир. Учтите, если мы своевременно не устроим каждую новоприбывшую партию, если все эти пять тысяч человек соберутся в одном месте, то последствия будут неопределимы. Ведь их надо кормить, им потребуется кров. А откуда все это взять? Кто будет заботиться о них?

Кундухов молчал и, казалось, вовсе не разделял опасений Александра.

— Что ж, если в Муше и Битлисе окажется достаточно места, то я постараюсь не посылать их в Ван, — ответил он после долгого раздумья. — В Карпугу же можно поселить ограниченное число людей.

С тем они и расстались. Теперь Зеленый окончательно убежден в том, что категорический отказ чеченцев отправиться в Диарбекир — дело руки Кундухова. Нет, не из любви к чеченцам стремился он поселить их в одном месте, вблизи российских границ, а для каких-то своих личных целей. Но для чего именно?

С тех пор прошло два месяца. Вопрос об устройстве чеченцев так и остался открытым. И случилось именно то, чего раньше всего опасался Александр Семенович. Из двадцати семи партий чеченцев, прибывших из России, восемь остановились в Эрзеруме, а двадцать — около Муша. И турки сделали на самые неожиданные уловки, чтобы чеченцы остановились именно там. Теперь уже и самим чеченцам это внушает непонятную тревогу.

Александр Семенович отлично видел суть турецкой политики. Турецкое правительство хотело любой ценой привлечь на свою сторону чеченцев, хотело овладеть этим могучим и опасным оружием Кавказских гор, воспользоваться им и против России, и против национально-освободительной борьбы внутри своей империи. Черкесы уже отличились на этом поприще. Теперь Кундухов, Сайдулла и Шамхал-бек прилагали все усилия, чтобы из чеченцев создать карательный отряд. Но попытки их были пока безуспешными, хотя, кто знает, как повернутся события в дальнейшем?

Преследуя собственные цели и осуществляя свои планы по устройству чеченцев, турецкие власти вначале действительно препятствовали их отправке на запад. Но потом, убедившись, что поселить их в приграничных районах не удастся, попытались взяться за дело как положено. Но было уже поздно. Получив от великого визиря султана категорический приказ о немедленной отправке чеченцев в Диарбекирский вилает, комиссар по устройству чеченских переселенцев генерал Нусрет-паша, в свою очередь, настоятельно потребовал от Эрзерумского вали Исмаил-паши отчета о движении партий в Эрзерума в Карпуту. Исмаил-паша взялся за дело с исключительным равнодушием и тем самым совершенно парализовал действия Нусрет-паши. За провал дела Исмаил-пашу отстранили от должности, а вскоре та же участь постигла и Нусрет-пашу.

Устройство чеченцев возложили на нового Эрзерумского вали Мухлис Эмин-пашу. Новый комиссар уверенно и энергично взялся за исполнение своих обязанностей. Две недели назад, имея три тысячи всадников, он отправился в Чанский пашалык, чтобы прогнать чеченских переселенцев, оставившихся у Муша, дальше на запад, но здесь-то и столкнулся с непредвиденным. В тот же день он телеграфировал в Стамбул, что чеченцы добровольно эти места не оставят, что ему требуется разрешение на применение оружия против них и что он нуждается в подкреплении. Разрешение на применение оружия ему было дано.

«Хорошо, если все дело окончится так, как мы договорились, — думал Александр Семенович. — Кто знает, может они под видом больных и истощенных оставят там до весны слишком много переселенцев. Весной же заявят, что чеченцы не хотят уходить из этих мест. От турок всего можно ожидать...»

Зеленый отправил в Тифлис два рапорта с подробным изложением своих переговоров с Нусрет-пашой и Кундуковским, приложив к ним также письма Нусрет-паши и свой ответ.

Александр Семенович слышал, что осторожный Карпачов ничего не решая и не предпринимая лично, переправил их во Владикавказ генерал-лейтенанту Лорис-Меликову.

Конечно, стремление русского правительства любой ценой, любыми средствами переправить горцев в Диарбекир

...ищаает было вопиющей, бесчеловечной жестокостью. В своем письме в Тифлис Александр Семенович выражал свое личное и личное недовольство по этому поводу, хотя прекрасно понимал, что все его добрые намерения, все доводы — вопиющего в пустыне.

Получение помощника, щеголеватого поручика Шелковцова, вывело его из задумчивости.

Почта из Тифлиса, Александр Семенович, — сказал он своим медовым голосом. — Пакет из Главного штаба.

Зеленый бросил взгляд на казенный конверт с пятью суровыми печатями — четыре по углам и одна в середине.

А нам нет писем? — спросил он.

Забыли нас, Александр Семенович, забыли. Ведь взбредло кому-то в голову заслать меня сюда. Жил я среди тифлисских барышень, словно птичка в райском саду. Хочешь — русскую, люби, хочешь — грузиночку или армяночку. Цветочки! Я как пчела перелетал с цветка на цветок и собирал с них нектар. Теперь это кажется сказочным сном...

Ну, это вы зря, господин поручик! — засмеялся Зеленый. — Ты, кажется, и здесь не теряешь времени даром? Поручик покруг консульской дочки, как мотылек вокруг горячей свечи. Будь осторожен, крылья обожжешь! Поберегись!

Это как посмотреть. Порой это я чувствую себя лампой, вокруг которой вьются мотыльки... Знаете, Александр Семенович, вчера я имел счастье познакомиться с одной турчанкой — дочерью паши. Если бы вы видели ее глаза! Агат. А что? Нет, словами не передать. При случае я покажу ее вам.

Позвольте, позвольте, господин поручик, а что же будет в нашем музее Жабо?

О, это уже прошлое! — махнул рукой поручик. — Будут и срочные поручения на сегодня?

Нет. А что?

У меня тут... свиданьице с одной...

В таком случае не смею задерживать...

Поручик выскользнул за дверь, оставив в комнате легкий аромат дорогих духов. «Станный человек. Любит прихвастать. Но офицер неплохой! Интересно, что там пишет Тифлис?»

Зеленый ножницами вскрыл пакет.

«Эрзерум. В русское консульство. Капитану Генерального штаба А.С.Зеленому.

Господин капитан!

Копия вашего письма Нусрет-паше, его ответ вам от 21 июня, а также копия ваших рапортов Главному штабу от 25 и 26 июля по воле Его Императорского Высочества направлены начальнику Терской области генерал-лейтенанту Лорис-Меликову, дабы узнать его мнение по вашему запросу, по решению турецких властей водворить чеченских переселенцев к западу от Битлиса, по южному склону Шамского хребта.

Предлагаем вам в дальнейшем при устройстве чеченских переселенцев в Турции руководствоваться указаниями генерал-лейтенанта Лорис-Меликова.

Полковник Богуславский

Во втором пакете был ответ Лорис-Меликова начальнику Главного штаба Карцову.

«Милостивый государь Александр Петрович!

На письмо вашего превосходительства от 30 июля № 44 полученное мною сегодня, имею честь уведомить: возникновение вопроса о месте водворения переселенцев вновь, особенно того, как он уже был разрешен окончательным соглашением и обещанием, данным турецким правительством посланнику нашему в Константинополе, имеет особое значение, причем зависимо даже от тех соображений, кои были мной изложены в докладе по этому делу, поданному Его Императорскому Высочеству 15 ноября прошлого года.

В настоящее время уже не подлежит никакому сомнению, что приходящее к концу переселение нынешнего года выполнено таким удовлетворительным образом и дает такие результаты, что громадные труды и значительные денежные расходы, на него потраченные, окупятся. Я не говорю уже о выгодах, полученных за счет оставшихся земель, которые так необходимы и для населения, и для казачества. Достигнуть таких результатов могло было только при одном условии — надежно удерживать весь процесс в своих руках, и первоначальные предположения о месте водворения переселенцев в Турции давали тому полную гарантию. Но дальность перехода и доходившие сюда сведения о не-

...в невыгодах местности, им предназначенной, заставляли большую часть населения колебаться в окончательном решении; поэтому этим, мы могли действовать по своему усмотрению и выбирать из края тех, кого желали сами, т.е. личностей, наиболее беспокойных и вредных делу, предпринятому здесь правительством. В этих условиях кроется, без сомнения, и одна из причин, почему переселение шло до настоящего времени таким мирным путем. Но нет никакого сомнения, что с изменением предположений относительно мест водворения переселенцев характер дела изменится совершенно. Узнав, что водворение их в Турции сопряжено с местностями, о которых хлопочет Муса Кундухов, получив сведения о действительно благодатной почве этой земли, и почтенное близостью переезда и соседством наших кордонов, население может всецело предаться идее переселения, и тогда, конечно, последствия такого стремления вынудят нас прибегнуть к таким мерам, на избежание которых употреблено было значительным начальством в последнее еще время столько усилий. Таким не только будущее переселение не представит ныне тех неудобств, в видах которых был поднят весь этот вопрос, но нельзя не предвидеть, что и настоящее движение далеко не принесет никакой пользы, которую оно должно оказать при удалении переселенцев от границ наших в места, первоначально предназначенные...

— Какое неслыханное двуличие! — возмутился Зеленый.

Ничего приличнее выглядело бы их насильственное изгнание с родины. Какой произвол творят с этими несчастными!

«...Смею уверить Ваше Превосходительство, что в основании всех заявлений моих относительно водворения переселенцев от границ наших лежит твердое убеждение, что без этого необходимого условия переселение, предпринятое в Терской области, только усложнит разрешение вопроса о введении здесь мирного благоустройства. В этом случае я не могу не прийти к убеждению, что после выполнения со стороны главного кавказского начальства всех условий, которые были поставлены турецким правительством, на обязанности посланника нашего в Константинополе лежит неуклонное требование, дабы Портой строго выполнены были основания, на которых состоялось со-

глашение по переселению, и что в этом случае на него же
на пасть и вся ответственность за последствия, к которым
неизбежно повлечет удовлетворение турецким правительством
желаний Кундухова. Что касается требуемого от меня
о возможности водворения чеченцев западнее Битлиса, то
означенная местность и не вполне мне знакома, но я должен
первых, доложить, что условие это, как высказанное Нур-
пашой словесно, ничем не гарантировано, и, во-вторых,
хорошо условия турецкой администрации, как я имел честь
ложить в письме от 21 февраля № 73, Битлис послужит
ко номинально точкой водворения, которое, вместо того чтобы
направиться на запад от этого пункта, неизбежно начнет
пространяться и на север к нашей границе, особенно при
нейшем переселении. Мне кажется, что генерал-адъютант
натьев и для защиты значения поста своего, и для достижения
тех государственных интересов, в силу которых каавказское
чальство обратилось к содействию его в деле переселения
может и не должен допустить тех изменений в назначении
тности для переселенцев, которых добивается Муса Кундухов.

Генерал-лейтенант Лорис-Меликов

1 августа 1865 года

— Да, если Лорис-Меликов лиса, то Карцов — хвост этой
лисы, — невольно усмехнулся Александр Семенович. — Отвечая
на мой запрос поручил Лорис-Меликову, сам же отошел в
сторону. Но если когда-нибудь придется отвечать за содеян-
ную жестокость над этими несчастными людьми, то отвечать
будете оба вместе. А вообще, было бы хорошо обоим на сей
час взять да и вздернуть на первом попавшемся суку. Вместе с
инициатором всего этого ужаса тупым генералом Едигорским
вым...

Выругав всех таких вот образом, он успокоился, затем
собрав бумаги, положил в специальную папку с надписью
«Переписка с Главным штабом Кавказской армии».

Короче говоря, работа ему предстоит трудная. Эмин-паша
со своими головорезами пошел в Муш, испросив разрешения
в случае чего применять оружие. Надо полагать, согласно ин-
зира он получил. Следует держать ухо остро с этими башур-
манами. Они говорят одно, а делают совсем другое. Договоры
им нельзя ни в коем случае...

* * *

Как всегда бесшумно вошел денщик Ефим Чеботарев. При первом взгляде на штабс-капитана солдат понял, что его гос-дин чем-то растревожен. Поэтому и застыл у двери в ожидании, когда обратят на него внимание.

— Тебе чего, Анисимыч? — повернулся наконец к нему штабс-капитан.

— Ваше благородие...

— Случилось что?

— Александр Семенович, чеченцы пришли...

— Опять чеченцы? О господи! Никакого сладу с ними. Стыдно их?

— Четверо.

— Анисимыч, ну будет ли когда-нибудь конец твоему докучливости? Ты уже растратил все свое жалованье за три месяца вперед. И на что же, спрашивается? Пойми, всех голодных ты все равно никогда не накормишь. А нуждающихся чеченцев сейчас столько развелось, что позаботиться о них теперь никому уже не под силу. А ты и одежду всю раздал...

— Виноват, Александр Семенович!

— Виноват, виноват, — махнул рукой Зеленый. — Я не ругаю тебя, Анисимыч. Наоборот, мне очень приятно, что ты искренне и от всей души стремишься помочь им. Желание твое благородно, оно и чисто по-человечески прекрасно, только шибко-то как воспринимают все это. Такой народ никакими милостынями не задобишь.

Пока офицер в раздумье мерил комнату, солдата вдруг про-
[шало]

— А как вы мне еще прикажете поступать, Александр Семенович? Пусть чеченцы и басурманы, и противники наши, но они люди с достоинством и смелостью. Если ты им друг, то и они тебе друзья. А уж если откровенно говорить, то правда то на их стороне. Это же мы сами к ним сунулись. Нам что, больше места не было? Разве они первыми напали на наши линии? Линии-то ведь находились на их земле. Они дрались за свою землю, за свое отечество, свободу свою от французов. А мы взяли и враз лишили их всего. Землю отобрали — терпи. Отцов поубивали — терпи. Из дому выгнали — тоже терпи. Вы только на меня не сердитесь, Александр Семенович, за слова мои, но нам, беднякам, делить с чеченцами

нечего. Теперь вот подались они в Турцию. Коли правду сказать, так ведь их насильно заставили идти туда. Не правды им наши порядки. А деться-то некуда. Крепко мы их связали за горло. Вы же сами видите, что здесь делается — то нищета. Сердце же у нас, у русских, не каменное... Как им пожалеть. Ведь дети и женщины мучаются... А ведь кто довел их до такого состояния? Конечно, не мы! Мы только помогли! Не понимали многого, Александр Семенович, а служили верой и правдой, долг вроде бы свой исполняли...

Слова денщика звучали как упрек. Зеленый слушая это молча, ни разу не перебив и не подняв глаз. Ему говорили правду. Впрочем, он и сам так думал. И денщик о том знал. Будь иначе, разве посмел бы солдат при нем, при офицере, высказывать подобные мысли?

Заложив руки за спину, штабс-капитан мелкими шагами ходил взад и вперед. Шесть шагов туда, шесть — обратно. Таково было расстояние от стола до солдата.

А Чеботарев торопился выговориться, словно боялся, что его остановят, потребуют замолчать. И говорил он, не отводя взгляда от своего хозяина. Круглое лицо Зеленого не было ни злым, ни добродушным: небольшое широкое нос, грустные синие глаза, красиво закрученные усы, немного наклоненная набок голова. Ему не было еще и тридцати, а выглядел он значительно старше. Около четырех месяцев они знакомы, и Чеботарев за это время успел полюбить штабс-капитана. С первой встречи он понял, что Зеленый — человек с чистой и доброй душой. А поговорив с ним один раз, убедился в этом окончательно.

Зеленый все так же размеренным шагом продолжал ходить по комнате, глядя куда-то мимо солдата. Он словно бы стыдился поднять на него глаза. Каждое слово, сказанное Чеботаревым, было искренним, было правдой, а потому и причиняло в нем острую боль.

«То ли еще будет, господин штабс-капитан, — думал Чеботарев, наблюдая за ним. — Трудно тебе. Но кто виноват? Боишься карьеру испортить? Думаешь-то одно, а делаешь другое».

Наконец штабс-капитан остановился перед солдатом, посмотрел на него взгляд и по-дружески положил руку на плечо.

— Который год ты в армии, Ефим Анисимович?

— Двадцать седьмой, — ответил Чеботарев.

— А сколько воюешь?

— Двадцать три.

— И все двадцать три в Чечне?

— Да. Я же рассказывал вам об этом, Александр Семенович.

— Помню, помню. А вот ответь-ка мне на такой вопрос, — офицер снова взглянул в глаза Чеботареву, — за что тебя сузили в крепости Внезапной?

— Ничего секретного в том, нет, ваше благородие. Все о том знают. Судили за то, что я помог трем нашим солдатам перебежать к чеченцам...

— Почему?

Солдат было задумался, но тут же махнул рукой, дескать, была не была, и спокойно ответил:

— Видите ли, Александр Семенович, солдатам надоело воювать в горах. Здесь только и слышишь: война, война, война. Три поколения русских солдат проливали в горах свою кровь. А за что? Чеченцы понятно — они свое отечество отстаивают. А мы? И какая же благодарность нам? Да никакой! После столько лет на Кавказе — и опять к помещику! Вот и все, что ожидает нашего брата. Мы это хорошо поняли. И что бы там ни было, что бы ни говорили, но здесь в горах больше свободы человеку.

— Так почему же ты сам не ушел вместе с ними? — допытывался Зеленый.

Чеботарев пожал плечами.

— Понимаете, Александр Семенович, у каждого своя голова на плечах. Это все-таки не так просто — перебежать к чеченцам, и дело с концом. Отказаться от своей веры и забыть родину не всякий сможет. Я не мог так поступить. Как бы трудно ни было в России, но там я у себя дома. Чеченцы ведь сами покидают горы не добровольно.

Офицер одобрительно похлопал солдата по плечу.

— Правильно, Анисимыч, правильно! Отечество! Хорошее оно, плохое ли, но оно наше отечество! Так ведь? И никуда ты от него не убежишь. Вот бы власть почеловечней, Анисимыч. Не знаю когда, но придет время, и люди вздохнут свободно, перестанет напрасно проливаться кровь. А пока скажу тебе, что и у меня не меньше, чем у тебя, Анисимыч, болит душа за чеченцев. Будь моя воля, не трогал бы я их. Но как ни бойся, Анисимыч, а не в нашей воле это...

Чеботарев не уходил, ждал.

— Ваше благородие, Александр Семенович, они ведь не из милостыней пришли. По-моему, с какой-то просьбой к вам.

— Ежели так, пусть войдут.

Солдат отдал честь, повернулся и вышел.

Через минуту Чеботарев появился вновь.

— Вот, ваше благородие, привел, — доложил он. — А двое остались сторожить коней.

Шедший впереди горец со спокойным лицом и голубыми глазами поздоровался по-русски. Офицер подошел к ним и пожал каждому руку, затем пригласил к столу.

— Прошу, — Зеленый пододвинул стулья, — располагайтесь Анисимыч, — обратился он к денщику, — всем известно твое кулинарное искусство. Так постарайся и на сей раз, не ударь перед гостями лицом в грязь. А тех, кто на улице, проводи на кухню и тоже накорми.

— Александр Семенович, не так это все делается, — покачал головой солдат.

— Почему?

— Обычай у них другой.

— Не понимаю...

— Гость сначала должен поесть, и только потом хозяин может спросить его о деле.

— Ну, так действуй, — махнул рукой офицер.

Денщик обернулся быстро: поставил на стол белый хлеб, сладкий чай, хурму и бутылку вина.

Штабс-капитан разлил вино по стаканам, взял свой и поставил. Поднялись и гости.

— Выпьем за знакомство, — сказал Зеленый, протягивая через стол руку со стаканом.

Но гости к вину не притронулись.

— Простите нас, господин офицер, — на довольно правильном русском языке произнес высокий чеченец с голубыми глазами. — Мы готовы пожертвовать жизнью за этот дом, но вина мы не пьем. Спасибо!

— В таком случае, — Зеленый поставил свой стакан обратно, — будем пить чай.

Гости ели молча. Двумя пальцами отламывали кусочки хлеба, не спеша клали в рот и медленно разжевывали. Зеленый незаметно изучал гостей. Он успел заметить, что на левой руке одного из них не хватает пальцев. Во всем облике этого горца

...показались решимость и воля. Не нужно было обладать какой-то проницательностью, дабы понять, что этот человек — именно и таковым его сделала война. Кроме того, Зеленый отметил острый ум и чистоту души будущего собеседника. В том же, что именно он явится главным действующим лицом в предстоящем разговоре, штабс-капитан несколько сомневался. Вид второго был суров и внушителен. Скроенный, надежно. Лицо строгое и слегка печальное. Держится с достоинством, подбородок чуть приподнят, а потому кажется, что он вот-вот наговорит дерзостей. И как-то особенно сильно чувствовал себя Зеленый именно под его быстрыми, пронзающими взглядами. Словно Зеленый набедокурил и его теперь должны наказать за это.

— Мы приехали из Муша, господин офицер, — как штабс-капитан и предполагал, первым нарушил молчание человек с глубокими глазами.

— Из Муша? — восторженно воскликнул Зеленый.

— Да, господин офицер, из Муша.

— В такую даль...?

— Несчастье далеко может гнать человека, господин офицер. Оно погнало нас туда: думали там найти покой. Ошиблись. Да, возможно, вы и сами понимаете, каково нам. Что пережили — рассказать трудно. Говорят, есть на том свете огненная река. Так вот, мы через нее уже прошли.

Александр Семенович кивнул головой в знак согласия. Чеченец говорил правду. Положение у них сложилось, действительно, безвыходное.

— Наши предки жили в горах, — бесстрастным голосом продолжал тот. — Жили они свободно, никого не трогали. Пришли русские и поселились у Терека. Отцы наши сказали: «Земли на всех хватит». И стали жить как родные братья. Вместе работали, помогали друг другу. Гора не знала. Друг к другу ходили, как к себе домой. И никого в обиду не давали. И тогда лишь власть была — справедливость. Она и споры разрешала, и мирила, и наставляла на путь истинный. Но вот появились царские войска, и с той поры словно черная кошка появилась между чеченцами и русскими. Стали отдаляться друг от друга. И отдаление такое превратилось, наконец, во вражду. Чеченцы оберегали свой дом, свои семьи, свои жизни, а прежние друзья старались лишить их всего этого. Той зимой уже восемьдесят лет. Восемьдесят лет льется кровь, и

конца ей еще не видно. Я не виню в том ваш народ, господин офицер. Каждому чеченцу хорошо известно, что с русским человеком можно жить в мире и дружбе. Хоть и недавно, но мне довелось быть в России, и даже за столь короткое время я понял, что русскому мужику чужая земля не нужна. Но там все же менее кровь лилась. Кто в том повинен — Бог видит и знает. На вашей стороне сила. Нас же слишком мало. Потому царь и победил.

Зеленый, склонив голову, молча слушал.

— Да, вы победили, — продолжал Маккал. — И вы отняли у нас самое дорогое — свободу. Если вам довелось побывать в аулах, то наверняка обратили внимание на наших голодных детей и оборванных стариков. Люди пухнут от голода. Пастухи разоряют аулы, забирают все, что попадется. Кому-то понадобилось распускать слухи о том, что нас сошлют в Сибирь и превратят в христиан. Кому понадобилось? Теперь-то мы поняли, кому. Но тогда посчитали слухи правдой. И вот появился уже другой слух: дескать, турецкий падишах зовет нас к себе, дает нам землю. Кто об этом говорил? Кундухов Муса и Умаров Сайдулла. Причем, клялись, что все это правда. Приходилось ли нам выбирать? Остаться дома и умереть с голоду? Стать в Сибири христианами? Или же податься в Турцию? Многие избрали последнее. Собственно, другого выхода у нас и не было. Теперь только стало ясно, как они ошиблись, как цинично и жестоко Кундухов и Сайдулла обманули нас. Земели, выделенные нам в Турции, оказались непригодными, мертвыми, и жить на них невозможно.

Кончив говорить, Маккал облизнул пересохшие губы. Но было, как нелегки были ему воспоминания. Лицо его не прыглось и побледнело, у виска вздулась вена. Александр Семенович налил из графина воды в хрустальный стакан и поднес ему. Сделав несколько глотков, Маккал продолжил:

— Люди не хотят идти туда за своей погильбью, господин офицер. Они совершили огромную ошибку, поверив специально распространенным лживым слухам. За Диарбекиром переселенцев ждет голодная смерть. То же самое и у Муши. Который месяц мы стоим там. Под палящим зноем, под приливными дождями. Надвигается осень. За ней последует суровая зима. А у нас над головой нет крыши, нет одежды, нет хлеба. Пользуясь столь тяжелым положением, турки предни-

или нам стать наемниками. Если мы дадим согласие, они нам обещают золотые горы. Но чеченцы не хотят становиться наемниками убийцами. Если бы нам разрешили поселиться во-круг Муша, Вана и Карса, к весне, с Божьей помощью, мы бы что-нибудь придумали. Но говорят, ваш царь против. Неделью назад в Муш с тремя тысячами войск прибыл Эмин-паша. Выстрелил с нами, предупредив, что если мы не уйдем оттуда добром, то он нас заставит сделать это силой. И дал неделю на раздумья. Люди поклялись умереть, но не сделают ни одного шагу на запад. Отпущенный нам срок истекает сегодня. Если не нынче, то завтра-послезавтра польется кровь. Умереть готовы все: и женщины, и стар, и млад. Что нам делать, господин офицер? Как поступить? В чьих руках наша жизнь?

С этими словами Маккал вынул из нагрудного кармана лист бумаги и протянул его Зеленому. Тот повертел листок в руках, но прочитать не смог — лист был исписан мелкой арабской вязью.

— О чем здесь идет речь?

— Тут вся наша боль, все наше горе. Или мы поселимся у Муша и Вана, или же вернемся назад, домой. Одно из двух.

Александр Семенович вышел из-за стола и минуты три в раздумье ходил по комнате. Гости молчали. В тишине раздавался только скрип начищенных до блеска офицерских сапог. Штабс-капитан непроизвольно ссутулился, словно огромная тяжесть легла на его плечи и не давала ему распрямиться. Он то останавливался, рассеянно глядя куда-то в угол, то ускорял шаги. Маккал и Арзу отлично понимали, что творилось в его душе. «Конечно, он человек честный, но что в его силах?» — думали оба, чувствуя, что сейчас, возможно, решается судьба многих тысяч людей. Русскому офицеру излишне было объяснять всю трагичность сложившегося положения, что отчаявшийся человек готов пойти на любые крайности. Пусть все будет ясно, определенно, им не надо больше ни пустых обещаний, ни красивых слов.

— Как же мне помочь вам, друзья мои? — проговорил наконец Зеленый. — Все ваши требования вполне законны и что-то по-человечески оправданны. Но, — Александр Семенович развел руками, — лично я бессилен что-либо предпринять. Выполнять указания сверху — вот и вся моя власть. Решает Гюфлис, я же исполнитель его воли.

— Мы просим вас, господин офицер, отошлите эту бумагу в Тифлис, — обратился молчавший до сих пор Арзу. Может, узнав о нашей беде, там и помогут нам.

Александр Семенович невесело рассмеялся и покачал головой.

— Они там не хуже вашего осведомлены о ситуации. Я самолично писал туда дважды.

— И что они вам ответили?

— Нельзя, мол, нарушать договор...

— Не верю, — покачал головой Арзу. — Не верю, такого может быть. Как бросить на гибель столько людей? Договор — договором, но люди-то при чем? Разве у властей в Тифлисе нет жалости? Ведь они обрекают всех нас на верную смерть. Если сардар прочтет нашу бумагу, неужели не дрогнет его сердце? О Аллах!

Александр Семенович тяжело опустился в кресло и сидел молча, задумчиво постукивая пальцами по столу. Вдруг он вновь остановился на бумаге. Он взял ее, растерянно вычитываясь в чужие, незнакомые буквы.

— Как бы долго мы ни говорили здесь, что бы мы ни предлагали, — промолвил он наконец, — никак делу не поможешь. Я еще раз повторяю, что это, к сожалению, не в моих силах. Я всем сердцем сочувствую вам и сделал бы все возможное, что могло бы хоть как-то облегчить вашу участь. Но увы. Я слишком маленький человек, чиновник...

— Что вы посоветуете нам делать?

Офицер пожал плечами. Он очутился в крайне нелепом и двусмысленном положении: два чеченца видели в нем своего спасителя, он же только разводил руками. Если их сейчас чем-то обнадежить? Это значит вновь обмануть их.

— Послушайте меня. Вы жестоко обмануты. Я не вправе говорить вам такое. Но, понимая всю критичность положения, не стану о том умалчивать. Ваше прошение я, конечно, передам. Но со всей ответственностью смею заверить вас, что ничего путного из вашего прошения не выйдет. Не надейтесь зря. Правительство не впустит чеченцев обратно. Не для того оно переселяло вас. Но и туда, куда вы хотите, вас тоже не поселят. Во-первых, царь не даст на то своего согласия, а во-вторых, даже если бы и разрешил, то расселить вас там просто некуда. Вы думаете, Эмин-паша приезжал на прогулку? Радумеется, нет. Открою вам большее: он уже телеграфировал пеки-

ему пизирю и просил разрешения на применение оружия. Кроме того, потребовал прислать дополнительные войска. Просьбы удовлетворили. Что из всего этого следует — вам должно быть понятно.

Они все это понимали и все это видели собственными глазами. Тогда зачем же было ехать в такую даль? В самую последнюю минуту, когда казалось, что нет уже иного выхода, они и написали это прошение. И была у них робкая надежда, что сардар пойдет им навстречу. Теперь этот карточный домик рухнул. Больше надеяться было не на кого. Следовало рассчитывать лишь на самих себя...

Маккал выжидающе глянул на Арзу, полагая, что он скажет что-либо еще, попытается еще хоть что-то сделать, предпринять. Но Арзу хлопнул ладонями по коленям и встал.

— Что ж, — сказал он горестно, — нам остается либо погибнуть в Турции, либо попытаться вернуться обратно.

— Обратно вам ходу не дадут, — покачал головой Зеленин. — Турки не подпустят вас к границе, а если вы и попытаетесь, откроют огонь наши войска. На то есть приказ.

— У нас нет выхода... — медленно протянул Арзу. Потом спокойно добавил: — Все же вы отошлите наше прошение, Гюлшодин офицер. Кто знает, может, сердце сардара не из камня.

— Раз вы настаиваете... Я сказал вам, что думал. Поступайте, как сами сочтете нужным. Подождите! Куда же вы? — воскликнул штабс-капитан, видя, что вслед за Арзу поднялся и Маккал.

— Нам пора.

— Вы сейчас далеко?

— Возвращаемся обратно.

— Но время-то к ночи.

— Выедем за город, где-нибудь в поле и переночуем.

— Нет-нет. На ночь глядя я вас не отпущу. Правда, другой лошади у меня нет. Но зато есть теплый сарай и свежее сено. Анисимыч все устроит и накормит вас. А на рассвете и поедете.

Гости поглядели друг на друга.

— Если мы вас не затрудним... — сказал Маккал. — Кони бы наши отдохнули... И места, конечно, здесь нам незнакомо...

* * *

А на родине им уже готовили «торжественную встречу»

*«Начальнику среднего военного отдела Терской области
генерал-майору князю А.Туманову.*

№ 2244, 18 августа 1865 года.

Милостивый государь, Александр Георгиевич!

За уходом 17 сего августа последней партии переселенцев и за прекращением уже в нынешнем году дальнейшего переселения туземцев вверенной мне области в Турцию, я предлагаю Вашему сиятельству сделать немедленное распоряжение, дабы с настоящего времени отнюдь не дозволять жителям вверенного мне отдела ни под каким предлогом следования в Турцию одиночными семействами и чтобы горцы, переселившиеся в Турцию, в случае их возвращения на родину без билета канцелярии моей, были немедленно препровождены под караул во Владикавказ. В том случае, если бы лица эти имели при себе визированные паспорта наших консулов.

Вместе с этим считаю необходимым предупредить нас, что в случае укрывательства возвращившихся из Турции лиц вся ответственность падет на наибов, а старшина, не объявивший о возвращении переселенца, будет выслан в Россию.

Генерал-лейтенант Лорис-Мелик

ГЛАВА X

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Ты, Боже, дал птицам своим по гнезду,
Лишь я заблудился, изгнанник, во тьме...
Мое разорено гнездо, я устал,
Скитаюсь без сил, скитаюсь без сил...

О.Туманян

Черные грозовые облака сгустились над лагерем, сверкнула молния, и первые капли проливного дождя ударились в сухую землю, вздымая пыль. Гроза набрала силу. Со склонов хлынули потоки воды и по узким отводам, вырытым между землянками, устремились вниз к реке Мурат.

Землянка Мачига, считавшаяся самой прочной в лагере, и она в конце концов не устояла перед таким ливнем. С потолка потекло, и Мачиг топтался теперь внутри, подставляя под струйки воды всю имевшуюся в хозяйстве посуду. Впрочем, вода почти не помогала, однако Мачиг не успокоился до тех пор, пока окончательно не убедился в тщетности всех своих стараний.

На возвышении, лицом к Каабе, лежала Зару. Она долго била и час назад скончалась. Умирала она тихо и безропотно, не страдала, не мучилась, не причитала. Просто молча закрыла глаза и словно отошла ко сну. Лишь две маленькие слезинки выкатились из глаз и скользнули по впалым щекам. И Мачиг остался один.

Из травы и тряпья Мачиг соорудил нечто вроде постели посередине землянки, где текло поменьше, потом, взявшись за концы войлока, перенес его вместе с трупом дочери туда. Сверху покрыл тело Зару буркой. А чтобы под Зару не подтекала вода, топором прорубил канавку и вывел ее за дверь.

Вода из посуды лилась через края, но Мачиг уже не обращал на это внимания. Он отыскивал себе более или менее сухое

местечко, и сжавшись в комок и накрывшись мешком, заплакал.

Плакал Мачиг, и сколько он себя помнил, это был лишь второй случай в его жизни, когда он не смог удержать слез. В первый раз такое случилось в далеком детстве, еще во время на Бейбулата. Тогда генерал Ярмол-сардар* заманил триста стариков из ближайших аулов в крепость Герзель и безжалостно всех истребил. Среди них были дед и отец Мачига. Мачиг остался один. Вот тогда и заплакал он впервые.

Очар-Хаджи Майртупинский отомстил убийцам, заколов двух генералов**, но жестокий Ярмол-сардар в отместку за смерть двух генералов истребил множество аулов. С тех пор почти сорок лет прошло, и все эти долгие годы ни одной слезинки не уронил больше Мачиг. А сегодня он снова плакал. И не было у него сил сдержать слезы. Сколько их накопилось за сорок лет!

Выплакался Мачиг, успокоился немного. Но на сердце не стало. Мысли перенесли его теперь в родные горы. Он словно наяву бродил по берегам бурного Терека, шапанами Аксая, по густым лесам. Ох, уж эти родные леса! Сколько в них плодов, сколько птиц и зверей! В самый голодный год леса утоляли и голод, и жажду. Здесь же совсем не то. Здесь и земля, и лес принадлежат кому-то. Идешь за ягодами, словно на чужой двор за бараном.

Земля-то здесь, вроде, и неплохая, но вот люди! Жестокие они тут какие-то, бездушные. Кажется порой и не люди это совсем, а какие-то похожие на людей звери. За кусок хлеба глотку друг другу перегрызут. Совсем не так было у них дома. Там и соседи помогали. Пусть все были не одной веры, и языки имели разные, но ведь все равно относились-то друг к другу по-человечески и из беды друг друга выручали. Чеченцы всю жизнь враждовали с царем, но с русскими бедняками жили как кунаки. Сказать по правде, Мачиг всегда был убежден, что нет на свете людей честнее и добрее, чем русские.

* Имеется в виду генерал Ермолов.

** 16 июля 1825 года царские генералы Греков и Лисанович для переговоров в крепость Герзель вызвали 318 старшин чеченских аулов. В ходе переговоров они стали издеваться над старшинами. Один из них схватил за бороду Очар-Хаджи, жителя с. Майртуп. Тот внезапно заколов кинжалом обоих генералов. В отместку царские солдаты перебили 200 старшин.

Белобрысые, с румяными круглыми лицами, с чистыми прозрачными глазами, спокойные и немногословные. Как любить их и не дружить с ними! Да разве сравнишь этих русских с теми другими, которые хоть и называют себя тоже русскими, а на самом деле сами точно не знают, чья кровь течет в их жилах.

А чем плохи грузины? Что из того, что они участвовали в войне против чеченцев, все равно чеченцы считают их своими братьями. А вот здешние грузины и армяне совсем иные. Словно они и не дети гор Кавказа. Какие-то придалблианные, запуганные. Турки, видать, их здорово поприжали.

Да и людей, похожих на Андрея, Яшку, Корнся, Васала, Мачиг больше нигде и никогда не встречал. Васал в погоню за справедливости бежал в горы. И он правильно говорил: «Нищи, Мачиг, правду, не найдешь! Ибо нет ее на земле». Нет, не послушался Мачиг добрых советов Васала, Арзу и Масаула. Не послушался! Все казалось во вред ему люди советуют. И вот дожил! Только один Кюри у него и остался от прежней большой семьи. Хотя и он сейчас неизвестно где находится.

А гром продолжал греметь. И дождь лил, как из медного таза. Совсем близко, почти над головой Мачига сверкали молнии. Мачиг весь промок, но сырости не чувствовал. При вспышке молнии виделась ему его дети: изнуренные, худые, беспомощные... И снова плакал Мачиг... Плакал, держась своими руками за голову и раскачиваясь, словно исполнив свой долг. Плакал Мачиг от горя, от сознания полного своего одиночества, без крика, без слез. Сердцем плакал Мачиг...

* * *

Возвратившись из Эрзерума, Арзу доложил старейшинам результаты поездки. Ни обсуждать, ни спорить никто не стал. Надвигалась гроза, и уже где-то над Циран-Катарой сверкали молнии. Да и о чем спорить. Вопрос-то уже решен: надо возвращаться домой.

Арзу внес некоторые изменения в свой прежний план. Люди покидают лагерь организованно, небольшими партиями. В партии прикрепляется отряд из пятисот всадников, командир которого несет ответственность за жизнь каждого. Отряды, в свою очередь, делятся на сотни, закрепленные за определенной группой переселенцев. Пока первая партия не перейдет

винину, вторая не должна двигаться с места. Следующие группы отправляются с интервалами в два дня. Все, что имеется в наличии, — лошадей, волов, продукты — разделить поровну между всеми партиями. Решили, что первую партию сопровождать будет отряд Чоры. Трогаться в путь, не мешкая...

С первыми каплями дождя люди разошлись. Ушли в свою землянку Арзу с Маккалом, Али и Чора.

Частые вспышки молний выхватывали из темноты мрачный силуэт храма на Севсарской горе. Гром грохотал с такой силой, что казалось, это рушатся горы.

Все четверо сидели, накинув бурки, и каждый думал о своем. При близком раскате грома Чора шептал короткую молитву.

Снизалась тихая беседа.

Арзу в разговор не вмешивался. «Вот мы сидим все четверо, все четверо живы и достаточно здоровы, — думал он. — Пройдись же по землянкам, и не найдешь ни одной семьи, не потерявший близкого человека. Каждый день начинается с похорон. И завтрашний начнется с того же...»

Арзу размышлял и о завтрашнем дне. Он представлял, насколько более трудным окажется обратный путь. Голодные, истощенные, измученные болезнями люди без еды и почти без транспорта практически пойдут пешком... Но если бы только это! Русские уже закрыли границу, как и предсказал комиссар, и царь не пропустит чеченцев обратно в Россию. Как быть? Ладно, лишь бы перейти ту черту. Там, считай, дома...

Мысли Арзу перекинулись на другой берег реки. Где-то там в селе живет Эсет. Он ни разу больше не разговаривал с ней после той памятной встречи у родника, хотя и видел ее в гости довольно часто. А как она обрадовалась, узнав, что и он жив в Турцию.

«Что с ней стало? — спрашивал себя Арзу. — А Гати, говорят, умер... Шахби же, хотя он и мулла, но человек подлый, и от него можно ожидать любой гадости».

— Один из нас отправится с первой партией, — услышал Арзу голос Маккала.

— Что? — встрепенулся он, отрываясь от собственных мыслей.

— Говорю, что обратный путь будет в тысячу раз труднее.

— Мы поедем вместе с первой или с последней партией.

— Нет, Арзу. Нам придется разделиться. Если мы уедем оба с первой партией, то кто организует остальных? В противном же случае, если мы останемся, кто поведет первую партию? Ведь на нее все основные надежды. От того, как она пройдет, зависит передвижение всех остальных партий.

В душе Арзу согласился с Маккалом. Друг был прав. Мухаммад Сайдулла и Шахби устроились здесь припеваючи и о возвращении не помышляют. Бедные, темные люди, кто же поведет их, если и они с Маккалом останутся здесь? Нет, пусть уйдет Маккал сам и решает, кто пойдет завтра, а кто останется. Так будет лучше.

— Как ты планируешь? — спросил Арзу.

— Ты идешь с первой партией. Я пока остаюсь.

— Хорошо. Я уеду с Чорой, Али побудет с тобой.

— Нет. И он уедет.

— Нет, Маккал.

— Почему?

— Я не могу оставить тебя здесь одного! — повысил голос Арзу. — Что скажет народ — что я бросил побратима и своего родным братом уехал домой? Только такого позора мне и не хватало.

— Что же ты предлагаешь?

— Останусь я и Али.

— Я все твердо решил, Арзу.

— Ты решил, а мы? Разве мы лишены права голоса?

— Если ты считаешь, что оставаться опаснее, то ошибаешься. Опасность грозит лишь самой первой партии. И турки, и русские бросятся на нее. Потому-то я и хочу, чтобы мы были вместе. Кроме того, мы же расстаемся не навечно.

— В таком случае я и останусь, а поедешь ты вместе с Чорой и Али, — почти крикнул Арзу.

— Да потише ты! — осадил друга Маккал. — Среди переселенцев у тебя гораздо больший авторитет. Потому ты и обязан ехать первым.

— А злые языки? — не сдавался Арзу. — О них не забывай! Не допусти Аллах, вдруг с тобой что-нибудь случится. Как а людям в глаза посмотрю?

Маккал махнул рукой.

— Кто нас знает, Арзу, тот про нас худого не подумает. Не пойми, ни ты, ни я не имеем права бросать этих несчастных на произвол судьбы. Ни тех, кто едет первыми, ни тех, кто

последними. Или ты, Арзу, забыл, с какой целью мы направлены сюда? Когда дело касается родины и народа, всегда придется чем-то жертвовать.

Арзу успокоился. Он знал: раз Маккал уверен в своей правоте, он не отступится.

— Конечно, Арзу, — продолжал Маккал, — всякое может случиться. Смерть ходит по пятам, но когда она настигнет — не знает никто. Я с детства воспитывался у чужих. Ни братья родные обо мне не позаботились, ни сестры. Потому что их у меня не было. Даже двоюродных. Но все равно я оставил семью, которая меня воспитывала, и родной аул, где были похоронены мои родители и братья, и поселился у тебя.

И то ли от того, что он вспомнил свою сиротскую долю, то ли от того, что ему предстояла разлука с другом, голос Маккала неожиданно дрогнул. Он помолчал, откашлялся и спокойно продолжил:

— Ты заменил мне родного брата, Арзу. Говоря о тебе, я имею в виду и Чору, и Али. В детстве все мы как-то легче переносим несчастья. Но если с вами что-то случится, я этого не переживу. Потому, в первую очередь, простим друг другу обиды. Лично я от вас ничего плохого не видел.

В сердце Арзу закралась тревога. Если Маккал уверен, что оставаться безопаснее, то почему он завел сейчас такой разговор?

— Конечно, при расставании и родители, и дети прощают друг другу и явные, и предполагаемые обиды, — сказал он. — Пусть Аллах простит всем нам, как мы прощаем друг другу. Умрешь ты, Маккал, — мы лишимся брата, останешься жив — у нас будет брат. Но смерти никому не миновать. Как ты знаешь, на протяжении двадцати лет я ни разу не пошел против твоей воли, против твоего желания.

— Да, Арзу, и я благодарен Богу, что он послал мне такого брата.

— Тогда позволь, Маккал, хоть один единственный раз ослушаться тебя...

Заговорили молчавшие до сих пор Али и Чора.

— Оставив тебя, мы поступим неблагородно.

— Арзу прав.

— Не горячитесь, друзья мои. Вопрос решен, и незачем повторяться. Помните, первой партии предстоят особенно большие трудности. Будьте осторожны. Не допускайте ни раз-

боев, ни грабежей. Не давайте повода для стычек и не идите на обострения. Все предвидеть невозможно, но будет лучше, если впереди каждого отряда верст на пять-шесть выдвинется группа из двадцати всадников. В каждом городе или селе найдутся представители власти. Найдутся и среди них хорошие люди. Свет не без таких. Связывайтесь с ними. Помогут. Но при каких условиях не ввязывайтесь в драку, ради Аллаха. Оружие применяйте в самом крайнем случае. Помните, что в наших руках жизни тысяч людей. Любой ценой постарайтесь перейти границу. Там грузины, они уже не дадут вас в обиду.

— Добраться бы только, — вздохнул Чора.

— Что сказать Солта-Мураду и Берсу, вы лучше меня знаете. О дальнейшем выселении и речи не может быть. Пусть надеются на турок.

— Странные ты ведешь разговоры, — опять не выдержав Арзу. — Словно умирать собрался. Или тебе рай по-турецки так пришелся к сердцу, что ты решил обосноваться здесь?

Маккал рассмеялся.

— Я говорю все это на всякий случай. Кто-то ведь должен добраться до наших гор и рассказать правду.

— Кто-то должен, — грустно подтвердил Чора. — Но и там нам придется несладко... Неужели мы покоримся русскому царю?

Вопрос повис в воздухе.

Ибо никто не знал, что ответить.

При вспышке молнии все заметили стоящего на пороге человека.

— Али... — послышался голос.

Али сбросил с плеч бурку и, согнувшись, пошел к выходу.

— Кто здесь?

— Это я... Эсет...

* * *

Ливень прекратился, но где-то отдаленно и глухо еще продолжал перекатываться гром. Небо прояснилось, и стало чуть светлее.

Эсет как переступила порог, так и застыла в углу, опустив голову. Вода струйками стекала с ее платья, а лицо пылало. Она не стыдилась своего поступка, но в последнюю минуту решимость покинула ее. Слова откуда-то издали доносили до нее голос Маккала, который о чем-то спрашивал, но о чем

он спрашивал, она просто не в состоянии была понять...

— Я... мне... больше некуда идти, — наконец выдавила она. И сбивчиво рассказала о подлом предложении Шахби.

Это известие потрясло мужчин. Но они пока молчали, с трудом сдерживая гнев.

— Эсет, мы выйдем на свежий воздух, — нарушил наконец тишину Маккал, — а ты переоденься в сухое. Вот тебе черкеска и башлык, Сойдут, пока твоя одежда не высохнет.

Мужчины вышли.

— Друзья мои, — начал Маккал. — Время сейчас очень тяжелое. Даже самые близкие не могут помочь друг другу, а Эсет одинока. Кто приютит попавшую в беду женщину?..

— Да все мы! — воскликнул Чора. — Мы все станем ей братьями...

— Ты прав, Чора... Но мне кажется, что Аллах направил ее к нам совершенно с другой целью... Да-да, Чора, ты не удивляйся... Не секрет, что Арзу и она давно любят друг друга... Если все вы не против, я хотел бы обвенчать их...

— До чего же умная у тебя голова, Маккал! — вскричал Чора. — Вот почему тебе первому приходят правильные мысли.

Арзу, нахмурившись, молчал.

— Ты-то что скажешь, Арзу? — спросил Маккал.

— Я запрещаю вам говорить на эту тему.

— Почему?

— Я еще не пал так низко, чтобы воспользоваться беззащитностью одинокой женщины.

— Ты только чушь не городи... Весь Гати-Юрт знает, как вы страдали и страдаете... Ведь жить друг без друга не может...

— Тем более. Я стану ей любящим братом...

— Как это... любящим братом? А она... твоей любящей сестрой? Что-то не пойму я. Ты смешишь людей, Арзу!

— Соглашайся, Арзу, — вмешался Чора. — Маккал прав. Не будете вы братом и сестрой перед людьми и Аллахом, а ваши языки непременно найдутся. Чего же ждать?.. Поженись, и все встанет на свои места.

— Гати совсем недавно умер, — упорствовал Арзу.

— Три месяца минуло. Все законно, все по шариату.

Арзу сдался.

На следующий день Маккал, пригласив двух свидетелей — Касума и Тарама, — обвенчал влюбленных.

— Клянусь Аллахом, давно я не испытывал такой радости, — говорил Маккал, обнимая молодоженов. — Живите счастливо...

* * *

Выписка из рапорта наместника Кавказа, главнокомандующего Кавказской армией, генерал-фельдцейхмейстера П. И. Императорского Высочества, Великого князя Михаила Николаевича, военному министру Милютину:

«№ 1874. 28 декабря 1865 года.

По принятому Портой на себя перед началом переселения обязательству чеченцы не могли быть водворяемы в ближайших к нашим пределам пашалыках.

...Как я и ожидал, турецкие власти с самого начала стали уклоняться от принятия надлежащих мер к безотлагательному удалению чеченских партий от наших пределов, и в результате этого почти половина всех переселенцев сосредоточилась в окрестностях Муша, а остальные вновь прибывающие партии стали располагаться на Эрзерумской равнине.

...Чеченцы, оставаясь на открытом поле, стали страдать от холода и жалеть о покинутой ими родине. При таком положении дел часть их направилась по дороге к Александрополю с намерением возвратиться в наши пределы.

Побуждаемые, наконец, из Константинополя местные турецкие власти очнулись от бездействия, но тогда чеченцы, в свою очередь, начали оказывать сопротивление к оставлению Муша и Эрзерума. Они потребовали предварительной посылки некоторых своих старшин для осмотра предназначенных для поселения их мест. Вали согласился на эту посылку, но старшины, доехав только до Чубакчура, возвратились, не увидев назначенной для них земли, и объявили, что земля плоха. Впечатление было произведено, и эрзерумские партии, двинувшиеся через Чубакчур к Палу, возвратились в Муш. Некоторые из достигших уже Эрзингана самовольно прибыли обратно в Эрзерум. После этого на новые требования турецких властей двинуться из Мушского округа чеченцы, число которых возросло там до 18-20 тысяч человек, несмотря на то, что из Муша до Чубакчура всего 18

и отъезда и что по выходе из Чубакчура их ждали 3 тысячи войск, посланных диарбекирским генерал-губернатором с провиантом для них, отказались оставить Муш и ознаменовали пребывание там воровством, грабежом, убийствами и разорением христианских деревень. В довершение всего они дважды пытались атаковать Муш, и только благодаря распорядительности местного начальника войск предупрежден был открытый бой населения Муша с чеченцами. Несмотря на такое положение дел, Эмин употреблял те же полумеры, в которых обвинял своих предшественников. Так прошло время до начала октября, и только на категорический запрос Эмин-паше, сделанный капитаном Зеленым, намерен ли тот или нет вывести горцев из окрестностей Муша, вали обратился к великому визирю за разрешением употребить против чеченцев силу оружия. 7 октября получил просимое им разрешение и приказание водворить главную массу переселенцев в Диарбекирскую область, а остальных расположить на зиму в Ване, Муше, Эрзингане, Байбурте, Эрзеруме и Чильдыре. Капитан Зеленый протестовал против занятия Вана, Карса и Чильдыра...»

МУСА КУНДУХОВ, СЫН АЛХАЗА

Сестры нет оплакать, тети
Здесь вражья страна,
И матери нет причитать
Здесь вражья страна.

Чеченская народная песня

Бесконечные дожди и непролазная грязь на дорогах заставили переселенцев укрыться в старой заброшенной бане на склоне горы. Уже несколько дней они жили под сводами старинного холодного каменного храма в ожидании нормальной погоды. Наконец тучи рассеялись, выглянуло солнце. Подождали день, чтобы подсохла грязь, и только тогда снова тронулись в путь. Вел переселенцев Арзу. Люди шли за ним молча, безропотно, покорившись его воле, силе и стойкости. Им казалось, что этот высокий и стройный человек послан им самим Богом, чтобы он привел их к родному очагу. Они были в том уверены, и эта уверенность помогала им переносить трудности пути, болезни и лишения. Люди верили Арзу, тянулись к нему, спрашивали совета. Да и сам он старался ничего не предпринимать, не посоветовавшись с людьми, не получив их согласия.

Арзу ехал впереди десятка всадников. Лица у всех похудели, осунулись. Они тихо переговаривались и часто останавливались, поджидая отставших.

Сзади слышался глухой топот копыт. Арзу оглянулся. Турецкие всадники, разделившись, заходили с двух сторон, окружая колонну переселенцев.

— Стой! — закричал во все горло скакавший во главе отряда чернобородый офицер. — Поворачивай назад!

Всадники, размахивая плетками, врезались в толпу.

Мужчины остановились, вскинули ружья и взяли всадников на прицел. В руках женщин блеснули широкие кинжалы.

— Не стрелять! — крикнул Арзу.

Любой ценой нужно было предотвратить кровопролитие. Турок слишком много, имеющимися силами их не одолеть.

О чеченцах среди местного населения уже ходили дурные слухи. Их намеренно распространяли местные власти, чтобы разжечь вражду, а потому мелкие стычки бывали довольно часто. Переселенцы просили, чтобы им дали немного хлеба и не мешали двигаться на север. Тогда бы они никого не трогали, Арзу был против грабежей, но и он порой ничего не мог поделать: голод диктовал людям свой девиз: «Не дадут хлеба нишом — отнимай силой».

«Неужели же дело дойдет до побоища, до кровопролития?» — с тревогой подумал Арзу и тут заметил, как тощий всадник с перекошенным ртом взмахнул плетью над головой пожилой женщины. Она инстинктивно пригнула голову и выбросила вперед руки, как бы стремясь перехватить удар, но не успела — плетью обожгла ее спину. В ту же секунду стоявший рядом с Арзу паренек поднял ружье. Арзу резко ударил по стволу, но выстрел все же прогремел. К счастью, пуля никого не задела.

В этот самый момент на дорогу, идущую из лесу, выскочил шипокий всадник на белоснежном коне. Он неся галопом и что-то кричал. Заслышав его, турки опустили плети. Из лесу появился еще один отряд и последовал за всадником. Тот был одет в турецкую форму, но Али сразу же признал в нем кавказского горца.

— Ассалам алейкум! — поприветствовал он всех разом, резко саживая коня и не обращая внимания на склонившихся перед ним турецких всадников. Быстро пробежал взглядом по лицам людей и на ломаном чеченском языке спросил: — Кто из вас старший?

— Я, — ответил Арзу.

Турецкий паша пристально всматривался в лицо Арзу, стараясь припомнить, где они могли встречаться ранее.

— Плохая у тебя память, Муса, сын Алхаза. Знакомых не узнаешь?

Кундухов долго вглядывался в человека, невозмутимо стоявшего перед ним. Да, где-то он уже видел эту гордо вскинутую голову и мужественное лицо, густо заросшее черной бородой, знаком ему был и яркий блеск этих темных глаз под низко нависшими бровями. Но что это за человек, как он ни напрягая память, вспомнить все же не смог.

— Нет, — коротко бросил Кундухов. — Знаком, но не припомню тебя.

— Неудивительно, — усмехнулся Арзу. — Нас теперь все стараются не узнавать. Палачу ведь необязательно знать, чью голову он рубит. А помнишь тот год, когда ты и Орцу Чернышев сожгли дотла беноевские аулы?

Черная тень пробежала по красивому лицу Кундухова. Он соскочил с коня, бросил повод на луку седла и, сказав что-то стоявшему рядом офицеру, подошел к Арзу.

— Давай, отойдем, — произнес он и первым направился в сторону леса.

Арзу молча последовал за ним. Офицер и еще один турецкий всадник стремглав помчались вперед, спешили на какой-то лужайке, расстелили ковер и бросили на него две подушки.

За Кундуховым последовал еще один человек. Заметив его, Али пристроился к нему сбоку.

— Это мой брат, Афако, — сказал Кундухов, усаживаясь на ковер.

— Я знаю его, — ответил Арзу.

Некоторое время оба сидели молча.

— Упрек твой несправедлив, — наконец вымолвил Кундухов. — Трагедия беноевских аулов — вина Бойсангура, Солта Мурада, Уммы и Атаби.

— Да, но кто был виновен в том, что чеченцев загнали в горы?

— Не следовало восставать против царя, — резко ответил Кундухов. — Все покорились судьбе, одни вы хотели дикой свободы. Это за вами поднялись другие народы.

— Только слабой женщине простительно подчиниться силе без сопротивления. И то не всякой. Ты знаешь, что такое свобода? Мы, например, знаем. Потому и умирали за нее. И о том не жалею, хотя и обошлось нам все это очень дорого. Но когда знаешь, за что гибнешь, гораздо легче умирать. Цари, генералы и князья умеют лишь обманывать, изменять и предаваться. Только им всегда хочется более слабых сделать собственными рабами. Почему? Потому что они сами рабы. Никогда свободный человек не станет угнетать другого, ибо он знает высокую цену свободы, а благородный не продает кровь поработанного народа ради земных благ и собственного честолюбия.

При этих словах Кундухов побледнел и в упор взглянул в лицо Арзу. Но тот абсолютно спокойно продолжал:

— Нет, я не обижаюсь, что ты меня не узнал. Четыре года назад в беноевских лесах ты дал слово никогда не поднимать оружия против чеченцев. Так вот, я и есть один из тех, кому ты дал слово. Ты тогда сказал: «Когда падает дерево, оно опирается на соседнее, — гласит осетинская пословица. В счастье и горе мы не можем не опираться друг на друга. Клянусь, что с сегодняшнего дня никогда не подниму на вас руку, никогда не сделаю вам плохого». Однако мы узнали, что ты нарушил данное тобой слово, и чтобы напомнить тебе о том, в прошлую зиму к тебе в Скут-Кох приезжали двое. Одним из них был я.

— Не помню, — надменно произнес Кундухов. — Сколько наших переселенцев приходило ко мне, разве всех теперь узнаешь?

— Ты прав, — согласился Арзу. — Всех волновал вопрос переселения. Но мы приходили совсем по другому делу. Мы лишь хотели напомнить тебе, что ты обязан держать данное тобой слово.

— Как тебя зовут?

— Арзу.

— Сейчас тебя трудно узнать.

— За эти три месяца мы выстрадали больше, нежели за все последние двадцать лет войны.

— Так вот! Слово свое я сдержал, — твердо ответил Кундухов.

— С тех пор я не участвовал ни в каких действиях против вас.

— Сын гор не может стать клятвоотступником. Закон предков суров.

— Я повторяю еще раз...

— Ты помог русским обмануть нас, — прервал его Арзу. — Люди тебе верили, думали, что ты настоящий мужчина.

— Вот подлец! — выругался в душе Кундухов. — Как же он смеет так со мной разговаривать! Даже турецкий ад не выбил из этих чеченцев их проклятую гордость. Связать бы его да отправить в диарбекирскую тюрьму! Но нет, применить к ним сейчас силу — значит навредить самому себе. Тогда придется проститься с моими мечтами и планами. Не для того я потратил столько сил, времени и энергии, чтобы сейчас из-за этой кучки несчастных оборванцев провалить все дело. Ни за что! Вид турецкого войска их не пугает, и они будут с ним драться. Воздействовать следует только добром”.

— Я попрошу не говорить со мной в таком тоне, это не первых, — Кундухову стоило немалых усилий такое потуги дипломатическое спокойствие. Усилием воли он подавил вспыхнувшую ярость и говорил хотя и быстро, но не повышая голоса. — Во-вторых, я никогда не приглашал вас в Турцию. Наши старшины попросили у меня совета, я им высказывал свое личное мнение, но никому его не навязывал и никого ни в чем не убеждал.

— Да, сам ты не приезжал на беседы с чеченцами, это правда. Но вот твой брат наведывался к нам часто. Нет, он не произносил твоего имени, все слухи распространял якобы от себя.

— Я хотел только добра. Если веришь Аллаху, верь и мне. Не мог я такое предвидеть! Вы находились в трудном положении, и я хотел помочь. У вас было два пути: либо пойти по миру, либо силой оружия вернуть свои земли... Вам по душе был последний. Но этого нельзя было допускать, ибо любая стычка окончилась бы вашим поражением. Царь знал, что пока вы находитесь в своей стране, мира там не видать, а потому и решено было переправить вас за Терек и расселить там среди казачьего населения. На вашей же земле расположить несколько десятков новых станиц.

— Нам это было известно.

— Я также знаю, что вы с Маккалом прибыли сюда просить у турок помощи. Только никогда не дождетесь ее. А теперь турки тем более не в состоянии оказать ее. Пойми, Арзу, и чеченцы стали уже не те, что были двадцать лет назад. Половина мужского населения перебита. А кто встанет рядом с нами?

— Ах, спасибо тебе! Ведь ты, действительно, очень здорово помог нам, — зло усмехнулся Арзу. — Посмотри на них, — указал он рукой в сторону своих собратьев. — Это твоя жалость и плоды твоей помощи довели их до такого состояния. Это то, что осталось от пяти тысяч семей. Вот их страданиями ты и достиг сначала чина генерала, а теперь получил и чин пашы. Я вижу тебя насквозь. Ты замышляешь что-то еще более грандиозное, иначе ты бы не разговаривал со мной так мирно и спокойно, не стал бы выслушивать меня. Так тебе сейчас выгоднее. Но помни: больше тебе не удастся обмануть нас.

— Ты говоришь так, словно я один и виновен во всех наших бедах!

— Да, ты! — отрезал Арзу. — Твой сладкоречивый и лживый язык сделал свое черное дело!

— Хорошо. Всю вину я беру на себя, ибо напрасно сейчас доказывать обратное. Но неужели, Арзу, ты думаешь, что это бы не случилось, если бы не было Мусы Кундухова? Ты умный человек, Арзу, а простые вещи не желаешь понимать. Участь твоего народа решалась не по моей воле и не по воле наших старшин. В конечном итоге результат был бы таким же, что бы ты ни предпринимал. Сила была не на вашей стороне. А слабым распоряжается сильный. Так было, есть и так будет. Но ни ты, ни весь твой народ не хотите этого понять. Вы ищите виновника своих несчастий. Что ж, искать его нужно, этого я не отрицаю, так же как не отрицаю части своей вины. Но пойми, есть человек куда более могущественный, чем я. Вот в его-то руках и находились ваши судьбы. И как он распорядился, так все и произошло. Допустим, вы опять бы явились за оружие, но и оружием ничего бы не изменили. Страна русских в сотни, в тысячи раз больше вашей, а потому противиться ей бесполезно и бессмысленно. Мы это поняли раньше вас. Конечно, могли и мы бунтовать, сопротивляться. Тогда и нас уничтожили бы точно так же, как теперь уничтожают вас. Но зачем умирать раньше времени? Кому это нужно? Причем умереть на поле боя не так уж и трудно, труднее научиться выживать. Наш народ понял эту истину. Потому-то наши предки и решили до поры терпеть гнет царя. Я считаю, что они рассудили правильно: быть битым и вдобавок ничего не иметь — это не выход. Гордость в таких случаях обходится слишком дорого. И вы просто обязаны были понять, что вам одним никогда не удержать в горах свою свободу и независимость. К сожалению, вы и теперь этого не понимаете или не хотите понимать. Русский царь в наших народах не нуждается. Ему не мы нужны, а наш край и наши горы. Не отдадим добровольно — нас уничтожат. Такой приказ он и отдал своим генералам. Лучшие ваши земли и теперь розданы в награду офицерам. Русским и горским. Но большинство их отведено под казачьи станицы. Остальные же земли объявлены казенной собственностью. Где вам теперь жить? Ведь чтобы человеку жить — ему требуется земля. А таковой у вас теперь нет. Вы будете стремиться вернуть ее, но царь никогда не согласится с вашими требованиями. И чтобы окончательно отбить у вас охоту хвататься при каждом удобном случае за свои кинжалы, русские решили теперь переселить вас в глубь России. А через несколько лет вы бы уже присмирели, как

овцы, и приняли бы их веру, обычаи и язык. И чеченский народ как таковой исчез бы с лица земли. Однако все знали, что добровольно вы на это не согласитесь. И решено было переселять вас силой. А это — новая война. Я же стремился не допустить ее. И все без исключения мои поступки были продиктованы только одним желанием — помочь вам.

— Знаю, Муса. Ты сделал все, что было в твоих силах, чтобы нас не отправили за Диарбекир, а оставили около Муха, Байбурта, Эрзерума и Карса. Чеченцы тебе за это благодарны. Но я не могу пока понять, что руководит поступками, нет, не Мусы, а генерала Кундухова. Что заставило его четыре года назад в Беное войти с нами в сговор и почему он так нечестен о нашей судьбе? Какую цель он преследует? Не кроется ли за всем этим какая-то чудовищная интрига? Мы вправе сомневаться, зная о всех твоих деяниях. И если наши сомнения и догадки подтвердятся, тогда берегись, Алхазов Муса. Мы найдем тебя даже под землей.

Кундухов молча глядел на толпу переселенцев, расположившихся вдоль дороги: кто сидел, кто лежал на сырой земле в окружении турецких всадников, которым одного его знака было бы достаточно, чтобы с саблями наголо ринуться на этих изнуренных людей. И если он подаст сейчас такой знак, то не совершит никакого преступления, так как лишь выполнит приказ командования. Но чеченцы обвинят в жестокости только его одного. Ведь он руководит операцией. Так уже бывало не раз. Но сейчас он сделает все возможное, чтобы избежать кровопролития. В глазах чеченцев он обязан остаться благородным человеком, желающим им одного только добра. А кровь пусть проливают турки, они на это мастера. Кто-то из переселенцев тихо затянул протяжную песню. Десятки мужских голосов тут же подхватили ее:

Мусульманский царь к себе нас звал,
Царь русский — остаться просил,
Без огня и ветра Чечня запылала:
Огнем был Алхазов Муса,
Вихрем подул Успанов Сайдулла.
Пророчили муллы нам страшный суд,
Мы видели: родные бросают родное.
Вот он, день страшного суда,
Вероломные муллы нас подло обманули,
Они нас в земной ад загнали...

Каждое слово песни глухой болью отдавалось в сердце Кундухова. Вскочить бы сейчас на коня да умчаться подальше от этих фанатичных людей и их душераздирающей песни. Или проще заставить их замолчать? Но как? Они же замолчат только став мертвыми...

— Самое тяжкое наказание для человека — презрение народа. Меня проклинаят сейчас и проклянут в будущем. Я это хорошо знаю, Арзу, — задумчиво проговорил Кундухов, поднимая глаза к небу, будто испрашивая у Бога прощения. — Я, как и вы, лишился родины. Но у вас есть хоть какая-то надежда вернуться и увидеть хоть на миг родные горы. Честно говоря, я вам завидую немного. Ведь мне возвращаться нельзя. — Кундухов глубоко и горестно вздохнул. — Если желаете, объясню почему. Одновременно это ответ и на твой вопрос о том, какую же цель я преследовал, сговариваясь с вами в ичкерских лесах. Так как, рассказать?

Арзу утвердительно кивнул.

— Ты отлично знаешь, что мы не были обижены жизнью. Когда я говорю “мы”, то имею в виду Сайдулла Успанова, Алихана Цугова, Мусу Уцмиева и Атажукина. В своих руках мы держали власть и одновременно были на хорошем счету у начальства. Нас хвалили и даже награждали за усердие. Но нас всегда возмущали унижительное положение, в котором всегда и везде находились горцы, жестокость и бесстыдный грабеж русских властей. И потому мы впятером поклялись освободить наш край от русского владычества. Но для того нам понадобилась бы сила. Чтобы накопить такую силу, требовалось определенное время. Однако сделать мы ничего не успели. Среди нас оказался предатель. Атажукин на нас донес. Заговор раскрылся. Уцмиева сослали в Россию. Нас почему-то пока не трогали, хотя мне было точно известно, что Атажукин в своем донесении назвал меня, как организатора, первым. Я ждал ареста, ибо я был генералом русской армии и присягал на верность царю. Но время шло, а со мной обращались так же, как прежде, будто ничего и не случилось. Только позже я узнал, почему так с нами поступали. Начальник Терской области был хорошо осведомлен о нашей деятельности и решил покарать нас по-своему. Однажды он вызвал меня к себе и категорически заявил: или же вы вместе с не-

довольными русской властью чеченцами уходите в Турцию или же мы вас стираем с лица земли...

При этих словах Арзу вскочил. Не ожидавший столь бурной реакции от своего собеседника Кундухов даже растерялся, но быстро пришел в себя и, схватив его за руку, попросил дослушать до конца.

— Сейчас с тобой говорит не царский генерал и не турецкий паша, — заторопился он, глядя на Арзу снизу вверх. — С тобой говорит такой же горец, как ты, как все они...

Резким движением Арзу вырвал свою руку из руки Кундухова и долгим пронзительным взглядом в упор разглядывал бывшего генерала.

Али, стоявший рядом, весь подобрался, словно тигр, готовый в любую минуту прыгнуть на врага. Али видел, как медленно сходила краска с лица брата, как он, закусив нижнюю губу, сжал в кулаке белую рукоять кинжала. Али не спускал с него глаз и ловил каждое движение, хорошо зная вспыльчивый характер брата. Страшные оскорбления вот-вот готовы были сорваться с его языка. Но Арзу только скрипнул зубами и промолчал...

— Говори! — не выдержал тогда сам Кундухов. — Что ты хотел сейчас произнести?

— Я хотел сказать, — Арзу перевел дух, злость мешала ему, — что ты — собака. Но сказать так, значило бы оскорбить собаку, потому что она намного благороднее тебя. Она всегда и всюду верна своему дому, своему хозяину. Ты же изменил своему хозяину — царю, своему дому — родине, изменил всем, кто в тебя верил. Будь я один, я бы вывернул ваши черные, грязные души. И твою, и твоего братца Афако.

— Слушай, Арзу, ты уже не упрекаешь, не угрожаешь, а просто оскорбляешь. Если ты забыл, что и мы родились и выросли в тех же горах, что и ты, и что в храбрости и верности слову мы стоим не ниже тебя, а в благородстве, возможно, даже и повыше, то я это все могу тебе напомнить, вызвав на дуэль, — гневно выпалил Афако.

Недобрый огонек молнией сверкнул в глазах Арзу.

— Нет, вы не трусы. Это мне известно. Но только не надо говорить о благородстве. Смотрите, до какого состояния довелось ваше благородство этих вот людей. Вы обманом и под

частью толкнули их к гибели. И вот это вы называете благородством? Твой брат, Афако, шагал к чину генерала по трунам чеченцев, а теперь за то, что он сумел обмануть нас, турки сделали его пашой, — от напряжения лицо Арзу покраснело, и он рукавом черкески вытер вспотевший лоб. — Слово за тобой, Алхазов Муса, — вызываяще произнес он. — Решай, что будешь делать. Мы торопимся.

— Наберись терпения и выслушай меня до конца! — взмолился Кундухов.

— Я не ребенок и не баба. От красивых слов я не таю.

— Клянусь Аллахом, я говорю правду!

— Чтобы русский генерал или турецкий паша сказал правду? — рассмеялся Арзу. — Не надо нам сказок, Муса.

— Пойми же ты наконец, что перед тобой сидит такой же горец-изгнанник, как и ты, как все они, — Кундухов кивнул головой в сторону переселенцев и с минуту помолчал, ожидая, пока Арзу вновь усядется на коврик рядом. — Согласен, ты прав, — продолжил он ровным голосом, словно тяжелые оскорбления, только что брошенные ему в лицо, не имели к нему никакого отношения. — Честолюбие, действительно, не оставляло меня. Согласен, воспользовался в какой-то мере нашим несчастьем. Положение чеченцев было безвыходным: мы просили вернуть вам ваши земли, правительство же на это никогда бы не пошло. И оно избрало более жестокий путь — выселить половину вашего народа с тем, чтобы другая его половина все же имела клочок земли. Я знал, что чеченцы добровольно горы не покинут, поэтому и согласился с Лорис-Меликовым. Мне казалось, что своим согласием я делаю доброе дело. Вняв его совету, я рассуждал так: во-первых, освободятся земли и люди смогут жить в более или менее нормальных условиях; во-вторых, что, пожалуй, самое главное, будет предотвращена новая война. Да, я решил вместе с добровольцами переселиться в Турцию. В свои планы посвятил только Сайдуллу и Алихана. Но никто из нас даже предполагать не мог, что конец будет столь трагичным. Правда, я видел черкесов, абазин, убыхов и шапсугов, которые находились в еще более ужасных условиях. Но на этот раз меня подвела моя доверчивость. Турецкий султан торжественно заверил, что чеченцам будет оказан особый почет и уважение.

Так оно и должно было быть, для вас даже построили дома. Но вмешались русские и заявили, что они категорически против расселения чеченцев вдоль границ России. Тогда для нас отвели другие земли — те земли, от которых вы отказались. И я на вашем месте поступил бы точно так же. Земли-то эти безводные и неплодородные. Пока вы стояли здесь, я прилагал все усилия, чтобы вас не трогали, чтобы оставили у Эрзурума и Муша. Но убедить в том турецкого султана мне не удалось.

Кундухов взял травинку и пожевал ее. Втайне он надеялся, что Арзу рано или поздно заговорит, но тот упорно молчал, подперев рукой щеку.

— Ты прав, Арзу, прав, — продолжал Кундухов. — Отчасти вы гибнете по моей вине. За все, что происходит с вами, и я в ответе. Просите Бога, чтобы он продлил мне жизнь, — более тяжкого наказания мне вы не придумаете. Ведь жить, сознавая, сколь непоправимая и тяжкая вина лежит на твоей совести, мечтать о родине и не иметь права вернуться на нее — ты лучше меня знаешь, какие это испытания для человека, родившегося в горах...

Али, хотя и не верил ни единому слову Кундухова, услышав последнюю фразу, невольно проникся к нему жалостью. Сам сполна испытавший горечь изгнания и тоску по родине, он чутьем улавливал то, что действительно шло из глубины души. То, самое сокровенное, что как бы ты ни старался, никакими красивыми словами не прикроешь. И даже когда молчишь, это сокровенное все равно проглядывает сквозь непроницаемую маску, надеваемую тобой, чтобы не прослыть слабым и не умеющим скрыть свои чувства мужчиной. Это сокровенное не скроешь, когда твои глаза, лицо, голос, когда все твое существо тоскует и страдает, бьется, как птица в клетке, ищет и не находит выхода, мечтая постоянно о голубом прозрачном небе...

— Пойдем с нами! — вырвалось у Али, и он сам почувствовал, как краснеет.

— Рад бы, да не могу. Я не волен поступать согласно моим желаниям. Турки во мне еще нуждаются, а русские — нет. Да и не впустят они меня обратно. Так что дорога назад для меня отрезана. Если кто-то из вас и вернется на родину, то он

сможет затеряться в горах. Мне же останется одно: жить, тоскуя по родине, и умереть на чужбине.

— Ты очень много и хорошо говорил сегодня, Муса, — сказал Арзу, — но я не поверил ни одному твоему слову.

Кундухов не стал противиться.

— Я и не осуждаю тебя за это, — миролюбиво согласился он.

— Ты научился продавать себя, и тебе неплохо живется здесь, — бросал Арзу жестокие слова, словно хлестал его ими по щекам.

Но Кундухов принимал удары безмолвно, только лицо его поминутно менялось, что свидетельствовало о внутренней борьбе, пламя которой сжигало его, о том невероятном напряжении рассудка, которым этот внешне спокойный человек охлаждал готовую закипеть кровь и сдерживал бушующие страсти.

— Довольно, — наконец прохрипел он, сраженный прямой судней собеседника. — Я тоже человек, а не железо. И пришел не для того, чтобы выслушивать от тебя оскорбления. Да, я богат. Да, у меня много денег. Но ты говоришь это так, словно завидуешь. Но что деньги и богатство? Они не могут заменить родины. Все, что имею, я бы отдал за возможность умереть в родных горах. Пусть даже нищим, это уже неважно... К несчастью, я осознал это слишком поздно...

— Что ж, Бог тебе судья! — Арзу встал. — Пойдем, Али.

— Подождите! — спохватился Кундухов. — Мне же приказано вернуть вас обратно...

Арзу остановился.

— Тогда ты напрасно теряешь время, Алхазов Муса. Решай, как тебе удобнее поступить. Что же касается нас, то ни один чеченец не вернется живым.

— Не следует горячиться, Арзу. Русский царь не пропустит нас через границу.

— Мы придем к границе и будем просить сардара, родного брата царя, чтобы он пропустил нас домой. И будем стоять, пока нам не откроют границу.

— Сардару вы тоже не нужны, как и царю.

— Прорвемся в таком случае с боем.

— Вас перебьют, а если прорветесь — сошлют в Сибирь...

— В Сибири будет не хуже, чем здесь.

— Там вы станете христианами, ваши женщины будут ходить без шаровар и спать с гяурами, а внуки забудут и родной язык, и обычаи, и веру!

— Один раз ты уже помог нам, Алхазов Муса. Теперь как-нибудь мы сами сумеем побеспокоиться о себе, постоять за себя и за свою веру. Решай скорее: или мы едем дальше, или ты везешь назад наши трупы...

Впервые в жизни Кундухов заколебался, не зная, что ему предпринять. Перебить их или отпустить восвояси? Каково решение будет правильным? Ясно было одно, что повернуть их не удастся. Но и драться с ними не имело смысла. Все же он сделал еще одну попытку остановить их.

— Не наговаривай лишнего, Арзу, — сказал он. — Если бы я надумал применить силу, то не стал бы вести с тобой такой длинный разговор. Я отпускаю вас. Идите с Богом! Но что случится с вами там, — Кундухов махнул рукой в сторону границы, — могу предсказать заранее. С обеих сторон к границе стянуты войска. Там вас просто перебьют. Я прошу: вернитесь обратно, пока не поздно. Нет, я не подниму оружия против измученных людей. Но там с вами не посчитаются. Сейчас вы просто не видите выхода. А выход-то есть. Просто необходимо согласиться на предложение, поступившее от турецких властей.

Арзу презрительным взглядом окинул бывшего генерала и покачал головой.

— Наверное, твои хозяева, а вместе с ними и ты, думают, что чеченцы, подобно хищным зверям, только и жаждут крови? Нет, Алхазов Муса, в наемники мы никогда не пойдём. Так и передай своему султану, — и дав понять, что разговор на этом закончен, Арзу не оглядываясь зашагал к своему коню. Али неотступно следовал за ним. Чеченцы поднялись. По знаку Кундухова турецкие всадники расступились...

...Переселенцы продолжали медленно продвигаться на север. Они уже прошли довольно большое расстояние, когда их нагнали две подводы, сопровождаемые турецкими всадниками. Присмотревшись, в одном из них Али узнал Афако. Колонна остановилась.

— Мой брат Муса послал вам все эти продукты, — сказал

Афако, подъехав к Арзу. — Он просит принять их. И еще он хочет, чтобы все вы простили его. Не думайте о нас плохо. Мы действительно хотели и хотим вам добра. Но вышло не так, как мы предполагали. Да услышит Аллах ваши молитвы! Да не лишит он вас своей милости!

Сказав все это, Афако хлестнул коня и галопом поскакал обратно, не дожидаясь разгрузки подвод...

ГЛАВА XII

МЕЖДУ СЦИЛЛОЙ И ХАРИБДОЙ

Правительства подчас бывают бандитами,
народы же — никогда.

В. Гюго

Уже две недели прошло с тех пор, как первая партия переселенцев приблизилась к границе и замерла без движения в ожидании ответа Великого князя. И вот вчера делегация во главе с Арзу вернулась наконец из Тифлиса. Как и предсказывали, наместник Кавказа прошение чеченцев отклонил. Таким образом, исчезла последняя надежда на мирный исход дела.

Да, вот она, желанная граница. За тем вон полосатым столбом начинается родина, свидания с которой ждут ее заблудшие дети. Она всегда стояла перед их глазами. И в первых лучах солнца, и в тусклом свете луны. Голос ее слышался им в нежном посвисте ветра, в журчании ручья, в шуме леса, в радостном пении птиц, в шелесте трав. Во всем ловили они зов родных гор и с нетерпением ждали момента, когда вновь увидят дорогие сердцу места. Но невидимая стена отделила их от родины. Как теперь преодолеть эту стену?

Границу охраняли солдаты. Много солдат — и султанских, и царских. Неужели с ними придется воевать? Хватит ли на борьбу сил? Ведь люди до предела истощены, стали похожи на тени.

Семь дней чеченцы бросали шапки и платки перед русскими и турецкими генералами. Это было унижительно, но на это вынуждали обстоятельства. Никогда и никому не кланялись чеченцы, ни перед кем не становились на колени, обнимали головы только в том случае, если обращались к кому-то

с величайшей просьбой. Турки возвращению не противились, ибо отлично знали, что русские не пропустят чеченцев на родную землю. Но как договориться с русскими? Они не соглашались ни на что. Переселенцы заверили русского генерала, что не станут нарушать законы, будут жить мирно и покорно, подчиняться всем указам, если он разрешит им вернуться домой. Горцы соглашались даже поселиться не в самой Чечне, а там, где будет угодно русскому правительству.

Но никакие жалобы не трогали сердце русского генерала. Приказано — не пропускать! И он не пропустит...

Оставался самый последний, крайний выход: перейти границу самовольно. Решаясь на столь рискованный шаг, люди все же надеялись, что стрелять в них не станут...

17 октября 1865 года две тысячи шестьсот чеченских переселенцев двинулись к границе, решив или дойти до родных гор, или умереть здесь. В первой десятке шли Арзу, Чора и Али с белыми флагами в руках. Их послали вперед, чтобы в последний раз попытаться решить вопрос мирным путем. Остальная масса людей, выдерживая небольшой интервал, шла следом за своими векилами. Парламентеры были безоружны. Белый флажок, привязанный к длинному шесту, Арзу нес, высоко подняв над головой. Следом за ним, почти наступая ему на пятки, шел Али. Ровно четыре месяца назад Али впервые увидел эти вот места, эту заставу. 28 апреля они вышли из Владикавказа, а 17 июня здесь первыми ступили на турецкую землю. Хазапинская застава встречала их и провожала в турецкий край, из которого до сих пор они никак не могут выбраться...

Граница надвое рассекала высокий холм. И вот на этом холме теперь застыли в боевом строю всадники и пехотинцы. Вперед выдвинули пушки, стволы которых направлены точно по дороге, по которой предстояло идти переселенцам. "Неужели турки будут в нас стрелять?" — с тревогой думал Али.

Каждый шаг в сторону границы приближал к смертельной опасности. Шаг, еще шаг, еще... Уже различимы лица солдат. Но что это? С полсотни всадников отделились от основных войск и помчались навстречу переселенцам.

Тридцать четыре года прожил Али на белом свете и никогда за все эти годы не испытывал чувства страха. И вот только теперь, при виде хищных лиц скакавших всадников, он почувствовал, как неприятный холодок страха пробежал по его

спине. Живая стена до зубов вооруженных солдат перекрыла путь на родину. Мужчины сняли с себя оружие и передали его женщинам в знак того, что намерения у них самые мирные.

Летите в Нохчичо, птицы быстrokрылые,
К собратьям нашим и поведайте им,
Что мы без крова и без Божьей милости
Жизнь на чужбине малую влачим.

В ночном сумраке родных лесов
Унылый крик филина заслышав,
Пусть вспомнят о нас, — без поста и молитвы
Бродящих на чужбине и не видящих исхода!

Бывало, волк воет холодной ночью.
Мы думали, он воет с голоду.
Нет, он выл, что отбился от стаи.
Мы походим на того одинокого волка,
Оторванные от родины и могил предков...

Скорбим ночами черными и глухими.
Чужбины хлеб нерадостен и крут.
И грезим все мы горами родными,
И в час кончины нас они зовут*...

Нет, не за себя волновался сейчас Али. Он переживал за Арзу. За своего единственного брата. Из всего их рода только они двое и остались в живых. И, не приведи Бог, случиться чему-нибудь с Арзу. На кого опереться тогда Али? Кто в трудную минуту встанет рядом с ним? Без Арзу Али будет, как бескрылый орел. В течение шестнадцати лет они и жили, и бились бок о бок, не разлучаясь ни на час. Первыми неслись в атаку, последними отходили. Все эти годы над ними витала смерть, и Али без страха смотрел ей в лицо. Он знал: враг пришел на его землю, чтобы отнять у него дом, родину, лишить его свободы и воли. Поэтому Али не боялся смерти и готов был ко всему. Ловкий и сильный, он всегда оказывался в гуще боя и всегда выходил из него невредимым. Родина-мать была неиссякаемым источником, из которого в течение многих лет черпал силу и он, и его народ. "Неужели мы навсегда лишились этой матери? — подумал Али. — Аллах, помоги нам!"

* Перевод стихов Умара Ярычева.

Так что же решили предпринять турки? Поднимется ли у них рука на своих братьев по вере? Да и можно ли стрелять по безоружным? Поверить в это трудно. А если...

Али инстинктивно выдвинулся вперед, чтобы в случае чего заслонить собой брата. Сердце, казалось, вот-вот выскочит из груди.

Арзу покосился на него, и Али виновато опустил голову. Неприлично быть впереди старшего брата, в порыве чувств Али забыл об обычае...

Забывшие о бритве волосы Арзу выбились из-под мохнатой папахи. За эти четыре месяца они побелели. А ведь совсем недавно на голове брата не было ни единого седого волоса. Трагедия народа легла тяжелым камнем на его сердце и словно острым лемехом плуга прошла по его лицу, оставив после себя глубокие морщины. Глаза запали, но огонь их не потух. Они, как и прежде, горели отвагой.

“Тяжело тебе, — подумал Али, глядя в затылок брата. — У меня хоть дома жена и сыновья. А ты и поседел преждевременно, даже не вкусив женской ласки, любви... Всемогущий Аллах, сбереги для меня моего единственного брата!”

— Стой!

Группа всадников с кривыми саблями наголо встала на их пути. Впереди три офицера.

— Куда? — крикнул один из них, и его неопределенного цвета глаза остановились на Арзу.

— Мы возвращаемся на свою родину. Разве вы не знаете об этом? — ответил Арзу по-кумыкски.

— Разрешение есть?

— Мы две недели ждали разрешения, но так и не дождались. А за это время успели здесь многих похоронить.

— Значит, прождали напрасно?

— Да.

Два офицера захохотали.

Третий, значительно моложе их, сморщился как от боли и осуждающе взглянул на старших товарищей.

— Стыдно смеяться над человеческим горем, — не выдержав Арзу. — К границе вернулась только половина тех, кто переходил ее. — Арзу вынужден был играть до конца роль парламентария. — Но и тех, кто идет за нами, разве можно считать живыми? Вы видите их. Человек, оторванный от родины, — мертв! Даже если он еще пользуется какими-то земными благами. Голод, болезни, тоска по родине гонят нас. Нас

обманули и вы, и русские. Мы это поняли и теперь возвращаемся домой.

Второй офицер, тощий, с крючковатым носом, махнул рукой в сторону холма.

— Посмотрите вон туда, — противно улыбнулся он. — Видите там пушки и солдат? Так вот, им дан приказ открыть огонь, если вы сделаете еще хоть один шаг к границе! А вон там стоят и кавалеристы. Их более пяти тысяч, и они готовы порубить вас на куски. Помните, только по нашим трупам вы сможете ступить на землю гяуров.

Али несколько не сомневался в правдивости слов офицера. О жестокости турок и раньше ходило немало слухов, а побывав среди них, многие убедились в ней воочию. Если они совершенно безжалостно обращались со своими соотечественниками, то на что уж могли рассчитывать несчастные переселенцы, не имевшие с турками ничего общего, кроме веры? Чеченцы были для них чужеземцами, без крова, без родины, скитавшимися по их стране в поисках пристанища. так можно ли было ждать пощады? И все-таки Арзу на что-то еще надеялся...

— Господин офицер, мы не имеем намерения ссориться с кем-либо. Какой толк нам от ссор? Вы видите, мы безоружны, мужчины сняли с себя даже кинжалы. Мы никому не желаем причинить зла. К тому же, среди нас не найдется и сотни человек, способных сейчас использовать оружие. Люди ослабли. И тем не менее, — решительно закончил Арзу, — или мы умрем здесь, или вернемся домой.

— Я еще раз повторяю, — повысил голос офицер, раздраженный твердостью Арзу. — При малейшей вашей попытке перейти границу, мы откроем огонь!

— Я тоже повторяю, — отдельно и громко произнес Арзу, — что люди решили или двигаться дальше на север, или умереть здесь у границы.

— Так умирайте!

— Неужели у вас, воинов, хватит совести стрелять в безоружных? — не выдержал Чора, стоявший рядом с Али. — Мы с вами единоверные братья, у нас один Бог. Так для чего вам нужна наша кровь? Побойтесь Бога и отпустите нас.

— Куда?

— На родину.

— Теперь у вас нет родины! Теперь бы бездомные нищие! — офицер еле сдерживал гнев. — Трусые! Гяуры хозяйничают и

наших домах. Причем вы сами пустили их туда. Кому вы нужны у русских? Царь гяуров жалует лишь своих единоверцев. Армяне и болгары, которых он приютил у себя, забрав от нас, не стремятся вернуться обратно к нам. Вы же, наоборот, не захотели жить у нас.

— Мы идем домой. Там наша родина. А законы ваши ничуть не лучше законов русского царя.

— Ты забыл о Боге, паршивец?

— Вы должны нас понять, — сказал молчавший до того молодой офицер. — Не в наших силах изменить что-либо. Тем более, что-то сделать для вас вопреки приказу. В любом случае вам не удастся перейти границу. Если не будем мы, то стрелять будут русские. Мой совет: вернитесь и не доводите всех до греха. Вы же знаете, царь не оставит вас в покое. Отправит в Сибирь и превратит в христиан. Значит, вы лишитесь не только благ сего мира, но и милости Аллаха после смерти.

— Что ж, пусть наказывает нас Аллах, — раздался голос за спиной Арзу. — Но мы на все готовы, лишь бы вырваться из этого ада.

— Замолчи, свинья! — крикнул тощий офицер. — Почему вы не хотите стать в ряды нашей непобедимой армии? Горцы, пришедшие до вас, оказались гораздо благоразумнее. Кроме жалования вы будете получать бесплатное питание и хорошую одежду. А в объятиях женщин-гурий вообще забудете о всех своих несчастьях. А разве плохи женщины у христиан? Они ведь отличаются особой красотой. Усмирите их мужчин, и эти женщины — ваши. А потом мы вместе освободим вашу родину от гяуров.

Спокойный Арзу, не скрывая, правду, презрительной улыбкой, вынужден был терпеть сей полупьяный бред турецкого офицера. Но горячий Чора не выдержал:

— Довольно! — крикнул он. — Мы уже от многих слышали эту песню! Сперва ее пел нам Нусрет-паша, затем Алхазов Муса паша. Хватит! Надоело! Что вы нам обещаете? Золотые горы? Но мы никогда не станем наемными убийцами. Мы не рабахи. Мы умеем только защищаться. Защищать свою родную землю, свою свободу. Порабощать других мы не желаем. "Поможем вам освободить вашу родину от гяуров". Где же вы раньше были? Разве нельзя было помочь нам тогда, когда мы защищали свои горы? Слава Богу, теперь узнали цену и вам.

Вы не только не способны помочь нам, вы сами нуждаетесь в помощи. Сейчас же мы хотим вернуться домой и жить в мире с христианами-русскими. Не мешайте, уйдите с нашего пути!

Арзу толкнул его в бок.

— Не затевай скандала. И не груби. Нужно все решить миром.

Чора отрицательно покачал головой.

— Разве не видишь, Арзу, что на мирный исход нет никаких надежд. Пощады от них не жди. Ты это знаешь лучше меня. Зря мы теряем время. Посмотри, войска наготове, всадники обнажили сабли, а солдаты с горящими фитилями стоят около пушек. Так на что нам еще надеяться?

Али оторвал взгляд от брата и от трех офицеров, к которым было приковано все его внимание, посмотрел туда, куда Чора указывал пальцем, и понял: для многих его собратьев сегодняшний день станет последним. Понял и ужаснулся...

— Стойте! Остановитесь, поганые собаки! — во все горло орал тощий офицер, напрягая худую длинную шею.

Али обернулся.

Основная масса переселенцев уже успела подойти к ним. Людской поток походил на гигагского смертельно раненного зверя, стремившегося заползти в свою пещеру, чтобы в ней и умереть. У людей запавшие глаза, высохшие лица. Лохмотья свисали с тощих плеч. Они еле брели, с трудом передвигая ноги, равнодушные к крикам турецких офицеров, к солдатам, к наведенным на них пушкам и вообще ко всему, что творилось вокруг. Они не в силах были остановиться, они просто шли... Сейчас, глядя на них, не верилось, что несколько месяцев назад это были самые сильные, самые крепкие, самые выносливые и бесстрашные воины. Полуживые дети сидели на руках и спинах женщин.

Люди шли молча, словно несли на кладбище множество покойников сразу. Даже тощий офицер, на своем веку повидавший всякое и безжалостно расправлявшийся со многими непокорными, и тот застыл как вкопанный при виде переселенцев. Пистолет со взведенным курсом в его руке опустился.

Али посмотрел в сторону границы. Оттуда, держа штыки наперевес, четкими шагами к переселенцам двигалась турецкая пехота. Впереди каждой роты ехал конный офицер с оголенной шашкой. С флангов и позади пехоты располагалась кавалерия, по первому знаку готова броситься на несчастных.

— Братья и сестры! — крикнул Арзу, повернувшись к толпе. — Вы видите наступающую на нас пехоту. Видите и кавалерию, готовую растоптать нас. Орудия уже наведены на нас! Последний раз спрашиваю: вернемся назад или пойдем вперед?

— Вперед, Арзу!

— Нет пути назад!

— Родина или смерть!

— Как быть с женщинами, детьми и больными? — Арзу старался перекрыть голос многочисленной толпы.

— Все ляжем здесь мертвыми!

— Газават!

— Не теряй времени, Арзу!

Арзу вскочил на коня, которого подвел ординарец. Его примеру последовали остальные командиры.

Турецкие офицеры, видя, что дело идет к схватке, огрели коней плетью и ускакали к своим отрядам.

— Братья! — раздался теперь уже грозный голос Арзу. — Друзья мои! Сейчас мы сделаем несколько последних шагов, и турки откроют по нам огонь. Сотники! Готовьте свои группы к бою! Пусть женщины и дети вместе с больными отойдут к безопасное место. Нас отвергли и люди, и Бог! Потому обратимся к нашим славным предкам, и как они, примем героическую смерть! Прочь белые флажки! Теперь это знаки беспомощности и трусости! Касум! Подними красное знамя наших древних предков! Вперед, славные чеченцы!

И над головой Касума мгновенно появилось алое знамя, древнее чеченское национальное знамя. Раскачивая его над головой, Касум своим зычным голосом запел песню:

О братья, творите молитву.
С кинжалами ринемся в путь,
Ломай их о вражью грудь...
По трупам — бесстрашного путь.
Слава нам! Смерть врагу!
Аллах! Аллах! Аллах!

Через несколько минут около трехсот всадников стояли в боевом порядке и ждали приказа Арзу. Женщины и дети ушли в лес и овраг.

Али прикинул свои силы. Триста всадников. Истощенные люди на истощенных конях. С ружьями наперевес построились более пятисот пеших воинов. Но и они больше похожи

на привидения. А на них готовы броситься сытые и крепкие пехотинцы и кавалеристы турецкого войска.

— Сотники! По-шоиповски вперед! Чора! С кавалерией!

Грохот пушек и одновременный треск ружейных выстрелов заглушили последние слова Арзу. Али увидел, как искажилось вдруг лицо брата, как он схватился за грудь. Увидел, как Чора резко откинулся назад, а потом медленно сполз с коня на землю...

Вновь услышав за несколько лет забытый грохот боя, кони Арзу сперва рванулся вперед, но тут же, почуяв беду с хозяином, остановился и громко заржал. Али соскочил со своего коня и подбежал к Арзу, успев подхватить падающего брата. Неожиданно рядом с ним появилась Эсет с обнаженным кинжалом в руке.

Они бережно сняли Арзу с седла и положили на землю.

А залпы турецких пушек продолжали сотрясать воздух. Всюду вокруг сеяли смерть снаряды и картечь. Со свистом летели турецкие пули. С обеих сторон слышались призывы:

— Аллах!

— Аллах!

Стоявшие в стороне старики продолжали петь боевую чеченскую песню:

...О братья, творите молитву.

С кинжалами ринемся в путь...

Но Али и Эсет не слышали и не видели происходившего вокруг них. Они сидели рядом на земле и бережно поддерживали смертельно раненного Арзу...

* * *

Через несколько дней после описанных событий Карцов представил Михаилу Николаевичу прошение переселенцев, принесенное когда-то штабс-капитану Зеленому делегацией во главе с Арзу, и записку, в которой излагались подробности приграничного столкновения.

Михаил Николаевич вздохнул с притворным сочувствием и размашистым почерком наложил следующую резолюцию:

“Кровопролитие мне крайне прискорбно, сожалею, что не нашли возможным предупредить оное. Если бы возможно было мне следовать влечению моего сердца, я бы немедленно впустил несчастных чеченцев в наши пределы”.

Затем, вызвав писаря, продиктовал ему рапорт для военного министра Милютина:

“Между тем, 17 прошлого октября прибыли на нашу границу к Арпачаю, близ Александрополя, 200 душ чеченских переселенцев с просьбой о пропуске их обратно в наши пределы на каких бы то ни было условиях, а вслед за тем число прибывших к Арпачаю переселенцев возросло до 2600 человек.

...Узнав о движении чеченцев к нашей границе, эрзерумский вали послал Мусу Кундухова с кавалерией для отклонения переселенцев от предпринятого ими намерения, но Кундухов не смог остановить их. Хотя переселенцы эти находились в крайне бедственном положении, но имея в виду, что пропуск через границу даже несколько семейств повлек бы за собой обратное движение к нам всей массы чеченских переселенцев, я приказал усилить пограничный надзор и притянуть к Арпачаю ближайшие части войск для воспрепятствования самовольному прорыву чеченцев в пределы империи. При первом известии о движении чеченских партий к нашим границам капитан Зеленый заявил эрзерумскому вали, что очищение нашей границы должно быть произведено в течение недельного срока. Вследствие этого заявления турецкие власти дали войска для удаления чеченцев от Арпачая и только пушечными выстрелами заставили чеченцев оставить нашу границу и направиться к Карсу под конвоем турецких войск”.

ГЛАВА XIII

ЗАВЕЩАНИЕ АРЗУ

Удерживать в своей зависимости чужое племя, которое негодует на иноземное владычество, не давать независимости народу только потому, что это кажется полезным для военного могущества и политического влияния на другие страны, — это гнусно.

Н.Г.Чернышевский

День был сырой, пасмурный. Казалось, что сама природа страдает вместе с ним. Густой, вязкий туман выползал из оврагов и речных излучин. Еще недавно зеленые деревья постепенно сбрасывали с себя летний праздничный наряд. Глухо, словно откуда-то из-под земли, доносились предвечерние крики петухов и злобный лай невыспавшихся собак.

У природы свои законы, и она живет сообразно им, ежегодно удивляя нас последовательностью и постоянством. В определенное время ночь становится днем, в определенные сроки на смену осени приходит зима. Никто и ничто не в силах изменить этот порядок, который вот уже тысячи лет повторяется изо дня в день, из года в год. Вон и в той деревне, что лежит внизу, в самой долине, начинается жизнь нового дня. Одни еще обьяты крепким сном, а другие уже полны трудовыми заботами. Наступает утро, и одним оно несет радость, другим — горе. День начинается смехом одних и слезами других. Одни добросовестно трудятся в поте лица своего, другие безжалостно отбирают плоды их труда. Только ночью, хоть на какое-то время, затихает эта страшная борьба. Но с наступлением дня она возобновляется с еще большим упорством и яростью.

Так было испокон веков. И кто может подсказать, как изменить столь жестокий характер жизни, заведенный самим же человеком? Как бороться против им же посеянной несправедливости? Ответить на все эти вопросы Али пока не мог.

Только в одном он был твердо убежден: несчастье одних всегда является счастьем для других...

Сюда, под искалеченное человеческой рукой ореховое дерево на склоне горы, они пришли ночью и расположились на поляне, которую кто-то очищал от камней. Камни были сложены в кучи, но меньше их на земле и в почве не стало.

Вчера, на закате дня, Арзу потерял сознание. Али и Эсет просидели около него всю ночь не смыкая глаз. Али облегчал страдания брата, как только мог. Разорвал последнюю рубашку и ее полосками перевязывал рану. Черкеску постелил на толстый слой листьев, собранных Эсет, а под голову ему положил свою папаху. Так и провел он эту ночь полураздетый, склонившись над братом, прислушиваясь к его тяжелому и хриплому дыханию. Нос Арзу заострился, лицо побледнело и приобрело желто-зеленый оттенок, бескровные губы растрескались, вокруг рта появилась частая мелкая сыпь. Ночью было довольно холодно, но Али этого даже не ощутил. Горе своей огромной тяжестью придавило его, и ему временами казалось, что умирает не Арзу, а он сам.

Али, прижимая к груди отяжелевшую голову брата, тихо шептал молитвы. В нескольких шагах от них, покрытый старой буркой, лежал уже застывший труп Чоры. Из его рваных лантей выглядывали черные потрескавшиеся пальцы ног.

«Неужели Арзу вот так и умрет?» — с ужасом подумал Али, и ему опять стало невыносимо жарко в груди. Мысли его то и дело путались. Он ни о чем не мог думать. Только об Арзу. Хорошо, что он вместе с братом отправился в Турцию. Он уже тогда словно предчувствовал, что должно произойти что-то страшное. И на протяжении всего их совместного пути это чувство ни на миг не покидало его, и он постоянно молил Бога об одном: отвести от брата надвигающуюся на него беду. Но молитвы не помогли, и свершилось то, чего больше всего боялся Али: Арзу умирал. Как? Как помочь ему? Если бы было возможно, Али не задумываясь отдал бы ему свою жизнь, а сам бы вместо него умер. Как же это все-таки страшно: умирает самый близкий тебе человек, и ты ничего не можешь для него сделать.

Эсет тоже сидела у изголовья умирающего, прикладывала мокрую тряпку к его горячему лбу, смачивала его пылающие губы.

— Арзу, родной мой, — шептала она, заглядывая в лицо с таким трудом обретенного и так страшно уходящего от нее мужа. — Не бросай меня. Не оставляй меня снова одну. Ты должен жить. Пусть лучше умру я, коли уж Богу так угодно, чтобы один из нас обязательно умер... Всемогущий Аллах, будь милосерден, пощади моего мужа ради нашего будущего ребенка...»

Неподалеку слышались удары кирки и мотыги о камни. Это начали копать могилу для Чоры. На рассвете Касум и Мачиг спустились в армянское село и доставили оттуда все необходимое.

Вместе с ними пришли местные крестьяне. Кто нес носилки, кто лопату, кто мотыгу. Принесли воду и еду. И как ни уговаривал их Касум, как ни протестовал, убеждая, что им ничего не нужно, что они справятся и сами, крестьяне не захотели его даже слушать.

— Не мешай им, — сказал тогда Мачиг, — они хотят помочь нам в нашей горе от чистого сердца.

Крестьяне кивали головами, мол, правильно говорит старик, и молча двинулись за ними к поляне. Изъяснялись мимикой и жестами. Старый армянин пояснил, что мертвого они похоронят, а вот раненого заберут в свое село и найдут ему табиба*. Он поднял палец вверх, показывая, что, мол, дождь пойдет, туман оседет.

Двое крестьян остались помочь рыть могилу для Чоры, а четверо ушли в сторону ущелья. Там их помощь, возможно, требовалась больше. Но только они успели скрыться за ближайшими деревьями, как появились новые люди. Али поднялся им навстречу.

— Баркалла, совбол, — говорил он, путая чеченские и кумыкские слова, растроганный до глубины души. — Могилу уже копают. А раненого мы у вас оставим. Баркалла...

Слышался плач, разноголосые причитания:

— Вай, лми!**

— Вай, мэ!**

— Вай, худаи!***

— Вай, дада!****

* Табиб — доктор, врач (тур.).

** Вай, лми Курд.). Вай, мэ! (груз.) — горе мое!

*** Вай, худаи! — О боже мой (тур.).

**** Вай, дада! — Ой, мама! (груз.).

Казалось, люди самых разных национальностей, живущие здесь на холмах и в низинах, переживают одно большое, общее для всех горе. Тяжелая рана брата лишила Али всего — и мужества, и физических сил, и даже разума. Он смотрел вокруг безумными глазами. Дома он бы достал лекарств, лечил бы брата травами. Чеченские горы и леса были его родным домом, в котором он знал все, что есть, и нашел бы то, что ему нужно.

Арзу застонал и вновь начал бредить, как бредил всю ночь. И так же, как ночью, вновь звал Маккала, Берса, Солта-Мурада, Умму, Атаби, Шоипа. Ругал Мусу, Сайдуллу и Эмин-пашу.

К полудню жар несколько спал, а дыхание стало более ровным. Неожиданно Арзу открыл глаза и попросил пить. Али поднес к его пересохшим, растрескавшимся губам бурдючок, наполненный холодной ключевой водой. Арзу выпил его до дна и долго выжидающе смотрел в глаза Али. Казалось, он молча просил рассказать о всех событиях вчерашнего дня. Но Али молчал. Брат не должен был знать тех страшных подробностей. И потому Али даже сидел так, чтобы Арзу не увидел мертвого Чору, своего ровесника, своего друга детства, своего боевого товарища, с которым он до самой последней минуты делил горе, радость и надежды. Конечно, скрыть совсем его смерть было невозможно, но Али стремился оттянуть тяжелую для брата минуту.

— Чора уже ушел? — спросил вдруг Арзу.

Али растерялся.

— Не скрывай, Али. Сердце подсказывает мне, что его уже нет в живых... И он еще не похоронен... Я чувствую его где-то рядом с собой...

Али продолжал молчать.

— Не пытайся утаить от меня правду, Али... Я же по твоему лицу вижу, что произошло. Ты за меня не бойся... Мы столько вынесли на своих плечах, столько пережили, что нас теперь ничто уже не может ни потрясти, ни привести в отчаяние... А вот тебе сегодня предстоит тяжелое испытание... Но ты будь мужественным... Когда силы начнут покидать меня... я сделаю заветное... Чора... Вы еще не похоронили его?

Сдерживая рыдания, Али покачал головой.

— Еще нет...

— Что стало... — последние слова Арзу прошептал неразборчиво.

— С кем?

— С людьми...

И Али не мог в эту минуту обмануть брата, не рассказать ему всю правду. Иного выхода у него не было.

— Турки открыли очень сильный огонь. Большинство наших погибло. Из оставшихся в живых одни успели разбежаться по лесам, других тут же окружили и под конвоем повели обратно. Убежавших ищут. Турецкие солдаты прочесывают вокруг и леса, и горы.

Арзу тяжело и протяжно застонал:

— Я это предвидел... Пушки... против женщин... детей... Мы не могли пробиться... Но я сделал... что просили люди... Убито много?

— Да. Но сколько, точно не знаю... Часть людей скрылась, унося с собой убитых и раненых...

— Лучше было сразу умереть... раз нам не суждено вернуться домой... Али, помоги мне взглянуть на него... Прежде чем уйти из этого несправедливого мира.

— О ком ты? — восторженно Али.

— Хочу увидеть Чору... Позови... Мачига и Касума...

Оставшись с мужем наедине, Эсет глухо застонала, зарыдала и прильнула лицом к его груди.

— Арзу... Арзу... — только и вскрикивала она, покрывая его лицо неистовыми поцелуями...

— Коротким оказалось наше счастье, Эсет... — тихо прошептал Арзу. — Ты вернешься домой... Ты молода... Может, еще найдешь...

— Нет! Нет! Не говори так, — задыхаясь от слез кричала Эсет. — Это ты должен жить... Ради меня... Ради... нашего ребенка...

— Неужели? Эсет...

— Да... да... дорогой мой... — Эсет улыбнулась сквозь слезы вымученной улыбкой и горячо поцеловала мужа в губы. — У тебя будет сын... Я уверена...

— Сын... — повторил Арзу, и глаза его влажно блеснули.

Вернулись Али, Мачиг и Касум. Втроем они поднесли поближе к Арзу мертвого Чору. Арзу попросил помочь ему подняться. Али опустился на колени, поддерживая брата за плечи. Арзу протянул руку и коснулся пальцами холодного лица своего друга.

— Чора, что же ты так... покинул меня... Смерть сильнее? Двадцать лет мы боролись с ней... и побеждали... И пришел ее

черед... почувствовала нашу беспомощность... не на поле брани... Прости, мой верный друг... ты погиб из-за меня... Как я уговаривал тебя не ехать со мной, но ты не послушался... Прости... Ты ушел раньше. Но не долго мы будем в разлуке...

Арзу уложили. Мачиг стал утешать его:

— Не отчаивайся, Арзу. Аллах милостив. На моем теле нет живого места. Одни шрамы. А все-таки видишь, я еще живу. И ты будешь жить. Твои же слова терзают сердце брата.

— Али не первый, кто лишается брата...

— Али страшно терять единственного...

Губы Арзу тронула чуть заметная улыбка.

— Не утешай, Мачиг... Конечно, прощаться с близкими тяжело... Тебя постигло это несчастье. И никто его не сможет избежать... Не все ведь умирают в один день сразу. Самый несчастный покинет этот мир последним. Жребий же пал на тебя, Али... Но ты не падай духом... Если бы мы раскисали перед трудностями и потерями, то давно вымерли бы все... Теперь слушай меня внимательно...

Он замолчал, переводя дыхание и собираясь с мыслями.

— Али, — снова обратился он к брату.

— Отдохни немного, — отозвался Али.

— Отдыхать мне уже некогда, — тяжело вздохнул Арзу. — Ты последний в нашем роду, кто остался в живых. Удел незавидный. Одна теперь надежда на Умара и Усмана. Я хочу верить, что они продолжат наш род, а тебе будут утехой. Как бы трудно тебе ни пришлось, будь мужественным и стойким. Не сворачивай с пути, указанного нашими предками, не склоняйся ни перед кем, сойди в могилу с гордо поднятой головой. Если упадешь, то встань и вновь продолжай идти вперед. Никогда не проси у врага пощады и не мирись с участью раба. Не теряй надежду на свободу. Приди ко мне и к своим предкам, сохранив мужество, смелость и силу воли. Теперь же постарайся вернуться домой к Айзе и сыновьям. Огонь в нашем очаге не должен гаснуть. Помни, Чора погиб из-за твоего брата, а потому замени его детям их отца. Любимыми путями ты обязан возвратиться домой.

Холодный ветер, подувший с севера, разогнал туман, и в его разрывах на противоположном склоне стали видны курдские шатры. Стада овец паслись вокруг. Снизу, из ущелья, ветер доносил теперь стук топоров и кирок.

Касум взял кувшин, собираясь спуститься к роднику.

Арзу удержал его.

— Подожди, Касум, — попросил он. — Дальнейшая часть моего завещания касается вас троих. Война, которая началась, когда наши деды были еще молоды, не кончилась. Она продолжается. И будет продолжаться до тех пор, пока русский падишах не вернет нам отобранные у нас земли и свободу. Я впервые серьезно задумался над пройденным и понял, что мы были слепы. Во всех наших бедах и несчастьях всегда обвиняли христиан, в первую очередь — русских. Муллы убеждали нас, что война, которую мы ведем, это война правых с неверными и звали нас к газавату. И мы верили, что поднялись на газават. Но мы обманывали себя. Скажи, Касум, разве в душе хотелось тебе ценой своей жизни заслужить себе рай? Ведь каждый мечтал умереть естественной смертью у себя дома, среди родных и близких. Но царь насылал на нашу страну своих солдат, и мы вынуждены были вставать на защиту своей жизни, своей семьи, своей родины... Никакого газавата в том не было...

Касум слушал, захватив ладонью подбородок. Когда же Арзу прервал свою речь, чтобы отдышаться, он воскликнул:

— Ты правду говоришь, Арзу! Газават! Кому он был нужен? Кто о нем думал? Ни один чеченец не ворвался в страну христиан ради газавата и не унес ни одной человеческой жизни. Не приди царская власть на нашу землю, не было бы войны. Я имел родителей, трех братьев и взрослого сына. Никого теперь из них нет. Все погибли. И я никогда не смогу забыть свою мать, которая сгорела вместе с домом, когда конники Баклан-инарлы* жгли наш аул. Отец и братья погибли раньше. Спрятавшиеся в лесу аульчане рассказали мне, что моя старая мать отказалась покинуть дом и они были вынуждены оставить ее в горящем ауле. Я помчался в аул, кишевший солдатами, бросился в горящий дом. Мать каталась по полу в пылающей одежде. Я схватил ее на руки и вынес во двор. Сорвал с нее горящее платье, а огонь добрался до ее седых волос. В этот момент ко мне подскочили два казака. «Касум, родной, оставь меня, спасайся сам!» — закричала мать. Уложив одного казака выстрелом из пистолета, я оглянулся на мать. Пламя безжалостно жгло ее седую голову. Из моей груди вырвался звериный рев. Я бросился к ней. Воспользовав-

* Имеется в виду генерал Бакланов.

пись этим. второй казак взмахнул надо мной саблей. Я вовремя подставил свое ружье. Лезвие скользнуло по стволу и рассекло щеку. Казак замахнулся снова, и на этот раз я не мог отразить удар. Кровь залила мне лицо. Но и казак вдруг выпропал саблю и, схватившись за голову, опрокинулся на круп лошади, которая унесла его прочь. Казака сразил мой сын Лечи. Мой единственный сын спас меня от смерти, а сам погиб. Такова история вот этой раны, навсегда обезобразившей мое лицо. Каждый раз, когда пальцы касаются шрама, я вспоминаю тот страшный день. Я остался в живых и думал, что большего горя мне не дано увидеть. Но оно ждало меня впереди. Здесь я похоронил и жену, и детей.

Касум еще ниже склонил голову. Изуродованная щека его задергалась.

— Так разве газават толкнул меня в горящий дом? — продолжал он. — Нет, я спасал жизнь своей матери! А мой сын? Разве он думал о газавате, когда прискакал следом за мной в аул? Нет, он спешил на помощь отцу. О каком газавате мог я подумать в тот день? Да я забыл не только про тот, но и про этот свет, а если говорить откровенно, то и самого Аллаха, да простит он меня. Нет, ни дед, ни отец, ни братья, ни сын, никто из нас не стал бы проливать кровь христиан ради газавата! Прости, Арзу, речь моя затянулась.

— Спасибо, Касум. Ты высказал все то, на что у меня уже не хватило сил. Мы ошибались, думая, что все без исключения мусульмане — наши друзья, а все иноверцы — враги. В прошлую зиму около Шали на поле Убитого Быка нам устроили бойню. И тогда в безоружных людей, что шли в крепость с прошением, тоже стреляли. Но среди русских солдат, стрелявших в безоружных мужчин и женщин, были не только христиане. Рядом с Туманом* стояли и чеченские офицеры, и муллы, готовые исполнить любой его приказ. И вчера нас расстреливали из пушек и ружей те же... мусульмане... Жестокие и вероломные люди есть среди любого народа. Маккал и Берс правильно говорили, что несправедливость исходит от немногих людей. Разве не стонут под гнетом богатых здешние турки, курды, армяне и другие? И я верю, что время свершит справедливый суд над угнетателями. Но вы вернитесь домой. Обязательно вернитесь. Не знаю, перейдут ли на нашу сторо-

* Имеется в виду генерал Туманов.

ну русские и грузинские бедняки, как уверяли Берс и Маккал. Должны перейти, ибо нас всех давят одни и те же враги. Но если ты, Али, брат мой, если ты останешься жив и не отомстишь нашим врагам за все наши страдания, знай: я прокляну тебя. «Свобода или смерть», — всегда было завещанием наших отцов. Теперь это и мое завещание. Передай его и своим детям, Али. А теперь накрой мне чем-нибудь ноги, что-то сильно морозит. Хотя я знаю, к чему это... Но, не падай духом. И ты тоже, Эсет... Вам еще придется и не такое увидеть... Похороните нас с Чорой... вместе... в одной могиле... В моих газырях... спрятана горсть... родной земли... Подсыпь ее... под наши головы... Передай... Маккалу... Берсу...

Взгляд Арзу остановился на Эсет, и лицо умирающего казалось острой болью. Он рванулся, как от судороги, но тут же вытянулся и затих...

— Арзу! — закричал Али. — Арзу!

Он тряс брата, отказываясь верить случившемуся.

— Арзу! Брат!

«Нет даже муллы, чтобы прочитать асин, — подумал Мачиг. — Это погибшим в газавате не обязательно, чтобы муллы отпевали их. Мункар и Накир их не станут допрашивать в могиле. Тот, кто умер в газавате, придет прямо в рай, райские гурии встретят его... Неплохое утешение тому, кому еще предстоит умереть. Но как быть тому, кто пал не от руки гяура? — сомневался Мачиг. — И какая, собственно, разница между мусульманскими и христианскими солдатами, если и те и другие одинаково проливали нашу кровь и не щадили нас? Нет, не стоит сомневаться в том, что наши братья и сестры, павшие здесь, приняли газават. Они погибли вдали от родины, и Аллах зачтет им это».

Но на всякий случай Мачиг все же придвинулся к изголовью покойника и шепотом стал читать те несколько коротких сур из Корана, которые когда-то заучил наизусть...

Мачиг не слышал криков Али, не видел вздрагивающих худых плеч Эсет и скупых слез, скатывавшихся из единственного глаза Касума. Мачиг сделался безучастным ко всему, что творилось сейчас на земле. Он читал все новые и новые суры, словно отпевать покойников стало теперь для него обычным делом...

Эсет, больше не сдерживая себя, громко рыдала. Али, сжавшись, молча прижимал к груди седую голову брата. Ему бы заплакать и выплеснуть разом все горе, накопившееся за долгие годы. Но он не мог... Слез не было, а крик застревал в перехваченном болью горле. Побелевшие губы его мало чем отличались сейчас от губ мертвого Арзу. Али снял свою шапку и, словно боясь разбудить спящего, осторожно опустил на нее голову брата. Ласково и нежно повел ладонью по его лицу, ощупывая пальцами теперь уже безжизненные глаза, лоб, щеки...

«Зачем мне жить на свете? — клубком кружились в голове мысли, — не лучше ли самоубийством положить конец этой проклятой жизни?»

Али провел рукой по пояснице. Там было пусто.

«Даже нечем убить себя. А куда же делось мое оружие? Да, мы же отдали его женщинам, когда в роли послов шли к единоповерным братьям... Но, говорят, что нет большего греха, как самоубийство. И нет такому надежды на рай. Совершить такой поступок может человек, который отрекся от веры. Вера! Благочестие. Где они? Кто разбирается в этом мире в правде и несправедливости, в праве и несправии, в чести и бесчестии? Хватит, пережитое мной на этом свете достаточно, чтобы простить мои грехи. Не нужна мне жизнь без Арзу. Жизнь? Да разве я жил? Я ходил по земле, переживал все горести. Но как умереть? Может, прыгнуть вон с той высокой скалы?..»

Али направился прямо на скалу. Он шел, не видя перед собой ничего, устремив глаза на скалу. То спотыкаясь в ухабах, то цепляясь за колючие кусты. Оставшиеся товарищи смотрели вслед Али, стараясь не мешать ему уединиться со своим горем. Но можно было поклясться на Коране, что о том, что задумал Али покончить жизнь самоубийством, что вот-вот он кинется вниз со скалы, — об этом не могло быть и речи. Самоубийство у чеченцев случалось раз в сто-двести лет. К тому же на такой шаг мог пойти только трус или безвольный человек, не щадящий не только свое имя, но и честь семьи, рода, селения, в котором он жил. Ведь столетиями нельзя смыть этот позор...

Али поднимался по крутому склону горы. С каждым шагом перед ним вставали черные дни ушедших суровых лет. Детство. Рассказы стариков. Огненные годы. Сабли, штыки,

молниями сверкающие под лучами солнца. Горящие аулы, стянутое черным дымом небо. Крики, вопли женщин и детей. Вой собак, рев скота. Новые и новые сотни, тысячи могильных холмов. Лес надмогильных шестов. Трупы, кровь, крошечными ручьями. Голод, болезни. Жестокость царских властей. Пять тысяч семейств, которые переселились в Турцию, надеясь найти здесь хотя бы немножко мира, хотя бы естественную смерть. Этот турецкий ад...

Перед ним снова и снова проходили картины ужасов той жизни, в которой он продолжал жить. Вспомнились родные, друзья, ровесники, боевые товарищи. Истребленные войной женщины и дети. Словно призраки. И они же упрекали его в минутной слабости.

«Почему думаешь, что ты останешься одиноким после смерти брата? — словно кто-то спрашивал Али откуда-то издали. — Кто в этом мире одинок? Мужественный, благородный, честный человек не бывает одиноким. Все подобные ему люди — его братья и сестры. А одинок трусливый, вероломный, бесчестный человек, даже если он брат семи братьев. Понял ты, Али, вернись!»

«У тебя не хватило мужества отомстить за нас, — слышался ему плач женщин и детей. — Поэтому ты идешь на самоубийство. Легко умереть, прыгнув со скалы. А мстить врагам. пройти до конца по пути борьбы требуется мужество. Трус! Трус!»

«Посмотри на нас, как мы приняли смерть! — показывали ему свои изуродованные ранами тела давно погибшие его боевые товарищи и седые воины. — Или забыл, как мы погибали?»

«Нет, это не мой сын, — где-то в облаках показался, затем, отмахиваясь руками, скрылся призрак его отца. — От моей крови не может родиться трусливый, жалкий сын...»

«Али, мой маленький Али, куда ты идешь? — преграждал ему путь призрак матери. — Разве не видишь ты своих сестер, преждевременно унесшие эти страшные годы? Не видишь меня, убитую боязнью за ваши жизни. Если ты исполнишь задуманное, я прокляну свою грудь, которой вскормила тебя. Вернись, Али, вернись назад!»

«Когда меня привезли домой мертвым, мне не было и двадцати лет. Тебе же тридцать четыре. Ты испугался, бежишь к смерти? Нет, Али, ты не брат мне...» — сказал на миг показавшийся окровавленный Леми.

«Ты не пережил даже тысячную долю пережитого мной! — воспротивился ему Али. — Ты воевал только четыре года, а я шестнадцать лет. Ты умер от второй раны, а на моем теле их девять. Ты погиб вслед за отцом, а я пережил горечь смерти всех вас. Я же ведь всего лишь человек, нет у меня сил дальше терпеть, я с ума схожу...»

«Стой, куда ты идешь? — услышал он властный голос Арзу. — Как быстро ты забыл мое завещание! Как быстро ты сдался. Если я сказал тебе: «Свобода или смерть», это не значит, что если у тебя не хватило сил и мужества бороться за свободу, так ты должен умереть, сбросившись со скалы. А значит, что ты должен умереть как мужчина, с оружием в руках, в борьбе за свободу. Слышишь, Али? Свобода или смерть! Разве я не говорил тебе, что нет тебе моего братского позволения встать передо мной, не отомстив тем, кто повинен в наших страданиях? А ты... спешишь за мной, даже не предав меня земле...»

Али вдруг очнулся от этого безумного забытья, посмотрел вниз, где на небольшом холме жители копали могилы. Рядами лежали на осенней холодной земле трупы убитых мужчин, женщин, стариков и детей. Возле них хлопотали в разноцветных одеждах турки, армяне, курды, грузины. Последние скромные почести. Дань уважения мертвым от совершенно чужих людей. Ни один Али был убит горем в этот день, как говорил Арзу: ни он первый, ни он последний. Теперь он сам ужаснулся от своих мыслей. Сделай он еще несколько шагов — и от него не осталось бы ничего. Он, Али, который тысячу раз видел светопредставления, чуть было не сбросился со скалы! Да что же он придумал? Неужели забыл, что у человека-самоубийцы нет имени...

— Арзу! Я возвращаюсь! — крикнул он, сбегаая вниз. — Свобода или смерть.

Али спустился вниз. У подножия скалы наткнулся на труп женщины. Она лежала скорчившись, придерживая мертвой рукой окровавленную грудь. Над ней роем кружились большие зеленые мухи. Али почудился сзади чей-то тонкий вскрик. Он оглянулся. К нему, протянув тонкие ручонки, спотыкаясь, бежала маленькая худенькая девочка. Она кинулась к Али, обхватив его ноги. Али погладил грязные, взлохмаченные волосы девочки, затем подошел к мертвой женщине и закрыл старой шалью ее лицо с застывшими в ужасе глазами.

— Нет, мне умирать еще нельзя. Рано! — прошептал он. —
Надо жить, и жить долго, чтобы сполна отомстить всем тем,
кто сделал нас бездомными изгнанниками, нищими и сиротами.
Тем, кто в чужой стране лишил эту беспомощную девочку
ее матери.

«Свобода или смерть!»

Али поднял охваченного ужасом ребенка на руки и твердым шагом направился к своим...

* * *

А тем временем по ту сторону границы Великий князь Михаил Николаевич писал очередное донесение своему царственному брату Александру II:

«...В настоящее время все эти переселенцы уже проследовали обратно через Саганлуг, за исключением 180 семейств самых бедных и больных, не имеющих возможности продолжать движение до наступления теплого времени и поэтому оставленных на зиму с согласия нашего комиссара в Карском и Ольытынском пашалыках. Одновременно с посылкой войск для возвращения переселенцев от нашей границы турецкие власти, вследствие упомянутых грабежей и своеволия переселенцев, решились приступить к обезоружению их...

...Одновременно с известиями о событиях в Муше и близ нашей границы помощником моим было получено письмо по этому же предмету от генерал-адъютанта Игнатьева, из которого видно, что Порты крайне обеспокоена этими событиями, что к Мушу и Эрзеруму отовсюду стянуты войска, даже из столицы, и что для устранения вредного влияния Кундухова на переселенцев он уже вызван в Константинополь, оттуда получит дальнейшее назначение. И, наконец, что по случаю такого неудачного исхода последнего переселения Порты не считает возможным согласиться на новое переселение в Турцию в будущем году массами чеченцев или каких-либо других кавказских горцев...

Главнокомандующий Кавказской армии
генерал-фельдцейхмейстер Михаил».

* * *

И Тарам написал своим землякам в Чечню о трагедии, разыгравшейся по ту сторону границы:

«...Мы возвращались из Муша по причине близости зимы и потому, что в Муше умерла уже одна треть наших людей. Мы направлялись к пределам владений царя Московского. Тут турецкие войска вышли нам навстречу, и погибло приблизительно по тридцать человек с обеих сторон. Когда же навстречу вышел Аскер-паша, то он и обезоружил нас у Муша и Гасан-Кале под предлогом, что нас будто бы боялся жители. Если бы от нас требовали оружие там, где религия позволяла бы нам сражаться, то мы бы его не отдали до тех пор, пока не погибли бы все. Теперь же мы расселялись по самым разным местам. Это — Диарбекир, Чабакчур, Муш, Гасан-Кала, Арзурум...»

* * *

Шесть лет спустя, возвратившись на родину, Маккал рассказывал своим товарищам:

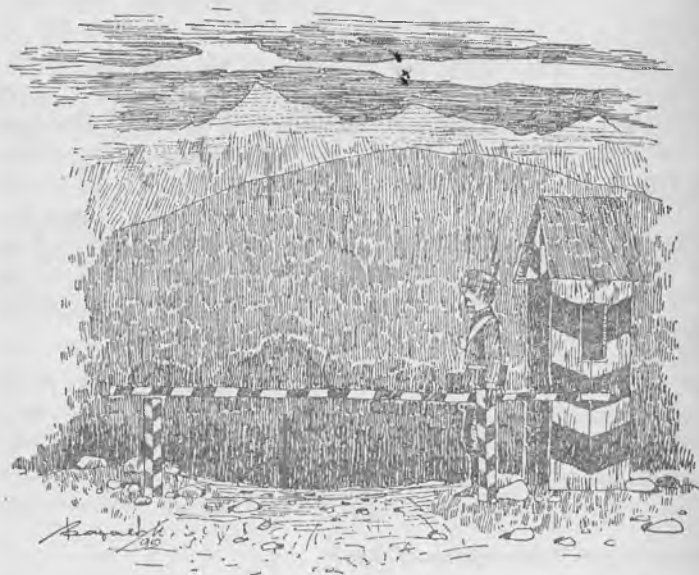
— Вскоре после нашего прибытия в Турцию весь скот погиб от недостатка кормов, имущество распродали, чтобы дети не умерли с голода. На протяжении первых четырех лет турецкое правительство еще давало нам муку, иногда рис, но в крайне недостаточных количествах, а в последующие годы они лишили нас и этого. Голод, эпидемии, непривычный нам климат косили людей, как траву... Из чеченцев, по распоряжению турецкого правительства, сформировали в Диарберкире конный полк в тысячу человек. Полковым командиром был назначен Шамхал-бек Цугов, племянник Алихана Цугова, бывшего орстхоевского старшины. При подавлении вспыхнувшего в то время в Аравии возмущения участвовал и Диарбекирский чеченский полк...

...Наконец-то и Османской Порте все же удалось хоть в какой-то мере осуществить свои честолюбивые мечты!..

Конец первой книги.

*Мескеты — Москва — Мескеты
1962 — 1970*

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Предисловие</i>	5

Часть первая. ВЫЖЕННАЯ ЗЕМЛЯ

Глава I. Во Владикавказе (вместо пролога)	13
Глава II. Нежданная помощь	32
Глава III. Мирная весна	52
Глава IV. Новые хозяева аула	64
Глава V. Йса — сын Мици	75
Глава VI. Судьба солдата	90
Глава VII. Смерть Исы	114
Глава VIII. Друзья	127
Глава IX. Тайная встреча	150
Глава X. Сделка	170

Часть вторая. НАЧАЛО КОНЦА

Глава I. В Тбилиси (вместо пролога)	199
Глава II. В Стамбуле и Лондоне	214
Глава III. Зима печали	239
Глава IV. Гости	249
Глава V. Судьбы	265
Глава VI. Решение	283
Глава VII. Сход	303
Глава VIII. Последняя ночь абреска Вары	322
Глава IX. После бала	332
Глава X. Сборы	348
Глава XI. Гати	359
Глава XII. На последнем Совете	368
Глава XIII. Капитан гусарского полка	382
Глава XIV. Братья	392
Глава XV. Мухаджиры	409